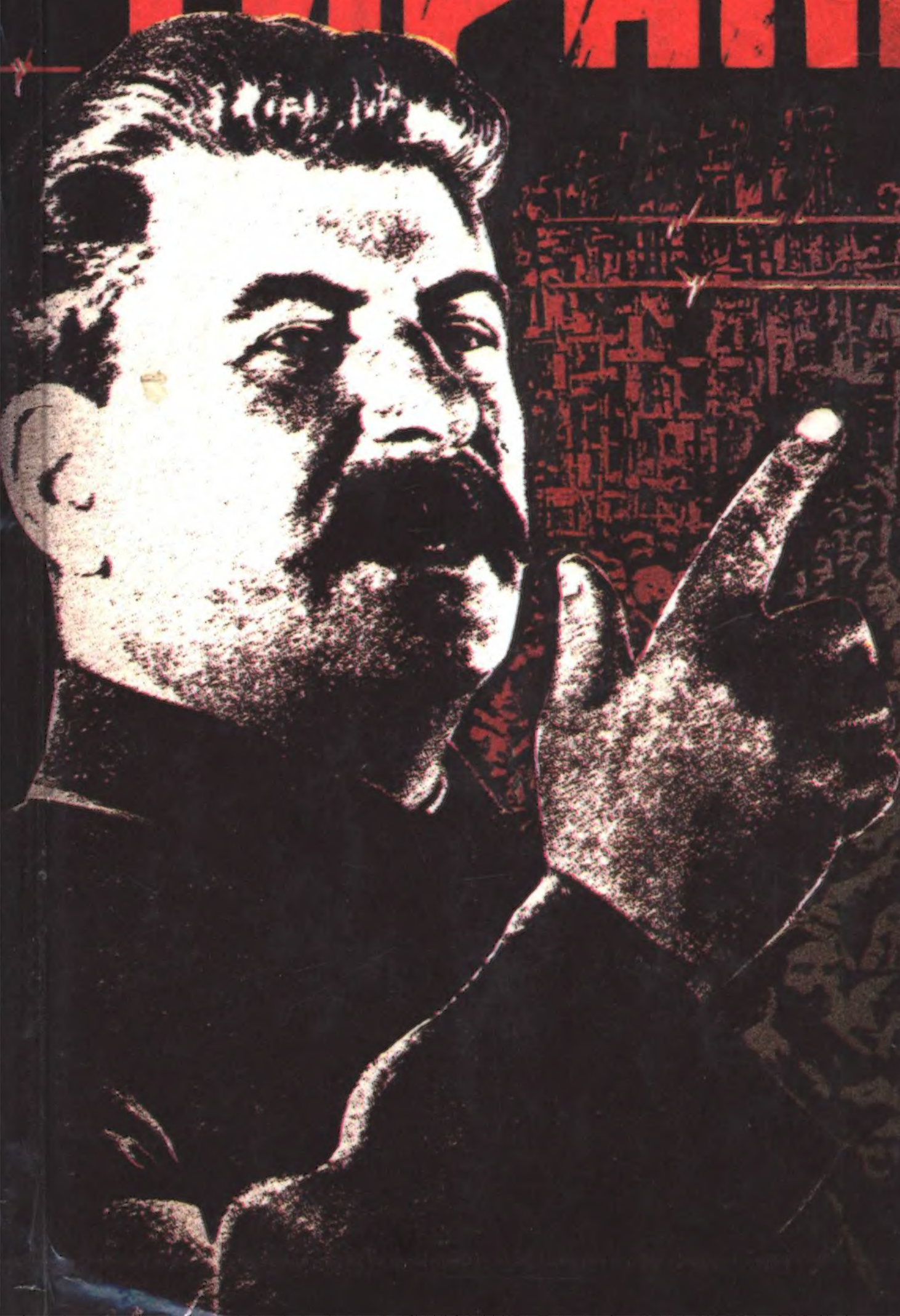

63.3(2). АНТОНОВ-ОВСЕНКО

A 72

ПОРТРЕТ ТИРАНА

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Копия...

20

12

X

17

29

V

А. АНТОНОВ-ОВСЕНКО

ПОРТРЕТ ТИРАНА

ГРЭГОРИ ПЭЙДЖ
МОСКВА
1994

98

Разработка оформления
Столбов Ю. П.
Феногенов В. И.

Художник
Феногенов В. И.

Редакционный совет
Буша И. И.
Макаров М. А.
Перфильев О. А.
Рипенко В. И.

ISBN 5-900493-22-9

© Издание «Грегори-Нэйдж», 1994
© Оформление Феногенов В. И., 1994
© Автор А. Антонов-Овсеенко

ОБ ЭТОЙ КНИГЕ И ЕЕ АВТОРЕ

С А. В. Антоновым-Овсеенко мы познакомились в 50-х годах, когда среди сотен других дел по реабилитации мне, историку-архивисту, пришлось заниматься и делом его отца — известнейшего революционера, одного из руководителей Октябрьского восстания в Петрограде.

Тогда же Антон Владимирович, под псевдонимом А. Ракитин, стал выступать и как профессиональный историк, сначала со статьями, а затем и книгами об отце, вышедшими в 1965, 1975 и 1989 годах. В те же годы он приступил к собиранию материалов о Сталине.

Сегодня, по выражению одного писателя, «даже осел может лягнуть мертвого льва». Но тогда книга А. В. Антонова-Овсеенко «Портрет тирана» (Нью-Йорк, 1980), переведенная на несколько европейских языков, была одной из первых работ, разоблачавших преступления Сталина.

Конечно, многие документы, ныне введенные в оборот, были в те годы недоступны автору. Он использует их в этом издании. Но каждая эпоха рождает и свой специфический тип источников. Для сталинских времен, например, помимо официальной документации, прессы и мемуаров был характерен и целый пласт изустных рассказов и преданий, ходивших в узком кругу оставшихся в живых старых большевиков.

В этом кругу Антон Владимирович был своим человеком, ему доверяли, и в своей книге он щедро использует этот «канал информации». Возможно, в те счастливые дни, когда из закрытых архивов будут извлечены все документы, многое из того, о чем поведали «старики», будет уточнено или опровергнуто. Но и этот источник, использованный автором, будет представлять несомненную ценность как отражение эпохи в сознании ее современников.

Менее всего Антон Владимирович пытается встать в позу стороннего наблюдателя по отношению к «объекту» своего исследования. Он пережил гибель родителей, испытал на себе все тяготы сталинского режима, и его личное отношение к Сталину неизбежно придает книге характер памфлета с присущей этому жанру резкостью, эмоциональностью, полемической заостренностью и категоричностью оценок.

И еще — этот труд выполнен в одиночку полуслепым инвалидом, прошедшим долгие годы в тюрьмах и лагерях ГУЛАГа. Такое не каждому под силу. И даже если кто-то из читателей не разделит его взглядов и оценок, будем благодарны автору и за его работу, и за его мужество.

В. ЛОГИНОВ,
доктор исторических наук.

ОТ АВТОРА

О Сталине написано много книг, они могли бы составить библиотеку. Однако интерес к нему и его деяниям не ослабевает. Это понятно: люди хотят заглянуть на самое дно страшной пропасти, куда их пытались столкнуть.

Сталинщина — это целая эпоха (не о сталинизме следует говорить — о сталинщине). Эпоха гнусных, кровавых злодеяний. Сталинщина — политический бандитизм, обращенный в государственную политику. В плане этическом это явление, которое лежит по ту сторону человечности. Как отнестись к этому явлению — осудить его или замолчать? А может быть, принять? Здесь лежит водораздел между добром и злом.

Возвращение к нормам демократии, начало эпохи гласности пробудили нашу память и общественное сознание. Широкая гласность вовлекает миллионы граждан в процесс революционного обновления. Но, может быть, самым важным достижением гласности на сегодня является честный, нелицеприятный разговор о прошлом. В нем было слишком много трагичного, чтобы, раскрыв его, отсечь навсегда. Нет, им надо вновь переболеть, лишь тогда мы обретем полное здоровье для движения вперед.

Сталинщина, с ее агрессивным геноцидом и растлением личности, с ее теорией и практикой насилия, по своим последствиям оказалась губительнее мировых войн. Достигнув вершин социальной патологии, сталинщина дала опасные метастазы во всех частях света.

Наш век печально знаменит грандиозными ограблениями, убийствами президентов. «Преступление века!» — кричат всякий раз газеты и радио многих стран мира. Но эти преступления не идут ни в какое сравнение с преступлениями Сталина. Он сумел в исторически короткий срок отобрать у крестьян землю, у рабочих — заводы, у интеллигенции — право на самостоятельное творчество, лишил народы всяких свобод, даже свободы передвижения.

Это и есть ограбление века. При этом Сталин решал все проблемы — политические, экономические, а также проблему истребления миллионов людей — комплексно.

Политические комментаторы брежневских времен ссылались на ЮАР при упоминании о геноциде. По сталинским меркам, можно было бы и не говорить о таких мелочах...

Он правил огромной страной более четверти века и умудрился ни разу не вступить в диалог с подневольным народом. Он просто не допускал такой возможности. То был монолог непререкаемого Властелина. Монолог, который недостаточно было слушать: то, что он вещал, надо было неукоснительно исполнять.

С именем Сталина связана целая система, которая завела общество в тупик. «Какой социализм он построил?» — спрашиваем мы и горестно вздыхаем. А ведь никто так бесстыдно не рекламировал коммунистический рай, как Сталин. Никто не сделал столько для дискредитации коммунизма, как он. Сталин нанес мировому коммунистическому движению точно рассчитанный сокрушительный удар.

Сам Сталин, его политический портрет — тема непреходящая. Ибо, не познав его, не познав сути сталинщины, трудно представить трагедию советского народа. И его позор.

Еще и сейчас не перевелись идеологи, для которых Сталин остался Великим Вождем, победителем Гитлера и зодчим социализма.

«Человечество состоит из живых и мертвых», — заметил Огюст Конт. Но диктаторы философов не читают, они их «ликвидируют» или замалчивают. Ведь и мертвые бывают опаснее живых.

В XX веке с помощью различных препаратов человека можно искусственно лишить памяти. Правители наловчились прививать целым народам беспамятство другими средствами: ежедневной громовой пропагандой, фальсификацией истории, репрессиями. И вот уже общество отрекается от предков, от своего прошлого. На протяжении жизни одного поколения в общественной памяти происходят серьезные сдвиги: выпадают важные события, факты, имена, целые исторические пласты. Так было в годы правления Брежнева. Над новыми поколениями нависла угроза войти в жизнь со стойкой амнезией, искусственно привитой, искусно поддерживаемой.

Коре-где юные поколения вырастают без знания древней мифологии. Детей вскармливают на мифах новейшего времени, прославляющих могущество и непобедимость своего народа и божественное происхождение своего правителя. Так

зарождается великодержавный шовинизм, крайний национализм. И возрождается идолопоклонство.

Живо еще поколение жертв сталинщины и исполнителей велений Диктатора. Под очистительным воздействием правды всплывают имена доносчиков, погромщиков, палачей. Рассказ о безвинно погибших нельзя прерывать. Дети и внуки не вправе отворачиваться от правды. Они обязаны знать, кто виноват. Сегодня знать. Ибо судьба ушедших — и их собственная судьба.

Когда Хрущеву предложили провести широкое расследование преступлений сталинского аппарата, выявить виновных в гибели десятков миллионов соотечественников (хотя бы это!), он ответил: «Нет, этого делать мы не можем: повторится тридцать седьмой год. Ведь тогда все доносили на всех».

Итак, виновны все. Вину Сталина и его подручных разложили на весь народ — на живых и мертвых. Доля истины в этом есть, но лишь доля.

Кому же все-таки предъявить главный счет? На этот вопрос можно ответить, лишь глубоко исследовав ту неповторимую эпоху. Это не так просто сделать. Уничтожено многое: документы, воспоминания, фотографии, стихи... Уничтожены многие: революционеры и их убийцы, партизановники сталинского призыва. Среди тех, кому всемилостивейше дозволено было умереть в собственной постели (роскошь по тем временам поистине царская), были знающие свидетели. И соучастники. Но они молчали до последнего часа — и соратники Ленина, и подручные Сталина. Смертельный испуг свой они завещали детям и внукам.

Что всплыло, что всплывет?

Мы пытаемся обозреть сталинское наследство. Но оно принадлежит не только истории. Оно живет в поступках, привычках, мыслях. Незнание и молчание — тоже из сталинского наследства. Незаживающую рану молчанием не исцелить. Прошное необходимо изучить и публично осудить. Разоблачение Сталина — акт правосудия, и то, что правосудие ныне вершится, делает наши дни светлее, очищает ум и сердце.

Мне довелось встречаться со многими участниками событий прошлых лет и с жертвами террора. При недостатке документов приходилось порой опираться не только на свидетельства прямых участников. В пересказе терялись, искажались подробности, детали. Более двух десятилетий изучал я литературу — отечественную и зарубежную, периодическую печать, а также доступные мне документы. К сожалению, соз-

дать широкую документальную основу не удалось. Это может сделать мою книгу уязвимой, если рассматривать ее как строго научное исследование, но я считаю избранный мною жанр имеющим право на читательское внимание.

В образе Сталина я пытался показать преступника таким, каким он был, выявить уголовную сущность. Факты убеждают, что она именно такова. При всей его «многогранности» и «противоречивости». Преступления Сталина против партии и народа, против мира и человечности следует квалифицировать по высшему разряду — как государственные и даже международные. В полном соответствии с его высоким общественным положением (побуждавшим таких людей, как Черчилль, относиться к нему с пиететом).

Меня могут обвинить в очернительстве. Но разве Сталина, разве сталинщину можно очернить?

Может быть, книга перегружена мрачными сценами. Может быть, автору не удалось сдержать чувств человека, пережившего ужасы террора (такие упреки я слышал не раз). Но в этой книге нет вымысла. Я стремился к достоверности не только по долгу историка. Писать правду о Сталине — это долг перед всеми погибшими от его руки. Перед теми, кто пережил ночь. Перед теми, кто придет после нас.

Мой отец боролся против царизма, участвовал в Октябрьском вооруженном восстании, командовал фронтами гражданской войны. Он это делал совсем не для того, чтобы утвердить уголовника на кремлевском троне. Сталин убил Владимира Антонова-Овсеенко вместе с тысячами других революционеров. Моя мать покончила с собой в тюрьме. В тюрьме прошла моя молодость. Но поздно, обидно поздно осознал я подлинное место Сталина в истории. В нашей жизни. И, осознав, ощутил потребность сказать о нем свое слово.

Минуло 15 лет со времени выхода в свет нью-йоркского издания «Портрета тирана». Работа над рукописью в период, получивший название застойного, была связана с большим риском, на мою долю выпало немало черных дней и главное — автора лишили возможности внести поправки и дополнения в текст.

Помимо трех изданий в США — на русском и английском — книга вышла на немецком, испанском, сербо-хорватском и, наконец, в 1990 году в Москве под названием «Сталин без маски».

Текст нового издания пришлось сократить, в основном за счет первой части. Снят также перечень использованной

литературы и источников, не нашлось места для иллюстраций.

В настоящее время стали доступны некоторые секретные архивы. В связи с этим внесены определенные коррективы и сделан ряд дополнений.

Мое сочинение относят к жанру памфлета, и это оставляет простор для критики. Я лично воспринимаю любое критическое замечание, даже ругательное, с приязнью: ведь и оно помогает читателю составить о книге свое собственное мнение.

КАК ЭТО ЕМУ УДАЛОСЬ?

ПРОБА ПЕРВАЯ

31 марта 1918 года лидер меньшевиков Л. Мартов выступил в своей газете «Вперед!» с задиристой статьей против большевиков «Еще об артиллерийской подготовке». Там была одна примечательная фраза, с которой все и началось: «Что кавказские большевики искони примазывались к всякого рода удамым предприятиям экспроприаторского рода, хорошо известно хотя бы тому же г. Сталину, который в свое время был исключен из партийной организации за прикосновенность к экспроприациям».

Обвинение серьезное. Решение IV съезда РСДРП (принятое по настоянию меньшевиков) обязывало «бороться против выступления отдельных лиц или групп с целью захвата денег под именем или с девизом с.-д. партии». Съезд отверг такого рода экспроприации для целей революции.

Как же поступил Сталин? Может быть, ему следовало просто промолчать? Каждый день революционной ломки приносил столько нового, что наскок Мартова в этой круговерти вскоре забылся бы. Нет, член ЦК и народный комиссар по делам национальностей отреагировал сразу: привлек Мартова к суду революционного трибунала по делам печати. Без формальностей, в обход народного суда, хотя именно он, согласно Декрету СНК и ВЦИК о суде № 2 от 15 февраля 1918 года, должен был рассматривать подобного рода дело. Сталин договорился непосредственно с председателем трибунала по делам печати.

Лидер меньшевиков пытался протестовать. Протест отклонили. Тогда Мартов подал ходатайство о вызове свидетелей, назвав их поименно.

Исидор Рамишвили, социал-демократ, известный общественный деятель. Будучи председателем ревсуда, установил факт участия Сталина в экспроприации кассы парохода «Николай I» в 1908 году.

Исидор Гуковский, большевик, наркомфин. Расследовал в том же году дело о покушении на жизнь рабочего Жаринова, изобличавшего Сталина в причастности к экспроприации.

Степан Шаумян, один из руководителей Закавказского комитета большевистской партии.

Ной Жордания, глава правительства Грузии, один из лидеров меньшевиков Закавказья.

Эти люди давно знали Джугашвили-Кобу-Сталина. Не только как экспроприатора, нарушителя партийного решения. Мартов назвал и других свидетелей: К. Е. Ворошилова, К. Н. Самойлову, С. О. Ежова, В. К. Мирову, Панишева, Фролова, С. В. Джигладзе.

Фамилии свидетелей 6 апреля появились в газетах «Вперед», «Известия», «Правда». Никакими документами о преступной деятельности Сталина в 1908 году Мартов не располагал. Решение подпольного областного комитета Закавказья об исключении Сталина из партии не сохранилось: в те годы старались обходиться без записей.

Следующий ход — за Сталиным. Дело приняло явно скандальный характер. Надо было спасти положение. У Мартова — свидетели. У Сталина — государственный аппарат. Кто сильнее?

На заседании трибунала по делам печати Сталин называет Мартова гнусным клеветником. Чтобы его обезвредить, говорит наркомнац, нужно Мартова судить. Дело надо заслушать немедленно, не оттягивая его до вызова свидетелей.

Смысл игры не так примитивен, как может показаться на первый взгляд. Сталин боится свидетелей — это ясно, но куда более важно энергичное словечко «немедленно». В нем слышится у к а з а н и е государственному аппарату учинить расправу над Мартовым. Но как это сделать, под каким предлогом? Исходная позиция такова — Мартов клеветает вовсе не на него, Сталина, лично — не этим возмущен наркомнац, нет, не этим. Мартов клеветает на партию! Вот что возмутило Сталина, вот почему он предлагает судить Мартова. Лидер меньшевиков заявил об исключении из партии одного Сталина, а нарком Сталин в «Правде» приписал Мартову слова об исключении всего Бакинского комитета.

С 31 марта прошло всего несколько дней. Каждый мог взять газету «Вперед» и уличить Сталина, мягко говоря, в передергивании. Почему же он пошел на столь явное искажение опубликованных фактов? Сталин рассчитывал — и не без оснований — на поддержку правительства. А взамен правительство ожидало получить хотя бы видимость опровержения «клеветы».

На заседании трибунала обвинителем от имени «потерпевшего» выступил Сосновский. Мартова защищали Александр-

ров и Лапинский. Спорили ожесточенно, прения сторон затянулись. Сталин вновь потребовал осудить «клеветника» и ни в коем случае не вызывать свидетелей. Но Мартов не зря слыл блестящим полемистом. Он напомнил трибуналу случай с провокатором Малиновским. Еще в 1914 году в Швейцарии Мартов публично высказал недоверие Малиновскому как возможному агенту царской охраны. Мартова привлекли к партийному суду, ведь убедительных доказательств у него не было. И большевики обвинили его в клевете. Прошло несколько лет, и член ЦК большевистской партии Малиновский был разоблачен как провокатор.

В восемнадцатом году Мартов был далек от подобной параллели, он многого не знал. Но ему важно было убедить суд. В заключение он сказал: «Если нельзя будет допросить свидетелей — это мое несчастье, но если они не будут допрошены потому, что этого не хочет Сталин, — то это его несчастье». И суд не устоял: слушание дела было отложено на неделю для вызова свидетелей.

Победа Мартова? Казалось бы! Но происходит непредвиденное: ревтрибунал по делам печати ликвидируется.

И еще один промежуточный, но важный ход: газета «Известия» помещает 10 апреля статью М. Кахиани «Бороться с противником надо честно!». (Заметим в скобках: историки все еще робко и невнятно говорят о Сталине-шутнике. Только поняв и по достоинству оценив эту важную сторону его характера, его личности, можно говорить о Сталине сколько-нибудь серьезно. Кому еще пришло бы в голову сразу же после пожарного роспуска трибунала по печати поместить в центральной газете статью под таким многообещающим названием?..)

Затем последовала вторая серия подобных же ходов. Пусть комментаторы-историки назовут их потом некорректными. Сталину важен конечный результат. В выборе средств он никогда не стеснялся.

Вызов свидетелей был аннулирован. Мартова пригласили в ревтрибунал города Москвы — на допрос к следователю по жалобе Сталина. У Мартова еще оставалась его газета. Он выступил с протестом: «Революционный трибунал предназначен, как гласит декрет, изданный большевиками, судить преступления против народа. Каким образом обида, нанесенная Сталину, может считаться преступлением против народа? Только в том случае, если считать, что Сталин и есть народ».

К новому спектаклю Сталин тщательно подготовил свою роль — жертвы партийной борьбы. «Мало ли экспроприато-

ров на белом свете, и Мартову до них нет дела, клевета имела определенную цель — очернить перед выборами меня как члена ЦИК, как большевика, сказать выборщикам: «Смотрите, вот они какие, ваши большевики». Это было напечатано в «Правде» 17 апреля 1918 года, на другой день после заседания ревтрибунала Москвы.

И еще одна публикация. «Известия Смоленского Совета» накануне заседания трибунала сообщили: Мартова наказали за клевету семидневным арестом. Коба был неистощим на выдумки такого рода.

На заседании 16 апреля Мартов потребовал передать дело в Московский народный суд. Члены трибунала совещались более трех часов. Они не осмелились преступить процессуальные нормы и решили жалобу гражданина Сталина, внесенную в порядке частного обвинения, отклонить, поскольку дело Мартова ревтрибуналу неподсудно. Сталину не удалось навязать этому судебному органу свою волю.

К сожалению, Мартов был слишком импульсивен. В упомянутой в самом начале статье «Еще об артиллерийской подготовке» он с излишней горячностью набросился на правительство. Ревтрибунал осудил Мартова за подрыв авторитета правительства и вынес ему общественное порицание.

Но такой выигрыш Сталина не устраивал. Мартов должен быть уничтожен!

Во главе ревтрибунала весной восемнадцатого года стоял Николай Крыленко. Твердый большевик, активный участник революции, он к меньшевикам относился нетерпимо. На этом и сыграл Сталин. Под его сильным давлением Крыленко заявил на заседании ЦИК 25 апреля, что решение ревтрибунала по делу Мартова — Сталина является ошибкой и что на это решение следует подать кассационную жалобу.

Мартов ничего возразить не мог: его лишили слова и... удалили из зала. Через два дня отняли последнее средство защиты — закрыли газету «Вперед».

Казалось, Сталин сделал все возможное и невозможное тоже, а победы, той единственной победы, когда ты видишь противника раздавленным, не было. Обвинения Мартова он не опроверг, пятно с биографии не смыл. Скомпрометированный, он отбыл из Москвы. В официальных биографиях Вождя этот период весны 1918 года затушеван.

В апреле Сталин выезжает в Курск на переговоры с Украинской Радой. Летом работает (а это значит, в меру сил мешает работать другим) в Царицыне. Сюда он приехал из Москвы в не такой уж важной для наркома и члена ЦК роли

уполномоченного по заготовке и вывозу хлеба с Северного Кавказа. Соответствующее постановление по линии СНК Ленин подписал 31 мая. Как объяснить это и ряд других не самых ответственных поручений? Поскольку до конца обстоятельства участия Кобы в давних преступных акциях (экспроприациях) оставались невыясненными, решено было, по-видимому, выпроводить склочного наркома с весьма подозрительным прошлым на какое-то время из столицы.

Необозримыми бедами обернется для народа и самой партии близорукая недооценка нравственных параметров личности Сталина. Это даст себя знать в горестном будущем, на протяжении всей дальнейшей истории Советского государства, включая период так называемого застоя, который конечно же начался не при Брежнев.

Но вернемся к событиям 1918 года. Когда в ноябре был создан Украинский совет Особой группы войск курского направления во главе с Антоновым-Овсеенко, Сталин оказался членом реввоенсовета. Потом его послали вместе с Дзержинским на северный участок Восточного фронта расследовать причины падения Перми. Еще одно поручение Ленина третьестепенной важности.

Нескоро Сталин оправится от мартовского позора.

В 1920 году Н. Жордания опубликует в парижской газете статью, в которой расскажет об исключении Сталина из большевистской партии за подозрительные связи с уголовниками и самовольные экспроприации. Но желающих прислушаться к голосу политического эмигранта в ЦК не нашлось.

С Мартовым Ленина связывала совместная партийная работа еще в конце прошлого века. Вместе создавали они петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». Ленин как-то сказал Максиму Горькому: «Жаль — Мартова нет с нами, очень жаль! Какой это удивительный товарищ, какой чистый человек... Какая умница!» Почему же Ленин допустил ликвидацию трибунала по делам печати и закрытие газеты «Вперед»?

Ленин, неистовый критик буржуазного строя, нетерпим к подрыву своего авторитета. Жесткая цензура печатного слова была установлена с первых же дней Советской власти. Спустя два года после незавершенного процесса Мартов — Сталин лидер партии эсеров А. Р. Гоц, находясь в ссылке, договорился о публикации статьи «Из недавнего прошлого». При этом ГПУ поставило перед автором условие: статья не должна содержать критики Советской власти.

Мартов не принял Октябрь. Известный меньшевик Суханов присутствовал на II съезде Советов. «А я не верил в победу, не верил в успех, в «правоту» или историческую миссию большевистского режима. Сидя в задних рядах, я с тяжелым сердцем наблюдал за ликующим залом. Как бы я хотел присоединиться к ним, слиться с массами и их вождями в этом ликовании! Но я не мог...» И все же служил потом в советских органах до самого ареста в 1930 году. Мартов был иным. В 1920 году под угрозой ареста он покинул родину. Вдова Д. Б. Рязанова вспоминала, как Ленин участливо расспрашивал ее о жизни Мартова в эмиграции: «Не надо ли чем помочь? Здоров ли?» Незадолго до того как у него пропала речь, Ленин сказал жене: «Вот, говорят, и Мартов тоже умирает...» Крупской запомнилась интонация: «И что-то мягкое звучало в его словах».

У преемника Ленина таких противоречий в отношении к людям не было. Его отличала железная последовательность. Со временем Сталин уничтожит почти всех свидетелей его бакинских преступлений, а потом и неразумных своих защитников восемнадцатого года: Сосновского, Кахиани, Крыленко. Вот только Мартов слишком рано умер. Экая несправедливость!

Из «дела» Мартова Сталин извлек немало полезного. Он нащупал удобные ходы в партийном и государственном аппарате, понял характерную особенность партийно-административной системы нового общества. Оказывается, ради вышших интересов она может с легкостью закрывать глаза на неблагоприятные, порой вредоносные поступки своих функционеров в центре и на местах.

Сталин испробовал свои силы по части организации общественного мнения, манипулируя органами печати и методами давления на государственные учреждения. Конечно, без накладок не обошлось: то была первая проба*.

ПРОБА ВТОРАЯ

По прибытии в Царицын Сталин, воспользовавшись отсутствием генерала А. Е. Снесарева, назначенного Лениным 8 мая восемнадцатого года руководителем Северо-Кавказского окружного комиссариата по военным делам, сразу же начал вмешиваться в дела командования. Снесарев закон-

* В этом сюжете использованы материалы исследования, выполненного историком Л. П. Петровским.

чил в свое время Академию генерального штаба, участвовал в первой мировой войне и добровольно вступил в Красную Армию. Он прибыл в Царицын в середине июня.

Партизанщина, отсутствие единого командования, разобщенность отрядов, неразбериха в снабжении — вот что застал он в городе на Волге. Бывший генерал-лейтенант энергично взялся за дело, организовал оборону, приступил к созданию регулярной армии. Уже через месяц он сумел остановить наступление врага.

Сталин с первых дней пытается подмять Снесарева. Заняв кабинет командующего, он велел ему принести оперативную карту. Снесарев вышел, вернулся с картой и, развернув ее на столе, заметил: «Надеюсь, больше вам никогда не придет в голову мысль, что вы имеете дело с мальчиком на побегушках. Ранее я командовал 9-м армейским корпусом, ныне правительство доверило мне округ».

Сталин был наркомом, членом ЦК, но не сознание высокого положения в партии и государстве руководило им, а стремление ощутить себя Хозяином и дать почувствовать это другим.

...Лагерь на заполярной Печоре. Дальняя женская колонна, огороженная колючей проволокой. Старшая блатная, сидя на верхних нарах, властно-небрежным тоном просит другую воровайку подать воды. Пить ей не хочется, и, когда ей поднесли воду, она едва отхлебнула из кружки. Блатная показала всем заключенным и зашедшему в барак десятнику, что тут хозяйка она.

«Очистив железной рукой город от белогвардейских заговорщиков... беспощадно ломая сопротивление контрреволюционных специалистов, присланных и поддерживаемых Троцким, Сталин быстрыми и решительными мерами реорганизовал разрозненные отряды». Так говорится в «Краткой биографии» Сталина.

Ну а в действительности? Сталин ломает все созданное с таким трудом Снесаревым, ломает и его самого. «Военрук Снесарев, по-моему, очень умело саботирует дело: он не хочет вести войну с контрреволюцией», — телеграфирует он Ленину и требует убрать саботажника. Уполномоченный по продовольствию обвиняет командующего Снесарева в оборончестве, а разработанный им план обороны города объявляет вредительским.

За словом следует дело. В середине июля Сталин арестовывает штаб военного округа, загоняет командиров на баржу, уничтожает «предателей». Затем арестовывает самого Снесарева, узурпирует права командующего и приказывает начинать наступление к югу от Царицына. Но военная тактика чем-то отличается от баржевой расправы. Это выяснилось к 4 августа, через три дня после начала «наступления» на фронте. Взаимодействие частей и участков нарушилось, связь прервалась, возникла угроза окружения города.

Ну а как по части продовольствия, за которым, собственно, Сталина сюда послали? Эту проблему опытный экспроприатор решил привычными методами. Взяв под свое начало Волжское пароходство, Сталин захватил все суда с грузом рыбы — два миллиона пудов. В короткое время он сосредоточил на складах огромное количество продовольствия, но с отправкой его на север не спешил.

Из Москвы в Царицын была послана специальная комиссия во главе с членом РВС Южного фронта А. И. Окуловым. Председатель комиссии первым делом освободил Снесарева. Большевика Окулова расстреляют. В Царицыне он собрал любопытные данные, которые доложит делегатам VII съезда партии на закрытом заседании. Выяснится, что Сталин кормил в Царицыне сверх всякой меры 150 тысяч «своих» едоков за счет голодающей России. Лишь одна дивизия численностью 6400 человек получала 20 тысяч пайков.

...Среди отбывающих срок уголовников считается доблестью, если удастся получить лишнюю миску баланды или паек хлеба («пайку»). В лагере это называется «закосить».

Расправу над царицынскими обидчиками Сталин отложит до лучших времен. В одном сугубо секретном архиве сохранилась записка Диктатора, адресованная Ворошилову: «Клим, считаю, что Снесареву можно заменить высшую меру наказания десятью годами заключения». Окулова Сталин казнит в тридцать седьмом.

Летом восемнадцатого года заколебалась власть большевиков в Баку. Городу угрожала турецкая интервенция, а меньшевистское руководство проявило нетерпимость к большевикам. Глава Бакинского Совнаркома, Степан Шаумян шлет в Москву тревожные письма, просит о помощи. Отрезанные от центра бакинские большевики связывались с Москвой через Астрахань или кружным путем, через Кушку —

Ташкент. Рабочий Баку — цитадель большевизма в Закавказье. Баку — это нефть, на которую зарятся турки, англичане, немцы. Германское правительство обещает приостановить турецкое наступление, если Советы поделятся нефтью.

Напряженно следит за развитием событий Ленин. 29 июня он шлет привет «дорогому товарищу Шаумяну», извещает о прибытии в Царицын Сталина и просит пересылать письма в Москву через него. В июле, когда политический кризис в Баку достиг апогея, Ленин требует от Сталина непрерывной связи с Шаумяном. Если бы Ленин знал о бакинском прошлом Кобы... *это и был главным просителем*

Глава Бакинского Совета просит помощи. Ленин в затруднении. Наконец РВСР дает распоряжение Южному фронту срочно отправить в Баку подмогу. Узнав об этом, Шаумян сказал близким товарищам: «Вот увидите, Сталин это распоряжение не выполнит. Он мне никогда не поможет, даже если у него все будет в избытке». Шаумян знал Кобу по совместной подпольной работе в Баку и Тифлисе. Но будем снисходительны: мог ли Сталин оторвать от своего участка людей и оружие, если он обладал не таким уж и большим превосходством перед армией генерала Краснова? То же и с продовольствием. Имея его в избытке, он хотел, может быть, создать многолетний запас. Вероятно, с этой целью Сталин конфисковал для своей группы большой транспорт хлеба, отправленный с Северного Кавказа в голодающий Баку.

Однако откровенно саботировать указание Ленина Сталин не решился. Он послал в Баку малочисленный отряд. «Помощь» подоспела к началу августа, когда Советская власть в Баку уже пала. По приглашению нового правительства, диктатуры Центрокаспия, в Баку прибыл отряд британских войск. Шаумян с товарищами сидел в тюрьме. В середине сентября в город вошли турецкие войска, но большевиков из тюрьмы успели освободить и отправить морем в Астрахань. Однако судовая команда привела пароход в Красноводск, где английская администрация распорядилась передать комиссаров эсеро-меньшевистским властям.

Вместе с Лениным о гибели двадцати шести бакинских комиссаров будет скорбеть член РВС Южного фронта Иосиф Сталин. Этот реввоенсовет был образован 17 сентября. В его состав вошли. И. В. Сталин, С. К. Минин (с сентября председатель Царицынского Совета), помощник командующего К. Е. Ворошилов и сам командующий фронтом П. П. Сытин. Однако командовать ему Сталин не дал. Еще в июле, провозгласив себя председателем РВС Северо-Кавказского округа,

он самовольно, во вред делу, обосновался со своим штабом в Царицыне. Сталин распоряжается войсками, снаряжением, оружием, военными кадрами. И интригует, интригует — на юге и в Москве, на высшем партийном уровне. Уже через десять дней после образования нового фронта он пишет в РВС республики докладную: а) Сытин «странным образом» не интересуется положением фронта в целом; б) Мы без него решили подготовить широкое наступление против белых; в) Под это обещание немедленно высылайте винтовки, орудия, боеприпасы, обмундирование — чем больше, тем лучше! г) В противном случае... «мы вынуждены будем прекратить военные действия».

Не оставим без внимания слог сталинской докладной. Оказывается, история призвала его к «ликвидации донской Вандеи»... Выполняя эту историческую миссию, Сталин «живой силы» не жалел. Он распорядился бросить в бой дивизию, на скорую руку сформированную из необученных новобранцев. Дивизия была захвачена противником целиком. Когда же Б. М. Думенко удалось отбить красноармейцев, Сталин приказал казнить «изменников».

Два десятилетия спустя, во время финской кампании, по приказу Вождя целые дивизии «изменников» будут отправлены в лагеря для истребления. На фронтах Великой Отечественной Верховный Главнокомандующий узаконит эту практику...

Чтобы добиться единства командования и обуздать, наконец, южного диктатора, центр направил в Царицын члена РВСР К. А. Мехоношина и ввел в состав РВС фронта П. Е. Лазимира. В дни Октябрьского вооруженного восстания он возглавлял Петроградский военно-революционный комитет.

Сталин получил предписание РВСР о безусловном подчинении центру. Не подействовало. Так же как и протесты честного, отважного командира Николая Руднева. Опираясь на Ворошилова, Сталин организует травлю Сытина и его штаба. «Я смею своей рукой армейских командиров и комиссаров, — обещает он Ленину. — У нас рука не дрогнет».

Новая склока встревожила центр. Свердлов телеграфно напомнил Сталину о том, что подчинение Реввоенсовету республики обязательно для всех, включая членов ЦК.

Обсуждая еще в начале октября вопрос о безусловном исполнении партийными работниками решений центральных органов, ЦК имел в виду прежде всего Сталина, который довел Южный фронт до катастрофы. Откровенно враждебное

отношение к военспецам, беспричинные репрессии, палочная дисциплина и мордобой в дивизиях, партизанщина на фронте и самоуправство в тылу, интриги против командующего и РВСР — все это привело к огромным потерям.

Шестьдесят тысяч бойцов своими жизнями оплатили сталинский авантюризм. А сколько офицеров, добровольно поступивших в Красную Армию, вынуждены были, спасаясь от сталинского произвола, бежать в другой лагерь! Имея в Царицыне столь полезного человека, белая армия развила успешное наступление, окружила город с трех сторон, подошла к его стенам. Броневики, бронепоезда сутками не выходили из боя. Начальник артиллерии 10-й армии Кулик расставил на окраине и по улицам города около 300 орудий, но снаряды кончились. Решающий бой завязался ранним утром 16 октября. На балконе здания штаба 10-й армии — К. Е. Ворошилов, С. К. Минин, Г. И. Кулик, Е. А. Щаденко, А. И. Селявкин. Лишь Сталин, как вспоминал Селявкин, отсутствует.

Где же он был в день последнего боя? В своем поезде, под надежной охраной. Под этой же охраной, усиленной бронепоездом, снятым с позиций, Сталин однажды посетил расположение войск. Так был обставлен этот единственный исторический визит на фронт. Он предпочитал отсиживаться на левом берегу Волги, появляясь лишь на заседаниях РВС. Последнюю неделю Сталин вовсе не показывался: началась эвакуация города, победными лаврами не пахло...

Казалось, белоказаки вот-вот ворвутся в Царицын. Вдруг в тылу и на флангах появились отряды всадников в черных бурках. Словно тучи налетели. Грозно вспыхнули на солнце тысячи пик и сабель. Сейчас тучи накроют красную конницу и все будет кончено. А всадники в бурках врубались в казачьи части. Оставляя сотни убитых, белые откатились от стен Царицына.

Командованию 10-й армии было известно, что на помощь с Северного Кавказа идет Стальная дивизия Дмитрия Жлобы, но связь отсутствовала, подмоги сегодня никто не ждал. А Жлоба успел. Окружение Царицына было прорвано, противник отброшен на 120 километров, за Дон.

24 октября Сталин на правах вождя революционного юга России приветствовал героев телеграммой: «Передайте Морозовскому, Тихорецкому и другим полкам, командиру Лобачеву, командиру дивизии Жлобе, окружившим противника и разбившим его наголову, мой горячий коммунистический привет. Скажите им, что Советская Россия никогда не

забудет их геройских подвигов и вознаградит их по заслугам».

Не пройдет и двадцати лет, как Сталин их всех вознаградит. Никого не забудет.

Теперь посмотрим, как эти события отражены в «Краткой биографии» Сталина, точнее — в автобиографии: ведь Хозяин лично проверял каждую строчку книги. «Железная воля и гениальная прозорливость Сталина отстояли Царицын, не дали белым прорваться на Москву».

Председатель РВСР Лев Троцкий не раз требовал отстранения Сталина и Ворошилова, людей вздорных, вредных, губящих дело. В беседах с Лениным Сталин будет все отрицать и отстаивать Ворошилова как работника весьма ценного и незаменимого. Клим Ворошилов в долгу не останется — так распишет боевые «подвиги» своего патрона, «создателя» Красной Армии и всеглавнейшего организатора ее побед, что впору станет причислять его к лику святых рядом с Георгием Победоносцем.

На юге России Сталин затеял большую игру. Он побывал в роли диктатора. Вкусил крови и власти. В жизни Сталина Царицын — это ранний полигон.

Прозорливый Ленин заметил в Сталине 1918 года лишь неуживчивость и резкость, легко объяснимые кавказским темпераментом, он просил Троцкого «приложить все усилия для налаживания совместной работы со Сталиным». Троцкий к тому времени уже понял: плодотворная работа с ним невозможна.

Но приходилось считаться с фактом продвижения упорного кавказца в партийной иерархии. Ведь вот перед Октябрьским восстанием он был всего лишь пятым в ряду членов Политбюро, а в марте 1919-го — уже третьим, вслед за Лениным и Троцким. Сам факт «обгона» на втором году революции таких признанных партийных лидеров, как Зиновьев и Каменев, можно рассматривать как большой успех будущего генсека.

ОППОНЕНТЫ

Обыватель тянется к сильной власти. И всякий раз ее получает: Наполеон, Гитлер, Сталин... История помнит многих кумиров толпы, только на имена их жертв память истории почему-то притупилась. Российский обыватель после разгромных, жестоких лет революции и гражданской вой-

ны возжаждал порядка. Железная власть виделась ему как панацея от голода, разрухи, анархии. Нужен был диктатор.

Приход Сталина к власти — случайность или необходимость? История уже ответила на этот вопрос. Сталин был актуален. Он появился в нужном месте, в нужный момент. В 1922 году одна парижская газета писала: «Ленин смертельно болен. Когда он умрет, к власти придет этот волосатый ингуш и устроит им всем кровавую баню». Поразительное предвидение (оставим в стороне обидную неточность «ингуш» — ведь именно ингуши по вине Сталина понесли тяжелейшие потери)!

Но «бульварные газетенки» всякого там «белоземлигрантского отребья» ни Троцкий, ни Зиновьев не читали. Больной Ленин — тем более. А если бы и прочитали такое? Убийца под личиной энергичного генсека? Полноте!

Троцкий со своим гипертрофированным самомнением недооценивал пробивную силу Сталина. Свое превосходство над «Серой кляксой» (так позднее он называл Сталина) Троцкий считал столь очевидным, что позволял себе снисходительно взирать на политические шалости генсека.

Зиновьев и Каменев не пожелали «ручки белые марать» в делах административных. Пусть, думали они, этим занимается Коба. Он, правда, необразован и груб, зато рука твердая. С нашей большевисткой вольницей иначе нельзя. Посидит Коба немного в генсеках, а мы потеоретизируем. Все они: Троцкий, Зиновьев, Каменев, Бухарин — смотрели на него как на провинциального актера, дебютирующего на столичной сцене.

Долгие годы Коба ходил у Каменева в учениках, и Лев Борисович ни минуты не сомневался в том, что так будет всегда: он один из признанных вождей партии, да и разница в опыте руководящей работы, в эрудиции, культуре слишком велика... С помощью Сталина можно укрепить свои позиции в Политбюро. В партийных кругах ходили слухи, что именно Каменев больше всех способствовал выдвижению Сталина на пост генерального секретаря.

...2 апреля 1922 года, последний день работы XI съезда партии. Делегаты подходят к урнам и опускают бюллетени со списком кандидатов в члены ЦК. Голосование закончено, члены счетной комиссии вскрывают урны и недоуменно переглядываются. На многих бюллетенях сделаны приписки: «Сталина — генсеком, секретарями — Молотова и Куйбышева».

XI съезд показал, что партия еще не вышла из кризисного состояния. Всего год назад, на прошлом съезде, было принято решение о запрете фракционной деятельности, а ныне делегаты вступили в небывало острую дискуссию. Некоторые коммунисты обвиняли Политбюро, Оргбюро и Пленумы ЦК в сосредоточении чрезмерной власти, ущемлении внутрипартийной демократии. Ленин, напротив, полагал, что центральные органы не обладают достаточной властью или авторитетом и поэтому не в состоянии правильно распределить товарищей. «Надо сознать и не бояться сознать, что ответственные коммунисты в 99 случаях из 100 не на то приставлены, к чему они сейчас пригодны, не умеют вести свое дело и должны сейчас учиться».

Ленин поставил вопрос о привлечении в центральный аппарат профессиональных организаторов. При этом он настаивал на освобождении руководителей от совместительства и текущей работы. Видимо, Каменев и Зиновьев были согласны с такой установкой и наметили на место руководителя центральным аппаратом Сталина, который обладал достаточно сильной волей и непреклонным характером. Такой человек мог обеспечить в трудное для партии время четкое функционирование центральных органов.

В партийных кругах называли и другие имена, например, И. Н. Смирнова. Что касается Ленина, то он поначалу не поддерживал кандидатуру Сталина: «Не советую, сей повар будет готовить только острые блюда».

В ноябре 1921 года возник конфликт между Главполитпросветом (этот комитет входил в систему Наркомпроса), который возглавляла супруга Ленина Надежда Крупская, и отделом агитации и пропаганды ЦК. Крупская обратилась в ЦК с просьбой четко разграничить функции этих органов. В ту пору в агитпропе подвизался Сталин, и, чтобы нормализовать обстановку, Ленин решил вывести товарища Кобу из отдела. Сталин, не мешкая, ответил запиской, в которой были такие строки: «...Вы помните, что работу в агитпропе мне навязали, я сам не стремился к ней. Из этого следует, что я не должен возражать против ухода. Но если Вы поставите вопрос именно теперь, Вы поставите в неловкое положение и себя, и меня. Троцкий и другие подумают, что Вы делаете это «из-за Крупской», что Вы требуете «жертву», что я согласен быть «жертвой» и пр., — что нежелательно».

Вождю большевиков оставалось лишь определить, чего здесь больше — вульгарного интриганства или наглого шантажа. Но Ленин отличался редкой непоследовательностью —

в словах и поступках: не пройдет и пяти месяцев, как он с а м предложит Сталину пост генерального секретаря. Заручившись его поддержкой, Коба на апрельском пленуме ЦК 1922 года сумеет обеспечить себе большинство сторонников. Будучи наркомом по делам национальностей, он уже тогда проявил себя многоопытным лицедеем. В переговорах «с мусульманами и белорусами,— замечает Л. Троцкий,— Сталин как нельзя более на месте. Он лавировал против лавирующих, отвечая хитростью на хитрость и вообще не давая себя одурачить. Именно это качество ценил в нем Ленин».

Надо заметить, что в Центральном Комитете должность генсека, так же как и предшествующая ей ответственного секретаря, не имела тогда самодовлеющего значения.

Итак, Сталин — генеральный секретарь, и Ленин поручает ему «немедленно приискать себе заместителей и помощников, избавляющих его от работы (за исключением принципиального руководства) в советских учреждениях».

И года не пройдет, как Ленин осознает, какую серьезную ошибку совершил, доверив Сталину Секретариат ЦК. Что касается Каменева, то он еще не раз окажет Сталину ценные услуги. И Зиновьев тоже. Главное — не давать хода Троцкому. Уж лучше крутой, но туповатый Коба. Объединяться Зиновьев и Троцкий не могли, не хотели — слишком амбициозны были оба, каждый претендовал на роль вождя-идеолога.

В ближайшем окружении Ленина был человек, который хорошо знал, каким бывает товарищ Коба. Этот человек, Яков Свердлов, со времен туруханской ссылки избегал контактов с Кобой и бойкотировал его в семнадцатом году. Но он рано умер — через полтора года после победы революции. А если бы не ушел из жизни, хватило бы у него принципиальности, мужества, наконец, чтобы закрыть перед Сталиным двери в ЦК и правительство?

Незадолго до смерти, наблюдая художества Кобы, Ленин испытывал большую тревогу: куда зведут партию распри соратников?.. А они уповали на него. Повезло Сталину на бездеятельных оппонентов.

После смерти вождя Сталин почувствовал: пришло время широко использовать резолюцию X съезда «О единстве партии» в своих целях. Фракции, групповые выступления подпали под строгий запрет. Резолюция позволяла Центральному Комитету исключать из партии за «фракционность» или нарушения партийной дисциплины любого коммуниста, будь он даже членом ЦК. В руках Сталина это решение превратилось

в безотказный инструмент подчинения партии воле кучки политиканов, потом — прихоти Хозяина.

Не было, пожалуй, ни одного съезда, на котором бы Сталин не призывал блюсти железное единство. Нападая на оппозиционеров, он всякий раз обвинял их в намерении нарушить единство партийных рядов. Со временем пресловутая борьба за единство трансформировалась в средство укрепления сталинского единовластия. Любая попытка критики генсека приравнивалась к попытке расколоть ленинскую партию.

В 1904 году Троцкий в брошюре «Наши политические задачи» обвинял Ленина в том, что тот создает партию, которую со временем заменит ее Центральный Комитет, а этот ЦК, в конце концов, заменит какой-нибудь диктатор...

Спустя двадцать лет до личной диктатуры останется один шаг, этот шаг сделает Сталин.

Ему в сапогах легко шагалось...

ФЛЕЙТА СИЛЕНА

Должность генсека Сталин сохранял за собой почти тридцать лет. Советологи на Западе до сих пор пытаются понять, почему Сталин утратил это звание в последние годы жизни. Не потеснил ли его Маленков, который выступил на XIX съезде с отчетным докладом ЦК? Смею полагать, что проблемы здесь нет. Прилагательное «генеральный» отпало в ту пору, когда папиросы «Норд» переименовали в «Север», а вместо «матч», «пенальти» и «корнер» стали говорить и писать «состязание», «одиннадцатиметровый» и «угловой».

Тогда в начале двадцатых никто из окружения Ленина да и сам Владимир Ильич не придавали званию генерального особого значения при таком органе коллективного руководства, как Политбюро, генсек не определял, не мог определять политического курса партии.

...Фригийский силен Марсий нашел брошенную Афиной флейту. То была волшебная флейта — под ее звуки всяк пускался в неудержимый пляс. Древняя легенда рассказывает, что однажды силен заснул на берегу ручья. Афина забрала свою флейту и заиграла... Проснувшегося Марсию не оставалось ничего иного, как пуститься в пляс.

Вручая Кобе ключ от Секретариата ЦК, Каменев, Зиновьев, Бухарин были уверены, что он будет плясать под их

дудку. Вскоре, однако, выяснилось, что у Сталина имеется собственная дудка, и плясать под нее придется им. В такое безобидное, на первый взгляд, канцелярское словечко «генсек» он сумел вдохнуть весомое содержание. Исподволь расширял функции генерального секретаря, усиливал свое влияние в центральном аппарате и на периферии. Руководители на местах — в губерниях, уездах, в столицах национальных республик — постепенно проникались сознанием личного могущества товарища Сталина. Циркуляры, резолюции, решения, письма шли в края и губернии за его подписью. Командировочные удостоверения членов ЦК скреплялись той же подписью: «И. Сталин». И главное — назначения работников на места.

Распределением высших партийных кадров ведало Организационное бюро ЦК. Эту инстанцию Сталин оседлал сразу. Будучи одновременно членом Политбюро и Оргбюро, он начал насаждать повсюду — в аппарате ЦК и Совнарком, в республиках, крайкомах, губкомах — своих людей.

Б. Г. Бажанов, один из секретарей Сталина в двадцатые годы, рассказал, что генсек имел обыкновение ходить взад-вперед по кабинету, пыхтя трубкой. Потом — звонок, вызов секретаря и короткое распоряжение: этого секретаря губкома убрать, того-то послать на его место... Дальше уже Оргбюро, целиком подвластное генсеку, с неканцелярской легкостью оформляло снятие-назначение партийного деятеля.

...В лагерях перемещением «кадров» занималась учетно-распределительная часть — УРЧ. Заключение спит себе беспечно на нарах (о чем, собственно, беспокоиться: пайку начальник выдаст, четырнадцатичасового голодного рабочего дня не лишит, впереди много таких дней, месяцев, лет...), а УРЧ уже назначила зека на этап — нарядчик вызовет с вещами на вахту, подойдет конвой и — в вагонзак. И никаких прений.

С Оргбюро ЦК никто не спорил.

Сталина это устраивало вполне. Если бы не могущественное Политбюро, можно было бы считать удачно начатую игру сделанной. Пока же члены верховного органа партии еще не желают смотреть на мир из-под козырька сталинской фуражки. А если попробовать перелить власть из Политбюро в другой орган? Да сделать это без лишнего шума и всяких там решений-резолюций? Этим другим органом мог стать

Секретариат ЦК, и Сталин пытается придать ему директивные функции.

Однако маневр был разгадан. На XIV партсъезде в декабре 1925 года Каменев, преодолевая обструкцию сталинских крикунов, сказал: «...мы против того, чтобы делать «вождя»... Мы против того, чтобы Секретарит... стоял над политическим органом... Я пришел к убеждению, что тов. Сталин не может выполнять роли объединителя большевистского штаба». И Сталин упорно и методично укрепляет свои силы — в Оргбюро, в Секретариате, в Центральной контрольной комиссии, в отделах аппарата ЦК, в редакции «Правды», в Совнаркоме.

Придя к власти, пока еще далеко не единоличной и пока еще только в партии, Сталин быстро усвоил простую истину: ключ к вожденной диктатуре лежит в кабинете генсека. И еще одно он понял: аппарат ЦК может многое. В недрах аппарата можно похоронить любое решение ЦК, даже решение съезда партии. Тот, кто овладел аппаратом, мог заблокировать указание Политбюро или его члена и в то же время провести через аппарат, под видом директивы ЦК, свое личное указание.

Когда Ленин, опасаясь политического раскола, начал диктовать строки своего завещания, в котором предлагал увеличить число членов ЦК до 50 и даже до 100, он имел в виду обучить цековской работе возможно большее число коммунистов.

Сталин своеобразно воспользовался этим советом вождя. На XII съезде партии он уже шельмует руководящих работников ЦК. Сталин заявляет, что внутри ЦК имеется ядро в 10—15 человек, которые наловчились в деле руководства и «рискуют превратиться в своего рода жрецов по руководству...— могут заразиться самомнением, замкнуться в себе самих и оторваться от работы в массах». Это «ядро внутри ЦК... становится старым, ему нужна смена». Вот какую трансформацию претерпела ленинская рекомендация. Выразив в лишенной изящества форме недоверие соратникам Ленина, Сталин предлагает взять в ЦК «свежих работников... имеющих головы на плечах». Предложение Сталина повисло в воздухе, делегатам оно показалось преждевременным. Ему бы обождать немного: дожидаться кончины вождя.

Товарищ Коба бывал иногда излишне прямолинеен и тороплив. Но Сталин-политик уже научился менять скорость и корректировать собственные ошибки: из стенограммы съезда он вычеркнул слова своего выступления о «будущих

руководителях». Лишь в 1968 году исчезнувшие строчки всплывут в примечании к новому изданию стенографического отчета.

Но слова — словами, а дело — делом. Число членов ЦК возросло с 27 до 40 — столько избрал съезд. Теперь генсеку легче будет маскировать продвижение своих людей на ключевые посты в партии. И проще выводить из ЦК неугодных.

При Ленине каждый член ЦК формально мог и в Секретариате, и в Оргбюро, и в Политбюро поставить любой волнующий его вопрос, отстаивать свою точку зрения, в случае надобности обратиться к Пленуму ЦК. И даже решение Пленума, обязательное для всех коммунистов, член ЦК мог обжаловать перед съездом партии.

Эта традиция связывала действия генсека, костью застряла в горле. Он «терпел» до 1925 года. На XIV съезде партии Сталин позволил меньшинству выступить в последний раз. На этом демократическая традиция иссякла. На следующем съезде уже мало кто с генсеком спорил: ни один вольнодумец не был даже «избран» делегатом.

Ленин ставил задачу добиться полного подчинения аппарата политике партии. Сталин наивыгоднейшим образом использовал, лишь немного модифицировав, указание вождя: добился абсолютного подчинения аппарата ЦК своей личной политике, заботливо спеленал оппозицию и недрогнувшей рукой заткнул ей рот кляпом.

Как это ему удалось?

В борьбе за единоличную власть в партии Сталину сопутствовали благоприятные обстоятельства.

Старая пословица «рыба тухнет с головы» неизменно приходит на ум, когда пытаешься восстановить историю перерождения партийного руководства. Процесс начинался на самом верху. Сталин взял на себя роль катализатора.

Наверху — партийные лидеры, у них под рукой аппарат ЦК, проводник директив. Внизу — безгласная, скованная партдисциплиной масса рядовых членов. Такова схема взаимоотношений внутри партии, наметившаяся в 1923 году.

Умиравший Ленин был уже бессилён что-либо изменить. В последние годы его жизни Сталину с помощью послушного ему аппарата стало легче интриговать против основателя партии.

он параноик

К двадцать третьему году Сталину удалось сколотить небольшую, но сильную, облеченную высшей властью группу карьеристов.

На XII партсъезде Владимир Косиор прямо обвинил руководящую группу ЦК в том, что она «в своей организационной политике в значительной степени проводит групповую политику», которая «сплошь и рядом не совпадает с интересами партии». «Десятки наших товарищей стоят вне партийной и советской работы» лишь потому, что они участвовали «в дискуссиях против официальной линии, которая проводилась Центральным Комитетом». А в руководящие органы попадают только те, кто «связаны в прошлом или настоящем с руководящей группой Центрального Комитета».

Один из оппозиционеров Юрий Луговинов так охарактеризовал политику, проводимую генсеком от имени ЦК: в партии уже «не существует возможности нормальным путем высказать своих соображений, точек зрения по тем или иным вопросам» и «только лишь Политбюро является непогрешимым папой: все, что я делаю,— я делаю правильно, не смей возражать, и никто не имеет права никакой критики наводить. Это положение не только не марксистское, но и крайне вредное на практике...»

Что же Сталин? В заключительном слове он лишь вскользь упомянул Лутовинова и ушел от ответа в дебри международной обстановки. И успешно продолжал свою линию.

...Секретаря Сталина Бориса Бажанова давно занимал вопрос: бумаги шеф подписывает почти не глядя, в серьезные проблемы, требующие глубокого внимания, не вникает. Что же он делает долгими часами? Однажды, зайдя в кабинет, Бажанов увидел Сталина за столом с телефонной трубкой, прижатой к уху. Но что это? На всех телефонных аппаратах трубки на местах. Секретарь заметил шнур, уходящий в ящик письменного стола. Значит... В этот момент Сталин поднял голову и, не отнимая трубки от уха, посмотрел на секретаря. Бажанов молча отступил к двери и вышел. Об этом эпизоде он поведал другому доверенному помощнику генсека — Льву Мехлису. Тот заметил жестоко, что это их не должно касаться.

Монтаж подслушивающего устройства осуществил чешский специалист. Расчет с ним Хозяин произвел, разумеется, на Лубянке: там знали, как поступать с лишними свидетелями.

ДРАКА ЗА КРЕСЛО

Уже в двадцать втором году, когда Ленин перенес первый инсульт, Сталин понял, что дни дорогого Ильича сочтены.

Конкуренция в борьбе за власть обостряется, под Троцкого подкладывают новую мину: ставленники Сталина уже успели проникнуть в цитадель Троцкого — Реввоенсовет республики.

Троцкий всегда пренебрегал организационной работой, не снисходил до тактических уловок, надеясь на неотразимую силу убеждения. Не то Сталин. Он вел осаду крепости по имени «Троцкий» по всем правилам политического интриганства, не чураясь черновой подготовительной работы, отвоевывая у противника одну позицию за другой.

Троцкий в своей заносчивости никак не хотел принимать Сталина всерьез, не замечал масштабов травли, не видел конечной цели затеянной против него кампании. Иначе бы он не заявил на заседании Политбюро: «Я готов отказаться от всех своих постов и пойти рядовым солдатом в бой за германскую революцию: она вот-вот грянет!..» «Я тоже готов уйти в отставку, — поднялся Зиновьев, — и отправиться сражаться рядовым солдатом!» Сталин умело подыграл своим партнерам: «ЦК не может рисковать сразу двумя такими ценными жизнями»¹.

Патетику Троцкого, если она была искренней, понять еще можно. Но Зиновьев, в хитоне и на котурнах, — это, пожалуй, слишком. Что до Сталина, то не всякий актер способен на такой великолепный экспромт. И если бы не Троцкий, который вышел, яростно хлопнув дверью, эта сценка могла бы стать украшением очередного кремлевского спектакля.

Триумvirат Сталин — Каменев — Зиновьев не знал, как справиться с экономическими трудностями, и, вместо того, чтобы признаться в этом да посоветоваться с активом, усилил административный режим. Против этого выступил Троцкий с заявлением в ЦК и ЦКК от 8 октября.

Через неделю в ЦК обратилась группа видных коммунистов. В этом документе (вошедшем в историю под названием «Заявление 46-ти»), полном тревоги за судьбу революции, содержится анализ состояния государственной экономики, финансов и практики партийного руководства.

«Режим, установившийся внутри партии, совершенно нестерпим. Он убивает самостоятельность партии, подменяя партию подобранным чиновничьим аппаратом... Создавшееся положение объясняется тем, что объективно сложившийся

после X съезда режим фракционной диктатуры внутри партии пережил сам себя». Авторы письма обвиняли руководителей, потерявших связь с партией, в проведении политики, губительной для страны. Они предложили созвать, не медля, расширенное совещание ЦК.

В числе сорока шести, подписавших это заявление, был В. Антонов-Овсеенко, начальник политического управления Реввоенсовета СССР. Он сделал важную приписку к тексту: «Потребность в прямом и откровенном подходе ко всем нашим болячкам так назрела, что целиком поддерживаю предложение созыва указанного совещания, дабы наметить практические пути, способные вывести из накопившихся затруднений».

Наверху «Заявление 46-ти» восприняли как дерзкий выпад против партии. Напуганный Андрей Бубнов поспешил зачеркнуть свою подпись... Ясно: такой удобный для политической провокации повод ни Сталин, ни Зиновьев не упустят. Объективное рассмотрение письма, откровенный, товарищеский разговор — это Сталина и его приспешников не устраивало. Созванный 25—27 октября объединенный Пленум ЦК и ЦКК объявил авторов письма фракционерами и обвинил их вкупе с Троцким в раскольнической деятельности (опять и опять: «Держи вора!»).

Характерная для «вождей» деталь: резолюция октябрьского Пленума не была опубликована. Тройка партийных консулов не обнародовала и текст «крамольного» заявления. В тридцатые годы, став властелином, Сталин казнит одного за другим всех подписавших заявление. Но и тогда оно не увидит света. И долго еще со всех партийных амвонов будут сыпаться проклятья на головы выдуманных Сталиным «троцкистов»...

Однако в октябре двадцать третьего года содержание «Заявления 46-ти», так же как и выступления Троцкого, стало известно многим членам партии. Пришлось триумвирам кое-что признать. 7 ноября Зиновьев публично, в газете «Правда», соглашается с тем, что нынешний стиль руководства ущемляет партийную демократию. «Правда» призвала членов партии принять активное участие в дискуссии по статье Зиновьева «Новые задачи партии». В течение трех недель, начиная с 13 ноября, «Правда» публикует материалы внутрипартийной дискуссии. Она оказалась столь плодотворной, что уже 5 декабря Политбюро и президиум ЦКК смогли на совместном заседании единогласно принять резолюцию.

Этот примечательный документ утверждал принципы коллективности руководства и свободы внутривнутрипартийной критики. Резолюция требовала, «чтобы руководящие партийные органы прислушивались к голосу широких партийных масс, не считали всякую критику проявлением фракционности и не толкали этим добросовестных и дисциплинированных партийцев на путь замкнутости и фракционности».

Ссылки на «партийную дисциплину» при обсуждении вопросов партийной жизни были признаны неправильными, ибо такое обсуждение — неотъемлемое «право и обязанность членов партии». ЦК призывал бороться с «бюрократическими извращениями партийного аппарата и партийной практики».

Нет нужды сличать тексты «Заявления 46-ти» и резолюции ЦК от 5 декабря 1923 года: по духу и содержанию они близнецы. Не потому ли текст резолюции был лишь однажды, 7 декабря, опубликован в «Правде», а потом засекречен на десятилетия — для удобства придворных фальсификаторов истории?

Анализируя ныне «время трудных вопросов» двадцатых — тридцатых годов, «Правда» констатирует: «В нараставшем ожесточении идейной борьбы и борьбы за власть большинство не сумело удержаться на ленинских позициях и прибегло к иным методам разрешения разногласий — к выведению оппонентов из активной политической жизни. Глубокие разногласия между членами Политбюро ставили Сталина как генсека в особое положение. Подчинив выработку политических решений борьбе за власть, Сталин благодаря этому положению мог обеспечить себе постоянное большинство в ЦК».

В дни жарких политических сражений Ольга Пилацкая, вдова Владимира Загорского, погибшего при взрыве бомбы в здании МК 25 сентября 1919 года, спросила генсека: «Послушай, Коба, объясни мне, что происходит?» — «Хочешь знать, да? Сама не видишь, что они делают? Драка за кресло — вот что происходит!»

ТАКТИКА

Как Сталину это удалось?

Сколько томов написано на эту тему, сколько еще будет написано... Мои скромные заметки ни в коей мере не претендуют на полноту. Можно сделать лишь первые обобщения о тактике, применявшейся Сталиным в борьбе за власть.

Убежденный шовинист, Сталин на XII съезде партии обвинил группу Мдивани — Махарадзе в том, что они якобы выступают против... армян, азербайджанцев, аджарцев. Он разражается яростной филиппикой против русских шовинистов, местных националистов и — заодно — нарушителей партдисциплины.

Сталинскую фракцию обвиняют в термидорианском перерождении? Но это же глупые домыслы, клевета! Откуда идет опасность перерождения? От оппозиции, только от нее, заявит Сталин в 1927 году.

Этот прием встречного иска Сталин успешно применял на всех этапах политической карьеры. Скрипник зорким глазом подметил излюбленный прием генсека. Ему суждено было на себе испытать убийственное — не только в переносном смысле — действие тактики встречного иска.

Сталин обладал уникальной способностью вызывать споры. Истина интересовала менее всего. В дискуссиях его интересовали «срывы», то, что можно было взять на заметку, а потом, нацепив ярлык, при случае использовать как дубинку. И главное, обнажить перед всеми страшный облик очередного дезорганизатора созидательной работы партии, злостного фракционера — врага единственно правильной «генеральной линии».

Помимо пробивной хитрости и сатанинского упорства, помимо умения подбирать под себя надежные кадры подручных-исполнителей и искусного использования постоянных распрей между вождями-идеологами.

Март двадцать первого года. Усмиритель кронштадтского мятежа Троцкий только что вернулся в Москву. Зиновьев и Каменев встретили его на заседании Политбюро чуть ли не враждебно. Зато Сталин обошелся с ним с театральной сердечностью — крепкое рукопожатие, радость во взоре, улыбка на устах. Разделяй и властвуй!

Апрель двадцать третьего года. XII партийный съезд. Сталин вместе с Каменевым и Зиновьевым составили триумvirат — против Троцкого. Основной докладчик на съезде Зиновьев, на долю Троцкого — вопросы экономики. Разделяй и властвуй!

Начиная кампанию против своих вчерашних партнеров Зиновьева и Каменева, Сталин решил заручиться поддержкой Рыкова и Бухарина. Возник вопрос о преемнике Ленина на посту Председателя Совнаркома. Генсек сумел убедить членов Политбюро в том, что русский мужик не потерпит во

главе правительства еврея. И Председателем Совнаркома в 1924 году стал Алексей Рыков.

Момент для поворота выбран удачно, можно продолжить игру — уже с новыми партнерами. И тут Сталин применяет грубый прием. Пытаясь подорвать авторитет Каменева как теоретика, он обвиняет его в искажении цитаты из Ленина: якобы Каменев вместо «России нэповской» употребил выражение «нэпмановской». Обращая явную опisku стенографа в политическую ошибку оратора, Сталин небрежно, как бы невзначай, сообщает, что вычитал это в докладе «одного из товарищей о XIII съезде (кажется, Каменева)». За этим «намеком» следует риторический вопрос: почему Каменев «выпалил этот странный лозунг» и ответ самого генсека — «по обычной беззаботности насчет вопросов теории». Эту топорную, на уровне уличного кинто сработанную провокацию Сталин отважился преподнести слушателям курсов секретарей уездных комитетов при ЦК 17 июня 1924 года, потом — читателям «Правды».

С Зиновьевым он разделался иначе. Упомянув ошибочный тезис о диктатуре партии, Сталин персонифицировал его, связав с Зиновьевым. И сделал это, не упомянув имени «виновного», «забыв», что тезис был включен в резолюцию XII съезда, за которую Сталин голосовал вместе со всеми делегатами.

Каменев и Зиновьев решили дать отпор генсеку. Но когда экстренно созванное совещание ответственных партийных работников при участии членов Политбюро и ЦК осудило последний выпад Сталина, он заявил (в который раз!) о своем уходе с поста генсека. Такой вот аргумент. Отставка и на этот раз не была принята.

В этом эпизоде Сталин проявил опасную торопливость. Партийные верхи еще не утратили самостоятельной силы. Сталин явно переоценил свои организационные возможности и способность теоретизировать. Чтобы подложить основательную бомбу под Зиновьева и Каменева, нужен был как минимум дельный совет. Подручные же генсека умели только исполнять его веления; люди высокого ума его сторонились. Масс, от имени которых он будет править страной, Сталин сторонился сам.

...В октябре двадцать четвертого — неожиданный поворот на 180 градусов. Сталин предлагает Зиновьеву и Каменеву перемирие. Они ему еще нужны в обострившейся борьбе с Троцким.

Год двадцать пятый. Зиновьев — в Ленинграде, Каменев

не может оказать ему действенную поддержку. Сталин использует против Зиновьева Н. А. Угланова, возглавлявшего Московский комитет партии. Генсек пытается ослабить позиции Зиновьева в Ленинграде, обрабатывая и убирая его сторонников, провоцируя его на столкновения; готовит разрыв триумvirата и победоносный для себя XIV партсъезд.

На съезде речь зашла о плане реорганизации Секретариата, предложенном группой товарищей, отдохавших в Кисловодске. Делегаты съезда знали, что инициатором был Бухарин. Но в тот момент генсек уже твердо решил свалить Зиновьева. Значит, надо противопоставить ему Бухарина. Кого угодно упоминает Сталин в числе лидеров антипартийной «платформы» — Зиновьева, Каменева, Лашевича, Сокольников, только не Бухарина. Его он энергично защищает от... Зиновьева.

На одном Пленуме ЦК (1 августа 1927 г.) он сшибает Зиновьева с Бухариным. Разделяй и властвуй!

Устроить провокацию — уйти в тень — свалить вину на других — выдать себя за негниблемого ленинца — такова типовая схема участия Сталина в политических событиях первого пооктябрьского десятилетия. Этой схемы, с малыми вариациями (скажем, расстрелять «виновных»), Сталин будет придерживаться до конца.

Пожалуй, самым урожайным на сталинские инсинуации-провокации выдался год двадцать восьмой. Однажды генсек вызвал к себе Алексея Ивановича Рыкова: «Давай будем, как два Аякса. Будем руководить вдвоем».

В июле намечался Пленум ЦК, посвященный вопросам внутренней политики. Кроме этого, Пленум должен был выработать текст декларации ЦК для VI конгресса Коминтерна, свидетельствующей о единстве Центрального Комитета ВКП(б). Однако именно тогда разногласия в Политбюро достигли большого накала, и Сталин энергично вербовал сторонников. Особые надежды он возлагал на Бухарина. «Мы с тобой, Николай, — сказал он ему, — Гималаи, остальные — ничтожества». На очередном заседании Политбюро Бухарин, выведенный из себя Сталиным, решил показать его лицемерие и передал эти слова. «Лжешь! Лжешь! Лжешь! — закричал возмущенный генсек. — Хочешь настроить против меня членов Политбюро».

Письмо Валериану Куйбышеву датировано 31 августа того же года: «Как твои дела? Слышал, что Томский собирается обидеть тебя. Злой он человек и не всегда чистоплотный. Мне кажется, что он не прав. Читал твой доклад о

рационализации. Доклад подходящий. Чего еще требует от тебя Томский?» Уж не направил ли генсек подобное письмо Томскому, но уже с обличением Куйбышева?

Со временем неразумно горячий товарищ Коба превратился в матерого волка. И когда старый большевик В. В. Осинский позволил себе на XII съезде критиковать партийное руководство, волк показал клыки. Вот что сказал генсек об этом выступлении Осинского: «Он похвалил товарища Сталина, похвалил товарища Каменева и лягнул товарища Зиновьева, решив, что пока достаточно отстранить одного, а потом дойдет очередь до других. Он взял курс на разложение того ядра, которое создалось внутри ЦК за годы работы, с тем, чтобы постепенно, шаг за шагом, разложить все... Я должен его предупредить, что он наткнется на сплошную стену, о которую, я боюсь, он расшибет себе голову. Пусть пожалеет себя товарищ Осинский».

Это происходило в апреле двадцать третьего года; двадцать лет спустя, готовя к изданию пятый том своих Сочинений, Сталин опустил фразу «Пусть пожалеет себя товарищ Осинский».

Итак, генсек «вступился» за Зиновьева, Осинский же — интриган, он пытается взорвать монолитность ЦК. А стена — это он, Сталин, с единомышленниками. Что ожидает товарища Осинского? Время казней еще не пришло, и Сталин пока лишь угрожает партийному деятелю, соратнику Ленина. Публично, на съезде коммунистов угрожает. Пока угрожает. Однако двух лет не пройдет, как он совершит выдающееся политическое убийство.

Задумав после смерти Ленина убрать Троцкого с постов председателя РВ СССР и наркома по военным и морским делам, Сталин смирился с кандидатурой популярного в партии Михаила Фрунзе, победителя Врангеля. Осенью 1920 года Фрунзе дал согласие командовать Южным фронтом при одном условии — убрать из РВС Сталина. Ленин условие принял. Тогда Сталин на ближайшем заседании Политбюро, 1 сентября, попросил освободить его вообще от военной работы.

В январе 1925 года Фрунзе занял пост наркомвоенмора и председателя РВС СССР.

Хотя Фрунзе и уступал в популярности Троцкому, он был не только видным революционером, но и признанным полководцем. Последнее время он работал заместителем Троцкого и вошел в состав Политбюро. Однако с Фрунзе у генсека получилась неувязка. Михаил Васильевич не принимал ста-

линского диктата в армии и в спорах, возникавших в Политбюро, нередко принимал сторону Зиновьева и Каменева.

Теперь ключ от армии находился в руках Фрунзе. Но Сталин хотел, чтобы этот ключ был у него в кармане. Фрунзе, конечно, заслуженный товарищ, герой Крыма, соратник Ленина. Близкий соратник. Что ж, похороним его рядом с Мавзолеем дорогого Ильича. А наркомом поставим Ворошилова. Клим из самых недалеких и покладистых. И народ любит его...

Фрунзе взялся за реорганизацию армии решительно, круто. Наделенный большими правами, новый нарком заменил комиссаров помощниками командиров по политической части. Он обновил небоеспособный рядовой состав и выдвинул на высшие командные должности талантливых полководцев, игнорируя при этом такие факторы, как партийный стаж. Генсек ничем не выдавал своего недовольства, напротив, он взял за правило на заседаниях Политбюро не отвергать ни одного предложения нового наркома.

Активный участник революционного подполья, дважды приговоренный к смертной казни, Фрунзе провел в тюрьмах более семи лет. Здоровье сорокалетнего наркома было подорвано. Несмотря на частые желудочно-кишечные кровотечения, на ослабленное сердце, он много работал, а дни отдыха проводил в лесу, на охоте. Лечил его опытный военный врач Мандрыка. Неожиданно ситуация осложнилась. В июле двадцать пятого с наркомом случились две автомобильные аварии. Две подряд... совпадение?.. Ворошилов рассказывал, что во время второй аварии Михаил Васильевич сильно повредил руку и ногу. Потребовалось вмешательство хирурга.

...В начале сентября вместе с Ворошиловым Фрунзе поехал в Мухалатку, на Крымский полуостров. С ним был доктор Мандрыка. Фрунзе чувствовал себя плохо, но бодрился.

В Мухалатке отдыхали Сталин, Шкирятов и еще несколько приближенных генсека. Сталин вмешался внезапно: отправил Мандрыку в Москву и вызвал из столицы профессоров — Розанова и Касаткина. «Приезд московских врачей подействовал на Михаила Васильевича скверно», — вспоминал Ворошилов в 1926 году.

29 сентября Фрунзе выехал в Москву. Наркома положили в кремлевскую больницу. Она помещалась в бывшем Потешном дворце. Михаила Васильевича навещали родные, друзья. Всех допускали. Кроме личного врача Мандрыки.

Заботливый генсек был за операцию, но в Кремле не было хирургического отделения. Фрунзе сам вышел к машине и

поехал в Боткинскую больницу. 10 октября консилиум из семнадцати специалистов большинством голосов, под явным давлением Розанова, решил подвергнуть больного операции. При этом никто из консультантов его не осмотрел. Врачи знали, что профессор Розанов (в восемнадцатом он лечил раненого Ленина) выражает здесь волю генсека.

Хирург понимал, что при наркозе нужна осторожность. Однако доза подействовала слабо, пришлось добавлять. В ходе операции, которая длилась 35 минут, открытой язвы двенадцатиперстной кишки не обнаружили. Ничто не предвещало трагического исхода, но через 30 часов Михаил Васильевич скончался. Вскрытие, проведенное профессором А. И. Абрикосовым, установило гнойную интоксикацию на фоне начавшегося перитонита.

Сталин посетил больницу сразу же после операции — случай уникальный — и оставил Фрунзе душевную записку. На похоронах 3 ноября генсек говорил о своей безграничной скорби: «Может быть, это так именно и нужно, чтобы старые товарищи так легко и так просто опускались в могилу». Вдова Фрунзе, осознав, что его убили, покончила с собой.

Прошло пять лет. Хирург С. П. Федоров, бывший лейб-медик Николая II, беседует с помощником начальника главного лечебно-санитарного управления Красной Армии Е. И. Ивановским. Сергей Петрович открыл коробку редких сигар, предложил гостю. «Эту коробку мне подарил Серго». Я ведь его оперировал, почку удалил. Сто лет будет жить. А вот Фрунзе оперировали зря. Я возражал категорически: операция наркому была противопоказана. А Розанов взялся, и вот... зарезали».

Подобных свидетельств немало. Во всяком случае, достаточно для того, чтобы прийти к вполне определенному заключению: люди, близкие к партийным верхам, не сомневались в том, что смерть Фрунзе — политическая акция устрaнeния.

Нашелся смелый (безрассудный?) писатель, поведавший историю гибели наркома. В повести Фрунзе назван командармом, а Сталин фигурирует в роли «самого важного из трех» вождей партии. Командарм по указанию «самого важного» ложится на операцию и гибнет от чрезмерной дозы хлороформа. Кто подсказал Борису Пильняку сюжет его «Повести непогашенной луны»? Ответ, вероятно, в посвящении повести А. К. Воронскому, имевшему в связи с этим большие неприятности. Подтверждение нашлось позднее в воспоминаниях бывшего редактора «Известий» И. М. Гронского. Пильняк

был знаком и с Я. С. Аграновым членом коллегии ОГПУ, который мог сообщить ему некоторые детали. В тридцать восьмом Сталин уничтожит обоих — писателя и чекиста. На следствии Пильняк показал, что сведения об устранении Фрунзе ему дал Агранов. Подтверждение этой версии нашлось в деле Агранова. Что с ним там сделали, как пытали?..

Позднее медицинское убийство станет излюбленным тактическим оружием Сталина, но в двадцатые годы он пользуется еще не столь, эффективными средствами. Стоит задуматься над обстоятельствами смерти А. Д. Цюрупы. Заместитель Председателя Совнаркома умер на морской прогулке. Сопровождал его лишь комиссар охраны, а вот о враче, который обычно ни на один день не оставлял тяжелобольного сердечника, на этот раз почему-то не позаботились. Это случилось в мае 1928 года.

«Клака» — известное понятие в театральном мире. Клака бывает разная — эстрадная, драматическая, оперная... Сталин создал партийную. Он обзавелся ею уже в начале двадцатых годов. Клака обслуживала его на заседаниях Пленумов ЦК, на партконференциях, съездах. Дружные ребята, поддерживая генсека, могли сорвать выступление любого партийного деятеля.

В декабре 1925 года Сталин обнародовал свою теорию построения социализма в одной стране. Это совпало с дискуссией о нэпе и спорами об организационной политике ЦК на XIV партийном съезде.

Слово взяла Крупская. Она с тревогой говорила о положении в партии и коснулась, между прочим, и «теории» непрременной правоты большинства. Сталинская клака вмешалась и тут. Кто-то ехидно поздравил Троцкого с новым соратником в лице Надежды Константиновны Крупской. Она растерялась...

Каменев оказался покрепче. «Давайте договоримся, — предложил он крикунам, — если у вас есть поручение перебивать меня, то вы так и скажите... вы меня не заставите замолчать, как бы громко ни кричала кучка товарищей».

В заключение Каменев, уже высказавшийся против теории «вождя», мужественно повторил главное: «Сталин не может выполнить роли объединителя большевистского штаба... Мы против теории единоначалия, мы против того, чтобы создавать вождя!»

Зал на мгновение замер. Так бывает перед тем, как потрясенные ярким монологом зрители разражаются овацией. На-

стал один из тех кульминационных взлетов, к которым генсек старательно готовил свою клаку.

«Неверно!»

«Чепуха!»

«Сталина! Сталина!»

«Да здравствует Российская коммунистическая партия!»

«Ура! Ура!»

«Партия выше всего!»

«Да здравствует товарищ Сталин!»

И клака подняла зал. «Делегаты встают и приветствуют товарища Сталина», — записала стенографистка.

На объединенном Пленуме ЦК и ЦКК 1927 года (июль — август) Сталин высмеивает Каменева, затем выдвигает вздорные аргументы против статьи Зиновьева «Контурь будущей войны». Генсек не боится позы скомороха — клака вовремя засмеется. И не забудет к месту — а оратор уж выдержит паузу — крикнуть: «Правильно!» и «Позор!».

Когда Сталин сравнивает Троцкого с... Клемансо, солисты клаки послушно высмеивают «этого опереточного Клемансо». Но вот генсек извиняется: ему, видите ли, «придется также сказать несколько слов о выпадах Зиновьева против Сталина». «П р о с и м!» — раздаются голоса. Клака знает свое дело.

Потом Сталин договорится до того, что оппозиция ведет политику открытого раскола Коминтерна. «Правильно!» — откликаются из зала.

Генсек цитирует то место написанной Лениным резолюции X съезда, где говорится о мерах против фракционеров — вплоть до исключения из партии. «Надо осуществить это сейчас же!» — откликается клака. «Подождите, товарищи, — вступает Сталин, — не торопитесь».

Ну, чем не спектакль?

Со временем будет разработана стройная система функционирования клаки применительно к собраниям первичных организаций, бюро, комитетов, конференций, пленумов и совещаний всех рангов.

Предложить или отвергнуть кандидатуру, одобрить или заблокировать чей-то проект, вознести деятеля до небес или сбросить на самое дно — клака может все. С соизволения начальства, разумеется.

Управление клакой стало искусством, наукой. Почему придворные историки замолчали имя основоположника этой науки?

Помимо штатных крикунов генсек держал под рукой

дежурных ораторов, всегда готовых выступить на съезде против конкурентов на лестнице власти. И тех, кто таскал для него каштаны из самого жаркого огня. А в перерывах между заседаниями вежливые, предупредительные сотрудники ЦК провожали пожилых делегатов в буфет, прислушивались к разговорам — несли бессменную сталинскую вахту. Век электроники был еще далек.

Технология подготовки проведения съездов, технические и тактические приемы вырабатывались в партийных канцеляриях годами и отрабатывались затем в «полевых условиях» под присмотром Самого.

Вначале Сталин смотрел на съезды как на препятствия по дороге к единоличной власти в партии. С каждым разом он преодолевал эти препятствия легче, резвее, пока съезды не обрели новое качество: они превратились в ступени к трону. Достигнуть этого мог только великий труженик на ниве власти. И незаурядный режиссер.

И что примечательно: Сталин не запрещал копировать свои постановки. Вот уже его приемами пользуются в профсоюзных, комсомольских и прочих организациях. Сталин эпитетов не наказывал. А ведь мог.

Необузданной доброты был человек...

ПОСЛЕДНИЕ СТУПЕНИ

После смерти Ленина иные его проницательные соратники, наблюдая за политическими маневрами генсека, стали опасаться переворота. А переворот-то уже произошел. В двадцать шестом Сталин начал организационно закреплять совершенный им переворот. На XV съезде (декабрь 1927 г.) генсек убрал из руководящих партийных органов 75 активных оппозиционеров, некоторых исключил из партии. А всего вычистили из партии около двух тысяч человек. После исключения лидеров «объединенной оппозиции» Сталин устроил на заседании Пленума ЦК маленький спектакль. «Я думаю, что до последнего времени были условия, ставящие партию в необходимость иметь меня на этом посту, как человека более или менее крутого, представлявшего известное противоядие против оппозиции. Сейчас оппозиция не только разбита, но и исключена из партии. А между тем у нас имеется указание Ленина, которое, по-моему, нужно провести в жизнь. Поэтому прошу Пленум освободить меня от поста генерального секретаря. Уверяю вас, товарищи, что партия от этого только выиграет».

Пленум конечно же вновь избрал лицедея генсеком. Единогласно.

Этот год стал поворотным в карьере Сталина. Он еще не Хозяин, но уже Вождь. Он настолько уверен в тщательно подобранном ЦК, что позволяет себе упомянуть о завещании Ленина как о некоем анахронизме.

К той поре Сталин вполне созрел и как партийный демагог, овладевший всеми приемами. Он мог уже самостоятельно дурачить массы и успешно противостоять конкурентам, соперничать с такими записными ораторами, как Троцкий, Зиновьев. Излюбленный ораторский прием Сталина, усвоенный им в духовной семинарии, — система риторических вопросов-ответов. На готовый вопрос следовал готовый же ответ. Этот прием верно служил ему и при чтении своих речей, и во время дискуссий, когда он «экспромтом» парировал критические выпады оппонентов. В области демагогии Сталин показал себя мастером крутых поворотов, неожиданных маневров. То, над чем он иронизировал вчера, завтра становилось его «коньком», рекламным лозунгом. Для политических конкурентов, оппонентов этот лозунг оборачивался плеткой. Искусно им пользуясь, генсек под улюлюканье отлично срепетированной клаки изгонял вчерашних соратников из чертогов партийной власти.

И еще один штрих. Он учил партию никогда не останавливаться на достигнутом. И для него это стало правилом жизни. В неуклонном движении вверх по лестнице власти Сталин не давал соперникам ни дня передышки. Если ему удавалось сегодня нанести удар, он тут же начинал готовить новый. Так было и в 1927—1928 годах: подготовив на XV съезде и в последующие месяцы нужную моральную атмосферу в партии, он в начале 1928 года отважился на прямые административно-репрессивные меры против своих главных конкурентов. Троцкого с семьей вывезли в Алма-Ату. Около тридцати ведущих «троцкистов» выслали из Москвы. Зиновьева и Каменева Сталин отправил в Калугу...

Эти невиданные в партийной жизни меры следует рассматривать в исторической перспективе как репетицию будущих тотальных репрессий. Сталин бросил в пруд пробный камень и наблюдал с берега за возникшим волнением. Вот волны достигли берега, и... ничего, ровным счетом ничего не случилось. Обошлось! Значит, можно удалять соперников и таким способом.

Расправляясь по одиночке с Бухариным, Рыковым и Томским, Сталин заботился о камуфляже: ни у кого не должно

зародиться подозрений, будто генсек убирает соперников. Нет он ведет принципиальную борьбу с «правыми».

После XX съезда Григорий Петровский еще оставался директором Центрального музея Революции, но сразу добиться посмертной реабилитации старшего сына Петра, причисленного Сталиным к «правым уклонистам» и заодно к группе Рютина.

В музей пришел аспирант МГУ с просьбой помочь реабилитации отца, который был другом Петра Петровского.

— Между прочим, мой отец, — сказал посетитель, — не участвовал ни в какой «правой оппозиции», хотя и был обвинен, потом уничтожен...

— Какая там «правая оппозиция»! Просто это были мальчишки, которые раньше нас, старых дураков, разобрались в том, чего стоит этот эфиоп...

И Петровский указал на портрет Сталина, висевший под головой.

Когда кампания удушения «правых» достигла кульминации, Томский, Рыков и Бухарин решили подать в отставку Сталин не мог все предвидеть, но правильно сманеврировать, вовремя отступить, уловить подходящий для контрудара момент — им искусством он уже овладел. Момент еще не наступил, и пришлось генсеку уговаривать лидеров «правых» не покидать свои посты. В этой редкой ситуации они могли бы объединить силы и выступить против Сталина, разоблачить его как демогога и подлинного фракционера. Вместо этого «правые» подписали совместно со Сталиным тезисы, демонстрирующие единство Политбюро.

Избрав однажды тактику обреченных кроликов, Бухарин, Рыков и Томский останутся верны ей до конца, явив миру уникальную способность к компромиссам с удавом.

В 1927 году генсек посетил Ленинград. После разгрома так называемой «новой оппозиции» произошла смена ленинградского руководства. Во главе губкома в 1926 году был поставлен Сергей Киров, прибывший на XIV съезд как первый секретарь ЦК Компартии Азербайджана. Сталин так спешил закрепить свой новый успех, что Кирову пришлось отправиться в Питер сразу же по окончании работы съезда.

И вот Сталин совершает инспекционную поездку. По случаю его приезда собрался партактив. Встретили генсека холодно, он никогда не пользовался здесь популярностью.

Ужинали поздно вечером на квартире Кирова. Был там и Петр Иванович Чагин, старый друг Кирова, бывший редактор «Бакинского рабочего». Теперь он работал в Ленинграде

Ужинали на кавказский лад. Сталин нанизывал на шампуры куски рыбы и жарил рыбный шашлык в камине. Запивали сухим вином. После ужина Сталин закурил трубку. Зашел разговор о трудностях, о положении в партии. Вспомнили Ленина.

«Смерть Ленина — страшная утрата для партии, — с грустью заметил Киров. — Нам надо всем сплотиться и постараться коллективом заменить Ильича».

Сталин по обыкновению прохаживался по комнате, молча слушал. «Да, конечно, — сказал он, — ЦК, коллектив — это все очень хорошо. Но русский мужик царист: ему нужен — один». При этих словах он поднял кверху указательный палец. Наступила пауза. Собеседники были ошеломлены.

Один он, Сталин, мог взять на себя хлопотную миссию — потрафить «русскому мужику». Оставалось обратить кресло генсека в трон самодержца — во исполнение «мужицкой мечты».

Термидор уже начался — к такому выводу пришел А. А. Иоффе незадолго до самоубийства в ноябре 1927 года.

Тот, кто осуществил термидор в России, назовет обвинения в термидоринском перерождении партии «глупой агитацией». Сам генсек глупой агитацией не занимался.

Обозревая десятилетнее движение Сталина к единоличной власти, приходишь к мысли, что на него работали также и законы истории. Народные революции во Франции, Германии, Англии, Италии, Испании неизменно тонули в мощном потоке контрреволюции. Так случилось и с революцией российской, где на гребне мутной волны оказался Иосиф Сталин. Но мог всплыть и другой.

Сталинизм как система социально-экономических отношений возник не по злой воле одного человека, его породили определенные исторические условия. Октябрьская революция, освободившая народы бывшей царской империи от гнета помещиков и буржуазии, не смогла обойтись без насилия. Низкий уровень общей культуры, и особенно политической, отсутствие прочных демократических традиций, преобладание в общественном сознании рабской психологии — все это усугубило противоречивость революционного процесса. Советская власть провела обобществление средств производства, решительную централизацию управления экономикой и общественной жизнью, начала ломку устаревших национальных отношений. Искусственное ускорение этих коренных преобразований породило немало негативных явлений в ходе социалистического строительства. Трагедия гражданской

войны, недовольство крестьянских масс, мучительный поиск российской интеллигенцией своего места в новой жизни и отток значительной ее части — так проявила себя противоречивая диалектика революционной борьбы.

Восстанавливая картину прошлого, исследуя феномен Сталина, понимаешь, что предпосылки к установлению личной диктатуры зародились уже в семнадцатом году. Сталин сумел их использовать с максимальной для себя выгодой.

Объективные причины, породившие сталинщину, выстраиваются в логический ряд.

А субъективные?

КРЕМЛЕВСКИЙ ПТИЦЕЛОВ

Сталин стал Сталиным не только в силу исторических обстоятельств. Это был незаурядный человек. Воинствующий антиинтеллектуал, он, казалось, во всем уступал Троцкому, Каменеву, Зиновьеву, Бухарину, сотням выдающихся партийных деятелей. Они обладали рядом заметных преимуществ: образованием, ораторским талантом, культурой. Он превосходил их всех силой характера и целеустремленностью. Сталин обладал уникальным комплексом самых агрессивных качеств: природная хитрость и коварство; обезоруживающая наглость и цинизм; презрение к человеку и человечеству; озощенная жестокость. Без этих качеств ему не удалось бы стать властелином.

Но мы еще не исчерпали всех богатств сталинской натуры.

«Взгляни на первую лужу, и в ней найдешь ты гада, который ироичеством своим всех прочих гадов превосходит и затмевает». Это наблюдение русского сатирика Салтыкова-Щедрина нашло неожиданное продолжение в трудах американского биолога Роуса. Он сделал любопытное открытие: если в группе головастиков, поселившихся в луже, один окажется в какой-то момент крупнее других, то лишь он один будет набирать рост и вес, остальные перестают расти и погибают. Естествоиспытатель пробовал ежедневно заменять треть воды в луже новой — картина не менялась. Крупная особь явно угнетала остальных каким-то выделяемым ею секретом.

Обозревая этапы десятилетней борьбы Сталина за власть над партией, замечаешь, как при помощи вульгарного «ироинства» ему удалось вначале «затмить» остальных, а потом и придавить...

...Иосиф Джугашвили начинал на родине, в Закавказье, но нигде — в Тбилиси, Баку, Батуми — не мог ужиться. Местные большевики очень скоро раскусили этого склочного карьериста. И отстранились.

Шаумян, Богдан Кнунянц, Орахелашвили, Махарадзе не предостерегли Ленина. «Чудесный грузин» пришелся ему по душе. Дорого это обойдется партии.

Они стремились к разным целям: Ленин работал на революцию, Коба — на себя.

Средства у них тоже были разные: Сталин интриговал, провоцировал, давил и убирал с дороги каждого, кто стоял на пути к власти, — и чужих и «своих». Как тот главарь в Бутырках.

Беда, если в среду профессиональных революционеров проникнет уголовник.

Необузданный экспроприатор-налетчик, Сталин уже в 24 году надел на себя тяжелые вериги придворного этикета. Искусный лицедей, он весьма правдоподобно исполнял роль мудрого, доброго Вождя, Отца народов.

В компании записных лицедеев Сталин был первым. Он познал до тонкостей кремлевские подмостки, до досточки, до гвоздика изучил кулисы и декорации, овладел скрытой механикой сцены. Сталин-актер не нуждался в специальном режиссере, чувствовал себя свободно на сцене и за кулисами.

Человек, для политического поприща одаренный весьма скупое, он настойчиво вырабатывал в себе необходимые качества оратора, партийного лидера, режиссера. Зрители его нимало не волновали: их приучили верить всему, что говорилось на главной сцене. Приучили дружно, по сигналу выражать «свои» чувства одобрения или порицания.

В начале двадцатых дебаты гремели на всех собраниях, заседаниях, конференциях, съездах. Так было и в ЦК. Неумимым полемистом был Ленин. На этом фоне умение Сталина молчать казалось фантастическим. Выработанную десятилетиями молчаливость Сталин превратил в острое оружие, с помощью которого ему удалось выиграть не один политический бой. И еще — отмеченное нами — умение повелевать. Сталин возвел его в ранг искусства, в котором ему не было равных.

Сталин — гений, если это понятие вообще применимо к политическому разбойнику, гений закулисного маневра, человек сатанинской хитрости. Не «серая клякса» (выражение Троцкого), не тупица искусно плел кремлевские интриги. Не параноик.

Один историк метко подметил, что революцию совершают честные, идейные подвижники. А плодами их победы пользуются потом ловкие люди. Таким ловким человеком в России оказался Сталин. Самым ловким из ловких.

Никто его не остановил, да и не пытался всерьез это сделать. Соловьями заливались на съездах-собраниях вожди-златоусты. Но два соловья на одной ветке не поют. А тут вон их сколько слетелось!.. Не ведали они того, что тот, кто оборвет их залиvistые трели, потом и перья пообщиплет. А затем по клеткам рассует и придушит поодиночке. И сделает он это, кремлевский птицелов, под барабанную дробь беспощадной охраны. Никто уж боле не услышит те наивные трели...

Россия веками не знала демократии. Лучшие умы сражались за нее, но привить народу вкус к ней так и не успели. Большевистская партия не обладала опытом подлинно демократической политики. Буржуазную же демократию ругали во все времена.

Процесс бюрократического перерождения партии начался в первые советские годы как результат единовластия. Сталин прокладывал фарватер. Оседлав объективные обстоятельства, он нещадно прищипоривал коня и сумел первым прийти к финишу. В этом его личная заслуга.

Свою кремлевскую корону Сталин выковал сам. Пока подручные — молотовы, кагановичи, ждановы, куйбышевы, калинины, ворошиловы, микояны — усердно раздували мехи и подносили уголек, пока Троцкий, Зиновьев, Каменев, Бухарин, Рыков, Томский спорили — а нужен ли партии вождь? а хорошо ли это? — кузнец ковал и ковал, не давая остыть металлу. И снисходительно позволял избранным отирать пот с его низкого лба.

Как это ему удалось?

Федор Сологуб ответил на этот вопрос еще в 1926 году.

Побеждает тот, кто зол.
Добрый малый — ты осел!
Не хвались, что ты силен,—
Попадешься ты в полон.
Тот, кто зол,— не утомим,
И не справишься ты с ним.
Не помогут яд и нож,—
Пустит в дело злую ложь.
Лжи поверят, правде — нет,
И сойдется клином свет.

ИОСИФ — СТРОИТЕЛЬ

МУЖИКОБОРЕЦ

ДЕРЕВЕНСКИЙ ПОГРОМ

Минуло десять лет после гражданской войны, а страна все еще заметно отставала от передовых капиталистических стран. Ссылаться на послевоенную разруху становилось неудобно. Надо было что-то строить. Но что и как? Новая экономическая политика спасла от голода, внесла оживление в хозяйственную жизнь. Уже в 1922 году пошли на экспорт первые партии пшеницы твердых сортов. Ежегодный прирост производства зерна в 1922—1928 годах составлял в среднем 10 процентов по отношению к предыдущему году. В 1926 году уровень довоенного 1913 года был уже превзойден. А вот промышленность прошла к 1927 году только половину этого пути. По мысли Ленина, нэп должен был ускорить создание тяжелой индустрии и социалистического земледелия. Сталин собственной политической концепции не имел. Разработка научно обоснованной программы построения социализма была для него задачей непосильной. Он видел, что зажиточные крестьяне, именуемые кулаками, вошли в силу, превратились в основных поставщиков сельскохозяйственных продуктов. В конце 1927 года стала ощутимей острая нехватка зерна: крестьяне не спешили продавать хлебные излишки, уповая на высокие весенние цены. «Оппозиционеры» еще летом предложили отобрать зерно силой. Но Политбюро не пошло на эту меру. Сам генсек на XV партсъезде в декабре двадцать седьмого высказался за умеренную политику в деревне.

Но вот завершил работу съезд, партия очистилась от «троцкистско-зиновьевской оппозиции», и Сталин посылает на места «предписание» в кратчайший срок и любыми способами выполнить план хлебозаготовок. Пригодились ранее отвергнутые рекомендации «оппозиционеров». Сталинская директива развязала руки его наместникам: ради сохранения власти они теперь могли, обязаны были применять чрезвычайные меры.

Отдавая 6 января 1928 года эту директиву-приказ, Сталин

действовал уже как вождь, стоящий над ЦК, способный единолично круто повернуть политику партии. А для того чтобы придать вес своим действиям, генсек объявил XV съезд съездом коллективизации и с этой фальшивой приметой записал его в историю партии.

К тому времени относится историческая поездка Сталина в провинцию. Нет, ни одной деревни он не посетил, ни с одним крестьянином не встретился. Он побывал в Новосибирске, Барнауле, Омске, дал нагоняй партийным секретарям, обвинив их в ротозействе, мягкотелости, в «срастании» с кулачеством. С подобными ярлыками было снято с постов свыше тысячи работников окружного и районного масштаба, а также низового аппарата на селе. Многих исключили из партии. То был действительно «исторический» визит. Второго явления Вождя народу история не знает. Сталинские директивы дышали гневным нетерпением. Генсек требовал от местных парторганизаций обеспечить хлебозаготовки любыми средствами.

Решения XV съезда предусматривали постепенное ограничение эксплуататорских тенденций кулачества. Сталин уже через три месяца после съезда призывает к непримиримой борьбе с «кулацкой опасностью». То был сигнал к гражданской войне в деревне. Волна конфискаций, насилия прокатилась по всей стране. Аресты, повальное изъятие хлеба, даже у бедняков. На Северном Кавказе возникли чрезвычайные «тройки» — прообраз будущих особых совещаний.

Однако очень скоро стало ясно, что террором хлебозаготовок не поднять, доверия крестьян не завоевать. Можно лишь углубить сельскохозяйственный кризис. И уже летом Сталин бьет отбой: административный нажим, «нарушения революционной законности» (читай — экспроприации), репрессии объявлены нежелательными и вредными. Генсек обещает крестьянам завезти промышленные товары и повысить закупочные цены на хлеб — в предвидении нового урожая. В этом духе выдержана и резолюция Пленума ЦК, состоявшегося в июле.

Новый зигзаг. И не поймешь сразу, в какой ипостаси выступает сегодня генсек. Да ведь это было уже: в иное время, при ином властелине. И называлось это «политикой кнута и пряника».

Пришла новая зима, подсчитали тощие поступления и... вернулись к политике кнута. Последовала серия грозных директив. К тому времени многие зажиточные крестьяне распродали свое имущество, оставшиеся сократили посевные

площади, но второй тур экспроприации все же дал немного хлеба. Зато весной 1929 года застопорилось. Не стало хлеба, продовольствия. В городах ввели карточную систему — предвестник голода.

Неудачи не отрезвили Сталина. Он ищет и, как ему кажется, находит выход в... немедленной коллективизации сельского хозяйства.

В 1927 году XV партсъезд дал установку на постепенное развитие всех форм кооперации, не одних лишь колхозов. Планировалась также государственная помощь индивидуальному хозяйству бедняков и середняков. Эту линию подтвердили все последующие партийные решения, вплоть до весны двадцать девятого года. Вполне определенно высказался на сей счет и генсек. В канун празднования десятой годовщины революции, 5 ноября 1927 года, Сталин уверял иностранные рабочие делегации в том, что коллективизация сельского хозяйства будет осуществлена постепенно, мерами экономического, финансового и культурно-политического порядка.

А потом — кнут в руки и ну стегать строптивного коня! Вождь провозглашал постепенность и строгое соблюдение партийной линии в широковещательных выступлениях для простаков, а местным работникам (в выступлениях не для печати) предписывал свирепые, форсированные методы преобразования деревни. Отброшен, как ненужная бумажка, пятилетний план коллективизации, скромный, а потому реальный. Без оглядки на тылы вперед, к сплошной коллективизации!

...Анализируя финансовое и экономическое положение страны, заместитель наркома финансов Фрумкин сообщил на заседании Политбюро, что политика сплошной коллективизации и принудительного изъятия хлеба уже привела к сокращению посевной площади. Эта политика работает против нас, ведет к ликвидации новой экономической политики, запланированной Лениным на длительное время. Сталин обрушился яростно на Фрумкина: снять этого нытика с поста!

Тогда же против политики насильственной коллективизации выступил Николай Бухарин.

Генсек продолжал гнуть свою линию. Выдавая желаемое за действительное, он объявил кризисный двадцать девятый «годом великого перелома». Так озаглавлена его статья, опубликованная в «Правде» 7 ноября 1929 года. Если сопоставить эти громкие слова с тощими цифрами — 7,6 процента коллективизированных хозяйств на 3,6 процента посевной площади страны, то от «великого перелома» не останется ничего, кроме грома фанфарных маршей.

И начались колхозные гонки. Если одна область обязалась завершить коллективизацию к осени тридцатого года, то соседняя клялась Центральному Комитету выполнить сталинскую директиву уже летом. Многие областные и даже республиканские лидеры пришли к финишу весной, о чем отрапортовали товарищу Сталину.

Покойный писатель Борис Норильский, автор повести «Черное и белое», составил достоверное и простое описание технологии поголовной коллективизации. Начальник местного ГПУ Мякишев поучает уполномоченного Михаила Седого: «Ты проводишь коллективизацию, я — паспортизацию. С Беляевкой решено так: кто не попадает в твой список, попадает в мой, и — плакал паспорт. Так что не очень напрягайся, только шепни, р-раз — и мой. Сто процентов у тебя, сто процентов у меня. Сто и сто — двести. Уловил?»

То была авантюра чистой воды: без техники, без денежных средств, без специалистов, без всего самого необходимого организовать тысячи коллективных хозяйств можно было только на бумаге. Между тем повальная коллективизация, проведенная в фантастические сроки, была объявлена величайшей победой партии в сельском хозяйстве... Этот период ознаменован зарождением показухи — непрямого атрибута сталинской эпохи. Показуха оказалась неистребимо живучей: она въелась в экономику, потом проникла в науку, культуру, быт. Так въелась, что ныне ее и уголовные преследования не берут.

Страшным горем обернулась разрекламированная «победа» колхозного строя для крестьян — разорением, унижением, миллионами смертей. То был один из самых крутых политических поворотов: повсеместно велено было насаждать не только колхозы, но и совхозы и даже коммуны. Именно насаждать — к этому призывал Сталин в декабре 1929 года.

Крестьяне начали прятать зерно, резать скот, птицу. Стон стоял по деревням. И росло сопротивление насилию. Спровоцированная генсеком война ширилась, более двух тысяч вооруженных выступлений крестьян произошло только в начале 1930 года, до середины марта.

А хлеба в стране становилось все меньше и меньше. Пришлось Сталину еще раз отступить. Новый (какой уж по счету?) зигзаг назывался «Головокружение от успехов». Эту статью генсек опубликовал в «Правде» в марте 1930 года. Оказывается, некоторые товарищи неправильно поняли указание ЦК и напрасно форсировали темпы коллективизации, забыв о принципе добровольности.

Выступление Сталина оказалось всего лишь театральным жестом. Ни о чем он лично не сожалел, виновными в «перегибах» были объявлены местные руководители. Ничего менять в своей политике генсек не собирался. Пройдет десять лет, и Сталин совершит грабительский набег на крестьян Прибалтики, Западной Украины, «добровольно» вставших под его руку. Недовольных — в Заполярье, в лагеря. И назовет он эту истребительную акцию привычно — «коллективизация».

А после большой войны, которую Сталин против собственного ожидания выиграет, он пройдет метлой сплошной коллективизации по другим землям. И выметет из сопредельных стран изобилие. Вместе со свободой.

В новой жизни разве это нужно?

А тогда, в тридцатом, чтобы придать своей статье «Головокружение от успехов» и вес и силу директивы, Сталин отдает распоряжение судить местных работников за «левацкие перегибы». Все тот же прием: «Держи вора!»

Тащат его, сердешного, местного работника, к судье, а он, подобно свинье из басни Крылова, повторяет:

— Я ли, не жалея рыла,
Обшарила весь задний двор?

Многие шарили по чужим дворам и участвовали в ликвидации «кулаков» с увлечением мальчишек, заполучивших впервые в жизни галифе, кожаную куртку и вожаденный наган. А наган — это власть над людьми. Организуя деревенский погром, Сталин опирался на армию властолюбцев и карьеристов из низовых работников.

«Достают хлеб горбом, достают и горлом» — эта пословица родилась на селе в те годы. Суждена была ей долгая жизнь...

Это произошло в одном подмосковном районе. Секретарь райкома Петухов звонит в окружной комитет партии:

— У меня началось восстание! Прошу выслать войска.

Секретарь окружкома Мясоед ответил, что паниковать партия никому не позволит, и распорядился:

— Сиди в своем кабинете, сейчас приеду.

Прибыв на место, товарищ Мясоед предложил секретарю райкома отправиться вместе в непокорное село, в центр восстания.

Петухов взял наган, пристегнул кобуру к ремню.

— Никакого оружия! — воспротивился старший.

Но Петухов наотрез отказался ехать в село без нагана.

Спорили долго, наконец сошлись на том, что Петухов спрячет наган в карман и ни в коем случае оружие в ход пускать не будет.

Прибыли в село, собрали колхозников. Их набралось в тесной избе человек сто. Статья в «Правде» «Головокружение от успехов» им была известна, и они потребовали в один голос:

— Распускай колхоз!

— Почему весь колхоз? — спросил секретарь окружка. — Пусть подает заявление о выходе из колхоза каждый желающий сам.

— Нет, — ответили из толпы. — Ты сначала распусти, а потом уж кто захочет, пусть образует новый.

...До четырех утра так вот кричали. За махорочным дымом уж лиц не видно. Припер народ секретарей к стенке, вот-вот задушит-разорвет.

— Не выпустим, пока не распустите колхоз!

Петухов за наган хватается, а старший — его за руку. Но деваться некуда, пришлось уступить. Кто только объявили о роспуске колхоза, крестьяне потребовали вернуть семена.

— Вот это уж не в нашей власти, — сразу нашелся товарищ Мясоед. — О семенах пусть райисполком решает.

А крестьяне свое:

— Не выпустим, пока семена не получим.

Добровольцы кинулись за кладовщиком, но тот успел удрать. Настало утро. Все устали, даже самые крикливые. Тут объявили запись в новый колхоз. Записалось человек семь, одни бедняки. Наконец выпустили партийных секретарей на волю.

Семян в райисполкоме, разумеется, не дали. Да и как пахать-сеять, если власти успели распахать все межи и не оставили лошадей? Остались крестьяне ни с чем.

А Петухов подал в МК заявление, в котором обвинил товарища Мясоеда в роспуске колхоза. Однако секретаря райкома в том же месяце арестовали как «врага народа», тем секретарь окружка и спасся.

Конец в духе времени.

И еще один зигзаг — постановление ЦК «О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении». Великий юморист придумал эту формулу: как можно искривлять изначально кривую линию? И великий профан надумал распустить насильно организованные колхозы именно весной, когда начинался сев. Кто исчислит новые потери? Кто назовет число районов, где от былой коллективизации не осталось

ничего, кроме заколоченных изб? Достойное завершение гигантского политического слалома.

В некоторых местах партийные чины, наделенные достаточно острым нюхом, восприняли выступление Вождя как пропагандистский маневр и не разрешили почтовым отделениям рассылать номер «Правды» со статьей Сталина. Лишь когда распахали все межи, так, что насильственно согнанные в колхозы хлеборобы не могли восстановить границы своих земельных наделов, местные власти дозволили населению ознакомиться с «Головокружением». Так поступили в Терском районе на Северном Кавказе. Один из тогдашних руководителей района попал позднее в лагерь, семнадцать лет отсидел, но до конца дней своих хвастался тем, как доблестно провел крестьян в двадцать девятом году¹⁰.

Невероятное дитя невероятной эпохи!..

Но были и в райкомах и в ЦК работники, которые приняли «Головокружение» всерьез и ослабили нажим на деревню. Горе простодушным! Их исключали из партии за «соглашательскую» политику, за «примиренчество», а в действительности за то, что не уловили всей глубины очередного гениального маневра Вождя. Минули считанные годы, и с ярлыком «правые уклонисты» они проследовали в истребительные лагеря.

Но что-то можно было спасти и в тех чудовищных условиях. В марте тридцатого года многие члены ЦК и даже Политбюро выехали в провинцию в качестве наблюдателей и проводников новой, выправленно-искривленной линии. В начале апреля на Украину прибыл Серго Орджоникидзе. Среди прочих он посетил Зиновьевский округ. Сопровождал его Станислав Косиор, первый секретарь ЦК КП(б)У. В этом округе меньше свирепствовали «опричники», экспроприация и принудительная кооперация основную массу крестьян не затронули. И партруководители подобрались дельные — в меру крикливые и не слишком жестокие. Словом, повезло крестьянам. Может, поэтому колхозы области не развалились сразу после амнистии, объявленной в марте. Только что закончили весенний сев. Вот это более всего и удивило Орджоникидзе.

— Как же вы без указаний, никого не спросив, начали сев? — спросил он местного работника. — Только давайте говорить начистоту, — предупредил Серго.

— Я иначе не умею. У вас в Москве 25 марта какая погода стояла — мороз, да? А у меня в степи пар от земли поднимается. Значит, надо немедленно сеять.

— А как с добровольностью? — не унимался Серго. — У вас что же, никто не вышел из колхоза?

— Многие хотели уйти, всего подано полторы тысячи заявлений. Но в области двести тысяч хозяйств. Решили всех желающих отпустить, но ведь их надо было снабдить семенами, выделить земельные участки. Вокруг этого начались бы распри, драки, тут и до убийства недалеко... А сев ждать не может. Собрали всех секретарей райкомов партии, посоветовались и решили перед севом провести во всех колхозах общие собрания. Создать везде комиссии по проверке соблюдения принципа добровольности при вступлении в колхозы, по состоянию озимых, подковке лошадей — всего шестнадцать комиссий. Секретарь обкома присутствовал на одном из колхозных собраний, и там при активном участии колхозников была разработана инструкция для всей области.

Серго слушал с большим вниманием, потом все же повторил вопрос:

— Как поступили с теми, кто пожелал покинуть колхозы?

— Очень просто: мы решили сначала провести сев, а потом уже повторные собрания колхозников с докладами комиссий. Когда закончили сев по области, и крестьяне вложили в землю свой труд, да убедились, что никто их действительно принуждать не будет, тысяча сто человек взяли свои заявления назад. Остальных мы отпустили.

— Да... — протянул Серго. — Если бы так везде гладко прошло...

— И у нас негладко. Кто вам сказал? Одно село совсем не хотело сеять, старообрядцы там жили. Что делать? Вызвал я директора МТС и распорядился послать рано утром пять тракторов и засеять поля старообрядцев. Так и сделали.

По всему было видно — Серго убедился, — что нельзя превращать местных руководителей в бездумных исполнителей чьей-то верховной воли, что в сельском хозяйстве, как и в любом хозяйстве, инициативу, самостоятельность не пресекать нужно, а поощрять. С Орджоникидзе (одним из немногих, но не будем идеализировать и его) можно было говорить откровенно, начистоту.

Оставим руководителей области в приятном заблуждении относительно мудрости принятых мер: на фоне безжалостной сталинской политики любой нестандартный шаг мог показаться мудрым.

И все-таки самое страшное в деревенской политике сталинской клики — это ликвидация кулачества как класса. Если обратиться к директивным выступлениям, то окажется,

что против экспроприации кулачества был не только Ленин, но и «великий продолжатель его дела». «Кулака надо взять мерами экономического порядка и на основе советской законности»¹², — заявил Сталин в декабре 1927 года на XV партсъезде.

Только так и могли рассуждать подлинные марксисты, не то что всякие там троцкисты и зиновьевцы, призывающие к экспроприации деревенских богатеев. И вдруг тот же Сталин на конференции аграрников-марксистов 27 декабря 1929 года выстреливает лозунг «Ликвидировать кулачество как класс!»¹³.

Слово «ликвидация» вошло в обиход: ликвидация кулачества и ликвидация ошибок в политике раскулачивания, ликвидация отсталости, ликвидация РАППа (Российская ассоциация пролетарских писателей)... Ликвидация... Ликвидация...

Можно объяснить новый зигзаг забывчивостью генсека: забыл о решениях партсъезда, забыл, что существуют ЦК, Политбюро, что созданы специальные комиссии... Только что «вся страна», «вся планета» отмечали его пятидесятилетие. Как только его не величали! Вот это он запомнил и своею властью, властью «вождя народов», распорядился приступить к делу, столь близкому его душе, — ликвидации кулачества как класса.

Через месяц-другой по указанию Сталина спустят на места директивы: ЦК рекомендует экспроприировать и ликвидировать не всех единоличников подряд и не сразу. В правительственной инструкции будет сказано о «гибкости». Жалкие попытки обуздать террор...

Официально в стране числилось около миллиона кулацких хозяйств. Коль скоро речь зашла о кулаках как действительно контрреволюционной силе, то основная их масса сражалась в рядах белой армии, вместе с ней отступала, потом эмигрировала. Настоящий кулак не стал ждать, когда представители касты бедняков разграбят его хозяйство, а самого поставят к стенке. Он давно распродал свое имущество и вместе с сыновьями подался в городские пролетарии. Так что главный удар экспроприаторов и карателей пришелся по середняку.

Всего за один год до трех миллионов «кулаков» с семьями и «подкулачников» выслали в дальние края, часть расстреляли, сотни тысяч отправили на истребление в лагеря. В категорию «подкулачников» зачисляли всякого труженика, сколотившего крепкое хозяйство своим трудом, трудом сыновей.

И любого бедняка, если он ненароком поддакнул «кулаку» или выразил недовольство сталинской политикой. И вообще любого человека — от середняка до батрака, — на которого сосед «зуб имел». Этот водоворот втянул в себя и многих исполнителей сталинских директив. Там, за колючей проволокой, они и встретились — раскулаченные и раскулачиватели. Там и землю получили — равное количество мерзлой земли на каждого мертвого.

Война велась на истребление. И на тотальное ограбление. Погром, учиненный Сталиным, отвратил от колхозов (и от Советской власти!) середняков. А без них бедными оказывались кооперативы. Вскоре вышло правительственное решение о передаче колхозам имущества раскулаченных. Сосед грабил соседа. Тащили все: телеги, топоры, горшки, зеркала, шубы, сапоги, свиней, кур, гусей, самовары, одеяла, платки. Сосед грабил соседа.

Сталин сравил неимущих с зажиточными и развязал новую гражданскую войну. Разделяй и властвуй!

Где границы между кулаком и середняком, середняком и бедняком? Этого не ведали даже в Кремле, в деревне и подавно.

И сосед грабил соседа. Сначала богатеи, потом зажиточных тружеников, потом всех подряд. Все награбленное (стыдливые историки скажут потом — «экспроприированное») неукословно попадет в сталинские закрома. Этим займутся воинские части армии и НКВД, мобилизованные рабочие, комсомольцы и местные чиновники — целая армия.

Мне вспоминается весна 1944 года. Наш этап следует из Москвы на север. Куда именно — знает лишь конвой. Поезд ползет медленно, делая мучительно долгие остановки на дальних запасных путях станций. Уже миновали Ярославль, Вологду, Коношу, с каждой станцией сокращается число вариантов конечного пункта. Скоро Котлас, отсюда два направления — на Вятку (этому старинному городу дали имя убиенного Кирова) и на Печору. Многоопытные рецидивисты уже вспоминают печорскую пересылку, запевают грустные лагерные песни. Бежать из заполярных лагерей — дело почти безнадежное. Они занимают верхний ряд трехъярусных нар, главари сидят возле забранного стальной решеткой небольшого квадратного окна-люка. Расположились с удобствами, просторно. Табаку, еды — вволю, «от пуза». Тихие беседы, созерцательное настроение.

Сюда, на третий ярус, шум возни фрайеров и мелкой уго-

ловной сошки на нижних нарах не долетает. Наш «пульман» — деревянная коробка на четырех осях, в которую втиснули сотню арестантов, свежую продукцию московских тюрем. Сбитые до невообразимой тесноты, отощавшие за месяц черепашого движения, «политические», не ведавшие в большинстве никакой политики, и «указники», никогда не читавшие многочисленных указов военного времени, — все это замордованное племя копошится в темноте, инстинктивно угадывая час выдачи пайка — куска глинообразного теста с запахом хлеба. «Политические» давно расстались с домашними вещами. Кто не успел выменять на махорку, у того украли или просто отобрали последний пиджак, брюки, ботинки, и теперь на вторых нарах эти шмотки разыгрываются в карты. Постепенно все то, что выбрасывалось на кон, очутилось в углу у Петра-Ловчила — верткого, наглого, везучего. Кое-кто считает, что дело не в везении. Но в шулерстве его не уличили, за это расплата известная — перо в брюхо. Петр-Ловчила был тоже вором «в законе», но рангом ниже тех, на верхотуре.

...Час Петра настал после станции Ухта, когда до Печоры оставалось 250 километров. Старшие воры позвали его к себе, достали с в о ю колоду карт, и вскоре Ловчила остался ни с чем. Все добытое им берахло легло аккуратной стопой в угол, под висевший на стенке кисет с табаком. Ему дали закурить — бывай, Петро...

Вряд ли главарь блатных нашего этапа копировал Сталина образца тридцатого года. Просто оба они действовали по канонам воровского мира, отсюда и сходство. Разница — в масштабах. Коба-Сталин тоже начинал с малого — ограбления почты, пароходных касс... От этих эксов он пришел к великой экспроприации крестьянства целой страны. Настал его звездный час.

То был грабитель с ненасытной политической амбицией. Только благодаря его, Сталина, гениальной прозорливости удалось вовремя ликвидировать враждебный класс кулаков. Деревенский погром он учинил под красным флагом. Все эти годы услужливые идеологи разрабатывали эфемерные программы опоры на бедняка, союза с середняком и ликвидации кулачества, спорили о различных вариантах сей абстрактной формулы и исступленно цитировали Маркса, Ленина, Сталина. И, споря, сходились в одном: «всемирно-историческая победа колхозного строя» была одержана под мудрым руководством великого Сталина.

Шумная пропагандистская кампания колхозного лихолетья была рассчитана на раскол деревни. Но этого Сталину показалось мало. Спровоцировав крестьян на междоусобицу, он пытался расколоть и традиционно крепкую крестьянскую семью, использовать в борьбе с «кулаками» и «подкулачниками» подростков и детей.

В селе Герасимовка на Урале мальчик донес властям на своего отца-кулака. Мальчика звали Павлик Морозов. «Подвиг» ребенка был увековечен в мраморе. Сын предал отца, и ему воздвигли памятник, и о нем сложили песни, поставили оперу. Эйзенштейн снял фильм. На примере Павлика Морозова воспитывали новые поколения пионеров.

А детям высланных или расстрелянных кулаков была уготована страшная доля. С клеймом «сын кулака», «дочь кулака» нечего было помышлять об учебе в стране всеобщего образования. Миллионы раскулаченных крестьян, миллионы крестьянских детей были лишены всего: дома и хлеба, свободы и гражданских прав.

Сообщая свои биографические данные, партийный функционер или совслужащий из крестьян — а в России преобладало сельское население — старался подчеркнуть, что его родители были бедняками чистой воды. В анкетах с гордостью писали: «Из безлошадных». Это было надежно, как в старые времена дворянское происхождение. Упоминание отца-середняка влекло за собой немедленную проверку. Выходцы из кулаков могли не затрудняться заполнением анкет.

Молодые люди, призванные в партийные и государственные органы, в армию и органы безопасности, эти юноши, свидетели погрома учиненного Сталиным в деревне, твердо усвоили одно: отныне все дозволено. Они были морально подготовлены к большому террору.

В подъезде московского дома, где живет некий инакомыслящий, дежурит молодой шпик, крестьянский внук. В годы коллективизации его деда грабили-убивали или он сам убивал? Попробуйте спросить. Благомыслящий шпик не ответит. Не потому, что по инструкции «не положено», а потому, что ему все равно. На прошлое ему начхать — так его воспитали.

В 1932 году Борис Пастернак решил вслед за другими писателями поехать в один из новых колхозов. Он хотел написать книгу о социалистической деревне. «То, что я там увидел, нельзя выразить никакими словами. Это было такое нечеловеческое невыразимое горе, такое страшное бедствие,

что оно становилось уже как бы абстрактным, не укладывалось в границы сознания. Я заболел. Целый год не мог спать».

...Который год власти экспроприируют, который год ликвидируют, а то и просто убивают, выселяют и сажают крестьян, а хлебозаготовки все скуднее. На Северном Кавказе дошло до выселения целых деревень и станиц. Но и эта драконовская мера не помогла. Можно было на пробу поднять закупочные цены на хлеб, мясо, овощи — они ведь уступали розничным ценам в десятки раз. Но какое дело строителю социализма до материальной заинтересованности рабочих и крестьян? Сталин поощрял практику вычерпывания продуктов до дна, не считаясь с урожаем-неурожаем, с наличными запасами. Многие колхозы оставались без семенного фонда, в избах после обходов-обысков — хоть шаром покати. Стоит кружка да ведрушка, чашка и на каждого ложка.

Навалился вождь-мужикоборец (за одно это слово Осип Мандельштам заплатил жизнью) всей силой государевой на деревню, неумоготу стало мужику. Одно оставалось, чтоб не околеть с голоду, — бежать. А куда? Воровать добытые потом продукты тоже «не моги»: за расхищение социалистической собственности знаешь что полагается? Сталин же не видел ничего, кроме «саботажа хлебозаготовок», не желал видеть. А против саботажа средство одно — террор.

Пустели деревни, притаились уцелевшие крестьяне, наступал голод. Он поразил добрую половину хлебопашной территории страны. Приводить цифры, свидетельства? Они известны всем, в ком сохранилась человечность и желание знать. Вымирали целые деревни — с детьми, стариками. Первыми умирали мужики. Те, кто еще в силах был двигаться, устремились к станциям железной дороги, в города, устилая путь трупами. Но вокруг — заградительные отряды, как на войне. И никакой надежды на спасение. Казалось, террор вот-вот захлебнется в голоде...

В двадцать первом году народу уже довелось пережить голод — следствие войн и разрухи. Пострадало семнадцать губерний, на грани смерти оказались двадцать миллионов крестьян.

Голод осени тридцать второго — весны тридцать третьего годов был страшней. И не только по масштабам. То был единственный в истории человечества голод, вызванный искусственно.

В двадцать первом на помощь Поволжью пришла вся страна. В голодающие деревни доставили 12 миллионов пудов семян и свыше 30 миллионов пудов зерна из государственных

фондов. Советское правительство охотно приняло помощь от иностранных рабочих и буржуазных правительств. На Волгу прибыли вагоны с продуктами из США — дар АРА (Американской администрации помощи).

В тридцать втором — тридцать третьем районы, пораженные голодом, не получили от государства ни одного килограмма хлеба. Ни одного ребенка не спас Сталин от голодной смерти! Однажды в разгар голодного бедствия он ехал отдыхать на юг. Поезд шел по украинской земле, и сопровождавший генсека редактор «Известий» Иван Михайлович Гронский сказал:

— Иосиф Виссарионович, крестьяне от голода гибнут, хлебоборобы... У нас есть в запасе немного валюты, надо закупать зерно за границей.

— Нет,— сказал жестко Хозяин.— Пускайдохнут. Они саботируют.

Но мало организовать голод, надо закрепить «достигнутые успехи». И Сталин вывозит зерно за границу. В двадцать девятом году — 2,6 миллиона центнеров, в следующем — 48,4, в тридцать первом — 51,8 и, когда голод стал повальным, еще 18 миллионов. Невелик экспорт. Но сам факт...

В двадцать восьмом году некоторые руководители предлагали закупать хлеб за границей. Этих «капитулянтов», этих «реставраторов капитализма» и «агентуру кулачества в партии» Сталин обвинил в «правом уклоне». И кремлевский богатеи начал продавать Западной Европе хлеб, отнятый у погибающих от голода крестьян. Миллионы голодных смертей — на нем.

В 1942 году, беседуя со Сталиным, Уинстон Черчилль спросил его, много ли жертв потребовала коллективизация. Сталин вскинул руки с растопыренными пальцами. Хотел ли он этим сказать, что коллективизация обошлась народу в 10 миллионов жизней или этот жест просто означал «много, очень много!»? Для этого профессионального гуманиста избивание миллионов стало обыденным делом задолго до войны.

Разные источники называют разные цифры — от 3 до 6 миллионов погибших. А всего кампания насильственной коллективизации крестьян, «ликвидации кулачества», организованных Сталиным голода и репрессий стоила народу-хлебопашцу, по данным западных авторов, 20 миллионов жизней.

В том, что эта цифра не слишком преувеличена, нетрудно убедиться. Характерны данные по Украине: численность украинцев уменьшилась с 31 миллиона в 1926 году до 28 в

1939-м. Исчезло 3 миллиона. Но существует еще естественный прирост. Возьмем 2 процента (для среднего прироста процент довольно низкий), то есть 600 тысяч в год, или за 14 лет около 9 миллионов. Прибавим те 3 миллиона и получим 12 миллионов. Куда исчезли двенадцать миллионов украинцев? А ведь коса насильственной коллективизации прошла и по районам Северного Кавказа, Поволжья, Средней Азии...

В 1930 году из деревень выселили 115 тысяч «кулацких» семей, в 1931-м — 266 тысяч. Всего за два года 381 тысячу «кулацких» семей. Если считать, что средняя семья состояла из пяти человек, получится около 2 миллионов человек. Два миллиона только за два года! Но статистика не рассказывает еще о том, сколько «кулаков», их детей и стариков-родителей погибло, сколько попало в тюрьмы, лагеря. И какие муки пережили дети и внуки сосланных и арестованных, дети и внуки, лишенные всех гражданских прав! Некоторое представление об этом дают недавно опубликованные воспоминания И. Т. Твардовского.

Деление людей на жертвы войны и жертвы мирного времени весьма условно. Сплошная насильственная коллективизация — захват земли вооруженными отрядами, пленение миллионов зажиточных крестьян и изгнание их в гибельную ссылку, разграбление имущества, плановые убийства — что это, как не гражданская война, развязанная Сталиным в 1929 году?

Об этой войне, о жертвах коллективизации, о жертвах голода при жизни Сталина говорить никто не осмеливался. Молчали газеты, молчали ораторы.

А вот Ленин не убоился гласности в 1921 году! О голоде в Поволжье писали все газеты России, о нем докладывали на заседании Лиги Наций. Комитеты помощи голодающим были организованы во многих губерниях и при ВЦИКе. Владимир Антонов-Овсеенко, возглавлявший губпомгол в Самаре, эпицентре голода, по просьбе Ленина опубликовал брошюру о борьбе с голодом под названием «Спешите на помощь умирающим от голода». И ежедневные сводки в газетах. И статьи во всех журналах. И рассказы, повести писателей. И выступления на IX Всероссийском съезде Советов.

После беседы с беспартийными крестьянами, делегатами съезда, Ленин пригласил к себе Антонова-Овсеенко.

— Хорошо выступал ваш самарский крестьянин Бурматов. Но он говорил, товарищ Антонов, что у них в Ставропольском уезде людей едят...

— Это не совсем так, Владимир Ильич. Там, да и не только там, есть случаи трупоедства.

— Трупы едят? — переспросил Ленин и сказал с болью и гневом: — За это ответят интервенты.

А кто ответит за гибель миллионов хлеборобов в годы коллективизации?

В феврале 1933 года Сталин собрал в Москве I Всероссийский съезд колхозников-ударников. О чем только не говорил великий коллективизатор! Сначала — реверанс: я-де не думал выступать, но, так как вы настаиваете, — а сила в ваших руках — я обязан подчиниться. Потом он рассказал собравшимся несколько сказок: о 20 миллионах бедняков, ставших почти зажиточными, о счастливой социалистической жизни, которая ждет их завтра, и притчу о пользе терпения. Во время гражданской войны рабочим Москвы и Петрограда выдавали по осьмушке хлеба, и то наполовину со жмыхом. Целых два года терпели рабочие. Терпели и не унывали. Так что «ваши нынешние трудности, товарищи колхозники, кажутся детской игрушкой».

Добрый волшебник рассказывал, послушные дети слушали, в лозунги поиграли, отличными успехами похвалились. О чем угодно говорил устроитель этого спектакля, даже о бабе одной вспомнил, как она на общем собрании подол задрала, — о чем угодно, только не о голодных мучениях десятков миллионов братьев вот этих делегатов-ударников. А голод всю зиму неумоимо, свирепо косил кормильцев, сотнями тысяч косил. Об этом на съезде ударников — ни слова.

Зато Сталин новый лозунг «выстрелил»: «Сделать колхозы большевистскими, а колхозников зажиточными».

Есть такая грузинская пословица: «Если нет у тебя в руках палки — брось собаке кусок хлеба». Сталин никому ничего не давал — только отнимал. Он мог себе это позволить, ибо ни разу не выпустил из рук палки.

Ну а что же наши писатели, мастера социалистического реализма? В декабре тридцать второго года они соберутся на первый пленум оргкомитета своего союза — делить власть в литературе, громить рапповцев, перевальцев, напостовцев. И еще они будут воспевать успехи и победы, достигнутые под мудрым водительством Сталина. И ни слова о голоде, о трагедии страны! К тому времени они уже научились поддакивать и молчать.

Эммануил Квиринг, работавший после революции на Украине, отправил в восемнадцатом году в ЦК записку. Он

пришел к любопытному выводу: «Рабочий класс не представитель силы, он демократичен. А крестьянин — кто ему даст землю, за тем он и пойдет». Ортодоксы отнесли это высказывание старого большевика к разряду серьезных политических ошибок.

Сталин отнял у крестьян землю, и они за ним, естественно, не пошли. Тогда он отнял у многих из них саму жизнь, а менее строптивых милостиво переселил на край света. Но и оставшиеся не поняли его гениальных намерений. С тех пор в России не хватает хлеба. Так ли уж не прав был Квиринг?

И сколько бы казенные историки ни колдовали над цифрами, придумывая различные комбинации и выгодные точки отсчета, простую истину не обойти: двадцать восьмой год оказался пределом сельскохозяйственного производства на долгие годы — до самой войны. А если и выпадал когда урожайны год (спасибо погоде!), сколько зерна пропадало!

Типичный для тридцатых годов ландшафт: на железнодорожной станции возле путей высоким конусом насыпана пшеница нового урожая. Вагонов нет, складов тоже, и хлеб гибнет под дождем. А взять никто не смеет — зерно охраняет красноармеец с винтовкой.

Никакие шаманские заклинания о «дальнейшем подъеме сельского хозяйства» не помогали. Сталин и его наследники совершили то, что не удавалось никому за всю историю человечества: отвратили крестьянское сердце от земли. И стала земля проклятьем хлебороба.

Надежно порушил Сталин союз рабочих и крестьян, один из главных принципов революции, основу советского строя. Так под «мудрым его водительством» была одержана важная победа в войне с собственным народом. Боевые заслуги вдохновителя и организатора деревенского погрома были отмечены в 1930 году орденом Красного Знамени (как говорилось в приказе, «по многочисленным ходатайствам ряда организаций, общих собраний рабочих, крестьян и красноармейцев», но приказ почему-то был засекреченный). И милейший, исполнительный председатель ЦИК Михаил Иванович Калинин прикрепил к груди храбреца второй боевой орденом.

Все верно: историческая ответственность — на Сталине. Это конечно же не снимает вины с его «соратников» — Молотова, Кагановича, Ворошилова, Андреева, Шкирятова... И с хитроумного Микояна. И с ортодокса Жданова. И с послушного Калинина. Никто не восстал против тирана, все руку приложили к крестьянской гибели.

В этой истребительной войне участвовала целая армия штатных мародеров. Пройдя активную полевую практику, они стали специалистами по обыскам, грабежам, арестам, убийствам, выселению. Через несколько лет Сталин найдет этим мастерам достойное их квалификации применение.

В годы коллективизации народы бывшей царской империи пережили тяжелейший моральный кризис. Раньше Сталина боялись только партийные верхи. Теперь страх перед этим человеком испытали массы. С этим страхом они уже не расстанутся до самой кончины Отца родного. Непомерное горе, жестокость управителей надломили народу хребет. И люди ощутили себя подданными царя-ирода.

А как оценивала эту трагедию официальная историография?

«Бедняки стали обеспеченными людьми...» Достигнута «громадная, всемирно-историческая победа рабочего класса и крестьянства...». «Завершена победа социализма в сельском хозяйстве...» И все это — «благодаря смелой, революционной и мудрой политике партии и правительства». Это — из «Краткого курса».

Пришло время (оно промелькнуло как светлый миг), когда в трудах историков можно было выудить крупницы п р а в д ы. Учебник «История КПСС» (1963 г.) в таких выражениях критиковал «ошибки» периода коллективизации: «Недооценка Сталиным силы привязанности крестьян к своему мелкому, частнособственническому хозяйству, нежелание его прислушаться к разумным предложениям местных работников... явились самым крупным просчетом и источником многих ошибок. ...Хотя форсирование коллективизации исходило сверху, «от Сталина», он в своей статье «Головокружение от успехов» всю вину за ошибки... взвалил на местных работников, огульно обвинив их в головотяпстве».

В последующих изданиях роль «головотяпа» и его лживость оценивались более мягко и снисходительно. Зато там наличествуют пространные цитаты из Ленина. Кому-то угодно было вновь трубить о победе колхозного строя под мудрейшим водительством «товарища Сталина». Кому-то, из совестливых, называть деревенский погром «неудачным экспериментом». Вряд ли Сталин, решив поработить крестьян, думал, что совершает эксперимент. Ведь эксперимент предполагает пробу с отнюдь не гарантированным результатом. Сталин же заранее знал, что сомнет крестьян, задавит хлебобобов... Что они могли противопоставить могучей диктатуре?

Сталину не только и не столько нужен был хлеб, сколько политический эффект. И он получил его сполна.

У аварцев есть пословица: «Он хочет ради кудрюка пожертвовать овцой». Это — и о нем, радетеле.

Иосиф-строитель приступил к созданию нового общества. Первой жертвой пала деревня. Городу предстояло подниматься на Голгофу своим путем.

ИНДУСТРИАЛИЗАТОР

ВТОРОЙ СКАЧОК

Давно ли генсек поощрял частную инициативу, надеясь на крестьянское хозяйство, на живительную энергию нэпманов? В апреле 1926 года он еще не нащупал путь индустриализации страны. Наши управляющие органы, говорил Сталин, иногда попадают в положение того крестьянина, который «накопил малую толику денег и вместо того, чтобы починить на эти деньги плуг и обновить свое хозяйство, купил большую граммофон».

Еще не разработали теоретики программу экономического развития, еще ресурсы — сырьевые, технические, людские, финансовые — не позволяли планировать большие скачки. Это даже он, Сталин, видел, и XIV съезд ВКП (б), требуя развертывать промышленность, предостерегал: «Однако в строгом соответствии как с емкостью рынка, так и с финансовыми возможностями государства». Но двадцать седьмой год принес неожиданный зигзаг: генсек стал глашатаем экстренной промышленной революции, призвал на путь преодоления величайших трудностей «на основе энергично проводимой рационализации индустрии и ее расширения». Объявив всенародный поход за социалистическую индустриализацию, он нетерпеливо понукал пропагандистский аппарат.

Уже в конце 1927 года было объявлено о решающих успехах индустриализации. Собрав тощие цифры по промышленному производству и сельскому хозяйству, добавив к ним данные лесоразработок и рыбной ловли, экономисты положили на стол генсеку победную реляцию: к десятой годовщине Советской власти страна догнала наконец царское время, то есть достигла уровня 1913 года. Прирост валовой продукции крупной государственной промышленности по сравнению с 1926 годом составил 18,2 процента. (В действительности уровень 1913 года в такой решающей по тем вре-

менам отрасли, как выплавка чугуна и стали, был достигнут лишь в 1929 году.)

Граммофон, купленный на деньги, предназначенные на починку плуга и обновление хозяйства, не должен молчать. Непонятно только, почему в эти статистические игры не включили год 1920-й. Тогда приrost можно было бы исчислить в 1800 процентов.

Не способный самостоятельно проанализировать внутреннюю и международную обстановку и оценить экономические возможности страны перед большим скачком, Сталин не мог предложить научно обоснованную стратегию на будущее. Ему суждено было всю жизнь колебаться, кидаться от берега к берегу, не видя ни истоков, ни устья реки. Особенности подобного стиля руководства рано подметил Бухарин: «Спиливать телеграфные столбы на баррикады — хозяйственно очень неправильная политика».

Поначалу генсек придерживался экономических рекомендаций Бухарина, Рыкова, Томского, нареченных им вскоре «правыми оппозиционерами». Время показало, что рекомендуемый ими путь вполне мог стать реальным вариантом развития экономики.

В 1927 году Сталин уже склоняется к давним предложениям Троцкого, Зиновьева, окончательно устанавливает примат промышленности над сельским хозяйством — словом, вводит в жизнь ту самую «диктатуру промышленности», к которой призывал Лев Троцкий еще лет пять назад.

Но лидеры «новой оппозиции», выдуманной им в 1926 году, предлагали при индустриализации страны шире использовать иностранный капитал. В стране не было оборудования и техники, необходимых для создания современной промышленности, не хватало денежных средств, специалистов. Транспорт, дороги — в запущенном состоянии. В этих условиях предложение сдать в концессию некоторые заводы и фабрики, начать строительство промышленных предприятий с помощью передовых западных держав было разумным. Во всяком случае, об этом следовало подумать.

Но Сталин органически не умел мыслить широко, масштабно. Дельные предложения лидеров оппозиции он объявил «капитулянтскими» и вскоре же использовал для физической расправы над ними. Какое ему, в сущности, дело до укрепления народного хозяйства! Укрепление единоличной власти и собственного авторитета — вот над чем стоило думать. Думать много, постоянно... Что до народного хозяйства, то

тут можно — и должно! — применить силу. Она еще никогда не подводила.

...Госплан предложил два варианта пятилетнего плана (осень 1928 — осень 1933): отправной, то есть минимальный, и оптимальный, который завышал задания на 20 процентов. Сталин, а вслед за ним большинство ЦК остановились на втором. Он и был принят официально XVI партконференцией в апреле 1929 года. Нет, это, пожалуй, мягко сказано. Сталин заставил ЦК санкционировать произвольное увеличение плана.

К 1929 году Сталин почувствовал себя уже столь уверенно в кресле генсека, что мог дать волю характеру. Он горел нетерпением «догнать и перегнать» передовые капиталистические страны. В этой узколобой голове гнездились великодержавная спесь и абсолютное пренебрежение «массами», или как там их еще... «людскими ресурсами». В арестантских бушлатах или полувоенных гимнастерках (вольные женщины еще и в красных косынках), миллионом больше, пятью миллионами меньше — все это детали, которыми можно пренебречь на пути к великой цели.

Давно ли — в 1926 году, — будучи в Ленинграде, генсек упрекнул прожектеров: «У нас любят иногда строить фантастические промышленные планы, не считаясь с нашими ресурсами»?

А пять лет спустя: «Мы отстали от передовых стран на 50—100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут».

Первейший в России специалист по базису и надстройке склеил своего бумажного тигра — буржуазный Запад. И утвердил на десятилетия страх перед ним. Пропагандистский аппарат подхватил эту идею и понес ее в массы. Какая все-таки славная штука граммофон!

Утверждая, что страна отстала на 50—100 лет, генсек конечно же блефовал. В целом социально-экономический строй России можно было отнести к преимущественно аграрному, однако по уровню промышленного производства она уже достигла среднеразвитых капиталистических стран.

Несостоятельность скоропалительного решения генсека сказалась сразу же. Мировой экономический кризис привел к значительному падению цен на сырье. А что еще могла предложить тогда страна западным торговым партнерам? Нарушились советские планы экспорта промышленного сырья и закупки иностранной техники. Не оправдались надежды на широкую финансовую помощь ведущих капиталистических

государств. И еще одна беда, внутренняя: кризис в деревне сопровождался заметным сокращением сельскохозяйственного производства.

Первый же год показал, что ни одно плановое задание не может быть выполнено в намеченный срок. Надо было оперативно пересмотреть планы. И Сталин пересмотрел. Он предложил Совнаркому вдвое увеличить и без того неразумно завышенные контрольные задания пятилетки.

А на местах принимали свои встречные планы, которые превышали уже трижды завышенные... Неистовый гром кампании соцсоревнования и ударничества заглушил трезвые предложения — создать для немеченного скачка материальную базу, подготовить технические средства.

Одним из первых с критикой авантюристической политики Сталина выступил в 1929 году председатель Совнаркома РСФСР Сергей Иванович Сырцов.

Он пользовался большим авторитетом. Сырцов пришел к выводу, что настала пора сместить Сталина с поста генерального секретаря ЦК. В этом его поддержал Виссарион (Бесо) Ломинадзе, с которым у Сырцова в прошлом были политические разногласия. Ломинадзе пользовался особым доверием Серго Орджоникидзе. В свое время Сталин поставил молодого партийца во главе Закавказского крайкома.

Узнав, что сторонники Сырцова собрались на квартире Н. О. Нусинова, Сталин пригласил председателя Совнаркома республики на внеочередное заседание Политбюро. «Какие вопросы вы обсуждали сейчас на квартире Нусинова, товарищ Сырцов?» — спросил генсек. «Проблемы повышения продуктивности крупного рогатого скота, товарищ Сталин», — ответил тот. Генсек был невозмутим и пригласил в зал заседаний информатора. Сырцов, спасения ради, мог покаяться, но он предпочел в присутствии членов Политбюро высказать Сталину в лицо всю правду: и о нетерпимом положении внутри партии, и о том, что Политбюро превратилось в совещательный орган при генсеке, и о губительной политике насильственной коллективизации сельского хозяйства, и о вредоносных скачках индустриализации, о дutoй статистике... Неустанное подстегивание и искусственное наращивание темпов социалистического строительства ведут к экономическому хаосу, утверждал этот мужественный человек.

На заседании присутствовал Орджоникидзе, друг Сырцова, он пытался предостеречь его: «Остановись, что ты говоришь!» Совсем иначе реагировал Каганович: он потребовал

тут же расстрелять «оппозиционера». Но Сталин предпочитал окольные пути. Через несколько дней в ЦКК завели дело о фракционной деятельности Сырцова, Ломинадзе и других. «Оказалось», что их антипартийная деятельность привела к возникновению «лево-правого блока», поскольку они стоят практически на единой с «правыми оппортунистами» политической платформе.

Такая аппаратная казуистика могла бы показаться смешной, если бы не кончалась так страшно. Сталин в подобного рода делах оставался предельно серьезным. Вызванные в ЦКК «паникеры» пытались решительно отстаивать свою правоту. Сергей Иванович не терял надежды на объективное разбирательство и, оперируя точными данными, выявил всю опасность для страны и партии сталинской политики.

Генсек среагировал мгновенно: на свет появилось обвинение Сырцова и Ломинадзе в «расконспиривании секретных решений партии»...

Клевета, инсинуации. Разве в двадцать четвертом году, решив избавиться от резкой и справедливой критики Антонова-Овсеенко, генсек не к этим же средствам прибегал? И отстранил его от руководящей партийной работы, отправив до поры в дипломатическую ссылку. А пора казнить совсем, совсем не за горами.

Так же расправлялся генсек с Сырцовым и Ломинадзе. Сначала их, в прямое нарушение партийного Устава, в обход Пленума, исключили из состава ЦК, затем обоих отправили на Урал. Ломинадзе возглавил партийную организацию Магнитогорска. В 1936 году, получив срочный вызов в Челябинск, он по дороге, проезжая мимо нового трехэтажного здания тюрьмы, нанес себе смертельную рану. Но последнюю точку все же поставил Сталин, придумав к случаю террористическую группу Ломинадзе — Щацкина — Стэна и казнив двух последних. В тридцать седьмом погиб и Сырцов. Потом генсек будет тиранить членов семей убиенных — долго, жестоко, до последнего.

Ярким примером принципиальной борьбы против сталинской диктатуры вошел в историю Мартемьян Никитич Рютин. В 1928 году, когда Бухарин осудил политику насилия в деревне, Сталину понадобилась поддержка Московской партийной организации. Он предложил Рютину, тогдашнему секретарю Краснопресненского райкома, выступить против Бухарина. По воспоминаниям оставшейся в живых дочери Рютина, «отец пришел домой после встречи со Сталиным раздраженным и взволнованным и несколько раз повторил одну

и ту же фразу: «Откуда он взялся? Действительно, этот повар будет готовить очень острые блюда».

Возмездие накатило по отработанной схеме. Вначале группа членов Краснопресненского райкома обратилась в МК с заявлением, что Рютин примиренчески относится к правым. Затем, после специального обсуждения на пленуме МК и МКК, «примиренца» освободили от обязанностей секретаря райкома. На всю кампанию вместе с «оргвыводом» генсеку понадобилась неделя.

Через год Сталин направил Мартемьяна Рютина в Восточную Сибирь уполномоченным МК по проведению коллективизации сельского хозяйства. То была точно спланированная провокация, рассчитанная на новый взрыв негодования Рютина. И он последовал. Столкнувшись на практике с политикой уничтожения зажиточных хозяйств и преследования середняков, даже тех, кто сражался в годы гражданской войны против Колчака, Рютин направил в Политбюро подробную записку о перегибах в колхозном движении. «Опять этот левша лезет не в свои дела», — раздраженно заметил Сталин. Ему вторил Каганович, секретарь ЦК, ведавший тогда вопросами сельского хозяйства. А позднее Сталин использовал основные положения рютинской записки в своей статье «Головокружение от успехов» и в инструктивном письме ЦК «О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении».

Нечто подобное генсек проделал в двадцать четвертом году, когда использовал тезисы крамольного «Заявления 46-ти» в партийных документах как директивные.

В поисках повода для ареста Рютина генсек остановился на провокационном заявлении его бывшего сослуживца Немова, обвинившего Мартемьяна Никитича в... разглашении партийных тайн и антисоветских разговорах. Однако вскоре после ареста Сталин распорядился выпустить Рютина из тюрьмы. Генсек-игривец заготовил другой план, передав Рютина на партийно-следственный конвейер ЦКК в услужливые руки Емельяна Ярославского. И тот весьма оперативно исключил своего честного соратника по гражданской войне из партии.

В 1932 году противодействие сталинскому диктату стало приобретать организационные формы. Группа старых большевиков во главе с В. Н. Каюровым объединилась в «Союз марксистов-ленинцев» и обратилась к Рютину, уже беспартийному, с просьбой составить программу союза. В документе, написанном Рютиным, затронуты назревшие проблемы

социалистического строительства, резкой критике подвергнута антиленинская политика Сталина. Сам же генсек назван «великим агентом, провокатором, разрушителем партии», «могильщиком революции в России».

В текст программы внесли свои добавления Л. Б. Каменев, Г. Е. Зиновьев, Я. Э. Стэн, А. Н. Слупков. Органы ОГПУ выследили членов союза во главе с М. С. Ивановым, В. Н. Каюровым, П. А. Галкиным. Осенью последовали аресты и этапирование в дальние лагеря. Первыми жертвами стали двадцать четыре активных участника «Союза марксистов-ленинцев». Но этим мстительная натура генсека не могла удовлетвориться. С помощью новой провокации Сталин сочинил потом «рютинско-слепковскую платформу реставрации власти капиталистов и кулаков в СССР». Для смертного приговора Рютину требовалась санкция Политбюро. Ее генсеку получить не удалось: такое тогда еще могло случиться. Рютин был приговорен к десяти годам заключения. Решение о расстреле подоспело в тридцать седьмом.

Произвольно увеличивая пятилетние планы, Сталин не забывал подстегивать вконец обнищавшего деревенского коня. Михаил Икс в 1932 году возглавлял Запорожский обком партии. Получив сверху очередное задание по сдаче хлеба, он сообщил в Политбюро, что этот план явно завышен и просто невыполним. Секретарь ЦК Молотов поставил вопрос о строптивом руководителе на Политбюро. На заседание были вызваны еще два украинских работника. Икс явился веселым. Удивленный друг спросил его о причине радужного настроения. Икс ответил: «Я ведь выступаю сегодня в роли петуха: спою — не спою, заря все равно займется без меня...»

Коммуниста-бунтаря, члена партии с 1905 года, решили отправить на Дальний Восток.

На заседании Политбюро Сталин молчал, слушал прения с показным бесстрашием. Когда все свершилось, генсек переспросил фамилию провинившегося.

«Икс? Слушай, разве можно с такой фамилией работать секретарем областкома? Как твоё имя-отчество? Михаил Самойлович? Хорошо. Будешь Самойлов». (Кстати, таким же манером Хозяин переименовал Картвелишвили, дав ему фамилию Лаврентьев. Не так ли поступали помещики со своими крепостными?)

Когда подошла лубянская очередь Икса-Самойлова, он вспомнил услышанное когда-то: «Лучше ужасный конец, чем ужас без конца». Такой конец ожидал всех ответственных

работников, которые, подобно Иксу, позволили себе усомниться в гениальности сталинских предначертаний.

Долой нытиков и маловеров!

С эти веселым кличем молодежь строила в амурской тайге город Комсомольск, штурмовала Магнитную и берега Днепра. Возводила тракторные заводы на Волге, Урале, Дону. Строила дороги и каналы.

Незаметно для себя герои первых пятилеток — а героизм стал тогда массовым — прониклись идеей жертвенности и явили миру небывалую терпимость к нужде и лишениям. Так продолжалось годы, десятилетия, вошло в привычку. Тем временем функционеры власти, успев привыкнуть к жизненным благам, стали еще энергичнее проповедовать аскетизм.

Беломорско-Балтийский... Канал, лишь условно названный судоходным, — рекламная стройка, ставшая огромной братской могилой. Один из первых памятников ранней сталинщины...

Те же губительные тачки и лопаты в руках «вольных» женщин и комсомольцев на ударных стройках первой пятилетки. Бараки, ручной труд, лишения. Все то же, что и на Беломорско-Балтийском, только без колючей проволоки, без овчарок, без вохровцев. Да возможно ли так? Мыслимо ли это? Где же конвой? Нелепые вопросы. А энтузиазм и безоглядная вера в светлое завтра — они для чего существуют?

Вела от Москвы в глубь европейской части России и дальше, в Сибирь, кандальная дорога, прозванная в народе В л а д и м и р к о й. Переименовали ту дорогу, назвав ш о с с е Э н т у з и а с т о в.

В конце первой мировой войны генерал Иващенко построил неподалеку от Самары химические заводы. В советские годы поселок Иващенко-в стал городом Троцком, позднее его переименовали в Чапаевск.

Все кругом было желто от газов — голая, без живого ростка земля, бараки, лица людей. Чахла неприхотливая герань на окошках. В первой пятилетке производство расширили, число рабочих довели до 20 тысяч. Платили там хорошо, и голодные, раздетые крестьяне из окрестных деревень повалили валом. С энтузиастов брали подписку в том, что никаких претензий по поводу здоровья они администрации не предъявят. В особо вредных цехах выдавали маски и прорезиненные брезентовые костюмы. От отравления они не спасали: за четырехчасовую смену рабочий успевал получить дозу яда, достаточную для неминуемой гибели. Через три

года такой выгодной работы «энтузиаст» становился полным инвалидом и вскоре умирал.

В этих же цехах работали женщины. Их уверяли, что при соблюдении техники безопасности здоровью ничто не угрожает. Но уже через год женщина переставала быть женщиной. А потом — конец.

Приезжал как-то из столицы большой начальник, рекомендовал озеленить территорию заводов. Но в краю «желтой смерти» ничто не росло.

Стремительный, ничем не оправданный рост числа рабочих, вчерашних крестьян.

Учетверение фонда заработной платы в промышленности за первую пятилетку, товарный голод, подрыв твердого курса рубля — одно это, по мнению экономиста О. Лоунса, способно было расшатать и привести к кризису весь народнохозяйственный механизм.

Острая нехватка продовольствия, одежды, жилья. Снижение реальной зарплаты (только в 1940 г. она достигла уровня 1928 г.). И — жесткий паспортный режим, ограничение свободы передвижения. И — закон против прогульщиков. И — нормированная выдача продуктов питания, промтоваров. Талоны на мясо и хлеб, на брюки и галоши. Началась жизнь под знаком талона, жизнь, запущенная не на одно десятилетие.

На сессии ЦИК в январе 1931 года текстильщица с «Трехгорки» бросила вождям с трибуны: «Надо накормить рабочих сначала, а потом уж требовать от них». Отвечал ей сам глава правительства, которому голос депутата не понравился. Этот голос, сказал Молотов, «не является голосом рабочих». Смелую делегатку тут же заставили заняться самокритикой.

Иосиф-строитель подвел содеянному свой итог. И миллионы узнали, что в его стране подневольный труд превратился в «дело чести, дело славы, дело доблести и героизма»... Спрашивается: зачем все-таки крестьянину плуг, скотина? Не лучше ли купить граммофон?

Голодной смертью умирали разоренные хлебоборобы Украины, Кубани, Поволжья. Миллионы вышли с лопатами, тачками, телегами на строительство заводов — там хоть кормили. Прислушайтесь: ни одного революционного клича, ни одного вольного слова не доносится оттуда. Сталин создал надежную, с многократным запасом прочности государственную систему. Далеко не всякий мог разглядеть под демагогической позолотой рабские оковы.

Да, если бы не энтузиазм масс, помноженный на голод в

деревне и безработицу, строительство осталось бы без рабочих рук.

К тому же Сталину нужны были не просто заводы, а гиганты индустрии — знай наших! Стройки первых пятилеток действительно поражали размерами! Но какой ценой их создавали? Если руководитель новой отрасли промышленности предлагал построить для начала два завода, исходя из наличия средств, материалов и технических возможностей, генсек тут же увеличивал эту цифру в два, в три раза. Это вело к распылению средств, к замораживанию капиталовложений, затягиванию сроков строительства.

«Преступление Сталина не в том, что он хочет индустриализации, это — задача, давно вставшая перед Россией, — заметил А. Ф. Керенский. — Преступление его в том, что задача поставлена им вверх ногами».

Сталинское руководство создавало все новые и новые невероятные трудности, которые рабочим полагалось героически преодолевать. В том командном звене, где хозяйничали посредники между Вождем и массами, хватало своих прожектеров, своих авантюристов.

...Строящемуся Магнитогорскому комбинату требовалось много воды. Институт Водоканалпроект спроектировал плотину на реке Урал. Женщины в красных платочках навозили тачками огромную насыпь, но вот заполнили это рукотворное озеро, а вода обошла плотину с двух сторон. Пришлось ниже по течению реки строить новую плотину, по проекту и под техническим руководством американских специалистов. Она и поныне исправно служит. А первую, отечественную, затопили.

То, что советский народ все же сумел создать в годы первой пятилетки, это заслуга исключительно самого народа. Единственное, в чем сказалось положительное влияние Сталина на ход индустриализации страны, если принимать плетку как позитивный фактор, — это непрерывное подстегивание.

А какие звонкие лозунги сочинял Иосиф-строитель!

«Пять в четыре!»

«Техника в период реконструкции решает все!»

«Кадры решают все!»

Он составил (или ему составили, а уж он спустил в массы) знаменитые шесть условий улучшения производства — набор элементарных правил работы, знакомых каждому малолетнему подмастерью.

О том, как несознательные рабочие отнеслись к «шести условиям» Вождя, можно судить по частушке, сочиненной на мотив популярной народной песни:

Ой, калина-малина,
Шесть условий Сталина,
Четыре условия Рыкова,
Два Петра Великого!

«Пятилетку в четыре года!» «5 в 4!» Этот суперлозунг повторяли денно и нощно, как молитву, газеты, плакаты, радио, кино. Его скандировали на митингах, собраниях, совещаниях. Выкрикивали лекторы и дети, вожди всех рангов и актеры...

«5 в 4!» — снарядом пробился лозунг в школы и вузы.

Теоретическое обоснование этой новой авантюры было изящным и убедительным, как «фомка» ночного взломщика: «Урок, вытекающий из шахтинского дела, состоит в том, чтобы ускорить темп образования, создания новой технической интеллигенции из людей рабочего класса, преданных делу социализма и способных руководить технически нашей социалистической промышленностью». Так поучал Сталин в 1928 году.

«5 в 4!», «5 в 3!», «5 в 2!». И вот уже целая армия инженеров, ученых, агрономов, врачей, философов, выпущенных пролетарски скоростным методом, влилась в народное хозяйство и науку.

Решив создать срочно свои кадры командиров производства, Иосиф-строитель действовал как на пожаре. И скороспелые инженеры выпуска 1930—1932 годов, не обремененные знаниями, но зато убежденные в своем классовом превосходстве, принялись управлять и администрировать с неуемной энергией молодости. Многие стали впоследствии настоящими специалистами, многие потом разделили судьбу «буржуазных спецов».

Что же касается лозунгов, то еще добрых четверть века он будет щедро одаривать ими свой народ и требовать, чтобы их принимали всерьез.

«Техника в период реконструкции решает все!» К этому лозунгу надо было бы отнестись без юмора, но помешало его сходство с другим: «Кадры решают все!» Народ-несмышленныш никак не мог взять в толк, что же в действительности «решает все». Вероятно, по этой причине у Сталина ничего не получалось ни с техникой, ни с кадрами.

Приспело время подбивать первые итоги, и вождь явил

миру образец бездонного оптимизма. Что с того, что ни одна контрольная цифра пятилетки не достигнута? В январе 1933 года он объявил, будто промышленность всего лишь за три последних года выросла более чем вдвое, а пятилетка в целом выполнена за четыре года. В этой области арифметики он чувствовал себя свободно. Отдадим дань скромности Вождя: он мог объявить пятилетку завершенной еще год назад, но — воздержался.

Сталин совершил свою промышленную революцию и теперь с ленивой снисходительностью принимал поздравления по случаю одержанной «исторической победы». Народу разрешили ликовать, и он возликовал в полном неведении грустной истины.

Но без конкретных примеров трудно представить масштабы индустриального трюкачества. План («оптимальный») выплавки чугуна на последний год пятилетки (10 миллионов тонн) Сталин увеличил до 17 миллионов, а заводы дали лишь немногим более 6 миллионов тонн.

План выпуска тракторов Сталин утроил, доведя его до 170 тысяч штук, но в 1932 году удалось выпустить лишь 49 тысяч при первоначальном плане 53 тысячи.

...Потолок в кабинете генсека высокий. Взятые оттуда цифры обрели реальность лишь четверть века спустя.

Победные литавры понадобились Сталину в год голодной катастрофы в деревне и продолжавшегося обнищания рабочих. В таком горячем деле самое важное не дать людям опомниться, остыть. И понукать, понукать непрестанно. Самозванный отец заставил свой народ тащить в гору тяжелую телегу пятилетки. Но вот люди достигли цели, пятилетка выполнена. Наготове следующая телега, народ вновь впрягается. Вождь вновь обещает всякие блага...

Однако граммофонным треском прикрыть все прорехи не удавалось. Надо было считаться и с недовольством голодных, раздетых. Сталин раздумывает недолго. Пришла пора пожертвовать специалистами-техниками. Его личный престиж, как он полагал, стоит того. Кампанию преследования старых «буржуазных» специалистов Иосиф-строитель начал в первый же год пятилетки — так называемое «шахтинское дело».

Первый фальшивый процесс. Первые пытки. Первые казни.

Неумелое планирование, административный нажим и некомпетентность руководителей, отсутствие технических кадров и квалифицированных рабочих — все это было спи-

сано на «вредительство» враждебных элементов недобитых классов.

Склонный к скоропалительным политическим обобщениям (когда они отвечают его личным монархическим интересам), Сталин направляет недовольство масс на специалистов, честно служивших народу. На апрельском (1929 г.) Пленуме ЦК он дал директиву искать «шахтинцев» везде, «во всех отраслях нашей промышленности».

На протяжении двух лет страну сотрясали громкие кампании разоблачения «вредителей» в промышленности («шахтинское дело», «Промпартия», «Союзное бюро ЦК меньшевиков»), в сельском хозяйстве («Трудовая крестьянская партия» — ТКП), в снабжении («Организация» профессора. А. В. Рязанцева и бывшего генерала Е. С. Каратыгина). «Шахтинцы» и члены мифической «Промпартии» взрывали шахты, заводы, шпионили и готовили вместе с «акулами мирового империализма» интервенцию против Советского Союза. Меньшевики составляли злостно заниженные планы развития народного хозяйства. ТКП вредила в деревне, объединив сотни тысяч (!) контрреволюционеров. Снабженцы организовали голод в стране, повышали цены на продукты питания и отравляли население консервами, за что и были расстреляны все 46 арестованных по этому липовому делу. И — непременно добавление, как назойливый рефрен в запетой песне: они содействовали подготовке вооруженного нападения на страну Октября, они хотели отдать народ в иностранную кабалу. В планировании этих политических провокаций Сталин проявил себя специалистом экстра-класса. Сказались и опыт и призвание.

Не беда, что далеко не всегда у следствия не сходились концы с концами, что тягчайшие обвинения не были подкреплены фактами, объективными свидетельствами, подлинными документами. Зато наличествовали «чистосердечные признания» самих обвиняемых. Сталинская Фемида довольствовалась малым...

А отдача какова? Сотни тысяч сосланных, тысячи расстрелянных. Сталину нужно было создать видимость ослепительных побед любой ценой, даже ценой жизни целых поколений технической интеллигенции. Геноцид инженеров сопровождался гонением на деятелей науки и культуры. Процесс истребления цвета советского народа начался не в тридцать седьмом. Лично Сталин отличился на этой ниве еще под Царицыном, в году восемнадцатом.

Пройдет всего несколько лет после первых процессов, и

полетят головы организаторов первых строек, руководителей промышленных предприятий. Небольшой список имен, известных всей стране, в сиянии орденов и славы, заслуженной славы:

директор Магнитогорского комбината Я. С. Гугель,
директор Кузнецкого комбината С. М. Фракфурт,
директор завода в Юзовске С. И. Степанов,
директор Макеевского комбината Г. В. Гвахария,
директор ферросплавного комбината в Зестафони
И. Каландадзе,

директор Челябинского комбината В. А. Яковлев...

Они представляли молодую металлургию.

А вот казенные великим индустриализатором руководители тракторных заводов:

Харьковского (ХТЗ) — Н. И. Свистун,
Сталинградского (СТЗ) — В. И. Иванов,
Челябинского (ЧТЗ) — А. Д. Брускин.

Некоторые, как Брускин (последняя должность — нарком машиностроения), возглавляли и строительство своих заводов.

И еще ряд директоров заводов, институтов и начальников трестов:

Кировского (Путиловского) — К. М. Отс,
«Уралмаша» — В. Н. Андроников,
«Азнефти» — М. В. Баринов,
Горьковского автозавода (ГАЗ) — С. С. Дьяконов,
«Фрезера» — Р. Я. Тольмац,
Авиазавода — О. А. Миткевич,
ЦАГИ — Н. М. Харламов.

От Москвы до самых до окраин посвистывала коса. В очерке истории Красноярского паровозостроительного завода можно прочитать о «причинах, не зависевших от коллектива, но тормозивших работу завода» в 1937—1938 годах: в эти годы был ликвидирован едва ли не весь сложившийся административно-технический персонал. Репрессиям подверглись главный механик завода А. К. Журавлев, начальник планово-производственного отдела А. И. Кожухов, руководители цехов и служб М. А. Агафонов, Н. И. Евстратов, А. Ф. Злобин, А. А. Косягин, С. Т. Майоров, Е. К. Мачнев, Я. Я. Спроге, И. Г. Сумцов, А. С. и В. А. Полонкины. Это лишь малая часть невинно осужденных. Им на смену «на руководящую партийную и хозяйственную работу пришли новые люди, не имевшие достаточного опыта, необходимых знаний». Производительность завода упала за эти два года

почти вдвое. Кто же приходил на смену компетентным инженерам и администраторам? Из 4 тысяч молодых специалистов, окончивших втузы во втором квартале 1938 года, свыше 800 были направлены на руководящие посты сразу же по окончании учебных заведений. Из числа студентов, окончивших горные втузы в 1939 году, 54 были назначены главными инженерами шахт, 70 — главными механиками и энергетиками.

К разгрому ленинградской промышленности Сталин приступил еще в январе 1935 года, вслед за убийством Кирова. Тогда на одном лишь Кировском заводе было схвачено 140 человек — «за приверженность царскому режиму». Потом расстреляли еще 700 — как врагов народа, троцкистов, зиновьевцев... В 1937—1938 годах завод захлестнула новая волна репрессий. Забрали директора, его заместителей, секретаря парторганизации, всех начальников цехов.

Мощная ленинградская промышленность оказалась оголенной. Государственный план выпуска продукции надежно сорван.

Но были ведь еще и местные руководители — организаторы промышленности, секретари обкомов, крайкомов партии. Никого Сталин в живых не оставил. А их, в свою очередь, направляли такие крупные деятели хозяйственного фронта, как Г. Л. Пятаков, Г. К. Орджоникидзе, Я. Э. Рудзутак, В. Я. Чубарь, Ф. Э. Дзержинский, В. В. Куйбышев. Всем им великий индустриализатор жизнь укоротил. Убийство как средство созидания? Почему бы и нет? Давно известно, что «кадры решают все»!

Иные моралисты стыдливо, с оговорками, пишут об «ошибках» сталинизма, о волюнтаризме эпохи первых пятилеток. Зачем же так? К чему тратить иностранные слова? Сталин действовал нахрапом, убивал скопом, как и подобает профессионалу. Вот почему термин «сталинщина» точнее выражает суть явления. Впрочем, человек еще не придумал слов, способных вместить деяния этого устроителя новой жизни.

Неологизм «сталинщина» впервые употребил в 1932 году Мартемьян Рютин, автор обращения «Союза, марксистов-ленинцев» «Ко всем членам ВКП(б)». Это известное лишь узкому кругу партийцев обращение генсек объявил крамольной платформой, за одно упоминание которой люди распла-

чивались жизнью. Мне этот документ стал известен совсем недавно. Но, размышляя в семидесятые годы о сути сталинской политики массового террора, я в своем «Портрете тирана» пришел именно к этому определению — «сталинщина».

В конце 1933 года, когда Сталин убедился, что заявление о досрочном выполнении первого пятилетнего плана принято всерьез, пришло время поднять шумиху по поводу «всемирно-исторической победы» по всем линиям. Именно в таком стиле воспевали делегаты XVII съезда партии эфемерные достижения эпохи произвола.

ПОБЕДИТЕЛЬ

«...Рабочий класс, дабы не потерять снова своего только что завоеванного господства...— писал Энгельс,— должен обеспечить себя против своих собственных депутатов и чиновников, объявляя их всех, без всякого исключения, сменяемыми в любое время»,— и предупреждал, что «государственная власть» и другие «особые органы», «служа своим особым интересам, из слуг общества» могут превратиться «в его повелителей».

Когда во время X съезда РКП(б) одна из делегаций выдвинула Дзержинского кандидатом в члены ЦК, он попросил, по воспоминаниям одного из делегатов, освободить его от должности председателя ВЧК. «...Я не хочу, а главное — не смогу там больше работать. Вы знаете, моя рука никогда не дрожала, когда я направлял карающий меч на головы наших классовых врагов. Но теперь наша революция вступила в трагический период, во время которого приходится карать не только классовых врагов, а и трудящихся — рабочих и крестьян — в Кронштадте, в Тамбовской губернии и в других местах. Вы знаете, товарищи, что я не щадил своей жизни в революционной борьбе, боролся за лучшую долю рабочих и крестьян. А теперь и их приходится репрессировать».

Не впервые Феликс Эдмундович отказывается возглавлять карательную службу. Но остается. Так случилось и на этот раз.

В 1926 году Дзержинский в письме Куйбышеву выражал опасение, что «страна... найдет своего диктатора — похоронщика революции, какие бы красные перья ни были на его костюме». Судя по всему, Дзержинский имел в виду Троцкого, но диктатором стал другой.

Сегодня уже ясно, что насильственная коллективизация,

лишившая крестьян земли, за которую они воевали в гражданской, фактически знаменовала начало контрреволюционного переворота. Сталин осуществлял его под прикрытием лозунгов строительства социализма в деревне.

Возникает вопрос: почему основная масса партийных руководителей в центре и на местах пошла на поводу у Сталина вопреки кооперативному плану Ленина, решениям XIV и XV съездов партии?

Ленин подчеркивал, что новая экономическая политика — это коренная перемена во взглядах на социализм. Большинство же, столкнувшись с трудностями, оставалось в плену идеологии «военного коммунизма» с его насильственными методами решения всех проблем. Это сказалось прежде всего в сельском хозяйстве, которое только начинало выходить из кризиса. Сталинская политика на селе привела к разрухе и голоду, к гибели миллионов крестьян. Бедствовали и жители городов.

В этой обстановке собрался XVII партсъезд — «съезд победителей».

Он открылся 26 января 1934 года. Сталин буквально купался в лучах славы. Со времени XVI съезда, который генсек нарек съездом «развернутого наступления социализма по всему фронту», прошло три с половиной года. Сталин объявил, что за это время Советский Союз в корне преобразился, «сбросив с себя обличье отсталости и средневековья». Делегаты исправно аплодировали, главный лицедей продолжал свой монолог. За «отчетный период» страна превратилась из аграрной в индустриальную державу с высокомеханизированным сельским хозяйством и расцветающей культурой. Он, как обычно, упоминал-цитировал к случаю Ленина.

Спектакль был разыгран по классическим канонам борец добра и зла. Солнце добра уже воссияло, не хватало партнера-антипода, какого-нибудь дракона пострашней. Сталин решил выделить его из остатков «разбитых антиленинских групп» и участников антипартийных «уклонов». Однако этот дракон, ослепленный бутафорским солнцем побед, не смел поднять бумажной головы. Лидеры оппозиции, теперь уже бывшей, каялись по очереди. Среди первых Бухарин и Томский.

Сталин принудил к участию в этом представлении Рыкова. Мягкий, добрый по натуре Алексей Иванович сидел в последних рядах зала в напряженном ожидании выхода на сцену. Жена (врач, работавшая в аппарате ЦК) была весь день с ним, давала успокоительные пилюли. В сеансе самоби-

чевания участвовали также Зиновьев и Каменев, которых спустя два года вместе с бухаринцами скопом зачислили в «троцкистскую банду» двурушников. Сталинская клака слажено улюлюкала и с энтузиазмом славословила Вождя. Отдельные робкие голоса, пытавшиеся воззвать к большевистской скромности, тонули в могучем грохоте победного оркестра.

Лидер узбекских коммунистов Акмаль Икрамов, получив слово, заметил, что не следует зазнаваться по поводу наших успехов и что славословие хорошо в меру... Сталин оборвал его как раз на этом слове.

Оглушающе трубить о достигнутых под его водительством победах было для Сталина половиной дела. Он хотел поразить народ, нет, весь мир грандиозным планом второй пятилетки.

За точку отсчета принят 1913 год: по сравнению с довоенным уровнем промышленная продукция к 1937 году вырастет в восемь раз! У некоторых слушателей дух перехватило. «Черт его знает, если по-человечески сказать, так хочется жить и жить, на самом деле, посмотрите, что делается. Это же факт!» Так выразил общее настроение Сергей Киров. Он всем импонировал своей искренностью, энергией. В своей речи на XVII съезде он славил «великий перелом», под гром аплодисментов и смех аудитории клеймил капитулянтов — Бухарина, Рыкова, Томского.

И гладил, гладил красные перья на мундире Диктатора: «...было бы напрасно ломать голову над вопросом о том... какую вынести резолюцию... Будет гораздо целесообразнее, чем всякое другое решение,— принять к исполнению, как партийный закон, все положения и выводы отчетного доклада товарища Сталина».

После столь перспективного предложения съезду не оставалось ничего иного, как прекратить прения. Сам «великий стратег освобождения трудящихся нашей страны и всего мира» (выражение Сергея Кирова) казался приятно удивленным. «Спрашивается, есть ли после этого надобность в заключительном слове? — обратился он к залу.— Я думаю, что нет такой надобности...»

Действительно, «лучший кормчий нашей великой социалистической стройки» (еще одно выражение Кирова) мог быть удовлетворен: делегаты продемонстрировали полное единство «по всем вопросам», а также «необычайную сплоченность». И — «никаких возражений».

Казалось, стены не выдержат такого изъяснения востор-

гов: «Бурные овации всего зала. Весь съезд стоя долго и шумно приветствует великого вождя партии и трудящегося человечества. Восторженные крики «ура!». Возгласы: «Да здравствует наш Сталин! Да здравствует вождь великой армии пролетариата!» Съезд стоя поет «Интернационал».. Овации возобновляются».

В карьере генсека это историческая ступень. И он перешагнул ее с присущим ему величием.

То была лишь внешняя сторона событий.

В канун выборов в ЦК на кремлевской квартире Серго Орджоникидзе, в небольшом доме у Троицких ворот, собралась группа делегатов. Григорий Петровский, Станислав Косиор, Борис Шеболдаев, Роберт Эйхе, Мамия Орахелашвили, Василий Шарангович полагали невозможным дальнейшее пребывание Сталина на посту генсека и думали заменить его Кировым. Как сообщает в своих воспоминаниях Хрущев, инициатива в этих переговорах принадлежала Шеболдаеву. Но Киров отказался.

В 1958 году в ЦК обратилась с письмом сестра жены Кирова Софья Львовна, старый член партии, жившая вместе с ними. Она сообщила, что Сергей Миронович после каждого своего возвращения из Москвы с большой тревогой рассказывал о взаимоотношениях со Сталиным. Рассказывал также и о совещании на квартире Серго.

Оппозиция сталинской диктатуре проявилась в партии задолго до XVII съезда. Во время открытой общепартийной дискуссии 1927 года на всех собраниях, вплоть до первичных ячеек, оппозиционеры в своих выступлениях оглашали завещание Ленина. Для многих работников в центре и на местах всевозрастающий диктат и грубое администрирование Сталина, засилье его приверженцев стало тягостным. В январе 1933 года по указке генсека объединенный Пленум ЦК и ЦКК осудил А. П. Смирнова, В. Н. Толмачева и Н. Б. Эйсмонта. Единственная вина трех старых партийцев заключалась в том, что они в тесном дружеском кругу (а сталинская агентура на что?) говорили о возможности замены Сталина на посту генсека другим политическим лидером. Эти крамольные высказывания стоили им жизни. Так же как и всем (кроме Петровского) участникам совещания в доме у Троицких ворот.

...Но вот настал, пожалуй, самый важный день работы съезда. Для проведения тайных выборов Центрального Комитета была образована счетная комиссия в составе 63 делегатов. Членов комиссии распределили по 13 урнам. И что при-

мечательно, к каждой из них прикрепили для голосования по 100 делегатов, согласно порядковым номерам мандатов. Таким образом, данные по каждой урне раскрывали результаты голосования каждой делегации. Остается добавить, что председателем мандатной комиссии был не кто иной, как Николай Иванович Ежов.

Можно ли считать такие выборы тайными?

При Ленине председателем счетной комиссии на съездах обычно избирали Скрыпника.

На XVII съезде партии, так же как и на предыдущем, председателем счетной комиссии был В. П. Затонский.

Член счетной комиссии — рабочий, большевик с 1913 года — Василий Мефодиевич Верховых много лет спустя рассказал автору книги, что процедура голосования отняла не более двух часов. Затем члены счетной комиссии вскрыли урны, подсчитали бюллетени и доложили Затонскому результаты. Оказалось, что против Сталина подано 292 голоса. Без малого четверть делегатов не желает видеть триумфатора в составе ленинско-сталинского ЦК!

С докладом о результатах Затонский пошел к Кагановичу. Вместе отправились к Сталину. Генсек спросил: «А сколько против Кирова?» Устышав ответ: «Три», приказал сделать так, чтобы и против него осталось три голоса, остальные бюллетени уничтожить.

Рассказ Верховых требует уточнения: согласно недавно опубликованным документам, против Кирова было подано не три, а четыре голоса...

Долгое время документы счетной комиссии XVII съезда хранились в Центральном партийном архиве в сверхсекретном фонде в пакетах под сургучными печатями, и никто без специального решения ЦК не имел к ним доступа. После XX съезда партии в архив прибыла комиссия по расследованию обстоятельств убийства Кирова, образованная решением Президиума ЦК КПСС.

В комиссии активно работала коммунистка с дореволюционным стажем, в далеком восемнадцатом — личный секретарь руководителя Бакинской коммуны Степана Шаумяна О. Г. Шатуновская. Вернувшись после семнадцати лет сталинских тюрем, лагерей и ссылки, она вошла в состав Комитета партийного контроля при ЦК КПСС. Ольга Григорьевна отдавала все силы делу реабилитации, спасала доброе имя и саму жизнь многих и многих невинно пострадавших. Она утверждает, что документами расследования голосования при выборах ЦК на XVII съезде, после ее ухода с работы в

1962 году, стали заниматься заместитель председателя КПК З. Сердюк и Г. Климов — сотрудник КПК. По заданию окружавших Хрущева подручных Сталина им приходилось вызывать свидетелей, понуждая их отказываться от ранее данных показаний и давать противоположные; уничтожать и переделывать документы. (Об этом же свидетельствуют вдова и сын Петра Петровского.) Все это делалось, чтобы исказить оценку XVII съезда партии и не допустить раскрытия правды о подлинном организаторе убийства Кирова — Сталине.

XVII съезд вошел в историю как «съезд победителей». «Над кем же была одержана победа?» — вопрошает О. Шатуновская. Над народом, против которого Сталин с 1928 года повел войну под видом построения социализма. На селе он совершил контрреволюционный переворот, отняв у крестьянства землю и волю, орудия производства, за которые оно сражалось с белыми всю гражданскую войну; теперь же физически уничтожил его лучшую трудовую часть.

Однако, несмотря на то что почти все делегаты съезда непосредственно участвовали во всем этом, многие из них начали осознавать страшную суть содеянного и роковую роль Сталина.

Непреходящее значение XVII съезда заключается в том, что партия коммунистов в последний раз оказала сопротивление сталинской диктатуре.

Доказать обратное, не допустить такой оценки значения XVII съезда, не допустить разоблачения Сталина — этому должна была послужить преступная фальсификация документов.

В недавно опубликованных материалах приводится таблица, которая показывает, что Сталин якобы недополучил всего три голоса при выборах в ЦК. Но не сказано, что эта таблица составлена Затонским вынужденно после приказа уничтожить все остальные бюллетени, в которых имя Сталина было вычеркнуто.

Историки, вновь исследовавшие этот вопрос в 1989 году, обнаружили документы, из которых следует, что при голосовании недосчитались 166 бюллетеней. Но первая комиссия с участием Шатуновской обнаружила нехватку 289 бюллетеней. Это означало (плюс три объявленных в таблице и показанных на съезде), что против Сталина проголосовало 292 делегата.

Что касается опубликованного акта комиссии, то Шатуновская утверждает, что он был подписан тремя лицами, без

Матковского. Причем текст его не совпадает с текстом, подписанным ею, Лавровым и Кузнецовым.

У нас нет оснований не доверять свидетельству В. М. Верховых, члену счетной комиссии XVII съезда, который «якобы забыл, сколько делегатов голосовало против Сталина». Как вспоминает О. Шатуновская, Верховых дал подробное описание того, что обнаружила счетная комиссия и что происходило затем. «Когда Верховых пришел в ЦК по нашему приглашению, мы решили не говорить ему о результатах расследования и задали вопрос: «Что происходило при голосовании по выборам ЦК на XVII съезде?» Мы были поражены его ответом: он сразу точно назвал число — 292 голоса против Сталина... Все это Верховых подробно изложил в своем заявлении в ЦК».

А теперь обратим внимание читателя на серьезные упущения в работе счетной комиссии XVII съезда. В ее материалах отсутствуют обычные сведения о количестве выданных и обнаруженных в урнах бюллетеней, общем их числе. Вместо этого специальным протоколом установлено количество голосовавших — 1059.

А сколько их должно было быть?

Перед нами стенографический отчет партсъезда, изданный в 1934 году. Открывая 26 января съезд, Вячеслав Молотов сообщил, что прибыло уже 1218 делегатов с правом решающего голоса из 1300 ожидающихся. Выдано 695 совещательных мандатов. Председатель мандатной комиссии Николай Ежов доложил через пять дней, что утверждено 1225 мандатов с решающим голосом и 736 — с совещательным. В списке же делегатов, приложенном к отчету, значится 1227 делегатов с решающим и 739 с совещательным голосом.

А вот еще одна цифра 1500. Столько бланков мандатов отпечатано для делегатов с правом решающего голоса. Эту удобную для манипуляций голосами ситуацию создали опытные функционеры, ведомые уверенной рукой человека ясной цели.

В заключение еще два характерных эпизода. Первый из них касается Верховых. На другой день после беседы с ним члены комиссии выехали в Ленинград. Василий Мефодиевич обещал представить в Комитет партийного контроля официальную записку. Через неделю в Ленинград позвонил П. И. Богоявленский — заведующий секретариатом председателя КПК Н. М. Шверника — и сообщил, что Верховых ничего не передал.

— А вы напомните ему.

— Я звонил домой, но ваш Верховых отмахнулся,— не без злорадства ответил Павел Иванович.

Позднее, когда комиссия вернулась в Москву, Верховых вручил свои воспоминания Шатуновской.

— Почему вы не отдали это свидетельство Богоявленскому или его сотрудникам? спросили его.

— А я им не доверяю.

Во втором эпизоде действует еще один член счетной комиссии XVII съезда, отсидевший, как и Верховых, свой срок, Наполеон Андреасян. Этот вел себя иначе: «Ничего не знаю, ничего не помню». Два часа бились с ним, убеждали, взывали к его чести, мужеству, доказывали, что если фамилия Сталина оказалась вычеркнутой в 292 бюллетенях, то такие бюллетени попали в каждую из 13 урн. Наконец, Андреасян «вспомнил», что в его урне действительно оказались два или три таких бюллетеня. Потом он начал «припоминать», что их было вдвое больше. Когда же дело дошло до письменного подтверждения, Андреасян вновь заупрямился. Но вот он взял ручку: «По требованию представителя КПК сообщаю, что при подсчете голосов, поданных за новых членов ЦК на XVII съезде партии, в урне, которую мы обслуживали, было обнаружено четыре бюллетеня с вычеркнутой фамилией Иосифа Виссарионовича Сталина. Все это расследование считаю вредным, как подрыв авторитета товарища Сталина».

Андреасян был дружен с А. И. Микояном, они учились в одной духовной семинарии. Узнав о поведении Андреасяна, Анастас Иванович удивился, даже усовестить его пытался. Но Наполеон видел дальше Анастаса. Минувло восемь лет, Андреасян пришел в КПК: «Вот видите, как все повернулось: он опять на коне...»

И всякий раз, когда я задумываюсь о причинах случившегося с нами, я вспоминаю ветерана партии Наполеона Андреасяна...

Последнюю точку в этой истории ставит в своих воспоминаниях Шатуновская, которую связывала с Андреасяном совместная работа в партийном подполье Закавказья в 1919—1920 годах:

«Незадолго до смерти он пришел ко мне со своими мемуарами и признался, что его вызывал в свое время Климов и принудил изменить ранее данные показания. В действительности в его урне оказалось 13 бюллетеней против Сталина, а он написал иное, о чем теперь сожалеет.

Надо сказать всю правду о XVII съезде: партия нашла

тогда еще в себе силы для того, чтобы попытаться предотвратить кровавые провалы нашей истории».

Вернемся в июль тридцать восьмого. Затонский сидит в камере Бутырской тюрьмы и ждет вызова на Военную коллегия Верховного суда. Там все давно решено, но трехминутный ритуал слушания дела соблюдается неукоснительно. Лязгнул дверной засов — пришли за Затонским. Он снял с себя пиджак, брюки, ботинки и раздал сокамерникам. Потом отдал махорку и сухари: «Берите, берите, товарищи. Я был председателем счетной комиссии на XVII съезде партии, я знаю, что меня ждет...»

Уже на XIII съезде генсек начал укреплять центральные органы партии своими активными сторонниками. К открытию «съезда победителей» в составе ЦК и ЦКК таких людей набралось до сорока. Одни — Молотов, Каганович, Ворошилов, Калинин, Микоян... составили «ядро партии, сплотившееся вокруг товарища Сталина», других — Яковлева, Стецкого, Косарева... генсек почему-то отсеял. И еще одна особенность. Состав центральных партийных органов неуклонно пополнялся функционерами карательных органов — бывшими и действующими. Из них к моменту созыва XVII съезда в ЦК и ЦКК входили:

Н. К. Антипов	И. П. Павлуновский
В. А. Балицкий	Я. Х. Петерс
С. А. Бергавинов	С. Ф. Реденс
Е. Г. Евдокимов	Б. А. Семенов
И. П. Жуков	М. А. Трилиссер
Н. Н. Зимин	И. С. Уншлихт
Н. П. Комаров	Е. А. Щаденко
В. Р. Менжинский	Г. Г. Ягода
С. А. Мессинг	

На XVII съезде число преданных лично Сталину сторонников увеличилось в полтора раза. В ЦК вошли: Л. П. Берия, М. Д. Багиров, Н. А. Булганин, Л. З. Мехлис, А. Н. Поскребышев. Сталин ввел в ЦК сорокалетнего Н. С. Хрущева. ЦКК была разделена на две комиссии — партийного и советского контроля. В состав последней вошли такие видные — в прошлом и настоящем — чекисты, как М. А. Дейч, Г. Е. Прокофьев, М. А. Трилиссер, С. Г. Уралов. В Центральную ревизионную комиссию попали функционеры НКВД Я. С. Агранов и С. Ф. Реденс.

Консолидацией сил верных ему лично подручных за счет

сотрудников ОГПУ Сталин начал заниматься сразу же после смерти Ленина. И через десять лет сумел создать внутри ЦК крепкое ядро исполнителей своей воли. Пренебрегая традицией, партийной этикой, генсек включает в состав центральных органов сотрудников своей личной канцелярии Б. А. Двинского, Л. З. Мехлиса, А. Н. Поскребышева. Вместе с П. Н. Поспеловым, В. П. Ставским и М. Ф. Шкирятовым они составят надежную опору сталинским провокациям.

Эти будут служить ему до конца. Зато многие старые большевики, соратники Ленина, оказались вне ЦК, с клеймом оппозиционеров. Бухарина, Томского и Рыкова победитель перевел из членов ЦК в кандидаты.

Генсек готовился к третьему акту.

УБИЙЦА КИРОВА

Сразу же после съезда они беседовали с глазу на глаз — Киров и Сталин. Генсек уже все знал о тайном совещании на квартире Орджоникидзе. Киров ничего не отрицал. Он отклонил предложение товарищей. «Но ты сам своими действиями привел к этому. Ведь мы предупреждали тебя...»

Вновь избранный Центральный Комитет собрался на организационный Пленум. Сталин предложил избрать Кирова секретарем ЦК. Тот категорически отказался. Его поддержал Орджоникидзе: «Здесь, в Москве, у нас людей хватает, а в Ленинграде Киров нужен». Намерения Хозяина нетрудно было разгадать. В Ленинграде Киров проводил самостоятельную политику, пытался убедить так называемых бывших оппозиционеров в правильности линии ЦК.

Но Сталин от своих планов так легко не отступался. «Я думаю, — настаивал генсек, — можно совместить обе должности. Пусть Сергей Миронович будет и секретарем Ленинградского обкома, и секретарем ЦК». Избрание состоялось. Однако кабинет Кирова в ЦК пустовал, он даже не заходил туда ни разу...

Покидая вечером того памятного дня здание ЦК, Киров имел все основания опасаться за свою жизнь. Об этом он сказал Филиппу Демьяновичу Медведю, полномочному представителю ОГПУ в Ленинграде и области, с которым работал там вместе уже более четырех лет.

В центральном аппарате НКВД ситуация, сложившаяся наверху, стала ясна сразу. Гибель Кирова предрешена — об этом толковали в гостинице НКВД на Сретенке («Селект»).

Находясь в Сестрорецке, Киров пригласил старого друга,

рабочего Алексея Севостьянова. С ним Сергей Миронович познакомился в бытность первым секретарем ЦК партии Азербайджана на строительстве Шалларского водопровода. Там в горах близ Баку они вместе охотились. В Сестрорецке Киров сказал другу: «Алеша, моя голова уже на плахе. Меня убьют».

В 1959 году Севостьянов работал в Министерстве черной металлургии. Он оставил комиссии Президиума ЦК короткие воспоминания о беседе с Кировым памятным летом 1934 года в Сестрорецке и обещал описать все подробно. Но не смог выполнить обещания: по возвращении домой он скоропостижно скончался...

Севостьянов не единственный чудом уцелевший свидетель. Киров высказывал опасения за свою жизнь и давнему своему другу, секретарю Выборгского райкома партии Петру Смородину в присутствии его жены Елены.

Софья Львовна, старшая сестра Марии, жены Кирова, по прошествии многих лет после убийства расскажет, как Киров жил с февраля 1934 года в ожидании смерти. Каждое утро Мария выходила на балкон и провожала мужа взглядом до автомашины. Постоянный страх за его жизнь, и как эпилог — потеря рассудка после гибели Кирова.

Сама Софья Львовна скоропостижно скончалась, слушая по радио репортаж о XXII съезде партии.

Примерно через месяц после XVII съезда генсек стал часто вызывать Кирова в Москву. Он и прежде резко критиковал его за разного рода упущения, теперь же устраивал настоящие разносы. На заседаниях Политбюро Сталин демонстрировал свою власть. Если кто-либо пытался ему возражать, Хозяин покидал кабинет. Тогда за ним посылали Кагановича или Кирова, подолгу ждали возвращения...

Споря с Кировым, генсек обычно отвергал его предложения. Он требовал выявлять и уничтожать «врагов народа», которых в Ленинграде «тьма развелась благодаря ротозейству обкома». Киров наотрез отказывался участвовать в избиении ленинградских партийных кадров. Когда Филипп Медведь незадолго до XVII съезда партии представил ему список бывших оппозиционеров, подлежавших изоляции, то санкции на арест не получил. Полномочный представитель сообщил, что эти люди ведут себя весьма подозрительно, часто встречаются... «Ну и что из этого?» — спросил Киров.

Сталин, неистощимый на упреки, обвинил Кирова в том, что он «либеральничает» с оппозицией только для укрепления своего личного авторитета.

В свое время, после XIV съезда партии, генсек направил Кирова вместе с Бухариным, Молотовым, Ворошиловым, Орджоникидзе, Дзержинским, Калинин, Андреевым в Ленинград для разоблачения зиновьевского руководства. Это было в январе двадцать шестого. Тогда Сталин поставил его во главе Ленинградского губкома и одновременно секретарем Северо-Западного бюро ЦК.

Отношение Сталина к Кирову ухудшилось после того, как Надежда Аллилуева покинула Москву и, забрав детей, уехала в Ленинград. Вернуться к супругу ее уговорил Киров. После гибели жены Сталин стал тяготиться близостью Кирова: тот знал о невыносимой обстановке, в которой жила последнее время покойная.

После каждого очередного нагоняя в кабинете генсека Киров возвращался в Ленинград возбужденным, долго не мог успокоиться. Его секретарь спустя два десятилетия показала комиссии Президиума ЦК КПСС: «Киров так горячо спорил со Сталиным по правительственному телефону, что порой терял самообладание и бросал трубку».

Однажды секретарь МК и МГК Лазарь Каганович, с трудом сдерживая неистовую преданность Вождю, доложил на заседании Политбюро, что Московская организация умеет ценить товарища Сталина и отдавать должное его гению. А вот о ленинградских товарищах этого не скажешь...

Пришлось Кирову вызвать всех секретарей ленинградских райкомов и предложить им перестроить работу: «Надо решительно поднимать авторитет генерального секретаря партии в массах».

В Политбюро Киров представлял умеренное крыло ЦК. В тридцать втором году он был вместе с теми, кто выступал против казни Рютина. Киров высказался за умеренную политику в голодающей деревне. Он предлагал не диктовать писателям, художникам партийную волю, а создавать атмосферу доверия между творческой интеллигенцией и властью. Были у Кирова разногласия со Сталиным и в вопросах международного коммунистического движения.

Не будем, однако, преувеличивать эти разногласия. Киров, как и все сталинцы, призывал к непримиримой борьбе с оппортунистами всех мастей. Он участвовал в травле секретаря Московского комитета партии Углова, критиковавшего сталинскую политику насильственной коллективизации. Вместе с Серго разоблачал поверженных «правых» на XVI съезде.

И славил генсека. «Наша партия, как никогда, едина,

монолитна, тверда и сплочена вокруг своего ЦК и вождя товарища Сталина», — говорил Киров на XVII съезде партии. Впрочем, Коба устранял и более преданных.

Если взглядеться в лица Ли Освальда, Сирхан Сирхана, поразмыслить над их поведением, поступками, то на передний план выступит одна общая черта — это озлобленные неврастеники, люди неполноценные духовно и физически. Таким был и Леонид Николаев. Сын пропащего алкоголика, он родился ущербным, ходить начал лишь в четырнадцать лет. Кривые ножки, маленький рост и огромная обида на человечество. Этот портрет повторяется в описании соседки семьи Николаевых по квартире М. В. Шмеркиной: «Небольшого роста, тщедушный, но большая круглая голова. У него очень кривые ноги. Одевался скорее как рабочий, но вел себя дико надменно». Со своей будущей женой, Мильдой Драуле, Николаев познакомился в Луге, где она работала в уюме партии, он — в уюме комсомола, управделами.

Долго на одной работе Николаев не задерживался, был конторщиком, подручным слесаря, строгальщиком... В 1924 году вступил в партию. Обиженный судьбой, вечно недовольный, он завидовал партслужащим и стремился занять пусть маленький, но ответственный пост. И он получает его. В августе 1932 года Николаев становится инспектором РКИ в инспекции цен. На эту должность его назначили по рекомендации председателя ленинградской РКИ Н. С. Ошеров.

Чтобы упрочить свое положение, Николаев заканчивает вечернюю партшколу. Летом 1933 года его перемещают в культпропотдел обкома партии. Это совпало с периодом чистки, которую Николаев прошел благополучно одним из первых. После этого он почувствовал себя этаким королем: неизменно садился в первом ряду зала и задавал коммунистам каверзные вопросы.

С октября 1933 года Николаев — инструктор истпарткомиссии. Когда весной объявили о мобилизации коммунистов на железнодорожный транспорт, он попал в этот список, однако на отборочную комиссию Смольнинского райкома не явился. 8 апреля на общем собрании института его исключили из партии, упомянув при этом и о склочном поведении исключенного. Через месяц райком по его апелляции отменил решение первичной организации, объявив Николаеву строгий выговор. Партийная тройка приняла во внимание искреннее его раскаяние, но особо отметила следующее: «Николаев дер-

жит себя вызывающе, невыдержанно, угрожает парткому... груб, крайне невыдержан, истеричен».

По воспоминаниям бывшего члена районной контрольной комиссии Д. А. Лазуркиной, на решение тройки повлиял телефонный звонок Емельяна Ярославского. Николаев поехал к секретарю ЦКК в Москву и слезно просил дать ему возможность искупить свою вину в рядах партии.

В приемной ЦК он оставил письмо на имя генерального секретаря. Николаев поведал вождю о своих мытарствах, пожаловался на бездушных чиновников и особо на товарища Кирова, который даже не удостоил ответом заслуженного коммуниста. «Дорогой Иосиф Виссарионович! Несправедливыми гонениями меня довели до отчаяния. Я теперь готов на все».

(О великое, до конца так и не познанное племя секретарей-референтов! Найдется ли для тебя твой Шекспир? Кто он, тот вкрадчиво-незаметный, тот единственный, кто из сотен писем, ежедневно приходящих на имя генсека, отобрал и положил на стол Хозяина рядовой конверт, нашпигованный злобой? В Николаеве Хозяин увидел исполнителя своего замысла. Сталин обладал нюхом на преступников.)

В 1958 году ленинградские сотрудники Комитета госбезопасности сообщили в комиссию Президиума ЦК, что покушения на Кирова предпринимались и до декабря 1934-го. Осенью этого года в Казахстане, куда Киров ездил уполномоченным ЦК по хлебозаготовкам, автомашина с членом Политбюро угодила в кювет. Была ли эта авария преднамеренной?

В одной из ленинградских тюрем сидели братья Орловы, уголовники. Они ожидали смертной казни. Им предложили устроить нападение на Кирова, в случае успеха обещали жизнь. Поздним вечером Орловых подвезли к дому Кирова. Бандиты поднялись по черному ходу и начали ломиться в дверь кухни. Но в доме оказались люди, нападавшие ушли ни с чем.

Кому поручить готового на все Николаева? Медведь на эту роль не подходит. Не тот характер. С Кировым дружит. Было решено перевести его в Белоруссию, но Киров категорически воспротивился и добился отмены этого решения. Тогда генсек остановился на Иване Запорожце.

Почему Сталин выбрал именно его? Службу в ВЧК Запорожец начал в двадцатом году, был заслан в штаб Нестора Махно. В ОГПУ стал заместителем начальника информационного отдела. Высокий, широкий в плечах, «видный муж-

чина», остряк и балагур, заводила на пикниках, экскурсиях... Но главное — исполнительный службист. В 1931 году Сталин направляет его в Ленинград первым заместителем полномочного представителя ОГПУ.

Филипп Медведь Запорожца не знал. Те отрывочные сведения, что стали ему известны, не располагали к доверию. Он просил Сергея Мироновича избавить его от непрошеного зама. Киров позвонил Хозяину. Сталин вспыхнул: «Что вы-там выдумываете? Назначение состоялось. Запорожец рекомендован Центральным Комитетом. Решение ЦК обязательно для всех. И пусть твой Медведь не диктует партии кадровую политику!»

Запорожец принялся за Николаева сразу, поручив его заботам доверенного помощника из секретно-политического отдела. Несколько раз он сам, в штатском костюме, присутствовал в роли сотрудника-гостя на беседах с Николаевым в чужом кабинете. Расхожий прием из арсенала царской охраны.

Неудачливому карьеристу Николаеву нетрудно было внушить, что такие черствые вожди, как Киров, подрывают партию изнутри. И без того озлобленный Николаев возненавидел Кирова, сосредоточил на нем неуголенную жажду мести. Когда ему предложили «спасти партию», избавить ее от опасного врага, согласился без колебаний. К тому же сотрудники «по-дружески» сообщили Николаеву, что Киров будто бы состоит в интимной связи с его женой...

Исполнителю дали револьвер, черный кожаный портфель с разрезом, сделанным специально сзади, вверху. При случае он мог достать оружие без помех, не открывая портфеля. И начали обучать стрельбе, возили на закрытый полигон. Пусть он погибнет, но обессмертит свое имя. «Я пришел в этот мир, как новый Желябов. Я совершу освободительный акт и спасу Россию», — записано в так называемом дневнике Николаева.

Убийца Авраама Линкольна Джон Бут тоже вел дневник. Только страницы, заполненные в дни, предшествующие убийству президента, кто-то успел вырвать прежде, чем дневник попал на стол судьи. Из дневника Николаева — большого блокнота с отрывными листами, заполненного неровными, прерывистыми строчками, — тоже исчезло несколько страниц... На стол судьи этот блокнот не попал. История ждет настоящего суда.

На одном из листов дневника Николаев начертил маршруты пеших прогулок Кирова. Сергей Миронович жил на

Каменноостровском проспекте, часто ходил в Смольный пешком. Охрана следовала сзади широким веером, прикрывая Кирова с флангов. В октябре к этому вееру безопасности пристроился Николаев. Он двигался обычно на большом расстоянии сзади. Но не остался незамеченным. Дважды задерживали подозрительного человека с портфелем, в котором находилось оружие, записи, приводили в секретно-политический отдел и дважды выпускали по распоряжению Запорожца.

Телохранитель Кирова Борисов, другие сотрудники охраны возмущались, они хотели обратиться к Медведю. Но их вызвали в секретно-политический отдел, отобрали партийные билеты и заперли в сейф. Николаева приказали не трогать.

Но вот все варианты акции тщательно отрепетированы. Николаев подготовлен, день назначен, и... Запорожец выезжает на лечение в Кисловодск. Дальний курорт — алиби надежное. По словам его старшей дочери Натальи Ивановны, отец летом 1934 года сломал бедренную кость и несколько месяцев провел в госпитале. Могло ли это обстоятельство помешать Запорожцу выполнить такое задание?

1 декабря в Таврическом дворце на 18 часов было назначено собрание партийного актива Ленинградской области. Здесь потребуются особая точность во времени и в деталях. В 15 часов в Смольном в кабинете второго секретаря обкома М. С. Чудова началось совещание с участием ответственных руководителей города и области. Николаев находился в Смольном с утра, ходил по отделам обкома партии, просил билет на вечернее собрание. Везде отказывали...

16 часов 30 минут. Сергей Миронович входит в подъезд, поднимается по лестнице. По инструкции Кирова везде должен сопровождать Борисов. Сегодня он отстал от Кирова — в коридоре второго этажа его остановили под каким-то предлогом. Николаев в тот момент находился в приемной А. И. Угарова, секретаря горкома партии.

Киров шел по длинному коридору, свернул налево в боковой коридор, и в этот момент Николаев вышел из приемной Угарова, приблизился к нему сзади, достал из портфеля наган и выстрелил в затылок. Затем он выстрелил еще раз, вероятно уже падая в обморок.

Услышав выстрелы, члены бюро обкома выбежали в коридор. Сначала решили, что убийца тоже мертв, но он оказался невредим, пуля ударилась в потолок.

Чудов подложил под голову Кирову свой пиджак и сказал:

«Не подходите, трогать ничего нельзя, это может помешать следствию».

Иван Кодацкий, председатель Ленсовета, вытер носовым платком кровь на лице Кирова.

Появился Д. Г. Богген, начальник лечебного управления обкома партии. Он пытался закрыть рану пальцем.

В 17 часов 40 минут прибыл профессор Ю. Ю. Джанелидзе, начальник Военно-медицинской академии. За 25 минут до этого профессор Добровольский констатировал смерть Кирова.

Чудов сказал: «Надо позвонить товарищу Сталину. Я звонить не буду». К аппарату подошел Джанелидзе, вызвал по прямому Москву. «Товарищ Сталин, Сергей Миронович Киров... — Не договорив, Джанелидзе опустил руку с телефонной трубкой и сказал Чудову: — Он уже все знает...» — И продолжил разговор с генсеком.

Доктор М. Д. Гальперина, дежурившая в эти часы в медицинском пункте Смольного, вспоминает: «Внезапно в соседнем кабинете зазвонил телефон. Сказали, что это Москва, у телефона Сталин. К аппарату позвали Джанелидзе. Он вышел и через несколько минут вернулся; став рядом со мной, он сказал: «Как будто спичку обростили...» — так профессор понял реакцию Сталина на убийство Кирова».

Генсек немедленно распорядился: «Партактив отменить. Смольный окружить войсками НКВД. Ждите указаний». Около 6 часов вечера позвонил Поскребышев и продиктовал текст официального сообщения ЦК: «1 декабря в Ленинграде от предательской руки врага рабочего класса погиб выдающийся деятель нашей партии...» и т. д.

Сообщение венчал призыв к народу: «За окончательное искоренение всех врагов рабочего класса!»

Еще расследование не началось, еще не остыло тело убитого, а генсек все знал: кто убил, зачем убил... И как надо ответить на вылазку классового врага.

1 декабря Н. И. Ежов пробыл в кабинете генсека полдня — случай исключительный. Выйдя от Сталина, Ежов вызвал своего помощника по промышленному отделу В. Е. Цесарского и приказал готовиться к отъезду в Ленинград.

Экстренный поезд прибыл в Ленинград рано утром следующего дня. Вместе с Хозяином приехали Молотов, Ворошилов, Жданов, Вышинский, Ежов и отряд сотрудников НКВД. Именно Ежову, ответственному работнику ЦК, курирующему НКВД, прокуратуру и органы суда, Сталин поручает возглавить следствие.

Центральный аппарат НКВД в этой поездке представлял Г. Г. Ягода, его заместитель Я. С. Агранов и начальник экономического отдела Л. Г. Миронов.

Следом из Москвы шел второй поезд — с карательным отрядом. В числе прибывших в роли следователя Г. С. Люшков. Позднее он опубликует за границей материалы, изобличающие Сталина в фальсификации истории гибели Кирова.

Члены Политбюро расположились в Смольном. Генсек знал, кого взять с собой в Ленинград. Молотов, Ворошилов и Жданов (тогда еще кандидат в члены Политбюро) были абсолютно послушны его воле и, что не менее важно, способны на любую низость. Этих он уже опробовал в деле.

Сталин решил допросить Николаева лично. Он надеялся, что в его присутствии фанатик не посмеет назвать настоящих убийц и в предвкушении шумной славы возьмет все на себя. Арестованного доставили в Смольный. Сталин спросил:

— Это вы убили Кирова?

— Да, я... — ответил Николаев и упал на колени.

— Зачем вы это сделали?

Николаев указал на стоящих за креслом Сталина начальников в форме НКВД:

— Это о н и меня заставили! Четыре месяца меня ломали! Они сказали мне, что это нужно партии и государству...

Сталин пнул б о л т у н а носком сапога, тот опрокинулся на спину. Двое с ромбами в петлицах обрушили на его голову рукояти своих револьверов. Тюремные врачи расскажут через двадцать с лишним лет, что им пришлось основательно повозиться, прежде чем Николаев пришел в сознание.

Эта кровавая сцена столь важна, что требует назвать свидетелей. Чудов говорил потом секретарю партколлегии обкома, старому большевику Дмитриеву, что он был убежден — Николаева в то утро прикончили... Областной прокурор П. П. Пальгов рассказал о допросе Николаева своему близкому другу, старому члену партии Опарину. И застрелился после беседы с ним.

Одним из первых прибыл на место происшествия заместитель начальника Ленинградского управления НКВД Ф. Т. Фомин. К тому времени, как он вернулся к себе, в Москве уже знали о гибели Кирова. Вдруг позвонил Генрих Ягода. После того как Федор Тимофеевич доложил обстановку, нарком спросил, во что был одет Николаев, не нашли ли при нем вещей иностранного происхождения. Примерно через час Фомину позвонил Сталин. Он также спросил, во что был одет Николаев, какая на нем была кепка и не было ли

заграничных вещей. Получив отрицательный ответ, Сталин после продолжительной паузы трубку повесил....

Что-то было упущено при подготовке ленинградской акции. К такому заключению пришел позднее заслуженный чекист Фомин. Его воспоминания были в свое время записаны и недавно опубликованы Владиславом Лордкипанидзе.

Террористический акт против Кирова был разработан и проведен сотрудниками НКВД. В этом еще раз убеждают воспоминания члена партии с 1902 года Д. А. Лазуркиной. Утром 2 декабря прибежал Иовлев, секретарь председателя облизполкома П. И. Струппе. «Я совершил преступление», — сказал Иовлев со слезами на глазах. Оказывается, месяц назад к нему пришла женщина, которой срочно понадобилось переговорить с председателем, лично с ним. Струппе был в отъезде, и женщина не решалась открыться его секретарю. Иовлев, член партии с 1913 года, обещал сохранить все в тайне и передать Струппе ее сообщение сразу же по его прибытии.

Вот что поведала посетительница, жена ответственного сотрудника НКВД. Позавчера, в воскресенье, они были вместе с группой чекистов в доме отдыха НКВД в Детском Селе. Когда все выпили изрядно, заговорили о Кирове. Речь зашла о предстоящем убийстве Сергея Мироновича. В беседе принимал участие муж этой женщины.

Она подбежала к нему:

— Ты что делаешь, ты забыл, кто ты?!

— Брось свои глупости! Мало ли что пьяные скажут. Мы выпили, и все...

Но жена не успокаивалась и наутро, вернувшись домой, вновь пристала к супругу:

— Что вы там говорили об убийстве Кирова?

Когда секретарь доложил об услышанном Струппе, тот решил пригласить женщину, но она была уже в сумасшедшем доме, куда ее поместил заботливый муж.

Выслушав рассказ Иовлева, Лазуркина предложила ему вместе отправиться к Ежову, назначенному председателем следственной комиссии. Иовлев плакал и никак не решался, но Лазуркина взяла его за руку и повела к Ежову. Тот немедленно доложил генсеку. Женщину разыскали и под охраной привели в его кабинет. Сталин вызвал из Свердловской больницы врача-коммунистку и сказал: «Приготовьте комнату, я вам отдаю вот этого товарища, который много перенес в сумасшедшем доме, вы должны ее хранить как зеницу ока. Никого к ней не пускать совершенно. Она должна быть под охраной в отдельной комнате. Вы к ней будете ходить, отве-

чать за ее здоровье. Когда она поправится, месяца через два, надо ее отправить на юг, в Крым, я вам дам путевку».

Сталин спешит извлечь из убийства Кирова максимум политических выгод. Уже 1 декабря было принято постановление Президиума ЦИК СССР о борьбе с террором. Специальным органам вменяется в обязанность следствие по делам о терроре вести ускоренным порядком, а приговоры приводить в исполнение немедленно. Прошений о помиловании ЦИК принимать не будет.

Постановлению должно было предшествовать решение Политбюро, очевидно подготовленное Сталиным экстренно «в рабочем порядке». Хозяин не стал утруждать себя соблюдением приличий: в конечном счете и Политбюро, и ЦК всего лишь исполнители его воли.

Незадолго до убийства Кирова Гитлер, организовав поджог рейхстага, использовал эту политическую провокацию в своих целях. Сталину убийство Кирова было нужно для оправдания массовых репрессий. По данным КГБ, представленным после XX съезда партии в комиссию Президиума ЦК, с января 1935 по июнь 1941 года было репрессировано 19 миллионов 840 тысяч человек. Семь миллионов расстреляли, остальных отправили на медленную смерть в лагеря... Гитлер уничтожил в ходе репрессий 200 тысяч немцев.

Через день после убийства Кирова Сталин вызвал на допрос его телохранителя. Борисова повезли в Смольный из здания управления НКВД по улице Воинова. Посадили в кузов грузовой машины на скамейку за кабиной водителя, с обеих сторон — по сотруднику НКВД. Справа по ходу машины тянулась высокая, глухая, без окон, стена склада. В этом месте агент НКВД, сидевший рядом с водителем, перехватил руль и направил машину через тротуар на стену. Толчок, машина остановилась. Никто, кажется, не пострадал. Молниеносно была исполнена и вторая фаза запланированной операции: охранник булыжником проломил Борисову голову. Для гарантии ударил еще.

Никто из участников операции не получил даже ушиба в этой «аварии», пострадала лишь правая фара машины. Шофер развернул грузовик и поехал назад в гараж.

В акте медицинской экспертизы записано, что Борисов погиб в результате автомобильной катастрофы. В 1959 году уцелевшие врачи показали, что смерть наступила от ударов по черепу, нанесенных тупым тяжелым предметом.

Ленинградскому писателю Даниилу Алю было в ту пору 15 лет. Случилось так, что его однокашники, прогуливаясь

3 декабря в Таврическом саду, вышли на перекресток улиц Воинова и Потемкинской и увидели грузовик, ткнувшийся в стену. Возле машины кто-то бил упавшего на мостовую человека камнем по голове. Раздался крик, потом машина отъехала, а школьники побежали домой. Они поведали об этой ужасной сцене своему товарищу и его матери.

Агентом, выхватившим руль у шофера, был Константин Малий. Он жил в одном доме с Кировым и, как вспоминает ленинградка Регина Соловьева (со слов дяди, бывшего сотрудника УНКВД Г. М. Фридмана), Малий тотчас же был значительно повышен в должности. Казнили его через два месяца. Убрали также всех остальных исполнителей. Кроме шофера. Ему доведется пережить Сталина — случай редчайший, если принять во внимание, что его отправили в истребительные лагеря. После XX съезда шофер поведает о пережитом комиссии Президиума ЦК. В следственном деле Николаева хранятся показания шофера Кузина и агента Малия. Они разноречивы, однако удивляться этому не следует: мы уже знаем, какими способами добивались в тридцатые годы нужных показаний.

Вдову Борисова на всякий случай упрятали в психиатрическую больницу, а там отравили.

Жену второго сектератя обкома Чудова Людмилу Кузьминичну Шапошникову, председателя областного совета профсоюзов, как члена семьи изменника Родиной (ЧСИР) отправили на восемь лет в лагеря. Сидела она в специальной зоне для жен «врагов народа» при томской тюрьме. В 1938 году ее приказали привезти в Москву. Прощаясь с подругами, она сказала: «Видно, лагеря для меня мало. Мы больше не увидимся». Ее казнили вслед за мужем.

Как только Николаева привели в чувство после сталинского допроса, за него принялись опытные костоломы. Избиение, изнуряющий режим — все, что полагается.

Николаев был сломлен, пребывал в подавленном состоянии. Почти каждый день просил бумагу и ручку, писал письма Сталину. Четверть века спустя они оказались в распоряжении комиссии Президиума ЦК — девятнадцать писем на имя генерального секретаря. Потом они исчезли... Николаев пытался разбить голову о стену камеры. Пришлось посадить к нему сотрудника НКВД по фамилии Кацафа. Он был в форме, водил Николаева на допросы и потом, на суде, находился рядом с обвиняемым.

Комиссии Президиума ЦК после XX съезда партии Кацафа сообщит, что Николаеву обещали сохранить жизнь,

если он признает, что действовал по заданию контрреволюционного террористического центра. Сегодня мы знаем, как возник этот мифический центр. По прибытии в Ленинград Сталин вызвал к себе сотрудников НКВД и потребовал представить карточки на всех активных в прошлом оппозиционеров.

Картотетчики были тогда рядовыми сотрудниками. После XX съезда они, уже в полковничьих погонах, поведали о том, как выполняли поручение генсека. В их присутствии Сталин перебрал карточки и изучил список 22 бывших оппозиционеров, которых Медведь предлагал арестовать за несколько дней до убийства Кирова, но Сергей Миронович отказался визировать список.

На основе этого списка и карточек генсек собственноручно составил два «террористических центра»: ленинградский и московский. Зиновьева вместе с Каменем он записал вначале в ленинградский, а потом в московский «центр». Ряд других фамилий он также переставлял из одного «центра» в другой.

Эта рукопись была обнаружена в 1960 году в архиве Сталина. Графологическая экспертиза, проведенная прокуратурой СССР, подтвердила: документ написан его рукой.

Но вернемся в год 1934-й. Гроб с телом Кирова установлен в зале Таврического дворца. В почетном карауле — Сталин. Еще раз он займет это место перед выносом. Множество венков... Один — огромный, на виду широкая лента с надписью: «Дорогому Кирову, соратнику по борьбе за коммунизм. И. Сталин». Вождь наклоняется над гробом и целует покойного в лоб. На публике кроме вдовы — только он.

Хоронить Кирова решено в Москве, на Красной площади. Траурная процессия двинулась по Шпалерной до Воинова, к Литейному и по Невскому к Московскому вокзалу. Сталин сопровождал гроб лишь два квартала, потом сел в машину. А на Невском все квартиры с окнами на проспект заняли агенты охраны. На крышах домов — пулеметы...

Итак, следствием по делу об убийстве Кирова руководит Ежов. Помимо Люшкова Сталин включил в ежовскую бригаду еще одного проверенного в деле костолома, Д. М. Дмитриева. Позднее генсек доверит ему пост начальника Свердловского УНКВД. Следователя по особо важным делам Прокуратуры СССР Льва Шейнина прихватил из Москвы Вышинский. Любопытные вещи рассказывал ныне покойный Шейнин.

Через несколько дней после убийства Кирова начались

аресты. В списке ленинградского «террористического центра» одним из первых значился И. И. Котолынов. Вместе с другими руководителями ленинградского комсомола он участвовал в обсуждении плана публикации книг по истории ВЛКСМ. В кабинете следователей эти собрания трансформировались в тайные сборища террористов с... участием Николаева.

Сталину было необходимо пристегнуть к делу Троцкого, который якобы осуществлял «общее руководство» заговорщиками через некоего иностранного консула. От этого мифического дипломата Николаев будто бы получал деньги. Так значилось в обвинительном заключении, опубликованном 27 декабря за подписями Вышинского и Шейнина.

28 декабря открылось заседание Военной коллегии Верховного суда СССР. Выездную сессию в Ленинграде возглавил неизменный председатель коллегии Василий Ульрих. Когда он поднимал от бумаг свое одутловатое лицо и через очки буравил колючими глазками очередную жертву, одинокого смертника брала оторопь. Десять лет лагерей здесь давали редко. Зал наполнен агентами. Над столом зловеще нависла бритая, заостренная кверху голова с отдающей желтизной лысиной. На шее — складки дряблого жира. И гаденький, вкрадчивый голос в придачу. Этот вурдалак, пропустил через свой конвейер тысячи лучших умов России, сгубил на плахе цвет народа. За что и удостоен почетных похорон на Новодевичьем. В компанию головорезов рядом с Ягодой, Ежовым, Берия, Шкирятовым, Вышинским Ульрих вписывался органично. Весьма существенный рычаг в сталинской машине истребления. И один из самых долговечных.

Подробные показания о ходе суда после XX съезда дал комиссии Президиума ЦК уже известный нам Кацафа. Кое-что рассказала приглашенная на заседание знакомая Ульриха.

Под видом публики в зале сидели сотрудники НКВД. Председатель допрашивал Николаева в отсутствие остальных обвиняемых. Подсудимый отказался от показаний, данных им на предварительном следствии, и заявил, что никакого центра не было. Однако это заявление даже не внесено в протокол. Ульрих методично, неотступно усиливал нажим, то призывая: «Вы должны, вы просто обязаны помочь судебным органам!» — то угрожая тяжкой карой.

Николаев, истощенный тюрьмой, подавленный допросом, заметно сдал. Он был близок к капитуляции. А Ульрих продолжал давить: «Вы столько лет состояли в партии, вы же знаете, что для партии нет ничего опаснее политических

уклонов. Но ведь троцкисты-зиновьевцы замыслили еще и убийство наших вождей. Своими честными признаниями вы поможете разоблачить отъявленных врагов».

В конце концов Николаев подтвердил свои первоначальные показания: «Да, в Ленинграде существовал террористический центр. Да, ему поручили совершить террористический акт. Да, руководители центра готовили потом убийство Сталина, Молотова, Ворошилова, Кагановича».

Ульрих перевел дух. Можно объявить актракт. И вызвать остальных.

Николаева проводили в специальную камеру при коллегии. Там, освобожденный на время от судебного процесса, Николаев опомнился: «Что я наделел?! Я — подлец! Мерзавец! Я предаю невинных людей! Они ничего не знали, а я их запутал!» Стоящий на часах солдат внутренней охраны Гусев слышал эти вопли. Впоследствии он расскажет об этом в письме Н. С. Хрущеву.

Но вот за Николаева принялись следователи: «Что ты желаешь этих контриков? Ну, показал на них, подумаешь... Зато теперь тебя не расстреляют, ты спас свою жизнь».

После перерыва на скамью подсудимых привели остальных обвиняемых, тринадцать членов «центра». Николаева посадили в сторонке, подальше от них. Спектакль продолжался при закрытых дверях. На сей раз Николаев без запинки «обличал» тех, кто сидел на задней скамье.

Котолынов и «соучастники» категорически отрицали возведенную на них напраслину и заявили, что все дело от начала до конца сфабриковано.

На второй день процесс завершился. Когда зачитали смертный приговор, Николаев завопил: «А-а-а!.. Обманули, сволочи! Обещали три года, а теперь...» Он успел еще послать с порога устроителям спектакля несколько ругательств, и его выволокли из зала суда.

Казнили осужденных в ту же ночь. Руководил экзекуцией комендант здания М. Р. Матвеев. Он расстреливал «врагов народа» часто собственноручно, из любви к профессии.

Иван Котолынов и тут вел себя геройски. «Все дело сфабриковано! Мы погибаем напрасно!» — успел он выкрикнуть под револьверным дулом Матвеева.

В отставку палач ушел в звании полковника.

Присутствовал при расстреле и Лев Шейнин. По штату полагалось Вышинскому, но заместитель прокурора Союза переложил эту почетную обязанность на плечи подручного.

Шейнин станет потом писателем, то есть членом Союза

писателей, как тогда говорили, «инженером человеческих душ»...

После совершенного преступления Сталину необходимо было уничтожить исполнителей — тех работников НКВД, кто мог знать о реальном ходе событий. Поскольку в материалах отсутствовали даже намеки на истинную роль Запорожца, его обвинили в «преступной халатности». За это тоже полагалась суровая кара. Однако пособникам «террористического центра» дали всего по два-три года...

Общность судьбы наводит на мысль о соучастии. Филипп Медведь, опытный чекист, мог ли он не знать о готовившемся покушении?

Медведь, Запорожец и другие бывшие руководители Ленинградского управления НКВД, числом двенадцать, с удобствами устроились в отдельном вагоне. Взяли с собой всякой снеди, патефон и — на Колыму, с музыкой... Начальник Дальстроя Эдуард Берзин устроил ленинградских коллег на командные должности. По случаю пуска моста через Колыму и окончания строительства дороги на дальний прииск руководителей наградили золотыми часами, премировали тремя импортными охотничьими ружьями.

К весне 1937 года Медведь и Запорожец занимали в Дальстрое должности: первый — начальника Южного горнопромышленного управления, второй — начальника Дорстроя. Но вот последовал вызов в Москву, арест и смертные приговоры, вынесенные специальной комиссией НКВД. 25 декабря их казнили.

Сталин умело подготовил партию к своим палаческим акциям, довел народ с помощью газет, радио и митингов до массовой истерии. Под его диктовку в первые дни декабря, в точном соответствии с новым «законом», в Ленинграде, Москве, по всей стране десятками тысяч расстреливали «белогвардейцев», «троцкистов» и прочих «террористов». Их имена выискивали в протоколах давних съездов и собраний, вытягивали из посеревших уст истязаемых на допросах «Правда» призывала «охранять жизнь вождей, как знамя на поле битвы».

На поле битвы, как известно, убивают. На этом фоне арест ленинских соратников Зиновьева и Каменева, столько лет деливших со Сталиным власть в партии, прошел гладко

И убивали, убивали, убивали.

Редактором «Ленинградской правды» был Петр Петровский, сын председателя ЦИК Украины Г. И. Петровского.

Члена партии с 1916 года, героя гражданской войны Петра Петровского отличали смелость и принципиальность суждений. В 1928 году он напечатал в газете статью «Смелые открытия» (Опровергает ли действительность ленинский кооперативный план?), где осудил сталинскую политику «военно-феодалной эксплуатации крестьянства». Вряд ли это выступление «Ленинградской правды» не было согласовано с Кировым. Сергей Миронович, в отличие от многих партийных руководителей, тотальную коллективизацию не одобрял. В конце двадцатых годов, когда процент обобществленных хозяйств в Московской области достиг 70, этот показатель по Ленинградской области составил всего 40 процентов.

На выступление Петровского генсек отреагировал мгновенно, сняв его с поста редактора. Киров несколько раз пытался переубедить Вождя, но Сталин поспешил исключить Петровского из партии и развернул против него кампанию травли. Однако запугать арестами, ссылкой Петровского не удалось. Он примыкает к группе Рютина, участвует в составлении антисталинского манифеста. В августе 1934 года Петр Петровский поселяется в Москве, тогда генсек, установив за ним непрерывную слежку, делает его жизнь в столице невыносимой.

...Однажды вечером Петровский прогуливался с женой и полуторагодовалым сыном в районе Сретенки, как вдруг на Рождественском бульваре из темноты вышли двое бандитов. У них в руках были железные ломы, и, если бы не ловкость и отвага Петра Григорьевича, встреча завершилась бы его убийством. Это произошло 30 ноября 1934 года, в канун гибели Кирова.

Петровский был обречен. Соратник Кирова после третьего ареста (февраль 1937 г.) проходил по процессу Бухарина. Пятнадцать лет заключения, Соловки, Орловский централ и казнь в сентябре 1941 года.

22 декабря народу было дозволено отведать из «Правды» и других газет сталинской стряпни: револьвер Николаева направил в сердце партии ленинградский «троцкистско-зиновьевский центр». Но Сталину очень важно было привязать к этому делу Зиновьева и Каменева как руководителей вымышленного московского «центра». Читатели центральных и местных газет проглотили и это блюдо, вместе с известием об аресте недавних членов Политбюро и их пособников.

«Дорогой Иосиф Виссарионович! Мы знаем, что в лице нашего Кирова ты потерял не только своего верного ученика

и боевого соратника, ты потерял своего близкого и родного друга». Это из обращения двухсот тысяч рабочих Кировского района Ленинграда к Сталину. Они обещают ему «зорче глядеть, повисить свою революционную бдительность, еще крепче бороться за уничтожение под корень, до конца последних остатков классовых врагов».

Никого не смущало, что обвинительное заключение построено почти целиком на фантастических «признаниях» Николаева. Показания Котолынова и других «руководителей» «террористического подполья» отсутствуют...

Никто не утруждал себя правдоподобием. «Правда» назвала липовое обвинительное заключение «грозным обличительным документом». Разве этого недостаточно?!

И последовал шквал народного негодования. Вслед за рабочими вступила интеллигенция. Тысячи студентов, профессора Ростовского педагогического института требовали «немедленного расстрела всех членов контрреволюционной террористической организации». Михаил Кольцов выступил со статьей «Убийцы из «Ленинградского центра».

Пройдет всего три года, и в голове генсека созреет план организации нового ленинградского «центра». Эта провокация понадобится Сталину для истребления всех соратников Кирова: Михаила Чудова, Александра Угарова, Петра Смородина, Бориса Позерна.

Поставленный Сталиным во главе Ленинградского управления НКВД Л. М. Заковский определил на роль провокатора члена партии с 1906 года Розенблюма, арестованного вместе с другими членами мифического «центра». «Самому тебе, — говорил Заковский, — ничего не придется выдумывать. НКВД составит для тебя готовый конспект по каждому филиалу в отдельности, твое дело его заучить, хорошо запомнить все вопросы и ответы, которые могут задавать на суде. Дело это будет готовиться четыре-пять месяцев, а то и полгода. Все это время будешь готовиться, чтобы не подвести следствие и себя. От хода и исхода суда будет зависеть дальнейшая твоя участь. Сдрейфишь и начнешь фальшивить — пеняй на себя. Выдержишь — сохранишь кочан (голову), кормить и одевать будем до смерти на казенный счет».

Василий Федорович Панкратов в 1919 году стал начальником особого отдела штаба 11-й армии, а значит, имел доступ к секретным сведениям о Берия, Багирове и других будущих подручных Сталина. Уволившись в 1924 году из органов ОГПУ, Панкратов переехал в Москву и стал работать в секретариате Орджоникидзе. Когда Сталин взялся за искоре-

нение «троцкизма», по стране прокатилась волна арестов. Панкратова взяли в 1929 году и отправили в тобольский политизолятор. Заключенным «троцкистам» предложили дать письменное обязательство отказаться от политической деятельности. Панкратов был одним из тех, кто отверг этот ультиматум. После трех лет заключения его перевели на положение ссыльного. Тогда Орджоникидзе обратился к жене Панкратова, также отправленной в ссылку, с просьбой уговорить Василия Федоровича. Серго обещал ему свободу и ответственную работу в обмен на отказ от своих взглядов.

Панкратов накричал на Елизавету Михайловну, обозвал черной вороной и отверг предложения Сталина и Орджоникидзе.

Узнав о гибели Кирова 1 декабря 1934 года, он сказал жене: «Если его убил Сталин, он теперь всех нас уничтожит. Если Сергей Миронович погиб из-за женщины... Это другое дело...»

Через неделю после убийства Кирова всю колонию «троцкистов» арестовали повторно. Панкратова расстреляли через три года по приговору челябинской «тройки».

В. Панкратов в сибирской ссылке был близок к разгадке, хотя и допускал второй вариант. Посмотрим, как к этой проблеме подошла историк А. Кирилина. В журнале «Родина» (№ 1 за 1989 г.) она рассматривает четыре версии убийства Кирова.

Первая: террористический акт совершил убийца-одиночка. Якобы Николаев, существо крайне неуравновешенное и озлобленное, мог совершить преступление сам, без посторонней помощи. Как тут не вспомнить выводы американской комиссии по расследованию убийства Джона Кеннеди, не нашедшей никаких следов заговора на жизнь президента...

Вторая версия: вина ложится на лидеров бывшей ленинградской оппозиции.

Третья: Николаев, связанный через латвийского консула с Троцким, стал исполнителем его черных замыслов.

Четвертая: Сталин. Был ли он замешан в этом террористическом акте?

Кроме этих в статье рассмотрены еще две версии. Одна из них — попытка возложить всю ответственность персонально на Генриха Ягоду. Будто бы он без ведома Сталина задумал и организовал покушение на Кирова. Наконец шестая версия: связь Николаева с белоэмигрантами, которые будто бы проникли в Ленинград с целью убить Кирова, а затем Сталина.

В профессии историка научная добросовестность, объек-

тивность обязательны. Но когда историк с нарочитой обстоятельностью рассматривает варианты участия в покушении на жизнь Кирова Генриха Ягоды или Льва Троцкого как единоличных руководителей и делает это спустя десятилетия после XX и XXII съездов партии, такое исследование выглядит по меньшей мере странно.

Кирилина приводит мнение Троцкого: «Сталин несет не только политическую, но и прямую ответственность за убийство Кирова». И без паузы продолжает: «На XX съезде партии эту версию фактически повторил Н. С. Хрущев». Остается сделать еще один шаг — осудить Хрущева как троцкиста. Кстати, недоброй памяти С. П. Трапезников, один из самых упорных апологетов сталинизма, в открытую называл Н. Хрущева троцкистом. Я слышал это сам.

А вывод Троцкого — это, разумеется, не «версия», к нему следует отнестись вполне серьезно. Троцкий знал Сталина — человека и политика, на себе испытал его злобный, мстительный характер и неумное коварство. Когда же за границей стали известны подробности суда над руководителями Ленинградского УНКВД, Троцкий еще более утвердился в своем мнении. Как оказалось, Медведь и его помощники, «располагая сведениями о готовящемся покушении на С. М. Кирова... не приняли мер к своевременному выявлению и пресечению деятельности Л. Николаева, хотя и имели все необходимые для этого возможности». Подобные действия могли быть продиктованы только сверху.

Здесь самое время привести воспоминания Анны Михайловны Лариной. В лагере она встретилась с женой Чудова, Л. К. Шапошниковой. Коснулись в разговоре преступления в Смольном. «Зиновьеву Киров был не нужен. С самого верха это идет, по указанию «хозяина», — заметила Людмила Кузьминична. — Это поняли многие ленинградские товарищи после выстрела, понял и Чудов».

Сталин вникал в детали следствия, не обошел своим вниманием и текст обвинительного заключения. Не будем удивляться, что этот построенный на явном вымысле и лишенный логики документ изобличает самого организатора покушения на жизнь Кирова. Здесь сказалась примитивность Сталина-политика. Проводя массовый террор и террор индивидуальный, он действовал топором. Готовя процесс тридцать восьмого года, третий в серии «общедоступных» спектаклей, генсек задался целью запутать собравшихся в Колонном зале зрителей, а с ними — весь читающий мир. На этот раз режиссер выпустил на сцену П. П. Буланова, личного секретаря

бывшего наркома внутренних дел. Новый свидетель поведал суду, со слов Генриха Ягоды, о причастности к убийству Кирова его телохранителя Борисова.

Приводя текст этих показаний, а также воспоминания следователя Р. О. Попова, Кирилина приходит к любопытному заключению по поводу имеющихся улики: «Сейчас они служат свидетельством против Сталина, в 38-м они же фигурировали против Ягоды, с такой же легкостью они впишутся в систему обвинений против Медведя, Запорожца...»

Так, механически отделив предполагаемых виновников ленинградской акции друг от друга, а потом поставив их на одну доску, историк уводит нас на ложный путь заведомо несостоятельных предположений, версий и ожидания документов. Читателю предлагают ситуацию, в которой Ягода, или Запорожец, или они вместе организовали покушение без команды Хозяина, даже без его ведома.

А документы... Неужто такой опытный исследователь, как А. Кирилина, всерьез полагает, будто Сталин мог оставить прямые письменные улики своего руководящего участия в этом злодеянии?

Что касается такого важного фактора, как результаты выборов нового состава ЦК на XVII съезде партии, то Кирилина сомневается в его решающем значении. Мало того, она предлагает подождать результатов исследования документов съезда (бюллетеней). Будто эта работа не была выполнена комиссией Президиума ЦК в 1960 году. И не было публикации Р. Медведева. И моей книги о Сталине, в которой я, опираясь на воспоминания члена комиссии Президиума ЦК О. Г. Шатуновской и члена счетной комиссии съезда В. М. Верховых, вполне определенно ответил на главный вопрос.

Освещая ход следствия, историк цитирует обвинительное заключение и показания Николаева: «Я должен был изобразить убийство Кирова как единоличный акт, чтобы скрыть участие в нем зиновьевской группы».

Через неделю в протоколе допроса появляется новая запись: «Когда я стрелял в Кирова, я рассуждал так: наш выстрел должен явиться сигналом к взрыву, к выступлению внутри страны против ВКП(б) и Советской власти...»

А вот показания Николаева, касающиеся человека, который в действительности ничего не ведал о готовящемся покушении: «Я поставил его (Котолынова) в известность, что решил не поступать на работу в период подготовки акта, чтобы иметь достаточное количество свободного для осу-

ществления убийства Кирова времени. Котолынов одобрил мое решение». Налицо явная провокация. Но Кирилина верна себе: «Не исключено, что Николаев мог по чьей-то подсказке оговорить честных людей».

Создается впечатление, что Кирилина, исследуя тексты протоколов допроса, не имеет представления о специфике политического следствия того времени. Лишь через несколько страниц она спохватывается: «Теперь мы знаем, как выбивались подобные «признания». Но зачем же тогда было допускать возможность отождествлять инсинуации и точно нацеленные фантазии следователей с добровольными показаниями обвиняемого?

Кирилина последовательно отводит подозрения от Вождя, который якобы не видел в Кирове соперника. «Киров как раз не рвался к власти, и Сталину было это хорошо известно», — сообщает она, забывая о явно выраженном стремлении значительной части партийного актива заменить Сталина на посту генерального секретаря Кировым.

Тенденциозность проявляется и в заключительном выводе. Оказывается, Киров в 1934 году был еще нужен Сталину и у него «не было оснований избавляться от верного соратника». И друга, можно добавить.

Было время, Сталин демонстрировал свою дружбу с «Миронычем». Книгу «О Ленине и ленинизме» он подарил Кирову с выразительной надписью: «Другу моему и брату любимому от автора. 23.V.1924».

Насколько искренен был генсек? Кое-что может рассказать нам стенографический отчет XVII съезда. Он подписан к печати в апреле 1934 года и прошел, как обычно, через редакционную комиссию. В ее состав вошли такие опытные люди, как Поскребышев, Мехлис, Стецкий, Товстуха... К тому времени приветствия партийным деятелям были уже строго дозированы в соответствии со степенью величия. Генсек, разумеется, проходил по первому разряду. По второму на съезде отмечены Молотов, Ворошилов, Каганович, Калинин, Орджоникидзе: «Продолжительные аплодисменты, все встают». По третьему — Косиор, Постышев, Крупская: «Аплодисменты, все встают». Так вот Киров, которого делегаты встретили бурной овацией, в отчете проходит по третьему разряду. Сделано это было, вне сомнения, в соответствии с желанием Вождя.

Любимца партии Сталин сотворил из Кирова после его гибели. Стойкая неприязнь к нему и его товарищам не покидала Вождя до конца жизни.

Кирилина ввела в научный оборот много до сих пор не известных фактов и деталей, но не сумела выстроить их в логически завершенные ряды. Что касается концепции статьи, то она оказалась слишком близкой установкам времен Суслова — Трапезникова.

В отличие от нее, другой исследователь Р. Медведев, не пытается отвести подозрения от генсека. Но уходит от прямого ответа. «Весь характер следствия, руководимого Сталиным,— писал он много лет назад,— и вся цепь событий делают весьма правдоподобным предположение, что Киров был убит не без ведома Сталина». Прошло пятнадцать лет, но Р. Медведев так и не приблизился к истине.

Д. Волкогонов, автор новейшей биографии Сталина, тоже воздерживается от четкого заключения: «Даже сталинская «любовь» к Кирову не остановила, по-видимому, генсека перед тем, чтобы устранить популярнейшего человека, своего потенциального противника».

Недавно опубликованы воспоминания М. В. Рослякова, который в конце 1934 года возглавлял финансовые отделы областного и городского исполкомов. Он входил как кандидат в состав бюро обкома партии и участвовал в заседании, созванном 1 декабря в кабинете Чудова. Услышав выстрелы, Росляков одним из первых выскочил в коридор и увидел на полу Кирова...

Вскоре после этого Рослякова вместе со всеми ближайшими сотрудниками Кирова перевели на работу в разные города страны, а в 1937 году репрессировали. Вернулся он в Ленинград лишь после XX съезда партии. Свои воспоминания закончил к 1970 году, в обстановке возрождения культа Сталина. Мог ли он тогда назвать имя организатора убийства Кирова?

Что же теперь удерживает иных авторов от решительного, без намеков и оговорок, осуждения Сталина? Да, прямые улики его руководящего участия в этом преступлении отсутствуют, они и не сыщутся. А косвенные, разве их недостаточно для объективного заключения? Тем более что оно уже сделано комиссией Президиума ЦК в 1960 году.

Разные авторы называют помимо Николаева среди возможных исполнителей и Борисова, и коменданта Смольного, и специально подосланного уголовника...

Есть в упомянутых публикациях одна общая для них особенность: авторы не стараются вникнуть в психологию диктатора, проанализировать его жизненный путь, начиная с нелегкого детства. Его поведение в юношеские годы, его пре-

ступные деяния в партийном подполье, в ссылке. Кровавые провокации в гражданскую войну, злобное отношение к больному Ленину, истребление честных работников задолго до убийства Кирова. За густым дымом сталинских решений, постановлений и резолюций, докладов, приветствий и проклятий просматривается фигура матерого уголовника, человека мстительного и циничного, для которого убийство стало с молодых ногтей привычным делом.

История гибели Кирова породила множество публикаций на Западе. Такой известный специалист, как Р. Конквест, в свое время писал: «У Сталина не было никаких моральных или иных сдерживающих факторов. Убить Кирова означало убрать ближайшее препятствие: это позволяло в то же время создать атмосферу насилия, создать возможность обвинения противников Сталина в убийстве и стереть их с лица земли без тех споров, какие ему пришлось вести по поводу судьбы Рютина». В недавно вышедшей книге «Сталин и убийство Кирова» автор подтверждает, что Сталин санкционировал это преступление. В интервью газете «Московские новости» Конквест упомянул Адама Улама, который полагает, будто устранение Кирова не было в интересах генсека. Как видим, не только у нас, но и на Западе есть историки, для которых осуждение Сталина как организатора этой акции до сих пор остается неприемлемым.

В. Усиновский на основании свидетельств заключенных пришел к выводу, что убийство организовано Сталиным, но он допускает иную версию: будто Николаева толкнуло на эту акцию чувство мести. В том же духе высказывается бывший резидент ОГПУ — НКВД В. Кривицкий. А. Орлов приводит несколько версий, но не снимает вины со Сталина, который был прямо заинтересован в устранении Кирова.

Авраама Линкольна убили с целью изменить государственную политику. И в Джона Кеннеди стреляли по политическим мотивам. Но и Сталин, устранив Кирова, разве не изменил сразу же круто внутреннюю политику?

Трудно в наш адов век провести грань между уголовщиной и политикой. Вот и в деле Кирова тесно сплелись эти два начала.

Развязать террор и поставить русский народ прочно на колени. Все народы бывшей царской империи — на колени. Убрать главное препятствие на пути к новой монархии, свалить вину за убийство на других соперников. Шантаж, про-

вокации, клевета, тихие убийства, громкие процессы — чего здесь больше — уголовщины или политики?

Не будем вникать в дозировку сталинской кухни. Важно, что он достиг своей цели. Вернее — нескольких целей. Устранил соперника. Дискредитировал, а потом казнил других партийных лидеров. Запугал народ обострением классовой борьбы и под этот шум начал истребление ленинской гвардии.

Для усиления резонанса — прославление убиенного. Имя Кирова присваивают заводам, колхозам, шахтам, академиям, школам, кораблям... Этой чести удостоены две области и семнадцать городов. В Карском море — острова... Щедрые знаки неизбывной скорби Сталина — и ежедневные напоминания о коварных убийцах из троцкистско-зиновьевско-меньшевистско-монархической банды.

Сталин понимал, что убийство Кирова многие (не только сотрудники НКВД) связывают с его именем. Возводя чудовищное здание показательных процессов, он неотступно думал над тем, как пристроить к убийству Кирова уцелевших политических противников, нареченных им сначала «оппозиционерами», а потом «врагами народа».

Кого только не обвинял Сталин на судебных процессах 1935, 1936, 1938 годов — устами Вышинского — в убийстве Кирова: Каменева, Зиновьева, Евдокимова, Бакаева, Бухарина, Рыкова... Не был забыт и живший в изгнании Троцкий. Генсек настаивал даже на включении в число обвиняемых на процессе 1936 года видного деятеля партии И. Н. Смирнова, который ко времени убийства Кирова уже два года находился в тюрьме.

Советскому народу внушали, будто указание Ягоде и Запорожцу ликвидировать Кирова дал... Амель Енукидзе. Ситуация в годы сталинской диктатуры вовсе не реальная.

В тридцать шестом, когда в Октябрьском зале Дома союзов шел процесс, мне, студенту-историку, было шестнадцать. Отцу — пятьдесят три. Он тяжело переживал гибель Кирова. Прокурору РСФСР выдали пропуск в Дом союзов, он приходил домой мрачный, подавленный...

Только спустя три года после смерти Сталина, в 1956 году, впервые публично были высказаны сомнения в достоверности официальной версии убийства Кирова. Это сделал Никита Сергеевич Хрущев на XX съезде партии. Через пять лет, на XXII съезде, он еще чуть-чуть приподнимет занавес. Но дальше глухих намеков в адрес главного виновника пойти не отважился.

А ведь он уже располагал материалами специальной комиссии Президиума ЦК по расследованию обстоятельств этого дела. Хрущев обещал обнародовать данные и выводы комиссии. В нее входили: Н. М. Шверник (председатель), Генеральный прокурор СССР Р. А. Руденко, председатель КГБ СССР А. Н. Шелепин, заведующий отделом административных органов ЦК Н. Р. Миронов и член КПК О. Г. Шатуновская.

Сотни свидетелей опросила комиссия в Москве, Ленинграде, других городах. Получив доступ в архивы ЦК, члены комиссии исследовали горы документов.

Кирилина эти факты игнорирует. Касаясь заключительного слова Хрущева на XXII съезде партии, она пишет, что он «не располагал весомыми уликами причастности Сталина к трагедии 34-го года». И комиссия Президиума ЦК, по ее словам, «не обнаружила весомых доказательств». Утверждать подобное может лишь человек, не знакомый с материалами комиссии и свидетельством О. Г. Шатуновской.

...Зимой 1959 года члены комиссии прибыли в Ленинград. Они попросили шофера завезти их по дороге в Смольный на улицу Воинова. Вот и стена склада, возле которого 3 декабря тридцать четвертого года убили Борисова, телохранителя Кирова. Остановили машину. Шофер улыбнулся понимающе: «А... значит, вы — та самая комиссия... Вам поручено расследовать дело об убийстве Кирова. Чего же тут расследовать — весь Ленинград знает, что Кирова убил Сталин».

Точно так рассуждали рядовые ленинградцы в декабре тридцать четвертого. Писатель Даниил Аль, свидетельство которого помогло воссоздать картину гибели Борисова, с теплым чувством вспоминает бывшего путиловского рабочего Николая Войтюша. Его направили комсоргом ЦК ВЛКСМ в их образцовую школу. Во время прогулок по Летнему саду, по набережной Невы Войтюш рассказывал о том, что говорят, о чем думают путиловцы. Они искренне любили Кирова и были уверены, что это убийство подстроил Сталин. Сам Коля тоже так думал.

...Разве тогда, после убийства Мироныча — так звали его заводские рабочие, — трудовой Питер не распевал (шепотом, с оглядкой) такую частушку:

Эх, огурчики
Да помидорчики...
Сталин Кирова пришил
В коридорчике.

По материалам расследования комиссия подготовила итоговый документ за подписью Н. М. Шверника и О. Г. Шатуновской, в котором Сталин был изобличен как организатор убийства Кирова.

Этот документ был разослан членам Президиума ЦК. К XXII съезду партийное руководство уже располагало достоверной картиной преступления в Смольном. При желании Хрущев мог назвать главного виновника. Но ревнители культа Сталина взяли верх, потом отстранили от власти самого Хрущева.

Настали иные времена...

ВЕЛИКИЙ ПОЧИН

Он действительно стал месяцем великого почина, декабрь тридцать четвертого. Еще не был объявлен приговор по делу об убийстве Кирова, а газета уже требует от имени рабочих Балтийского судостроительного завода очистить Ленинград «от всех бывших людей, пригревающих у себя змеиных выродков, пытающихся жалить нашу партию, наш рабочий класс».

А как отличить «бывшего» от «настоящего»? И почему чистке подлежит только Ленинград? Сталин этими вопросами не задавался. Он всегда знал, чего хотел.

Передовая «Правды» от 25 декабря озаглавлена так: «О гнилом либерализме Днепропетровского горкома. О революционной бдительности». Это уже сигнал для всех горкомов и обкомов. Сигнал к всеобщей чистке.

Все, что было до этого, отзвучало предлюдией к большому террору. К декабрю 1934 года на счету Сталина числился не один миллион загубленных голодом и пулей. Да миллионы высланы. Мастер отлаживал свою мясорубку.

...Леди Астор, посетившая Москву в декабре 1931 года, удостоилась редкой чести быть принятой Вождем. В ходе беседы она задала вопрос, который вряд ли отважился бы задать Сталину кто-либо другой:

— Сколько времени вы будете еще убивать людей?

Переводчик онемел. Но Сталин настоял на переводе и, не задумываясь, будто ожидал подобного вопроса, ответил наивной леди:

— Этот процесс будет продолжаться столько, сколько нужно для становления коммунистического общества.

Более ста лет назад в «Бесах» Достоевского было сказано, что понадобится не менее ста миллионов жертв, чтобы остальные жили покорно в казарме. Эти слова оказались вещими.

Бряд ли Сталин в своей деятельности следовал поразительному предвидению Достоевского. Он исходил из собственного постулата создания нового общества на трупах. Однако без теоретической базы подобные предназначения выглядели бы несколько сиротливо. Иосиф-строитель не стал утруждать себя разработкой научной доктрины, а просто объявил, что по мере продвижения к социализму классовая борьба будет обостряться. Отсюда вполне логично вытекал тезис о массовых репрессиях как неременном условии победы коммунизма. Тут сошлись воедино теория и практика сталинской интерпретации марксизма-ленинизма. Получилось просто и вполне доступно для понимания присяжных пропагандистов.

Только вот беда: не все коммунисты научились понимать Сталина с полуслова. Не всем прихлись по вкусу его философские досуги. Вот что, как вспоминали очевидцы, сказал Бухарин в апреле 1929 года на пленуме ЦК:

«Эта странная теория возводит самый факт теперешнего обострения классовой борьбы в какой-то неизбежный закон нашего развития. По этой странной теории выходит, что чем дальше мы идем вперед в деле продвижения к социализму, тем больше трудностей набирается, тем больше обостряется классовая борьба, и у самых ворот социализма мы, очевидно, или должны открыть гражданскую войну, или подохнуть с голоду и лечь костью».

В стремлении развенчать несостоятельного теоретика Бухарин прибегнул к гиперболе. Ан, напрозорчил Николай Иванович: гипербола обернулась былью.

Но до Бухарина, возможно, не дошло одно высказывание Вождя. Вот это: «Лучше привить маленькую оспу — тогда не будет большой».

Несколько слов, оброненных Сталиным за бутылкой имеретинского за домашним столом, выстроились в афоризм, который сделал бы честь Макиавелли.

Итак, террор как средство профилактики против народного восстания. Тут уж точки над і поставлены все...

Но террор — это не только и не столько тридцать седьмой год. И не тридцать пятый, когда, убив Кирова, Сталин открыл шлюзы. Тридцать седьмой — это для обывателей, имя им легион.

Членов оппозиционных групп начали арестовывать и бережно содержать в политизоляторах гораздо раньше. В 1918 году был введен запрет всем «чуждым элементам» на жительство в Москве, Петрограде и Киеве. К ним вскоре добавили Харьков, Ростов, Одессу. Позднее минус прочертил уже шестнадцать городов, потом еще несколько. Этот минус обычно следовал за высылкой или тюремным заключением. В 1921 году появились политизоляторы, через пять лет был запущен конвейер непрерывного действия для инакомыслящих: политизолятор (три года) — ссылка (три года) — «минус» с прикреплением. Затем следовал новый арест и — по тому же конвейеру. Проживание под знаком «минуса» означало обязательную отметку раз в две недели у коменданта ГПУ. Менять место жительства репрессированный не мог, устроиться на работу без особого разрешения тоже не мог.

С конца 1922 года меньшевиков вылавливали целеустремленно. Закрыли их клуб «Вперед» в Москве на Мясницкой. Еще в августе 1920 года взяли группу молодежи. В феврале 1921 года арестовали в этом клубе 150 человек. В Бутырках собралось до 300 социалистов всех направлений. 25 апреля 1921 года произошло массовое избиение заключенных в Бутырской тюрьме. В феврале 1922 года — как результат переписки Ленина с Троцким и переговоров с Уншлихтом — арест ядра молодежной группы, 25 человек, в Москве. Всех — на Лубянку, а там строгий режим, приведший к протесту. Потом — приговор к дальней высылке, голодовка протеста, «смягчение» приговора...

«...Надлежит и в церкви ереси иметь, дабы открылись между вами искусные», — поучает святой апостол Павел коринфян.

Попался бы святой Павел в руки Сталина, только бы этого апостола и видели. Ну а до Сталина что бы сделали со святым — «просто» сослали?..

Корни сталинщины — тотального террора — уходят в благодатную для них почву.

Не прошло и года после смерти Ленина, как генсек стал тяготится узкими масштабами террора против меньшевиков и эсеров. Человек с размахом, он уже в середине двадцатых годов затеял широкое преследование грузинских меньшевиков. В Ленинграде оппозиционеры имели свою подпольную типографию. По предложению Сталина ГПУ подослало туда своего агента, который на следствии оказался... «белогвардейским офицером». В этой акции чувствуется направляющая рука опытного провокатора.

Летом двадцать седьмого года «по решению Политбюро» Троцкого выслали в Алма-Ату. Сталин задумал отправить его потихоньку, тайком. Пока бригада гепеушников взламывала запертую дверь квартиры, Лев Давыдович успел набросать прощальные строки товарищам:

«Нас продуманно провоцируют на протесты. Сталин сознательно вызывает на возобновление оппозиционной борьбы. Он знает, мы не станем молчаливыми обывателями, не отдадим молча и равнодушно судьбы наших товарищей. Нас намеренно толкают, чтобы иметь предлог для усиления репрессий, которые становятся жестокими, беспощадными и бесстыдными. Сталин хочет не только продолжать борьбу против нас, он хочет физически уничтожить оппозицию».

Сталин испытывал к Троцкому сатанинскую ненависть и одновременно страх. Он боялся его признанного авторитета как одного из вождей революции и Красной Армии, его огромной популярности в партии и в народе. Сталин уже принял решение о высылке Троцкого в Алма-Ату, но агенты донесли о толпах людей, собравшихся перед Казанским вокзалом на проводы опального вождя. Тогда генсек перенес отъезд на другой день. Эту акцию ГПУ выполнило на высоком уровне: Троцкого препроводили в вагон силой, т а й н о, н а к а н у н е назначенного вторично (и официально объявленного) дня...

А потом — инспирированная Кобой клеветническая кампания против «продавшегося» международной буржуазии Троцкого.

Пройдет всего год-два, террор начнет расти вширь и вглубь, он станет качественно иным. Вот уже в грузинских тюрьмах начали бить арестованных. Какой-никакой, а почин...

Талант верховного экзекутора окончательно сформируется в годы повальной коллективизации и массового избиения крестьян. И инженеров тоже. Вообще к специалистам душа у Сталина не лежала. В годы гражданской войны он выкорчевывал военспецов, бывших офицеров, честно служивших в Красной Армии. Теперь ему инженеры мешали, и он решил с помощью своего давнего приятеля, служившего в органах, — Е. Г. Евдокимова сколотить вредительскую организацию в среде специалистов промышленности.

Три месяца, май — июль 1928 года, «шахтинское дело» занимало умы современников. Менжинский поначалу отказался инкриминировать инженерам вредительство, он хотел даже привлечь Евдокимова к ответственности. Судить надо

было не честных инженеров, а Сталина, истинного организатора провокационного процесса. Уже тогда генсек показал полное пренебрежение планами экономического возрождения страны. Пусть экономика останется на уровне мануфактурного производства, лишь бы ему, Сталину, закрепиться на Кремлевском холме.

Процесс проходил при «открытых дверях», в присутствии представителей иностранных информационных агентств. Пятьдесят два обвиняемых — и н и к а к и х улики. Их пытали, и они признались во вредительстве... В привычной роли прокурора-обвинителя выступил Николай Крыленко.

Сталин выпустил на сцену сына «врага народа» А. Колодуба. Двенадцатилетний мальчик потребовал для отца смертной казни, а заодно попросил для себя новую фамилию. Стало широко известным имя Павлика Морозова, так же лихо выступившего против родного отца. Сталин, инспирировавший это «движение», стремился придать ему массовый характер.

Зачем все-таки понадобилось Сталину «шахтинское дело»? Породить у народа страх перед вредителями. Проверить послушность аппарата — партийного, государственного — и боевую готовность органов сыска, кары и юстиции перед настоящим делом — большим террором. И последнее, весьма важное обстоятельство: надо было как-то объяснить неудачи в экономической области, оправдаться перед общественным мнением — тогда оно еще существовало не только вне страны.

«Шахтинский процесс» прошел на довольно примитивном уровне, но, слепленный по прямому указанию генсека, он был использован им как дипломный спектакль перед выходом на сцену в новой роли верховного диктатора.

Избиение крестьян в деревне сопровождалось истреблением служителей церкви, закрытием монастырей, сносом храмов, церквей, мечетей, синагог. Уничтожали не все церкви: не хватало тюрем, — и вот собор Соловецкого монастыря превращен в арестантский барак, церковь Бутырской тюрьмы — в пересылку... Отсюда, с благословения Верховного Пастыря, осужденных отправляли на этап. Скоро подойдет очередь храма Христа Спасителя. Возведенный на берегу Москвы-реки в память об Отечественной войне 1812 года на народные деньги, украшенный лучшими мастерами, храм был гордостью российской культуры. Генсек приказал убрать замечательный памятник истории.

Послушная Академия наук (уже послушная) сняла с

охраны большинство памятников культуры, и под ударами новоявленных гуннов пали бесценные творения народного гения.

Арестантские эшелоны с сосланными священниками, монахами и «пособниками» потянулись на север, на восток. В деревнях жгли иконы, грабили закрытые церкви и опустевшие дома репрессированных. Молодые люди распевали:

Долой-долой монахов,
Долой-долой попов!

Дети тоже пели. Мародеры — государственные и самодеятельные, поддержанные армией добровольных хулиганов, не задумывались, какими вырастут дети. Они спешили взять «свое». Отпущение грехов им было гарантировано: в 1929 году состоялось специальное антирелигиозное совещание ЦК, потом — 2-й съезд Союза воинствующих безбожников (СВБ), который наметил практические меры по искоренению всякой веры.

Но бывший семинарист перестарался. Сведения об учиненном им церковном погроме просочились за границу, и папа Пий XI в январе 1930 года призвал христиан ко всеобщему молебну за гонимых в Советской России верующих. Еще немного — и весь культурный мир отвернулся бы от страны, которая с таким трудом добилась международного признания. Пришлось бить отбой. В статье «Головокружение от успехов» генсек выразил деланное удивление по поводу самовольного снятия церковных колоколов. В постановлении ЦК от 14 марта 1930 года «О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении» нашлось место для осуждения практики закрытия церквей. То был маневр: Сталин не собирался открывать вновь ни одной церкви. Что до священников, то вернуть их с того света даже он был уже не в силах.

К 1928 году Сталин прочно занял главное партийное кресло. Однако не в его натуре было успокаиваться на достигнутом. Он возжелал привить своим подданным стройное отвращение, мало того — боязнь перед словом «троцкист». Каждый член партии, каждый гражданин Страны Советов должен знать и помнить: троцкист — враг. Приверженцы Троцкого — агенты империализма, шпионы, диверсанты, вредители. Чуть позднее эту истину будут преподавать наряду с другими истинами той же пробы во всех школах, вузах, политкружках. И в головы, доверху набитые догмами, Сталин втиснул еще одну догму: «Троцкисты — враг номер один».

Чтобы придать ей вес официальной истины, требовались

жертвы доказательства. Этим занялся Сталин, заполняя в двадцать девятом камеры Бутырской тюрьмы. Оставшимся пока на воле сторонникам Троцкого генсек предоставил возможность каяться публично на страницах газет и на собраниях.

Охотнее всего органы стряпали дела групповые: на организациях можно карьеру сделать и видимость напряженной борьбы создать. С кем? Да хоть с этой... агентурой международного империализма...

В Ленинграде арестовали членов религиозно-философского кружка А. А. Мейера, автора ряда книг: «Введение в философию религии», «Религия и культура», «Народ — не толпа», «Что такое свобода, церковь и государство». Все они вышли в свет до революции.

Арестовали двенадцать человек, ни в чем не повинных. Следом — родных и знакомых, потом — знакомых этих знакомых. По «делу Мейера» поначалу решили кое-кого выпустить, остальных сослать, но пришла команда сверху связать арестованных с границей, с мировой буржуазией, снабдить их целью — контрреволюционный переворот. Дело получило новое кодовое название — «Воскресение», и следователи засучили рукава...

К тридцатому году окончательно затухла деятельность политического Красного Креста, придавленного властями. В двадцатые годы ГПУ выплачивало политическим ссыльным минимальные средства на жизнь. Но они получали также помощь от Красного Креста — организации, сохранившейся от царского режима. С февраля 1918 года в ней работала Е. П. Пешкова. Дзержинский относился к Екатерине Павловне с полным доверием, разрешил посещать тюрьмы, еженедельно принимал ее. Об этом сообщает М. Горький в письме Далмату Лутохину 27 сентября 1926 года.

Пешкова, в прошлом активный член партии эсеров, постоянно помогала политическим, но вот все кончилось: деньги из-за границы неофициально поступать уже не могли, да и в Москве людей, готовых на жертвенную работу, поубавилось. Резко изменилось отношение ОГПУ: Ягода не принимал ни Пешкову, ни ее ходатайства. Некое подобие справочного бюро Екатерина Павловна еще сохраняла, но существенной помощи уже никому оказать не могла. А после 1935 года дело помощи политзаключенным и вовсе замерло. «Врагами народа», то есть политическими преступниками, объявлялись сотни тысяч, потом — миллионы. В этом потоке могла захлебнуться любая организация помощи.

Январский день 1930 года. Генсек вызвал к себе председателя ГПУ Украины В. А. Балицкого. Сталин ходит по кабинету, слушает доклад о политическом положении на Украине, гневно пыхтит недовольная чем-то трубка Вождя. А Балицкий подсыпает новые материалы — о сопротивлении кулацких элементов, об остатках махновцев, петлюровцев. Сталин остановился.

— Нэ то, нэ то, нэ то! Дорогой, нэ т у д а с м о т р и ш ь. Наверняка у Скрыпника, пока его не сняли с высшего поста, была своя политическая организация. Ты знаешь, что Украинская академия — это центр контрреволюционного сговора с Пилсудским? Не знаешь?!

Всеволод Аполлонович Балицкий вернулся домой с предписанием немедленно разоблачить и привлечь. Но кого? Известного ученого М. С. Грушевского, автора многотомной истории Украины? В 1917—1918 годах он возглавлял Центральную раду, эмигрировал. В 1924 году ему разрешили вернуться, он стал советским академиком.

Грушевского Сталин приказал не трогать. О нем он проявил особую заботу, подарил ему дачу под Москвой и запретил давать против него показания на суде.

«Организации» было дано громкое название — Союз wyzwolenia (освобождения) Украины», сокращенно — СВУ. Спектакль-процесс над членами СВУ готовился грандиозный. Не хватало лишь голоса какого-нибудь авторитетного украинского деятеля, который бы заклеил «презренных наймитов» Пилсудского, да еще нескольких исполнителей.

Сталин вновь вызывает Балицкого, на сей раз вместе с Панасом Любченко.

— Кого мы поставим общественным обвинителем? — спросил генсек. И сам решил: — Панаса Любченко, секретаря ЦК Компартии Украины. — И последняя инструкция Балицкому: — Ты организуй дело так, чтобы всем подсудимым на процессе подавали чай с лимоном и пирожными.

Ни одной мелочи не упустил главный режиссер.

Процесс над «изменниками» проходил в Харькове в марте — апреле 1930 года. На скамье подсудимых академики. Они во всем признались и, помешивая ложечками чай с лимоном, охотно сообщали подробности — точно по сценарию.

Среди осужденных были академики Лобода и Перетц. По этому случаю штатные юмористы сочинили: «Посеяли лободу, а пожали перца!..»

Лидеры СВУ, как оказалось, были ярыми националистами, продавшимися Пилсудскому, а также Германии, под протек-

торатом которой хотели установить на Украине буржуазно-помещичью монархию. В этот винегрет, приправленный перцем шпионажа, угодили 42 видных деятеля украинской науки и культуры.

Центральный аппарат ОГПУ и его взаимодействие с генсексом не вышли еще из фазы отладки системы. Однажды Сталин вручил Ягоде список 36 неугодных ему лично людей под обычным троцкистским соусом.

— Это скрытые враги партии, а некоторые даже явные. Придется провести процесс. Арестуешь всех, они расскажут о троцкистской деятельности. Потом народ их осудит.

Но Ягода не хотел брать на себя такую ответственность:

— Этого я сделать не могу, товарищ Сталин. Может быть, ЦКК расследует их антипартийную деятельность и передаст мне материалы?

Сталин сделал вид, будто отступил. То был привычный маневр. У него имелся в запасе один доверенный человек, И. А. Акулов, бывший секретарь ряда обкомов, поставленный им на пост прокурора СССР (этого послушного чиновника Сталин прочил на место главы органов). Для начала надо было выведать у Ягоды данные о сети заграничной разведки. Но Ягода был не из простаков. Тогда Сталин поручил это щекотливое дело Булатову, ведавшему кадрами ОГПУ. Но и тут потерпел неудачу. (Их всех — и Ягоду, и Акулова, и Булатова — ждет один конец, но прежде генсек выжмет их, как лимон к чаю.)

Уже в начале тридцатых, расправляясь с миллионами крестьян и тысячами «вредителей» среди научно-технической интеллигенции, Сталин делал попытки учинить расправу над партийными деятелями, но до провокационного убийства Кирова эту свою голубую мечту кремлевский узурпатор осуществить не мог. Это видно из «дела Рютина», вынесенного на заседание Политбюро в 1932 году. С основными положениями его платформы мы уже знакомы. Критикуя «правых» за альянс с генсексом, сторонники Рютина называли Сталина могильщиком Октября, уничтожающим ради единоличной власти завоевания революции.

За это колесо платформы и ухватился генсек, приписав Рютину намерение убить священную особу вождя и совершить... «контрреволюционный переворот». Тут уж можно было ставить вопрос ребром о казни «террористов». Но убедить ЦК и ЦКК, во главе которой стоял тогда Рудзутак, Сталин не сумел. Большинство членов Политбюро тоже не согласилось с предложением генсека. Пришлось

пока удовольствоваться исключением дерзких критиков из партии.

Сталин и на этот раз проявил столь важное в высокой политике терпение. Если время казней оппозиционеров еще не пришло, можно провести для утешения массовую чистку партии. Во главе этого зубодробительного мероприятия генсек поставил Георгия Маленкова, придав ему пару весьма перспективных опричников — Шкирятова и Ежова.

Одним из основных пунктов специально выпущенной анкеты был вопрос: «Участвовал ли в оппозициях и в каких?»

Однако для военной оппозиции было сделано исключение. Официальная инструкция ЦК предлагала не считать военную оппозицию оппозицией. Все логично: не вычищать же из партии вдохновителя и организатора этой оппозиции Сталина вместе с подручными Ворошиловым и Ярославским...

Тандем Шкирятов — Ежов действовал слаженно и споро. Чистка окончилась в 1935 году обменом партдокументов, после чего Маленков мог на Пленуме ЦК похвастать: в ходе чистки удалось выявить и разоблачить 300 тысяч «чуждых элементов». Резолюция декабрьского Пленума ЦК 1935 года по докладу Ежова об итогах чистки (эта кампания стыдливо названа «проверкой партийных документов») своим лексиконном напоминает военный приказ по борьбе с бандитизмом. «Чуждые люди», «проникшие враги», «изошренные методы», «классовый враг», «шпионы иностранных разведок», «авантюристы, двурушники, контрреволюционные элементы», «подрывная работа», «преступная практика» — резолюция перенасыщена подобными выражениями. Пять, шесть, десять раз упрекает Центральный Комитет парторганизации в отсутствии большевистской бдительности и столько же раз требует разоблачить всех врагов. Истерика? Если и так, то направленная твердой и трезвой рукой на разжигание террора. Оказывается, «классовый враг по мере роста наших успехов прибегает к наиболее изошренным методам борьбы...».

Вот она, ключевая фраза. А за ней — уже знакомая сталинская «теория» непрерывного нарастания сопротивления контрреволюции.

Во время чистки 1933—1934 годов органы сумели попутно обезвредить массу «шпионов». Откуда они взялись? Начальник одной технической службы Наркомтяжпрома Миленин был арестован в 1934 году и привезен на Лубянку. Он якобы был близок с некоей дамой, которая, в свою очередь, была якобы знакома с одним немецким инженером. Чтобы избежать

пытках, Миленин признал себя виновным в шпионаже в пользу Германии и для вящей убедительности указал ряд секретных документов под вымышленным шифром.

Сохранить жизнь помогло ходатайство Орджоникидзе, «шпиона» не расстреляли, дали всего десять лет. В дальний лагерь к нему поехала жена, ей удалось вывезти тайком послание мужа на имя Сталина. Бумагу она вручила помощнику наркома Семушкину, тот положил на стол Орджоникидзе, а уж Серго передал Хозяину. Последовала резолюция Сталина: «Тов. Ежов, расследовать и доложить».

Среди лиц, на которых ссылался в своем заявлении Миленин, значился его старый фронтовой приятель А. И. Селявкин. Для него вызов в ЦК был неожиданностью. Ежов возглавлял в то время сектор руководящих кадров ЦК и курировал ОГПУ. Он сидел в своем огромном кабинете на третьем этаже здания ЦК на Старой площади за необъятным столом. Папка с «делом» Миленина лежала раскрытая перед ним. Ежов попросил охарактеризовать Миленина и получил прекрасный отзыв о честном, самоотверженном фронтовом командире. В то время, до убийства Кирова, люди еще могли иногда высказать свое мнение прямо, открыто, не боясь последствий.

Миленина освободили...

В кампании преследования бывших и нынешних оппозиционеров тема шпионажа и связи с заграницей звучала все назойливей. Вот тут уж настало время применять смертную казнь за одно лишь намерение «бежать» из страны. Сталин ввел в практику высылку родственников репрессированных. Обычай брать заложников возник не в эпоху Сталина, но применять эту систему он начал в первые же годы своего правления — шантажировать жертвы угрозой расправы с их родными и близкими, вымещать злобу на семьях арестованных. То была его стихия.

Итальянский дуче Бенито Муссолини ни разу не унизился до мести супругам и детям своих политических противников. В годы «кровавого разгула» итальянского фашизма не пострадала ни одна семья арестованных коммунистов.

И еще одна аналогия. Истории было угодно синхронизировать действия двух диктаторов — Гитлера и Сталина. Немецкий дуче 30 июня 1934 года уничтожил группу своего соперника Рема.

Та гитлеровская ночь послужила Сталину моделью для резни, устроенной после убийства Кирова. В одном Ленинграде сталинские опричники уничтожили 40 тысяч старых

коммунистов, а всего выявили в городе — колыбели Октября — и в Москве 180 тысяч «врагов народа».

И еще одна массовая резня. Как только советская доля Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) была продана Японии, служащих дороги вывезли на родину, и вскоре тюрьмы и лагеря пополнились тысячами «японских шпионов». Кто из них выжил? Что стало с детьми? В официальной истории об этом ни слова. И о личной ответственности Сталина — тоже.

Массовый террор требовал новых, числом поболее, исполнителей. Из местных и центральных отрядов охранников-экспроприаторов; прошедших школу ликвидации кулака и преследования первого эшелона политических ведьм, надо было спешно создать мощную, боеспособную армию карателей и мародеров.

Искусственно подогреваемый энтузиазм строителей социализма не мог затронуть ум и сердце крестьянина и рабочего. Они мыслили не партийными догмами, а жизненными категориями. Сталин не забыл 1921 года, когда недовольство рабочих прорвалось в Петрограде. Помнил он и Кронштадт. И не хотел повторения. Отсталые рабочие и несознательные крестьяне должны постоянно чувствовать на шее крепкую руку органов. Если Вождь задался скромной целью поставить на колени партию, чем лучше рабочие и крестьяне, то есть народ, массы?.. Мне лично непонятно, почему апологеты Сталина, воспевая его мнимые заслуги, замалчивают эту его бессмертную доктрину, этот его вклад в сокровищницу марксизма-ленинизма?

Не нашла до сих пор достойной оценки официальных историков и руководящая роль Сталина в организации системы сыска и кары. В годы наивысшего подъема это войско насчитывало более полумиллиона человек. Расчет, составленный специалистами, охватывает помимо всех наркоматов внутренних дел и управлений национальных республик, областей, крупных городов все районные отделения и транспортные органы. То были мастера высокой квалификации, накопившие богатый опыт ведения обысков, следствия и применения пыток. Что касается сыска, то при Сталине это стало делом плевым: брали всех подряд, не утруждая порой прокурора выпиской ордера на арест.

Кроме того, органы располагали армией охраны — внутренними войсками НКВД. История подсказывает примеры: швейцарские наемники при дворе французских королей, немецкие — в Версале, караимы — при великих князьях литов-

ских. Сталин в чужеземцах не нуждался, здесь свои убивали своих. Удобно, экономно и — без лишних свидетелей.

Кто сказал, что гражданская война кончилась в 1922 году? То была лишь репетиция к настоящей братоубийственной войне. После краткого перерыва, в шесть-семь лет, гражданская война возобновилась с силой циклопической. Ее называли по-разному — раскулачивание, коллективизация, индустриализация, борьба с оппозиционерами и врагами народа, малый террор, большой террор... Суть оставалась одна: брат убивал брата.

Если на войне солдаты внезапно открывают огонь по своим, это трагическое недоразумение. В стране Октября огонь по своим открыли вполне целенаправленно. И никак не могли остановиться.

Революция оказалась жестокой и к чужим и к своим. Надо было перейти к п л а н о в о м у истреблению «своих», объявив их «чужими». Сталин сумел организовать и осуществить этот переход незаметно для всех. Затем великий умелец наладил машину истребления и запустил ее на полный ход. Этого уже не мог не заметить только слепой. Но было поздно: машина втягивала всех — и слепых и зрячих.

ЛИЧНО ПРИЧАСТЕН

Летним вечером 1926 года группа работников ЦК комсомола, закончив дела, направлялась к лифту на третьем этаже, где находился Секретариат ЦК партии. В те годы «малый ЦК», то есть ЦК ВЛКСМ, помещался в одном здании с «большим», на Старой площади. К комсомольцам подскочил невысокий суетливый человек, комендант охраны Трахтенберг.

— Задержите лифт, товарищ Сталин идет.

Молодые люди повременили, и в кабину вошел генсек — шинель внакидку, рука в кармане полувоенного френча.

— Как дела, молодежь? — бросил Сталин бодро-снисходительно-отечески.

— Все хорошо. Все здоровы и веселы! — в тон ответил кто-то за всех.

У одного комсомольца в кармане лежал маузер, со времен войны остался. Спустя двадцать лет, погибая в голодном сталинском лагере, сколько раз вспоминал он ту минуту в лифте...

В 1937 году Секретариат ЦК партии и Оргбюро переехали в Кремль, а весь аппарат остался на Старой площади. На новом месте Сталин первым делом наладил подслушивание

телефонных разговоров. Техника стала совершеннее, были использованы последние модели. После убийства Кирова и судебных процессов какие только разговоры не вели партийные деятели и работники центрального аппарата! Казалось бы, молчать и конспирировать научились все — жизнь научила. Но — не всех. А Хозяин слушал-подслушивал и намамывал на пропахший табаком ус. Разматывала Лубянка.

К тому времени хранение оружия стали рассматривать как криминал. Это вменялось в вину многим ответственным работникам, сохранившим оружие со времен гражданской войны. Сам Сталин с револьвером не расставался никогда, обзавелся многочисленной личной охраной. Большой Вождь вышел на тропу войны против собственного безоружного народа.

Официально личная охрана членов Политбюро была учреждена в двадцать восьмом году, после неудачного покушения на жизнь сотрудников ОГПУ. Летним днем 1928 года в здание ОГПУ на Лубянке злоумышленники подложили две бомбы. Одна взорвалась, вторая — нет.

Тогда-то при Секретно-оперативном управлении (СОУ) было создано специальное отделение по охране членов правительства. Позднее Сталин сконструировал самостоятельное управление по охране во главе с Николаем Сергеевичем (Сидоровичем) Власиком. Полномочия и власть этого охранного управления были сравнимы разве что с Политбюро. Имя Власика приводило в трепет наркомов, членов ЦК, самых-самых доверенных лиц...

К каждому члену Политбюро был приставлен свой особый комиссар охраны.

При Сталине ответственный пост начальника личной охраны одно время занимал венгр Карл Викторович Паукер, бывший парикмахер Будапештской оперы. Паукер сделал карьеру при Менжинском. Двуличный, пронырливый, он быстро втерся в доверие к Сталину, сумел подружиться даже с таким нелюдимом, как Ульрих. Вскоре Паукер получил важный пост начальника оперативного отдела ОГПУ. Карл Викторович находился подле Хозяина неотлучно.

Личный кабинет монарха охраняли особые стражники, подобно чапарам при грузинских царях. Сталин не один год подбирал под себя людей, лишенных мужества и самостоятельности. В своих помощниках он более всего ценил безволие, трусость и абсолютную покорность. И все же кровопролитная бойня могла подвигнуть кого-нибудь на акт отчаяния... Одним словом, «береженого Бог бережет».

Пришла пора подумать о расширении террора. 29 июля 1936 года генсек рассылает на места закрытое письмо ЦК. Согласно этому письму, несмотря на огромные успехи кампании активной бдительности, некоторые враги народа (к июлю 1936 года уже арестованные) сумели пройти чистку и сохранить партбилеты. ЦК призвал повысить революционную бдительность и повести решительную борьбу с замаскированным врагом.

Так массовый террор, развязанный Сталиным после провокационного убийства Кирова, получил второе ускорение.

К тому времени уже не было в живых другого, ставшего «неудобным», соратника — В. В. Куйбышева. Обстоятельства его скоропостижной смерти хранятся в тайне до сих пор. Почему-то некоторые историки причисляют его к левому крылу. Если Куйбышев иногда и осмеливался возражать генсеку — за компанию с Кировым и другими «либералами» — против слишком крутых мер, то в целом он был достаточно беспринципен и послушен Сталину. И все же он чем-то вызвал стойкое неудовольствие Хозяина. Совсем недавно удалось установить, что его помощник в момент последнего сердечного приступа, случившегося с Валерианом Владимировичем на работе, молча наблюдал, как первый заместитель Председателя Совнаркома, держась за стену, сползал на пол. Помощник не вызвал врача, никому не позвонил. Через три года Сталин уничтожит младшего брата Куйбышева, комкора, героя гражданской войны, Николая Владимировича. И это случайность?..

Особенно досаждал Хозяину Максим Горький — своим неравным характером, частым заступничеством за явных «врагов народа». Великий пролетарский писатель так и не догадался сочинить книгу о вожде. Горького примитивно отравили. Мавр сделал свое дело, он благословил террор: «Если враг не сдается, его уничтожают!» Теперь мавр может уйти.

В те годы Сталин уничтожил не только ряд преданных ему соратников, но и своих родственников — одного за другим. Алешу Сванидзе, воспитавшего своего племянника Якова, первого сына Кобы, Хозяин арестовал вместе с женой Марией Анисимовной Кароне, солисткой Тбилисского театра оперы и балета. Разоблаченных (в чем?..) супругов Сталин отправил в разные лагеря. Перед казнью Алеше Сванидзе предложили от имени Хозяина попросить прощения. После расстрела Сталин заметил: «Смотри какой гордый...»

А ведь Алеша Сванидзе мог надеяться на иной исход.

Иначе бы он в тридцать седьмом не пришел к Сталину вымалывать жизнь Енукидзе:

— Мы же все его хорошо знаем. Он не может быть врагом.

— Вот всыпят ему как следует, — ответил Вождь, — тогда он сразу признается во всех своих преступлениях.

С Авелем Софроновичем Сталин в начале века делил опасности подпольной партийной работы. Но вот Енукидзе написал брошюру, в которой рассказал, между прочим, об организации подпольной типографии в Баку. Без участия Кобы. После этого судьба автора была решена. Неожиданно последовало приглашение в Тифлис, и генсек согласился с его избранием на пост председателя Закавказского ЦИК. Через несколько дней его исключили из состава ЦК ВКП(б) за бытовое разложение. Енукидзе остался не у дел. Наконец он получил при содействии Г. И. Петровского новую должность — начальника Харьковского областного управления автомобильных дорог.

Он был очень неудобен: слишком многое знал и слишком жалостлив был.

В «деле» Енукидзе помимо обвинения в организации убийства Кирова фигурировала подготовка вооруженного захвата Кремля, намерение устранить Горького, Куйбышева и, наконец, отравить Вождя (с помощью неких старорежимных дам, проникших в домашнюю библиотеку генсека). И еще Енукидзе инкриминировали монархизм, политическое и моральное разложение, связь с группой Тухачевского, сговор с «правыми»...

После убийства Авеля Енукидзе Троцкий опубликовал за границей статью под названием «Каин, где твой брат Авель?».

Кобра чутко реагирует на тепло. Почувяв даже на большом расстоянии в темноте нечто живое, она жалит безошибочно. Коба метил свои жертвы среди умных, одаренных. Но более всего он опасался людей волевых. Чужая воля — враждебная воля. Со змеиным чутьем выискивал он волевых и — убивал, убивал, убивал.

Станислав Реденс, муж Анны, сестры Надежды Аллилуевой, возглавлял одно время ГПУ Закавказья. В тридцать седьмом был начальником Московского управления ГПУ. Верный соратник Дзержинского, его личный секретарь, Реденс был способен на решительные действия, но, скованный партийными предрассудками, не мог поднять руку на генсека. Когда пришла его очередь отведавать сталинской

тюремной похлебки да плетки в лубянских подвалах, Реденс остался мужчиной. А Сталин ой как не терпел людей стойких. Как радовался он каждому предательству, совершенному в тюрьме бывшим ленинцем! Если кто из арестованных «врагов народа» отказывался подписывать фальшивки, Хозяин лишался покоя. Всесильный Вождь терял веру в собственное могущество.

Узнав, что Реденс отверг домогательства следователей, что и пытки его не сломили, Сталин вызвал Анну Аллилуеву. Он обещал супругу свободу, ей с детьми — неприкосновенность, если Реденс признается в контрреволюционной деятельности. Что было делать бедной женщине, матери?..

...Ее привезли в Лефортово и впустили в одиночную камеру к изуродованному пытками мужу. Она бросилась к нему, умоляя покориться, подписать все, что Он хочет.

— Коба обещал тебя сразу же освободить.

Реденс пытался доказать ей, что этому человеку нельзя верить ни в чем. Но женщина продолжала надеяться, настаивать. Тогда Реденс подошел к двери и сильно постучал. Явился надзиратель. Реденс попросил вызвать дежурного по корпусу.

— Уведите эту дуру, — сказал он дежурному.

...После смерти Сталина Анна Аллилуева долго добивалась реабилитации мужа. Дождавшись наконец «справедливости», потеряла рассудок.

Слово «справедливость» мы взяли в кавычки не случайно: не кто иной, как Реденс, истреблял партийный актив Москвы, потом руководителей Казахстана.

Г. И. Бройдо, бывший присяжный поверенный, бывший член ЦК меньшевистской партии, в 1918 году был заместителем народного комиссара по делам национальностей. Наделенный умом и хитростью, весьма деловитый, он избавил Кобу от значительной доли хлопот по наркомату. На XVII съезде партии его избрали кандидатом в члены ЦК. Одно время он заведовал Партиздатом, работал секретарем ЦК партии Туркмении. По меркам генсека надо было посадить товарища Сталина за сотрудничество и потворство активному в прошлом меньшевику (а на Лубянке Бройдо признался бы и во враждебной деятельности в годы торжества социализма), но он предпочел арестовать Бройдо. Избыв свою семнадцатилетнюю лагерную долю, дождавшись реабилитации, Григорий Бройдо умер в 1957 году.

В тридцать седьмом Сталин уничтожил Яна Стэна, у которого в течение трех лет брал уроки по философии. Стэн

получил редкую возможность проникнуть в тайные намерения своего ученика. «Коба будет устраивать такие вещи,— поведал он близким друзьям в 1928 году,— что процессы Дрейфуса и Бейлиса поблекнут».

Предсказание Стэна начало сбываться уже через несколько лет. Старого коммуниста Стэна, оказавшегося вдруг «врагом народа», умертвили по личному указанию Сталина.

В бесконечном ряду сталинских жертв стоят имена нескольких сотрудников А. Ф. Керенского, пощажённых Лениным. Один из них — Петр Пальчинский, горный инженер, отдавший революции молодые годы. Попад за границу, он сблизился с Кропоткиным. Осенью 1917 года Пальчинский — помощник по гражданской части генерал-губернатора Петрограда, а в октябре — начальник обороны Зимнего дворца. Его арестовывали не раз в первые годы Советской власти. А он служил честно, работал экспертом и консультантом по экономическим и техническим вопросам, написал несколько ценных книг. Еще в 1905 году царский суд осудил его по делу Иркутской республики на каторгу, но ему удалось бежать. При Сталине все стало проще. В мае 1929 года ни в чем не повинного патриота расстреляли как «неразоружившегося врага», организатора вредительства в советской промышленности.

Министра юстиции в правительстве Керенского П. Н. Малянтовича, старого социал-демократа, Ленин тоже не казнил, хотя тот в июле семнадцатого года отдал распоряжение об аресте вождя большевиков. И Дзержинский оставил бывшего министра на свободе.

У Антонова-Овсеенко было три встречи с Малянтовичем. Первая — в 1907 году, когда после побега из севастопольской тюрьмы он искал приюта на квартире московского адвоката Малянтовича... Через десять лет, после взятия Зимнего, Антонов отведет министра Малянтовича вместе с другими членами Временного правительства в Петропавловскую крепость. Последняя встреча состоится еще двадцать лет спустя. В 1936 году Малянтович придет с личной просьбой к прокурору РСФСР. Антонов-Овсеенко принял старого знакомого в присутствии двух сотрудников: прокурор опасался доноса, обвинения в «пособничестве»... Вскоре Антонов-Овсеенко уедет в Испанию. Потом схватят обоих — бывшего наркома первого правительства Ленина и бывшего министра правительства Керенского.

Крайности-то действительно сходятся...

Начало 1937 года ознаменовано событием, ставшим пере-

ломным,— Пленумом ЦК. В официальной истории было принято почти каждый Пленум ЦК или съезд партии величать «историческим». О февральско-мартовском Пленуме ЦК 1937 года такого не услышишь. О нем вообще предпочитали молчать. Меж тем этот Пленум, пожалуй, более чем какой-либо другой, заслуживает веского эпитета «исторический».

Пленум ЦК генсек подготовил с великой тщательностью. И его доклад, и доклады Ежова, Молотова, Жданова различались лишь внешне. Суть их и цель — оправдание и усиление террора. Верный давней привычке (она стала методом политического действия), Сталин выступил с докладом против «троцкистских и иных двурушников» под самый конец, 3 марта. Троцкий еще жив, в своих статьях и книгах он перед всем миром обнажает бандитскую сущность сталинского правления. Так вот тебе!

«Современный троцкизм есть не политическое течение в рабочем классе, а беспринципная и безыдейная банда вредителей, диверсантов, разведчиков, шпионов, убийц, банда заклятых врагов рабочего класса, действующих по найму у разведывательных органов иностранных государств».

Согласно этой «установке» каждый партиец должен видеть в любом оппозиционере прежде всего вредителя и шпиона. Такова новая политическая мода, провозглашенная генсеком на тридцать седьмой год. (Но эта мода надолго пережила своего создателя...)

Затем последовала генеральная директива: «Теперь слабость наших людей составляет не техническая отсталость, а политическая беспечность, слепое доверие к людям, случайно получившим партийный билет, отсутствие проверки людей не по их политическим декларациям, а по результатам их работы».

Развивая эту мысль, генсек предупреждает: «Настоящий вредитель должен время от времени показывать успехи в своей работе, ибо это — единственное средство сохраниться ему как вредителю, втереться в доверие и продолжать свою вредительскую работу».

Нелогично? Зато полезно. Отныне можно, должно хватать всех — и тех, кто не выполняет, и тех, кто перевыполняет. Последовала соответствующая резолюция Пленума. В ней с прискорбием отмечается пассивность ряда органов промышленности, осуждаются попытки тормозить дело выявления и разоблачения «троцкистских диверсантов» (намек на покойного Серго, у которого накануне «самоубийства» забрали всех его замов и всех начальников главков). НКВД

старается, старается, пота своего и самой крови (чужой) не жалеет, а в промышленности и на транспорте не проявляют необходимой партии активности и инициативы.

Террор получил т р е т ь е после убийства Кирова ускорение. Пленум открыл все шлюзы. До конца.

Десять дней работы Пленума — десять картин сугубо закрытого спектакля (для узкого круга). Одна из них — бичевание Бухарина и Рыкова — была разыграна 27 февраля. Жаль, Томский успел застрелиться. Но этот последний его антипартийный выпад уже заклеямен в печати. Что до его единомышленников, то Сталин решил потешить себя травлей двух ближайших соратников Ленина. Постоянно рыская желтыми глазами, он наблюдал, как цекистская клака изгоняет Бухарина и Рыкова из кремлевского ареопага.

...Бухарин пытается высказать сомнение в правильности действий НКВД. Его обрывают грубыми репликами из зала.

Бухарин пытается доказать свою невиновность.

— Если ты невиновен, докажи это в тюремной камере!

Бухарин не в силах сдержать слез...

Для расследования дела Бухарина и Рыкова Пленум создал специальную комиссию под председательством Микояна. Главный режиссер вел его к этой роли за руку по крутому спуску. Анастас Иванович уже выступил с пространной речью в поддержку доклада Ежова, с теми же фантастическими обвинениями в адрес Бухарина и Рыкова. И с проклятиями от себя лично. Каждую попытку преданных анафеме товарищей воззвать к справедливости, к обыкновенной человечности встречали воплями, резкими репликами. Бухарина, обессиленного голодовкой, добивали на глазах у его вчерашних соратников. Тон задавал Сталин, ему вторили Ворошилов, Хлопьянкин, Петерс, Гамарник и безымянные подголоски. Комиссия Микояна должна была придать этой экзекуции респектабельную видимость.

На заседании комиссии 27 февраля выдвинуто три предложения. Общим в них было требование исключить Бухарина и Рыкова из состава кандидатов ЦК и членов ВКП(б), отличия — в «мерах пресечения».

Ежов. Предать суду Военного трибунала с применением расстрела.

Постышев. Предать суду без применения расстрела.

Сталин. Суду не предавать, направить дело в НКВД.

За предложение Ежова высказались Буденный, Мануильский, Шверник, Косарев, Якир.

Предложение Постышева поддержали Шкирятов, Анти-

пов, Хрущев, Николаева, Косиор, Петровский и Литвинов.

За предложение генсека выступили Ульянова, Крупская, Варейкис, Молотов, Ворошилов.

Последние двое давно знали, что значит «передать дело в НКВД». Ну а сестра Ленина и его вдова неужто не понимали? Ответ на этот вопрос содержится в первоначальном машинописном тексте. Предложение Сталина: «...суду не предавать, а в ы с л а т ь» переделано рукой Микояна. Слова «а выслать» зачеркнуты, вместо них записано: «...а направить дело Бухарина и Рыкова в Н К В Д».

Сделано это было «в рабочем порядке». Предложение Сталина члены комиссии приняли единогласно, и лишь особо доверенные лица знали, что постановление будет сфальсифицировано.

Кроме упомянутых здесь партийцев в заседании участвовало еще шестнадцать человек, среди них Андреев, Жданов, Берия, Каганович, Багиров... И никто из них, больших и малых диктаторов, не вспомнил о недавно принятой сталинской Конституции, о независимости суда, о гражданских правах.

Осталось выполнить еще одну формальность — выработать проект мотивированной резолюции Пленума. Эта задача поручена комиссии в составе Сталина, Молотова, Ворошилова, Кагановича, Микояна, Ежова. Эти знали свое дело. Но Сталину не терпелось, и он распорядился арестовать Бухарина и Рыкова в тот же день, 27 февраля. А резолюцию можно принять после. «В рабочем порядке».

Генсек запомнил выступление каждого члена комиссии. Так, значит, главный гуманист у них Постышев? Что ж, подрежем ему крылышки. Кампанию дискредитации Киевского обкома и Украинского ЦК Сталин начал еще в январе. Постышев совмещал посты первого секретаря обкома и второго секретаря ЦК КПУ. В Киев выехал Каганович. Сталинский эмиссар сумел освободить Постышева от обременительного киевского поста. Три недели февраля органы вылавливали сотрудников Постышева на Украине под улюлюканье «Правды», навешивавшей троцкистские ярлыки на десятки имен, не исключая старых ленинцев.

Разве мог отказать себе Сталин в удовольствии поиграть в кошки-мышки! Все обсуждают и осуждают будущую жертву, Хозяин же снисходителен и добр. Нельзя же так, сразу на дыбу... Может, человек одумается, покается...

А топор уже наострен.

Главный лицедей не забыл бросить на стол постоянные

kozyри — он напомнил о партийной дисциплине, призвал к единству рядов перед лицом опасности... Генсек сумел развить в котле такое давление, что группа Постышева растерялась. Настала очередь дежурных подручных. Они принялись бить «отступников» и «примиренцев» без роздыха.

Совсем как в тюремной камере, где кучка наглых и сплоченных уголовников держит в цепких лапах толпу разрозненных фрайеров. Эта параллель будет сопровождать нас на всем тяжком пути изучения сталинщины.

Пришла пора перестраивать порядки ударной армии — НКВД. Прежде всего — убрать Генриха Ягоду. Снятие его генсек провел в стиле примитивного детектива. Он уехал на отдых в Сочи и 25 сентября 1936 года послал оттуда в Политбюро телеграмму, подписанную вдвоем с Ждановым: «Считаем абсолютно необходимым и срочным делом назначение т. Ежова на пост наркомвнудела. Ягода явным образом оказался не на высоте своей задачи в деле разоблачения троцкистско-зиновьевского блока. ОГПУ опоздал в этом деле на четыре года. Об этом говорят все партработники и большинство областных представителей НКВД». На Пленуме ЦК Сталин обвинил Ягоду в ряде упущений. За этим обычно следовали так называемые «оргвыводы». Они не заставили себя ждать: Генрих Ягода назначен наркомом связи.

Наметив очередную жертву из видных подручных, Сталин не мог вот так, сразу бросить вчерашнего фаворита в подвал. В нем странным образом уживались такие противоположные черты характера, как авантюризм и осмотрительность, дерзость апаша и трусость битого лавочника.

Трусость, чрезмерная осторожность не покидали Сталина даже в годы могущества. Они явились причиной трагических просчетов.

Ягода не просто много знал, он участвовал. Точно определить долю его участия в смерти (убийстве?) Фрунзе, Дзержинского, Цюрупы, Кирова, Куйбышева, Горького трудно, но достаточно вчитаться в его показания на процессе 1938 года, чтобы представить роль сталинского наркома в политических убийствах, осуществленных Хозяином.

В апреле тридцать седьмого советские граждане узнают из газет о том, что Ягода «отрешен от должности» наркома связи (узнаем стиль бывшего семинариста) и арестован. Спустя некоторое время всплыли фантастические подробности: якобы Ягода был уголовником, перерожденцем, с 1907 года служил в царской охранке, а после революции был завербован немецкой разведкой. Кто-то пустил — весьма

кстати — слух, что Ягоду взяли прямо на аэродроме с чемоданом золота. Он готовился к побегу за границу, но славные чекисты и т. д. ...(Интересно, у них там, на Лубянке, специальный сектор был или слухи сочиняли рядовые граждане-провокаторы на общественных началах?)

После ареста Ягоды обнаружили «гнездо изменников» в самом сердце органов. Пришлось Сталину арестовать и уничтожить почти всех ответственных работников НКВД.

Напрашивается вывод: если штаб Ягоды оказался вредительским, то следует пересмотреть дела, состряпанные им. Но у Сталина была своя, особая логика, простому смертному ее не постичь.

Александр Орлов, ответственный сотрудник НКВД, бежавший в 1938 году на Запад, сообщает о казнях бывших сотрудников Ягоды, о многих самоубийствах. Сомневаюсь в последнем. Два-три случая на многотысячный корпус центрального аппарата — это не явление. Ни один лубянский чин так легко из жизни не уйдет: для этого надобно мужеством обладать и душевной твердостью. Где им, убогим, его взять-занять.

Бригада Ежова и года не проработала, как подоспел юбилей — 20 декабря 1937 года ВЧК — ОГПУ — НКВД исполнилось двадцать лет. Им, старателям-корчевателям, — статьи и книги, стихи и песни, ордена и слава. И торжественное собрание в Большом театре, с почетным президиумом в составе Политбюро, с докладом Микояна, после которого Ежову следовало срочно выдать нимб золотой и крылья белые.

Сталин в театр явился с опозданием. Он умел соблюдать дистанцию. Но днем он дал закрытый обед для руководителей органов. Он даже сфотографировался рядом с наркомом. Ежов-дитя сидит на стуле и умильно смотрит снизу вверх на стоящего сзади Хозяина. Сталин наклонился к «любимцу советского народа» и дарит его одной из своих отеческих улыбок...

ВЧК зародилась в конце 1917 года. За двадцать лет дитя революции подросло, созрело и под неусыпным попечительством генсека превратилось в наемного палача своей матери.

По заведенному в Политбюро обычаю каждый член бюро курировал определенную сферу жизни государства. Сказать, что Сталин курировал органы, значит, не сказать ничего. Он занимался ими постоянно, ни на миг не упуская из поля зрения действий наркома и его помощников.

В расстрельные годы органы стали основным инструментом сталинской политики, если то, что он творил, еще можно

именовать политикой. Дни и ночи его протекали в трудах и заботах о единстве партии и высшей справедливости.

...Не справедливость ли была всегда
Таблицей умноженья, на которой
Труп множился на труп,
Убийство на убийство
И зло на зло...—

вопрошал Максимилиан Волошин.

Сталин постарался с предельной точностью ответить на этот вопрос. Контролируя и направляя бригаду Ежова, Сталин не ограничивал аппетиты палачей и не скупился на знаки высочайшего расположения. Любовно пестовал он главарей органов в центре и на местах. Начальник лагеря значил для него больше наркома-хозяйственника.

Подневольная армия лагерных рабов давно перевалила за десять миллионов и продолжала расти. Пополнение значительно превышало «естественную убыль».

Когда-то на родине Сосо иноземные поработители гнали через хребет Ломта-Тави в турецкую неволю сотни пленников. Ныне он сам гонит миллионные гурты невольников через Урал. Другое время — другие масштабы.

Когда такое случалось на войне, солдаты устраивали перемирие. Еще немного, и на родине Октября, обогреваемой солнцем сталинской Конституции, число «врагов народа» превысило бы число его «друзей». Одно оставалось этому народу — попроситься всем в тюрьму.

Сталин удивительным образом угадывал тот пик событий, когда наступала пора признания «перегибов» в политике: не в меру ретивые чиновники на местах, видите ли, превысили полномочия, которыми облекла их Советская власть. Что ж, придется поправить этих товарищей, подсказать им их ошибки и, простите великодушно, примерно наказать.

Чуете запах дыма демагогической завесы, пущенной Великим Коллективизатором весной тридцатого года, когда он бросил народу статью «Головокружение от успехов»?

«Вы притворяетесь доверчивым простофилей, которого годами водили за нос какие-то карнавальные чудовища в масках,— писал Федор Раскольников Сталину 17 августа 1939 года.— «Ищите и обряцете козлов отпущения»,— шепчете вы своим приближенным и нагружаете пойманные, обреченные на закланье жертвы своими собственными грехами».

Осенью Сталин сконструировал специальную комиссию ЦК по проверке деятельности НКВД. Она представила ген-

секу записку о «перегибах» в следственной работе и о пересмотре «дел». Последовало постановление ЦК и Совнаркома о недостатках в работе НКВД. Там говорилось о наборе честных людей в органы.

Значит, честные понадобились? А те, прежние, какие были?

И понадобился честный нарком. Им стал вызванный из Тбилиси Лаврентий Берия. В июне 1938-го Сталин назначает его первым заместителем Ежова и начальником Главного управления госбезопасности, а в декабре — наркомом.

Начали для виду кое-кого журить за «перегибы», случилось — назначали «дела» на пересмотр и даже освободили кое-кого... В 1939 году органы выпустили для вида около двух тысяч липовых врагов, в том числе нескольких работников аппарата МГК и МК. Но ни один старый коммунист не был освобожден...

Угадать действительные намерения генсека не было дано никому. Сталин готовился к следующему большому скачку. Для этого требовался другой исполнитель. Ежов свою роль отыграл. По команде Сталина началась кампания критики недавнего фаворита. В Грузии каждый крестьянин знает, что за собаку отвечает хозяин. Что ж теперь Иосиф Джугашвили виноватит своего цепного пса?

Мне запомнилась гнетущая атмосфера 30-х годов. И вдруг Сталин обронил слова: «Сын за отца не отвечает». Меня, семнадцатилетнего студента истфака, исключили из института, выгнали из комсомола: на бюро я отказался признать арестованного отца врагом народа. Я пошел по инстанциям — райком, горком... И только в ЦК ВЛКСМ член комиссии, повторив слова вождя касательно сына заблудшего отца, помог мне восстановиться.

Но клеймо сына «врага народа» оказалось несмываемым. Как сказал поэт:

И здесь, куда — за половодьем
Тех лет — спешил ты босиком,
Ты именуешься отродьем,
Не сыном даже, а сынком...

Сыновей натравливали на отцов, а потом отправляли вслед за ними на каторгу — такова она, сталинская гуманность.

Сын — за отца? Не отвечает!
Аминь!

И как бы невдомек
А вдруг тот сын (а не сынок!),
Права такие получая,
И за отца ответить мог?

Поднятая генсеком демагогическая возня, рассчитанная на простаков, не мешала, а помогала осуществлению его подлинных планов. Сталин в тридцать восьмом продолжал, с энергией поистине неиссякаемой, раздувать пламя репрессий и подстегивать нерадивых наместников. В столице нацреспублик, в областные центры генсек рассылал лично особоуполномоченных, чрезвычайных толкачей-исполнителей. По прибытии на места они, не таясь, публично объявляли, что действуют по поручению Сталина.

Среди членов, кандидатов в члены Политбюро и других видных цекистов отличился, как обычно, Лазарь Каганович, уничтоживший весь партактив в Смоленске, Иванове и на Кубани.

Тем временем Георгий Маленков преуспел в Минске и Армении.

Андрей Андреев вырезал лидеров Узбекистана.

Андрей Жданов расстрелял руководящие партийные и советские кадры Ленинграда. В увековечение этого подвига его имя было присвоено улицам, районам и даже Ленинградскому университету.

На Северном Кавказе действовал другой матерый опричник — Матвей Шкирятов.

А в Грузии Лаврентий Берия, в подражание Большому папе, проводил процессы над тамошними «троцкистами». Этот список дополняют Никита Хрущев и Павел Постышев. Они провели чистку на Украине. Яков Яковлев отличился в Белоруссии..

Не боясь впасть в риторику, спросим все же: зачем Каганович, Маленков, Жданов и К⁰ убивали высших чиновников, себе подобных? Вчера еще секретарь обкома, горкома клеймил на митинге, в газете «врагов народа», а сегодня его самого бросают в подвал и забирают всех работников аппарата за... сотрудничество с «врагом», прикрывавшимся преданностью Сталину...

Одним желанием слепо служить Хозяину их поведение объяснить трудно. Они сеяли страх перед кремлевской диктатурой, надеясь таким образом укрепить ее, а заодно возвыситься при дворе. И еще они уяснили негласную директиву: истреблению подлежат все старые коммунисты, вся ленинская гвардия. Но сам Сталин смотрел гораздо шире. К концу

тридцатых годов участникам революции было уже за сорок, а то и за пятьдесят. Начиналась смена поколения, жившего при царе. Пожилые много знали, много видели, у них было с чем сравнивать. Сталин поставил перед собой генеральную задачу — ускорить уход этого поколения вместе с «тонким слоем» старых большевиков.

Когда эта задача была в основном выполнена, генсек без обиняков в назидание всем объяснил смысл этих массовых убийств и заодно поделился своими планами. На совещании в ЦК о кинофильме «Закон жизни» 9 сентября 1940 года он поучал присутствующих:

— Партия, литература, армия — все это организмы, у которых некоторые клетки надо обновлять, не дожидаясь того, когда отомрут старые. Если мы будем ждать, пока старые отомрут, и только тогда будем обновлять, мы пропадем, уверяю вас.

При царе преследовали только противников режима. У Сталина была своя диалектика террора. Когда ему понадобилось убивать, он резал всех, не взирая на политические взгляды.

«Бейте их всех. Господь узнает своих», — ответил Арнольд Амальрик, папский легат, крестоносцам на вопрос, как отличить еретиков от правоверных католиков. Согласно этой животворной формуле кремлевский крестоносец.

Пришла пора рассчитаться с делегатами XVII съезда партии. Их преступный замысел провалить генсека на выборах в ЦК был разгадан и пресечен в самом начале. Но забыть такое Сталин при всей своей снисходительности не мог. Он позаботился о том, чтобы ни один из делегатов уже никогда в голосовании не участвовал. В работе съезда участвовало без малого две тысячи делегатов, уцелела едва ли треть.

Чем выше стоял коммунист на партийной или государственной лестнице, тем больше шансов он имел на скорую гибель. За короткий срок Сталин уничтожил четырех председателей Совнаркома РСФСР: Рыкова, Сырцова, Сулимова, Родионова.

Не все местные руководители поняли суть происходящего. Не всем было дано почувствовать гениальность замысла Вождя. Ну, план производства зерна, добычи угля и нефти — это ясно-привычно. Но план по арестам «врагов народа»... Тут что-то органы напутали... Надо сигнализировать в Москву. Однако на это решались немногие. Тех отдельных секретарей обкомов и прокуроров, которые пытались остановить незаконные репрессии и обратились за

помощью в ЦК, а то и лично к генсеку, Сталин безжалостно уничтожал. И когда, нанешние адвокаты Сталина бормочут: «Он ничего не знал, кровавые дела вершили за его спиной», — я отвечаю убежденно: он знал всегда — в каждый дневной час, в любой час ночи — кого арестовать, когда и как. Знал, планировал, приказывал.

В июне 1937 года, перед очередным Пленумом ЦК, на квартире собрались за вечерним чаем несколько старых коммунистов — Пятницкий, Каминский, Филатов и еще кто-то. Разговор пошел о Сталине, его методах руководства, нестерпимой обстановке в партии. С болью называли имена уничтоженных соратников Ленина. Сошлись во мнении: Сталина от руководства надо отстранить. На пленуме ЦК добиться осуждения политики террора и замены Сталина на посту генсека.

Об этом совещании, получившем название «чашка чаю», стало известно Хозяину. Он потом уничтожил их всех. В июле 1938 года Пятницкий, сидя в камере № 96 Лефортовской тюрьмы, рассказал о вечерней беседе за чашкой чаю своему сокамернику А. М. Темкину. Пятницкого зверски избивали, лишь за последний месяц жизни — восемнадцать допросов-истязаний. Сломали ребра, отбили внутренности, изувечили лицо. Следователь Лангфанг, один из немногих осужденных после XX съезда партии, бывший работник Замоскворецкого райкома комсомола, член партии, «между делом» устроил Пятницкому очную ставку с Бела Куном, вождем Венгерской революции 1919 года. Жизнь Куна кончилась в том же году и в том же подвале.

Сокaмерник Пятницкого вспоминал в 1963 году:

«Пятницкий преподавал мне маленький урок. Он натянул на себя несколько пар нательного белья... Когда он вернулся, снять белье своими силами уже не мог. Он поднял руки, а я стягивал с него рубашки. Лицо избито, иссечено — следы пряжек от ремней.

Читать изувеченный Пятницкий уже не мог, и я читал ему вслух. То была книга Салтыкова-Щедрина. Многие страницы исчеркали местные цензоры. Им было что вычеркивать в творениях великого сатирика.

Обвиняли Пятницкого в следующих преступлениях:

а) при подборе кадров в братских партиях он ставил в каждую провокатора;

б) вносил троцкистские формулировки в тексты переводимых на иностранные языки книг, в труды Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина;

в) присвоил в одном издательстве 30 тысяч рублей.

Вот в чем обвиняли человека, через руки которого при переездах за границей проходили сотни тысяч рублей золотом».

На VII конгрессе Коминтерна Сталин сфотографировался с членами президиума — рядом с Пятницким, Димитровым, Кашеном, Торезом, Пиком. Эту фотографию можно увидеть в книгах, выпущенных совсем недавно.

Рудзутака, отбывшего десять лет царской каторги, включая три года в кандалах (в «деле» сохранилась официальная справка), лубянские грамотеи обвинили в связях с... царской охранкой и в организации заговора с покушением на жизнь товарища Сталина. Как выяснилось на XX съезде партии, Рудзутак перед гибелью успел сказать на «суде», полностью отвергнув все обвинения, что в НКВД несомненно существует какой-то тайный центр, задавшийся целью уничтожить всех ленинцев.

Уничтожая Рудзутака, о чем думал Вождь? Он знал, конечно, о предсмертной воле Ленина, который хотел видеть на посту генерального секретаря Рудзутака, человека, способного сдерживать династические страсти партийных лидеров. Однако Рудзутак не стремился к личной власти, не интриговал против Сталина, а на XVI съезде даже оказал ему существенную поддержку, выступив против платформы «правых»: «Имеется не только протест против существующего в партии режима, но имеется и прямая клевета на партию, прямая клевета на т. Сталина, против которого пытаются выдвинуть обвинение в попытках единоличного руководства нашей партией».

Колебался ли Сталин, взвешивая эти факты, обстоятельства? Полноте. Рудзутак принадлежал к ленинской гвардии, этого было достаточно.

Среди обреченных был В. П. Затонский, председатель ЦИКа Украины весной восемнадцатого года. Сталин не забыл, что Затонский возглавлял счетную комиссию при голосовании в ЦК на XVII съезде партии. И откладывал на своих счетах его вины. Время платить пришло в тридцать седьмом. На сентябрьском собрании партактива Киева укрошенный Станислав Косиор поведал о раскрытой на Украине «контрреволюционной банде буржуазных националистов». В том же жанре политической фантастики пришлось выступать и Затонскому, наркому просвещения Украины. Он признал, что его наркомат и многие школы «засорены врагами».

Но подобные заявления и даже готовность к самобичеванию умиловить Вождя не могли. Для начала генсек не пус-

тил Затонского вместе с московским коллегой А. С. Бубновым под пустячным предлогом на очередной Пленум ЦК (октябрь 1937 г.). Потом, дав Затонскому вкусить все прелести ожидания ареста, приказал схватить его и уничтожить.

Оклеветанные, подавленные беззаконием коммунисты посылали лично Сталину письма, умоляя разобраться в происходящем, спасти партию от разгрома. Некоторые предсмертные письма — Эйхе, Бухарина, Рудзутака, Раковского, Булатова — попали к Сталину на стол. И что же? Он или переправлял их «по назначению» — в НКВД, или оставлял без движения. Конец один. Без ведома Сталина никто не смел ни арестовать, ни уничтожить ни одного видного деятеля партии и государства. Главное право — право убивать — он оставил за собой. Сохранились обширные проскрипционные списки с резолюциями Сталина и его подручных Молотова и Кагановича.

Разбойник Прокруст укладывал захваченных путников на ложе и, если они не помещались на нем, обрубал ноги. Наивный грек, наивная мифология. Тиран рубит головы, ибо голова —местилище разума. Сталин весь народ уложил на прокрустово ложе.

И не нашлось на него в России Тесея.

Сталин в организации террора, разработке его технологии, методов проявил завидное трудолюбие и настойчивость. Ему принадлежит честь изобретения некой динамичной формулы: арестовать — заклеить — пытаться — получить «признания» — осудить — убить (или сослать в истребительные лагеря).

Из этих шести операций лишь одна производилась публично — клеймение «врагов народа». Остальное вершилось в глубокой тайне. Ни малейшего намека на законность, на дарованные Конституцией права и прочий бумажный реквизит.

Ревностно следил Хозяин за соблюдением конспирации. Пуще всего боялся преступник огласки. Открытые процессы — особая статья. Эти спектакли он режиссировал сам.

В годы гражданской войны, в ходе финской кампании, а потом и второй мировой войны Сталин проявил себя никудышным стратегом. Реванш он взял на войне внутренней. Тут он оказался на высоте. Операции по истреблению безоружных подданных он планировал, готовил и осуществлял сам. Он охотно входил в технические детали, его радовала воз-

возможность непосредственного участия в «разоблачении» врагов. Особое наслаждение доставляли генсеку очные ставки. Он не раз баловал себя этими поистине дьявольскими представлениями.

Память истории хранит прецеденты. Следствием над вольнодумцем Радищевым, «бунтовщиком хуже Пугачева», Екатерина II руководила лично. Император Николай I командовал следствием по делу декабристов. Сталин тоже снизошел до указаний следователям, поощрял пытки, лично допрашивал «свидетелей» в своем кремлевском кабинете.

Задумав уничтожить председателя Совнаркома Украины Панаса Любченко, одного из лидеров украинских коммунистов, Сталин в августе 1937 года провел очную ставку Любченко с неким парработником, доставленным прямо из лубянского каземата. Этот «свидетель» уличал в присутствии Косиора и Ежова заслуженного революционера в измене...

Затем, когда подошла очередь Станислава Косиора, Сталин свел его с Григорием Петровским. Этой очной ставке предшествовала беседа председателя Украинского ЦИКа с Ежовым. Незадолго перед этим по распоряжению Сталина был арестован старший сын Петровского, герой гражданской войны Петр, личный друг Кирова. Петровский не мог рассчитывать на милость Хозяина, но решил держаться твердо.

Ежов. Вы знали, что Косиор — враг народа, что он замыслил предательство?

Петровский. Я знал Косиора как исключительно честного и чистого человека, беззаветно преданного партии.

Ежов. Вы думаете, если партия простила вам преступления сына-троцкиста, то вам все сойдет с рук?

Петровский. Мой сын Петр тоже честный большевик. Он кое в чем не соглашался с генеральной линией, но никогда не был врагом партии.

Ежов. Ваш сын осужден как враг народа. Вы напрасно упорствуете. С партией так не разговаривают.

Вызывая к себе Петровского на очную ставку с Косиором, Сталин решил проучить упрямого всеукраинского старосту, а заодно насладиться унижением наконец-то сломленного Косиора.

Ежов. Арестованный Косиор, расскажите об участии Петровского в контрреволюционном заговоре.

Косиор. С Григорием Ивановичем Петровским мы вступили в преступную связь в 1934 году.

Ежов. С какой целью?

Косиор. Мы решили бороться всеми средствами за отторжение Украины от Советской России.

Ежов. Какими именно средствами? Пожалуйста, уточнитке.

Косиор. Террор, подготовка вооруженного восстания, шпионаж...

Пока все шло гладко. Полуживой, с остекленевшим взглядом Косиор бубнил монотонно заученные под пытками фразы. Ежов услужливо подсыпал точно по сценарию вопросы. Но не выдержал Петровский:

— Стасик, зачем ты клеветешь на себя и на меня?!

Косиор мотнул головой, и Ежов тут же велел увести арестованного.

Рассвирепевший генсек подошел к Петровскому и произнес раздельно, проводя при этом пальцем под носом Григория Ивановича:

— А мы шпионов вешать будем! Ты думаешь, тебя спасет участие в думе?!

...Сколько таких очных ставок провел генсек в своем кабинете? Сколько поручил провести своим ближайшим подручным, членам Политбюро? Он выслушивал показания «свидетеля», следил за реакцией обвиняемого, отклонял его возражения, уговаривал признаться, обещал прощение и полную безопасность, угрожал, вновь обращался к «свидетелю», бросал многозначительные взгляды на своего статиста Ежова и так входил в роль, что, может быть, в тот жаркий час сам начинал верить в реальность происходящего. И товарищи по партии, сегодняшние и завтрашние жертвы генсека, проникались убеждением, что товарищ Сталин верит провокациям и уж конечно не сам их готовит... А возможно, это и не провокация вовсе, а чистая правда? Раскаялся человек под тяжестью улик, и все...

На них, партийных простофиль, Иосиф-строитель рассчитывал в своих планах создания собственной модели социализма, которой он удивит мир.

Тут мы столкнемся с историческим парадоксом. С одной стороны, наглухо законспирированная деятельность органов, закрытое следствие, тайные суды и тайное участие Сталина в истреблении партии и народа. С другой — публичные судебные процессы в присутствии иностранных корреспондентов, под аккомпанемент шумной кампании информации — через газеты, радио, кино, собрания.

Зачем они ему понадобились, эти процессы? Сталину мало было оправдать тотальный террор во мнении «трудя-

щихся масс». Безгласные, в неосязаемых оковах, они твердо заучили клич «ура!» на все случаи жизни. Публичные процессы нужны были Вождю как грим и пудра рябому лицу. Он хотел предстать перед публикой — своей и заграничной — пусть жестким, но справедливым пастырем. Натура сложная, Сталин-комедиант страстно желал выглядеть на мировой сцене респектабельным.

Совсем как Екатерина II. Приговорив Емельяна Пугачева к четвертованию, императрица писала 10 декабря 1773 года Сиверсу, будто «все дело кончится повешением». Более всего ее беспокоило: «Европа подумает, что мы еще живем во времена Иоанна Васильевича».

Сталина тоже беспокоило мнение Европы. Публичные процессы должны успокоить Запад. Заодно можно было на вполне законном основании кое с кем посчитаться. И списать все неудачи руководства, а заодно и свои личные провалы на счет «вредителей» и «шпионов».

Обвиняя Троцкого, Зиновьева, Каменева, потом «правых» в организации покушений на Ленина, Сталин-сценарист поставил свою персону рядом с Лениным как объект террора в 1918 году, дабы нажить попутно политический капитал, точнее — приумножить его. Ведь руководящее участие товарища Сталина в событиях 1917—1918 годов как вождя революции, верного ученика Ленина и его единственного продолжателя — все это было в глазах людей сведущих всего лишь легендой.

А как приятно услышать из уст лютого врага партии слова невольного восхищения воздвигнутой им, Сталиным, тысячетлетней крепости власти! И генсек, не чураясь черновой работой, вносит своей рукой в текст показаний Каменева такие строки: «Руководство Сталина сделано из слишком крепкого гранита, чтобы можно было ожидать, что он сам расколется. Поэтому его надо расколоть».

В этих словах — весь Сталин, с его неистребимой верой в свою великую звезду и... сомнением в незыблемости абсолютной власти над людьми и временем и даже страхом перед ними (Каинов страх!), с детски высокопарным слогом и грамотностью на уровне недоучившегося семинариста.

Инсценируя жестокую и коварную борьбу многочисленных врагов против ленинско-сталинской партии, генсек надеялся усилить у зрителей впечатление гранитной мощи страны социализма.

А ему хотелось потешить себя зрелищем унижения бывших соратников Ленина, которые когда-то позволили себе

снисходительно смотреть на генсека свысока. Теперь они на коленях — это видят все. И на коленях уползут из жизни.

...Зрелых мужей заставил Сталин участвовать в политическом стриптизе. На процессе 1937 года Карл Радек сделал замечательное признание. Оказывается, они, враги народа, мучили своим молчанием, враньем и заpiresательством самоотверженных тружеников, советских следователей, этих гуманных, чутких друзей арестованных, этих преданных исполнителей воли партии...

Перечитываешь сегодня полувековой давности судебные отчеты — конечно же подстриженные и приглаженные, — и боль горького стыда ранит сердце.

До начала процесса, под свежим впечатлением неопровержимых «улик» и достоверных «фактов», Антонов публикует в «Известиях» яростную статью с характерным заголовком «Добить до конца!».

Поседевший в боях революционер проклиная «троцкистско-зиновьевскую банду», этот «особый отряд фашистских диверсантов», злейших врагов народа, с «которыми может быть только один разговор — расстрел».

Владимир Александрович раскаивается в своем прошлом. В 1923—1927 годах он пытался примирить Троцкого со Сталиным. Антонов восхищается прозорливостью великого Сталина, которого нынче окружают «горячая любовь и преданность трудящихся».

Сталин потирал, довольный, руки. Действительно, Антонов-Овсеевко сказал именно то, что нужно: сравнил СССР с могучим гранитным утесом, назвал троцкистско-зиновьевских бандитов прямыми агентами гестапо, не забыл упомянуть «первое неременное условие победы — железное ленинское единство партии в беспощадной борьбе с агентурой классового врага» и совершенно справедливо отметил решающую роль товарища Сталина, который «орлиным взором» видел перспективу и обеспечил это единство.

Значит, не напрасно он долгими ночами изыскивал способы уничтожения соперников на пути к верховной власти. Значит, его стратегия победила и в сердцах соратников Ленина, если удалось провести, словно ребенка, такого опытного политика, как Антонов-Овсеевко. Значит, в спектакли, разыгрываемые на сцене Дома союзов, поверили!

Мы не забыли, с каким профессиональным умением проводил Сталин спектакли-съезды партии. В постановке судебных спектаклей незаурядный талант кремлевского режиссера-самородка засверкал новыми гранями. Он работал с юно-

шеской увлеченностью над пьесами, сочиненными лубянскими драматургами. Что касается пьесы 1938 года, то, проявив режиссерскую смелость и негиббемый демократизм, он поручил ее сочинение Карлу Радеку, невзирая на то, что Радек был уже арестован как «враг народа». И сам должен был участвовать в спектакле. Последний штрих, кстати, можно отнести к сталинским новациям. Репетиции проводились прямо на Лубянке, там же, под надзором помрежа Ежова, актеры заучивали свои роли, так что надобность в суфлере отпадала. По ходу спектакля Лубянка поставляла фирменный полуфабрикат — выпотрошенных, истерзанных телесно и духовно, одурманенных ядами, запуганных грядущей расправой обвиняемых и свидетелей. За несколько дней до начала представления им спешно придавали человеческий облик и — пожалуйста на сцену!

Много забот посвятил Сталин тому, чтобы придать расправе декорум законности. То была трудная задача, ведь обвинение строилось исключительно на признаниях обвиняемых. Эту практику Бухарин рискнул в своем заключительном слове назвать «средневековым юридическим принципом».

Начиная первый тур смертельной охоты на своих партийных конкурентов, Сталин заявил на XV съезде в декабре 1927 года: «Советская законность не есть пустая фраза». Спустя десять лет, когда от избытка арестантов крыши над тюрьмами начнут вспучиваться, Сталин станет издавать журнал с успокаивающим названием «Социалистическая законность».

Екатерина II оставила жизнь Радищеву. Николай I помиловал многих декабристов. Кремлевский сиделец ни одним актом милосердия свою репутацию не запятнал. Что до Раковского, Сокольникова, получивших на процессах 1937—1938 годов в виде исключения «всего» по двадцать и десять лет, то их потом одного за другим прикончили в запроволочных зонах подосланные и оплаченные Лубянкой уголовники. Эта операция, проведенная под специальным кодовым шифром и отраженная в денежной ведомости финансового управления НКВД, снимает с товарища Сталина недостойное его подозрение в гуманности.

Автора замечательных политических анекдотов и не менее замечательного сценария судебного процесса Карла Радека, чьи труды были оценены Сталиным в десять лет заключения, убили ударом кирпича по голове.

Вроде недавно, выступая на курсах секретарей укомов об

итогах XIII съезда партии, генсек задал элегический вопрос: «Какова же должна быть наша политика в отношении бывших оппозиционеров?» И по обыкновению сам же ответил: «Она должна быть исключительно товарищеской. Должны быть приняты все меры к тому, чтобы облегчить таким товарищам переход к основному ядру партии, совместную и дружную работу с этим ядром».

Надежным проводником этой исключительно товарищеской политики стали Лубянка, Лефортово, «Кресты» — все популярные тюрьмы Москвы, Ленинграда и других городов. Там же в тюрьмах нашлись заботливые, знающие свое дело специалисты, которые обеспечили «бывшим» легкий и скорый «переход к основному партийному ядру» — прямиком на тот свет.

Есть ли необходимость доказывать, что Сталин ни одного из «врагов народа» не считал действительным врагом? Наверное, есть, ибо и сегодня многие современники рассматривают период разгула сталинщины через такую призму: «Раз человека посадили, значит, что-то было...» Для опровержения этой кощунственной формулы достаточно проследить поведение Сталина, освободившего множество осужденных «врагов» при первой же неотложной надобности в их услугах. Вот несколько имен из большого списка: инженер Л. К. Рамзин, авиаконструктор А. Н. Туполев, физик Л. Д. Ландау, эпидемиолог П. Ф. Здродовский.

Но в этом списке нет ни одного партийного деятеля. Старых коммунистов он не возвращал («Без них говорунов хватает...»). Другое дело — ученые, изобретатели, конструкторы. Этих «шпионов» и «вредителей» можно использовать и на строительстве социализма.

А эпизод с Отто Куусиненом? Беседуя с вождем финских коммунистов, членом исполкома Коминтерна, Сталин спросил его, почему он не ходатайствует об освобождении сына. Куусинен покорно склонился перед султаном: «Очевидно, были серьезные причины для его ареста». Великий усмехнулся... Через день сына Куусинена освободили.

Павел Феликсович Здродовский, ученый с европейским именем, в тридцатые годы возглавлял Институт эпидемиологии. Случилось так, что заместитель наркома обороны Тухачевский трижды вызывал его в связи с эпидемиями в Красной Армии. В вольной интерпретации следователей это выглядело как вражеский сговор с целью отравить всю армию. В Усть-вымлаг, где Здродовский отбывал срок, пришла открытка академика А. В. Вишневского — выдающегося хирурга:

«Паша, мы тебя не забыли, позаботились о семье». Опер допытывался у Здродовского — от кого открытка?! Но ученый разыграл неведение.

Однажды перед самой войной вызвали Здродовского на вахту с вещами и — под усиленным конвоем в Москву. Ну, решили все, повели на «пересуд», теперь дадут «вышака» (расстреляют)... Но это Вишневский добился-таки своего, использовав для этой цели критическую ситуацию. В Иркутском гарнизоне началась повальная эпидемия. Вишневский обратился в Наркомат обороны:

— Что же это делается! Гибнут наши красноармейцы, а лучший специалист по борьбе с эпидемиями пилит лес в лагере...

Ни у Берия, ни у Сталина не нашлось возражений против освобождения «матерого диверсанта»...

Нет, что бы там ни говорили, а нужных людей Сталин выпускал. Легендарного организатора системы лагерей Нафталия Френкеля освободили из Лубянской тюрьмы в 1939 году. Понадобилось срочно провести новую железную дорогу на Карельском перешейке для подвоза военной техники. И стал вчершаний арестант Френкель начальником ГУЛЖДС — Главного управления железнодорожного строительства, огромной лагерной империи, протянувшейся от Ленинграда до Владивостока.

ГИБЕЛЬ СЕРГО

Среди тех, кто окружал Сталина, был его ближайший соратник — Серго (Григорий Константинович) Орджоникидзе. В «театре» Иосифа Сталина он был носителем некоего стихийного начала. Наивный и горячий, он не мог, не хотел уразуметь, что пресловутая сталинская генеральная линия означает на деле становление и укрепление личной диктатуры генсека. Когда в 1927 году генсек приписал оппозиции антисоветские, контрреволюционные взгляды и намерения — чужими руками приписал, разумеется, — председатель ЦКК Орджоникидзе не понял замысла будущего вождя. В передовице «Правды» от 22 июня некий аноним (вероятно, Емельян Ярославский — этот служил истово) услужливо подвел оппозиционеров под петлю: «Политически эксплуатируя эти трудности, оппозиция поставила тем самым под знак вопроса верность ее пролетариату и большевистской партии в часы опасности». Отсюда было рукой подать до

«смычки с силами империализма...». Через день, на заседании ЦКК, Серго Орджоникидзе гневно осудил это выступление «Правды». Подобное случалось не раз, и, перемещая товарища Серго с партийной работы на хозяйственную, Сталин знал, что делал.

Орджоникидзе будет еще не раз — один или вместе с Кировым — противоречить генсеку в осуществлении разного рода авантур, но Сталин и не таких ломал.

По-разному относились к Орджоникидзе подручные генсека. Киров — с любовью, Молотов — со скрытой неприязнью, Берия — с ненавистью, прикрытой патокой дружеских излияний.

В октябре 1936-го Орджоникидзе исполнилось пятьдесят лет. Закавказский комитет и лично Берия послали в Москву умиленно-сердечные приветствия. Газеты Тбилиси, Баку, Еревана опубликовали большую, полную приторных эпитетов статью Лаврентия Павловича. Это юбилейное поздравление напечатала «Правда».

Травля дорогого товарища Серго закончится его гибелью. Все знали, кто именно верховодил травлей, все лица выражали радость и душевную приязнь славному наркому. Этот стиль зародился не при Сталине, он издревле бытовал при дворцах восточных деспотов.

Они были во многом антиподами: порывистый, искренне преданный идее, самоотверженный, бескорыстный Серго и преступно-циничный, коварный Берия. Его темное прошлое, его наглость и безудержный карьеризм претили Орджоникидзе. Но так было не всегда. Когда в 1931 году тогдашний секретарь ЦК КП Грузии Лаврентий Картвелишвили поставил вопрос об исключении Берия из партии, Орджоникидзе вступился за председателя ГПУ. Он уговорил Мамия Орахелашвили простить товарищу Берия его «прегрешения» и вместе с Орахелашвили сумел переубедить большинство членов ЦК. Очень скоро оба они горько пожалеют о своем заступничестве. Позднее Серго противился выдвижению Лаврентия Берия. Когда на совещании с руководителями Закавказского крайкома партии Сталин предложил поставить Берия вторым секретарем, возмущенные товарищи явились ночью к Серго на квартиру.

— А что я могу поделать? Сколько раз я говорил Ему, что этот человек не заслуживает доверия, но Он меня не слушает... — сокрушенно ответил Орджоникидзе.

Такие отношения между генсеком и Орджоникидзе сложились давно. Не случайно А. Кобахидзе еще в 1923 году пуб-

лично назвал товарища Серго «сталинским ишаком» (материалы известного «грузинского дела»).

В дни травли Бухарина Серго встретил на улице его жену, Анну Михайловну. Он посмотрел на нее скорбными глазами, пожал руку и сказал: «Крепиться надо».

Т а к о й — упавший духом, смирившийся — подручный устраивал генсека вполне, но Сталин помнил, как в дни работы XVII съезда партии «недовольные» собрались именно на квартире Орджоникидзе и вместе с ним обсуждали вопрос о смещении Вождя с поста генерального секретаря.

Незадолго до смерти Ленин несколько отдалил от себя Орджоникидзе. Основатель государства видел слабые стороны Серго, его ограниченность, излишнюю горячность. Заметив это, Сталин не преминул приблизить Орджоникидзе и тем самым укрепил свое положение в центральном аппарате. И все же доверчивый, преданный Серго был из тех немногих, кто подобно Кирову, осмеливался — пусть изредка — критиковать действия генсека. И он стал неудобен, он уже не вписывался в порочный круг сталинских лизоблюдов.

Неизбежную развязку близил Лаврентий Берия. Опытный интриган, он не упускал малейшего повода уколоть Серго — заглазно, разумеется. Он не обходил своими заботами ни одного друга Серго и, подметив нарастающую внутреннюю неприязнь Хозяина к Орджоникидзе, подогревал ее, как мог. А мог он многое.

Молотов никогда не шел на сближение с Берия. В этом не было нужды да и не способен был сей закоснелый царедворец на близость с кем-либо. Но в кампании травли Орджоникидзе они оказались в одной упряжке — давний сталинский фаворит и новый.

Лишенный интеллекта и проницательности — эти качества с лихвой заменял лакейский нюх, — Вячеслав Молотов давно уловил перемену в отношении Хозяина к наркому. Будучи формально главой правительства, Молотов постоянно урезал необходимые для развития тяжелой индустрии материалы, оборудование, капитальные вложения, сокращал валютный фонд. Серго жаловался генсеку, писал официальные докладные: «Молотов гробит все хорошие начинания, все прогрессивное — только из враждебных чувств ко мне...»

Сталин отмалчивался, дело страдало. Экономика, как таковая, интересовала сих великих марксистов лишь постольку, поскольку она могла служить политическим целям.

И Берия, интригуя против Серго, преследовал цель — утвердиться на верхних ступенях лестницы власти, под Сталиным, за счет сталинского наркома Орджоникидзе.

18 февраля 1937 года, четверг. Через пять дней — открытие Пленума ЦК. В повестке дня доклад Николая Ежова о борьбе с вредительством и содоклад Орджоникидзе о диверсиях на предприятиях и стройках вверенного ему комиссариата.

О том, что прекраснодушный Серго примирился с вредительством на металлургических комбинатах и шахтах, на заводах и фабриках, разговоры ведутся давно. И аппарат наркомата у него засорен троцкистами и шпионами. На одном из последних заседаний Политбюро Сталин напрямую обвинил Орджоникидзе в попустительстве врагам народа. Серго вспылil. Он хорошо знал своих людей, знал, что трудятся они честно, самоотверженно.

На другой день нарком учредил особую инспекцию, которой поручил проверить состояние дел на местах. Он создал более десяти комиссий, во главе каждой — опытный чекист из бывших сотрудников Дзержинского.

В состав комиссий Серго включил экспертов и разослал их на предприятия и стройки. Вскоре они вернулись в столицу и доложили наркому о том, что нигде не обнаружили ни вредительства, ни актов саботажа. Все рабочие, весь административно-технический персонал трудятся с энтузиазмом, с полной отдачей сил. Орджоникидзе составил официальное письмо в ЦК и приложил к нему подробные отчеты комиссий.

Неделю спустя почти все члены комиссий были арестованы. В одну ночь, вместе с женами. На следующий день на Лубянку доставили начальника главных управлений Наркомтяжпрома. Одна из комиссий должна была обследовать состояние дел в Нижнем Тагиле на Уралвагонстрое. В нее вошел начальник Главстройпрома Наркомата тяжелой промышленности Семен Захарович Гинзбург, работавший в аппарате Серго с 1929 года. Орджоникидзе никогда не верил слухам о разгуле вредительства на Уралвагонстрое и попросил Гинзбурга тщательно ознакомиться с ходом строительства, докопаться до истины. «Скажи мне, пожалуйста, — вопрошал Серго помощника, — как это большевики, боровшиеся против царизма, против буржуазии, жертвуя собой, шли в тюрьму, на каторгу, в Октябре завоевали власть, потом осуществили план ГОЭЛРО, создали индустриальную дер-

жаву и вдруг превратились во врагов, начали взрывать созданное своими руками. Было подобное в истории человечества?..»

Гинзбургу невольно вспоминались эти слова в Нижнем Тагиле. Никаких признаков вредительства он там не обнаружил. И председатель комиссии — заместитель наркома Иван Павлуновский, опытный чекист, — не нашел ничего крамольного в действиях местных руководителей. Гинзбург успел побывать и на других объектах и указал в своей докладной записке, что работы на Уралвагонстрое ведутся лучше, чем на других стройках Урала.

Нарком звонил в Нижний Тагил, торопил своих посланцев.

«Рано утром 18 февраля, едва войдя в свою квартиру, — вспоминает С. Гинзбург, — я позвонил Григорию Константиновичу. Трубку взяла Зинаида Гавриловна и сказала, что Серго плохо себя чувствует, заснул, но что он несколько раз спрашивал, приехал ли я.

Днем я узнал, что Орджоникидзе скоропостижно скончался.

Спустя некоторое время мне позвонил Поскребышев и сказал, что товарищ Сталин просил прислать записку о состоянии дел на Уралвагонстрое, о которой ему рассказывал Серго. Написанная мною по дороге в Москву справка была передана в Политбюро.

На последовавшем вскоре февральско-мартовском Пленуме ЦК докладчик обвинил меня в политической близорукости, поскольку-де сам начальник стройки согласился с обвинением во враждебной деятельности. Однако прошло немногим более года, и моя оценка положения дел на Уралвагонстрое была признана правильной».

...Поздно вечером наркому позвонил И. И. Шварц, председатель ЦК профсоюза работников угольной промышленности.

— Товарищ Серго, у меня забрали начальника Главугля.

— А у меня забрали всех начальников главков. Одну Главрезину оставили.

— Надо что-то делать...

— Пошли к Хозяину, — предложил Серго.

Они отправились к Сталину во втором часу ночи. Генсек был внешне спокоен, он ждал вспышки темпераментного Серго. Как выдержало больное сердце наркома эту сцену? Ему было уже за пятьдесят, но он так ничему и не научился.

Главному не научился — пресмыкаться. Он почему-то полагал, что нет ничего важнее дела, и встал, таким образом, поперек генеральных предначертаний. Для Сталина же важнее всего был тотальный террор как средство укрепления личной диктатуры, пришедшей на смену диктатуре партии, которая в свое время сменила диктатуру пролетариата. Этот естественный исторический процесс товарищ Серго тоже прозевал.

Итак, срыв кампании, государственной кампании террора и поддержка Ивана Павлуновского, Яна Ольского и других опальных чекистов, которых генсек совсем недавно «вычислил» из органов.

...Утром 18 февраля Серго встал поздно: из наркомата вернулся после двух часов ночи. Сделал пометку в настольном календаре на листке 19 февраля: «Принять профессора Гальперина».

Жизнь продолжается.

Был у Серго Орджоникидзе друг Тите Лордкипанидзе. Друг и соратник по работе в Закавказье. Они были знакомы еще по большевистскому подполью. В 1920 году меньшевистское правительство при содействии представителя РСФСР С. М. Кирова освободило Лордкипанидзе из тюрьмы и выслало в Россию. Вскоре по указанию Серго его направили в Харьков в распоряжение Дзержинского и Камо. Так началась работа Лордкипанидзе в органах ВЧК, сначала в Особом отделе Южного и Юго-Западного фронтов, а с 1921 года — в Закавказье. В разное время он руководил органами ГПУ и НКВД Грузии и Закавказья, был полномочным представителем ОГПУ. Давняя дружба связывала его с Сергеем Кировым. Когда Сталин убедился в том, что этот чекист не годится на роль бездумного исполнителя террористических планов, он освободил Лордкипанидзе от должности наркома и решил направить его на работу в Америку. Подобным образом Вождь часто поступал с неугодными ему государственными деятелями. Однако на этот раз предложение генсека в ЦК не прошло. Вопрос решился только в конце декабря 1934 года — Оргбюро утвердило Лордкипанидзе наркомом внутренних дел Крыма.

Не стало Кирова, но продолжалась его дружба с Орджоникидзе. Они часто встречались в Москве. В Тбилиси этому всегда мешал Берия. В 1935 году Серго, отдыхая на Кавказе, почувствовал себя плохо и по рекомендации врачей был перевезен на крейсере в Крым. Почти месяц Тите провел с Орджоникидзе на госдаче в Мухалатке. Они ежедневно подолгу

разговаривали один на один. Говорили по-грузински, но каждый раз прерывали беседу, когда подходили жены или кто-либо из персонала.

За два дня до гибели Орджоникидзе пришел к Тите в больницу. Лордкипанидзе перенес тяжелую операцию, был еще слаб, но дело не терпело отлагательства. Невольной свидетельницей разговора оказалась сестра больного. Серго пришел столь возбужденный, что забыл с ней поздороваться. Он говорил громким голосом, горячился:

— Надо что-то делать! Надо что-то делать!

Тите говорил очень тихо. Сестра мало что запомнила, но речь шла о гибельной политике генсека. Два товарища искали выход из кровавого тупика.

Когда весть о внезапной смерти Серго пришла в больничную палату, Тите сказал сестре: «Это уже конец».

Тите Лордкипанидзе и его близких ожидала жестокая расправа. Злая память генсека хранила многое: и главное — отказ развернуть репрессии против оппозиции в Закавказье и попытки Лордкипанидзе самостоятельно расследовать обстоятельства гибели Кирова. С этой целью в десятых числах декабря 1934 года он приезжал в Ленинград. Дружбу Тите с Серго Сталин тоже не оставил без внимания.

Взяли Тите в конце июня тридцать седьмого, доставили в Тбилиси и поручили заботам таких известных костоломов, как Богдан Кобулов и Никита Кримян. Вместе с Тите казнили десятки его бывших сотрудников.

Жена Лордкипанидзе приехала в Тбилиси в августе, за ней установили постоянную слежку. Указание об аресте последовало в январе тридцать восьмого. Особое совещание определило Надежде Викентьевне восьмилетний лагерный срок. По окончании его карагандинский суд добавил еще шесть. Новую кару она накликала, вероятно, частыми жалобами в Москву. Ответы в лагерь приходили из Кремля. Там, в чертогах власти, решалась судьба многих жертв.

Брат Тите, Степан Илларионович, провел в заключении десять лет. В 1937 году расстреляны секретари Лордкипанидзе Гайк Агабеян и Александров, а личный шофер — Мито Джапаридзе получил свою «десятку». Андрей Штепа, заместитель Лордкипанидзе по Крыму, успел покончить с собой.

Но вернемся на квартиру Серго Орджоникидзе. Он пытается по телефону еще раз объяснить Сталину, другу

многих лет, что на его подозрительности сейчас играют темные силы, что из партии вырывают лучших товарищей.

Круг неотвратно сжимался. С обыском уже приходили и на квартиру Орджоникидзе. Оскорбленный, разъяренный Серго весь остаток ночи звонил Сталину. Под утро дозвонился и услышал в ответ: «Это такой орган, что и у меня может сделать обыск. Ничего особенного...»

Разговор со Сталиным утром 17-го. Несколько часов с глазу на глаз. И еще — по телефону, после возвращения Серго домой. Безудержно резкий, со взаимными оскорблениями, русской и грузинской бранью.

Доведенный до отчаяния постоянной травлей, теряя лучших своих помощников и специалистов, вдруг оказавшихся «врагами народа», Серго уже в 1935 году, после гибели Кирова, почувствовал удавку на шее. В тридцать шестом, в сентябре, взяли Пятакова, блестящего организатора, высоко ценимого Серго. В свое время Пятакова тоже называли в ряду возможных преемников Ленина. Словом, у Сталина было достаточно поводов для мести этому крупному деятелю.

Серго посетил Пятакова в тюрьме и обещал сделать все возможное для его освобождения. Может быть, это помогло узнику какое-то время противостоять сталинскому нажиму. Но к декабрю следователям удалось сломить его волю, и в Октябрьском зале Дома союзов, где в конце января тридцать седьмого начался суд над очередной партией «врагов народа», он уже признавался во вредительстве.

Генсек до последнего дня не терял надежды усмирить взрывной характер Орджоникидзе. Его имя было присвоено заводам и колхозам, школам и институтам, улицам и площадям... Генсек переименовал в честь Серго город Владикавказ. Серго жаловался, что ему теперь неудобно ездить туда. Жаловался, но... терпел. Пятидесятилетие товарища Серго 28 октября 1936 года было отмечено страной как всенародный праздник. В распоряжение Орджоникидзе отпущена крупная сумма денег на организацию выставки «Индустрия социализма». Нарком ненадолго загорался, потом сомнения вновь брали верх.

...В то позднее утро Серго сел за письменный стол и долго что-то писал. У него было старинное бюро с гибкой ребристой крышкой, легко двигавшейся вверх-вниз.

Он вставал, нервно ходил по кабинету и спальне, вновь

садился за стол, ложился на кровать. День уже клонился к вечеру. Приехал племянник, Георгии Гвахария, директор Макеевского металлургического комбината. Серго любил его как родного сына, радовался каждому приезду.

Гость застал Зинаиду Гавриловну в тревоге:

— Серго с самого утра не выходит, не ест, не пьет ничего...

— Да ну!.. Ставь самовар, Гавриловна, скажи, что я приехал.

Она зажгла в гостиной свет. Через миг за приоткрытой дверью спальни раздался выстрел.

...Серго лежал на кровати в нижнем белье, на полу — револьвер. По белой рубашке расплывалось кровавое пятно.

Жена бросилась к телефону, позвонила врачу, потом — сестре. Врач уже ничем помочь не мог, вскоре пришла Вера Гавриловна. А еще через полчаса явился Сталин в сопровождении Молотова, Ворошилова, Кагановича, Ежова.

Вера стояла возле бюро, перебирая в руках листы бумаги, исписанные неровными абзацами, лесенкой — так покойный обычно набрасывал тезисы своих докладов.

Подошел Сталин.

— Дай сюда! — И выхватил бумаги из рук женщины.

— Вот, товарищ Сталин, — сказала Зинаида Гавриловна, — не уберегли Серго, ни для меня, ни для партии.

— Замолчи, дура!

Вождь прошел в гостиную, вслед — остальные.

— Смотри, какая коварная болезнь! Человек лег отдохнуть, а у него приступ, сердце не выдержало... Надо дать сообщение в газеты.

Директива генсека принята, как обычно, безгласно.

Женщины одели покойного. Тело перенесли в гостиную, положили на стол. Сцепили пальцы на груди, под локти пристроили две стопы книг.

Обступили Серго. Сталин придал лицу соответствующее моменту выражение скорбного величия и кивнул фтографу, своему старшему охраннику Николаю Власику.

Такова в общих чертах версия гибели Серго, которой вдова придерживалась долгие годы, даже после XX съезда, в беседах с О. Г. Шатуновской, И. М. Гронским и другими доверенными лицами. Однако незадолго до смерти она пригласила к себе нескольких старых коммунистов и открыла им правду. На этой встрече был генерал А. И. Тодорский, который записал рассказ Зинаиды Гавриловны.

В тот день Серго, пообедав, «сказал, что немного поспит,

а вечером работать будет. Потом ушел в кабинет и двери закрыл... Минут через двадцать звонок в дверь. Открываю — стоит молодой человек кавказского вида: «Мне к товарищу Серго...» Я говорю, что он недавно пришел с работы и только что лег. Нельзя ли попозже прийти, хотя бы через час. Человек ушел... Еще минут пятнадцать прошло. Снова звонок в дверь. Открываю — человек шесть на площадке стоят. «Нам к товарищу Серго, срочное дело!» И, меня не спрашивая, все вошли в кабинет и двери за собой закрыли...

А дальше... Что дальше? Шум был, кричали. Успел ли он проснуться, не знаю. Убили его, убили и ушли... Я, когда увидела, когда поняла, когда смогла говорить, звоню Сталину. Рыдаю в трубку, рассказываю, что случилось сейчас. А он, как бы не слыша меня, громко чеканит слова: «Вот что такое сердце! Сколько раз я ему говорил, что сердце надо беречь. Это наш мотор. А мы все — казенное имущество партии!»

...Жить мне осталось недолго. Не вижу смысла теперь скрывать, как все это было. Пусть знают люди, как «умер от сердца» или как «покончил с собой» Серго Орджоникидзе.

По воспоминаниям бывшего кандидата в члены Политбюро Бориса Пономарева в тот день Орджоникидзе, разгневанный до предела, пришел к Сталину. Генсек с порога отверг все упреки наркома и потребовал от него разоблачения «врагов народа»... Доведенный до крайности Серго схватил Кобу обеими руками и, приподняв, бросил на пол. Сталин молча поднялся, а Серго выбежал из кабинета, хлопнув дверью. Через 20 минут на квартиру Орджоникидзе явился посланец Сталина: «Григорий Константинович, вы должны сами с собой разобраться, в противном случае за вами придут...»

Эти факты подтверждает сын Валериана Куйбышева: «Застрелил Серго комиссар личной охраны наркома Прокофьев».

Секретарь совета Наркомтяжпрома Анатолий Семушкин жил в «доме правительства» на набережной Москвы-реки. Член партии с 1917 года, сотрудник политотдела 11-й армии, он знал кое-что о деяниях Лаврентия Берия той поры не понаслышке.

В половине девятого вечера ему позвонил Волков, личный шофер наркома.

— Серго плохо, я сейчас приеду за тобой.

...Семушкин вошел в гостиную, увидел мертвого Серго в окружении членов Политбюро.

— Убили, сволочи, убили!

И упал в обморок.

Его подняли, перенесли на диван. Волосы на висках мгновенно побелели.

В просторном доме уже шныряли охранники — как-то тихо, неназойливо. На другой день вечером вдова заметила в верхнем ящике бюро пропажу пистолетов, их у Серго было четыре — память революционных лет. Она была напугана, растеряна, но это заметила. И беспорядок в бумагах. Обнаружив следы грязной работы, Зинаида Гавриловна позвонила Амаяку Назаретяну, в комиссию советского контроля:

— Ты знаешь, что у меня делается! Все в доме перерыли, даже именное оружие Серго забрали.

На всякий случай собрала Зинаида Гавриловна все фотографии Серго, сожгла их. Окровавленное белье свернула и спрятала под одеяло. Она сохранила его до пятьдесят шестого года и показывала после XX съезда близким друзьям.

21 июля была образована комиссия ЦК по наследию Серго Орджоникидзе. В нее вошло шесть человек, в их числе — Анатолий Семушкин, Лев Мехлис. Председателем Сталин назначил Лаврентия Берия.

Вождь знал, кого назначает. Он лично благословил представительную комиссию, он сказал Семушкину, отечески похлопав его по плечу: «Давай, разбирай архив Серго, создавай музей!»

Через неделю Семушкина пригласили на Лубянку. Он охотно поехал, ожидая от товарищей чекистов действенной помощи в розыске материалов к биографии Серго. Оттуда Семушкин не вернулся. Было ему тогда от роду сорок два года.

Он учился в университете на факультете общественных наук (ФОН). Преподаватели приезжали к нему домой ежедневно, занимались с 8 до 10 часов утра. В 10 часов 30 минут Семушкин был уже в наркомате. Он закончил четвертый курс, все экзамены сдал на «отлично». Серго сработался с ним, полностью доверял, в аппарате наркома он считался незаменимым. «Закончишь институт, — шутил Серго, — поедешь вместе с женой в Америку, посмотришь, как люди живут...»

В 1921 году, когда Анатолий Семушкин служил в Политотделе 11-й армии, Григорий Орджоникидзе приметил энергичного, исполнительного политотдельца, взял его к себе. И не расставался с ним до конца. Семушкин стал невольным свидетелем грязных политических махинаций подозрительной пары Багиров — Берия. О многом он знал от Орджоникидзе. Тайные пружины травли наркома тяжелой промышленности давно перестали быть для него тайными. Словом, у Лаврентия

Берия было достаточно причин опасаться и ненавидеть бес-
сменного помощника Серго.

У супругов Орджоникидзе своих детей не было, они взяли
на воспитание одного мальчика, но приемный сын заболел и
умер четырех лет от роду. Потом Серго с Зинаидой Гаври-
ловой приютили Этери. Через несколько лет она вышла
замуж, и Берия сумел использовать молодую пару для наблю-
дения за вдовой Орджоникидзе. На нее завели оперативное
дело под грифом «Наблюдение за Шустрой». Такую ей дали
агентурную кличку. Этери с мужем выискивали в доме все
рукописные материалы и передавали их по назначению вме-
сте с книгами, где имелись пометки, сделанные рукою Серго,
и сообщали к о м у н а д о о каждой отлучке вдовы. В конце
концов Зинаида Гавриловна предложила молодым переехать
на их городскую квартиру. Неожиданно появился Берия.

— Зачем ты выгнала своих детей?

— А какое тебе дело? Это же мои дети.

Зинаида Гавриловна, по натуре робкая, на этот раз про-
явила твердость. Но Берия не так просто отказывался от
задуманного:

— Послушай, Зинаида, так нельзя поступать...

— Нет, с ними я ни за что вместе жить не буду!

После ареста Семушкиной вдова Орджоникидзе приютила
ее малолетнего сына, но НКВД направил его в детский дом, в
Пензу.

Однако Этери не унималась. Доверительно сообщала
всем, что она родная дочь Серго, что он ее прижил с некоей
любовницей. Подобные сплетни дошли до Зинаиды Гаври-
ловны, которая растила Этери с любовью, отдала ей часть
жизни.

Эту грустную историю вдова Серго поведала Ольге Гри-
горьевне Шатуновской и передала ей письмо, в котором кате-
горически запрещала подходить к ее гробу Этери и завещала
свое имущество сестре Вере. Это письмо она зачитала еще
раз в присутствии Льва Шаумяна. Он хранил копию этого
документа, о чем помнит его вдова Елена Юлиановна.

Когда Этери нарушила обе просьбы своей приемной
матери, Шатуновская вместе с Шаумяном обратились с заяв-
лением по этому поводу в ЦК*.

* Свидетельство О. Г. Шатуновской подтверждается воспоминаниями
И. М. Гронского и Л. С. Шаумяна. В «Литературной России» от 19 мая
1989 г. автор ошибочно отнес приведенные здесь факты к более раннему
периоду и просит поэтому читателей и Этери Орджоникидзе извинить его за
допущенную небрежность.

...По сей день Этери заведует Музеем Орджоникидзе в Тбилиси. И, бывая в Москве, носит цветы к могиле Серго.

А Сталин подбирался к Серго давно. Тут его интересы сошлись с намерениями Берия. Лаврентию Павловичу было дано разгадать за внешним дружелюбием, за горячими объятиями, которого удостаивал генсек Серго, тайную неприязнь Вождя к излишне совестливому наркому.

У Серго Орджоникидзе был старший брат Папулия. В начале тридцатых он служил начальником политотдела Управления Кавказской железной дороги. Берия арестовал брата Серго в конце тридцать шестого вместе с женой, детьми. То был тяжелый удар, в самое сердце удар. Разве мог Орджоникидзе предполагать, что Папулия взят по прямому указанию генсека? Он просил Сталина:

— Слушай, вызови брата, допроси его сам, и ты увидишь, что он ни в чем не виновен.

— Я полностью доверяю НКВД, — отвечал Хозяин, — и не приставай ко мне с этим делом больше.

На собрании партактива Тбилиси 21 марта 1937 года Лаврентий Берия прочитал развернутый доклад об итогах Пленума ЦК ВКП(б). Выступавшие в прениях клеймили позором все новых и новых «врагов народа». Один из ораторов щедро оплаченным рвением проклинал «фашиста и вредителя-диверсанта» Розенцвейга, бывшего начальника Закавказской железной дороги, и «банду его сообщников». В этой «банде» состоял — не мог остаться в стороне — и старший брат Серго Орджоникидзе. А Папулия уже сидел, его взяли еще до ареста Розенцвейга.

Лаврентию Берия не терпелось: Папулия Орджоникидзе, старый партиец, не выказывал никакого почтения сталинскому наместнику в Закавказье и не скрывал своей неприязни. Этому мстительный сановник не прощал никому. Берия не забыл, как Папулия отнесся к его переезду в дом на улице Мачабели, где начальник политотдела вместе с двумя машинистами занимал второй этаж. Папулия распорядился передать барскую мебель, которую молодой секретарь ЦК партии Грузии завозил себе на первый этаж, жившему по соседству машинисту.

Наделенный богатым чувством юмора, всегда приветливый, открытый, добрый, Папулия был наставником юности Серго. Арестовывая Папулия Орджоникидзе, Берия точно рассчитал удар. Он без труда внушил генсеку мысль убрать опасного человека. Надо было припугнуть популярного в

партии Орджоникидзе. После убийства Кирова, когда началась кампания массовых репрессий, Серго все чаще и настойчивее призывал генсека соблюдать меру. Хотя бы меру...

Серго вновь и вновь доказывал Сталину абсурдность ареста старшего брата: «Какой же он враг? Папулия принимал меня в партию. Значит, и меня надо заодно арестовать!»

Генсек был неумолим. У НКВД имеются проверенные не один раз доказательства вредительской деятельности Папулия. Он оказался пособником врагов народа. Партия не может прощать измену рабочему делу. Прошлые заслуги тут в расчет не берутся...

Папулия из тюрьмы уже не вышел. «Тройка» НКВД Грузинской ССР приговорила его к смертной казни 9 ноября 1937 года. Но Берия не мог оставить своими заботами и младшего брата Серго. Константин Орджоникидзе служил в Управлении гидрометеослужбы при Совнаркоме СССР. Взяли его после гибели старших братьев, дали пять лет. Для начала. И уже не выпускали до осени 1953-го. Вот несколько решений Особого совещания по делу Константина Орджоникидзе:

26 вгуста 1944 года — 5 лет.

30 ноября 1946 года — 10 лет.

4 августа 1953 года — 5 лет.

Реабилитация — 1 сентября 1953 года.

Напомним, что среди репрессированных был и племянник Серго — Георгий Гвахария. Взяли его в тридцать восьмом.

Илларион Мгеладзе (Вардин), член партии с 1906 года, знал Сталина много лет и тоже был дружен с Серго. Генсек уничтожил его и преследовал вдову долгие годы.

Арестовали многолетнего помощника Орджоникидзе Махова. Под пытками он дал развернутые показания. На даче Серго собирались Орахелашвили, Шеболдаев, Эйхе, Косиор, Шарангович. Иногда приезжал Анастас Микоян, но он больше отмалчивался. Говорили о политике так называемого раскулачивания, о массовых репрессиях, о гибели соратников Ленина, о самодурстве генсека. Обсуждали, осуждали...

Особенно подробно Маховер описал одну встречу летом 1934 года. Маховер старался, он хотел спастись... Не помогло. Хозяину и без того все было известно, но на Лубянке вошло в правило заготовливать материал впрок. На всех.

По воспоминаниям многолетнего сотрудника центрального аппарата (со ссылкой на А. И. Микояна и В. М. Мо-

лотова), Орджоникидзе в тот роковой день заходил в кабинет генсека. Сталин с порога отвергал все упреки и обвинения наркома, требуя от него разоблачения «врагов народа». Доведенный до крайности, Серго схватил Кобу обеими руками и, приподняв, бросил на пол. Тот молча поднялся, а Серго выбежал, хлопнув дверью. Через двадцать минут на квартиру Орджоникидзе явился посланец Сталина: «Григорий Константинович, вы должны тут сами с собой разобраться. В противном случае за вами через час придут».

Члены Политбюро хранили эти факты в сторогой тайне — даже после смерти Сталина.

Орджоникидзе погиб, так и не поняв до конца, кому служил столь беззаветно, какой колоссальный вред нанесен народам — грузинскому, русскому, и не им только. На ноябрьском Пленуме 1929 года Серго Орджоникидзе набросился на «правых», назвав заявление Бухарина, Рыкова, Томского жульническим документом.

Ему еще не раз предстоит выступить в роли подручного Сталина.

Трагедия Серго Орджоникидзе — это трагедия целого поколения революционеров.

В марте тридцать седьмого Чрезвычайный IX Всеазербайджанский съезд Советов послал приветствие любимому руководителю большевиков Грузии Лаврентию Берия, которого вдохновляют «вечно живущие в нашей памяти славные соратники Сталина, освободители народов Закавказья Серго Орджоникидзе и Сергей Киров».

Одного освободителя Сталин прикончил без помощи Берия, зато в охоте на второго Лаврентий Павлович принял живое участие. Теперь вот — «вечная память»...

В тридцать седьмом году был объявлен конкурс на лучший проект памятника Орджоникидзе. Конкурс длился до 1940 года. Осуществлению проекта помешала война. К 1946 году Комитет по делам искусств подготовил кроме памятника Серго Орджоникидзе еще четыре: Максиму Горькому, Алексею Толстому, Юрию Долгорукому и Павлику Морозову. Ответственный секретарь художественного совета Главизо Н. Н. Туровников вспоминает, что тогда же председатель комитета М. Б. Храпченко направил на имя Сталина список этих памятников с просьбой санкционировать установку. Через несколько дней ходатайство вернулось в комитет с визой Сталина. Лишь одно имя было вычеркнуто красным карандашом — товарища Серго.

ПОД КОРЕНЬ!

Планы истребления ленинской гвардии Сталин вынашивал давно. Наблюдая за политическими зигзагами западного соседа, он отметил, с какой ловкостью Адольф Гитлер использовал поджог рейхстага для истребления немецких коммунистов. Когда же новоиспеченный рейхсканцлер летом тридцать четвертого устроил «ночь длинных ножей», убрав главного конкурента, генсек утвердился во мнении, что в большой политике дозволено все. Однако и после убийства Кирова он еще не мог обрушиться всей силой карательных органов на ветеранов партии. Любая военная кампания требует подготовки, это даже он понимал.

25 мая 1935 года по распоряжению генсека было распущено набившее оскомину Общество старых большевиков во главе со всепокорнейшим Емельяном Ярославским. Через месяц генсек вынул еще одну занозу — разогнал Общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Нашли чем кичиться — пребыванием на царской каторге. Вот дадут вам вкусить для сравнения наших лагерей, тогда, может быть, скромнее станете, бородатые.

Если уцелеете.

За два года до смерти Ленин с тревогой писал: «...пролетарская политика партии определяется не ее составом, а громадным, безраздельным авторитетом того тончайшего слоя, который можно назвать старой партийной гвардией. Достаточно небольшой внутренней борьбы в этом слое, и авторитет его будет если не подорван, то во всяком случае ослаблен настолько, что решение будет уже зависеть не от него».

Сталин постарался сделать все от него зависящее, чтобы опасения вождя стали реальностью. Последующие годы — это история непрерывных политических свар, интриг, затеваемых Кобой с завидной изобретательностью. И когда междоусобицы внутри ЦК окончательно ослабили авторитет того «тончайшего слоя», он начал истреблять всех подряд — оппозиционеров и ортодоксов.

Библия учит: «Не стыдись... окровавить ребро худому рабу». Сталин и добрым своим рабам ребра кровавил. Однако отстрел коммунистов кремлевский охотник вел выборочно, особенно на первых порах. Задолго до Великого почина Ной Жордания утверждал, что у Сталина уже готовы проскрипционные списки — кого, когда и как он уберет с дороги. Жордания не раз видел товарища Кобу «в деле», отсюда — поразительная точность предсказания.

...XVII съезд партии. На трибуне представитель тульских оружейников Артемьев: «Мы привезли показать нашим руководителям, в особенности товарищу Сталину, гениальному нашему учителю (вот уже как величают победителя!..), несколько образцов нашей продукции». И Артемьев вручил генсеку винтовку «снайпер».

Генсек взял винтовку на прицел, направил ее в зал. Делегаты разразились овацией.

Сталин открыл снайперский огонь по партии и не прекращал его до самой смерти. Что до оваций, то их не остановила даже кончина Великого Снайпера.

...Пройдет всего несколько лет после XVII съезда, и слой старой гвардии настолько истончится, что некому станет, физически некому, сказать свое слово. Отныне все будет решать один человек, который весьма авторитетно сам себя называл продолжателем дела Ленина.

Делегаты апрельской конференции 1917 года избрали девять членов ЦК: Ленина, Свердлова, Ногина, Сталина, Зиновьева, Каменева, Милютина, Смилгу, Федорова. Всех, доживших до тридцатых годов (пять последних), Сталин убил. Он позаботился даже о пяти дочерях Федорова, возглавлявшего в год революции профсоюз металлистов.

В состав избранного на VI съезде партии ЦК вошло 27 человек. По результатам тайного голосования Серго Орджоникидзе назвал вождами партии: Ленина (133 голоса из 134), Зиновьева (132 голоса), Каменева и Троцкого (по 131 голосу).

Три вождя из четырех оказались впоследствии «врагами народа». Как знать, не вовремя ли умер Ильич?..

Пули врагов оборвали жизнь трех членов ЦК — Шаумяна, Джапаридзе, Урицкого. Скончались от болезней Свердлов (1919), Фрунзе (1925), Дзержинский (1926), Менжинский (1934), Куйбышев (1935). Обстоятельства скоропостижной смерти почти каждого из них необычны. Мы не располагаем документами и прямыми уликами, но все, что нам известно о Сталине, не исключает его причастности к устранению этих видных деятелей.

Ненавидевший Ленина люто, исступленно, Сталин, когда пришел час расплаты за «унижения» первых лет революции, уничтожил доверенных помощников вождя, даже тех, кто спасал жизнь основателя партии. Их — в первую очередь.

Без этих имен история революции, история партии не будет полной.

Александр Васильевич Шотман, член партии с 1899 года, член ЦК, потомственный рабочий, в период подполья летом 1917 года был связным у Ленина, организовал переезд вождя из Разлива в Финляндию. Уничтожен Сталиным.

Густав Ровио, большевик с пятого года, будучи в 1917 году полицмейстером Гельсингфорса, помогал Ленину скрываться от преследования. Арестован Сталиным на посту первого секретаря Карельского обкома партии.

Яков Ганецкий, близкий друг Ленина, оказал ему помощь в освобождении из австрийской тюрьмы в 1914 году. Весной семнадцатого содействовал выезду на родину. Погиб в сталинских застенках. Жену и дочь генсек отправил в лагеря, сына казнил.

Н. П. Горбунов, секретарь Совнаркома и личный секретарь Ленина, потом — управляющий делами СНК. Химик, неперемный секретарь Академии наук СССР. Был уничтожен Сталиным в 1937 году.

Фриц Платтен. Когда Ленин весной 1917 года вернулся из эмиграции, буржуазная пресса клеймила его как немецкого шпиона, прибывшего в Россию в plombированном вагоне. Спустя двадцать лет швейцарский коммунист Платтен, организовавший переезд Ленина на родину, был обвинен Сталиным как... немецкий шпион с 1917 года. Пытая его, лубянские следователи заметили ли изуродованную кисть правой руки «шпиона»?.. 1 января 1918 года группа террористов обстреляла автомашину, в которой ехали Ленин и Платтен. Платтен прикрыл вождя собой и был ранен в руку.

Платтен поселился в СССР, преподавал в вузах, потом основал около Ульяновска, на родине Ленина, одну из первых сельхозкоммун. Он стал истинным патриотом страны Октября. Понимание сложившейся ситуации пришло к нему, как и к тысячам честных коммунистов, с большим опозданием. В 1934 году студентка Елена Чистякова обратилась к Платтену за помощью — ответить на письмо иностранца, в котором спрашивалось о тяжелом положении политзаключенных в СССР и причинах этого явления. Платтен написал ответ: «Конкретные случаи не поддаются проверке. Но мы знаем, что ни в одной стране мира нет такого гуманного обращения с заключенными, как в СССР...» Погиб соратник Ленина в Онеглаге (Архангельская область) 22 апреля 1942 года.

Н. А. Емельянов укрывал Ленина на озере Разлив. Владимир Ильич отзывался о нем как о лучшем и надежнейшем питерском рабочем. В тревожное время сыновья Емельянова

переправляли на лодке к Ленину Орджоникидзе и Свердлова, доставляли ему газеты. Ни разу не возили мальчики к шалашу товарища Кобу.. Мог ли Сталин забыть, простить это Емельянову?

Жизнь старого рабочего вымолила у Сталина Крупская. Вождь милостиво заменил казнь лагерным сроком, но «взамен» посадил его сыновей. В годы бедствий жена Емельянова обратилась за помощью к Крупской. «Что я могу? — ответила Надежда Константиновна. — Я не знаю даже, какие мне дают лекарства!»

Неприязнь к Крупской Сталин проявил еще при жизни Ленина. После его кончины генсек учредил за вдовой плотный надзор. Он контролировал все контакты Надежды Константиновны с товарищами Ленина.

С 1919 года ее личным секретарем была Вера Дридзо (младшая дочь известного революционера С. А. Лозовского), начинавшая эту работу совсем юной. Позже ей пришлось играть роль «персонального опекуна» вдовы Ленина.

...Однажды Крупская стояла в очереди у кинотеатра «Художественный». Мимо проходила одна из знакомых.

— Что это вы одна, Надежда Константиновна?

— Жандарма-то у меня не стало, — ответила с улыбкой Крупская. (В то время Дридзо болела). В этой шутке была доля правды.

Веру Соломоновну наделили широкими полномочиями. Зачисленная в штат Института Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина, она по заданию дирекции курировала издание рукописей Крупской. Пропускала через свое бдительное ситечко каждую строчку о Ленине, о партии: что замолчать (изъять!), что подправить (исказить), а что положить на стол начальству...

Близился XVIII партсъезд. Крупская собиралась выступить на съезде с критикой режима, установленного Сталиным в партии. В этот решающий момент опытной подпольщице отказало чувство опасности. Когда она в тесном кругу друзей поведала о своем намерении, кто-то заметил, что ей могут просто не дать слова. Надежда Константиновна возмутилась: «Хотела бы я посмотреть, кто это запретит мне выступить. Я тогда поднимусь из зала и попрошу слова. Я сорок лет в партии и имею право сказать съезду о том, что меня тревожит...»

26 февраля 1939 г. ей исполнилось 70 лет. Генсек через посыльного поздравил вдову Ленина с юбилейной датой. За столом ей стало плохо. Вечером в больнице она говорила, что

все равно пойдет на съезд. Состояние ее резко ухудшилось. Она почти не приходила в сознание. Ранним утром следующего дня Надежды Константиновны не стало.

Накануне у Крупской была Фофанова. Они планировали на ближайшие дни совместную поездку в Ленинград.

Эту смерть, случившуюся за десять дней до открытия партсъезда, в антологию таинственных случаев заносить не будем, ибо ничего таинственного в устранении вдовы Ленина не видим.

...Прах Крупской несли к Кремлевской стене Сталин и Молотов. Несколько слов о кончине «дорогой Надежды Константиновны», заведующей издательским отделом Наркомпроса, и — все. А потом — длительное, почти на двадцать лет, замалчивание имени старейшей коммунистки.

Разговоры о том, что Сталин хотя и крутоват был временами, но зато уничтожал оппозиционеров, борясь за ленинское единство партии, — кощунственный вздор. Убийство оппозиционеров, так же как и бескровная борьба с оппозицией в ранние годы, служили лишь прикрытием истинных целей. Никто лучше самого Сталина не ответит на вопрос, как же он в действительности относился к инакомыслящим.

В апреле 1917 года Сталин сделал верное замечание: «Без разногласий нет партийной жизни».

...В 1924 году из Кабула в Москву вернулся посол СССР в Афганистане Ф. Ф. Раскольников. На квартире Сталина он застал Семёна Буденного. На столе — вино, фрукты. Федор Федорович рассказал о новостях.

— Вы, наверное, уже слышали, что в Турции отравили лидера оппозиции...

Сталин толкнул в бок Буденного:

— Вот как надо кончать политические дискуссии.

Это — дома, за бутылкой вина. А через несколько дней после съезда партии генсек отметит, что политика в отношении бывших оппозиционеров должна быть исключительно товарищеской.

Среди множества видных партийных деятелей, павших от руки этого борца за «чистоту генеральной линии», наберется едва ли два десятка ветеранов, примыкавших когда-либо к оппозиции.

Б. А. Семенов, член партии с 1907 года, секретарь Луганского, потом Крымского обкома, был из коренных питерцев. В двадцатые годы он активно выступал против Зиновьева.

В 1937 году уничтожен как участник «троцкистско-зиновьевской банды».

Сколько таких семеновых, всю жизнь отстаивавших ленинскую линию партии, погибло в сталинских застенках и запроволочных лагерях смерти?

Но, расстреливая лишь за участие в оппозиции, тем более мнимое, политического комфорта не достигнешь. И без того досаждают упреками-просьбами то Крупская, то Бухарин, то Серго, а то и этот «великий пролетарский писатель» Горький (был бы он без меня «великим»!..). Так думал генсек и повелел органам отныне неукоснительно инкриминировать арестованным коммунистам шпионаж, террор, вредительство, диверсии или просто обобщенно — контрреволюционную деятельность, а то и «службу в царской охранке». Неважно, что к подобным преступлениям никто из обвиняемых не имел никакого отношения...

Наивные люди жили в средние века: каких-то ведьм и алхимиков преследовали. То ли дело шпион, диверсант, провокатор!.. Это било наверняка, действовало устрашающе.

В тексте последнего слова Карла Радека на процессе 1937 года («Дело Пятакова и других», январь — февраль 1937 года), напечатанном в «Правде», кем-то вставлены слова: «Все старые большевики, по сути дела, троцкисты — если не полностью, то наполовину, если не наполовину, то на 1/4 или хотя бы на 1/8»

В отчете о процессе Пятакова, изданном в 1937 году, текст выступления Радека иной. Он заявил, что есть в стране «полутроцкисты, четвертьтроцкисты, троцкисты на одну восьмую — люди, которые нам помогали...»

Если знать, что Сталин лично договаривался с арестованным Радеком разработке сценария процесса, обещав взамен сохранить ему жизнь (как он выполнил это обещание — известно), то вопрос, кто отредактировал текст, отпадает. Заявление Радека, обнародованное в миллионах экземпляров, настроило струны террора на нужный генсеку лад. Теперь можно было хватать всякого, даже ультрапреданного Вождю народов, ибо каждый хоть на осьмушку кривит душой. Как искусно, как старательно оттачивает тиран «карающий меч партии», которым ототсечет головы тысячам и тысячам преданных ей сынов!

Мстительная ненависть к Троцкому смешалась с ненавистью к Ленину и ленинцам. Она буквально иссушала Сталина. В тех случаях, когда не удавалось надругаться над соратником Ленина и пропустить его через лубянский кон-

вейер — некоторые, потеряв чувство ответственности перед генсеком, умирали до своего чистосердечного признания, — Сталин, разгадав вражеский умысел, вымещал неизрасходованную злобу на родственниках.

Петр Кузьмич Запорожец был арестован в 1895 году вместе с Лениным по делу петербургского «Союза борьбы». Он взял на себя главную вину, избавив вождя от тяжелой кары. После ссылки Запорожец заболел и скончался в больнице. В тридцать седьмом по приказу Сталина арестовали братьев Запорожца — Виктора, горного инженера, и Антона, агронома, а также сестру Марию, ее мужа и детей. Мужчин расстреляли, сестре Запорожца «по-джентльменски» сохранили жизнь.

Редкий ветеран, попав под сталинскую секиру, уходил из жизни без шпионского ярлыка. Из узников Лубянки можно было укомплектовать приличную школу международного шпионажа. Камеры кишели японскими, иранскими, турецкими, румынскими, польскими, немецкими, американскими и прочими шпионами. С особым мстительным злорадством Сталин наклеивал на соратников Ленина ярлык английского шпиона. Разве не они, проклятые англичане, расстреляли двадцать лет назад бакинских комиссаров, лишив его законной добычи? Он так жаждал лично посчитаться со Степаном Шаумяном, Прокофием Джапаридзе, Мешади Азизбековым...

А как он поступил с героями Октября, руководителями вооруженного восстания в Петрограде? В сороковые годы Петровский, один из горстки уцелевших ветеранов партии, работал завхозом Музея Революции. Некто, потрясенный тотальным истреблением соратников Ленина, обратился к нему:

— Что происходит, Григорий Иванович, объясните мне, что происходит?

— Читайте историю Великой французской революции, — ответил Петровский.

Задавший вопрос был достаточно сведущим человеком, но все же решил прочитать о революции еще раз. Он извлек заодно кое-какие цифровые данные и сравнил их с другими цифрами. Вот что у него получилось.

Из двадцати лидеров французской революции, включая Робеспьера, Дантона, Сен-Жюста, Кутона, Барнава, за три года гильотинировано семнадцать!... Коэффициент убийности Великой французской революции равен 0,85.

Данные по Октябрьской революции пришлось выводить

применительно к 1939 году, ибо повальный мор начался лишь в тридцать шестом и кое-кто успел умереть или погиб в боях.

Из двадцати членов Петроградского ВРК, активно участвовавших в руководстве восстанием, через сталинский террор невредимым прошел только один, а именно Н. И. Подвойский, в тридцатые годы уже не способный к активной работе. От Московского ВРК не осталось никого.

Из состава президиума II съезда Советов, провозгласившего Советскую власть и принявшего первые декреты, уцелела одна А. М. Колонтай. Сталин уничтожил не только таких соратников Ленина, как Троцкий, Зиновьев, Каменев, Рыков, не только всю коллегию по военным и морским делам — Антонова-Овсеенко, Крыленко, Дыбенко, но и лидеров левых эссеров, избранных в президиум II съезда, — М. Спиридонову, В. Карелина и Б. Камкова.

Из состава первого Советского правительства умерли своей смертью Ленин, Ногин, Скворцов-Степанов и Луначарский. Остальные, не считая самого Сталина, были им уничтожены. Результат стопроцентный. Такого же результата удалось достигнуть по составу ЦК, избранного на VI съезде партии. Это позволило Сталину значительно превзойти французский термидор.

Расстрел Сталиным героев Октября и членов первого правительства — исторический факт. Так же как уничтожение полководцев гражданской войны.

Он казнил Василия Блюхера. И Ковтюха, героя романа Серафимовича «Железный поток». И Дмитрия Жлобу, который спас начинающего диктатора под Царицыном.

Построить на обескровленной, парализованной страхом партии твердыню личной диктатуры — такова конечная цель Сталина.

Главный Дровосек не только дубы выбирал да сосны могучие, он и подлеском не брезговал. Никто не в состоянии лучше живописать картину всесоюзного лесоповала, нежели сухая кисть статистики.

От XVII к XVIII съезду партия пришла с убылью в 300 тысяч коммунистов. Именно столько «вычищено» в 1934 году. Но ведь за пять лет в партию вступило около 2 миллионов новых членов. Итак, в 1934—1939 годах исчезло 2 миллиона коммунистов.

Из 1227 делегатов XVII съезда с решающим голосом на следующий съезд было переизбрано всего лишь 48 коммунистов. Случай в своем роде единственный. И еще две сухие

цифры, за которыми слышится треск расстрелов: на XVII съезде число делегатов с дореволюционным партстажем составляло 30,3 процента. К XVIII, через пять лет, оно уменьшилось в 10 раз и равнялось 3,3 процента.

Центральный Комитет регулярно поставлял Лубянке соратников Ленина.

Статистика красноречиво рисует качественный облик истребительной кампании. На всех съездах неизменно преобладали делегаты, вступившие в партию до революции и частично — в годы гражданской войны. На XIV съезде председатель мандатной комиссии К. В. Гей сообщил, что от съезда к съезду число делегатов с дореволюционным партийным стажем уменьшается в среднем на 3 процента — явление, учитывая возраст ветеранов, естественное. К XIV съезду эта категория уменьшилась на 3,6 процента.

Вот данные по следующим съездам:

На XV съезде делегатов, вступивших в партию до 1920 года, был 71 процент.

На XVI съезде — 82 процента.

На XVII съезде — 80 процентов.

На XVIII съезде — 19 процентов.

Главный удар — по ним, по ленинским кадрам!

...На похоронах Фрунзе Сталин меланхолически заметил (помните?): «Может быть, это так именно и нужно, чтобы старые товарищи так легко и так просто опускались в могилу...»

Простота оказалась заразной. То была единственная в своем роде кампания, когда миллионы честных людей вдруг сделались преступниками. Их никто не разыскивал. Глашатаи не выкрикивали на площадях имена. В этом не было нужды, каждый сознательно и дисциплинированно ожидал дома, в кругу семьи, сталинских посланцев в фуражках с голубым верхом. Никто их, сердешных, не затруднял бегством-сопротивлением. Но самыми дисциплинированными оказались старые партийцы.

Издавна делегаты съездов считались цветом партии, а ветераны — ее гордостью, живым воплощением большевистских традиций. По ним-то и вел огонь Сталин. Мы имеем здесь дело не со стихийными вспышками слепого гнева, а с планомерным, целенаправленным уничтожением ленинской гвардии.

«Где старая гвардия? — вопрошал Федор Раскольников. — Ее нет в живых. Вы расстреляли ее, Сталин. Вы растлили и загадили души ваших соратников. Вы заставили

идуших за вами с мукой и отвращением шагать по лужам крови вчерашних товарищей и друзей».

Но, может быть, Раскольников преувеличил ужасы сталинщины? может быть, прав «академик» Петр Пospelов, заявивший, что в те расстрельные годы благодаря прозорливости Сталина в Советском Союзе разгромлена «фашистская пятая колонна изменников и врагов народа»?

...Камеры тюрьмы на Малой Лубянке набиты до отказа. Новую партию арестованных женщин втолкнули в коридор. Там уже несколько суток стоит толпа. Тесно так, что, если вытащить руку, назад в карман уже не опустишь. Здесь и дети, две девочки двенадцати и тринадцати лет. Отдыхают арестантки по очереди. Среди лежащих на полу итальянская коммунистка. Она молода, привлекательна.

— У вас произошел фашистский переворот,— сказала она по-французски.

— Вы ошибаетесь,— возразили ей.

— Как же нет, если арестовывают коммунистов?

— Ну, что вы... Компартия осталась у власти.

Итальянка подняла свои миндалевидные глаза:

— Зачем вы меня обманываете? Это настоящий фашистский переворот. Я знаю, что это такое...

Вот бы с кем встретиться Пospelову да побеседовать на равных, в тюрьме. Может быть, тогда бы он прозрел.

Нет, пospelовы не прозревают. Они служат.

Молодую итальянку расстреляли в тридцать шестом, в год гибели Зиновьева и Каменева.

Видимо, опасаясь «подмены» приговоренных к казни бывших союзников, Сталин послал Ворошилова наблюдателем. Ворошилов доложил:

Они встали перед исполнителями.

Зиновьев крикнул: Это фашистский переворот!

Каменев: Оставь, Гриша. Замолчи. Умрем достойно.

Зиновьев: Нет! Муссолини сделал точно так же. Он уничтожил соратников по социалистической партии и захватил власть в Италии. Я должен перед смертью сказать, что и у нас свершился фашистский переворот!..

1813 год. Император Наполеон вернулся из неудачного похода в Россию и повелел отправить свою гвардию, отобрав мундиры, сняв награды, на каторгу. Позднее, вернувшись с острова Эльба, император приказал разыскать оставшихся в живых гвардейцев и всех расстрелять.

Можно представить такое?.. Нет, конечно. Наполеон ценил славную гвардию.

Когда в сражении под Бородином настал критический момент, он не захотел рисковать гвардией вдали от родины. Эгоистичный, сумасбродный император берег ветеранов.

6 апреля 1919 года атаман Григорьев со своей дивизией, по численности равной армии, вступил в Одессу. То была хорошо вооруженная, но не ведавшая дисциплины масса, склонная к партизанщине, способная на грабеж. За три дня до выступления Григорьева против Советской власти в Одессу прибыл Шафранский, бывший комиссар Таращанского полка дивизии Николая Щорса. Он носил длинные, как у священника, волосы, да и весь его облик никак не вязался с военным. Командование Украинского фронта назначило Шафранского политкомиссаром к Григорьеву. В первые же дни он завоевал уважение атамана. Этому короткому знакомству суждено было прерваться: «Слухай, комиссар, ты мне нравишься. Завтра я выступаю против Советов, и тебя могут убить. Бери вагон и поезжай с Богом»

А Сталин, разве не мог отпустить всех неугодных, выслать их за пределы страны, наконец? Но он отправил одного лишь Троцкого, горько сожалел об этом впоследствии и подослал к нему наемного убийцу.

Миру известно, сколько труда (и миллионов долларов) положил Сталин на организацию убийства Троцкого. Им двигала мстительность, помноженная на ненасытную амбицию.

По грузинским законам беглый крепостной, которому удалось скрыться на срок не менее семи лет, считался свободным. Он получал право выбирать себе другого владельца. У Сталина срока давности не существовало. С каким нетерпеливым вожделением выманивал он из-за границы старых большевиков, прослуживших на дипломатических постах самые ответственные годы международного признания СССР! Выманивал и убивал.

Планируя убийство Раскольников, Сталин уже с конца 1936 года пытается заманить полпреда СССР в Болгарии домой. Раскольникову поочередно предлагали посты в Мексике (с ней еще не были даже установлены дипломатические отношения), Чехословакии, Греции, Турции. Наконец, сдав дела, Федор Федорович в апреле 1938 года выехал в Москву. Он еще не доехал до границы, когда из иностранных газет узнал о решении правительства снять его с поста полпреда.

Он не захотел уподобляться святому Денису, смиренно несущему в руках собственную голову, и не повез на плаху свою. Он просил объяснить причину внезапной отставки. Однако Сталин оклеветал его и приказал заочно осудить как «врага народа».

После обнародования двух писем Сталину Федор Федорович внезапно заболел. Жена поместила его в одну из частных клиник под Ниццей. Диагноз — воспаление легких с осложнением на головной мозг. Последние две недели температура держалась около 40 градусов. Муза Васильевна дежурила у постели неотлучно почти двадцать суток. Однажды, решив отдохнуть, она ушла к себе и проспала до утра. В эту ночь его не стало. Вскрытие тела не делали.

Помещая мужа в эту клинику, Муза Васильевна предупредила врачей:

— У Сталина длинные руки.

— Мадам, вы находитесь во Франции...

Вывести какую-либо закономерность сталинского террора — труд напрасный. Он уничтожал тех ленинцев, которые никогда не выступали против него, так же охотно, как и тех, кто с ним боролся. Он убирал, не раздумывая, и тех, кто оказывал ему ценные услуги, кто делал ему добро. Совсем как в древнегрузинской притче о старике и змее.

Спасаясь от лесного пожара, змея забралась на вершину дерева и не могла спуститься по обгоревшему стволу. Заметив внизу прохожего, она попросила выволить ее из беды. Старик подал змее палку, она же, соскользнув по ней вниз, обвилась вокруг шеи путника и начала его душить.

— За что? — взмолился старик. — Я же тебя спас.

— А где ты видел, чтобы за добро платили добром?..

Тогда старик, чтобы оттянуть гибель, предложил змее пойти вместе и спросить у кого-нибудь, так ли бывает в жизни на самом деле.

Первым они встретили могучий инжир.

— Люди отдыхают в моей тени, наслаждаются моими плодами, а уходя, обламывают ветви.

Ответ буйвола, который им повстречался затем, оказался и вовсе мрачным:

— Всю жизнь я пашу землю, меня нещадно быют, а потом убивают.

Но вот бежит навстречу лиса. Старик и змея остановили ее. Лиса выслушала их и предложила:

— А ну-ка разойдитесь. Я не могу вас так рассудить. Как только змея отползла в сторону, лиса крикнула:

— Старик, бей ее палкой!

Убил старик змею, а потом начал рассуждать: моя жена просила теплые туфли для дома. Шкура лисы как нельзя лучше подойдет для этой цели.

Подумал так старик и погнался за лисой.

— За что же ты хочешь меня убить? Я же спасла тебя!

— А где ты видела, чтобы за добро платили добром?..

Партия оказала Сталину большое и заслуженное доверие, допустив его к высоким руководящим постам. А какие услуги оказали Сталину Ленин, Троцкий, Зиновьев, Каменев, Бухарин...

Сталин затравил больного Ленина, ускорив его смерть. Затем руками Зиновьева и Каменева отстранил Троцкого. С помощью «правых» убрал Зиновьева и Каменева и, наконец, уничтожил отслуживших свое «правых». Казалось бы, простая схема, а сколько выдумки, изобретательного маневрирования! Тут и притворные отступления, и демонстрация силы, и симуляция слабости, и внезапные удары, и длительное выжидание...

Эта центральная схема — авторское свидетельство выписано на имя Иосифа Сталина — стала моделью расправы с руководителями союзных республик. Когда генсек убедился в том, что украинские коммунисты не терпят на посту первого секретаря ЦК Лазаря Кагановича, он отозвал его в Москву (1928 г.). На его место Сталин поставил Станислава Косиора, а для страховки в начале 1933 года послал в Харьков другого эмиссара, Павла Постышева. С его непосредственной помощью Сталин затравил одного из основателей Компартии Украины — Николая Скрыпника (покончил с собой в июле 1933 года). Теперь Постышев, второй секретарь Украинского ЦК, начал рыть яму под Косиора.

Но вот после февральско-мартовского пленума ЦК 1937 года прозвонил звонок и для Постышева. Его перевели по ка в Куйбышев, и Косиор начал прорабатывать опального деятеля на киевских собраниях и конференциях. На место погибшего предсовнаркома Украины Панаса Любченко (тоже покончившего жизнь самоубийством) по рекомендации Берия был назначен Михаил Бондаренко. Через месяц его взяли вместе с остальными «выдвиженцами». Их обвинили в создании контрреволюционной организации.

В тридцать восьмом Сталин прибрал всех — и Косиора, и

Постышева, и Хатаевича, сменившего Постышева. Расстрелял в полном составе Политбюро и правительство Украины. И всех секретарей обкомов с секретарями райкомов заодно.

Потом — еще раз всех новых.

И еще раз.

Из 102 членов Украинского ЦК чудом уцелели трое, в их числе Г. И. Петровский. Этот «показатель» превышает даже результаты чистки союзного ЦК. Такому же разгрому подверглись и местные советские органы.

Нечто похожее, по той же испытанной схеме-модели было исполнено в остальных республиках.

Говорят о грузинском национализме, о сильной привязанности народа к Сакартвело. За свою многовековую историю Грузия подарила миру много замечательных деятелей. Нет. Джугашвили-Сталин родной Сакартвело казнями не обошел, кровью залил свою родину.

Говорят о национальной розни народов Грузии. Не кто иной, как Сталин, способствовал живучести этого наследия прошлого. Именно он, наркомнац, в первые годы Советской власти силовыми методами осуществлял административно-территориальное размежевание автономных национальных образований.

А Лаврентий Берия со злобной последовательностью истреблял ветеранов партии и в других республиках Закавказья — Азербайджане и Армении. Сталин поставил Берия во главе Заккрайкома еще в 1931 году. За два года, 1937—1938-й, на которые падает пик резни, «Малый папа» с благословения «Большого» казнил всех грузинских руководителей. Среди них многие знавали подлинного Кобу-Джугашвили.

Берия провел несколько «открытых» процессов — по московскому образцу — с готовыми сценариями, профессиональными провокаторами, измученными пытками «шпионами» и тайными агентами, изображающими «публику».

Вот когда сбылась сокровенная мечта мстительного генсека. Захлебываясь от нетерпения, он сожрал цвет грузинского народа. Потом Берия расскажет шефу, как он измывался над Мамия Орахелашвили, который был одним из действительных создателей большевистских организаций Закавказья. Председателя Совнаркома Закавказского края душевного, доброго Мамия любили все. Это был могучий мужчина, высокий, красивый. И вот теперь его убивают на глазах жены. Мария, член ЦК КП Грузии, была наркомом просвещения.

После казни Берия, сталинского наркома, на судебный

процесс в Тбилиси пригласили детей погибших. Дочь Мамия упала в обморок, услышав подробности гибели отца...

Когда в Хабаровске был схвачен первый секретарь Дальневосточного крайкома Лаврентий Картвелишвили, Берия затребовал старого соперника к себе в Тифлис. В пыточном подвале он заставил ветерана партии под ударами дубинки танцевать лезгинку.

За два года до этого Берия по указке Сталина расправился с любимцем абхазского народа Нестором Лакобой. Лакоба дружил с Орджоникидзе, Дзержинским, Кировым — вполне достаточная улика, чтобы отправить на тот свет.

Нашлось место в переполненной тюрьме и для Буду Мдивани, которого Сталину не удалось смять в 1923 году, при жизни Ленина. Какие только ярлыки не навесил на бывшего председателя Совнаркома Грузии генсек!.. И террорист, и «уклонист», и английский шпион... Для полноты запоздалого счастья Сталину не хватило только «признаний» арестованного «врага». Спасибо тому, кто донес до наших дней мужественный ответ старого грузина следователю: «Я знаю Сталина тридцать лет. Сталин не успокоится, пока всех нас не перережет, начиная со своего непризнанного ребенка и кончая своей слепой прабабушкой».

Эти слова вместе с именами погибших мученической смертью социал-демократов, большевиков, ученых, музыкантов, художников, писателей и поэтов Грузии я предложил бы вывесить на всех ее улицах и площадях. Может быть тогда грузины снимут с пиджаков значки с портретом Джугашвили-Сталина, а заодно ладанки с его ликом с детских щек и уберут, наконец, с городских площадей постыдные памятники.

ЕГО ЛЮДИ

...И разверзлись хляби лубянские. Дом-то вроде бы невелик, а поди ж ты, целый народ перемолол. Об этом восьмиэтажном доме № 2 на Лубянке трудно связно подумать, связно писать. Не потому, что автору довелось самому пройти лубянский конвейер. А потому, наверное, что этот дом, став средоточием злой сталинской воли, вобрал в себя весь ужас бесчеловечного режима.

Сидишь в камере внутренней тюрьмы, лишенный всего — свободы, возможности двигаться, нормальной пищи, воздуха, чистоты, времени самого. Что еще можно отнять у человека? А свет? Во внутренней тюрьме в 1920 году установили «на-

мордники» — специальные железные короба, закрывавшие от света, солнца все окна, снабженные массивными решетками. История не сохранила имени рационализатора. К тридцатым годам «намордник» стал непременным атрибутом всех стационарных мест заключения.

Чикагские боины прославились не только и не столько масштабами производства, сколько организацией, технологией. Там использовалось все: шкура, рога, копыта, кишки — словом, все, кроме предсмертного стога животного. Не то на бойне лубянской: при Сталине у невинных жертв право на предсмертный крик отняли.

Сталинизм, став подобием религии, спешил обзавестись своей инквизицией. Дело пошло по испытанному пути централизации. Всю власть над государством, над партией, над народом Сталин сосредоточил в руках органов НКВД. Очень скоро эти печально знаменитые органы превратились под плодотворным воздействием сталинского гения в некую фирму поистине универсального назначения: слежка, арест, сочинение «дела», следствие, суд, исполнение приговоров — все действия совершались под одной крышей на одном дыхании. Притом Лубянка совмещала следствие с исповедальней и пыточной, а комедия суда исполнялась в здании Военной коллегии, напротив резиденции наркома.

При Петре I Святейший Синод принял указ, обязывающий священников сообщать по начальству, «если кто при исповеди объявит духовному отцу своему какое-нибудь не совершенное, но замышленное уже воровство, наиболее же измену или бунт на государя и государство...».

При Сталине, отменившем религию и церковь громившем, функции духовных пастырей были переданы следователям тайной полиции. Там, в кабинетах следователей, причисленные к сонму «врагов народа», верующие в Иосифа кремлевского каялись в несовершенных грехах и навязанных лубянскими пастырями «злых умыслах». И доносили на ближних своих.

Не забудем, что эта система функционировала как в зоне большой, именуемой «волей», так и в зоне малой — исправительно-трудовых лагерях (ИТЛ). Прошедший все круги ада в московских тюрьмах при удобном случае (по усмотрению лубянского чина) попадал на новый конвейер — уже по лагерному «делу».

Не забудем еще о провинциальных филиалах фирмы. Там, на местах, склонные к здоровой инициативе жизнерадостные мальчишки так старательно форсировали выпуск «продукции», что «враги народа» не всегда успевали перед казнью подпи-

сать протоколы несостоявшихся допросов. Путь от команды «взять!» до команды «ликвидировать!» был прям и прост, как доска циркового трамплина.

Совершенствованию, как известно, предела нет. Предтечи и духовные отцы лубянских следователей, проводя в средневековой Европе процессы над ведьмами, изобрели коллективный метод судебного следствия и казни: обвиняемых допрашивали скопом; они х о р о м признавались и хором же следовали на общий костер. До личных ли имен тут было?..

Любопытно, если бы не ранняя смерть Сталина, до каких усовершенствований дошли бы отечественные инквизиторы...

С чем ее сравнить, Лубянку? С полицейской машиной Фуше или Николая I? У Гитлера дело было поставлено тоже вполне прилично. Казалось, именно Сталин достиг вершины: его универсальная машина как была запущена на полные обороты, так и действовала, под его неусыпным попечительным оком, круглосуточно, круглогодично. Ни одного дня проста. То был единственный вид индустрии, в котором Иосиф-строитель, безусловно, преуспевал. Ан нет, русские по натуре своей прескверные организаторы. Лубянка не могла бы выполнять спущенные сверху разнарядки без помощи народа, без его рабской покорности.

В XVI веке Европу сотрясала свирепая война против ведьм. Население активно помогало инквизиторам, заполняя доносами специальные деревянные ящики за тремя замками, установленные в церквах. Инквизиторы эпохи сталинщины обходились без примитивных ящиков — их применяли лишь при массовых инсценировках «выборов». И доносы пригодились, к тому же клеветнические наветы и провокационные материалы сочиняли сами функционеры кары и сыска. Лубянка вполне заслуженно носит еще один титул — фабрика лжи. Но главное —

Древнейшая
Из государственных регалий
Есть производство крови.
Судья, как исполнитель каиновых функций,
Непогрешим и неприкосновенен...
Кустарный промысел недопустим
В пределах монопольного хозяйства.

Нет, кустарщины Хозяин не потерпел бы. «Дело» поступало с Лубянки в суд. А при «деле» пока еще живой изменник.

Формально Военная коллегия под неизменным председательством Василия Ульриха считалась органом Верховного

суда. На деле это был второстепенный придаток к личной канцелярии диктатора, ведавшего террором. Техника заседания коллегии была примитивна, как топор палача. После краткой 10—15-минутной судебной процедуры Ульрих объявлял: «Суд удаляется на совещание». Конвой отводил первую жертву в камеру, прозванную телефонной будкой. В совещательной комнате члены коллегии подписывали заготовленные впрок решения и возвращались в зал. Туда приводили следующего, потом третьего. Их тоже пропускали по очереди через трехминутное бормотанье Ульриха и уводили. Лишь тогда вызывали первого и объявляли ему решение. Уходя на казнь, жертва могла думать, что ей уделили почти десять минут — щедрый дар, если принять во внимание занятость высокой инстанции.

Большую заботу о тружениках суда проявило Политбюро: «для предварительного расследования дел» специальным решением была создана тройка в составе Берия, Вышинского и Шкирятова. Сталинская машина располагала двумя судилищами, и оба были тайными. Верховный суд, в отличие от суперверховного Особого совещания, имел статус официального учреждения. Но, поскольку проникнуть туда не было дано никому, даже матери завтрашнего покойника, он стал легальным дублером сталинской тройки. Так Ульрих был избавлен вообще от необходимости что-либо решать. Он мог теперь со своей бригадой не удаляться в совещательную комнату. Но тогда нарушился бы стройный ход спектакля.

...То Ульрих там вершил кровавый ритуал.

В лубянском театре были свои драматурги, режиссеры, актеры, статисты. И своя костюмерная, свой реквизит. Заплечных дел мастера сумели поднять обыкновенную судебную расправу до уровня театрального действия.

Устраивались генеральные репетиции — для выездных спектаклей-процессов. Публика менялась часто, только большую часть действующих лиц почему-то не выпускали — выносили ногами вперед, ибо имелось одно существенное различие между театром лубянским и всамделишным: выстрелы были настоящие.

Основной творческий состав — руководителей и ведущих актеров-следователей — кремлевский меценат подбирал сам. Н. С. Хрущев рассказывал на XX съезде партии о вызванном на заседание Президиума ЦК следователе Родосе, «никчемном человеке, с куриным кругозором, в моральном

отношении буквально выродке». И этот сталинский выкормыш допрашивал таких деятелей, как Косиор, Чубарь, Косарев...

Родосы нужны были Сталину в центральном аппарате органов Москвы и Ленинграда, на постах уполномоченных Лубянки в Одессе и Ростове, Ташкенте и Хабаровске. Он лично подбирал отъявленных мошенников и проходимцев, садистов по призванию, полуграмотных и наглых, зато преданных работодателю, как может быть предан своему атаману лишь разбойник. На поверхность всплыла вся социальная нечисть — уголовник вербовал уголовников.

...Работал в тридцать седьмом году на Украине лейтенант Долгих (тогда носил в петлицах два кубика). Он прославился тем, что во время пыток-допросов поил арестованных членов ЦК своей мочой. Его усердие и находчивость в искоренении «врагов» были замечены. Долгих дослужился до генеральских погон и стал незаменим. Настолько незаменим, что уже после смерти Сталина возглавил ГУЛАГ. Новое правительство назначило его заместителем министра внутренних дел.

«У чекистов должно быть горячее сердце, холодный ум и чистые руки», — завещал покойный Феликс Дзержинский. Вешатели призыва тридцать пятого года мало походили на рыцарей с революционного плаката, то были люди иного склада. Слежка и преследование честных работников, перлюстрация писем, подслушивание, шатнаж, провокации, насилие, растление малолетних, изощренные пытки и казни в подвалах — все это и еще многое другое требовала служба НКВД от своих сотрудников. Грабежу-мародерству они предавались в порядке самодеятельности.

В 1918 году Дзержинский составил инструкцию о производстве обысков и арестов. «...Пусть все те, которым поручено произвести обыск, лишить человека свободы и держать его в тюрьме, относятся бережно к людям, арестуемым и обыскиваемым, пусть будут с ними гораздо вежливее, чем даже с близким человеком, помнят, что лишенный свободы не может защищаться и что он в нашей власти. Каждый должен помнить, что он представитель советской власти — рабочих и крестьян и что всякий окрик, грубость, нескромность, невежливость — пятно, которое ложится на эту власть».

Прекрасная инструкция. Непонятно только, кому она адресована. Если царским жандармам, то они — Дзержинский сам тому свидетель — относились к «господам политическим» вполне корректно. Если чекистам сталинской выучки, то они руководствовались совсем иной инструкцией. Нет, покойного

Дзержинского они уважали. Разве стены пыточных кабинетов не его выразительный портрет украшал — рядом с ликом Вождя?

Инструкция Дзержинского напомнила мне осень 1937 года. Генерального консула в Барселоне Антонова-Овсеенко вызвали в Москву в конце августа. В подъезде 2-го Дома Совнаркома Владимира Александровича встречает испуганный взгляд лифтерши. Почти все двери семиэтажного здания опечатаны большими сургучными печатями НКВД. Арестован Сулимов, председатель СНК Российской Федерации. Теперь он враг. И Крыленко, соратник по октябрьским боям. Погибли Тухачевский и другие славные полководцы.

Прошла неделя и еще одна. Вставать каждое утро без всяких обязанностей, провожать бесцельно прожитый день и длинной ночью ждать — чего?

Сталин вызвал Антонова-Овсеенко в Кремль на тридцатый день пребывания в Москве. Он начал с упреков. Оказывается, Антонов действовал в Испании слишком самостоятельно, не согласовывая своих шагов с Наркоматом иностранных дел. На него поступило много жалоб.

Владимир Александрович объяснил:

— Необходимо было принимать подчас рискованные, смелые решения немедленно, как того требовала сложная боевая обстановка.

Видимо, он убедил собеседника. Через день последовало назначение на пост наркома юстиции. А в сером доме на Большой Дмитровке, в своем кабинете на пятом этаже, генеральный прокурор Вышинский уже заготовил ордер на арест нового наркома.

Поздний вечер 11 октября. Ассистент режиссера Д. И. Васильев никак не расстанется с Антоновым — уж очень интересные подробности рассказывает герой Октября. Постановщику фильма «Ленин в Октябре» М. Ромму разрешено показать на экране только Ленина, Сталина, Дзержинского и Свердлова. Такова воля самого Сталина.

Васильев ушел поздно ночью. А через полчаса пришли люди в форме НКВД. Грубые окрики, циничные ругательства (какая уж там «инструкция!»), разбросанные вещи... Арестованного забрали на Лубянку. Вывезли все бумаги. То, что от них осталось, попало позднее в госархив, но доступ к этим документам был открыт лишь сорок лет спустя.

Сохранился акт № 463, составленный 22 января 1938 года, на конфискованное имущество. Вот некоторые предметы и их оценка:

№ п/п	Шт.	Цена
4 Фрак с жилеткой		27 р. 50 к.
5 Костюмы	4	По 50—70 р.
24 Свитер шерстяной	2	3 р. 50 к.
32. Горжет из белого песка		50 р.
109 Одеяло ватное сатиновое		12 р.
110 Одеяло пуховое шелковое		22 р.
116 Простыни хлопчатобуманные	4	6 р.
224 Пластинки русские б/у		—
245 Сервиз столовый (7 предметов)		—
294 Акварель	1	1 р. 50 к.
297 Духи разные	3 фл.	1 р. 50 к.
305 Портфель старый		2 р. 50 к.
Из мебели:		
Буфет дубовый		60 р.
Тахта		17 р.
Диван		18 р.

Могу засвидетельствовать, что квартира отца нисколько не походила на изображенную в акте лавку нищего старьевщика. У Антонова-Овсеенко было ценное собрание книг, как и подобает писателю и публицисту, владевшему несколькими европейскими языками. Но библиотека в опись не попала. Так же как и подлинные гравюры известных художников, пишущая машинка, радиола с восемью альбомами пластинок, драгоценности жены, ее беличья шуба, дорогие французские духи, купленные в Париже проездом из Испании на родину, и многое-многое другое.

Не один Антонов-Овсеенко был ограблен лубянскими мародерами. Грабили арестованных, грабили народ, грабили государство. Забирали научные рукописи, стихи, романы, пьесы, изобретения. Сколько ценного, уникального сожгли как «не относящееся к делу»...

Проскрипции, введенные впервые в древнем Риме в годы диктатуры Луция Суллы, стали не только орудием расправы с политическими противниками, но и средством обогащения.

Ничто не ново под луной...

У «врагов народа» хапали все: имущество, жен, квартиры. К 1939 году все лучшие дома Москвы и Ленинграда и других городов оказались заселенными сотрудниками НКВД, их родственниками и близкими.

Присваивали названия городов — бессмертия ради. В свое время столице Черкессии Баталпашинску дали имя главы правительства Российской Федерации Сулимова. После убийства Сулимова город нарекли Ежово-Черкесском, в честь главы органов. Когда Сталин убрал Ежова, на карте появился Черкесск... Одна из многих географических метаморфоз сталинского безвременья.

Разве они не заслужили бессмертия?

...Вот он шествует по улице Горького, пресыщенный властью бывший начальник ГУЛАГа Борис Берман. Жирные груди отягощены орденами, пальцы — в драгоценных перстнях. На мизинце — длинный, изящно изогнутый ноготь...

Вспоминается другой лубянский мандарин, начальник следственного отдела полковник Бененсон. Как он красовался перед подчиненными, не сумевшими добиться от меня признания в террористической деятельности! То был процветающий сноб, типичный представитель новой жандармской касты (выражение Маяковского). Ей Сталин предоставил все жизненные блага: несчетанные деньги и закрытые магазины, ложи в театрах и заграничные путешествия, роскошные квартиры и приморские виллы.

Когда рабочие отдыхают во дворцах бывшей царской знати, это можно воспринимать как историческую справедливость: они своими руками возводили архитектурные шедевры. Но заплечных дел мастера в княжеских палатах... Гнусно.

1929 год. Москва. При Ягоде в одной из лубянских камер сидела юная девушка. Она расстелила прямо на грязном полу дорогое котиковое манто, предложила лечь рядом бывалой каторжанке: «Все равно пропадет. Мне отсюда не выйти. Эти манто нам выдают как спецовку... Сначала в райкоме комсомола объясняют, что доверяют тебе важную государственную работу. И направляют в ГПУ. А там поясняют: надо помочь родине обезвредить врагов. «Вы такая красивая и молодая, вам будет удобно бывать в ресторанах». Снабжают шикарной одеждой, сулят золотые горы. И ничегошеньки не просят взамен. Надо лишь кое с кем встретиться, кое-что запомнить, беседовать, даже пофлиртовать можно. Потом кое-кому сообщить...

Одна встреча с иностранцем оказалась роковой. Он — сын спичечного короля, мы полюбили друг друга, уехали с ним в Березники. Через некоторое время его выслали из Союза, и я осталась одна. Меня арестовали, заставили написать, будто я от него беременна. Я отказалась. Тогда они сами сфабриковали письма, вымогая от моего имени валюту...»

Верно заметил Джордж Оруэлл: «К несчастью, правда о зверствах значительно хуже, чем способны выдумать органы пропаганды».

1939 год. Ростов-на-Дону. По рассказам девиц, попавших в тюрьму, в Ростове в те годы для партийных бонз был устроен бордель. Дело было поставлено на вполне современный лад: бандерша, альбомы фотографий красавиц, европейская кухня, тонкие вина, шелковое белье, световые эффекты...

Упразднив вместе с прочими институтами буржуазного общества дома терпимости, мог ли Ленин предполагать в близком социалистическом будущем развитие подобной самодеятельности?..

Грязных, гнусных людишек набирали в лубянское войско. Шпик Постельников, персонаж Н. С. Лескова, в мундштука паскудного откровения жалуется студенту, которого сейчас вот передаст в руки стражи: «...я хотел в уланы, а это маменька так устроила... В этом войске, говорит, хорошо, и обеспечено, и мундир, и шпоры, и это войско на войну не ходит... тут не контузят и не ранят, а выслужиться можно скорей, чем в битвах, но зато эта служба требует, так сказать, высших способностей, тут, так сказать... к ученому даже нечто примыкает, потому что требуется наблюдательность».

И профессиональная подлость, добавим мы от себя.

Постельников, чтобы отслужить свое жалованье («Потому, душа моя, что ведь мы во что-нибудь стране-то обходимся...»), подкидывает студенту, которого устроил на жительство у своей сестры, «Думы» Рылеева.

При Сталине подсовывали брошюры недавнего вождя Троцкого или стихи Марины Цветаевой. Но это уже детали.

Институт провокаторов существовал в ВЧК — ОГПУ с первых лет. Их засылали в типографию меньшевиков, в штаб тамбовских повстанцев, на Ирпеньскую конференцию с.-д. молодежи в 1923 году. В тюрьмах их поселяли в каждую камеру, в лагерях — в каждый барак.

«Мой» лубянский провокатор Александр Спиркин учился в аспирантуре педагогического института имени Ленина (до 1938 г. институт носил имя А. Бубнова). Но прежде чем меня перевели к нему в камеру, прошло три-четыре месяца непрерывных допросов — пустых, мучительных. Мне инкриминировали террор и антисоветскую агитацию.

«Расскажите о своей террористической деятельности...»

«Расскажите о своих террористических связях...»

С этих вопросов с легкими вариациями начинался каждый

допрос. Потом кто-то спохватился и снял с полуслепного обвинение в терроре. Что же касается агитации, то и тут за неимением фактов добиться ничего нельзя было. Тогда, видимо, приняли решение содержать меня вместе с провокатором. Расчет был прост: Спиркин — аспирант-литератор, сидит по статье 58 пункты 10 и 11 (групповая агитация), я — историк. Значит, разговоримся. О чем уж мы с ним там беседовали, не помню. Зато хорошо запомнил очную ставку, которую месяц спустя устроил нам следователь. Спиркин заявил, будто я поделился с ним планом участия в шпионаже в пользу фашистской Германии. Это была гнусная сцена. Спиркин прятал от меня глаза, следователь пресекал мои попытки возмутиться провокацией... Так, избавившись от «террора», я попадал под «шпионаж», то есть под смертный приговор. После этой очной ставки меня перевели в другую камеру. Я не знаю, кого подкинули Спиркину после меня.

Кормили во внутренней тюрьме «на убой»: кусок черного хлеба, кружка теплой воды, а на обед — ложка пшенной сечки с мышиным пометом, который не всегда удавалось выбрать. Некоторым арестантам давали дополнительно к обеду три соленые кильки и кусочек пиленого сахара. На стыдливом языке тюремной администрации это называлось больничным пайком. Мой сокамерник съедал свои килечки с достоинством честно поработавшей наседки.

До встречи со Спиркиным я был склонен ценить свою жизнь несколько выше. Теперь я благословляю тюрьму, в которой избавился от вредной гордыни.

Киевский мошенник Паниковский, играя роль слепого, зарабатывал на жизнь тем, что обирал доверчивых прохожих, которые переводили его через Крещатик. Своему покровителю — городовому — он платил ежемесячно пять рублей. Этот полицейский со звучной фамилией Небаба стал потом, если верить Ильфу и Петрову, музыкальным критиком.

Имя Спиркина значится ныне в почетном списке членов-корреспондентов, он чуть не стал действительным членом Академии наук. Он философ, вице-президент какого-то общества, автор высокоморальных трактатов.

Как у всякого респектабельного ученого, у него было свое «хобби»: на страницах «Недели», еженедельного приложения к газете «Известия», Спиркин поучал читателей правилам хорошего социалистического тона.

В горячие дни проникновения и внедрения в Академию наук кандидат, а потом и доктор философии Спиркин обхаживал позорно знаменитого академика Ф. В. Константинова,

верного оруженосца сталинщины. На даче этого академика-назначенца в поселке Отдых под Москвой Спиркин подвизался в роли добровольного огородника-садовода, с тяпкой в руках.

А вот что вышло из-под его пера:

«Курс марксистской философии» (два издания).

«Материалистическая диалектика».

«В мире мудрых мыслей» (научный редактор и автор предисловия).

«Происхождение сознания».

«Сознание и самосознание».

«Теория, преобразующая мир».

«Развитие Лениным философии Маркса».

«Комплексное изучение человека и формирование всесторонне развитой личности».

В последние годы появились и другие книги. Несколько философских трактатов Спиркина издано на иностранных языках АПН и «Прогрессом».

Одна из книг — «Новое общество — новый человек» (1976 г.). В этом высокоученом труде, а еще ранее в предисловии к сборнику мудрых мыслей сей жрец морали с умильным пафосом призывает дорогого читателя проникнуться «величием и чистотой нравственных свойств», развить в себе «душевную цельность» и другие замечательные качества — «вечные ценности, пронизывающие века и даже тысячелетия». Этими качествами, полагает Спиркин, должен обладать каждый новый человек — строитель коммунизма.

Пожалуй, хватит об Александре Георгиевиче Спиркине, этом новом человеке нового общества.

Где сейчас мои следователи, что поделывают, не знаю. Они меня не истязали, а лишь отправляли время от времени в карцер, когда я пытался протестовать. Пользуюсь случаем выразить им свою арестантскую благодарность.

В поток следователей, влившихся в органы в тридцатые годы, попало много случайных людей, подготовленных к государственной службе на скорую руку. Иных брали с производства, из научных и учебных институтов — по партийной или комсомольской мобилизации, часть вливалась из юридических вузов. Некоторые, осознав страшное свое назначение, не хотели принять постыдную роль, отведенную им в этом ведомстве. Но, став однажды сотрудником всесильных органов, человек себе уже не принадлежал. Нельзя было перевестись, уволиться, просто уйти, сказавшись больным.

При Сталине, в годы кровавой жатвы, уничтожено четыре состава obsługi Лефортовской тюрьмы. «Убирали» всех — тюремщиков, следователей, разведчиков. Самые находчивые, в предчувствии неминуемой расправы, пытались скрыться за границей. Умело маскируясь, опытные разведчики прятались в Швейцарии, Бельгии, Африке, Америке. Этого Хозяин потерпеть не мог. Созданный при наркове Ежове особый отдел находил и уничтожал «невозвращенцев» на всех континентах. Так Лубянка стала ловушкой для самих ловцов.

Приходилось приспособливаться, каждый хотел жить. Незаметно новобранец органов входил в образ. Придя на Лубянку с дипломом гуманитарного вуза, он со временем приобретал навыки квалифицированного костолома и — что особенно ценилось начальством — достигал высот «психологизма». И высот провокации.

Но уж тут очень трудно остановиться — как в любом другом преступном деле. Лубянские мастера стали доносить друг на друга, устраивать коллегам уютные провокации. Впрочем, и без этого в недрах центрального аппарата истребления время от времени вызревали проскрипционные списки на собственных сотрудников.

Он впечатлял с одного взгляда, такой список. Длинный столбец фамилий, человек на сто и более. Внизу — заключение следователя: «ПОЛАГАЛ БЫ РАССТРЕЛЯТЬ».

Рядом, справа, — виза начальника отдела:
«СОГЛАСЕН».

Вверху, в левом углу, — внушительный росчерк начальника управления:

«УТВЕРЖДАЮ».

И уж на самом верху, попирая заглавие и жирный уголовный штамп с датой, — основополагающая резолюция наркома:

«РАССТРЕЛЯТЬ».

Потом, как последний, завершающий мазок кисти, появится пометка коменданта:

«ПРИГОВОР ПРИВЕДЕН В ИСПОЛНЕНИЕ».

(К слову сказать, я не полагал бы непременно расстрелять провокаторов, подобных «философу» Спиркину. Но я полагаю безусловно полезным — для моего поколения и поколения молодых — обнародовать имена палачей, провокаторов, доносчиков. Это надо делать везде — на улице и дома, на работе и на собраниях. Я внимательно просмотрел Уголовный кодекс. Там ничего не сказано о том, что разоблачение негодяев может нанести вред государству.)

Распоряжаться жизнью и смертью людей — в этом что-то есть. В кресле следователя последний замухрышка чувствовал себя всемогущим. Многие участвовали в арестах, а потом и в пытках. Вскоре они понаторели в фальсификации, приобрели опыт в сочинении «дел», научились игнорировать факты, закон, личность, права, скромно довольствуясь собственными признаниями подследственного. Научились добывать эти признания. Документы и свидетельские показания, факты и обстоятельства, кодексы, прокурорский надзор, судебное разбирательство — все это вдруг оказалось лишним, лишенным смысла и веса. За каждого «сознавшегося» следователь получал 2 тысячи рублей наградных. Было где разгуляться мелким честолюбцам, хапугам, садистам.

Когда в наши дни люди обсуждают проблему нарушения правовых норм в эпоху сталинщины, хочется спросить: «Вы это действительно всерьез?»

«Как держать себя на допросах?» — в брошюре, опубликованной в 1906 году под таким названием, автор, большевик В. П. Акимов-Махновец, рекомендует товарищам по борьбе отказываться от всяких показаний.

Народоволец Александр Михайлов в своем завещании писал: «Рекомендую отказываться от всяких объяснений на дознании, как бы ясны оговоры или сыскные сведения ни были. Это избавит вас от многих ошибок».

И «господа политические» отказывались давать показания. А господа жандармы не смели настаивать. Станные люди жили в России в начале века. И революционеры, и царская охранка, и сам царь, казалось, состязались в наивной благожелательности. По новому Уголовному положению 1904 года судебной палате вменялось в обязанность разбирать все политические «дела» в открытом заседании. И ниспровергатель существующего строя открыто, при народе, призывал к бунту. Прокурор, жандармы и «чистая публика» с отвращением выслушивали крамольные речи, но — в ы с л у ш и в а л и! Судья отправлял преступника в ссылку. Иногда на каторгу, очень редко — на казнь. Но все это производилось открыто. Где все это? Канули в быстротечную Лету те наивные времена.

Прошлый век хранит в памяти и вовсе курьезный случай. В 1878 году Вера Засулич стреляла в петербургского генерал-губернатора Трепова. Суд присяжных оправдал террористку. Она ранила одного из высших царских сановников — ее оправдали. Каково?

Брата Мартова В. О. Левицкого, арестованного (в который раз!) в 1937 году, обвинили в причастности к «эсеро-меньшевистской монархической организации» (логика обвинений была не самой сильной стороной лубянских специалистов). Левицкий объявил смертельную голодовку-протест. Ведь осуждение на срок ИТЛ означало лишение статуса политзаключенного. Видный журналист, редактор «Нашей зари», сотрудник «Голоса социал-демократа» — на одних нарах, на одних правах с уголовной шпаной?.. К этой моральной пытке примешивалась пытка физическая — истязания, которым политических подвергали внутри камер, на этапе, в лагере. Охрана поощряла уголовников. В какой еще стране возможно такое?

Ну а пытки без участия постоянного корпуса уголовников применяли в других странах. Один гитлеровский палач похвалялся: «Семьдесят килограммов живого мяса, прошедшие через мои руки, — это уже не человек, он не соображает, что рассказывает мне правду...» Германия Гитлера и Гимmlера сохранила и приумножила богатые пыточные традиции средневековья да и более поздних времен.

В 1557 году архиепископ Кельна скрепил своей подписью официальные расценки на весь ассортимент пыток и казней. Аналогичного документа за подписью Сталина не сохранилось. Профессиональные преступники не любят оставлять следы. Но директиву о применении пыток Сталин дал лично. И смертоносный режим в лагерях введен также по ему прямому указанию.

Советской России тоже не занимать традиций на стороне. Дотошный летописец оставил картину разгрома Новгорода и Пскова, учиненного Иваном Грозным в 1570 году: «И святую Софею соборную церковь пограбил и поймал чудотворные иконы корсунские и казну всю, драгие вещи поймал, и архиепископов двор и монастыри все пограбил, и всех людей и многих православных умучи многими муками, а прочих людей глаголют 60 тысяч мужей, и жен, и детей в великую реку Волхов впета, яко и реки запруднятся. И то по иным городам новгородским тако же вся люди ограбил и монастыри, и церкви».

Что ж, Сталин только масштабами от Ивана отличался, только числом «умученных»? Не два и не три города он разгромил-разграбил, и не два десятка — всю страну. Не тысячами исчисляются жертвы. Но и в лютости превзошел Сталин своего предтечу. Сделал то, о чем в XVI веке не помышляли: души человеческие развратил страхом, властолюбием и вели-

ким словоблудием. Со своей армией штатных головорезов, подкрепленной могучей армией платных затемнителей мозгов, Сталин мог повторить вслед за Наполеоном: «С моими жандармами и моим духовенством я все могу».

Кровопроливцы — так называли в старину мятежников. Как же назвать того, кто истребил десятки миллионов ни в чем не повинных людей — больше, чем жило на Руси при Грозном Иване? Есть ли такое слово?

В эпоху гуманного правления Отца народов вопрос «давать — не давать показания?» не стоял. На Лубянке из товарищей коммунистов выбивали любые показания — против себя и близких, против сослуживцев... Они были наделены куцей фантазией, пыточных дел мастера. Почему бы не предложить узнику перед неминуемой смертью признаться в контрреволюционных связях с космополитом Гулливером или с коварными марсианами?

В 1938 году арестовали члена ЦК ВЛКСМ, секретаря Замоскворецкого района Марию Давидович — вслед за Косаревым и другими вожаками комсомола. За десять лет до этого ее послали в Польшу на подпольную работу, но там ее схватили и приговорили к десяти годам каторги. Она отбыла восемь лет, потом МОПРу удалось выменять ее на нужного Польше человека.

В Лефортове она очутилась в одной камере с армянской коммунисткой Микаэлян. Обе женщины держались стойко и с порога отвергли дикие обвинения. Следователь взъярился: «Ах, вам не в чем признаваться?! Каменев и Зиновьев тоже не хотели давать показания. А как через задницу ток пропустили, сразу признались во всем».

Арестантки продолжали упорствовать. Тогда их перевели вниз, на первый этаж. Здесь были слышны вопли пытаемых в подвале. Пытаемых электротоком?... Сколько дней провели они в той камере? Каждое утро Микаэлян замечала на голове Марии новую прядь седых волос. А ведь ей не было еще тридцати...

На этап, уже из Таганской тюрьмы, Мария уходила совсем седой.

Не стоит, пожалуй, описывать все ужасы одного из филиалов Лубянки в Подмосковье — сухановских застенков. Тамошние мастера превзошли даже лефортовских. Этот пресс не выдерживал никто.

Нарком финансов Г. Ф. Гринько показал под пытками, что еще в 1923 году с украинским писателем Василием Бла-

китным сговорился поднять вооруженное восстание против Советов.

Оба погибли. Оба реабилитированы. Оба забыты.

Поэт-сатирик Остап Вишня рассказывал сокамерникам, что подписал протокол допроса не глядя, под гипнозом, а когда пришел в себя, потребовал все назад. Но лубянская машина обратного хода не знала.

Следователи добывали показания любой ценой, любыми средствами. Уж очень заманчива, благородна цель — доложить об исполнении Ежову или Берия, а то, страшно сказать, — Самому...

Один следователь жаловался коллеге: «Устал чертовски! Трое суток мучился с Бухариным, пока он не подписал материал против Рыкова. Теперь отдохну и возьму в работу Рыкова — пусть покажет на Бухарина».

Качество показаний, — а борьба шла, как нетрудно догадаться, не только за количество, — зависело от болевого порога. Попадались жертвы с очень высоким порогом: Котлынов, Угланов, Реденс, Косиор, Блюхер, Сванидзе... Некоторых удалось сломить угрозами расправы с детьми, близкими. Сломленных тоже убивали. Если бы им в лапы попался американский индеец, гордый, отважный, не умеющий сгибаться, — удалось бы его сломить? Хватило бы «классических» приемов или пришлось бы новое изобретать?

У Джорджа Оруэлла в книге-антиутопии «1984» описана камера № 101, где у помещенного в специальный станок инакомыслящего свирепые крысы выедают заживо лицо, язык, гортань. Напрасно автор это сделал: подражатели найдутся.

После подавления крестьянского восстания 1358 года, знаменитой Жакерии, побежденных искателей свободы казнили, иногда — с помощью щекотки. Жертву привязывали к скамье и щекотали солью подошвы ног. Человек закатывался в смехе и погибал. Почему бы лубянским мастерам не казнить вот так-то, весело? Действительно, почему?

Но тогда, чего доброго, их могли бы обвинить в низкопоклонстве перед Западом. Разве мало своего, отечественного опыта?

Лишь десять лет спустя после смерти Сталина советская наука осмелилась приступить к систематической публикации документов и серьезных исследований эпохи грозненской опричнины (сколько же десятилетий придется ждать появления на свет нелицеприятной истории сталинщины?). В 1963 году в Москве опубликован сборник «Исследования по истории опричнины».

«Чтобы человек не успел покаяться и сделать предсмертные распоряжения,— сообщает С. Б. Веселовский,— его убивали внезапно. Чтобы его тело не могло получить выгод христианского погребения, его разрубали на куски, спускали под лед или бросали на съедение собакам, хищным птицам и зверям. Чтобы лишить человека надежды на спасение души, его лишали поминовения... Это было страшнее физической боли и даже смерти, так как поражало на вечные времена душу».

Задушив руками Малюты Скуратова митрополита Филиппа, который отказался благословить на литургии в Успенском соборе царя и окружавших его опричников, Иван Грозный уничтожил затем и всех родных дерзкого митрополита.

Култ предков на Руси соблюдался ревностно, старший в роду отстаивал его даже ценой собственной жизни. Вот почему царь изничтожал весь опальный род, с немощными старухами, с младенцами. Чтоб следа не осталось ни на земле, ни на небе.

Поздние российские монархи тоже не терпели, подобно Ивану Грозному, инакомыслия, но преследованием семей своих политических противников не унизились (исключения были). Вспомним эпоху декабристов, вспомним семью Александра Ульянова. Старший брат Ленина покушался на жизнь императора, преступника казнили, но родных не тронули.

Не то Сталин. Истребляя своих конкурентов — а самыми опасными были видные соратники Ленина,— он пользовался древним правилом: уничтожал весь род. Убивал тайно и внезапно. За редким исключением, места захоронения убитых не известны никому до сих пор. Даже у тех революционеров, которым теперь ставят памятники, нет могил. И в лагерях, где погибли миллионы честных людей, могилы не сохранились. Негде преклонить колени пред прахом погибших. Некому помянуть — ни дома, ни в церкви...

...Год 1906-й. Большевику Якову Сосновскому, приговоренному к каторге, градоначальник Севастополя Рогуля разрешил, под честное слово, участвовать в похоронах отца. С кладбища Сосновский вернулся в тюрьму.

Спустя пятнадцать лет, в 1921 году, с разрешения Ленина арестованные анархисты были выпущены из тюрем на похороны революционера Петра Кропоткина.

Прошло еще пятнадцать лет. Сталин на похороны не выпускал никого. Не было самих похорон, некому было бы и сопровождать покойников, случись — фантастическое пред-

положение! — похороны, ибо арестовывали, убивали всех родственников «врага народа», всех его знакомых.

Эти удобные порядки ввел в стране грузин, рожденный на земле, где существует освященный веками культ покойных родителей, предков. Где так сильны традиции рода, семьи.

Сталин показал, что можно пойти дальше Ивана Грозного. Вместе с родными арестованного «врага» он уничтожал его книги, бумаги, письма, фотографии, личные вещи — все следы пребывания на земле. Но прежде чем это сделать, он бросал «врагов» на публичное поругание со всех газетных и митинговых амвонов. Изуверская практика посмертного надругательства — от него, радетеля. Но вину с ним разделяет каждый исполнитель.

А ведь были среди них — и в партийных и в карательных органах — люди потенциально честные. Некоторые пытались даже протестовать. Но они никого не спасли, а лишь ускорили собственную гибель. И навсегда отвадили других.

В 1936 году на собрании партийного актива управления НКВД Ленинграда выступил Дровяников: «Товарищи, мы не раскрываем, а фабрикуем заговоры. Мы преследуем и уничтожаем людей по клеветническим и неверным обвинениям. Я знаю, что меня ждет, но я не могу умолчать о том, что сейчас делается в НКВД».

Сотруднику НКВД В. А. Кандушу запомнилось, какой яростный отпор получил на собрании «пособник врагов» от председателя Ленсовета И. Ф. Кодацкого: «Речь Дровяникова свидетельствует о том, что и в НКВД проникли враги народа и что их нужно беспощадно выкорчевывать».

Погибли оба — Дровяникова прикончили той же ночью, Кодацкого «выкорчевали» через год.

В 1938 году в одной камере на Лубянке сидело шестеро «врагов народа». Один из них, работник Северо-Кавказского крайкома партии Павленко (назовем его так), был из тех счастливичков, кто уцелел после заседания Военной коллегии Верховного суда. Павленко только что привезли из лагеря в Москву, и он удостоился чести быть допрошенным самим Берия. Из камеры его вызвали в десять часов утра — время для допроса и пыток неурочное: утром и днем вызывали только стукачей. Павленко вернулся вечером. Оказывается, недавно в Ленинграде застрелился бывший начальник управления НКВД М. И. Литвин. Он оставил записку: «Не могу больше участвовать в уничтожении честных людей и фабрикации ложных «дел». Содержание предсмертной записки Лит-

вина стало многим известно, и Берия решил во что бы то ни стало разоблачить погибшего как замаскированного врага.

Павленко знал Литвина лично, бывший заместитель Ежова приезжал к нему с инспекцией в Ростов-на-Дону.

...Берия сидел в кабинете (свидание состоялось в Лефортовской тюрьме) и держал в руке стальную пружину с деревянной рукояткой. Ввели Павленко, посадили в отдалении на стул. Берия потребовал от арестованного показаний против Литвина — будто тот принудил Павленко отказаться на заседании Военной коллегии от ранее данных показаний и будто Литвин преследовал при этом определенную цель — дискредитировать органы. Но у Павленко не было встреч с Литвиным во время следствия... Берия, угрожающе играя пружинной, предложил Павленко вспомнить разговор с Литвиным. Ему так хотелось доложить Хозяину, что Литвин застрелился из боязни разоблачения...

Узнав о самоубийстве Литвина, член Политбюро Анастас Микоян обронил фразу: «Хоть один честный человек в этой банде нашелся».

Всего за год до этого, на праздновании 20-летия органов, Микоян восхищался славной работой НКВД и призывал «учиться у товарища Ежова сталинскому стилю работы, а он учился и учится у товарища Сталина».

Он был не один таким, Микоян. Под знаком двуликого Януса жили, работали все.

В 20-е годы Артур Христианович Артузов занимал пост начальника контрразведывательного отдела (КРО). Тихий, скромный, он не надевал никогда знаков различия и походил на доброго сельского учителя.

В тридцать седьмом году на заседании актива НКВД Артузов с горечью говорил о ф е л ь д ф е б е л ь с к о м стиле руководства, установившемся после смерти Менжинского.

Сталин перешагнул через Артузова с той же легкостью, с какой до этого перешагнул через Дзержинского.

Страна приближалась к пику строительства социализма. До приличий ли тут?..

В январе 1939 года один ответственный работник собрался в командировку. Он был из тех немногих, кто не поддавался на провокации карательных органов. Провожавший его друг предостерег: «Ни в коем случае не ходите в вагон-ресторан. Эта банда может выбросить вас на ходу из поезда».

Все знали, что НКВД — банда убийц. Все молчали. Все помогали.

До Сталина доходили сведения об отдельных случаях протеста, но в целом процесс перерождения работников НКВД, суда и прокуратуры шел успешно. Пришлось, правда, расстрелять несколько десятков видных чекистов школы Дзержинского. Хозяин, если он настоящий хозяин, должен время от времени обновлять батраков. Чем меньше свидетелей, тем лучше. А новые всякий раз будут послушней, боязливей.

В 1826 году турецкий султан Махмуд II истребил десятки тысяч янычар, бывших христиан, воспитанных в магометанстве. Они безотказно служили ему, первыми кидались на врагов ислама, но султан их вырезал.

Лубянские янычары, приняв сталинскую веру, вырезали соотечественников целыми семьями. Кремлевский султан им никогда до конца не доверял и тоже истреблял их тысячами. Однако эти периодически повторяющиеся профилактические чистки не должны были отражаться на выполнении и перевыполнении производственных заданий.

Когда статья или очерк почему-то не идут в номер, но одобрены редактором, они могут быть опубликованы в ближайших номерах. Такой запас материалов составляет портфель редакции. У строителей это называется «оставить задел»: подготовить фронт работы на завтра — установить опалубку для бетона, поднять наверх материалы для кладки стен и т. д. У следователя свой «задел»: он держит про запас десяток-другой имен родственников, друзей или знакомых арестованного. Вдруг шефу понадобится доложить наверх о раскрытии новой контрреволюционной организации? На этот случай имеется полуфабрикат и сценарий «дела» набросан. Ну а если в эту мясорубку попадал сам следователь, его преемник находил в ящиках стола папки с именами «пособников» уничтоженных жертв. Он знакомился со списком осведомителей, добровольных и завербованных, принимал хозяйство и через считанные часы включался в производство.

Главный конвейер страны не останавливался ни на минуту.

В кровавой истории подавления меньшинством большинства лубянский феномен, это наивысшее достижение кремлевского узурпатора, будет сверкать века. В нем сталинщина воплотилась во всей красе.

Деяния лубянских янычар заслуживают многотомной монографии. Уже появился ряд содержательных книг, богатых фактическим материалом. Нам же хотелось выбрать из этого сталинского войска лишь две колоритные фигуры.

Только пусть читатель не забывает, что мы имеем дело не с «презренной охранкой капиталистов».

Одно время в центральном аппарате ОГПУ, при Ягоде, подвизался некий Генрих Люшков. Он довольно быстро дослужился до поста заместителя начальника секретно-политического отдела (СПО), самого весомого отдела Лубянки.

В 1933 году первый секретарь Восточно-Сибирского крайкома Ф. Г. Леонов получил шифрованную телеграмму от Е. Ярославского, председателя ЦКК. Леонову предложено срочно командировать в Москву первого секретаря Иркутского горкома Ионова. Через пять дней Ионов прибыл в столицу, но не застал Ярославского. Принял его Шкирятов:

— Вот что, браток... Тебе предъявлено обвинение. Товарищ Люшков сообщил, что ты помог бежавшему из внутренней тюрьмы на Лубянке троцкисту, устроил его на работу в Иркутске.

Позднее Ионов расскажет в камере, что Шкирятов не называл ему фамилии «троцкиста». Ионов знал к тому же, что в истории Лубянки побеги не значатся. Потом ему сообщили фамилию «беглеца» — Муслин, и Ионов сразу вспомнил, что с человеком, носившим эту фамилию, ему довелось еще в 1918 году сидеть в тюрьме на оккупированной германскими войсками территории Украины. Революционер Муслин давно умер, остался его младший брат, которому в восемнадцатом году было десять лет. Ионов потребовал очной ставки.

Она состоялась в кабинете Люшкова. Вводят «троцкиста» — изможденного, пришибленного, почти уничтоженного физически человека.

Следователь. Вам знаком этот человек?

Ионов. Да. Этот человек приходил ко мне недавно.

Следователь. О чем вы с ним говорили?

Ионов. Он сказал, что является братом умершего Муслина, просил помочь устроиться в Иркутске. Если же у меня такой возможности нет, он поедет в Хабаровск, к Мамия Орахелашвили. Мне лично молодой человек не был знаком, и я ничего не обещал. На политические темы мы с ним не беседовали.

Затем Ионов спросил у Муслина (в 1933 году можно было еще защищаться в тех кабинетах), помог ли он ему чем? Взял ли на работу?

Муслин ответил отрицательно.

— Почему же ты больше ко мне не пришел?

Муслин не нашелся...

Люшков заметно нервничал. Органы ошибаться не могли,

брак в этом производстве мог обернуться бедой. А Ионов, человек твердый и опытный, спешил закрепить свои позиции. Он попросил немедленно позвонить в Иркутск и узнать, какую запись сделал он в настольном календаре в тот день, когда принимал Муслина. Позвонили. Ответил Павлов, заместитель начальника ГПУ по Восточно-Сибирскому краю. В календаре сохранилась пометка, сделанная рукой Ионова: «Спросить о Муслине т. Павлова».

Но Люшкову честь мундира была дороже жизни Ионова, и на заседании партколлегии ЦКК он доложил, что первый секретарь Иркутского горкома оказал содействие троцкисту Муслину, бежавшему из тюрьмы.

— Если дело обстоит так, как вы доложили,— настаивал Ионов,— почему Муслин сразу исчез из Иркутска, даже не попрощавшись?

И членам партколлегии стало ясно, что Люшков здесь «недоработал».

...Декабрь 1934-го. Люшков в составе ежовской бригады расследует обстоятельства убийства Кирова.

Год 1937-й. Люшков, уже достаточно зарекомендовавший себя на ниве сыска и провокаций, назначен начальником управ-ления НКВД Азово-Черноморского края. Резиденция нового сталинского эмиссара — Ростов-на-Дону. За короткий срок он сумел вскрыть и ликвидировать один за другим три «контрреволюционных право-троцкистских центра». По его указанию расстреляны сотни коммунистов, весь партийный актив Дона.

Люшков удостоивается личной благодарности Сталина и ордена Ленина, о чем поведала миру ростовская газета «Молот», — «за образцовое выполнение важнейших заданий партии и правительства».

Сталин уничтожил главу органов Дальневосточного края Т. Д. Дерибаса. Послал на это место наркома внутренних дел Украины В. А. Балицкого, «проглядевшего» И. Якира. Через несколько месяцев расправился с Балицким. Кто следующий? Последовало решение о направлении на Дальний Восток Генриха Люшкова, специалиста редких достоинств. После побега Люшкова пост начальника УНКВД генсек доверил М. П. Фриновскому. К тому времени Хабаровск стал трамплином на тот свет. Фриновскому Хозяин отпустил около двух лет жизни...

Люшков чудом избежал судьбы близких сотрудников смещенного Ягоды. Но уж созрела для отстранения команда Ежова. Дважды чудо не повторится...

Новый начальник только начал разворачивать «работу» на Дальнем Востоке, как пришла телеграмма из Москвы: его вызывали в наркомат. Люшков эту телеграмму никому не показывал и решил сам позаботиться о своей судьбе. Он выехал с группой сотрудников на инспекцию границы. На место прибыли 13 июня. В полукилометре от границы, близ речного моста, Люшков остановил машину.

— Вы останьтесь, а я пойду через мост. Здесь ко мне должен выйти особо засекреченный японский агент. Его никто, кроме меня, не должен видеть.

Люшков предъявил пограничникам личные документы и... перешел на территорию Маньчжурии. На третий день газета «Иомиури» поместила заявление перебежчика. Затем Люшков выступил по харбинскому радио. И люди узнали, как один из любимчиков Сталина, один из многих, уничтожал кадры партийных и государственных работников.

В футляре от пишущей машинки Люшков прихватил сверхсекретные документы — дислокации погранзастав и воинских частей, аэродромов, военных заводов...

К переходу границы Люшков готовился заранее, развелся с женой и отправил ее вместе с дочерью в Москву. Жена рассказывала потом в лубянской камере известному комсомольскому работнику В. Пикиной, что муж, настаивая на разводе, сказал только два слова: «Так надо». После допросов жену изменника доставляли в камеру на носилках. Ее просто растерзали. Потом ликвидировали родителей в Одессе. И всех родственников.

Год 1948-й, поселок Абезь, столица Северо-Печорского ИТЛ. С новым этапом прибыл бывший начальник штаба Квантунской армии. Японского генерала спросили:

— Куда делся ваш агент номер 1?

— Какой агент?

— Люшков, конечно...

Генерал удивился: «Как, за тысячи километров от Маньчжурии, в лагерной зоне, его спрашивают о Люшкове?..»

— У нас в Японии не верят предателям, их не любят. Если он предал свою родину, что помешает ему предать еще раз — государство, которое его приютило? Люшков привез с собой документы, которые лишь на первых порах представляли большую ценность. Через три месяца они стоили не больше бумаги. Мы установили ему самые высокий оклад по ведомству разведки. Первое время он был у нас в большом

почете. Но по мере того как доставленные им сведения утрачивали свою новизну, его акции стали падать. Прошло два года. Все это время он получал высокое содержание. Деньги выплачивал ему я лично ежемесячно. Когда он в очередной раз пришел ко мне, мы, как обычно, поговорили немного, я вручил ему пакет с жалованьем и попрощался. Кабинет у меня большой, пока он дошел до двери, я успел всадить ему пулю в затылок из своего кольта. «Уберите эту гадость», — сказал я вошедшему адъютанту.

Рассказ о Наседкине, заместителе начальника управления НКВД Средневолжского края, начнем с 1934 года. Вспомним тот засекреченный химкомбинат на Волге под Самарой, где в ядовитом дыму гибли энтузиасты пятилеток. Однажды нарком тяжелой промышленности Орджоникидзе пригласил к себе директора комбината Луцкого (назовем его так).

— Скажи мне, пожалуйста, тебе хорошие специалисты нужны?

— Конечно, нужны, товарищ Серго.

— Я тебе дам прекрасных специалистов. Но имей в виду, что это крупные вредители. Они проходили по «делу» Рамзина как члены «Промпартии». Если ты встретишь их по-человечески и они почувствуют, что им доверяют, лучших работников тебе не найти.

Так Луцкий заполучил трех «вредителей». Одного, энергетика Яковина, он запомнил на всю жизнь. В мифическом правительстве Рамзина лубянские драматурги прочили его на пост заместителя премьера. На химкомбинате Яковин занял скромную должность начальника ТЭЦ.

Комбинат объединял одиннадцать заводов. Особенность производства требовала непрерывной подачи электроэнергии. Неожиданный перебой в работе ТЭЦ мог вызвать взрыв. Подобное случилось недавно на заводе № 7.

...В кабинете директора зазвонил тревожно телефон: на ТЭЦ авария, остановилась одна из трех турбин. Луцкий застал на месте бледного, растерянного Яковина. Начальник ТЭЦ слишком хорошо понимал, чем для него лично это может кончиться. Пришел уполномоченный органов, тупой, самодовольный детина с двумя ромбами в петлицах. Он дергает директора за рукав, но тот отмахивается. Детина настаивает, он требует зловещим шепотом немедленной аудиенции с глазу на глаз. В отдельном кабинете детина, представ-

ляет директору список восемнадцати «вредителей-диверсантов», подлежащих немедленному аресту. Носителю ромбов удалось вскрыть опасную для государства вредительскую организацию.

— Пошел ты к такой-то матери! — ответил в сердцах Луцкий. — Ты мне, что ли, турбину пустишь?..

Директор вернулся в машинный зал, собрал инженеров во главе с Яковиным и позвал к себе в кабинет. Уполномоченный НКВД, сославшись на крайнюю занятость, не явился. Яковин составил тут же список нужных специалистов и спецификацию материалов для восстановления турбины. Немедленно — шифрованную телеграмму в Москву, Орджоникидзе. Серго ответил через несколько часов: «Самолет с пятью специалистами и материалами вылетает».

Первым секретарем крайкома работал в ту пору Владимир Шубриков, кандидат в члены ЦК. Он вызвал к себе Луцкого и сказал, что уполномоченный органов уже успел нажаловаться...

Следующий визит директора — к начальнику управления НКВД Фоме Леонюку. Старый чекист ничьей крови не жаждал и отказал своему уполномоченному в санкции на аресты. Заместитель Леонюка Наседкин относился к репрессиям иначе, но против начальства не пошел.

Турбину через неделю восстановили. Специалистов спасли от верной гибели. То был год тридцать четвертый.

Настал год тридцать седьмой. Средневожский край преобразован в Куйбышевскую область. На место Леонюка пришел Иван Попашенко (именно он «брал» командующего Приволжским военным округом Тухачевского). За Попашенко — Журавлев. Вместе с Наседкиным они развили угодную Сталину деятельность. Все тюрьмы края были набиты членами «контрреволюционных центров»: троцкистского, правотроцкистского, зиновьевского, троцкистско-зиновьевского... За решетку попали первый секретарь обкома Шубриков, второй секретарь Александр Левин (ранее работал начальником политуправления МТС) и председатель крайисполкома Г. Т. Полбицин, и секретарь крайкома по сельскому хозяйству Филипп Ксенофонтов, подлинный автор «Вопросов ленинизма» — труда, присвоенного Сталиным. (На Ксенофонтова пришло особое указание, и его убили на допросе, не доведя до судилища.) Расстреляли всех начальников цехов, ведущих инженеров комбината и заводов. Им припомнили ту «вредительскую акцию» 1934 года.

Усердие Наседкина не осталось незамеченным: по представлению Ежова Политбюро направило Наседкина в Белоруссию наркомом внутренних дел.

Судьба сталинского опричника, кто возьмется ее предугадать?.. Март 1939 года Наседкин встречается во внутренней тюрьме Лубянки. Интересные вещи рассказывал перед смертью Наседкин.

«...Собрал как-то Ежов всех республиканских наркомов НКВД.

— Вот на Украине идет работа! Можно всем поставить в пример: 20 тысяч польских шпионов разоблачили».

Что делать Наседкину? Нет у него в Белоруссии польских шпионов. Никаких шпионов нет. Попробовал сажать руководителей промышленности. Возьмет одного директора завода — Орджоникидзе вмешивается. Не дает свои кадры Серго в обиду. Арестует Наседкин директора предприятия пищевой промышленности — Микоян требует объяснений... Как-никак члены Политбюро.

Так и пропал бы Наседкин-нарком, не вспомни он о евреях-«лавочниках». В короткое время арестовал 12 тысяч. Меньше, чем украинский коллега, но все же... «Материал» оказался удобным: в шпионаже признаются сразу. И заступиться за них некому. Так и пошло.

Вызвали Наседкина в Москву, на Политбюро заслушали его доклад — «О политическом положении в Белоруссии». Похвалили народного комиссара: прекрасно борется с врагами. Обласканный кремлевским солнцем, вернулся Наседкин в Минск и пустил всех арестованных через свое ОСО — особое совещание. Когда осталось в живых всего 800 «врагов», поступила срочная телеграмма из Москвы: «Встречайте комиссию. Репрессии приостановить».

Опять не угодил?.. Пришлось наркому за одну ночь 800 оставшихся «шпионов» дострелять.

Теперь можно встречать любую комиссию...

Сталинская стратегия массовых казней допускала небольшие паузы, когда Вершитель судеб давал команду — наказать того или другого из самых ретивых опричников, для примера. Нет, конвейер не останавливался ни на минуту. Просто органы пропаганды запускали на агитационную орбиту очередную «утку»: Отец народов проявил заботу о соблюдении социалистической законности.

И миллионы счастливых строителей социализма принимали утку псевдоборьбы с «перегибами на местах» за белого лебедя добра и правды...

Вот и попал наш Наседкин как «перегибщик» на Лубянку. В первый месяц его вызывали на допросы часто. Однажды ночью камера была разбужена необычным шумом. Вошли надзиратели, окружили койку Наседкина. Он вскрыл себе вены и залил кровью пол. Его унесли, остальных срочно разместили по боксам, потом с каждого взяли подписку о неразглашении ночного происшествия и вернули в ту же камеру. Через пять дней вернули Наседкина, поставили его кровать посередине камеры. Рядом с кроватью на табуретку положили масло, молоко, котлеты и другую сугубо нетюремную пищу. Начальник внутренней тюрьмы Винокуров навещался ежедневно. Видимо, очень нужны были кому-то показания бывшего наркома.

О казни Наседкина стало известно лишь в 1954 году весьма узкому кругу лиц.

Семьям многих тысяч уничтоженных «шпионов» ничего не сообщили до сих пор.

Таких, как Люшков, Наседкин, можно, не задумываясь, назвать функционерами смерти. А как быть, например, с Александром Косаревым или Розалией Землячкой, Михаилом Калининым? В 1937 году судьба свела с ними украинского журналиста Евсея Десятника. Его арестовывали дважды, первый раз в 1935 году, сразу же по окончании Украинского коммунистического института журналистики, второй — через год. Каким-то образом ходатайство его матери попало к Сталину, и дело Десятника закрутилось в обратную сторону. Освобожденного летом тридцать седьмого «врага народа» принял А. Я. Вышинский и после краткой беседы направил к председателю Комиссии советского контроля Р. С. Землячке. Три часа слушала старая большевичка рассказ о тюремных страданиях Десятника, о следствии, суде и чудесном спасении. Потом подняла телефонную трубку: «Мишенька, это ты? Дорогой, мой, извини меня, что буду говорить тебе сквозь слезы. У меня сейчас этот юноша... Я умоляю тебя, поговори хоть ты с Кобой. Неужели нельзя созвать сейчас, немедленно, ну пусть не съезд, но хотя бы Пленум ЦК, чтобы положить конец разгулу лжи?..»

Евсей Ефимович узнал, что она говорила по телефону с М. И. Калининым. Следующим человеком, кому вчерашний узник поведал свою горькую историю, был секретарь ЦК комсомола Александр Косарев. Он тотчас отвел Десятника к парикмахеру, накормил и вызвал к себе нескольких членов бюро ЦК. Нежданный гость подробно рассказал им о том, «что ждет ленинцев, если не остановить мясорубку».

Вожак комсомолии трогательно попрощался с Евсеем Десятником. Все они — и Розалия Землячка, и Михаил Калинин, и Александр Косарев — сочувствовали жертве террора, тревожились о судьбе партии... И все оказались причастными. Они тоже были подручными Сталина, его людьми.

СТАЛИН ЗАБАВЛЯЕТСЯ

Личность, характер человека проявляются в делах, поступках. Основным, притом любимым делом Сталина, его призванием было убийство. Ни один тиран, начиная от Нерона и кончая Гитлером, не может сравниться со Сталиным по числу жертв.

Но не одной кровью вписал он свое имя в историю. Сей записной комедиант ублажал себя еще и лицедейством.

Он ломал комедию, он кровавую комедию ломал...

Сцены дружеского участия к обреченным на казнь Сталин разыгрывал со вкусом, смакуя каждую деталь. И запасался легендой на будущее. Как заправский актер, он умел контролировать свои действия на сцене и никогда не упускал из виду реакцию публики. Пусть отданный на поругание деятель, его вчерашний соратник, уйдет на дыбу с образом доброго, справедливого и веселого Кобы. Пусть все думают, что это Ягода, Ежов, Берия творят произвол, обманывая Вождя. Что это — интриги Молотова, Кагановича или, если угодно, Жданова, Маленкова... Пусть весь народ — ныне и присно — думает, будто Сталин ничего не ведал.

Легенда получилась на удивление живучей. Он все верно рассчитал, ночной Мыслитель.

Лишь недавно смыто позорное клеймо с «правых» — Бухарина, Рыкова, Томского. История преследования Николая Бухарина, его «разоблачение», осуждение и казнь напоминают знакомую с детства игру. В августе 1936 года «Правда» публикует заявление Вышинского. На основании показаний некоторых обвиняемых прокуратура начинает расследование контрреволюционной деятельности Угланова, Радека, Пятакова и группы «правых». Через две недели та же «Правда» сообщает, что «дело» «правых» — Бухарина, Рыкова, Томского — прекращено.

И прокурор и газета действовали, разумеется, не по своей инициативе. В этой игре в кошки-мышки им отведена роль статистов.

Имеются сведения, что в конце 1936 года проходил закрытый Пленум ЦК. Каганович, Молотов и Ворошилов наброси-

лись на Бухарина с дикими обвинениями. Поначалу генсек слушал своих подручных как сторонний наблюдатель, потом авторитетно и мудро вступил в игру. Он, видите ли, и не подозревал, что товарищи могут быть так агрессивно настроены против любимца партии.

«Я думаю, товарищи, что с делом Бухарина и Рыкова не надо торопиться,— сказал Сталин хорошо наигранным примирительно-доброжелательным тоном.— Против Тухачевского тоже поступил материал, но мы разобрались, и Тухачевский может теперь спокойно работать. Предлагаю решения пока не принимать, а следствие продолжить».

Судьба Тухачевского, Бухарина, Рыкова была уже давно расписана в его узколобой голове, но разве мог Сталин отказать себе в удовольствии лишний раз разыграть отеческое участие?

Прошел еще месяц. В первый день процесса Пятакова Бухарин, Рыков, Томский названы заговорщиками.

На февральско-мартовском Пленуме ЦК 1937 года Бухарин решил предостеречь товарищей относительно НКВД. В органах творится что-то непонятное. У него лично создалось впечатление, что Ежов организовал заговор против партии. Бухарин предложил создать комиссию ЦК по проверке работы органов.

— Я не верю в существование документов, изображающих соратников Ленина в контрреволюционной деятельности,— сказал он, глядя в прищуренные глаза генсека.

Сталин бросил злобную реплику:

— Вот мы вас лично направим в НКВД, вы там все и проверите.

По предложению генсека Бухарина и Рыкова исключили из партии (Томского к тому времени уже не было в живых) и «дело» об их «враждебной деятельности» передали следственным органам.

Кошка закогтила добычу...

Красная площадь 7 ноября 1936 года. Бухарин наблюдает парад войск с трибуны для гостей. Вдруг к нему подходит сотрудник органов: «Товарищ Сталин просил передать, что ваше место — на той трибуне».

О чем думал Николай Иванович, стоя рядом с членами Политбюро на трибуне Мавзолея? Может быть, он вспомнил первые послеоктябрьские годы, когда все руководители жили в Кремле дружной семьей, устраивали веселые потасовки и

он, Николай Бухарин, клал друзей-соратников на лопатки и Кобу среди прочих?.. «Бухарчик» — называл его фамильярно Сталин. Они были на «ты».

...Коба дружелюбно поглядывает на Николая. По площади, чеканя шаг, проходят дивизии, а на Лубянке уже готовят очередной процесс, пытаются «соучастников» Бухарина.

Новый процесс генсек посвятил ему.

Осенью 1936 года Бухарина начали вызывать на «собеседования» в ЦК. Вызывали обычно под вечер, продержат там до рассвета и отпустят. Так длилось почти две недели.

Сталин давал своим жертвам, завтрашним мертвецам, почувствовать вкус смерти — на съездах партии, на заседаниях ЦК, в своем кабинете.

В предчувствии скорой гибели Бухарин составил предсмертное письмо — политическое завещание. Он попросил жену выучить его наизусть, потом сжег текст. Анна Михайловна сохранила в памяти письмо, оно пережило вместе с ней семнадцать лет лагерей...

«В эти дни, — писал Николай Иванович, — газета со святым названием «Правда» печатает гнуснейшую ложь, что якобы я, Николай Бухарин, хотел уничтожить завоевания Октября, реставрировать капитализм».

...«Правда» клеймила «буржуазного наймита», Коба медлил с арестом «Бухарчика», Лубянка дописывала последние страницы сценария грядущего открытого процесса.

П о с т а н о в л е н и е ЦК ВКП(б)

Отменить распоряжение начальника Заготлен тов. И. И. Радченко об увольнении с работы всех исключенных из партии, поскольку это распоряжение противоречит политике партии и нарушает законы СССР, запрещающие увольнять кого бы то ни было с работы за беспартийность».

Это постановление опубликовано не в двадцатом и не в двадцать шестом. Оно опубликовано в «Правде» в 1936 году, 21 ноября, когда миллионы работников — исключенных из партии и вовсе беспартийных — были брошены на конвейер смерти.

В тридцать седьмом Сталин арестовал всех заместителей председателя правления Госбанка Льва Ефимовича Марьясина. Придя к своему близкому другу, Марьясин хотел тут же, в кабинете, покончить с собой. Но друг выхватил у него из руки револьвер.

— Зачем ты меня удержал? — укорял его Лев Ефимович. — Неужели тебе неизвестно, какие там заставляют

романы писать? Перед ними сочинения Эдгара По покажутся забавой...

На Пленуме ЦК, в перерыве между заседаниями, генсек обнял Марьясина за талию: «Ты же наш советский банкир. Ты не пойдешь в услужение к этому презренному врагу Сокольникову. Ты наш...»

Через месяц «нашего банкира» забрали, обвинили во вредительстве. Он погиб мученической смертью на Лубянке.

...Из-за кулис выглянула жабья морда шпика Постельникова. Это он, герой повести Николая Лескова, лобызая знакомого студента, свободной рукой дает знак солдатам взять его.

Последним из заместителей Марьясина взяли Александра (Алешу) Сванидзе, брата Кэто, первой жены Кобы-Джугашвили. Через некоторое время Сталин выпустил его на свободу, но потом опять арестовал.

Та же игра в кошки-мышки... Не Сталин ее придумал, но она стала его любимым развлечением.

Приказ генсека арестовать в конце 1937 года члена ЦК Дмитрия Булатова органы исполнили с опаской: Булатов был в сольвычегодской ссылке вместе со Сталиным, в двадцатые — тридцатые годы возглавлял орготдел ЦК, ведал кадрами НКВД; с образованием Омской области стал первым секретарем обкома. На Пленуме ЦК в тридцать седьмом послушный верховной воле Ежов набросился на Булатова с упреками. «Омская партийная организация, — подытожил генсек, — работает на Колчака».

Арестованного поместили в Лефортово, но от пыток воздерживались. Собрали на него «свидетельства» 27 человек и ждали указаний.

Булатов очень тревожился о семье, он хотел обратиться к Хозяину. Сокамерники не советовали этого делать, они уже испытали на себе отзывчивость властей.

В своем письме Булатов напомнил Сталину о Сольвычегодске, где он оказал будущему Вождю не одну услугу. К общему удивлению, Булатова вскоре вызвали. Ему сообщили, что назначено переследствие. Булатов вернулся в камеру окрыленным, но ему было неловко перед остальными. Хотя план уничтожения ветеранов партии продолжает осуществляться, в отношении его лично в товарище Сталине, видно, заговорила совесть.

В тот же вечер Булатова вызвали с вещами.

Прошло несколько лет. В один из июльских дней 1941 года в общей, человек на двести, камере Бутырской тюрьмы встретились два друга, два старых партийца. Булатова было не узнать: мертвенно-бледный, слабый, он еле передвигался. Оказалось, тогда его из Лефортовской тюрьмы не освободили, а перевели на «дачу пыток» — в Сухановскую тюрьму. Началось обещанное переследствие. Оно закончилось очень скоро: вместо двадцати семи показаний Булатову предъявили семьдесят три. Все семьдесят два секретаря райкомов Омской области дали показания о его «контрреволюционной деятельности». Семьдесят третье дал бывший сталинский нарком Ежов.

О Ежове — рассказ особый. Что касается судьбы Булатова, то утро заседания бригады Ульриха стало для него последним.

Отправляя на казнь Николая Крыленко, Сталин не посчитался с его многолетней службой в органах юстиции. Крыленко с первых лет Советской власти активно содействовал истреблению невинных людей (не он один, не он один...). К сожалению, о нем не скажешь утешительное «не ведал, что творил». Очень даже ведал, участвуя в первых фальшивых процессах в качестве общественного обвинителя.

В 1918 году, выступая в суде по делу контр-адмирала А. М. Щастного, начальника морских сил Балтийского флота, Крыленко потребовал казнить его, хотя и суду, и балтийским матросам было ясно, что Щастного сделали козлом отпущения. Признав как факт отмену смертной казни, Крыленко заметил, что трибунал может все-таки на основании «революционного правосознания» приговорить Щастного к расстрелу.

Старый член партии, участник трех революций, Крыленко в 1917 году вошел в первое правительство, возглавляемое Лениным. Это обстоятельство, и только оно, перевесило в глазах генсека все другие.

Тридцать седьмой год застал Крыленко на посту наркома юстиции. На первой сессии Верховного Совета один из самых коварных сталинских подручных — Джафар Багиров набросился на Крыленко с глупым обвинением в чрезмерном увлечении... спортом. Нарком действительно увлекался альпинизмом, любил шахматы — что с того?.. Но сигнал прозвучал, и Крыленко сняли. Пять дней он сдавал дела диввоенюристу Н. М. Рычкову, работавшему до этого в бригаде Ульриха. Потом Крыленко уехал на дачу.

Неожиданный звонок из Кремля, голос Сталина: «Слу-

шай, Николай Васильевич, ты не расстраивайся. Мы тебе доверяем. Продолжай порученную тебе работу над новым кодексом...»

В ту же ночь группа оперативников НКВД окружила дачу и арестовала бывшего наркома. Опирался ли Сталин в этом случае на революционное правосознание, теперь уж не установить. Но Крыленко он уничтожил. Николая Васильевича застрелил в подвале на улице 25 Октября лично Ульрих.

Иосиф Асцатуров, двоюродный брат известного революционера Богдана Кнунянца (у Богдана были два брата и сестра — коммунисты с первых лет века), инженер-строитель, приехал в тридцать седьмом в Москву в Президиум ЦИКа. Ему вручили орден Ленина — награду за досрочное завершение строительства моста. Беспартийный инженер удостоился редкой чести: его принял сам Сталин. Хозяин отнесся к нему сердечно, поздравил с наградой, изволил проявить живой интерес к планам...

Окрыленный высочайшим приемом, спустился Асцатуров на первый этаж здания ЦК, прошел в гардероб. А там его уже ждали. Инженера препроводили на Лубянку. Потом краснопресненская пересылка и столыпинским вагоном — домой, в Армению. В ереванской тюрьме его навестили родные. Иосиф успел передать сестре письмо для Сталина. Вот Вождь узнает, как с ним поступили, — сразу же освободит его и накажет виновных в произволе.

И сестра поехала в Москву. И отдала письмо на имя Сталина в ЦК. И стала ждать справедливости.

Брат был высок, могуч, красив. Казнь кавказскому Геркулесу придумали лютую: подвесили к потолку камеры за ногу, вниз головой.

Так погиб Иосиф Асцатуров, обласканный Иосифом Сталиным.

На пост генерального секретаря ЦК ВЛКСМ А. И. Мильчакова рекомендовал Григорий Орджоникидзе. Было это в начале 1928 года. Хозяин к нему благоволил, иначе Мильчакова не избрали бы делегатом на четыре последних съезда партии.

По окончании курсов марксизма-ленинизма Мильчакова выдвинули на работу в «большой ЦК» — заместителем заведующего орготделом. С Булатовым у него установились очень хорошие отношения.

Но вот Хозяин задумал обновить весь состав аппарата

Полетели головы, началась переброска кадров... Тут подоспело постановление ЦК об организации треста Востокзолото, и Мильчакова послали замдиректора в Иркутск. Там уже работал один кандидат на тот свет, Александр Яковлев, старый большевик.

Мильчакова тяготила канцелярская работа, он попросился на производство. Его назначили директором Бaleyского золотодобывающего комбината. Там он заслужил орден Ленина. Но без высшего образования руководить предприятием как-то неловко, и Мильчаков вернулся в Москву, в Промакадемию.

...Светлый сентябрьский день 1937 года. Мильчаков сидит в приемной первого секретаря Бауманского райкома Гутина. Сейчас его пригласят на заседание бюро и отберут партбилет — так заканчивается процедура утверждения решения первичной организации об исключении «врагов народа» и их «пособников».

Вдруг из кабинета выходит Гутин, хватает Мильчакова за руку:

— Саша, дорогой, поехали!

— Куда?

— Едем скорей! Тебя вызывает Сталин.

Приехали в Кремль. Гутин втолкнул Мильчакова в кабинет, а сам остался в приемной.

В кабинете двое. По ковру прохаживается, с трубкой в зубах, Сталин, в кресле Лазарь Каганович, необычно смущенный...

Сталин сердечно обнял Мильчакова:

— Саша, дорогой! Как же это получилось?..

И, повернувшись к Лазарю, продолжал с драматическими нотками в голосе:

— Что делается в Московской организации! До чего дело довели! Исключить из партии такого человека! — Мильчакову: — Садись, дорогой, садись. Что они с тобой сделали!.. Ай-яй-яй... Сейчас мы все поправим. Вот что, дорогой. Тебе — важное поручение Центрального Комитета. Получи выписку из решения правительства. Тебя назначают заместителем начальника Главзолото. Серебровского знаешь? Злейший враг народа. Понимаешь, он передал Троцкому 50 миллионов в золотых слитках. Что сделал злодей, а?..

Мильчаков знал Серебровского как честного большевика, которому доверял Ленин. Как умного, душевного человека, энергичного организатора тяжелой промышленности. Но усомниться в искренности Вождя Саша не мог. А Сталин не

жалел красок: проклятья на голову «этого коварного изменника» чередовались с кавказскими объятьями-поцелуями.

И стал Саша Мильчаков заместителем, а потом начальником Главзолота. И полтора лет не прошло, как за ним приехали...

Почему его не казнили? В Норильске, в каменном карьере, Саша Мильчаков вместе с тысячами таких же зэков добывал кайлом известняк. Кому нужен этот камень? Что здесь будут строить? Каков проект? Эти вопросы задал начальнику ОЛПа член комиссии ЦК, прибывший туда уже после войны.

«Никто ничего не знает, — ответил начальник. — Нам приказано обеспечить выход на тяжелые работы всех врагов народа, стопроцентный выход. Зачем открыли карьер, не знаю. Никакой техдокументации, никаких иных указаний...»

В диком Заполярье предстояло построить крупный металлургический комбинат. Срок — три года. А «рабсила» — покорные зэки — не всегда покорны. Недавно группа заключенных умудрилась приспособить бумажных змеев для разбрасывания листовок с призывом... нет, не с призывом противиться произволу Кремля, они просили нормальной пищи и права переписки с родными.

При подавлении «восстания» охранники расстреляли 150 человек. Комиссии поручено проверить обстоятельства дела, а попутно — целесообразность содержания в Норильске женского лагеря. Привезли туда пять тысяч «шпионок», а специфически женской работы нет. Комиссия насчитала лишь 137 подходящих рабочих мест. (Будто в других лагерях женщин не использовали на тяжелых земляных работах...)

В Москве комиссия предложила прежде всего эвакуировать из Норильска женский лагерь. Министр внутренних дел Круглов просил у ЦК отсрочки, но мозговой центр партии был настроен решительно, и министра обязали вывезти женщин, невзирая на зимнее бездорожье. Надо сказать, что арестантские этапы прибывали в Норильск только во время короткой летней навигации, водным путем. Что уж там придумал начальник, но распоряжение ЦК выполнил в срок.

...Осенью 1948 года генсек спросил у Круглова: «Где сейчас Мильчаков? При нем Главзолото неплохо работало... Если он жив, привези в Москву».

Мильчаков в ту пору работал плановиком-экономистом на 7-м лагпункте. Туда он попал по распоряжению Завенягина, который случайно увидел Мильчакова в карьере.

Новый, 1949 год Александр Мильчаков встретил в бутыр-

ской одиночке. По всему было видно, что его щадили: ведь в Лефортове могли и кости переломать. Дали свидание с женой и сыном, всячески обхаживали Круглов и Абакумов, поочередно уговаривали: «О тебе вспомнил товарищ Сталин. Он хочет предложить работу. Ты ведь уже отбыл десять лет, теперь-то можешь сказать о том, что сибирские партийные руководители готовили план устранения Сталина. Признай это, и тебя простят, генералом станешь, как Завенягин».

Но Мильчаков отказался клеветать. «Учти,— предупредил Круглов,— этим вопросом интересуется лично Лаврентий Павлович. Ты ведь знаешь, у нас никого зря не арестовывают». В этих уговорах прошло несколько месяцев. Берия доложил генсеку: «Десять лет сидел Мильчаков, но так ничего и не понял».

Сталин махнул рукой. «Зачем его в Норильск отправили? Раз он разбирается в золоте, пошли его на Колыму».

Мильчакова загнали в магаданский лагерь, на лесоповал. Вместо имени и фамилии — каторжанские номера на шапке и бушлате, баланда да холодный барак...

Так Хозяин вторично трудоустроил Сашу Мильчакова.

После ареста конструктора С. П. Королева его жена пришла в Кутафью башню Кремля и вручила дежурному письмо на имя генсека. Она просила товарища Сталина о помощи. Прошло время, но никаких мер никто не принял, ответа не последовало. Позднее она поняла, что дежурный в тот день попался не из самых равнодушных, он просто не отправил письмо по назначению. В ином случае она сама угодила бы в тюрьму. Так случалось почти со всеми.

В связи с этим мне вспоминается история профессора Г. М. Данишевского, осужденного по «делу» об отравлении Максима Горького на десять лет лагерей. После ходатайства жены профессора о пересмотре дела ему добавили к сроку еще пять лет.

ЗАБОТЫ... ЗАБОТЫ...

Растление человека начиналось на ранней стадии, в многомиллионной пионерской организации, подшефной комсомола. Нет, еще раньше — в детских садах, где несмышлениши, вставая от обеденного стола, дружно скандировали:

За детство счастливое наше
Спасибо, родная страна!

...В комнате для игр на стене висит портрет Сталина с черноволосой девочкой на руках. Шестилетняя Геля подарила Вождю букет цветов. Среди гостей был ее папа, Ардан Маркизов, нарком земледелия Бурят-Монгольской АССР. Через несколько лет Гелин папа окажется «врагом народа» и его уничтожат.

Дети с умилением глядят на портрет Вождя, на его добрые усы, и никто им не расскажет о судьбе родителей девочки.

Диву даешься, как это Сталин, постоянно занятый изысканием эффективных и эффектных способов истребления взрослого населения, находил время для детей. 7 апреля 1935 года он обнародовал постановление ЦИК о привлечении к уголовной ответственности начиная с двенадцати лет. С того исторического дня детей в стране социализма стали судить наравне с родителями. И наказывать наравне, вплоть до расстрела.

Значит, было за что...

В июне в Москву приехал Ромен Роллан и был принят Сталиным. Писатель спросил генерального секретаря: чем вызвано принятие этого закона, вызвавшего недоумение на Западе?

«Наши враги из капиталистического окружения, — ответил Сталин, — не знают устали. Они проникают повсюду, засылая своих агентов в лоно семьи и церкви, заражают ненавистью женщин и детей. Факты говорят сами за себя: не так давно нам стало известно, что несколько молодых женщин из дворянских семей смогли благополучно проникнуть в окружение руководителей партии, с тем чтобы их отравить...

Враги толкают этих женщин на преступление, и те воображают себя Шарлоттами Корде. С детьми дела обстоят еще хуже. Повсюду возникают подпольные банды подростков человек по пятнадцать; объединяясь, они вооружаются ножами для того, чтобы убивать «ударников» — лучших мальчиков и девочек (и не по политическим причинам, а просто за то, что те «ударники», хорошие ученики). Их подстрекают взрослые, которым платят наши враги. И они убивают, насиловуют девушек, заставляют их становиться проститутками, и все в таком роде. Об этом стало известно совсем недавно: когда убили какую-то девочку, вдруг выплыли факты двухлетней и трехлетней давности. Нас слишком поглотили политические заботы, мы занялись колхозами, мы не знали, у нас не хватало времени... Когда узнали — это сразило нас. Как быть? Нам понадобится два или три года, чтобы искоре-

нить всех этих разбойников, и мы добьемся своего. Но для этого необходимо внушить страх».

Трудно в это поверить, но великий гуманист Роллан удовлетворился аргументами людоеда. Иначе бы он не просил у него разрешения опубликовать запись беседы. Генсек не дал согласия на это. Почему?..

ОЗАР. Эту «контрреволюционную террористическую организацию» под кодовым названием «Отомстим за родителей» выдумал какой-то уж очень охочий до высоких чинов средний лубянский чин. Из детей погибших «врагов народа», зачисленных в ОЗАР, назовем двоих: Леонида — сына Д. Крымского, заведующего отделом МГК, и Анатолия — сына С. Рабена, работника Наркомлеса. Этим следователям сломить не удалось. Многие же вынуждены были признать свою принадлежность к мифической ОЗАР. Всех пропустили через ОСО. Не все пережили ИТЛ. (Мы не заметили, как перешли на марсианский язык.)

Число арестованных детей можно обозначить семизначной цифрой. Скольких оторвали от родного дома, заклеив печатью ЧСР — члена семьи репрессированного, сколько выжило? Статистике не под силу определить размеры бедствия, рядом с которым библейские ужасы — невинная сказка. Но личное участие Сталина в истреблении детей — факт непреложный. Отец родной не оставил своими заботами ни одного ребенка им же уничтоженных соратников Ленина, видных деятелей.

Сына В. В. Осинского — Дмитрия арестовывали дважды. Первый раз — вместе с Андреем Свердловым, второй — в тридцать седьмом, вместе с отцом. В тот день жена Дмитрия вернулась из родильного дома с младенцем сыном...

Мы уже называли имя соратника Ленина Петра Запорожца, умершего задолго до массовых репрессий. Детей его Сталин убил.

Летом 1918 года Баку жил под угрозой турецкой интервенции. Большевистский Совет решил покинуть Азербайджан. Комиссары отплыли в Астрахань, но местные власти (Центрокаспий) вернули их силой в Баку. Спасся один Борис Шеболдаев. Он прыгнул за борт, был ранен в плечо и все же добрался до острова Жилое. Там он укрылся у рыбаков.

Через месяц, чудом освобожденные из Баиловской тюрьмы, комиссары вторично отплыли из Баку, но команда вопреки их желанию повернула судно на Красноводск. Комиссаров расстреляли 20 сентября.

Шеболдаев уцелел, но в 1937 году нашелся в Кремле

человек, который взялся исправить ошибку истории. Борис Шеболдаев возглавлял Северо-Кавказский крайком партии. Хозяин перевел его в Курск. Там его и взяли. Жена Лика с детьми отказалась уехать в глушь, как ей советовали. Бориса с Ликой свела вместе первая мировая война. Лика была сестрой милосердия на турецком фронте. Потом молодые Шеболдаевы защищали Советскую власть на южных фронтах, стали партработниками,

Сестры Лики, Валентина и Антонина, не оставили ее в трудную минуту. Они взяли ее из родильного дома с малышом и увезли в подмосковную Верею. Гости с Лубянки появились через полтора месяца. Сначала забрали Лику, через несколько часов двухлетнего Володю и малыша. Валентина собрала узел белья и чуть ли не силой забралась в автомобиль. Когда машина въехала в город, женщину выбросили на ходу. Очнулась она на Таганской площади в окружении толпы любопытных.

Спустя год сестры разыскали детей в доме матери и ребенка на Ленинградском шоссе. Няня рассказала им, что малышей время от времени куда-то увозили. Возвращались они в слезах.

Сколько таких допросов выдержала мать, кто считал? Лика сошла с ума. Она успела только, собрав остатки воли, рассказать о случившемся своей сокамернице. Ею оказалась Лилия Ивановна Радзутак, племянница старого большевика, соратника Ленина. На прогулке в тюремном дворе она поет арии из опер. Вот когда, вот где пригодилась ей миланская вокальная школа... Лилии кажется, будто дядя жив, он сидит в той угловой башне, он услышит ее...

В то время в Бутырках находилась кормящая мать — Клавдия Назаретян, у которой тоже отняли младенца. В женском отделении тюрьмы вспыхнул бунт, все требовали возвращения детей.

На этап психически больные Лилия и Лика попали вместе. Но в котласской тюремной больнице их разлучили: невменяемую Лику поместили в особую камеру и положили на зарешеченную койку. Под шатром-решеткой кончились ее дни. Как в сказке.

А в Москве Валентина продолжает искать арестованных младенцев — детей Шеболдаевых. Год уже ищет, все «отоматмлады» обошла (на нормальном языке это значит — отделы охраны материнства и младенчества). И по второму кругу обошла. Из последнего отдела выходила — упала в обморок. К ней подошла высокая женщина в халате и спро-

сила: «Что с вами?» Это была несомненно не рядовой инспектор. Выслушав историю Валентины, посоветовала прекратить розыски, обещая помочь. Через некоторое время она-то и сообщила Валентине о том, что дети находятся в доме матери и ребенка на Ленинградском шоссе под фамилией Воробьевы. Сестры забрали мальчиков и уехали с ними в Урюпинск. Адреса не сообщили никому.

В сорок втором старший ушел на фронт добровольцем и погиб в бою. Средний умер от дифтерита. Выжил лишь младший, Сергей. В пятьдесят четвертом он поступил в институт стали, который по кощунственной иронии судьбы носил тогда еще имя Сталина — убийцы Бориса и Лики Шеболдаевых.

Сергей Шеболдаев ищет того, кто мог бы рассказать о последних днях матери.

Объяснение беспощадной жестокости Сталина следует искать не в беспричинном садизме и не в озлоблении против всего света, а в его агрессивном утопизме. Тиран служил и д е е, пусть усвоенной им догматически, но — идее. Он всерьез считал себя единственно верным интерпретатором марксизма, способным указать народам правильный путь к счастью. В каждом противнике своей модели социализма генсек видел врага. В том, кто не желал преклоняться перед ним, усматривал противника системы. Способ расправы подсказывала Сталину его преступная натура.

Когда он арестовал Алешу Сванидзе, на Лубянку привезли и его одиннадцатилетнего сына Вано (родители называли его Джонрид). От ребенка требовали показаний против отца. После гибели Сванидзе Сталин заключил его шестнадцатилетнего сына в казанскую тюремную психиатрическую больницу, где Джоник провел пять лет. Оттуда его направили в истребительные лагеря. Он вынес каторгу на медных рудниках Джезказгана.

Вероятность того, что Сванидзе-младший отомстит за отца при существовавшей системе охраны была не больше той, что Кремль провалится в преисподнюю, со всеми прорицателями, вешателями, управителями... Но вероятность существовала в трусливом воображении Сталина. И он распорядился оставить юношу там же на вечное поселение.

Вернулся он в Москву лишь в 1956 году, оставив в тюрьмах девятнадцать лет. Жизнь на воле сложилась так. По окончании исторического факультета МГУ и аспирантуры Джонрид Сванидзе — теперь его называли Иваном Александровичем — поступил в Институт Африки. Женился он (чего только не случается в жизни!..) на дочери Сталина Светлане Аллилуевой.

Генсек преследовал детей своих близких подручных. Пусть трепещут, пусть служат за страх. Совести с них не спрашивают. Он уничтожал детей давно ушедших из жизни революционеров с той же железной последовательностью, с какой преследовал детей репрессированных им в тридцатые годы.

Родственные узы его тоже не удерживали.

Кого же он щадил, великий Друг детей? Не было таких. Была одна всепожирающая месть и неуголимая злоба. Ее с лихвой хватило и на комсомольцев.

Александр Мильчаков был чуть ли не единственным уцелевшим секретарем ЦК ВЛКСМ, чудом уцелевшим. Если принять за чудо семнадцать лет истребительных лагерей. Подлинная история комсомола еще не написана. Почему? На этот вопрос ответил сам Мильчаков в предисловии к своей книге «Первое десятилетие»: «Ведь не случайно же уничтожили Сталин и его приспешники почти всех честных ленинцев, возглавлявших комсомол в годы первого двадцатилетия».

В этой книге Саша Мильчаков рассказывает о страшной судьбе комсомольских вожаков. Среди них секретари ЦК двадцатых — тридцатых годов: Оскар Рывкин, Петр Смородин, Лазарь Шацкий, Николай Чаплин, Александр Косарев...

Из четырех братьев Чаплиных террор пережил лишь младший, Виктор, студент Ленинградского университета. В тридцать седьмом ему минуло двадцать лет. Первым взяли Николая. Он участвовал в ликвидации кронштадтского мятежа, потом служил на флоте. Окончил авиационное училище имени Льва Троцкого в Коктебеле, был заслан в Финляндию как разведчик-резидент. Во многом — типичная биография комсомольского руководителя.

...На очную ставку с братом Сергеем его принесли на носилках. Клочки седых волос на голове, зубы выбиты, ребра сломаны. Давно ли все любовались молодым силачом, настоящим Геркулесом... Не сразу признал и Николай брата, полуослепшего от пыток, с разбитой головой, опухшим лицом. Николай сказал брату:

— Сережа, подписывай все, что ни дадут, иначе будешь в таком же состоянии.

«Признания» не спасли Сергея. Его отправили в Магадан. Там обвинили («лагерное дело») в подготовке вооруженного восстания и расстреляли. О его судьбе поведала жена, Вера Михайловна. Этапные дороги свели супругов на пересыльном пункте. В лагере погиб и старший Чаплин, Александр Павлович, бывший сотрудник Луначарского.

Список погибших бесконечен. Вот имена секретарей ЦК комсомола и исполкома Коминтерна молодежи, попавших в годы сталинщины за решетку и за колючую проволоку: Оскар Тарханов, Римма Юровская, Владимир Фейгин, Петр Петровский, Андрей Шохин, Дмитрий Матвеев, Георгий Иванов, Рафаэль Хитаров, Гусейн Рахманов, Игнатий Шаровых, Павел Горшенин, Сергей Андреев, Дмитрий Лукьянов, Василий Чемоданов, Сергей Салтанов, Валентина Пикина... Лишь единицы дожили до реабилитации. О каждом можно писать роман, нет — трагедию. Каждый в меру сил и таланта служил тирану и растил поколение ослепленных.

Вожак комсомола Александр Косарев по поручению Сталина провел в декабре 1935 года чистку рядов ленинградского комсомола. Он буквально разгромил городской комитет. Сталин не оставил своими милостями старательного посланца и выдвинул его на пост первого секретаря ЦК ВЛКСМ вместо Мильчакова. Он должен был стать исполнителем воли органов — выявлять и уничтожать врагов везде — в школах, вузах, на заводах, в колхозах. И чем больше, тем лучше. В плане превращения страны в грандиозный тюремный барак четырехмиллионной комсомольской организации была отведена роль вспомогательного шпионско-карательного корпуса.

Видимо, сразу переварить эти эпохальные предначертания генсека и оперативно на них откликнуться Косарев готов не был, и Сталин решил «подправить» младшего товарища. Вызвав к себе трех секретарей «малого ЦК» — Косарева, Горшенина и Пикину, Сталин в присутствии Ежова упрекнул Косарева: «ЦК комсомола не помогает органам НКВД разоблачать врагов народа». И дал комсомольским вожакам соответствующую категорическую директиву.

Это происходило в кабинете Вождя 21 июля 1937 года. А через год, когда на Лубянке утвердился Берия, Сталин решил, что пришла пора обновить руководство комсомола, не справившееся с главной задачей дня. (Они ли не старались! Сколько комсомольских организаций за один год обезглавили!..)

На экстренный пленум ЦК ВЛКСМ, созванный 19 ноября 1938 года по указке генсека, явилась почти вся бригада: Молотов, Маленков, Жданов и Шкирятов. Почва была подготовлена весьма поверхностно, зато в полном соответствии с личными пожеланиями Вождя. Орудием провокации Сталин избрал на этот раз работника ЦК ВЛКСМ Ольгу Мишакову. Она обратилась к генеральному секретарю за помощью про-

тив диктата Косарева. Попутно Мишакова обвинила первого секретаря ЦК комсомола в либерализме: будучи в Горьком, Косарев не выявил ни одного «троцкиста». Тем самым он прикрыл своим авторитетом врагов народа. Получив этот тревожный сигнал, ЦК партии решил послать в Горький Мишакову. Она сумела найти и разоблачить множество матерых «троцкистов», пробравшихся в местную комсомольскую организацию.

Вот по какому поводу собрался экстренный пленум ЦК ВЛКСМ.

По случаю предстоящих похорон «малого ЦК» Сталин мог бы явиться в трауре, но он предпочел обычный полувойсковой костюм. Генсек сидел поодаль и, покуривая трубку, слушал яростные, им же инспирированные нападки своих подручных на руководителей комсомола, которые «преступно потворствовали врагам партии». Когда очередной оратор, выступая в прениях, заявил, что Косарев не сумел разглядеть изменников в своем ЦК, Жданов с хорошо откормленным возмущением бросил с места:

— Как это Косарев не сумел разглядеть?!

— А может быть, не хотел разглядеть? — добавил тихо, но со значением генсек.

После этой директивной реплики прения пошли по нужному руслу. ЦК комсомола, эта «косаревская банда», был уничтожен в полном составе в несколько дней.

Провокатора Мишакову вознаградили должностью секретаря ЦК ВЛКСМ. И полетели комсомольские головы. Это называлось тогда «укрепить руководство»...

АРМИЯ БЕЗ КОМАНДИРОВ

Истребительная война Сталина против собственного народа не могла не затронуть армию. Он опасался командования Красной Армии как потенциальной силы возможного мятежа. Свирепость и трусость довольно часто уживаются в одном человеке. Трусость Сталина, помноженная на подозрительность, давно подсказала ему решение.

Начинать надо было летом тридцать седьмого — не позже и не раньше. Народ к тому времени был достаточно разогрет истерией шпиономании. Откладывать разгром командования — значит рисковать всем достигнутым. Массовые аресты ветеранов партии могли поколебать даже самых преданных командиров. Одно дело, когда вмешивается Горький (вовремя убрал «буревестника!»), Бухарин или эта кликуша Крупская.

И совсем другое, если начнут роптать полководцы. Давно ли военные совершили государственный переворот в Испании. Теперь генералы у власти, и никакая сила их не сдвинет. Ибо они сами сила.

Нет, лучше обезопасить себя с этой стороны и дать наконец волю застарелой зависти к талантливым стратегам. Он, видите ли, на скрипке играет, Тухачевский. Посмотрим, как он на Лубянке запоет...

Все началось с ареста в июле 1936 года командира отдельной механизированной бригады Д. А. Шмидта, который якобы планировал... поход на Москву. На всякий случай на Лубянке из Шмидта выбили и другие показания: будто бы он приказал незаметно приводить в негодность материальную часть. Все это никак не вязалось с биографией проверенного в боях командира червонного казачества. Шмидт вступил в партию еще до революции, храбро сражался на фронтах гражданской войны и питал вполне естественное уважение к председателю РВСР Л. Троцкому. Когда того накануне XV съезда исключили из партии, Шмидт примчался в Москву. Обругав при всех генсека, он, сделав привычный кавалерийский жест правой рукой, добавил с яростью: «Смотри, Коба, уши обрублю!»

Кроме Шмидта тогда же, в тридцать шестом, взяли начальника штаба авиасоединения Б. Кузьмичева, комдива Ю. Саблина и еще нескольких соратников И. Якира. Тут уже действовал план. Но Шмидт еще не терял надежды на спасение, он сумел послать записку Ворошилову, и тот зачитал ее на заседании Военного совета 1 июня 1937 года. Этот совет, учрежденный недавно при наркоме обороны как совещательный орган, должен был, по мысли Сталина, санкционировать арест высшего командования.

Заседание открыл Ворошилов. Рассказав о «заговоре», он упомянул о записке Шмидта. Боевой комбриг, кавалер двух орденов Красного Знамени, писал: «...помогите мне, ведь Вы, Климент Ефремович, меня знаете лучше всех, я не совершал никаких преступлений».

Ворошилов: «Я звоню Ежову и прошу доложить подробно, что вышло у Шмидта. Через три дня я узнал, что Шмидт готовил на меня покушение в Театре оперы и балета в Киеве, когда мы смотрели концерт для участников больших киевских маневров. Теперь подумайте — как я могу вмешиваться в аресты, которые проводятся НКВД...»

На заседание вызвали 120 командующих и комиссаров.

Каждого при входе обыскивали, оружие оставляли в проходной. Каждому вручали синюю папку с копиями показаний, уличающих в предательстве Тухачевского, Уборевича, Якира, Корка, Путну, Примакова... Из этих синих папок многие узнали о своем собственном участии в... шпионаже и заговоре против Кремля...

В президиуме — члены Политбюро во главе со Сталиным. Рядом с Вождем Ворошилов и Ежов. Ораторы по очереди клеймят позором изменников. По ходу спектакля-заседания сотрудники НКВД подносят новые папки со свежими показаниями арестованных. Ежов наклоняется к Хозяину и шепотом называет имена только что разоблаченных изменников. Еле заметный величавый наклон головы, и вот уже очередного предателя выводят из зала. Еще одного. И еще...

Оставшиеся горячо клянут новоявленных врагов и не менее горячо клянутся в верности Вождю.

Кто следующий? Все спешат записаться в очередь к трибуне. Лицо Хозяина строго-торжественно. Где они, те мягкотелые интеллигентки, что корили его за жестокость? Все видят: заговорщики свили свое гнусное гнездо в самом сердце армии. Да, сегодня его, Сталина, день. Коварный враг будет уничтожен праведной рукой народа. Хозяин как будто углубился в свои судьбоносные мысли... Но нет, он все видит, все замечает. Зашевелились усы, и он сказал:

«Товарищи, я вижу на ваших лицах мрачность и какую-то растерянность. Понимаю, что тяжело слушать о тех, с которыми мы десятки лет работали и которые теперь оказались изменниками Родины. Но омрачаться не надо. Это явление закономерно. Почему иностранная разведка должна интересоваться областью сельского хозяйства, транспорта, промышленности и оставить в стороне Красную Армию? Надо думать наоборот, иноразведка всегда интересовалась вооруженными силами нашей страны, засылала шпионов, расставляла резидентов, чтобы знать наши уязвимые места...

Вот тут выступал Кулик и говорил, что Тухачевский врагом народа оказался потому, что он был помещик. Эта точка зрения неправильная, она биологическая. Возьмем, например, заместителя Кагановича по Наркомату путей сообщения Лившица. Этот Лившиц, потомственный кадровый рабочий ленинградских заводов, оказался в стане врагов. Главное в том, что здесь сказалось перерождение...

Тухачевский является шпионом в пользу Германии. Он

был завербован тогда, когда учился в Академии генштаба в Германии, лучшей разведчицей, красавицей Жозефиной*.

...Или вопрос о борьбе с троцкистами, о необоснованном обвинении Центрального Комитета в преследовании их за идеологические расхождения. Всем известно, что А. А. Андреев — старый троцкист, но он разоружился, честно работает, и мы оказываем ему полное доверие.

...Кто бы мог подумать, что бывший член Военного совета ОКДВА Аронштам окажется изменником, а сегодня — это факт... Теперь оказалось, что за спиной Аронштама стояла японская разведка. Она требовала убрать Блюхера и назначить Уборевича или Якира — из заговорщиков...»

Сталин сделал паузу, медленно прошелся в своих бесшумных сапогах вокруг стола президиума, пристально оглядел примолкший зал. «Что-то я не вижу среди записавшихся товарищей Булина и Славина...»

Антон Степанович Булин, старый питерский коммунист, заместитель начальника ПУРа, и Иосиф Еремеевич Славин, начальник политотдела управления учебных заведений армии, — оба они никак не могут пересилить себя и принять участие в шельмовании полководцев.

Тягостное молчание вновь прервал назидательно-отеческий голос генсека: «Военные заговорщики нами разоблачены вовремя. Они корней вниз армии не пустили. Этот заговор государственного переворота является заговором верхушки. Но нельзя думать, что враги не пытались кого-либо из вас, сидящих здесь, завербовать и вовлечь в свои коварные замыслы. Имейте мужество подняться на трибуну и сказать об этом. Вам будет дарована жизнь и сохранено положение в армии».

Генсек конечно же играл ими. Что же касается армейского комиссара 2-го ранга Л. Н. Аронштама, начальника политуправления ОКДВА, то его незадолго до ареста перевели на ту же должность в Московский округ и здесь арестовали в мае 1937 года.

В заключение Сталин предупредил участников заседания, что все ими здесь услышанное является государственной тайной.

...Новые выступления, новые проклятья, новые клятвы. Слово берет Павел Дыбенко. Он обрушивается на вчерашних

* По словам Сталина, ряд заговорщиков был завербован Жозефиной Гензи (Енсен), немецкой разведчицей-датчанкой, состоявшей на службе у германского рейхсвера.

товарищей, оказавшихся шпионами. Вместе с ними балтийский моряк, председатель революционного Центробалта, а потом нарком Дыбенко защищал Советскую власть в годы гражданской войны. Теперь — никакой пощады врагам!

«А этот Гамарник, — негодует Дыбенко, — за Иисуса Христа себя выдавал, лишнего стула в доме не держал... Мы давно говорили, что это белая косточка собирается. Они нам ходу не давали!..»

И года не пройдет, как Сталин уничтожит громогласного моряка, такого преданного и такого легковверного. Уничтожит, невзирая на столь импонирующую ему ненависть к «белой косточке».

Мудрейший применил привычную схему, славно послужившую ему в двадцатые годы. Тогда он руками Зиновьева и Каменева оттеснил Троцкого, потом с помощью других партлидеров сверг Зиновьева, чтобы впоследствии уничтожить всех. Теперь генсек руками одних военных уничтожит других, в коих он усмотрел угрозу своей диктатуре.

В состав суда, которому предначертано отправить на казнь Тухачевского, Уборевича, Якира, Примакова, Путну, Корка, Эйдемана, Фельдмана, назначены Блюхер, Белов, Алкснис, Дыбенко, Каширин, Горячев, Шапошников, Буденный.

Лишь двум последним дозволено будет умереть в своей постели. Остальных диктатор велит казнить, сперва — «предателей», потом — «судей».

Против Тухачевского было все: его личные данные — интеллигентность, воля, ум. И военная слава. Это уже, если хотите, вызов, как в случае с Михаилом Фрунзе. Таких людей Сталин рядом с собой не терпел, его устраивали только ворошиловы. Вот почему генсек не поставил Михаила Тухачевского во главе Наркомата обороны. Но и на посту начальника штаба РККА Сталин вместе с Ворошиловым третирует Тухачевского на каждом шагу.

Красная Армия значительно отстала от сильнейших армий Запада, особенно в техническом вооружении, в механизации. Однако Сталин и Ворошилов старательно блокировали любые дельные предложения Тухачевского. Не выдержав прессинга матерых интриганов, Тухачевский попросил отставки. Три года он командовал Ленинградским военным округом. Маршал подружился с Сергеем Кировым — это ему еще зачтется...

Международные амбиции Сталина, требовали сильной, современной армии. Но кто осуществит реорганизацию Во-

оруженных Сил? Пришлось Иосифу-строителю назначить Тухачевского заместителем наркома. Когда же под умелым руководством Тухачевского были предприняты первые серьезные шаги по реорганизации и перевооружению армии, пришло время избавиться от него. По условиям популярной при нем игры в кошки-мышки генсек, замыслив казнь видного деятеля, перемещал его на менее заметный пост. Для Тухачевского последним местом службы стал Приволжский военный округ. 11 мая он был назначен командующим войсками округа. 26 мая последовал арест.

В «группу заговорщиков» маршала Тухачевского зачислили командармов 1-го ранга И. Э. Якира (командующий войсками Киевского военного округа) и И. П. Уборевича (Белорусский военный округ), командарма 2-го ранга А. И. Корка, начальника Военной академии имени М. В. Фрунзе, а также четырех комкоров: Р. П. Эйдемана (председатель Центрального совета Осоавиахима), Б. М. Фельдмана (начальник одного из главных управлений Красной Армии), В. М. Примакова и В. К. Путну.

11 июня в печати опубликовано сообщение Прокуратуры СССР о раскрытии органами НКВД военно-фашистского заговора во главе с маршалом Тухачевским. В чем же обвиняли полководцев, организаторов Красной Армии, героев гражданской войны? Трудно перечислить, еще труднее понять ход мыслей главного сценариста. Это шпионаж в пользу «одного из иностранных государств» и подготовка поражения Красной Армии. Расчленение Советского Союза и восстановление на его земле буржуазного строя. Бредительство и приверженность троцкизму... Кроме этого, заговорщикам инкриминировали отстаивание концепции ускоренного формирования бронетанковых соединений при одновременном сокращении кавалерийских частей. Что касается намерения полководцев и строителей армии ходатайствовать перед правительством об отстранении Ворошилова, то оно в кабинетах следователей трансформировалось в готовность устранить сталинского наркома. Значит, террор...

Организаторы экзекуции не затруднялись поисками улики. За неимением таковых положились на фантазию следователей. Иона Якир в 1929 году учился в Академии генерального штаба Германии, читал там же лекции о Красной Армии. Август Корк тоже побывал в Берлине, где исполнял обязанности военного атташе. Михаил Тухачевский участвовал в беседах с представителями немецкого генштаба. Беседы были официальные, но ведь были...

13 мая 1937 года арестовали начальника 4-го управления (разведка) Наркомата обороны А. Х. Артузова. Ранее этот заслуженный чекист возглавлял иностранный отдел ОГПУ. В 1936 году из Германии поступила информация о заговоре в Красной Армии. Возглавляет группу «изменников» Тухачевский, который, как удалось установить, ездил в Берлин под личиной некоего Тургаева. Нетрудно догадаться, каким способом были добыты эти показания Артузова. И кому они понадобились. Готовый «материал» тотчас доложили Ежову, а тот поспешил к Хозяину.

Второе «свидетельство» сфабриковал по заданию заместителя наркома внутренних дел Фриновского следователь Радзивиловский. К нему в лапы попал комбриг Медведев, уволенный из генштаба как «бывший троцкист». Он дал под пытками показания о наличии в недрах Красной Армии заговора. На радостях нарком затребовал комбрига к себе. Но Медведев заявил Ежову в присутствии Фриновского, что отказывается от прежних показаний.

Спустя двадцать лет следователь Радзивиловский сообщил прокурору, что в тот день «Ежов приказал вернуть Медведева любым способом к прежним показаниям, а его заявление об отказе не фиксировать. Протокол же с показаниями Медведева, добытыми под физическим воздействием, был доложен Ежовым в ЦК».

Сталин счел «свидетельства» Артузова и Медведева достаточными для обвинения маршала Тухачевского. Последовали аресты, скоропалительное следствие и экстренный суд. В этой спешке сталинские подручные забыли заручиться санкцией на арест группы командующих. Забыли о процессуальных нормах, о соблюдении элементарной законности. Впрочем, нет, закон от 1 декабря 1934 года, состряпанный генсеком тоже экстренно, вслед за убийством Кирова, был соблюден до мелочей. Этот «закон» исключал участие в судебном процессе адвоката и предписывал применение к «террористам» и прочим «контрреволюционерам» только смертной казни. Приговоры по этой категории считались окончательными и не подлежали обжалованию. Что касается применения пыток, то о них закон умалчивал, но Хозяин обеспечил лубянских костоломов особой инструкцией, разрешавшей «физические меры воздействия». Спустя двадцать лет после казни Тухачевского специальная группа военных прокуроров и следователей Главной военной прокуратуры, исследуя материалы дела «О военно-фашистском заговоре», обнаружила на листах протоколов допроса следы крови...

Таким было следствие. А судилище длилось всего один день, 11 июня. Казнили «заговорщиков» поутру...

Готовя этот кровавый спектакль, Сталин, как и в «деле Пятакова», поставленном в недавнем январе на сцене Октябрьского зала Дома союзов, не мог довольствоваться банальной казнью. Унизить ему хотелось славных полководцев, на колени поставить. И поставил. В последнем слове семь «заговорщиков», как один, клялись в преданности делу революции и лично товарищу Сталину. Каялись, сами не зная в чем, и просили снисхождения. О восьмом, комкоре Примакове, речь особая. Взяли его на год раньше Тухачевского и успели в ходе «следствия» превратить волевого командира, героя гражданской войны, в послушное орудие диктатора.

Читать текст его «последнего слова» тяжело. Наверно, сходное чувство испытывали прокуроры и следователи группы Бориса Алексеевича Викторова, ныне генерал-лейтенанта юстиции в отставке, когда знакомились с «делом Тухачевского».

Вот что говорил на суде Примаков:

«Я должен сказать последнюю правду о нашем заговоре. Ни в истории нашей революции, ни в истории других революций не было такого заговора, как наш, ни по целям, ни по составу, ни по тем средствам, которые заговор для себя выбирал. Из кого состоит заговор? Кого объединило фашистское знамя Троцкого? Оно объединило все контрреволюционные элементы, все, что было контрреволюционного в Красной Армии, собралось в одно место, под одно знамя, под фашистское знамя Троцкого. Какие средства выбрал себе этот заговор? Все средства: измена, предательство, поражение своей страны, вредительство, шпионаж, террор. Для какой цели? Для восстановления капитализма. Путь один — ломать диктатуру пролетариата и заменять фашистской диктатурой. Какие же силы собрал заговор для того, чтобы выполнить этот план? Я назвал следствию больше 70 человек заговорщиков, которых я завербовал сам или знал по ходу заговора...»

Это не все, но нам уже ясно, что крестьянский сын, отважный кавалерист Виталий Примаков вещал с чужого голоса. Вопрос — ответ, вопрос — ответ... И примитивная дидактика... Как это напоминает стиль недоучившегося семинариста!

Заслуженный заплочных дел мастер Ушаков «работал» с Примаковым и внушил ему, что признание на суде облегчит его участь. Таким же манером он пытался обмануть комкора

Фельдмана, сочетая посулы с пытками. Медведеву, чьи показания сработали детонатором в этом «деле», тоже обещали жизнь. Он пережил группу Тухачевского лишь на четыре дня. Конвейер Ульриха Медведев прошел в одиночестве и перед концом все же распрямился, не признав никакой вины ни за собой, ни за погибшим маршалом Тухачевским.

Обещать жизнь в обмен на самооговор и предательство, гарантировать благополучие родным и близким — и не пощадить никого, — разве не так поступал Сталин со всеми соратниками Ленина, брошенными в тюрьму?

Яму под Тухачевского генсек принялся рыть еще в двадцатые годы. Сохранились показания двух офицеров старой армии, в которых Тухачевский фигурирует как вдохновитель антисоветской организации. Копии протоколов допросов генсек направил Орджоникидзе вместе с запиской: «Прошу ознакомиться. Поскольку это не исключено, то это возможно. И. Сталин».

Иезуитская логика.

К «делу» приобщили еще один донос на Тухачевского, состряпанный секретарем парткома Западного военного округа и отвергнутый в свое время Михаилом Фрунзе.

Из многочисленных документов, использованных группой генерала Б. Викторова для посмертной реабилитации Тухачевского и его коллег, непереложно следует, что к их гибели Сталин лично причастен.

Когда судили И. Якира, он потребовал вызвать Сталина. Командарм никак не мог осознать страшную истину. За день до гибели Якир писал: «...я честен каждым своим словом, я умру со словами любви к партии и к стране, с безграничной верой в победу коммунизма».

И в минуту казни, под занавес, он успел выкрикнуть: «Да здравствует товарищ Сталин!»

Хозяину сообщили об этом, он усмехнулся: «Какой фальшивый был человек..»

Кто бы мог подумать, что план этой великой экзекуции принадлежит Вождю? Что он обрек на смерть и подсудимых и судей?..

Таков он был, кровавый театр Иосифа Сталина тридцатых годов.

Осенью 1937 года командир корпуса Ока Городовиков, встретившись с Буденным, сказал:

— Семен, смотри что делается! Всех подряд берут...

— Не бойсь, нас с тобой не тронут. Берут только умных.

Из комсостава конармий времен гражданской войны мало

кто пострадал. Сталин не тронул бывших командиров дивизий И. Р. Апанасенко и С. К. Тимошенко. Оба они отличались от Ворошилова и Буденного знанием военного дела, независимостью суждений, но до уровня Тухачевского, Уборевича, Якира им было далеко.

Нужны были Сталину такие рекламные фигуры: крестьянский сын Семен Буденный и «луганский слесарь» Клим Ворошилов. Это — для «массы», пусть потешит себя иллюзией народовластия. Оба обладали рядом не менее ценных качеств. С ними как с конкурентами можно было не считаться. Покорные властителю, как только бывают покорны барину холопы, они органически ненавидели интеллигентов. Ради сытной и почетной службы готовы были на любую подлость. Доказательствами усеян весь путь Ворошилова, этого карьериста и подручного генсека.

Вместе с Ворошиловым преследовал, уничтожал Сталин в годы гражданской войны офицеров и генералов, добровольно служивших в Красной Армии. Вместе с ним в середине двадцатых «вычистил» из армии командиров и политработников, подозреваемых в сочувствии Троцкому. Затем, в годы 1927—1932-е, Сталин с Ворошиловым вновь принялись за бывших офицеров старой армии. Их не только увольняли из РККА, но репрессировали как «заговорщиков» и «шпионов». Вряд ли кто из трех с лишним тысяч безвинно осужденных командиров уцелел: тех, что пережили лагеря, судили повторно после 1935—1936 годов. И добивали. Как сообщил позднее Ворошилов, всего уволено из армии в двадцатых и первой половине тридцатых годов 47 тысяч командиров и политработников, в том числе пять тысяч бывших оппозиционеров.

Планомерное уничтожение командного состава РККА имело целью устранение потенциальных противников сталинской диктатуры. В ретроспективе эта политика предстает как геноцид против военной интеллигенции. Почти все казнённые 12 июня 1937 года были высокоэрудированными людьми, разносторонне образованными, крупными теоретиками, выдающимися организаторами Красной Армии. Из таких военачальников и политработников состоял, за малым исключением, Военный совет при наркомате обороны. В него входило 85 человек. Из них по указке Сталина в течение двух с небольшим лет было репрессировано 76. Почти все погибли.

Подводя итог 1937 году, «Красная звезда» писала 30 марта 1938 года: «За этот год наша партия под руководством товарища Сталина, вооруженная историческими решениями

февральско-мартовского Пленума ЦК ВКП(б), проделала огромную очистительную работу. Разоблачены, разгромлены и уничтожены гнезда врагов народа — троцкистско-бухаринских шпионов, убийц, вредителей, диверсантов, тухачевско-гамарниковских военно-фашистских наемников японо-германского империализма. Одержана победа, равная выигрышу в большой войне».

21 января 1938 года в Большом театре на торжественно-траурном заседании, посвященном годовщине со дня смерти В. И. Ленина, Жданов выступил с докладом «Ленинские предначертания воплощены в жизнь». «1937 год войдет в историю выполнения ленинских заветов и предначертаний, — вещал оратор, — как год разгрома врагов народа... 1937 год войдет в историю как год, когда наша партия нанесла сокрушительный удар врагам всех мастей, когда наша партия стала крепкой и сильной в борьбе с врагами народа, добившись этого благодаря укреплению нашей советской разведки во главе с Н. И. Ежовым».

Не траурному заседанию приличествовали такие восторги. Но речь Жданова преследовала конкретную политическую цель. Она стимулировала всеохватную кампанию пропаганды доносительства. «Разгромив вредителей, — продолжал он, — мы выдвинули много новых людей». А это уже поощрение. И плата за усердие.

На следующий день эту идею развил Мехлис в докладе об итогах январского Пленума ЦК: «Огромнейшая армия младшего и среднего командного и политического состава игнорировалась и затиралась гамарнико-булинскими шпионами. Они выдвигали узкий круг лиц... а политработников — политруков, комиссаров батальонов, комиссаров полков — они всячески затирали, о них не думали, о них не заботились, их не продвигали. Под руководством ЦК ВКП(б) и тов. Ворошилова мы сделаем все, чтобы поднять этот отряд на ту высоту, которую он заслужил».

С этого дня из номера в номер газеты печатали статьи, политические директивы и примеры для подражания, назойливо повторяя одну и ту же идею. «Подлые враги народа гамарнико-булинские шпионы всячески затирали молодые кадры партийных работников, — разъясняла «вредительскую» деятельность прежнего руководства Политуправления Красной Армии передовая статья. — И сейчас есть еще такие руководители политорганов...»

Другая передовая «Красной звезды» расточала грубую лесть: враги народа «умышленно задерживали рост и продви-

жение преданных революции командиров и политработников», так что те «принуждены были долгие годы вести работу, явно не соответствовавшую их огромному опыту и знаниям». Перед командованием поставили задачу: «ликвидировать последствия вредительства», провести переаттестацию «наиболее преданных». Им объявляли, что «Народный комиссариат обороны намечает к 20-й годовщине Красной Армии и Военно-Морского Флота внеочередное повышение в военных званиях наиболее отличившихся».

Но как продвигать, если многие места заняты? Эту проблему Мехлис решал с присущим ему апломбом в речи на партийной конференции центральных управлений Наркомата обороны: «У нас очень много разговоров о незаменимости отдельных работников. Надо покончить с этим... мы в своем коллективе можем найти замену для любого «незаменимого». Не верьте никому, что тот или иной работник управления незаменим. Если о ком-нибудь говорят, что он незаменим, то посмотрите внимательнее, что это за «незаменимый». Надо повести решительную борьбу против тенденций затирания новых кадров».

Один за другим следовали призывы «смелее выдвигать в партийные органы молодые замечательные кадры подлинных большевиков, которые беспощадны к врагам» и «не пропустить ни одного двурушника-врага». Перед проведением в армии партконференций в мае 1938 года была издана директива ЦК, требующая выдвигать в руководящие партийные органы только «вполне проверенных большевиков», «испытанных в борьбе с врагами народа».

Здесь приведена лишь незначительная часть оглушающего потока материалов, призванных оправдать массовый террор в армии. Эти директивные статьи пробуждали хищнические инстинкты, разжигали аппетиты карьеристов-доносителей.

То, что происходило в армии, лишь отражало общий процесс формирования нового слоя «проверенных кадров», сменявших у руководства поколение старых революционных борцов и опытных, подготовленных специалистов. «Вместо многих, чрезмерно кичившихся своим долгим опытом, — говорил тогда Молотов, — а на деле политически переродившихся и запутавшихся во вредительстве «коммунистов» и инженеров-специалистов, нам пришлось за последние месяцы выдвинуть много новых людей». Так оценивало сталинское руководство ход дел в промышленности. То же было сделано и в армии

«Мы живем, товарищи, в счастливую сталинскую эпоху, — говорил избирателям комкор Д. Г. Павлов. — Мы прочно стоим на ногах. Для наших советских людей нет преград — мы способны выполнить любое, какое угодно трудное задание... под руководством великого Сталина, беспощадно борясь с врагами и изменниками родины».

С нами Сталин родной!
И железной рукой
Нас к победе ведет Ворошилов!

Эту песню — «Если завтра война» — распевали «винтики», зачисленные в проверенные кадры». Им предстояло пережить тяжелейшую войну и ужас утраты любимого Вождя в 1953 году. И гнев и растерянность в 1956-м.

Массовый террор, развязанный Сталиным в тридцать седьмом, а если быть точным, то еще в тридцать пятом, получил продолжение в тридцать восьмом. При этом генсек не оставлял своим вниманием хрупкое звено высшего командования Красной Армии. Летом 1938 года он бросил в застенок второго Маршала Советского Союза — А. И. Егорова. Это вызвало неподдельное удивление у выдавших всякие виды подручных. Почти два десятилетия прилежно служил Егоров Сталину, за это время в полной мере успело проявиться его безволие. Александр Егоров покорно следовал указаниям начинающего диктатора еще в 1920 году. Как известно, Сталин входил в состав РВС Юго-Западного фронта, которым командовал Егоров, и, действуя вразрез с директивой ЦК, вызвал катастрофу на соседнем Западном фронте. В 1937-м начальник генштаба Егоров участвовал в июньском судилище над группой Тухачевского, потом стал первым заместителем наркома обороны. И вот...

К тому времени Сталин успел уничтожить почти всех руководителей местного значения: секретарей ЦК союзных республик, крайкомов, обкомов, горкомов. Пришлось организовать при ЦК краткосрочные курсы по подготовке новых партвождей.

Случайно уцелевшему Славину, тому самому, что не стал распинаться в ненависти к «предателям» на историческом заседании Военного совета 1—4 июня 1937 года, поручили составить для слушателей специальных курсов при ЦК программу занятий по теме «Руководящая роль партии в РККА». В августе тридцать восьмого его вызвал с докладом Ворошилов. Сталинский нарком вручил ему синюю папку с «признаниями» шпиона Егорова. «Ведь вот, предупреждал его това-

рищ Сталин», — заметил нарком. Но Славин не принял прозрачного намека.

Ему помогли определиться на Лубянке, куда он был доставлен 5 октября. Там коммунист Славин занял верную партийную позицию по отношению к пособнику врагов армейскому комиссару Славину...

Замыслив совершить переворот и захватить власть в стране, мог ли оставить Сталин в живых полководцев, отстоявших революцию? Острой занозой был для всесильного генсека Реввоенсовет Республики времен гражданской войны. Подобно тому как в тире меткий стрелок методично поражает одну за другой неподвижные мишени, Сталин в тридцатые расстрельные выбивает весь состав РВСР, тех, кто не догадался умереть раньше: В. А. Антонова-Овсеенко, К. А. Мехоношина, В. И. Невского, А. И. Окулова, И. Т. Смилгу, Ф. Ф. Раскольников. Первым, в двадцать пятом, погиб бывший заместитель председателя РВСР Э. М. Склянский. Смерть настигла его в Соединенных Штатах Америки при более чем странных обстоятельствах. Последним, в сороковом, пал Л. Д. Троцкий, бывший председатель Совета. Реввоенсовет, возглавивший оборону Советской Республики, оказался сборищем изменников... И публике преподносят легенду, будто гражданскую войну выиграли не Троцкий, Фрунзе, Тухачевский, Егоров, Блюхер, Раскольников, Мехоношин, Уборевич, Примаков, Антонов-Овсеенко, а Сталин и Ворошилов.

Поразительная память была у Сталина на добро. В октябре восемнадцатого года, после смелой атаки Стальной дивизии под командованием Дмитрия Жлобы, спасшего Царицын, Сталин торжественно обещал от имени Политбюро и Советской власти, что этот подвиг не забудут никогда. Жлоба командовал потом корпусом, а в мирные годы работал на Северном Кавказе.

Тридцать седьмой год застал его в Ростове-на-Дону. Он руководил строительством гидротехнических и оросительных комплексов, входил в состав Азово-Черноморского крайкома партии. Начались аресты, взяли первого секретаря крайкома Бориса Шеболдаева, которого Жлоба знал как честного, принципиального руководителя, великолепного организатора. Опасаясь худшего, Дмитрий Петрович поехал в сентябре в Москву. Кто может защитить его от клеветы, спасти — Ворошилов, Буденный? Другие командующие, знавшие Жлобу по гражданской, уже сгинули на Лубянке. Знает его и Сталин. Разве тогда, в восемнадцатом, он не сказал, что родина никогда не забудет героев...

Арестовали Дмитрия Жлобу 2 октября 1937 года и вскоре этапировали в Краснодар. Там, оказывается, протекала вредительская контрреволюционная деятельность героя гражданской войны. «Вначале он возглавил повстанческую организацию в Краснодарском крае, а с 1933 года — в Азово-Черноморском, где его завербовал Шеболдаев». Следствие длилось почти год, и, если бы не личное указание Ежова начальнику УНКВД края «дожать изменника», Жлоба, может быть, выстоял бы.

Сталинский террор тридцатых годов не миновал ни одного округа, ни одного военного учреждения страны. И в центре и на периферии делалось одно и то же.

В конце ноября 1936 года в Москву прибыла делегация Дальневосточного края. Перед открытием Чрезвычайного VIII съезда Советов руководители края сфотографировались вместе с членами Политбюро Молотовым, Калинин, Кагановичем, Андреевым, Ворошиловым... Еще раз с соратниками Сталина сфотографировалось командование Особой Краснознаменной Дальневосточной армии (ОКДВА): В. К. Блюхер, Г. М. Штерн, М. В. Виктор, И. А. Халепский, М. В. Калмыков, Г. А. Осепян.

Как и другие делегаты съезда, все они вместе с партийным руководителем края Лаврентием Картвелишвили (Сталин сменил ему фамилию на Лаврентьев) и председателем исполкома Г. М. Крутовым единодушным голосованием утвердили новую Конституцию. В этой сталинской Конституции есть статья, гарантирующая каждому гражданину СССР неприкосновенность личности. Не пройдет и двух лет, как они узнают истинную цену этой статьи. Ни одного члена дальневосточной делегации не пощадит творец Конституции.

В неустанных заботах о процветании государства кремлевский сиделец всегда помнил о Дальнем Востоке. Необозримые богатства края, соседство с Японией, стратегическое значение территории с выходом в Тихий океан — все это заставляло думать об укреплении обороны дальних рубежей. Однако извращенный ум генсека породил странную доктрину, согласно которой лучшим средством повышения боеспособности армии является страх. Иначе как объяснить уничтожение командного состава Особой Краснознаменной Дальневосточной армии? Эта истребительная кампания началась в 1936 году. Согласно сводке особых органов ОКДВА, в тот год, по неполным данным, репрессировано: «троцкистов-зиновьевцев» — 45, «троцкиствующего элемента» — 48 человек. За первые месяцы 1937 года — 17 и 35 соответственно.

В марте 1937 года учтено и «разрабатывается» «троцкистов» и «правых» — 100 одиночек и 29 человек по групповым делам. Что касается «троцкистствующего элемента» (этот термин, как видно, стал обиходным), то его набрали: одиночек — 216 и участников групп — 30 человек, в основном среди начальствующего состава и младших командиров.

В своем плане уничтожения командного состава Красной Армии маршалу Блюхеру Сталин отвел две роли — сначала судьи, потом жертвы. Но прежде чем он появится в зале заседания специального судебного присутствия Военной коллегии Верховного суда СССР 11 июня, ему придется не на сцене, а в жизни доказать свою готовность к исполнению сталинских предначертаний. Действуя в тесном контакте с Дальневосточным управлением НКВД, он заменяет арестованных «врагов» новыми командирами и по мере уничтожения вновь назначенных ставит на их место других. Судя по сохранившимся текстам телефонограмм, маршал верил докладам функционеров НКВД. Картина, представленная командующему армией, выглядела устрашающе. Оказывается, в среде высшего состава ОКДВА существовал широко задуманный план, увязанный с генеральным штабом японской армии. Из показаний арестованных следует, что в заговор вовлечены представители всех видов и родов оружия...

22 мая 1937 года вечером Блюхер выехал экстренным поездом в Москву на заседание Военного совета при наркомате обороны. (Открытие было назначено вначале на 25 мая, потом перенесено на 1 июня.) Через три недели после исторического заседания совета был издан совместный приказ НКО и НКВД от 21 июня 1937 года: «...добровольно явившихся и без утаек рассказавших обо всем как ими совершенном, так и назвавших всех сообщников и единомышленников, — задержанию и аресту не подвергать и против них уголовного преследования не возбуждать».

Генеральный прокурор СССР Вышинский дал соответствующее распоряжение всем органам прокуратуры.

В отсутствие Блюхера в Хабаровске проходила краевая партийная конференция. В состав бюро крайкома были избраны И. М. Варейкис, В. В. Птуха, Н. В. Вольский, В. А. Балицкий, а также военные: В. К. Блюхер, И. Д. Вайнерос, Г. Д. Хаханьян, М. В. Викторов. Все они вскоре будут уничтожены, а пока на очереди группа Тухачевского. Они — на скамье подсудимых в зале Военной коллегии. Стремясь придать этой расправе респектабельный вид, Сталин поручил дело специальному военному присутствию в составе восьми

человек во главе с маршалами Буденным и Блюхером. Василию Константиновичу участие в том судилище было нестерпимо. Сославшись на недомогание, он покинул зал и вернулся лишь к моменту вынесения приговора.

Волны тотального террора, поднятые в столице, докатились до Дальнего Востока. Одним из первых был схвачен, после вызова в Москву, командующий Приморской группой И. Ф. Федько. Сменивший его (4 июля 1937 г.) командарм 2-го ранга М. К. Левандовский погиб через год. Арестовали также участника легендарного штурма Спасска, дважды орденоносца Я. Э. Покуса, только что (12 июня 1937 г.) назначенного заместителем командующего ОКДВА. В то же лето забрали начальника штаба А. Ф. Балакирева, командующего Военно-Воздушными Силами (ВВС) И. Д. Флеровского, помощника командующего по материальному обеспечению С. И. Беккера. 2 июля взяли трех комдивов: В. Н. Рохи, Л. М. Гавро, Л. С. Фирсова.

Поскольку репрессии были поставлены на планируемый свыше поток, они не могли обойти стороной вспомогательные службы ОКДВА. Тогдашний заместитель начальника Политуправления И. Д. Вайнерос заявил на майской партконференции края: «Вредители так вели свою работу, что, начиная одновременно десятки объектов на разных участках, они к концу года оставляли их незаконченными, и красноармейцы и командиры не могли получить жилища, и наши части в зимний период оставались в палатках... Вредители создавали беспорядок с обеспечением строительными материалами и правильным использованием рабочей силы».

Сигнал подан, и вот уже забирают на четвертый день работы конференции заместителя Блюхера по материальному обеспечению Г. А. Дзызу. Член партии с апреля 1917 года, он выступал на конференции с отчетным докладом ревизионной комиссии.

Под нож попали начальник строительного управления Кашеев, руководители хозяйственных подразделений А. Н. Деревцов и М. С. Коробочкин, редактор газеты «Тревога» В. М. Мирин... Президиум конференции был арестован почти в полном составе: брали тех, кого клеймили, и тех, кто клеймил. Все это происходило на фоне истребления партийного руководства края.

В отсутствие Блюхера временно исполняющим обязанности командующего остался Вайнерос, назначенный вскоре начальником Политуправления. На партсобрании штаба ОКДВА, проходившем в те неповторимые летние дни, он ска-

зал: «...разговоры «кому верить, кому — нет?», «кому верить теперь?» — это не наши разговоры. Нам нужно верить всем, кто не на словах, а на деле действительно борется за генеральную линию партии. Кто по-большевистски борется над выкорчевыванием врагов народа — японо-германских шпионов и диверсантов... У нас большой успех, но предстоит огромная работа, чтобы до конца выкорчевать врагов народа».

Не прошло и двух недель, как пламенного корчевателя Вайнероса тоже выкорчевали. В соответствии с «генеральной линией».

Настала золотая пора для гробокопателей. На всех партсобраниях (опять же «в соответствии» и «во исполнение») выискивали, вынюхивали в биографиях командиров и комиссаров политические ошибки и отступления от «генеральной»: какую позицию занимал в дискуссиях двадцатых, что думал о Троцком, почему умолчал о своем троцкистском прошлом в анкете, почему не разоружился перед партией. Некоторые не выдерживали яростной охоты и кончали жизнь самоубийством. В апреле застрелился исключенный из партии Л. В. Ламберг, начальник Дальневосточной железной дороги, недавно награжденный орденом Ленина.

На партсобрании штаба ОКДВА 10 июля 1937 года прорабатывали Я. С. Урмана, члена партии с 1919 года, старшего инженера 4-го отдела инженерных войск ОКДВА.

«Урман. Я не понимаю, как эти Пятаковы, Гамарники и другие стали на такой путь, и этого мне никто не разъяснил. Факт ареста еще не является доказательством виновности, и я до решения суда считать врагом народа своего брата Урмана А. С., начальника артиллерии 2-го особого стрелкового корпуса, не буду.

Антонов (секретарь партбюро). Мы впервые на бюро встречаемся с таким нахальным выступлением. Ему партия говорит, что его брат — враг, а он не верит в это, и это говорит за то, что мы плохо работаем и не разоблачили до сих пор этого врага.

Постановили. Исключить из партии Я. С. Урмана».

За этим последовали арест и казнь. Без суда, о котором бывший коммунист Урман упомянул на собрании.

Прокурор ОКДВА В. Малкис написал в 1923 году книгу «Революционная законность в Красной Армии», в которой уважительно упоминается имя Троцкого. На партсобраниях 1937 года Малкис клеймил «врагов» и каялся в том, что тогда, в 1923-м, не понимал сущности троцкизма: «В то время мы,

члены партии, не имели точных формулировок ленинизма и линии Троцкого. В частных беседах я и старался понять, разобраться в своих колебаниях». На другом собрании он говорил об инженерах-строителях: «Не за халатность арестовывают органы НКВД, а как членов контрреволюционной вредительской организации, как шпионов и бандитов». Самого прокурора ОКДВА органы арестовали в том же тридцать седьмом и тем самым помогли ему наконец избавиться от личных колебаний и сомнений.

...Одного за другим терял своих соратников маршал Блюхер, но оставался покорным преступной воле Хозяина. Еще в сентябре 1937 года первый секретарь Дальневосточного крайкома партии И. М. Варейкис, член партии с 1913 года, направил генсеку шифровку, в которой предлагал ограничиться в борьбе с врагами политическими мерами. Однако Вождь предпочитал всем другим мерам топор. Вскоре Сталин убрал Варейкиса с Дальнего Востока (потом казнил). На его место прислал начальника отдела кадров НКВД Георгия Стацевича (этого он тоже казнил впоследствии). Блюхер, будучи в Москве, писал новому секретарю крайкома: «...что касается товарища Сталина и ЦК партии, то своим решением от 3 октября о снятии Варейкиса они и дали политический ответ на неправильную линию Варейкиса, изложенную в его телеграмме».

И еще одно письмо. Оно адресовано Блюхеру его заместителем Вайнеросом. Он присутствовал на одном совещании, созванном Сталиным в Москве, и, когда генсек спросил его о Сангурском, ответил: «Не могу сказать, товарищ Сталин, что у меня были плохие взаимоотношения с Сангурским. Он в свое время рьяно выступал против Путны, Лапина и других, в защиту линии товарища Блюхера. Делалось это, как теперь понятно, в целях маскировки подлой шпионской деятельности».

Далее в письме сообщается о ходе совещания:

«Товарищ Сталин в коротеньком выступлении рассказал о том, что Сангурский, Лапин, Аронштам признались сейчас в своей шпионской деятельности, получении от японцев громадных сумм, достигающих 3 миллионов рублей, и что свел их с японцами Гамарник. Рассказал о проникновении в одну из точек Благовещенского укрепленного района, при содействии одного из командиров пограничников с украинской фамилией (арестованного), японских офицеров. Сталин рассказал участникам совещания, как они вместе с Ворошиловым в 1919 году в Царицыне в короткий срок разоблачили

белогвардейцев Посовина, Снесарева и других, пролезших в штаб обороны. «Если бы политработники лучше смотрели по закоулкам армии, разве нельзя было бы заметить работу врагов», — сказал товарищ Сталин.

Но мне никогда не приходила в голову мысль, что в лице Сангурского, Аронштама, Лапина могут оказаться настоящие японо-немецкие троцкистские фашистские шпионы. Я понимаю свою ответственность за их продолжительное безнаказанное существование в ОКДВА. Устройству и укреплению нашей ОКДВА я отдал пять с половиной лет самой напряженной работы, какую мне когда-либо приходилось вести. Я многому научился на тяжелых уроках, и полученный мною опыт будет использован в борьбе с врагами коммунизма, предателями всех мастей».

Вайнерос, как мы уже отметили, был причислен вскоре же к разряду предателей и уничтожен.

Управляемый из Кремля террор внес смятение в ряды Дальневосточной армии. Капитан штаба Приморской группы войск Герман свидетельствует: «Я сам разведчик и понимаю, что для японцев нет никакого смысла использовать командиров в шпионских целях, так как они заполучили такие большие фигуры из руководства РККА. Я по долгу службы был в хороших отношениях с Балакиревым, начальником штаба Приморской группы, и вот сейчас перебираю в мыслях все... и прямо не верится — где бы он мог шпионить и творить контрреволюцию. Вот ходишь и живешь, но не уверен в завтрашнем дне — могут арестовать...»

Из донесений специальной службы УНКВД видно, сколь пагубно сказывался сталинский террор на сознании дальневосточников.

«Рабочий Ворошиловского военного госпиталя Кеналь, исключенный из партии, сказал: «Ты думаешь, бесследно пройдут расстрелы Якира, Уборевича и других? Нет, за них Советскому Союзу придется поплатиться, и здорово, перед пролетариатом мира. Ведь это люди не то, что мы с тобой, которых могут расстрелять сколько угодно и никто не будет знать, что делается. Такими людьми, как Тухачевский, не только народ СССР дорожил, но и дорожили народы других стран. По-моему, после таких расстрелов и армия распадется». (Кеналь арестован, ведется следствие.)».

«Помощник начальника штаба 175-го стрелкового полка 59-й стрелковой дивизии старший лейтенант Перескоков, беспартийный, приказал писарю Пулянку снять портреты Гамарника, а портреты товарищей Кирова и Дзержинского

оставить. И добавил: «Так как их уже в живых нет и они в троцкисты не попадут, портреты их могут висеть».

«Остались только Сталин, Ворошилов и Молотов, остальные все — троцкисты», — говорил красноармеец 5-го батальона 34-го артполка Самойлов.

«75 процентов ромбистов оказались шпионами», — подтверждал воентехник 1-го ранга Базилевич.

«Ничего не пойму, что происходит. Или в органах НКВД стоят троцкисты, или еще чего. Ведь они (о банде Тухачевского) находились с товарищем Сталиным. Почему они его не убили?» — удивлялся красноармеец саперного батальона 34-й стрелковой дивизии Глухов.

Массовый террор на Дальнем Востоке почти парализовал хозяйственную деятельность края и строительство военных объектов. План первого полугодия по общевоинскому строительству был выполнен на 16 процентов. Убытки составили к 1 июля 17,5 миллиона рублей. Транспорт, водный и железнодорожный, — в полном прорыве. Иссякли стройматериалы, инвентарь, инструмент. Рабочей силы не хватает, имеющаяся используется нерационально. Остается добавить, что практически прекратилось расширение посевных площадей.

Неисчислимый вред был нанесен в годы террора Тихоокеанскому флоту. Истребляя командный состав флота, Сталин применял свой излюбленный метод: вызов в столицу, новое назначение и арест. И — уничтожение второй волны командующих и комиссаров, заступивших на внезапно освобожденные посты. Флагман флота 1-го ранга М. В. Викторов участвовал в Октябрьском вооруженном восстании в Петрограде, храбро сражался на фронтах гражданской войны, командовал военно-воздушными силами флота. Назначая его командующим Тихоокеанским флотом, генсек еще раз ознакомился с его безупречным послужным списком. В мае тридцать седьмого последовал вызов в Москву и назначение на должность начальника морских сил РККА. В декабре — арест. Одновременно с Викторовым были преданы казни член Военного совета комиссар 2-го ранга Г. С. Окунев, командующий ВВС флота комдив Л. И. Никифоров, начальник береговой обороны комдив Елисеев. Заместитель начальника Политуправления дивизионный комиссар М. В. Лавров, участник гражданской войны, в мае 1936 года был награжден орденом Ленина, а в октябре тридцать седьмого арестован вместе с другими «врагами народа».

В тридцать восьмом накатилась вторая волна арестов и казней. Все заступившие на посты ранее репрессированных

тоже оказались «врагами» и «японскими шпионами» новый командующий флотом флагман 1-го ранга Г П Киреев, начальник штаба Солонилов, член Военного совета Н В. Волков... Последний оказался единственным, кто уцелел и вернулся на свободу после 18 лет лагерей.

Среди жертв сталинских репрессий был командир и комиссар 20-го стрелкового корпуса Михаил Калмыков. Потомственный рабочий-стеклодув, большевик с июля семнадцатого, он стал организатором отрядов Красной гвардии в Башкирии.

Это к нему, главному и комиссару Красноусольской республики, пробивались Блюхер и Каширин летом 1918 года с Южного Урала. Бригада Калмыкова отличилась на Восточном фронте, командир был награжден орденом Красного Знамени. Боевая отвага Калмыкова была отмечена еще в годы первой мировой войны тремя Георгиевскими крестами и медалью. В 1920 году командир и комиссар 42-й стрелковой дивизии Калмыков — один из организаторов штурма Перекопа. Второй орден Красного Знамени и новый фронт — Туркестанский, борьба с басмачами.

В Ленинградском военном округе он командует 1-м стрелковым корпусом, в 1930 году его переводят на Дальний Восток, под начало боевого соратника Василия Блюхера.

Примечательным в деятельности Калмыкова стал период, когда он командовал Особым стрелковым колхозным корпусом. Это было единственное в стране соединение, в котором боевая учеба сочеталась с освоением земель. После демобилизации солдаты оставались на Дальнем Востоке, в построенных своими руками деревнях, обзаводились семьями. При участии Калмыкова было создано два крупных колхоза — один носил имя командира корпуса, другой — Сергея Кирова.

В январе 1937 года Калмыкову был вручен орден Ленина. Через пять месяцев последовал приказ об аресте. Сталин постарался, чтобы само имя и дела героя исчезли из памяти народной. (К сожалению, и ныне еще имя Михаила Калмыкова не найти ни в одном энциклопедическом словаре, и если бы не многолетняя исследовательская работа Владимира Калмыкова, сына комкора, правду о нем удалось бы восстановить не скоро.)

И еще один документ — рассказ бывшего начальника связи 63-го стрелкового полка старшего лейтенанта Игоря Евгеньевича Мусатова. Его взяли 14 октября 1937 года. Сначала арестовали командира полка полковника Добыша. На его место прислали майора П. А. Ротмистрова (он станет

впоследствии Главным маршалом бронетанковых войск). Вслед за Добышем взяли комиссара полка Плотникова, который до этого информировал офицеров о результатах работы славных чекистов. Вслед за комиссаром изъяли начальника штаба майора Михеева, помкомполка майора Швильпо, начальника боевого питания капитана Коляду. Все в полку знали, что командир хозяйственной роты Секирский трудится по совместительству на ниве доносов. Сексота Секирского тоже арестовали — уж не для продолжения ли секретной службы в тюрьме?..

Когда арестовали военврача М. Шмагина, жена Мусатова встревожилась:

— Шмагин — враг народа! А мы у них в преферанс играли...

— Какая же ты дуреха! — ответил муж. — Миша такой же враг, как я. Тогда и меня посадят.

Напророчил...

В семье Мусатовых было много военных, но первым пострадал, еще в 1930 году, муж тетки Игоря Евгеньевича, специалист по нефтеперегонке Дмитрий Лебедин. Его взяли по делу «Промпартии». В тридцать седьмом расстреляли дядю, Д. Т. Калиновского, поручика старой армии, инвалида первой мировой войны. Он вступил в партию, работал в последнее время в УНКВД Свердловской области. Когда начались массовые аресты и стали брать одного за другим его бывших сослуживцев, пенсионер Калиновский написал товарищу Сталину письмо, в котором просил освободить невиновных. Он ручался за них. Последовал арест наивного заступника и казнь.

Второй дядя, П. Т. Калиновский, подполковник старой армии, крупный инженер-дирижаблестроитель, отделался всего двумя годами тюрьмы.

Десять лет получил отчим Мусатова, В. И. Пушкарский. Его выпустили, умирающего от чахотки, на год раньше окончания срока. Всего месяц подышал он вольным воздухом возле матери.

Отец Мусатова, капитан старой армии, участник русско-японской и мировой войн, скончался на службе в Красной Армии в 1920 году, но документы не сохранились, и сына преследовали как «чуждый элемент» на всех этапах жизни, начиная со школы, наравне с детьми «кулаков»...

В истории семьи Мусатова отразилась судьба нескольких поколений народа-мученика эпохи террора. И все же Игоря Евгеньевича можно считать счастливым. Он выдержал

ежовско-бериевский конвейер, устоял под пытками, следствие затянулось на полтора года, и тут настала краткая оттепель — сталинская политика удушения совершила легкий изгиб. На волю выпустили несколько десятков командиров невысокого ранга. Мусатов попал на фронт, был награжден боевыми орденами и закончил войну начальником штаба 2-й гвардейской Таманской дивизии. Геройски защищали Родину его товарищи, объявленные в тридцать седьмом «врагами народа».

Так кто же был истинными патриотами — они, объявленные «врагами народа», или функционеры сталинской армии карателей?

Террор в армии грозил смести весь офицерский корпус. Но Сталина это заботило менее всего. В январе 1938 года генсек распорядился разослать на места директивное письмо ЦК «О недостатках в партийно-политической работе в РККА и мерах к их устранению». До сих пор брали только разоблаченных шпионов и диверсантов, забывая о «политически бесхребетных», тех, что самоустранились от борьбы с предателями. Надо призвать к ответу всех потенциальных врагов.

Перед этой новой директивой никто не мог чувствовать себя в безопасности, ни один командир, ни один интендант, даже ни один особист. Особые отделы были созданы в каждом батальоне, сотрудники армейской контрразведки гнездились во всех подразделениях, начиная с роты. Однако массовый террор не миновал и эту службу НКВД, так же как политическое ведомство. Подсчитывая общие потери, понесенные в годы террора армейской парторганизацией, Ю. Петров приводит такие данные: к концу 1937 года численность членов партии в РККА уменьшилась по сравнению с 1932 годом вдвое — до 150 тысяч. Если учесть, что среди политработников беспартийных не могло быть, а в командном составе членов партии насчитывалось не менее 90 процентов, то общий урон (без учета особистов, которых было в армии 20—25 тысяч) после сталинских репрессий составляет не менее 80 тысяч.

Опубликованные неоднократно в печати данные А. И. Тодорского неполны, они не охватывают репрессий 1938—1939 годов. Общая доля репрессированных (из них уничтожено более $\frac{9}{10}$) в среде высшего командования — от маршала до генерал-лейтенанта (в новых званиях) — составила 93 процента. Потери в остальных рангах не столь разительны, но то, что полками в начале Отечественной войны пришлось командовать лейтенантам, — факт достоверный.

К концу 1938 года Сталин не оставил в живых ни одного заслуженного полководца. Во главе Вооруженных Сил оказались марионетки: Ворошилов, Буденный, Тимошенко да несколько карателей из дома на Лубянке, вроде Фриновского (нарком военно-морских сил). Им под стать Кулик и Щаденко, участники истребления командования. Остается назвать Льва Мехлиса, успевшего набить руку на политических казнях. Его Сталин и поставил во главе политуправления Красной Армии.

А несколько случайно уцелевших военачальников могут действительно благодарить только случай.

Комкор А. И. Тодорский попал вместе с другими военными того же ранга в Лефортово. Специальная «тройка» — так сказать, полевой вариант Особого совещания — оперативно отправляла в небытие одного комкора за другим: несколько минут судебной церемонии, короткое совещание, смертный приговор, и жертву оглушают в соседней комнате ударом молота по голове. Тело спускают в подвал, а там слишком живучих достреливают.

Подошла очередь Тодорского. К счастью, один из трех судей оказался его давним сослуживцем. Он спросил комкора:

— Вы ли это, Александр Иванович?..

В «тройке» случилось замешательство. Посовещались и объявили экстраординарный приговор — пятнадцать лет.

Генерал А. В. Горбатов, автор книги «Годы и войны», в которой рассказано и о годах тюремных, был спасен Буденным. Вмешательство маршала — случай единственный, но оно все же помогло комкору выжить.

Зимой 1939 года командира корпуса Константина Рокоссовского перевели в Бутырскую тюрьму. Убежденный коммунист, он вступил в партию в девятнадцатом году и успел зарекомендовать себя смелым воином и умелым полководцем. В камере он встретил известного большевика.

— И ты попал, старик?! Что творится! Я ничего не могу понять. Это ведь хуже, чем бить из орудий по своим... Милый, ты старше, скажи, объясни, дай ниточку, чтобы я понял... Может, это так нужно сейчас?..

Рокоссовскому со следователем повезло. Ему, уроженцу Польши, могли «пришить» шпионаж и расстрелять, а его всего-навсего отправили в лагерь. Он угодил в Княж-Погост, севернее Котласа, оттуда его освободили в 1940 году. Тюремные переживания остались с ним навсегда. Он совершенно не терпел энкаведистов и держал в личной охране только воен-

ных. После войны Сталин против желания маршала поставил его министром обороны Польши. В Варшаве Рокоссовскому довелось стать мишенью нескольких покушений польских патриотов, а в 1956 году — покинуть пределы Польши. «Какая горькая судьба! — сказал он другу. — В России меня считают поляком, а в Польше — русским...»

Из пяти маршалов к 1939 году Сталин оставит в живых лишь двух конников — Ворошилова и Буденного. Вслед за Тухачевским генсек казнит Егорова. Очередь Блюхера подойдет осенью тридцать восьмого. Вдова маршала Глафира Лукинична вспоминает, как в июле в Хабаровск прибыли начальник Главного политуправления РККА Мехлис и начальник пограничных войск НКВД Фриновский. «С Василием Константиновичем они беседовали в его домашнем кабинете. Зайдя в спальню за папиросами, напряженный внутренне, муж попросил принести сюда коньяку. Я стала просить ни в коем случае не пить. За стеной же они...

— Ты знаешь, — сказал Василий Константинович, — сейчас мне крайне необходимо это. Приехали акулы, которые хотят меня сожрать. Они меня или я их, я не знаю. Второе маловероятно!»

Когда по случаю победы 6 августа у озера Хасан и в связи с восьмой годовщиной ОКДВА в Хабаровске проходила демонстрация трудящихся, имя маршала Блюхера не вспомнили ни разу. Ни одного его портрета в городе и на площади... Тогда же исчезло имя маршала из популярной песни.

«Василий Константинович, — продолжала вдова маршала, — вернулся с фронта в своем служебном вагоне. В салоне ехали Мехлис и Фриновский. Муж, войдя в свое купе, несколько раз повторил: «Все предали, все предали!..» Дома на него было страшно смотреть. Он вновь обвинял кого-то в предательстве».

Потери в боях были ужасающие, и более всего этому способствовал сталинский фаворит Мехлис, который с присущей ему наглостью вмешивался в оперативное командование и отдавал свои распоряжения войскам. Это он чуть не погубил 40-ю стрелковую дивизию, приказав ей наступать на совершенно не пригодном для этого участке. Блюхер отменил приказ чиновника и спас дивизию вместе с новыми командирами. Прежние все погибли в тридцать седьмом как «враги народа». Все, кроме комиссара Кирилла Руденко. Его зверски пытали в хабаровской тюрьме, возили вместе со смертниками на знаменитую Фенину гору, близ Никольска Уссурийского. Там комиссара «перед расстрелом» принуждали подписать при-

знания, затем «казнили», отправляли назад в тюрьму и вновь привозили «на расстрел»... Спасла его стойкость невероятная, а может быть, пресловутая бериевская «оттепель» 1939 года.

Кто мог спасти Василия Блюхера? Сталин? Но именно он уже вынес ему приговор.

18 августа маршал вылетел в Москву. На заседании Политбюро его резко критиковали за последнюю военную кампанию: якобы она затянулась по его вине. К тому же командующий допустил значительные, вовсе не оправданные потери. Блюхер входил в высший партийный орган как кандидат в члены Политбюро, но протоколы последних заседаний ему уже не присылали. Еще один тревожный сигнал...

На этом заседании Блюхера вывели из состава Военного совета при наркомате обороны, сняли с поста командующего Дальневосточным фронтом.

Генсек на сей раз надел маску беспристрастного арбитра, он вроде бы не потерял благорасположения к маршалу, он даже советовался с ним по поводу строительства на Дальнем Востоке новой стратегической железной дороги.

Вернувшись в гостиницу, Блюхер готов был застрелиться, удержала мысль о семье. Жена с детьми уже выехала в Москву, что с ними станется? Прошла неделя, еще одна... Неожиданно Ворошилов предложил Василию Константиновичу отдохнуть вместе с семьей на его сочинской даче «Бочаров ручей». Перебраться из гостиницы в служебный вагон помог неизменный адъютант маршала Иустим Крысько. Он должен был сопровождать вагон в Сочи, но перед самым отходом поезда исчез. Навсегда.

Еще один тревожный сигнал.

На даче под видом охраны, obsługi — агенты НКВД. Прослушивание. Отсутствие писем. «Это же изощренное издевательство!» — вырвалось однажды у Василия Константиновича невольно.

Близилась неминуемая расправа. Дачу посетил Павел Аллилуев, брат погибшей семь лет назад Надежды Сергеевны. После обеда беседовали вдвоем, и Блюхер понял, кто подослал к нему Аллилуева, зачем послал. Из Хабаровска прибыл младший брат маршала, капитан ВВС. Он сообщил о секретном приказе по РККА от 4 сентября, согласно которому Блюхер располагал в Токио своей резиденцией и готовился к перелету в Японию. Но измену предотвратил брат Блюхера, летчик.

На удивление примитивно сработанная провокация. Знакомый стиль...

Пришли за Блюхером 22 октября. С ним вместе арестовали жену с детьми. Самому младшему, Василину, исполнилось восемь месяцев, он так и пропал, больше его Глафира Лукинична никогда не увидит. На Лубянке ее удостоит первым допросом сам Берия. Дадут ей через ОСО восемь лет лагерей за «недонесение». А муж, он знал, чем все кончается. Он сказал ей за несколько дней до ареста: «Абсолютно смелых людей не существует. Начнут выламывать руки и ноги — никто не выдержит, подпишет...»

В чем же он, крестьянский сын, провинился перед партией? Первым в стране наградили его орденом Красного Знамени. И еще трем. Самара, Челябинск, Тобольск, Каховка, Перекоп, Волочаевка... А Китай? Разве не он, главный советник революционного правительства, помогал Сунь Ятсену создавать армию?

Истязали маршала четверо следователей — по очереди и все вместе. Фамилия одного стала позднее известна — Иванов.

Сколько минут нужно, чтобы спуститься с Лубянской площади к Театральной — пять, десять? В Колонном зале Дома союзов выступает Лидия Русланова. Ее репертуар — русские народные песни — давно известен. И вдруг — походная, дальневосточная, любимая песня Блюхера:

По долинам и по взгорьям
Шла дивизия вперед...

Певица взмахнула зеленой газовой косынкой, как знаменем.

Романтика партизанских походов. И будни лубянских застенков... Палачи вырвали у Блюхера глаз, положили на ладонь:

— Будешь запираяться, вырвем второй.

Этот эпизод отражен в документах прокуратуры. О последнем часе полководца сохранились лишь устные предания. Вызванный в кабинет Берия, Блюхер набросился на палача и был застрелен на месте.

Прошли годы. Глафира Лукинична, отбыв свои восемь лет, поехала на розыски дочери. Ребенка в пятилетнем возрасте поместили в детдом. На станцию Красноярка, за далеким сибирским городом Кемерово, она прибыла ночью. Кто-то из местных, оглядев женщину в лагерной телогрейке, заметил: «У нас тут пошаливают, нельзя вам одной идти. Я как раз собираюсь в ту сторону. Пойдемте вместе». В дороге разговорились. Спутник оказался автомехаником.

Да, он знает этот детский дом. Но ведь там содержат детей врагов народа?..

— Отец девочки расстрелян.

— Извините, как ваша фамилия?

И механик упал на колени перед вдовой погибшего маршала, обнял обутые в лагерные чуни ноги...

Вблизи послышалось урчание мотора. Мужчина вскочил, побежал к дороге, остановил грузовик. Женщину заботливо усадили в кабину. На место прибыли к утру.

Заведующая детдомом привела девочку. Худенькая, маленькая для своих тринадцати лет, она секунду помедлила и бросилась на шею матери. Она заикалась от волнения:

— Ма... Ма...

Потом, чуть освоившись, пожаловалась:

— Мама, а у меня вчера куклу утащили...

Вдруг в просторном вестибюле стало темно. Это любопытные детские головки закрыли снаружи окна. Первая мама за столько лет! Первая мама!

«ПОЦЕЛУЙ ЗЛОДЕЮ РУЧКУ...»

Осенью 1928 года, когда началась массовая экспроприация крестьян и в победные марши вступили звонкие фанфары первой пятилетки, главный дирижер оркестра великого перелома вспомнил о безнадежно отставшей от всеобщего ликования Академии наук и тотчас начал необъявленную войну против отечественных ученых. С помощью испытанного подручного Молотова Иосиф-строитель перетряхнул состав Академии наук. Полоса террора оказалась довольно кратковременной, всего два года, но академия вышла из нее преображенной.

За это время ученые освоили науку молчания и исполнения высоких предначертаний. Упрямам скрутили руки, самых непокорных вышвырнули вон. Предприимчивые поняли, что на этом корабле удержаться можно лишь за счет менее приспособленных братьев-ученых. И действовали соответственно.

Перво-наперво Иосиф-строитель решил влить в этот научный организм свежую партийную кровь. И он устроил то, что у его китайского коллеги получит название «культурной революции».

Почти сто лет, с 1836 года, действовал устав императорской Академии наук. Он предоставлял ученым гарантирован-

ные права, ограничивающие вмешательство властей в научно-исследовательскую работу и управление академией. За ней признавались следующие основные права:

- выдвижение и утверждение кандидатов в члены академии;
- бесцензурное издание трудов;
- бесплатная пересылка всех почтовых отправок;
- бесцензурное получение зарубежных изданий;
- самостоятельная закупка за границей и беспошлинное получение книг, приборов, коллекций;
- беспрепятственный вывоз за границу академических грузов (включая рукописи);
- освобождение от таможенного досмотра на границе;
- право иметь свою гербовую печать.

Мог ли генсек оставить без внимания такой устав? Начиная с 1927 года он трижды менял старый устав на новый, пока от «вольных» пунктов не остался один, последний, касающийся печати.

Согласно новому академическому уставу отбор кандидатов — впервые в истории мировой науки! — должен производиться при участии «широкой общественности». В переводе на нормальный русский язык это означало: кандидатов назначают сверху. Кому быть, кому не быть ученым решал отныне партийный аппарат. Второй шаг вперед — постановление СНК от 3 апреля 1928 года об увеличении числа академических кафедр до восьмидесяти пяти. Предстояло выбрать сорок два новых члена академии.

Академик А. И. Соболевский обратился к коллегам с письмом, призвал спасти академию от гибели, не выбирать «марксистов». То был единственный голос мужчины в собрании отважных исследователей.

По отделению гуманитарных наук власти наметили восемь кандидатов. Все они прошли первую ступень (12 декабря 1928 г.). Однако на общем собрании трем из них — А. М. Деборину, Н. М. Лукину и В. М. Фриче — набросали вдоволь черных шаров. Экстренно созданный президиум (Карпинский, Иоффе, Крачковский, Крылов, Ольденбург, Ферсман) решили назначить общее собрание повторно, с участием вновь избранных, и вторично поставить на голосование троих забаллотированных. Постановление президиума поддержали академики Марр, Курнаков, Платонов, Комаров, Тарле.

Всего за троих отвергнутых голосовало пятнадцать академиков. После же заявления президиума и пяти присоединившихся (это произошло 12 января 1929 г.) уравнение на тему

«Кто посмел?!» решалось легче: осталось всего пять неизвестных.

Нет, что бы там ни говорили, а трусость и предательство родились не в тридцать седьмом...

В двадцать девятом нашлись стойкие люди. Девять академиков заявили протест против перебаллотировки: Ляпунов, Левинсон-Лессинг, Карский, Лавров, Бородин, Петрушевский, Владимирцов, Сакулин (последних троих только что избрали). С девятым, Иваном Павловым, вышел казус: самый именитый и «пригретый», он оказался самым упорным.

Журнал «Чудак», поместивший по поводу академического скандала иллюстрированный редакционный фельетон, стыдливо опустил портрет Павлова в галерее девяти противоборцев.

А Иван Павлов стоит на своем. 17 января на общем собрании он резко протестует против произвола партийных чинов. Его увещевают Платонов и Крылов. Маститый математик, механик и кораблестроитель Алексей Николаевич Крылов произносит уютную фразу: «Плюнь, батюшка, поцелуй у злодея ручку».

На общем собрании отсутствуют тридцать семь академиков из семидесяти восьми. За постановление президиума подано двадцать восемь голосов, против девять, воздержались от голосования четверо. Академия просит Совнарком «в виде особого исключения» и «в отступление от устава» разрешить повторное баллотирование 31 января.

Молотов докладывает Сталину о результатах. Генсек запускает на полную мощность пропагандистскую машину. Митинги на заводах, газетный гром, призывы — наказать, разоблачить, запретить, обновить... Что говорить, кое-какой опыт в организации политической травли Сталин уже накопил. В хоре новоявленных черносотенцев выделяется коллективный голос коммунистов Ленинградского комуниверситета: «Пускай ученые обскуранты знают, что рабочий класс, идущий под знаменем единения науки и труда, во имя этого единения не задумается перешагнуть через них. А если нынешняя Академия наук с ними не справится, то — через академию».

Это уже голос из будущего.

13 февраля состоялись наконец выборы. Участвовали в голосовании пятьдесят четыре академика, обработанных столь основательно, что лишь двое-трое осмелились бросить черные шары.

А судьба злополучной троицы поучительна. Фриче умер через полгода после избрания. И умно поступил: покойного

вскоре объявили представителем вульгарно-социологического направления. Деборин подвергся разгромной критике за меньшевистский идеализм и недооценку ленинского этапа философии. Он даже удостоился сомнительной чести стать основателем нового «уклона» — д е б о р и н щ и н ы... Академик Лукин принял посильное участие в травле инакомыслящих, но это его не спасло от участи тысяч ученых, списанных с корабля науки в тридцатые годы по разряду «врагов народа».

Все в духе времени.

Как тут не вспомнить слова Г. М. Кржижановского, произнесенные в памятный день 13 февраля 1929 года: «Мы вступаем в Академию наук как колонна марксистов-диалектиков».

Диалектика...

А из тех, что не пожелали склонить выю, пятеро ушли из жизни в ближайшие два года: слависты Лавров и Карский, ботаник Бородин, литературовед Сакулин и монголовед Владимирцов. Но раньше всех похоронили Соболевского.

Этот ранний мартиролог составил И. Вознесенский. Он сообщает, что лишь историк Д. М. Петрушевский сохранил независимость до самой кончины в 1942 году.

Алексей Крылов станет еще и лауреатом Сталинской премии, и Героем Социалистического Труда, три ордена Ленина получит. До глубокой старости лобызал он ту ручку. Он скончался в 1945 году восьмидесяти двух лет от роду. Горькой тропой прошел Крылов к приятию злодея. При царе получил он чин генерал-лейтенанта флота. Октябрьскую революцию воспринял как бунт черни. Сын Крылова погиб на гражданской войне, сражаясь на стороне белых.

История пооктябрьской науки знает несколько истребительных кампаний.

Первая падает на годы жизни Ленина, когда Сталин только подбирал ключи к верховной власти. В 1923 году Советское правительство покончило с традиционным демократическим правом университетов (и некоторых институтов) — академической автономией. На эту давнюю университетскую привилегию цари в прошлом веке не посягали.

Дорвавшись до власти, Сталин перестал церемониться со всеми университетами и институтами вообще.

Вузы страны выпускали ежегодно десятки тысяч специалистов, будущих командиров производства и ученых. Многие вскоре попали под топор большого террора. Ведала правая рука Сталина, что делала левая? Ведала. Ради внедрения

страха и покорности можно (нужно!) снять сливки с народа. Прежде всего — сливки!

Испокон веков русский мужик недоверчиво относился к «образованным». Ведь они почти все были дворянского происхождения. Сталин заботливо разжигал неприязнь, растил ненависть пролетариев к интеллигенции, особенно к ученым.

«Дело Академии наук». Так называлось начатое в 1930 году «дело» историка Платонова. В то время наши славные чекисты вскрыли «контрреволюционные центры», «партии» и другие «организации» во всех сферах экономики. Миллионы «врагов народа» в школах и детских садах, в наркоматах и больницах, в пожарных командах и оперных театрах. Могла ли отстать от всенародного движения Академия наук? Как «оказалось», академики не только помышляли о насильственном свержении Советской власти, они уже сформировали подпольное правительство. А пока, в ожидании переворота, занимались идеологическими диверсиями и прямым вредительством. Владимир Николаевич Бенешевич, историк, профессор церковного права, активно сопротивлялся избранию в Академию наук «марксистов». По «делу» он проходил как министр вероисповеданий в кабинете Платонова. Портфели этого мифического правительства распределял на Лубянке следователь Стромин.

Выкорчевывать академиков начали вместе с родственниками. Прежде чем схватить Платонова, забрали и отправили в лагеря его дочерей. Отца сослали в Саратовскую область. Там он и умер через два года.

Академика Е. В. Тарле выслали в Алма-Ату. Один из редких счастливых, удостоенных права умереть в собственной постели, он после ссылки вернулся к научной деятельности и даже печатался, но уже теперь лишь как профессор Тарле. Сталин по этому поводу однажды выразил деланное удивление: «Разве Тарле не академик?..»

Маститого ученого немедленно восстановили в академическом звании — без выборов и без вакансии.

Новое подневольное состояние науки и ученых нашло отражение в новом уставе 1930 года. Согласно статье 11 в АН могли быть избраны лишь ученые, «способствующие социалистическому строительству СССР». Статья 16 ставила дополнительное условие перед почтенными академиками: в число почетных могли быть избраны ученые, «обогадившие науку трудами мирового значения, за исключением лиц, проявивших враждебное отношение к революционному движению пролетариата».

Таким образом, ни один всемирно признанный ученый — будь то англичанин, немец, перс или украинец — не мог рассчитывать на звание почетного члена АН СССР, пока он публично не изъявит восторга по поводу узурпации власти Сталиным. (При чем здесь «революционное движение пролетариата»? А разве неизвестно, что Сталин по совместительству является вождем мирового пролетариата?..)

Таковыми мерами Сталин пытался втянуть в процесс обожествления собственной персоны самых известных иностранных ученых. Что касается доморощенных, то ряды жаждущих припасть к стопам множились день ото дня на тысячах кафедр общественных наук. И не только в этих гнездилищах. В те годы гремели имена таких псевдоученых, как П. Н. Поспелов, М. Б. Митин, П. Ф. Юдин, Г. Ф. Александров. Да не забыть Емельяна Ярославского — он был одним из зачинателей фальшивой историографии в двадцатые годы.

Но обо всех не расскажешь, жизненный путь каждого лжеученого отмечен деяниями криминальными, поступками гнусными. Впору роман-детектив писать. Поэтому остановимся на одной фигуре — М. Б. Митина. Этот, с позволения сказать, философ в короткий срок вырос в типичного функционера сталинской эпохи. Для старта научной карьеры бывшего политрука Митина судьба выбрала редакцию журнала «Революция и культура». Главным редактором был тогда, в 1928 году, Николай Бухарин, ответственным секретарем — Надежда Аллилуева. Бухарин встретил его приветливо: «У вас все впереди, молодой человек».

Митин начал с серии статей, направленных против «правого уклона», не упоминая пока имен лидеров. Касаясь последних работ Ленина, автор предлагал толковать их общенно, понимая ленинизм в целом «синтетически».

Чей заказ выполнял энергичный философ?

Через два года последовал второй залп, на этот раз по школе А. М. Деборина. Вероятно, этот видный философ кому-то дорогу перешел, и вот Митин вкупе с В. Ральцевичем и П. Юдиным выступают в «Правде» с разоблачением деборинского «уклона». По этому сигналу шельмовали неугодных режиму философов на заседании президиума Коммунистической академии. «...Партия осадит и тех, кто зарвался, кто отошел от современных актуальных проблем, кто страдает в весьма высокой степени болезнями идеализма. И товарищи сами виноваты будут, если эта осадка произойдет самым свирепым образом...»

Вот он, переход от слов к делу.

На этом же заседании Митин открыто назвал того, кто заказывал музыку, заявив, что работы Сталина — это воплощение творческого марксизма.

Усердие Митина было замечено, ему предоставили кресло редактора журнала «Под знаменем марксизма» вместо Деборина. На этом посту он мог уже свысока поглядывать на оклеветанного Бухарина и развернуть кампанию славословия генсеку. В 1936 году это выглядело так: «Нет ни одной статьи, ни одной работы т. Сталина, которая не была бы примером творческого марксизма... Именно поэтому он не только воинствующий материалист-диалектик, но и крупнейший теоретик материалистической диалектики современности...» Преданные анафеме ученые — это «идеологическое прикрытие троцкизма...», «его прямая агентура...». Став придворным философом, Митин присваивает себе функции государственного обвинителя: «Трижды презренная троцкистско-зиновьевская фашистская террористическая банда имела в лице меньшевистствующего идеализма свою агентуру на философском фронте».

В обеспечение полного контроля над Академией наук Сталин ввел в ней новую «революционную» систему выборов. Статьи 13—18 нового устава закрепили полное бесправие академии при выдвижении кандидатов.

И чтобы совсем спеленать доставшееся от старого режима непокорное дитя, чиновники сформулировали задачи АН в таком ударно-утилитарном духе: отныне академия «содействует выработке единого научного метода на основе материалистического мировоззрения, планомерно направляя всю систему научного знания к удовлетворению нужд социалистической реконструкции страны и дальнейшего роста социалистического строя».

Ученым, если они только хотели уцелеть, предстояло усвоить новые задачи. Для непонятливых в уставе сохранилась статья об исключении из академии за «деятельность, направленную во вред Союзу ССР».

Под эту статью можно было подвести всякого.

Скольким ученым инкриминировали вредительскую деятельность? Скольких загубили?..

За дело, батенька, за дело. Взять тех же математиков. Собрались в июне тридцатого года на свою конференцию и — подумать страшно! — отказались послать приветствие XVI партийному съезду. А профессор Егоров, недавно снятый с поста директора института (он упорно не желал вступать в профсоюз), осмелился публично заявить, что «не что-либо

другое, а навязывание стандартного мировоззрения ученым является подлинным вредительством».

Этот «вождь реакционной московской математической школы» состоял к тому же церковным старостой. И считал, что это нисколько не хуже, нежели состоять секретарем партбюро.

Всею мощью партийного и государственного аппарата, органов пропаганды и печати обрушился Сталин на непокорных егоровых. «Вредительство в науке» надолго стало одной из самых популярных тем печатных выступлений. Доставалось всем — физику Френкелю, биологу Гурвичу, географу Бергу, психологу Савину, геологу Вернадскому, математику Лузину, китаеведу В. Алексееву... А пуще того — историкам и философам. Этих «махистов», «виталистов», «меньшевиствующих идеалистов», «вульгаризаторствующих социологов» и разных прочих «ползучих эмпириков» клеймили как носителей реакционных теорий и противников большевистской политики в области науки. Их обвиняли в «идеологическом обволакивании коммунистов».

...Где-то мы уже читали нечто подобное. Ну да, в протоколах заседаний испанской инквизиции.

Средневековые инквизиторы были деловыми людьми. Они не ограничивались проклятиями в адрес еретиков. Сталин тоже предпочитал слову дело. Выселение из центров науки и уничтожение строптивых ученых он поставил на конвейер. Начало было положено в 1922 году, когда за границу выслали триста видных историков, философов и литературоведов. Теперь счет пошел на тысячи. И не за границу их высылали — вон какие еще не изученные красоты за Волгой, за Уралом!..

Некоторых ученых Сталин только отстранял от науки. Пока отстранял. Не у дел оказались языковеды Державин и Обнорский, физик Лазарев, физиологи Бериташвили и Л. Орбели, агрохимик Прянишников. С политическими обвинениями против Прянишникова выступил «красный академик» Вильямс. Коллеги обличали, шельмовали друг друга. Порой трудно было отличить «своего» от «чужого».

Партийный чин, «философ» и «литературовед», Иван Луппол вытеснил из академии Жирмунского и Шишмарева. В 1939 году его «избрали» в АН, а через год... арестовали. Погиб корчеватель в мае сорок третьего...

Ученый предавал ученого.

И вот уже аккуратно оклеветанного академика волокут на расправу к Хозяину. А уж он сам решал, что делать с отще-

пенцем, в зависимости от его авторитета (вдруг он мировой?) и нужности (могут его открытия существенно приумножить экономический, а еще лучше — военный потенциал страны?), — отправить в лагерь, выслать подальше от Москвы или «просто» лишить работы?..

Всемирно известный американский генетик Герман Джо-зеф Меллер впервые побывал в СССР в 1922 году на торжествах по случаю столетия со дня рождения Менделя. Меллера пригласили работать в Германию на средства фонда Гугенгейма. С приходом к власти Гитлера начались гонения на генетиков. Институт мозга, где работал Меллер, разогнали, самого ученого арестовали. Если бы не заступничество Круппа, Меллер стал бы жертвой «нового порядка»: он имел неосторожность родиться с «нечистой» кровью.

Советские ученые высоко ценили труды Меллера. Президент АН СССР Сергей Вавилов знал ученого-генетика лично, звал в Москву. И Меллер приехал. 2 февраля 1938 года его избрали членом-корреспондентом АН по разряду иностранных.

В Москве организовали Институт генетики, и Меллер, полный надежд, принимает одну из лабораторий нового института. Вскоре Меллер выпускает книгу с признанием заслуг сталинского режима перед наукой...

Не ведая сути политических процессов внутри страны и эволюции власти, Меллер ведет научный спор с группой Лысенко, разоблачает невежественных коллег.

...Но пробил смертный час советской генетики человека. Директор Медико-биологического института Соломон Левит, изучавший, по неразумению, хромосомы разных этнических групп, объявлен врагом народа. В тюрьму, в лагерь — на истребление — забрали всех видных ученых-генетиков. Лженаука ликвидирована. Институт оккупирован военными под дом отдыха. Теперь уж никто не усомнится в полной победе так называемого «творческого дарвинизма».

...Меллер чудом уцелел. Он успел выехать за границу, участвовал в революционной борьбе испанского народа против фашизма. После второй мировой войны стал лауреатом Нобелевской премии.

Герман Меллер уцелел. Сколько не уцелело?..

А ликвидированная Сталиным отечественная генетика? Что ж, отстав на три десятилетия от Запада, ныне пытаемся догнать. Однако наши ученые говорят, что в обозримом будущем догнать генетиков Запада вряд ли удастся.

Сталин оголил, ликвидировал целые отрасли и направле-

ния науки. Места изгнанных и уничтоженных исследователей оперативно заняли псевдоученые, постигшие главную формулу преуспевания на ниве науки: «Предавай сам, иначе предадут тебя».

Состоялось еще одно достижение сталинщины — растление Академии наук.

Физиолог Иван Павлов, экспериментируя над обезьянами и собаками в своих Колтушах, по-разному кормил подопытных животных. Сталин четко дифференцировал снабжение видных ученых по трем категориям: члены президиума, действительные члены АН и члены-корреспонденты. Им выдавали икру, мясо, рыбу благородных кровей в разных количествах и разного качества. Тот же принцип — не за результаты исследований, а за звания — действовал при распределении квартир и дач, окладов и орденов. На фоне гонений «примазавшихся» космополитов, на фоне полуголодного существования прочих граждан эта подкормка была весьма эффективной.

Радиофизик Д. С. Рожанский при голосовании резолюции, требующей смертной казни членам мифической «Промпартии», в 1929 году воздержался и, естественно, угодил в лагерь. Чудом остался жив, вышел на свободу. Незадолго до смерти успел поработать над радиолокационной установкой.

Нет, ученые не только целовали ручку дающего. Они ковали ему оружие, с помощью которого он потом подчинит себе половину Европы.

Этика ученого. Что с нею сделал Сталин?..

Ученому миру хорошо известно имя востоковеда, индолога Щербатского, основателя Института буддийской культуры. При Сталине институт разгромили, директора уничтожили. С рукописями случилось то, что случалось на каждом шагу: их присвоили респектабельные мародеры от науки.

Наглой, уверенной поступью вошло в науку воровство. Академики-назначенцы и членкоры милостью Сталина, легионы липовых докторов и профессоров, захлебываясь от нетерпения, кинулись выкорчевывать и грабить.

Если составить перечень только известных ныне украденных и присвоенных учеными-опричниками открытий, изобретений, исследований — солидный том получится.

Развязав в тридцать пятом году большой террор, Сталин не мог мириться больше с академической вольницей. Какие-то подозрительные иностранцы ездят туда-сюда, что-то пишут, думают что-то, изобретают. Кому они служат? Мировой буржуазии выгодно иметь своих агентов в самом сердце

Великой Державы. Мы их еще кормим-поим, лучшие квартиры даем, лаборатории... Само их присутствие разлагающе действует на наших замечательных ученых-патриотов. При царях-изменниках иностранцы роились вокруг Российской академии в Петербурге. Рабочий класс больше этого не потерпит. Словом, к тридцать седьмому году тот скудный ручеек, с которым в Советский Союз притекали мировые умы, прервался.

Никто и ничто так не способствовало отставанию советской науки от мировой, как сталинщина. Как почетный академик Иосиф Сталин. К концу его жизни это отставание стало катастрофическим.

«Выпьем за науку. Не за ту, которая... а за ту, которая...» В тридцать восьмом, когда Сталин произнес этот не очень вразумительный тост, той науки, за которую он не хотел выпить, и тех ученых уже не стало. Остались лишь те, что не ленились ручку целовать злодею. И среди них, конечно, такой трубадур террора, как Митин. Летом 1938 года ему Сталин поручает, после серии так называемых открытых процессов, составить текст новой программы партии. Автор одной из первых программ, Бухарин, казнен, туда ему и дорога. Митин справился с заданием генсека в десять дней. Настал звездный час подручного палача. На XVIII съезде он вошел в состав ЦК. Та же рука наградила орденом и возвела его в сан академика. В тот же день ряды академиков пополнились почетными членами Сталиным и Молотовым.

Пытаясь загнать советскую науку в казарму, Вождь подбирал штат надзирателей. Вместе с Митиным он назначил академиком прокурора Вышинского. Теперь они в одной упряжке. Первый дал «философское» обоснование массового террора, второй — «юридическое», с позволения сказать.

Милости надо отрабатывать, и Митин бросается в самую гущу дискуссии в области генетики и селекции. На стороне Лысенко, разумеется. Они сошлись, родственные души, на травле замечательного ученого Николая Вавилова. И вновь был отмечен Хозяином академик Митин, получив ответственный пост директора Института Маркса — Энгельса — Ленина при ЦК ВКП(б). Вавилов гибнет голодной смертью в тюремной камере в январе сорок третьего, а Митин через пять лет завершает разгром его детища — ВАСХНИЛа. Эта акция свершилась в период «охоты на ведьм космополитизма», когда в стан врагов с легкой руки Жданова были зачислены все ученые, мыслящие широко, да и все граждане, не лишенные до конца чувства общности человеческой науки и куль-

туры. Присяжный погромщик Митин отдал этой новой кампании много сил и жестокой энергии. Более двадцати лет поставлял он живые мишени главному охотнику. За словесными залпами следовали смертные залпы. Велика доля академика Митина в деле изничтожения отечественной науки, в деле истребления ее передовых носителей. И в кампании фальсификации истории, из которой вырос культ кремлевского божества. Именно он, директор Института марксизма-ленинизма, приложил свою ручку к созданию фантастической «Краткой биографии» Сталина, миллионными тиражами снизошедшей на послушный народ.

Долгие десятилетия благоденствовал на этой фальшивой ниве сталинский прислужник, даже после смерти Хозяина. И после XX съезда партии. Для этого оказалось достаточным признать допущенные в тридцатые годы «перегибы в критике» — так стыдливо стали называть истребительную войну против подлинной науки и честных ученых.

Один из них — философ Ян Эрнестович Стэн, учивший Сталина азам логики, погиб в тюрьме в 1937 году. Пришла пора реабилитации, для многих посмертной, и выяснилось, что опубликованная в первом издании БСЭ за подписью М. Митина и А. Щеглова статья «Философия» написана Стэном. И когда вернувшаяся в Москву после восемнадцати лет лагерей вдова выдающегося философа Валерия Львовна решила вывести плагиатора на чистую воду, тот ответил: «Надо было спасти ценный труд вашего супруга. Ведь под его фамилией статья не прошла бы...»

С таким же изяществом Митин вошел в очередной поворот после снятия Хрущева. При Брежневе генеральная линия колебнулась вправо, и вместе с ней резко колебнулся — в который раз! — непременный Митин. Да, непременный. Такой же, как П. Н. Федосеев.

В 1947 году членкор Академии наук Федосеев устроил зубодробительный разнос Анне Сергеевне Аллилуевой за книгу воспоминаний. Как вспоминает Светлана Аллилуева, «книга вызвала страшный гнев отца». Действительно, разве мог «вождь Октября» Сталин в решающую ночь восстания мирно попивать чаек на квартире Аллилуевых?.. «Это не воспоминания очевидца, — бросается на защиту Вождя Федосеев, — а приемы авантюриста». Попутно он повторяет давно и прочно канонизированные домыслы официальных историков партии и делает заключение: «Появление книги А. С. Аллилуевой, в которой она пытается изобразить деятельность партии и ее вождей, вызывает тем большее недоумение, что

советский читатель имеет сталинский «Краткий курс истории ВКП(б)» и научно составленную биографию И. В. Сталина. Видимо, А. С. Аллилуева считает, что ее книга призвана конкурировать с указанными книгами. Эта претензия автора по меньшей мере недобропорядочна».

В самую точку попал ученый партчиновник, угодил Хозяину. Потом — другому. Когда на главный пост заступил Брежнев, истово служил ему. Потом, уже в ранге вице-президента, совершил еще один поворот. Жинь — как гигантский политический слалом...

Все они: М. Митин, П. Федосеев, П. Пospelов, П. Юдин, Г. Александров и конечно же Емельян Ярославский — всеми мерами способствовали упадку общественных наук, делами своими вписав самые позорные страницы в историю академии. И — самые кровавые.

В 1918 году в речи, посвященной памяти академика В. П. Васильева, неприменный секретарь Российской академии наук С. Ф. Ольденбург сказал: «Всего два, в сущности, с небольшим века этой молодой русской науке, а как длинен ее мартиролог...».

Горько сознавать, что с тех пор этот мартиролог намного удлинился.

КОГО ОН ОСТАВИЛ?

Иван Грозный в одном из посланий князю Курбскому писал: «...а пожаловати есми своих холопей вольны, а и казнити вольны же».

Сталин был волен казнить и миловать кого угодно. Самый вольный человек в своей гигантской латифундии.

Удобней всего было бы не миловать никого. Но кто ж тогда будет работать? Кого Он поведет к коммунизму? А восторгаться милостью Вождя кто будет? И потом, если ликвидировать всех до одного старых коммунистов, генсека, чего доброго, обвинят в тотальном терроре...

Так вступили в конфликт прихоть с необходимостью. Пришлось кое-кому оставить жизнь. Но Хозяин «миловал» отнюдь не первых попавшихся. В Грузии он не уничтожил лишь двух видных партийцев — Филиппа Махарадзе и Миха Цхакая. Они знавали Кобу — подлинного, не вымышленного! — с юных лет, но оказались более покладистыми, нежели убиенные Мдивани, Картвелишвили, Орахелашвили с товарищами...

Несколько известных большевиков Сталин пощадил в Киеве, Москве, Ленинграде.

Политическая физиономия Д. З. Мануильского с точки зрения ортодоксального большевизма выглядит подозрительно пестро: во Франции в годы эмиграции он примыкал к меньшевикам, в семнадцатом не сразу встал на ленинскую платформу, был близок к Троцкому. Одного этого с лихвой хватило бы для зачисления Дмитрия Захаровича в стан «врагов». Но он проявил себя весьма активным сторонником Сталина на съездах партии в двадцатые годы. После смерти Ленина генсек ввел Мануильского в президиум исполкома Коминтерна. Он полностью оправдал его доверие, выявляя мнимых оппортунистов. После войны Мануильский выполнял обязанности опереточного министра иностранных дел Украины. Он дослужился до поста зампреда Совета Министров Украины и на целых шесть лет пережил вождя-благодетеля.

В отличие от Мануильского, другой ветеран партии, Максим Литвинов, пытался держаться независимо. Деятель гораздо более крупного калибра, Литвинов не был покорным исполнителем сталинской воли. Это проявилось в кризисном тридцать девятом году, когда Вождь круто изменил курс внешней политики, вступив в сговор с Гитлером. Литвинова сняли с поста наркома иностранных дел, почти всех его сотрудников репрессировали. Он ждал ареста. Ждал год, два, три... Но Сталин так и не тронул опального дипломата.

Каприз деспота? Несомненно. Однако считаться с иной человеческой жизнью его побуждала амбиция властителя... А что люди скажут? Там, на Западе, скажут?... Мнение заграницы было для Сталина далеко не безразлично. И потом, Литвинов-дипломат мог еще пригодиться.

Единственным видным соратником Ленина, которому Сталин милостиво даровал жизнь, был Петровский.

Почему Хозяин не расправился с ним, как со Скрыпником, с Любченко, Косиором и другими лидерами украинских большевиков? Весной 1939 года, когда все они были заключены в тюрьму или погибли (Николай Скрыпник, человек редкой отваги, один из организаторов Компартии Украины, покончил жизнь самоубийством в 1933 году), Пленум ЦК КП(б) Украины освободил Григория Петровского от должности председателя Верховного Совета республики в связи с назначением на пост заместителя председателя Совета Союза. Все знали, что должности такой не существует, что туда не назначают, а выбирают (формально, по крайней

мере!), но старейшего коммуниста с почетом проводили в Москву.

В столице Григорий Иванович оказался не у дел. С ним боялись разговаривать. Даже Клим Ворошилов не принял его. Назначили Петровскому пенсию — 80 рублей в месяц и забыли о нем. Пенсия ничтожная, квартиры нет... Долго сложился член ЦК ВКП(б) по вдруг оглохшей столице, пока случайно не встретил Федора Никитича Самойлова, директора Центрального музея Революции. В 1912—1914 годах они вместе представляли большевиков в IV Государственной думе. Самойлов предложил Петровскому место замдиректора музея по хозяйству: должность завхоза не входила в номенклатуру ЦК, и Самойлов надеялся, что за эту вольность кремлевский громовержец с него не взыщет. Григорий Иванович с увлечением отдался собиранию документов революции.

На очной ставке с «врагом народа» Станиславом Косиором, устроенной Сталиным с участием Ежова, Григорий Иванович держался смело.

Почему же все-таки Сталин не уничтожил этого ленинца? Неужто только из «уважения» к бывшему депутату Думы?

«Милость» Сталина распространилась на несколько десятков старых членов партии, не оставивших заметного следа в революции. Они нужны были ему для создания видимости ленинского антуража вокруг собственной персоны. Постоянное славословие, сочинение — к случаю — приветственных адресов, присутствие в президиуме съездов и конференций. И создание новой истории. В этом смысле полезным слугой-исполнителем оказался Емельян Ярославский.

Генсек заметил Ярославского еще при жизни Ленина, ввел его в центральный аппарат и поручил редактирование ведущих органов партийной печати. Ярославский предпринял издание «История ВКП(б)» и краткой биографии Сталина. Яркая посредственность, Ярославский на поприще фальсификации истории проявил редкую старательность. Он соединил в одном лице партчиновника и плодовитого фантаста — удивительный продукт времени. Этому присяжному переписчику истории Хозяин поручил возглавить Общество старых большевиков.

Подошло время, и Сталин ликвидировал сначала Общество, потом ликвидировал старых большевиков. А Емельяна оставил. Оставил и отметил высшей наградой — сделал его на последнем предвоенном XVIII съезде членом ЦК.

Полезным статистом в сталинском театре оказался Н. И. Подвойский. Еще в семнадцатом году, будучи членом

Военной организации большевистской партии, он вошел в Петроградский ВРК. Подвойский был из тех, о ком говорят: «Много амбиции — мало амуниции». Может быть, поэтому он не попал в число большевиков, которых преследовало правительство Керенского. Не коснулась его и сталинская секира. Напротив, после гибели всех активных руководителей Октябрьского вооруженного восстания Подвойского срочно возвели в сан одного из вождей революции. Ему присвоили задним числом титулы председателя ВРК, председателя «военки» и... первого наркома.

При жизни Ленина, с 1918 по 1924 год, Подвойский не попал в число делегатов ни одного съезда партии. Глава правительства не доверял ему оперативного командования и настаивал на снятии с ответственного поста.

Сталина факты, документы не смутили («Лжи поверят, правде — нет»). Он пренебрег и психическим заболеванием Подвойского. Все герои Октября оказались «врагами», зато «председатель ВРК» — вот он, жив и здравствует.

Поощряемые генсеком, родственники Подвойского выпускают серию мемуарных публикаций в жанре фантастики а ля Емельян Ярославский. Фирма Ярославский — Подвойский — дочери — зятя К^о буквально завалила авгиевы конюшни советской историографии таким количеством мусора, что для их расчистки понадобился бы легион Геркулесов. Вероятно, поэтому конюшни стоят нетронутыми по сей день...

Кому же еще дозволил Сталин умереть в своей постели? Этот подарок генсек сделал женщинам — Елене Стасовой, Александре Коллонтай и еще несколькими. Надежду Крупскую причислить к ним нельзя: слишком ее смерть походит на «устранение».

Власть без крови — так не бывает. И слава без крови — не слава. А как же большие поэты? Они снискали мировую славу, а крови ничьей не проливали. Как это им удастся? Сталин испытывал к поэтам какое-то суеверное почтение. Но и оно имело предел.

...Осип Мандельштам, Египше Чаренц, Марина Цветаева. И Анна Ахматова, Борис Пастернак. Первых он казнил (Цветаева покончила самоубийством). Последних помиловал. А ведь они были из самых строптивых. Борис Пастернак осмелился отказаться от подписи под требованием казнить «троцкистов». Не его ли превозносил на Первом съезде писателей в тридцать четвертом году «презренный наймит

мировой буржуазии» Бухарин? Но что-то удерживало Сталина от расправы с Пастернаком.

Владимир Маяковский рано покончил с собой. Останься он жить, не миновать ему судьбы Максима Горького. На роль кремлевского камер-юнкера он не годился. Однако не стоит гадать. Нам доподлинно известно, что в одном проскрипционном списке, представленном на высочайшее утверждение, Хозяин вычеркнул имя Лили Брик, сказав: «Не будем трогать жену Маяковского».

В отношении Горького можно сказать определенно: казнить его как шпиона (итальянского фашизма, наверное?) было бы слишком скандальным делом. Поэтому Сталин приказал убрать его тихо.

Другой широко известный писатель — Илья Эренбург уцелел именно благодаря своей европейской известности. Уникальный случай — автор, чьи книги были арестованы (изъяты, запрещены), остался невредим. Уважением генсека к писателю это явление не объяснить. Сталин был начисто лишен понимания самоценности человеческой личности. Его бесило малейшее проявление самостоятельного мышления или творческой индивидуальности. Сравнительно благополучная судьба Эренбурга не укладывается в рамки логических рассуждений. Тиран оставил жить Эренбурга, он оставил жить и Шолохова — его антипода в литературе и в жизни. Впрочем, служили-то они оба...

В 1944 году, когда Советская Армия вступила на территорию Германии, Сталин удовлетворенно изрек: «Ну, хватит статей Эренбурга». Роман «Буря» рекомендовал Комитету по Сталинским премиям сам Сталин. «Если такой всемирно известный писатель, как Эренбург, за Советскую власть, — изволил сказать в кругу подручных Хозяин, — значит, она сильна».

На обсуждении в Союзе писателей «Бурю» выступавшие ругали. Но вот поднялся автор:

— Не знаю, может быть, ваше мнение справедливо. Позволю себе зачитать другое мнение. — И Эренбург прочел записку Сталина: — «Поздравляю вас с романом «Буря». Желаю новых творческих успехов и здоровья. Иосиф Сталин».

Комплимент людоеда перевесил.

Еще двух яростных антиподов вспомним — Толстого и Булгакова. Граф Алексей Толстой написал рабOLEпный опус «Хлеб». Михаил Булгаков сочинял едкие, полуприкрытые сатиры на мрачную современность. Но Хозяину всздумалось

сохранить Булгакова, автора полюбившейся пьесы «Дни Турбиных». Автора крамольной пьесы «Кабала святош». Это замечательное творение — сцены из жизни двора Людовика XIV — было запрещено сразу. И с 1929 года, сорок лет, цензура прятала пьесу Булгакова, осмелившегося коснуться запретной темы — взаимоотношения власти и искусства. Что получает от искусства власть? Что получает искусство от власти? То была пьеса о драматурге и Сталине. Булгаков в двадцатые годы предвосхитил эволюцию сталинщины, аппарата власти и общества лицедеев.

Но Сталин вытащил опального драматурга из нищеты и забвения, вернул его в Художественный театр. А теперь — поцелуй злодею ручку. Нагнись, нагнись... Ну же!..

И Булгаков приступил к сочинению пьесы о юности Вождя — «Батум». Повержен Мольер. Повержен Булгаков. Повержен, но помилован.

Так Хозяин подвел писателей-антиподов, Толстого и Булгакова, под единый знаменатель. Еще один феномен безвременья...

Сталин пощадил и Константина Паустовского. А ведь он воздерживался от комплиментов деспоту — по тем временам поступок героический.

Почему Хозяин его пощадил?

Эммануила Ласкера, чемпиона мира по шахматам, Сталин тоже не тронул. Тут сказалось, конечно, не только и не столько почтение парии к мощному интеллекту, сколько боязнь запятнать свою репутацию преследованием всемирно известного гроссмейстера. Каков, однако, парадокс: Ласкер бежал от Гитлера в Москву, под защиту Сталина...

Деятелей культуры Сталин уничтожал не всех подряд. И не каждого десятого, как заложников в военное время. И не просил, подобно гоголевскому Вию, поднять веки, дабы ткнуть пальцем в обреченного. Сталин с закрытыми глазами определял, чья очередь, он действовал избирательно.

...На одном приеме в германском посольстве присутствовали Василий Качалов, Галина Уланова, Давид Ойстрах и театральный режиссер. Через несколько дней режиссера арестовали по подозрению в шпионаже и отдали под суд. Других не тронули. Другие были у Хозяина в большом фаворе.

Карательная политика в области науки и техники подчинялась тем же законам, то есть прихоти Хозяина и соображениям престижа. Ценных специалистов Сталин обычно не трогал, а если трогал, то сохранял им жизнь и нередко возвращал к научной деятельности. Это тоже от гипертрофирован-

ной амбиции. Крупные ученые служат приращению его славы и умножению военного потенциала его латифундии. Пусть живут и работают. Он может даже осушить бокал вина во здравие науки.

Уцелели академики: Тарле и Майский, историки,— не изобретатели новых видов оружия. Майский к тому же был запятнан меньшевистским прошлым и участием в Самарском комитете Учредительного собрания. Оба подверглись репрессиям, но вернулись в Москву.

Ивана Павлова, не принявшего Октябрьской революции и активно протестовавшего против диктата в академии пришедших сановников, Сталин не арестовал, а пригрел-возвеличил. Он стал, подобно Ивану Мичурину, неременным экспонатом рекламной витрины науки.

В научном мире было широко известно и имя другого физиолога — Алексея Ухтомского. Его брат Александр был епископом уфимским (под именем Андрея). Однако Алексей Ухтомский не только уцелел, но и вошел в Академию наук в период учиненного генсеком погрома. При активном участии Молотова Сталин уничтожал ученых без оглядки на их заслуги. И чаще всего это были люди с весьма благополучным происхождением и вполне лояльными взглядами, не то что князь Ухтомский.

И все же, утилизируя умы, генсек не мог себе позволить расправиться со всеми. По этим же причинам остался цел академик Абрам Иоффе, всемирно известный физик, вошедший — неслыханное дело! — в конфликт с тираном.

Вот почему искать в кампании массового террора некий политический принцип — труд напрасный. Сталин действовал на устрашение и подавление.

А нужному человеку можно жизнь оставить...

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ

Статистика не ведает точного числа загубленных в тюрьмах и лагерях. На Лубянке после смерти Сталина уничтожили все бумаги казненных (не казненных — убитых. Кто ж их казнил официально, по инструкции, «врагов народа»?). Одни пустые папки с фамилиями подследственных остались. В лагерях ямы с останками замученных засекретили, зоны перекопали. А сколько по градам и весям с землей сровняли кладбищ? Поди сосчитай...

(Палачи давно на пенсии. Такие жирные пенсии не снились рабочим. Палачи выращивают персики и розы на южных

дачах. И внучкам на бриллианты хватает. Кто осмелится назвать их мародерами? О числе этих заслуженных граждан статистика тоже молчит.)

В период полицейской реакции — во всех учебниках ее называют «кровавой», — последовавшей за революцией 1905—1907 годов, в царских тюрьмах сидело 170—180 тысяч. Что говорить, жестокое было время...

Цифры наводят и на другие размышления. После 1923 года наметилась явная тенденция к росту числа заключенных, в двадцать седьмом оно удвоилось. Пройдет всего десять лет — заключенных станет 16 миллионов.

Это число надо сопоставить с населением страны. По переписи 6 января 1937 года оно равнялось 162 миллионам. Правительству доложили, что сюда входят контингенты РККА (2 миллиона) и НКВД (2,6 миллиона). Массовые аресты и казни тридцать седьмого, поглотив естественный прирост, привели затем к значительным потерям.

Итак, 16 миллионов на 160. Каждый десятый.

А если без детей и престарелых?..

Смерть к XIX веку стала проявлять тяготение к масштабности. В XX веке она превратилась в средство оптового уничтожения. Убитые на войне стали исчисляться миллионами, десятками миллионов. Сталин и здесь внес новое, свое, сталинское, показав изумленному миру, что во внутренней войне — против своего же народа — можно уничтожить руками этого же народа вдвое больше людей, чем на войне с соседями.

Отдавал ли Отец народов предпочтение какой-либо нации? Пощадил ли кого? Скудные данные статистики говорят, что он был существом всеядным.

В 1937—1938 годах в Азербайджане с населением 2215 тысяч (на 1939 г.) органы арестовали 28 тысяч человек, примерно каждого из тридцати взрослых. В Грузии было арестовано в два с половиной раза больше — 63 тысячи, хотя население республики (3542 тысячи) превышало население Азербайджана лишь в полтора раза.

Значит, жертвой террора стал каждый двадцатый взрослый житель Грузии. Значит, не только о старых земляках-коммунистах позаботился Джугашвили-Сталин. Полные данные за все годы правления Сосо отразили бы иную картину: один замученный-казненный на десять земляков кремлевского горца.

Но Грузия счастливо избежала голодного мора 1930 —

1933 годов. Не то Украина, хлебообильная житница страны. По данным переписи 1926 и 1939 годов, население Украинской Республики уменьшилось с 31 до 28 миллионов. Прирост должен был составить за 13 лет не менее 6,5 миллиона (если взять скромную цифру ежегодного прироста в 0,5 миллиона).

Итак, дефицит по Украине превысил 9,5 миллиона.

Эти данные нуждаются в поправке: официальная перепись 1939 года, проведенная взамен неугодной (1937 г.), была призвана залатать зияющие дыры.

О последствиях массового террора можно написать специальное исследование. Взять, к примеру, динамику рождаемости в стране за период с 1928 по 1940 год.

Статистики вычислили коэффициент рождаемости по годам:

1928—44,3	1935—31,6
1929—41,8	1936—34,3
1930—41,2	1937—38,7
1931—32,6	1938—37,5
1932—32,6	1939—36,5
1933—32,6	1940—31,2
1934—32,6	

Резкое падение рождаемости — на 9 процентов — в 1931 году отразило, несомненно, грандиозную победу тоталитарного режима в войне против собственных крестьян. И голод. А неестественно застывшая на четыре года цифра 32,6 — что за пропасть призвана она сокрыть?.. (По неопубликованным данным, в 1932—1934 годах умерло 2,5 миллиона новорожденных.)

В 1936 году, когда страна почти выбралась из продовольственного кризиса, а последствия массового террора еще не успели сказаться в полной мере, рождаемость начала медленно подниматься. Но в тридцать восьмом спад повторился, и в сороковом коэффициент упал до самого низкого уровня. Но эти очевидные данные не помешали одному из авторов сборника прийти к замечательному заключению: вероятность умереть в 1938—1939 годах (в сравнении с годами 1926—1927-м) по всем возрастным группам уменьшилась.

Если верить таким специалистам — террора вроде бы и не было...

Сталин нередко баловал себя беседами с известными писателями. Если бы не соображения престижа трона, кото-

рый требовал, по мнению генсека, почетной изоляции, он встречался бы с деятелями культуры гораздо чаще. Взобравшись на самую вершину, Сталин внутренне чувствовал себя неуверенно. Абсолютное пренебрежение к человеческой личности странным образом уживалось в нем с показным почтением к крупным поэтам, самобытным писателям, ярким художникам. Этих он отличал. Хотя уничтожал так же споро, как бесталанных. Каждая встреча с именитым мастером культуры помогала Сталину самоутвердиться.

Однажды в беседе с Сергеем Эйзенштейном и Николаем Черкасовым генсек обронил многозначительно: «Иван Грозный и Петр Великий срубили недостаточно голов».

Когда же будет достаточно? Не рано ли подводить баланс?..

Надо войти в положение тиранов: рубить головы по одной — весьма трудоемкий процесс, требующий, как всякая тотальная война, мобилизации и значительных людских и материальных ресурсов и самоотверженного напряжения сил самого правителя. Император Калигула, притомившись, воскликнул однажды: «О, если бы у римского народа была лишь одна голова!..»

Это могло бы устроить и Отца народов.

«Задача инквизиции — истребление ересей: ересь не может быть уничтожена, если не будут уничтожены еретики; еретики не могут быть уничтожены, если не будут истреблены вместе с ними их укрыватели, сочувствующие и защитники».

Вряд ли Иосиф Сталин был знаком с этим заявлением французского инквизитора XIV века Бернара Ги, он увлекался эпохой Ивана Грозного. Но свою программу выполнил «по Бернару Ги». И — как уже известно — со значительным превышением.

...Сталин почил, но сила инерции сталинщины была такова, что корабль, уже без великого кормчего, три года еще влекло апробированным фарватером.

В 1956 году грянула оттепель. Президиум ЦК испросил у органов цифры. Сведения, собранные «внутренними» статистиками, выглядели так: с 1935 по июнь 1941 года через Лубянку и ее филиалы прошли 19 840 тысяч человек. Из них 7 миллионов было расстреляно в тюрьмах. Остальных отправили в истребительные лагеря. В числе замученных — лучшие умы, цвет народа.

В книге Евгения Замятина «Мы», в этом фантастическом романе, вышедшем в свет в 1920 году, содержится предска-

ние о непогрешимом Благодетеле и массовых казнях. Жизнь оказалась страшнее выдумки.

Многонациональный советский народ был низведен до безликой тиранопослушной массы и обезглавлен. Не к этому ли стремился Иосиф Благодетель?..

Николай I сказал на дипломатическом приеме шведскому посланнику: «Я приказал бы, если понадобится, арестовать половину нации, чтобы вторая половина осталась незараженной».

Сталин был очень близок к осуществлению скромного намерения императора. Однако историческая справедливость требует признать, что истребление народов бывшей Российской империи началось еще до захвата власти Сталиным. Анализируя результаты переписи населения 1926 года, Б. Ц. Урланис приводит следующие данные. В эту перепись попало 16 миллионов детей, родившихся в 1918—1922 годах и выживших, тем не менее к 1923 году население страны сократилось на 15 миллионов. Из них 12 миллионов составили потери от голода, болезней и террора, 2 миллиона эмигрировало и 1 миллион — потери в боях гражданской войны с обеих сторон.

Что касается последней цифры, то по мнению ведущего специалиста по истории гражданской войны В. Д. Поликарпова потери на фронтах превысили миллион, однако для точного исчисления жертв того времени историография не располагает пока еще достоверными источниками. Остановимся поэтому на 15 миллионах общих потерь за годы 1918—1922-й.

Следующее пятилетие, отмеченное массовой гибелью, падает на 1929—1933 годы — на период тотальной коллективизации, раскулачивания и голода. Расчеты, опубликованные в апреле 1989 года В. В. Цаплиным, показывают, что в 1932—1933 годах умерло от голода 2,8 миллиона человек. Исследователь ограничивается при этом данными, зафиксированными в отделах загсов. Но ведь в ту гибельную пору от голода вымирали целые деревни и районы. Вместе с сотрудниками сельсоветов, исполкомов и загсов. Статистика за смертью не поспевала.

И еще одно соображение. В феврале 1939 года, когда в Госплане составляли соответствующую таблицу людских потерь, могла ли она, статистика, объявить народу правду? Не случайно к данным Госплана была сделана приписка: «По

архивным дефектным материалам ЦУНХУ». Погружение в глухую статистику порождает и множит новые вопросы. Несомненно лишь одно: число 2,8 миллиона голодных смертей явно занижено, может быть, и в два раза. В этом нас убеждают те же самые архивные материалы. Если, согласно официальным публикациям, население СССР на 1 января 1934 года исчислялось в 168 миллионов человек, то из архивных документов исследователь извлек лишь 160,5 миллионов. Цифровые ножницы разведены здесь на 7,5 миллиона. Согласно публикациям, население непрерывно увеличивалось, а по архивным данным, за 1933 год оно уменьшилось на 1,6 миллиона человек при среднем для тех лет приросте населения в 2,2 миллиона. Значит, в одном только тридцать третьем году погибло по меньшей мере 3,8 миллиона человек.

Сколько из них пало от голода, сколько под топором репрессий — кто ответит на этот вопрос? В статистических играх на слово «репрессии» было наложено жесткое табу.

Прежде чем прийти к своим выводам, я советовался с демографами, историками, социологами и тогда лишь подвел окончательный итог. Деревенский погром, учиненный кремлевским сидельцем в годы 1929—1933-е и организованный им голод привели к убыли 22 миллионов тружеников земли. Строгой документальной проверке эти данные не подлежат, и я готов принять критику специалистов. Тех, что способны честно взглянуть в глаза народной трагедии, именуемой коллективизацией.

И все же к началу войны Сталин не успел уничтожить и загнать в лагеря даже четверти взрослых граждан. Правда, каждый арест сопровождался непременным и жестоким преследованием родственников еретика — страдали стар и млад. А впереди — война, с десятками миллионов напрасных жертв, и новая полоса репрессий.

Может сложиться впечатление, что Сталин на какое-то время выпустил из-под контроля главный конвейер страны. Еще немного — и машина перемелет всех. Но нет, кормчий был всегда на месте. Этот великий мастер политической дозировки придерживался в казнях примитивной формулы: «Чем больше — тем лучше». А число жертв — десятком миллионов больше, десятком меньше — какое это имело значение в таком солидном деле, как строительство вечного рая? Ни одна группа населения не была освобождена от арестов и казни, включая правителей и исполнителей.

Но, подводя итоги террористической деятельности Иосифа Сталина, нельзя забывать о пагубном влиянии массо-

вых репрессий на духовное и физическое здоровье советского народа. Сколько больных прибавлялось с каждым годом тотальной чистки, сколько от горя и нужды ранних смертей.

Дощатые бараки и землянки на великих стройках. Скудное, впроголодь, питание. И субботники, воскресники, ударники — в котлованах, на разработках леса, торфа, руды. В холоде, в сырости, при жгучей жаре.

Сколько неродившихся детей, сколько искалеченных непосильным трудом матерей!

Искажение физического облика женщины и как следствие — вырождение нации. А систематическое, целенаправленное истребление интеллигенции и планомерное спаивание трудового люда придали постигшей нас генетической катастрофе долговременный характер.

Таков итог бесчеловечных деяний диктатора. И если бы не ранняя его смерть...

Незаконное сожительство революции и контрреволюции отмечено зигзагами. Завершилось оно — не впервые в истории человечества — торжеством контрреволюции.

Постижение исторического опыта дорого обошлось народу — стоило ему свободы, достоинства, самой жизни.

Принято считать, что в ночь вооруженного восстания в Петрограде, в октябре 1917 года, погибло всего шесть или девять человек. В действительности пало несколько больше, но не будем оспаривать сейчас эту цифру. Сколько бы жизней ни стоила победа революции, обратный процесс всегда уносит больше.

Дисциплина и преданность! Дисциплина железная, преданность без оглядки. Эти принципы взрастил в своей партии Ленин революции ради. Славно послужили они сталинщине. Ленин создал централизованный партийный аппарат. Сталин овладел аппаратом — в первую очередь аппаратом! — и с беспощадной энергией эксплуатировал солдатскую дисциплинированность и фанатичную преданность партийцев главной идее — скоростному строительству социализма. Нетерпимость Ленина к меньшевикам и эсерам Сталин принял как эстафету и довел нетерпимость и большевистский пуританизм до логического конца — уничтожения всех инакомыслящих внутри партии и вне ее, а потом — многомиллионных контингентов потенциальных «врагов».

Сталин сумел при посильном участии обманутых (и не обманутых!) соратников Ленина и активной помощи народных масс обратить Октябрь в кровавую баню. Героическим маршем прошла революция от Дворцовой площади Петро-

града до Лубянской площади Москвы. До сталинских лагерей смерти на Колыме трагическим маршем прошла самая бескровная в истории революция.

...Год 1939-й. Подводя политические итоги большого террора, Сталин заявил на XVIII съезде: «Мы, конечно, не должны прибегать к массовым чисткам, но чистка 1933—1936 годов была необходима».

Не истребление десятков миллионов, а «чистка». Не террор, который продолжался и в тридцать девятом году, а локальное, внутрипартийное мероприятие... Но главное слово сказано: «н е о б х о д и м а».

Вначале он убедил всех в том, что шпионы и вредители набросили губительную сеть на великую страну — от Балтийского до Охотского моря. Потом встал на пьедестал борца с врагами народа, борца-спасителя. Сталин добился «чистоты партии», о которой мечтал Ленин еще на II съезде. Он добился стерильной чистоты: ни единого слова критики, ни одного оппозиционера. Попутно Сталин создал еще одну легенду — легенду о генсеке — ревнителе чистоты партийных рядов.

Почти полвека прошло со дня его благополучной кончины, давно снесены на нашей земле и рядом памятники Отцу народов. А легенды живут.

Далеко считал милостивец.

Не так давно население Кампучии составляло 7,5 миллиона человек. За один год, с лета 1977-го по лето 1978-го, власти расстреляли 1,2 миллиона. Потом еще 2 миллиона. Из Пномпеня, столицы государства, выселили более половины жителей. Гнали из города почти всех подряд: города были объявлены паразитами на теле крестьянства. Отстававших убивали на месте. Затем настала очередь крестьян.

Это случилось в коммунистической — вы слышите, люди! — в коммунистической стране.

Так сталинщина выстрелила в будущее, в наш сегодняшний день. *прикормило то, что произошло сейчас — есть призывы от прессы и т.д.*

«...Что это вы там заладили — террор да террор... Сталин снял всего лишь бюрократическую верхушку партии, развращенную властью и богатством». Такие рассуждения можно услышать даже в среде старых большевиков. Что это — возрастное?

Если бы...

Ульинова - Ленинская, 2008 г. 103!

Активным разносчиком популярной легенды выступил Молотов. В репрессиях тридцатых годов, по его квалифицированному мнению, «была историческая необходимость». (Все та же необходимость!)

Что же он собственную персону не включил в эту самую «необходимость», а отдал на заклате лишь супругу да сонмы неповинных граждан в придачу?

В ряду людоедских сентенций выделяется взвешенное высказывание Анри Барбюса: «Проблема репрессий сводится к тому, чтобы найти минимум, необходимый с точки зрения общего движения вперед».

В тридцать четвертом году, когда писалась его книга о Сталине, Барбюс с пониманием отнесся к заявлению советского вождя, будто только из «уважения к человеческой жизни» большевики считают нужным «обезвреживать некоторых людей».

Самого Барбюса «обезвредили» в тридцать пятом. Затем еще «некоторых» — два-три десятка миллионов.

Вот он, искомый минимум. Вот, оказывается, что имел в виду Сталин, когда обещал привить России «маленькую оспу»...

В официальной историографии то страшное время именовалось периодом упрочения социалистического общества. Если только за шесть с половиной предвоенных лет арестовано два десятка миллионов членов социалистического общества, то сколько же «врагов народа» следует уничтожить, чтобы окончательно его упрочить?

Об этом «друзья народа» подумали?

И вообще, был ли он, террор?..

Хищный зверь убивает, только когда голоден, и не всех подряд. Зверь бережно растит детенышей. Все это Сталину было чуждо. Он жил убийством. Политиканствующий актер, он достигал вершин самовыражения лишь в процессе уничтожения себе подобных. С юных лет до последних земных дней он убивал, убивал, убивал.

Иосиф строил неэкономно, зато с искренним увлечением.

Человеческая жизнь и смерть подданных как строительный материал, как щебенка в железобетонный фундамент тысячелетнего царства.

...И снизошла на страну тюремная благодать.

ВОЗДУХ ЭПОХИ

...И снизошла на страну тюремная благодать. Великий Вождь мог теперь с высоты Кремлевского холма обозреть содеянное. В жизни, в сознании подданных укоренились страх и его традиционные спутники — покорность, продажность.

Эта триединая сила помогает человеку безболезненно для коленок ползать на брюхе. Люди научились наконец молчанию. Они стали тянуться к живительному незнанию. Люди возлюбили ложь как единственно доступную истину. Они приспособились дышать ложью. Ложь — как гражданская добродетель. Предательство и жестокость — как норма поведения. Фанатичная, рабская преданность Вождю — как новая религия...

Тотальный сталинский террор тридцатых годов ускорил процесс растления народа, духовного вырождения целых наций.

Не в этом ли высший «смысл» сталинщины?

Революция, гражданская война сопровождались взрывами стихийной жестокости. Но террор времен гражданской войны, с его погромами, телегами, груженными трупами, ружейной пальбой в городах и местечках, митингами, грабежами — аивный террор. Он породил временный страх. Этот страх прошел, и мало кто вспоминал о ранних кровавых играх. В тридцатые годы, когда полилась большая кровь, оказалось, что террор гражданской войны лишь прелюдия к всеобщему самоистреблению.

В эпоху Иосифа-строителя жестокость обрела статус жизненной нормы. Поставленная на государственные рельсы, она бесцеремонно вторглась в общественные отношения, в быт и заняла почетное место в системе нового мировоззрения. При всем при том Сталин заботился о соблюдении приличий, вернее — конспирации. Аресты, пытки, казни — весь цикл сохранялся в тайне. Это в средние века преступников и маловеров казнили публично. Взять хотя бы пражскую экзекуцию 1621 года на Староместской площади...

Можно представить гибель Робеспьера или Желябова в полицейском подвале, в пыточной камере? При Сталине такая смерть стала обыденной.

...Над ночной Москвой стоял дым костров новой инквизиции. В архивах и книгохранилищах жгли документы «врагов народа», их письма, стихи, портреты, романы. В отличие от мрачного средневековья, это делалось тайком, вдали от глаз.

Жестокость, одетая в тогу ревливой и страстной воительницы за «чистоту партийных рядов» и высшие моральные принципы, усваивалась не сразу, но усваивалась. Прошло совсем немного времени, и строитель социализма стал дышать ею. Он уже не замечал ее, как не замечают сам воздух.

Жестокость — черта характера народного? Откуда она? Где истоки? Бесконечные усьобицы раннего средневековья,

средневековья позднего, набеги иноземцев, трехсотлетняя татарская кабала, крепостничество и царское самодержавие — есть от чего ожесточиться душе. Истоки жестокости Ивана Грозного или Иосифа Сталина надо искать в их ущербном детстве. И характер россиян, покорно-раболепный и разнузданно-жестокий, зародился не в детскую пору народа, в средние века?

Это народ крайностей. Если восстания, то с истребительными войнами, бессмысленными жертвами, реками крови. Если послушание, то иступленное. Какой еще народ цивилизованной Европы способен так обожествлять тиранов, так истово благословлять кнут?

В России чтут
Царя и кнут!

В начале прошлого века сложил поэт эти строки. В каком веке они устареют?

А кнут неизбежно порождает страх.

Как обезьяны на цепи,
Шагали мы гуськом.
Мы молча шли за кругом круг
В наряде шутовском.
Сквозь дождь мы шли за кругом круг
В молчанье нелюдском.

Это Оскар Уайльд — «Баллада Редингской тюрьмы».

Сталин научил своих подданных молчанию. Он отнял у них даже то, что отнять у человека нельзя, — право на скорбь. Он лишил детей возможности оплакивать родителей. Но и этого ему показалось мало. Вождь заставил радоваться казни близких и публично отрекаться от них. И приветствовать наши замечательные органы. И ликовать. И славить Отца родного. Только ради этого могло прерваться всеобщее молчание.

...У Анны Ахматовой убили мужа, забрали сына.

Буду я, как стрелецкие женки,
Под кремлевскими башнями выть.

Не будешь, Анна. Не дадут. Никому не дадут.

Так и жили — в молчанье нелюдском, страхом скованные.

Раньше страх мучил каждого в отдельности. Теперь же он стал всеобщим. Люди слились в едином, всепроникающем страхе, он стал как бы средой обитания, частью воздуха. Боялись всего и всех. боялись соседей по дому, дворников, соб-

ственных детей. Боялись сослуживцев, дрожали перед начальниками и подчиненными. Боялись упущений в работе, ошибок. Но того больше боялись отличиться успехами.

Там, наверху, тоже боялись. Иной партийный или правительственный пост напоминал воронку от взорвавшегося снаряда, только что уничтожившего человека. Вновь назначенный министр (член ЦК, секретарь обкома, предгорисполкома) прячется — работает в свежей воронке в надежде, что теория вероятностей не подведет: вторично снаряд в эту точку не должен попасть. Но Сталин не признавал теории вероятностей, он вообще никаких теорий не признавал... В тридцатые годы по его приказам из одного руководящего кресла отправляли на плаху трех, четырех, а то и более начальников.

«В министры не суйся — их стреляют...»

Сталин учредил повальную слежку за всеми «соратниками» и их женами. За детьми тоже.

Одними из первых о снятии с поста кого-либо из малых вождей узнавали московские арестанты. Этот парадокс легко объясним: следовали убирали со стен своих кабинетов портрет члена Политбюро, значит, еще один партсановник стал клиентом Лубянки.

Не сразу удалось Сталину внедрить страх в верхнем эшелоне власти.

...Однажды Екатерина Ивановна Калинина, супруга марионеточного президента, неосторожно обронила несколько нелестных слов о генсеке. Ее подруга Остроумова, в прошлом стенограф партсъездов, потом секретарь одного из сибирских горкомов, согласно кивала головой. И не только кивала, но и сказала что-то в тон.

Они были не одни — втроем. Третья и донесла.

Остроумову взяли в проходной Троицкой башни Кремля. Вызвали зачем-то из дома и взяли, на Лубянке предъявили дословную запись крамольного разговора. Она поначалу отказалась, но следователь нажал: «Зачем вы упорствуете? Екатерина Ивановна уже во всем призналась».

Что ей оставалось делать, неопытной?..

Ее отправили в лагерь — вслед за президентской женой. Старый коммунист Яков Натанович Бранденбургский работал в те годы в Верховном суде СССР. К сожалению, в первом издании книги «Портрет тирана» (Нью-Йорк, 1980) автор отнес его к виновникам массового террора. В действительности, Я. Бранденбургский был председателем судебной коллегии по гражданским, затем по уголовным делам. Однако

гибель товарищей по революционной борьбе да и сама обстановка сделали его жизнь невыносимой.

Однажды утром он с ужасом посмотрел на свои руки:
— Капает!.. Капает!.. Капает!..

— Яшенька, что с тобой? — всполошилась жена.

— Разве ты не видишь? С пальцев капает. Кровь капает, капает, капает...

Его увезли в больницу. Оттуда он вышел инвалидом.

«Средний человек всегда трус», — сказал Марк Твен устами полковника Шерборна сто лет назад. Эту истину Сталин усвоил не из книг — из жизни. И свою политику Иосиф-строитель планировал исходя из этого строительного материала. Только нужно было довести среднего труса до истерии.

Люди перестали употреблять иностранные слова. Боялись собираться вместе. Даже вдвоем. Они склонялись над спичечными коробками, выискивая на этикетке знак свастики...

Я сам это пережил.

Пооктябрьскую историю можно представить, разумеется условно — в трех периодах:

1917—1924 годы — людьми руководили убеждения;

1925—1934 годы — убеждения и страх;

с 1935 года — только страх.

Страдание — это не только голод и нищета, но и унижения, чувство подавленности, страх. Зло общественное слилось с психологическими страданиями. Жизнь под Сталиным стала страшнее смерти. Лишь инстинкт выживания удерживал на поверхности тех, кто еще не утратил способности мыслить.

А те, кто не склонен был к размышлениям? Как они? Они готовы были выть от голода и страха. Но выть в обществе повальной демократии дозволялось лишь серому волку в Брянском лесу (любимое присловье лагерных охранников).

Боязнь перед неумолимой государственной машиной, отчуждение от людей и от природы, бессилие перед злом, постоянное чувство тревоги сделали строителя социализма одиноким, как никогда прежде, в самые мрачные эпохи истории народа. Если по счастливой случайности строитель не попал в государственную тюрьму, он оставался в тюрьме одиночества.

Это происходило в обществе, построенном на принципе коллективизма.

...Шли годы. Одна победная пятилетка сменяла другую. Менялись лозунги, имена врагов народа, менялись местные вожди. Лишь страдание оставалось неизменным. А человек

хотел жить ради собственного счастья и счастья близких. Цель — ее скоро объявят достигнутой — эта цель стала ему чуждой. Ему претила роль удобрения, которое вожди-всеведы закладывают в землю ради будущего эфемерного урожая.

Но строитель обещанного рая был бессилен перед могучей системой, его мучило чувство собственного ничтожества. Бесправие перед неумолимым законом и перед людьми, узурпировавшими власть, породило ощущение негативной свободы, свободы от земли и от фабрик, от дома и от людей. Свободы от самого себя.

И пришибленный, запуганный человек, травмированный массовым террором, заболел. Сталинщина довела общество до массового душевного заболевания, когда садистские жестокости одних вызывали мазохистские страдания других.

Война с ее страшными последствиями нанесла новую травму человеческой психике. Но Сталин, главный виновник военных бедствий, и после победы над Гитлером не ослабил тисков. Общество невротиков закоснело в своем недуге.

Медицине известны болезни излечимые и болезни с необратимыми патологическими расстройствами. Сколько поколений должно смениться, чтобы избыть эту трагедию?

Постоянный страх в ожидании расправы — вот знамение эпохи сталинщины. Арест вошел в жизнь, как поздний ужин. Не сразу к нему привыкли, но, привыкнув, уже не мыслили иной жизни. Вчера взяли соседа слева, сегодня — соседа справа, завтра возьмут меня... Для того чтобы отправить человека в тюрьму, достаточно было назвать его фамилию, взять его «на заметку», усомниться в его безграничной преданности Вождю народов.

Вот американцы называют свою родину страной равных возможностей. Это, по меньшей мере, нескромно. В сталинской стране каждый мог посадить каждого — достаточно было пожелать квартиру, или жену, или имущество ближнего своего. Ни одно государство не предоставляло гражданам столь великих возможностей.

Народ сам себя брал за шиворот и тащил в тюрьму, в лагерь, на плаху. Мужик мужика грабил, отслеживал, преследовал, арестовывал, стерег и сам себя позорил. Газеты запестрели покаянными выступлениями, разоблачениями, проклятиями, суперпроклятиями...

16 января 1937 года «Известия» на первой полосе опубликовали постановление Академии наук об исключении Н. И. Бухарина из своих славных рядов, поскольку названный гражданин использовал свое положение в АН «во вред

нашей стране и в своей борьбе против партии и Советской власти поставил себя в ряды врагов народа».

А на четвертой полосе той же правительственной газеты — подпись главного редактора, Николая Ивановича Бухарина. Того самого, который «поставил себя в ряды»...

Кто после этого посмеет утверждать, что при Сталине не было свободы слова? Свобода была полная: дети отрекались от отцов, а уцелевшие родители отказывались от арестованных «за контрреволюционную деятельность» детей. И доносили друг на друга.

При Сталине число стукачей приближалось к числу жителей страны, умевших писать. И говорить. Не доносили только младенцы. В детсадах доносы тоже культивировались. Вот уже стучит каждый второй. Появились активисты движения, готовые самих себя взять за рукав и отвести «куда надо»...

Комсорг нашего курса истфака Эмма Шиф, не вставая с места, руки под столом (а в руках какие-то бумаги), подавшись корпусом вперед, выпытывает у сокурсника Бориса Маркуса не что о его прошлом. Он учился до этого в автодорожном институте, там с ним что-то произошло, теперь он у нас, на истфаке. Так что же там случилось, зачем он сменил институт, почему скрыл от общественности?..

Внешне Эмма спокойна, в свои двадцать пять лет она умеет сдерживать горячее чувство преданности органам. А Борис, рослый, красивый парень, умница Борис понимает: настало время всеобщих доносов, повального следствия. Так не лучше ли доносить на других с «опережением»?.. Но он не подлец. И Эмма тоже. Просто время было подлое. Просто все возлюбили железный порядок.

А в глазах перепуганного обывателя террор и есть порядок. При условии, конечно, что его лично не тронут. Все вместе, как один, — значит, «единодушно» — голосуют на собраниях, все перевыполняют планы, все славят Вождя, все одобрительно поглядывают на прямоугольники тюрем, жилых домов и бараков, магазинов, школ, больниц, на прямоугольные зоны лагерей. И на знаки в петлицах сотрудников органов — кубики, шпалы. Прямоугольник — символ порядка. Могильные ямы, куда скоро начнут миллионами сваливать тела «нарушителей порядка», — той же конфигурации.

Сам воздух был заключен в прямоугольники, забранные решетками. Воздух эпохи.

Столько лет люди жили в тюрьме и в постоянном ожидании тюрьмы, что перестали замечать тюремные решетки.

И возликовали.

Поскольку всеобщее ликование по случаю «победы социализма» искало выхода, Вождь предоставил народу возможность изливать свои чувства по праздникам на площадях. Он питал слабость к примитивным узорам, и подручные старательно выстраивали в отрепетированные прямоугольники танки, физкультурников, войска, совслужащих, рабочих от станка, ветеранов революции, детей. Красная площадь в Москве — а по ее примеру все городские площади страны — превратились в место излияния всенародной преданности Отцу и Учителю.

...При Павле I на Дворцовой площади Петербурга куда как скучнее бывало. Позднее в дни народных празднеств перед царем дефилировали колонны с гербами на жезлах — шестидесяти губерний. При Сталине по Красной площади носили гербы союзных республик.

Особое пристрастие Иосиф-строитель питал к приветствиям. Чтобы все газеты публиковали приветствия шахтеров и трактористов, ученых и писателей, женщин и детей — ему лично и его приспешникам.

А еще Вождь любил отмечать юбилейные даты великих сынов России. Авось что-нибудь и ему лично перепадет. И перепадало.

...10 февраля тридцать седьмого, в кровавую годину, в Большом театре торжественное заседание к столетию со дня гибели Пушкина. Сталин сидит в глубине своей бронированной ложи. Туда обращены все взоры, для него читают поэты свои стихи... Вслед за Демьяном Бедным, весьма бедным раешником, вышел Александр Безыменский. Он вспомнил пушкинскую строку «Да здравствует солнце, да скроется тьма!» и прочитал свои стихи, к случаю.

Пушкин мечтал, Пушкин

...Хотел,
 чтобы свободными
 стали навек
И люди,
 и песня,
 и труд вдохновенный.
...Мы в жизнь воплотили
 надежду твою! —

заверил поэт.

Там были еще слова о братстве, свободе и «нашем советском счастье». И наконец:

Да здравствует партии солнечный гений!
Да здравствует Ленин! *здравствуй Ленин!*
Да здравствует Сталин! *побуждаю деи Ленин!*
Да здравствует солнце, да скроется тьма!*

...В дни судебного процесса над Пятаковым, Серебряковым и другими безвинными товарищами поэт проклинал публично

пятаки Пятакова,
серебряки Серебрякова...

Участник Октябрьской революции, один из первых комсомольцев, Саша Безыменский был дружен с моим отцом. Может быть, в год гибели Антонова-Овсеенко он и его проклинял?

Нет, Безыменского я не виню. Мы все (почти все?) были тогда слепы.

В 1934 году Сталин устроил рекламное представление в Арктике — Красной площади ему показалось мало. Экспедиция на пароходе «Челюскин» была весьма рискованным мероприятием: это судно, построенное по заказу в Дании, члены авторитетной комиссии признали непригодным для ледового плавания. Именно поэтому капитан В. И. Воронин поначалу отказался вести судно. Он плыл до самого Мурманска на «Челюскине» в качестве пассажира. Потом он все же повел пароход, уступив настойчивости О. Ю. Шмидта, обещавшего найти ему скорую замену.

То, что судно не потерпело аварию раньше, — всего лишь счастливая случайность.

«Челюскин» оказался затертым во льдах в двадцати километрах от берега, местности давно обжитой, и чукчи вывезли в поселок восемь участников экспедиции — больных, а также тех, кого ждали неотложные дела в Москве. Тогда мы не располагали полярной авиацией, пришлось закупить два самолета в Соединенных Штатах. Прилетевшие с ними механики были впоследствии награждены — в числе первых иностранцев — орденом Ленина.

Поведение челюскинцев, их самоотверженный труд — пример высокого героизма, однако стоило ли подвергать смертельному риску команду и ученых престижа ради? Здесь сказались амбициозность Сталина и его авантюризм.

* Эти замечательные строки прочитал потом на торжественном заседании Академии наук президент В. Л. Комаров.

«Челюскин» покойся на дне Чукотского моря. В каком море утопить исторический позор страны?

...Вот они на фотографии в дни триумфальной встречи в Москве: начальник экспедиции «Челюскина» академик Отто Шмидт с импозантной бородой и улыбкой победителя, капитан Воронин, парторги, комсорги... А кто это слева, крайний, в форме... ну да, в форме НКВД? Он стоит в профиль и бдит из-под своей фуражки. И на второй фотографии, на трибуне Мавзолея, он, как старательный пастух, стережет свое маленькое стадо челюскинцев.

В тридцатые годы на сценах многих театров давали спектакль по пьесе Николая Погодина «Человек с ружьем». В ее основе — эпизод, рассказанный Лениным: старая крестьянка встретила с красногвардейцем, он помог ей, и крестьянка — впервые в жизни! — не испугалась человека с ружьем. То случилось во время гражданской войны.

Символом новой эпохи, ее центральной фигурой стал человек с револьвером, охраняющий всеобщее счастье. Ему, славному герою, творящему историю, — оды, пьесы, песни, стансы. Он вошел в нашу жизнь навсегда, скромный труженик армии сыска и кары, неперменный персонаж сталинского театра теней.

В мае 1937 года экспедиция Главсевморпути высадилась на Северном полюсе. Начался ледовый дрейф четверки папанинцев. Все было давно готово: люди, самолеты, снаряжение, провиант, — когда журналисты «Известий» взяли интервью у видных полярников — скандинавов.

Иностранные специалисты единодушно отвергли самолет как транспортное средство в условиях Арктики. Их ответы опубликовали, а через несколько дней советские самолеты отправились на полюс.

За пятнадцать отпущенных ему судьбою лет Сталин еще не такую рекламу придумает.

Экипирована экспедиция была основательно — в полном соответствии с требованиями престижа. Тут и унты из оленьего меха и нерпы, меховые костюмы и шапки разных видов — на любую погоду, тут и специальные концентраты из мяса, кур, овощей, изготовленные специальным институтом. И особо обработанные сметана, масло, паюсная икра, шоколад...

Предусмотрели все — даже специальный церемониал торжественной встречи победителей Арктики. Ничего не забыли.

Только бы народ забыл о миллионах лагерных рабов, обу-
тых в чуни — куски резиновых автомобильных покрышек.
Рабов, «накормленных» черпаком тюремной баланды.

...В лагерном бараке, в самом далеком закутке, собрались
на толковище блатные. Судят своего же вора, преступившего
воровской «закон». Он не в состоянии оправдаться, и вот уже
услужливая ш е с т е р к а накидывает ему сзади на шею вере-
вочную петлю. Жертва хрипит, а вокруг пляшут блатные,
отстукивая чечетку на дощатом полу, прихлопывая по-
цыгански ладонями по ляжкам.

Та-ля-па-тя-ти-та-ти-та,
та-ля-па-тя-ти-та-ти-та...

И не слышно предсмертных воплей, и не узнает завтра
к у м, уполномоченный оперчекотдела (ОЧО), кто, почему,
как...

К тридцатым годам Сталин накопил кое-какой режиссер-
ский опыт. Он научился создавать сильные шумовые
эффекты. Он уже знал, что для успеха спектакля нелишне
усилить контраст меж светлым и темным, меж добром и злом.
В дни процессов над «презренными врагами народа» газеты
публикуют то репортаж о героических перелетах летчиков —
«сталинских соколов», то о не менее героических достиже-
ниях рабочего класса.

...В кабинете следователя висит на стене репродуктор. Он
сотрясается от ликования счастливых масс. Перед следовате-
лем — седой революционер, завтрашний мертвец, Антонов-
Овсеенко.

— Слышите,— говорит следователь,— это народ привет-
ствует нашу сталинскую партию и своих славных чекистов.
Слышите?! Я вот за вас, шпионов, орден получил...

Полеты на Северный полюс, на Дальний Восток и в Аме-
рику, дальние автопробеги, трудовые рекорды «стахановцев»,
строительство каналов и «комсомольских городов», насажде-
ние лесов и «мичуринских садов» — с помощью этих трюков
наш купец рекламировал свой пахучий товар. Он похвалялся
летчиками-соколами и учеными-академиками, лучшими в
мире балеринами и шахматными чемпионами, могучими штан-
гистами и знаменитыми актерами, орловскими рысаками и мно-
годетными матерями со скрипачами-лауреатами в придачу.

Так в старину помещик кичился своим крепостным теат-
ром.

ГОРНЫЙ ОРЕЛ

БЕЗ МАСКИ

Юношеские годы

Характер человека естественно формируется в раннем детстве, в первые годы жизни. Что довелось испытать маленькому Сосо в своей семье в дошкольные и школьные годы? Порку, жестокость, грубость и постоянное унижение.

Почему в книгах о Сталине, даже в его официальной биографии, нет ни одного портрета Виссариона Джугашвили, в то время как фотография его матери опубликована, и не раз. Имеется лишь туманная ссылка на «рабочего обувной фабрики», и это все, что известно об отце будущего Вождя.

У Сталина, очевидно, были веские причины умалчивать о нем.

Сегодня не осталось ни одного свидетеля, но в 1954 году старый грузинский меньшевик Нестор Менабде был еще жив. Отсидев второй или третий срок в тюрьме, он отбывал ссылку в Красноярском крае и после смерти Сталина раскрыл кое-что своим товарищам. Отцом Сталина был Яков Егнаташвили, купец 2-й гильдии. Он жил в Гори и нанял прачкой юную Екатерину Геладзе из села Гамбареули. Чтобы покрыть грех, Егнаташвили выдал Кэто замуж за холодного сапожника Виссариона Джугашвили из села Диди-Лоло Тифлисского уезда. Для него купил сапожную мастерскую. Это был запойный пьяница, вспыльчивый и грубый. Менабде рассказывал, что Виссарион вскоре был убит в пьяной ссоре. В старые времена никто из этого секрета не делал. Но когда возникла надобность в незапятнанной биографии Вождя, образ его отчима был обелен при помощи таких опытных выдумщиков партийных легенд, как Ярославский и Пospelов. В тексте официальной «Краткой биографии», написание которой осуществлялось под надзором самого Хозяина, сказано, что Виссарион Джугашвили был сыном крестьянина и «сапожником по профессии; затем рабочим на обувной фабрике».

Первые годы мать брала Сосо с собой в дом хозяина, тот не запрещал своим сыновьям дружить с сыном прачки. Не исключено, что именно Егнаташвили устроил Сосо вначале в

Горийское духовное училище, потом — в Тифлисскую духовную семинарию. Будущий генсек очень тяготился своим происхождением, положение бастарда (по-грузински внебрачного сына богатого или знатного господина называют *набичвари*) его унижало, выливалось в озлобление.

Старший сын Егнаташвили пошел по коммерческой части, в годы нэпа владел большим рестораном, трехэтажным зданием возле Воронцовского моста в Тифлисе. В свое время он окончил гимназию, служил в армии в чине офицера.

Достигнув вершин власти, Сталин забрал старшего сына Егнаташвили в Москву, на службу в комендатуру Кремля. Этому человеку генсек доверил свою жизнь, сделав его личным поваром-дегустатором. Надо полагать, маленькая Светлана, досадуя на отца, не случайно грозила ему: «Я на тебя пожалуюсь повару...» Александр Егнаташвили дослужился до звания генерал-лейтенанта, похоронен с большими почестями в Гори еще при жизни Вождя. Младший сын купца Егнаташвили, Васо, — он писал свою фамилию Эгнаташвили — стал редактором центральной газеты КП Грузии «Коммунисти», потом — секретарем Президиума Верховного Совета Грузинской ССР. Его имя можно найти среди делегатов XVIII партсъезда. Это был один из самых надежных информаторов Сталина.

Бремя сомнительной родословной Сталин ощущал всю жизнь. Однажды в 1927 году, прибыв в Тифлис и увидев среди встречающих на вокзале свою мать, воскликнул: «Ты тоже здесь, старая б...?!»

К Екатерине Георгиевне были приставлены две доверенные коммунистки. Этим женщинам поручили заботиться о матери генсека. Одна из них, по имени Цецилия, вспоминала позднее и о таком эпизоде. Втроем они ездили в загородную резиденцию Сталина. В нескольких километрах от Тифлиса, в горах, легче было переносить летний зной. Немногим выше, в местечке Манглис, партийные активисты занимались на курсах в летнее время.

Вилла Сталина в Коджори была довольно просторной. Соратники собирались в большой жилой комнате, которая соединялась с его кабинетом. В тот день там находился Филипп Махарадзе, председатель ЦИК Грузии. Увидев свою мать, Коба решил подшутить над ней: «Ты что, Филипп, все еще... эту старую б...?» Махарадзе плюнул, опрокинув стул, вышел из кабинета. В жилой комнате, которая в то время была полна гостей, он дал волю своим чувствам: «Что же это за генсек? Он всего лишь грубый кинто». Но уличный

весельчак кинто, постоянный герой грузинских анекдотов и полууголовных историй, — это сущий ангел в сравнении с Кобой...

Однажды, в начале двадцатых годов, когда дома в Кремле у Сталина был философ Я. Э. Стэн, генсек познакомил его с матерью: «Ян Эрнестович, правда, ей надо подобрать хорошего мужа?»

Сталин никогда не упускал случая публично унижить свою мать. Рассказ Светланы Аллилуевой о сыновней привязанности Сталина не имеет никакого основания. Газеты тоже распространяли легенды об этой семье: будто родители окружали Сосо любовью, всемерно заботясь о его воспитании. А сам Сталин «всегда чутко относился к своей матери, постоянно проявлял о ней теплую сыновью заботу».

Екатерина Георгиевна скончалась летом 1937 года, на 82-м году жизни. В некрологе сказано, что до девяти лет она жила в деревне, потеряв рано отца, испытывая нужду. В 1864 году, после отмены крепостного права, переехала вместе с матерью в Гори. Через десять лет вышла замуж за Виссариона Джугашвили, рабочего обувной фабрики Адельханова. Иосиф был ее третьим сыном (старшие, Михаил и Георгий, умерли в младенчестве). Средств на жизнь не хватало, и мать работала поденно у хозяев. В 1888 году ей удалось определить девятилетнего сына в Горийское духовное училище, а через шесть лет с большим трудом она устроила его в Тифлисскую духовную семинарию.

«Заря Востока» сообщала также, что летом 1903 года, после ареста Сталина, мать приезжала к нему на свидание в кутаисскую губернскую тюрьму. До революции, утверждала газета, Екатерину Георгиевну притесняли. В советское время она лишь в 1922 году приезжала в Москву. Последний раз Сталин виделся с «любимой» матерью в 1935 году в Тифлисе. Хоронить ее генсек не приехал.

К отцу (фактически — к отчиму) Сосо питал отвращение, которое очень скоро переросло в открытую ненависть. Виссарион Джугашвили, пьяница и дебошир, безжалостно избивал мальчика за малейшую провинность. Случалось, и матери попадало. Среди самых скандальных жителей города семья Виссариона (Бесо) Джугашвили пользовалась особо дурной славой. Сосо наблюдал, как его мать сидела за швейной машинкой ночами, ибо большую часть своего заработка отец пропивал. В мальчике очень рано развилась мстительность, которая со временем станет чертой характера будущего Вождя. Беспричинная жестокость, побои породили ответное бессердечие и злобу ко всем окружающим. С детства целью

Сосо стала реализация мстительных замыслов, этому впоследствии будут подчинены его планы и действия.

Позднее, по мере возвышения Сталина, его биография стала обрастать легендами. Одну из них генсек сочинил о своем детстве. Немецкий писатель Эмиль Людвиг был наслышан о подробностях жизни Сосо в Гори и, посетив в декабре 1931 года Москву, затронул в беседе с генсеком эту щекотливую тему. Сталин ответил, что родители вовсе не обращались с ним плохо.

Один из бывших преподавателей духовного училища С. А. Хуцишвили, вспоминал, что Сосо отличался от других детей поразительной злобливостью. Постоянный зачинщик ссор и драк, он почти всегда оставался в стороне, когда дело доходило до наказания. Со временем Сосо научился искусно изводить учителей своими злобными проказами. Он тяготился бедностью и не брезговал никакими способами извлечения доходов: то перепродавал с двойной наценкой пирожки, то выманивал деньги у младших... Сосо окружил себя послушными ребятами, которые по его указке избивали обидчиков. А обидчиками были все, кто не признавал его превосходства или позволял себе подшутить над ним. В последние годы учебы в Горийском училище Сосо учинял жестокие расправы над неугодными ему ребятами. Его мести стали опасаться даже учителя.

Он был совершенно нетерпим к любой критике своих действий, поведения. Эту черту характера отмечали в свое время Серго Орджоникидзе и их общие друзья из Тифлисской семинарии. «Коба — странный грузин, — говорили они с досадой, — не понимает шуток, отвечает кулаками на невинные замечания».

С детства Сталин не терпел насилия над собой, однако именно тогда он испытывал его не только со стороны отца, но и от государства. В то время изучение русского языка стало обязательным во всех учебных заведениях Российской империи. Учителям было дано право пороть школьников, которые разговаривали по-грузински, и это случалось довольно часто.

Судьбу Иосифа Джугашвили как будто направляла чья-то твердая рука. Пятнадцатилетний подросток, сын сапожника, был принят в Тифлисскую семинарию православной церкви, где он стал получать стипендию. В этом заведении Сталин проучился пять лет (1894—1899). Уже в училище Сосо проявил страсть к чтению. В семинарии, где наряду с основным предметом — теологией преподавали также древние языки, он впервые увидел нелегальные политические издания. В жур-

нале, в котором делались отметки о поведении семинаристов, имя Иосифа Джугашвили за нарушение правил занесено тринадцать раз. За чтение запрещенной литературы его подвергали наказанию в виде удержания части стипендии. Обыски, доносы, слежка, суровые проверки, проводимые монахами, и жестокий ректор во главе семинарии — все это способствовало озлоблению.

До окончания семинарии оставался всего лишь год. Причина исключения Сталина — еще одна тайна его биографии. Рассказы штатных биографов об организации им революционных кружков ничем не подтверждаются.

Догматизм будущего генерального секретаря берет свое начало в церковном обучении. Так же как и его лицемерие, изощренное притворство. Отпечаток семинарии прослеживается во всех действиях Сталина, в риторических приемах его речи и писаниях. Он и на партийной трибуне оставался семинаристом, но православие — стало для неверующего Кобы всего лишь средством приспособления к жизни. Здесь и следует искать корни неистощимого цинизма Сталина.

Читая запрещенные книги, молодой Сталин постепенно пришел к выводу о необходимости свергнуть царя. Еще ранее он усвоил не менее важную истину: такой, как он, попавший в семинарию лишь благодаря высокому покровительству, не сможет далеко продвинуться при существующей системе. Итак, долой правительство! Этому пролетарию действительно нечего было терять.

В первый год обучения в Тифлисской семинарии Сталин вступил в кружок марксистского чтения. Этот факт сам по себе не очень знаменателен. Однако, как замечает другой член кружка, Иосиф Иремашвили, семинарист Джугашвили наотрез отказывался признавать чье-либо лидерство, не говоря уже о личном превосходстве. Если к этому прибавить свидетельство Сильвестра Джибладзе, что молодой Сталин был неуживчив и сварлив и что он не столько агитировал против царя, сколько интриговал против местных социал-демократов, то портрет начинающего политикана будет почти закончен.

Чрезвычайно трудно составить четкое представление, хотя бы в общих чертах, о начале революционной деятельности Сталина. Вся партийная работа проводилась в условиях подполья, протоколы заседаний не велись, революционные организации обходились без списков своих членов. Кроме того, долгое время у исследователей не было возможности

изучить полицейские документы. Сталин наглухо перекрыл все подступы к архивам.

Несмотря на отсутствие большого документального материала, воспоминания людей, участвовавших в тех событиях,— опубликованные, а также изложенные в рукописном виде и устно,— дают достаточно ясное представление о подлинном Кобе.

Имя Коба Сталин позаимствовал из полного романтики рассказа Александра Казбеги «Отцеубийца». Действие происходит на реальном историческом фоне, когда отряды свободлюбивых горцев, предводительствуемые Шамилем, поднялись против царского ига. Один из героев этого рассказа, бесстрашный Коба, спасает молодую пару влюбленных, сражается против войск царского наместника на Кавказе графа Воронцова и в заключение убивает предателя Джирголу. Триумф мести... Как свидетельствует Иремашвили, Коба стал для семинариста Сосо символом героических деяний, и он просил называть его этим именем.

Никто не знает, что он делал непосредственно после исключения из семинарии. Лишь в последние дни 1899 года Иосифу удалось получить работу в качестве писаря в Тифлисской обсерватории. К марту следующего года его уволили с работы — возможно, это была единственная в его жизни настоящая работа. В комнате писаря полиция обнаружила нелегальные книги, после чего были арестованы десятки активистов социал-демократической партии. И только Иосиф Джугашвили вышел сухим из воды.

Первое десятилетие нового века ознаменовалось подъемом революционной борьбы в Закавказье. Роль Кобы-Сталина на этом поприще оказалась весьма своеобразной.

1901—1902 годы. Тифлис, Батум.

В 1910 году участник и историк революционного движения на Кавказе С. Т. Аркомед рассказывал о «молодом товарище», не назвав его по имени, который прибыл в Батум осенью 1901 года и сразу же предъявил претензии на полную власть в партийной организации. Он начал плести интриги против Тифлисского комитета социал-демократической партии. Этот человек выступал против избрания промышленных рабочих в комитет на том основании, что рабочие пока еще не доросли до уровня интеллигенции. Свидетельство Ноя Жардания выдержано в том же духе. Он сообщает, что Коба буквально изводил руководителей социал-демократического

движения своими интригами и инсинуациями. Внутри партийной организации Коба сколотил свою собственную группировку, которая была предана ему лично.

В 1901 году Ладое Кецохели и Авель Енукидзе собирали деньги на подпольную типографию. Они не добрали около ста рублей, и Авель поехал за помощью в Тифлис. Однако Коба и Сильвестр Джигладзе отказали ему в деньгах. Они хотели, чтобы это предприятие находилось под их собственным контролем и руководством.

И еще одно свидетельство — донесение полицейского агента: «В Батуме во главе организации находится состоящий под особым надзором полиции Иосиф Джугашвили. Деспотизм Джугашвили... многих наконец возмутил, и в организации произошел раскол».

Весной 1902 года Сталин ушел в подполье. В марте он принимал участие в некоторых политических демонстрациях рабочих в Батуме. Арест 32 бастующих 7 марта явился первым значительным событием. На следующий день Коба был среди тех, кто организовал демонстрацию протеста. Власти арестовали 300 человек — почти всех, кто пришел протестовать к зданию тюрьмы. 9 марта Коба собрал толпу — около 600 человек — и повел их на новую демонстрацию. В последовавшей перестрелке было убито 15 и ранено 45 рабочих. 11 марта Коба принял участие в массовых похоронах жертв столкновения.

Такая последовательность событий может показаться вполне естественной, если бы не одно обстоятельство: Коба остался на свободе и не подвергался каким-либо неприятностям. Его арестовали лишь 5 апреля, и это спасло репутацию «вождя» местных социал-демократов.

1903 год.

В июле, отбыв пятнадцать месяцев в заключении, Сталин был наказан административной ссылкой в Иркутскую губернию. Об этом периоде его жизни почти ничего не известно, если не считать того, что говорится в официальной биографии Вождя: прибытие в Новую Уду, жизнь в ссылке, получение какой-то «партийной программы» от Ленина и, наконец, побег в январе 1904 года.

1904 год. Батум.

Коба еще раз пытается подчинить себе местный комитет. И еще раз терпит неудачу. Озлобленный «больше-

вик» провоцирует рабочих на проведение неорганизованной акции, потом обвиняет членов партийного комитета в трусости.

Батумские социал-демократы решили отметить праздник 1 Мая на море. На гребных лодках они отправились на «воскресный пикник». Планом предусматривалось, что лодки встретятся далеко от берега и там, в море, будет проведен митинг. Пока лодки двигались к назначенному месту встречи, товарищи пели, шутили, дурачились. Все шло великолепно до тех пор, пока кому-то не пришло в голову подшутить над Кобой. Ему тогда было двадцать пять лет, но держался он особняком и не допускал фамильярностей. Взбешенный Коба опрокинул лодку. Обидчики очутились в воде, к ним на помощь поспешила полицейская патрульная лодка. Тем и кончилось празднование 1 Мая.

Если бы дальнейшие события развивались в том же духе, спровоцированные Кобой скандалы полностью парализовали бы Батумскую организацию. Однако, хотя Сталин тесно примыкал к меньшевикам, которые тогда явно преобладали в Грузии, ему не удалось навязать местному комитету свою волю; пришлось покинуть город.

Приблизительно в это время наметился сдвиг в его стратегии. Благодаря своему обостренному политическому чутью, Коба одним из первых в Закавказье разглядел в Ленине подлинного лидера.

1905 год. Тифлис, Батум.

В Тифлисе Коба оставался прежним: сразу же затеял новые маневры против руководства комитета РСДРП, спровоцировал личные ссоры, отличился анархическими выпадами. Придравшись к резкому слову, затеял драку с Филиппом Махарадзе на квартире Сильвестра Джигладзе. Местные партийные руководители собрали «суд чести» для рассмотрения дела Кобы. Ставился вопрос о его исключении из рядов социал-демократической организации как неисправимого интригана. Никто из участников тех событий не дожил до времен десталинизации, и документов, по-видимому, не сохранилось. Однако многие члены партии слышали об этой акции, предпринятой партийным судом.

После кратковременного пребывания в Батуме, где он был слишком хорошо известен, Коба перебрался в Баку.

Юная Фарандзем Кнунянц, член социал-демократической партии, приехала из Петербурга на родину, в Баку. Миха Цхакая направил ее к товарищу Кобе, члену партийного комитета, за марксистской литературой.

«Кобу я увидела в небольшой комнате,— вспоминала она.— Маленький, тщедушный и какой-то ущербный, он был похож на воришку, ожидающего кары. Одет он был в синюю косоворотку, в тесный, с чужого плеча, пиджак, на голове — турецкая феска. Встретил он меня с нескрываемой подозрительностью. Лишь после подробных расспросов, похожих на допрос, вручил мне стопу книг и брошюр. Часть из них я уже достала в другом месте, поэтому ограничилась тремя из предложенных книг. Он проводил меня до двери, продолжая окидывать подозрительным, враждебным взглядом.

В тот же вечер я вместе с подругой посетила кружок гимназистов, которым руководил Степан Шаумян, вожак бакинских рабочих. Домой мы пошли вместе с ним. Я решила спросить Шаумяна о товарище Кобе. Кто он? Ни один из социал-демократов не производил на меня такого гнетущего впечатления... Уж очень он неприветлив, недоверчив и злобен. Он со всеми ведет себя так? «Что вы, это наш старый подпольщик, опытный и преданный»,— заверил меня Шаумян.

Я остановилась на Меркурьевской улице у бедного, многодетного рабочего-жестянщика. Там собирались члены Бакинского партийного комитета. Нас было тринадцать, председательствовали по очереди. Перед началом собрания оживленно беседовали, шутили. Вот уже время начинать, а Кобы все нет, он всегда опаздывал. Немного, но постоянно. Казалось, что часы у него существуют лишь затем, чтобы вычислить необходимое для опоздания время. Когда он входил, атмосфера сразу менялась, что-то нас сковывало, терялась деловитость. Коба приходил с книгой, которую прижимал левой, укороченной рукой к груди. Сев в угол, слушал каждого выступающего молча. Высказывался последним, не спеша, сравнивая взгляды, мнения, аргументы. Выбрав самые перспективные и дельные, он вносил свое предложение, как бы подводя черту. Отсюда — впечатление особой значительности каждого произносимого им слова. Таким способом он достигал большого театрального эффекта».

Тетушка Фаро, сестра известного марксиста Богдана Кнунянца, прожила более девяноста лет, но тот далекий пятый год помнила всегда.

1906 год. Тифлис.

На одном партийном собрании в столице Грузии Коба не переставал чинить всякие препятствия председательствующему Арсенидзе. Когда тот упрекнул его в непристойном поведении, Коба цинично парировал: «А я и не заметил, что снял штаны...» На это Арсенидзе ответил, что он скорее похож на «бродягу без подштанников» (выражение, популярное среди проституток), чем на мужчину без штанов. Задетый за живое, Коба покинул помещение. Собрание было нелегальным, у входа выставлен пост. Внезапно послышался свисток, предупреждающий о приближении полиции. Так Коба отомстил Арсенидзе, сорвав партийное собрание.

1908 год. Кутаис.

Один из членов подпольного комитета партии, меньшевик по убеждению, работал в банке. Через него комитет мог поддерживать связь с другими комитетами объединенной в то время социал-демократии и получать денежные переводы. Этот товарищ был знаком с некоторыми преданными делу революции военными социал-демократами местного гарнизона и вообще оказывал неоценимую помощь партии.

Из Баку прибыл представитель Кавказского комитета. Это был Коба. Члены Кутаисского комитета сели за стол, чтобы обсудить с товарищем из центра актуальные вопросы. Увидев меньшевика, Сталин потребовал, чтобы тот удалился. Мало того, он также требовал, чтобы его исключили из состава комитета. Активисты-подпольщики выступили в защиту своего товарища, когда Коба заговорил тоном диктатора и от имени Кавказского комитета потребовал исключить меньшевика. Оскорбленные в своих чувствах товарищи отправились в Тифлис с жалобой.

Вскоре после этого Коба вновь прибыл в Кутаис. На собрании комитета он обрушился на местных членов пртии: «Почему вы исключили того меньшевика? Зачем вы это сделали?» — «А разве вы сами не потребовали этого?» — «Что бы я такое сказал? — притворялся Коба. — Я приказывал вам держаться за этого товарища, поскольку он является исключительно ценным активистом».

Член комитета Серго Кавтарадзе был одним из участников этого совещания. Он схватил керосиновую лампу и обрушил ее на голову Кобы. Лампа разбилась, обдав надменного уполномоченного керосином. Дело исключенного меньшевика

расследовал Филипп Махарадзе. Кобе удалось заручиться поддержкой одного члена комитета, который дал лживые показания по этому скандальному делу.

1908 и 1909 годы. Баку.

В 1908 году Сталина арестовали и посадили в Баиловскую тюрьму. В одной камере с ним оказался молодой меньшевик Андрей Вышинский, сын богатого аптекаря. В то время будущий фаворит генсека каждый день получал от своих родителей корзину со всякими яствами. Коба тут же присоединился к полезному сокамернику, несмотря на идеологические разногласия. Корзина стоила того.

Осенью 1909 года, после второго побега из ссылки, Сталин вернулся в Баку. В то время в редакции журпнала «Пролетарий» шли ожесточенные споры. По счастливой случайности сохранилось письмо Сталина Муха Цхакая: «Для Мухи от Ко». В последующие годы генсек не смог уничтожить это письмо, но ему удалось внести его в список секретных партийных документов. В этом письме Коба ссылался на разногласия, возникшие внутри партии, как на «бурю в стакане». Он призывал к единству противоборствующих фракций и к «сглаживанию остроты отдельных положений большевизма», подчеркивая «хорошие стороны» эмпириокритицизма и махизма. Резолюция Бакинского комитета РСДРП была составлена при участии Кобы в том же духе. Бакинский комитет выразил протест «против всяких «изверганий из нашей среды» сторонников меньшинства редакции» (пункт 7 резолюции).

К тридцати годам Сталин стал уже законченным политиканом-карьеристом. 1909 год стал поворотной точкой в деятельности Кобы. Кавказ оказался для него тесен. Пришла пора испытать свои силы в среде руководителей партии. Однако личным контактам с лидерами большевиков мешали репрессии. В марте 1910 года Сталина вновь сослали в Сольвычегодск. Очередной побег он совершил в феврале 1912 года, и вот тогда товарищ Коба появляется в Петербурге. Пребывание в столице оказалось кратким: арест последовал уже в апреле. Потом ссылка в Нарымский край.

Находясь в сольвычегодской ссылке, Сталин писал 24 января 1911 года Бобровскому: «О заграничной «буре в стакане», конечно, слышали: блоки Ленина — Плеханова, с одной стороны, и Троцкого — Мартова — Богданова — с другой. Отношение рабочих к первому блоку, насколько я знаю,

благоприятное. Но вообще на границу начинают смотреть пренебрежительно: «Пусть, мол, лезут на стену сколько их душе угодно; а по-нашему, кому дороги интересы движения, тот рабочий, остальное же приложится. Это, по-моему, к лучшему».

Письмо в свое время было перлюстрировано полицией, а в период работы Орджоникидзе секретарем Закавказского крайкома партии опубликовано в декабре 1925 года на страницах тифлисской газеты «Заря Востока».

Похоже, выражение «буря в стакане» стало у Сталина излюбленным. Обращает на себя внимание менторский тон посланий Сталина и смакование политических разногласий. Особенно это заметно в третьем письме. Другой адресат, другая дата: «Где корни этой «бури в стакане воды»? В философских разногласиях? В тактических? В вопросах организационной политики (отношение к левым меньшевикам и т. д.)? В самолюбиях «различных я»? Как тебе понравилась новая книга Богданова? По-моему, некоторые отдельные промахи Ильича очень метко и правильно отмечены. Правильно также указание на то, что материализм Ильича во многом отличается от такового Плеханова, что вопреки требованиям логики (в угоду дипломатии?) Ильич старается затушевать...»

Первые такого рода попытки подорвать авторитет вождя партии Сталин предпринимал много ранее. В ноябре 1904 года в письме Давиташвили он противопоставлял Ленину М. С. Ольминского (Галерку) следующим образом:

«Если бы Галерка поставил эти и подобные вопросы, по-моему, было бы лучше. Скажешь, это дело Ленина, но я с этим не могу согласиться, так как критикуемые взгляды Ленина — не собственность Ленина и их искажение касается других не меньше, чем Ленина. Скажешь, что Ленин лучше мог бы выполнить эту задачу...»

Здесь текст обрывается многоточием, хотя и предельно ясно, что должны следовать слова типа «но я с этим не могу согласиться». Позднейшие публикаторы из ИМЛ, в каждом конкретном случае добросовестно указывающие, сколько слов в рукописи зачеркнуто, сколько вписано, что и сколько написано ошибочно и т. п., здесь лишь констатируют: «Далее густо зачеркнуто».

Т р у с

1918 год, оборона Царицына. Сталин, узурпировавший военную власть, лишь один раз побывал на передовой. Оберегая собственную персону, он снял с боевых позиций броне-

поезд, чтобы под прикрытием его пушек окинуть рассеянным взглядом линию окопов. Клим Ворошилов имел возможность наблюдать великого полководца в боевой обстановке. Трусость Сталина была вполне очевидной. Вот почему Хрущев на XX съезде КПСС предлагал маршалу Ворошилову поделиться с делегатами своими воспоминаниями. Но подручный генсека воздержался. Неужто чувство стыда за время многолетней службы в нем не выветрилось?

О системе охраны вождя, его кабинета, квартиры и дачи, о персональной линии метро, проложенной к кунцевской даче, о сверхтщательной проверке продуктов питания и процедуре обеда можно целую монографию написать.

В 1931 году в Сочи отдыхали Молотов, Шкирятов, Ворошилов, Куйбышев, каждый на своей даче. Неподалеку стоял домик работников Закавказского крайкома. Дача Сталина — наверху, особняком. Как-то вечером собрались соратники у Молотова. Хозяйничала его жена Полина. Гости по грузинскому обычаю пришли без жен. Все в сборе, ждут Самого. Вот стукнула входная дверь. Полина вышла в коридор, но случилось непредвиденное: на щитке с предохранительными электропробками засверкали искры-разряды — начиналась гроза. Сталин, заметив сверкнувшие под потолком искры, выскочил во двор, позвал шофера: «Датико, поехали!» Гости ждут генсека, и хозяин дачи Молотов ждет. А Полина, свидетель той сцены в коридоре, не знает, как объяснить внезапное исчезновение Вождя.

Много позже, уже после войны, соратники генсека замечали, как усложнялась с каждым годом система безопасности на Ближней даче под Москвой. По рассказу Н. Хрущева, это напоминало сборно-разборные баррикады: территорию окружали два забора, между ними бегали собаки, повсюду — электрическая сигнализация. И — постоянная смена замков, запоров, задвижек... Один эпизод особенно поразил выдавшего виды Хрущева:

«Сталин пошел в уборную. Охрана — человек, который за ним буквально по пятам ходил, остался на месте.

Сталин вышел из уборной и набросился при нас на этого чекиста: «Что вы не выполняете своих обязанностей? Вы охраняете, так вы должны охранять, а вы тут сидите, развалившись!»

Тот оправдывался: «Товарищ Сталин, я же знаю, что там дверей нет. Вот одна дверь-то, так за этой дверью стоит мой человек, который несет охрану».

Он на него грубо набросился: «Вы со мной должны ходить!»

О мерах предосторожности, принимаемых Хозяином за обеденным столом или в дороге, в кабинете, во время публичных выступлений, рассказано довольно. Другой самозванный диктатор, политический близнец Сталина, тоже мучился животным страхом. Ответственный за охрану Гитлера Раттенхубер свидетельствует: «Даже белье, полученное из стирки, он решался надевать лишь после того, как оно проходило обработку при помощи рентгеновского аппарата... Так же просвечивались рентгеном письма, адресованные фюреру... В его личных апартаментах было множество сигналов тревоги. Даже в его кровати. Никто, за исключением самых близких ему людей, не мог попасть без предварительного обыска в апартаменты Гитлера».

Анна Аллилуева рассказывала, как Сталин болел. Стоило ему почувствовать легкое недомогание, да если к тому же термометр показывал что-нибудь около 37,5 градуса, как генсек надевал на себя, на голое тело, меховую шубу, на голову — зимнюю шапку и ложился в кровать. Он сипел, хрипел, стонал, взявшись за голову и закрыв глаза, будто жизнь его на исходе.

Мацестинские ванны врачи рекомендовали Сталину еще в 1926 году. С тех пор генсек регулярно принимал эти ванны. В 1935—1938 годах генсек находился под наблюдением доктора М. Г. Шнейдеровича. Он сопровождал его на отдых в Сочи. Шнейдеровича поселили неподалеку от Ривьеры, в двухэтажном доме, в просторной квартире, где он мог принимать родственников и друзей. В Москве доктор получал материальное обеспечение по высшему разряду — продовольственный паек на улице Грановского и прочие блага.

В Сочи в интимных беседах с Мироном Григорьевичем Сталин шутя предлагал ему: «Вы хотите отравить меня? Ну, травите, травите... Может, вам захотелось славы Герострата? Действуйте. Вас необязательно накажут. Вас, может быть, даже превознесут, хотя для приличия вас могут и посадить в тюрьму. Но в конце концов вас выпустят. Вы же знаете, сколько у меня врагов, они будут рады, и вы станете не только героем дня, но и героем целой эпохи. Но я вижу, что вы неизлечимый трус, и за это особенно ценю ваши услуги. Вы настоящий трус — от волос на голове до самой печени. Это нравится мне в вас более всего».

Как прокомментировать это признание Вождя? Трус нанял труса...

Год 1928-й. Ответственный редактор «Рабочей Москвы» Борис Волин на приеме у генсека хотел достать из кармана носовой платок. Сталин среагировал мгновенно: схватил собеседника за руку и отпустил, лишь убедившись в том, что посетитель безоружен. Волин поведал о происшествии начальнику спецчасти редакции. Он недоумевал: «Что с ним случилось? Почему товарищ Сталин столь боязлив?» А тот всю жизнь боялся. Сам никогда не расставался с револьвером. Остальным запретил носить оружие: установил обязательный для всех посетителей обыск.

Год 1941-й. 22 июня. «Это конец», — решил генсек. «Все, что создал Ленин, потеряно навсегда», — запомнилась Хрущеву сталинская фраза. Посол в Великобритании И. М. Майский писал в 1964 году: «С момента нападения Германии Сталин заперся у себя в кабинете, никого не видел и не принимал никакого участия в решении государственных дел... Советские послы за границей в столь критический момент не получали никаких директив из центра».

Да, Сталин явил миру полную растерянность и отменную трусость. Величайший полководец всех времен ни разу не водил в бой полки. Он боялся появляться на фронте. Лишь однажды рискнул — встретился, не доехав 40 километров до передовой, с командующим Калининским фронтом генералом И. С. Коневым для того только, чтобы изречь директивно, для истории: «К весне надо подготовить решающее наступление». Боялся выезжать за границу. Осенью 1943 года намечалась встреча Сталина с Черчиллем в Скапа-Флоу. Генсек не поехал, сославшись на крайнюю занятость: он, видите ли, стал чаще посещать действующую армию. В другой раз, отказавшись от встречи с Черчиллем и Рузвельтом, он опять сослался на плохое влияние фронтовой обстановки: встреча, конечно, желательна, но дело в том, что за последнее время он стал все чаще и чаще болеть. Недавно, вернувшись из поездки на фронт, он заболел. Раньше у него грипп продолжался один-два дня, а теперь он длится полторы-две недели. Это тут же подтвердил Молотов: да, да, Сталину нужно беречь свое здоровье!

В ходе предвыборной кампании 1946 года Сталин выступал с речью в Большом театре. Речь благополучно, при абсолютном внимании избирателей, катилась к концу. Внезапно оратор исчез. Был на трибуне и — нет его... Генсек проворно присел на корточки и в таком положении, чуть ли не с пола, испуганно смотрел вверх, на галерку, прячась за боковую стенку трибуны. Там стоял, не таясь, человек с винтовкой.

Он целился прямо в генсека. Орава охранников ринулась наверх. «Террорист» оказался... репортером документального кино, а его вооружение состояло из трофейного киноаппарата с прикладом. Вождь снова занял место на трибуне и закончил речь под шумные овации присутствующих. Когда Сталину позднее доложили ситуацию, он приказал не наказывать злополучного репортера.

Если вспомнить, с какой расчетливостью, с каким планомерным упорством проводил Сталин обожествление собственной персоны, невольно хочется спросить: неужто лишь ради утоления жажды славы он это делал? Нет ли здесь чего-нибудь еще?

Р а б о т н и к

Сталин отличался огромной работоспособностью. Делами он занимался обычно ночью, до рассвета, спал мало, днем принимал посетителей, проводил заседания, совещания. Самоотверженно трудился. Таким запомнился он современникам, таким знают его читатели.

То была маска. Скрытая в нем энергия проявлялась лишь в критических ситуациях, неутомим он был в интригах и провокациях, сталкивая лбами подручных и готовя свои знаменитые политические спектакли. В действительности он никогда не утруждал себя работой, пренебрегая даже проблемами государственной важности. Это метко подмечено в «Воспоминаниях» Бориса Бажанова. Умея требовать максимум отдачи от других, генсек берег свои силы, с явным удовольствием предавался отдыху и чревоугодию. Чего стоили ночные сатурналии, красочно описанные Милованом Джиласом.

Таким знали товарища Кобу немногие еще с дореволюционной поры. В семнадцатом году, редактируя «Правду» (тогда она еще называлась «Рабочий путь»), он не вникал в работу редакции, полагая, что это может повредить его высокому авторитету как члена ЦК. К чему приводило небрежение своими прямыми обязанностями, видно из одного стихотворения, опубликованного в исторический день 25 октября под названием «Гимн пролетариата»:

Момент настал. Вперед знамена!
Идет, гремит народный вал.
Нас не страшат уж больше трсны,
Еще мы слышим всюду стоны,
Момент настал, момент настал.
Едва забрезжила свобода,
Ценою взятая веков,
Как вновь готовят для народа

И казней ряд, и гнет оков.
Шумит народа ополчение —
Путь для него освобожден,
И, знаменуя пробуждение,
Окрест несется красный звон.
Нам не страшны седые троны,
И кто на нас теперь дерзнет,
Пойдем, взяв красные знамена,
Рядами дружными вперед.
Окрест и шум, и радость встречи,
Велик, могуществен народ,
Он взял на трудовые плечи,
Как ношу, цель свою: «Вперед»...

Этот трескучий образец «подлинно пролетарской» поэзии, опубликованный под соответствующим псевдонимом «Красный», читался в акrostихе, с малыми отступлениями, так: «Мы, немецкие шпионы и провокаторы». На другой день редакция, спохватившись, извинилась перед читателями за потерю бдительности. Не Демьян ли Бедный заметил крамолу?..

А то, что в канун Октябрьского восстания Сталин вечерами отдыхал за чайным столом на квартире Аллилуевых, — факт ныне достаточно известный.

Незадолго до войны начальник Генерального штаба Б. М. Шапошников в разговоре с Хозяином робко сослался на большую загруженность текущими делами. Сталин усмехнулся и заметил, что начальник генштаба обязан спланировать свою работу так, чтобы текущие дела занимали у него не более четырех часов в сутки. Остальное время он должен лежать на диване и думать только о будущем.

О р а т о р

23 апреля 1920 года в Московском комитете партии состоялся юбилейный вечер Ленина. Владимиру Ильичу исполнилось 50 лет. Сам он отсутствовал. Репортер сообщает, что его привезли только после перерыва. Выступили Горький, Ольминский, Каменев, Луначарский... Слово получает Сталин, бессменный цекист с подпольных времен, грузин, не умеющий говорить ни на одном языке... То обстоятельство, что Сталин говорить совершенно не умеет, именно и делает его речь крайне интересной и даже захватывающей.

При всем удручающем примитивизме устной и письменной речи Сталин совершенно нетерпимо относился к любым замечаниям. Об этом свидетельствует А. Кольман, оставивший зримый портрет генсека конца двадцатых годов.

Арношт Кольман работал в аппарате ЦК несколько лет,

до марта 1931 года. В книге воспоминаний, опубликованной три года спустя после смерти автора, он описывает свои встречи со Сталиным.

На XVI съезде партии Кольман был избран в состав редакционной комиссии. Возглавлял эту комиссию Павел Лебедев-Полянский. «Мне выпало дежурить утром, на второй день съезда. Еще до начала заседания я взял у стенографисток запись отчета, прочитанного Сталиным накануне. Сразу же, в самом начале его речи, мне бросилось в глаза предложение, звучавшее странно. Хотя я никогда не изучал, ни в школе, ни самоучкой, синтаксис и грамматику русского языка, какое-то языковое чутье благодаря чтению художественной литературы у меня все же выработалось. Так, как написано, нельзя сказать по-русски. Этого я не мог не уловить.

Подойдя к Лебедеву-Полянскому, я обратил его внимание на это неудачное место, и он согласился со мной. Тогда я сказал ему: «Надо показать это место товарищу Сталину, пусть выправит». Но Лебедев-Полянский испуганно замахал на меня руками: «Что вы, что вы, никуда не ходите!» Я недоумевал: «Почему? Ведь, возможно, стенографистка перепутала. Ведь так издавать нельзя». И как только Сталин появился в зале, я поднялся к нему на трибуну и сказал примерно следующее: «Вот, товарищ Сталин, в стенограмме вашего выступления с точки зрения языка есть одно неправильно построенное место... Вероятно, стенографистка перепутала. Возьмите, пожалуйста, посмотрите. Если разрешите, я завтра утром возьму у вас стенограмму обратно». Сталин посмотрел на меня пристально, испытующе, взял стенограмму и процедил: «Хорошо!» На следующий день, опять перед началом заседания, поднявшись на трибуну, я снова подошел к Сталину и спросил: «Посмотрели, товарищ Сталин?» Протянув мне стенограмму, он бросил: «Так оставить!»

Одиночество

Эту историю рассказал товарищам в енисейской ссылке в 1949 году Петр Можнов, бывший секретарь Баиловского райкома комсомола. В тридцатые годы, работая в Баку, Можнов случайно узнал от рабочих, что здесь живет один старик, у которого в 1908 году квартировал товарищ Коба. Типичный комсомольский вожак, заводной, горячий, Петя Можнов живо представил себе, как соберет активистов (можно пригласить ребят из других районов) и перед комсомольцами выступит с воспоминаниями о вожде рабочий с убеленной сединами головой.

Разыскали домик. Можнов привел райкомовских ребят. Но старик с женой сразу замкнулись. «Ничего не знаем, ничего не помним. Кто-то вам наврал про нас, молодые люди». Словом, выпроводили комсомольцев. «Нет, тут что-то не так,— решил Петр.— Зачем было старым рабочим меня обманывать?» Секретарь выждал несколько дней, купил бутылку вина и отправился в заветный домик один. Совсем иначе приняли его старики. У хозяйки нашлась закуска, она тоже немного выпила. За столом разговорились. «Зачем ты привел тогда эту компанию? Разве можно на людях такой стыд раскрывать? Да, жил у нас в восьмом году этот самый Коба с женой Кэто... Слушай, какой он революционер? Мерзавец он, подонок! Кэто тогда беременна была, а он ее матерно ругал, ногами в живот бил. Мы с женой ее выхаживали, она потом чахоткой заболела. Когда Коба домой пьяный приходил, всегда последними словами ругался». Старик осушил одним глотком свою рюмку и сказал сокрушенно: «Слушай, кого вы вождем себе взяли! Ай-ай-ай...» Никому ничего не рассказал Петр Можнов. До самой енисейской ссылки молчал.

К своим детям Сталин относился нетерпимо, порой жестоко. С Яковом, старшим сыном от первого брака, у него сложились отношения взаимной неприязни. Василий, сын Надежды Аллилуевой, вырос распутником, хулиганом и кончил свои дни как последний алкоголик.

Дочери Светлане генсек как будто не отказывал в отцовском внимании. Вот одно из его писем, посланных девятилетней девочке: «Хозяюшка! Получил твое письмо и открытку. Это хорошо, что папку не забываешь. Посылаю тебе немножко гранатовых яблок. Через несколько дней пошлю мандарины. Ешь, веселись... Васе ничего не посылаю, так как он стал плохо учиться. Погода здесь хорошая. Скучновато только, так как хозяйки нет со мной. Ну, всего хорошего, моя хозяйюшка. Целую тебя крепко. Секретаришка Сетанки-хозяйки бедняк И. Сталин. 8 октября 1935 года».

Так он юродствует и в других письмах, проявляя деланную ласку. Когда Светлана повзрослеет, Сталин даст волю своему деспотичному характеру. Он грубо вмешается в ее личную жизнь, навязывая супруга по своему вкусу и преследуя неугодного.

Сталин рос волчонком, стал матерым волком, но стаи не искал. Он утвердился в своем одиночестве избранника судьбы. Постоянно окруженный раболепствующими подручными, он сам не ведал, как, в сущности, одинок. Сталин не

верил никому. Он не запятнал себя дружбой ни с одним из многочисленных слуг-соратников.

Отчужденным, злобным Сталин был далеко не всегда и не со всеми. Он умел скрывать свое истинное лицо под маской доброжелательности и душевной приязни. Если же того требовали обстоятельства, он мог и польстить нужному человеку. Мы помним, как он пытался привлечь на свою сторону Бухарина, потом Томского...

Подхалимство — постоянный спутник коварства. Об этом думаешь, когда знакомишься с перепиской времен гражданской войны. 21 августа 1918 года Сталин отправил из Царицына «дорогому товарищу Ленину» письмо с просьбой срочно прислать несколько миноносцев и подводных лодок. Характерны заключительные слова: «Жму руку моему дорогому и любимому Ильичу. Ваш Сталин».

Облик

В полицейских архивах сохранилось описание примет Иосифа Джугашвили, «обыкновенного человека... телосложения посредственного, со смуглым, покрытым рябинками лицом». И этот «обыкновенный человек» сумел внушить многим современникам необыкновенное почтение... На плакатах, портретах да и на фотографиях он выглядел чуть ли не гигантом. Это при росте 162 сантиметра. Ну, на Мавзолее ему скамеечку-брусок подставляли. Об этом позаботился начальник личной охраны Паукер. Рядом с высокими людьми генсек позировать избегал. Но ведь лоб не спрячешь. Когда давний товарищ Ленина Пантелеймон Лепешинский справлялся у жены, звонила ли она генсеку, он не называл ни чина, ни имени — только приставлял два чуть разведенных пальца ко лбу. В семье старого революционера знали, о ком идет речь, — о человеке с узким лбом.

Изувеченная в детстве левая рука, рябое лицо (следы оспы), малый рост... Все эти физические недостатки вместе с духовной ущербностью могли породить чувство озлобленности, довести его при соответствующих условиях до крайней степени. Так оно и случилось.

Вернемся к воспоминаниям Кольмана. В один из осенних дней 1929 года он с пачкой новых книг, поступивших на склад, поднимался в лифте на четвертый этаж, где помещался его отдел. Вслед за ним в кабину вошел генсек. «Сталин был в сапогах и френче, но, пожалуй, только этим он и был похож на того, каким его изображали. С серым цветом френча сочетался какой-то сероватый цвет лица этого человека. Ростом

он был не выше меня и довольно сутуловат, а не высок и строен, каким его изображали на портретах, которые уже тогда красовались повсюду. Мало помогало то, что, как я заметил, каблуки его сапог были непомерно велики. Лицо его не было гладким, как его ретушировали, а грубо рябым, все изрытое большими оспинами. Глаза вовсе не большие, а скорее маленькие, прятavшиеся в узкие щелочки. Волосы и усы блестели, были неестественного черного цвета, и, хотя ему тогда было всего 50 лет, он явно красил их».

Однажды в беседе с Л. А. Чудецкой, служившей в ту пору в канцелярии Дзержинского, Енукидзе заметил: «Сталин ревнует меня к моей внешности». Действительно, Авель Софронович обладал привлекательной наружностью. Облик таких людей, как Михаил Тухачевский или Григорий Сокольников, Рихард Зорге или Григорий Каминский, вызывал у Сталина стойкое раздражение. Обделенный красотой и интеллектом, диктатор подбирал соответствующих помощников. Эту особенность сталинского антуража зорко подметил поэт Георгий Иванов:

Какие отвратительные рожи —
Кривые рты, нескладные тела...
Вот Молотов, вот Берия, похожий
На вурдалака, ждущего кола.

Начальник лечебно-санаторного управления Кремля Михаил Металликов жаловался товарищам весной 1931 года: «Что мне делать с товарищем Сталиным? У него ужасные зубы — гнилые, черные, загнутые внутрь. Из рта — запах гнили... Сколько ни просили его, на визит стоматолога не соглашается. Даже камни с зубов не хочет снять». Решил Металликов посоветоваться с Авелем Енукидзе — он тогда курировал Лечсанупр. Обсудили проблему втроем, с участием Серго Орджоникидзе, и придумали: как только генсек соберется на отдых в Сочи, послать туда, на дачу в Зензиновку, повара с отличными зубами. Провести повару специальную санацию полости рта, и пусть он каждый раз, когда Вождь сядет за стол, демонстрирует свои зубы. Вот, мол, какой замечательный доктор работает в Москве...

Генсек вернулся из Сочи, и Металликов позвал к себе повара. Тот божился, что сцену восхваления дантиста он повторял перед Сталиным ежедневно. Тотчас, пока генсек не остыл, послали к нему домой стоматолога. Не тут-то было: Сталин наотрез отказался от его услуг.

1937 год. Авель Енукидзе объявлен врагом народа, обви-

нен во всех возможных и невозможных грехах. Причина, повод? Было бы желание. Дело в том, что Сталин не пренебрегал подчас черновой работой — политические провокации завязывал самолично. На очередном заседании Политбюро, когда обсудили вопросы повестки дня, Хозяин заявил: «Я узнал, что в кремлевской поликлинике нашего уважаемого товарища Рыкова заставили целый час простоять в очереди к врачу. Почему так сделали, а? Кто в этом виноват? Все-таки бывший член Политбюро... Неэтично. Предлагаю создать партийную комиссию и выяснить обстоятельства».

Комиссию возглавил Наум Рабичев, заместитель заведующего агитпропом ЦК. Виновный — им, естественно, оказался начальник управления Металликов — был найден сразу. И снят с поста. Ну а дальше так же естественно последовал арест и все остальное. Одним выстрелом генсек трех зайцев сразил: проявил доброжелательную проницательность, чуткость даже, по отношению к опальному, убрал ставленника Енукидзе и заодно почистил аппарат Лечсанупра.

Хулиган

В июле 1917 года Женя Егорова работала в Выборгском райкоме партии. Людей не хватало, она почти все дни проводила там. Однажды ушла на обед, закрыв, как всегда, кабинет. Вернувшись, застала в прихожей незнакомого. Время было тревожное. Егорова насторожилась:

— Простите, кто вам нужен?

Посетитель не ответил. Женя открыла кабинет, незнакомец последовал за ней и направился прямо к письменному столу.

— Кто вы такой? Я вас не пущу.

Товарищ Коба (это был он, конечно) грубо оттолкнул Егорову. Рослая, крепкого сложения девушка сумела постоять за себя. Завязалась драка...

Оказывается, члену ЦК Сталину понадобилось посмотреть в укромном месте материалы для «Правды». А тут какая-то девка под ногами путается, имя выпытывает...

В годы становления сталинской диктатуры, 1927—1929-й, Егорова выступала против Зиновьева и других оппозиционеров, активно поддерживала генсека. Она стала видным партийным работником, заведовала женотделом ЦК.

В тридцать седьмом Сталин уничтожил Женю Егорову среди первых.

1926 год. В начале июня Сталин вместе с Микояном приехал в Тифлис. Остановились на квартире Серго Орджони-

кидзе, на Гановской улице (ныне улица Табидзе). Собрались гости, пили, ели, пели... Генсек запел куплеты, предельно непристойные. За столом женщины. Здесь и Мария Платоновна Орахелашвили, воспитанная в лучших европейских традициях. Зинаида Гавриловна, жена Орджоникидзе, просит перевести, но Серго отнекивается. Наконец решается, шепчет что-то ей на ухо. Лицо женщины становится пунцовым.

Вскоре после окончания войны Сталин собрал у себя двенадцать маршалов. Дочь Хозяина Светлана сидела рядом, но иногда оставляла стол, выходила на кухню. После очередного тоста, пресыщенный знаками маршальского раболепия, генералиссимус спросил: «А вы знаете, кто ее сейчас...?» Светлана вспыхнула и выскочила из комнаты, провожаемая сальной ухмылкой отца.

Хулиган по натуре, по убеждению, Коба оставался хулиганом до последних дней своей жизни.

Однажды, в конце двадцатых годов, Сталин отдыхал в Гагре. Дача стояла на склоне горы, в устье речки Цихерва. После обеда он вышел с гостями в сад, провел их в благоухающий розарий. У калитки, прощаясь, один из гостей заметил: «Иосиф Виссарионович, такая жара, а вы — в сапогах... Неужели вам не жарко?» Действительно, светло-бежевый чесучовый костюм никак не гармонировал с черными сапогами. «А что, — ответил генсек, — сапоги — очень удобная вещь. И нужная: можно так ударить по скуле, что зубы не соберешь!» И засмеялся.

Его сапоги — это не обувь-каприз или дань привычке военных лет. Сапоги стали неким символом жизни, деталью портрета. В 1918 году правительство переехало из Петрограда в Москву. Занимая кремлевскую квартиру, Сталин заметил в прихожей большое зеркало: «Кому нужны эти барские штучки?» И ударил сапогом по стеклу. Сын Василий в школе бездельничал, но учителя не смели ставить ему двойки. Однажды генсек пришел в школу и попросил строже спрашивать с сына. Дома он сбил мальчика с ног — и сапогами его, сапогами... Эта сцена происходила на глазах у дочери.

1934 года. 2 декабря. Ударом сапога генсек свалил на пол Леонида Николаева, застрелившего Кирова.

Лишь однажды изменил Вождь сапогам. Присвоив себе звание генералиссимуса, надел военный мундир со звездами и прочими регалиями и сфотографировался в центре большой группы военачальников. Он сидит между маршалами Жуковым и Толбухиным, широко расставив ноги, картинно прищу-

рясь, с бриллиантовой звездой под дряблым двойным подбородком. Так и остался уличным кинто генералиссимус Сталин.

Многогранная личность

Интриган и провокатор, торгал и демагог, властитель и палач, хулиган и лицедей, он был многогранен. И вместе с тем примитивен. Таким виделся он Назыму Хикмету. Примитивность, явная посредственность Сталина проявлялись во всей его деятельности. Александр Фадеев, напротив, свято верил в непогрешимую мудрость Вождя. Два друга-писателя, и столь разительный контраст во мнении.

А Сталин, в какой бы ипостаси он ни выступал перед публикой, оставался самим собой.

Его поступки — начиная от мелких краж до грандиозных афер — деяния профессионального бандита. Кость от кости уголовного мира, он и в тюрьме и в ссылке лучше всего себя чувствовал в своей компании. Ему бы и остаться налетчиком. Но он решил сделать более крупную ставку.

Один бывший ссыльный, питерский рабочий, прибыл из провинции в Москву. Он навестил А. П. Улановского и сказал, что хочет повидать генерального секретаря. «А ты уверен, что он тебя примет?» — «Не сомневаюсь: мы с ним были вместе в ссылке». Через несколько дней Улановский встретил его. «Ну что, принял тебя Сталин?» Приезжий махнул рукой: «А-а-а!.. Вы тут все забурели!.. Он даже не захотел со мной разговаривать, товарищ Коба». Это случилось при жизни Ленина. Тогда начинающий генсек своих товарищей по ссылке еще не уничтожал. Охоту на них он откроет позднее... Вначале взяли жену Улановского, Надежду Марковну. Супруги Улановские были опытными разведчиками, работали вместе с Рихардом Зорге. Александр Петрович знал товарища Кобу по туруханской ссылке и рискнул обратиться к нему. Он просил генсека спасти ни в чем не повинную женщину. Улановского сразу же пригласили на Лубянку. Отсидев «свои» десять и еще десять лет, он вернулся в Москву. Скончался Улановский в 1971 году. Он успел о многом рассказать.

И еще один эпизод. В мае 1913 года в Енисее погиб Иосиф Дубровинский. Оставшаяся после него личная библиотека стала общим достоянием политических ссыльных — в память о замечательном революционере. Но вот прибыл в Туруханский край, в поселок Костино, Сталин. В марте 1914 года его заслали еще дальше на север, в станок Курейку. Вскоре политические узнали, что товарищ Коба присвоил все книги

Дубровинского. В Курейку поехал Филипп Захаров. «Сталин принял его так, как примерно царский генерал мог бы принять рядового солдата, осмелившегося предстать перед ним с какими-то требованиями».

По отношению к своему товарищу по ссылке Якову Свердлову Коба вел себя откровенно по-хамски. Он завел себе собаку, назвал ее Яшкой. Из рассказов Сталина о той поре Хрущеву запомнился такой эпизод. «Свердлов, бывало, после обеда моет ложки, моет тарелки, а я никогда этого не делал. Покушаю, поставлю тарелку на землю, на пол земляной, и собака все оближет, все чисто. А тот чистюля был».

В письме жене от 16 ноября 1914 года Свердлов, перебравшийся к тому времени в поселок Селиваниха, вспоминал о жить в Курейке: «Товарищ, с которым мы были там, оказался в личных отношениях таким, что мы не разговаривали и не виделись».

Замыслив бежать из туруханской ссылки, Сталин решил затребовать значительную сумму денег из общественной кассы, которая хранилась в селе Монастырском у Г. И. Петровского. Сам по себе побег политического был чреват тяжелыми последствиями: сразу же ужесточался режим, а среди ссыльных были больные и дети — каждая посылка, каждый денежный перевод на счету. После побега всех лишали писем, посылок, что при скудном питании делало жизнь ссыльных вовсе не выносимой. Однако товарища Кобу все это нимало не беспокоило. Он потребовал денег от Петровского и, получив отказ, набросился на него с кулаками. Петровский вынужден был ударить вымогателя.

Это произошло в июле 1915 года, тогда же в Монастырском собрался партийный суд. Он вынес общественное порицание Сталину — за аморальное поведение и попытку присвоить кассу, а также Петровскому — за невыдержанность. (Информация об этом событии попала на Запад и была опубликована под заголовком «Суд над Петровским и Джугашвили» в эмигрантской прессе.)

В своих рассказах о прежней ссылке Сталин упоминает о другом суде. «Какие хорошие ребята были в ссылке в Вологодской губернии из уголовных, — передает его воспоминания Хрущев. — Я тогда сошелся с уголовными... Мы, бывало, заходили в питейное заведение, смотрим, у кого есть там рубль или три рубля. Мы приклеивали к окну на стекло деньги, заказывали и пили, пока все не пропьем. Сегодня я плачу, завтра — другие, и так поочередно. Очень хорошие артельные ребята были уголовные. А вот политики, среди них

было много сволочей. Что же они устроили? Они организовали товарищеский суд и судили меня за то, что я с уголовными пью».

Мы уже знаем, что это был не первый и не последний партийный суд над этим «политическим». Все честные люди ждут самого последнего суда — когда Кобу-Сталина, пусть по-смертно, но исключат из партии.

Свою воровскую карьеру будущий генсек начинал юношей, когда обокрал семью купца. Он унес много серебра и смог на некоторое время забыть о нищете. Старый меньшевик Мибония, пожизненный узник казахстанского лагеря, рассказывал в 1943 году, что там, где Сосо родился, о воровских налетах будущего генсека помнили многие. И всякий раз — будь то тривиальная квартирная кража или сенсационное ограбление почты или кассы парохода — Сталин умело ускользал от возмездия, подставляя вместо себя партнеров, а то и вовсе не виновных. Он никогда не останавливался перед предательством и обманом.

Это истинно сталинские черты проступают и в хищениях более поздних.

Всю жизнь преступавший законы — партийные, государственные, человеческие, — Сталин придерживался жестоких законов уголовного мира. Его коварный мозг не родил ни одной доброй мысли. Растленная душа была бесплодна. Честные человеческие порывы никогда не беспокоили его.

М е ц е н а т

Как актер Сталин был мастером синтетическим. С равным успехом выступал он в амплуа то комика, то простака, то резонера или трагика. Он был еще и плодовитым драматургом, и волевым режиссером. Не забудем его выступления в роли цензора и рецензента. В историю театра генсек вошел и как меценат. Два театра он опекал лично — МХАТ и Большой. Они представляли собой как бы фасад созданной им социальной системы, рекламу его державы. Особое пристрастие Сталин питал к оперным спектаклям, помпезным, в дорогом оформлении.

Певице Галине Вишневской запомнилась атмосфера панического страха в дни посещения Сталиным театра. Потакая его вкусу, дирекция ставила на спектакль угодного генсеку артиста. Каждый старался потрафить ему, попасть в любимчики, чтобы быть всенародно отмеченным за счет публичного унижения своего же товарища. Эти приметы крепостного театра сохранялись еще долго после смерти Диктатора.

Любил ли Сталин музыку? Нет. Он любил именно Большой театр, его пышность; там он чувствовал себя императором. Он любил покровительствовать театру, артистам — ведь это были его крепостные артисты, и ему нравилось быть добрым к ним, по-царски награждать отличившихся. Вот только в центральную, царскую ложу Сталин не садился. Царь не боялся сидеть перед народом, а этот — боялся и прятался за занавеской. В его аванложе (артисты называли ее предбанником) на столе всегда стояла большая ваза с крутыми яйцами — он их ел в антрактах. (Интересно, какими яйцами заедал Николай II музыку Римского-Корсакова — крутыми или же всмятку?)

Историю, которая приключилась с артистом Селивановым в начале 1953 года, многие помнят и поныне. Давали «Пиковую даму». Селиванов, исполнявший партию Елецкого, увидев рядом в ложе Сталина, потерял от страха голос и проговорил под знаменитую музыку знаменитую арию «Я вас люблю, люблю безмерно...». Спектакль не прервали, но все впали в транс. В антракте Сталин вызвал к себе в ложу директора театра Анисимова, тот прибежал ни жив ни мертв, трясется...

— Скажите, кто поет сегодня Елецкого?

— Артист Селиванов, товарищ Сталин.

— А какое звание имеет артист Селиванов?

— Народный артист Российской Советской Федеративной Социалистической Республики...

Сталин выдержал паузу, потом сказал:

— Добрый русский народ!

И засмеялся.

На другой день вся Москва в умилении повторяла гениальную остроту.

Вишневская нарисовала основанный на тонких наблюдениях портрет Сталина:

«Говорил он очень медленно, тихо и мало. От этого каждое его слово, взгляд, жест приобретали особую значительность и тайный смысл, которых на самом деле они не имели, но артисты потом долгое время вспоминали их и гадали, что же скрыто за сказанным и за «недоговоренностью». А он просто плохо владел русским языком и речью. Вероятно, он, как актер, уже давно набрал целый арсенал выразительных средств, безотказно действовавших на приближенных, и применял их по обстоятельствам.

Замечательный дирижер С. А. Самосуд, многие годы проработавший в Большом театре, рассказывал, как однажды он

дирижировал оперным спектаклем, на котором присутствовало все правительство. В антракте его вызвал к себе в ложу Сталин. Не успел он войти в аванложу, как Сталин без лишних слов заявил ему:

— Товарищ Самосуд, что-то сегодня у вас спектакль без... бемолей!

Самуил Абрамович онемел, растерялся — может, это шутка?! Но нет, члены Политбюро, все присутствующие серьезно кивают головами, поддакивают:

— Да-да, обратите внимание — без бемолей...

Хотя были среди них и такие, как Молотов например, наверняка понимавшие, что выглядят при этом идиотами...

Самосуд ответил только:

— Хорошо, товарищ Сталин, спасибо за замечание, мы обязательно обратим внимание».

Судьбой артистов Хозяин распоряжался лично. Просмотрев кинофильм «Тарас Шевченко», он остался доволен игрой тогда еще малоизвестного Сергея Бондарчука. Проснувшись утром, исполнитель заглавной роли прочитал указ о присуждении ему звания народного артиста СССР. От воли и настроения Вождя зависел выезд артистов за границу. Знаменитому тенору Ивану Козловскому он прямо заявил, что на Запад его никогда не пустит. Однажды на концерте в Кремле Козловского просили исполнить номер на бис, но он решил отказаться, сославшись на усталость. Сталин пальцем нарисовал на левой стороне груди орден и принудил его петь.

Меценат не только ордена и звания раздавал. Сколько замечательных артистов, составивших славу отечественному театру, кончили свои дни в тюрьмах, лагерях... Сандро Ахметели, Владислав Голубок, Михаил Донец, Владимир Зускин, Лесь Курбас, Всеволод Мейерхольд, Вали Муртазин, Михаил Рафальский — названы только те, кто тогда носил звание народный...

До сих пор в истории советской культуры зияет раной ликвидация Камерного театра. Его руководитель Александр Таиров погиб от инфаркта. Что стоило члену Политбюро Лазарю Кагановичу одно слово сказать в защиту театра... Он посетил Новодевичье кладбище, увидел возле могилы Таирова Алису Коонен, подошел ближе, посочувствовал горю и присовокупил несколько комплиментов ей лично и уничтоженному театру. Вдова Таирова спросила, кто он, и тотчас удалилась, опустив низко голову...

Алексея Денисовича Дикого арестовали в тридцать седьмом в Ленинграде, там он готовил спектакль в Большом дра-

матическом театре имени Горького. Замечательного режиссера приглашали также во МХАТ и Малый театр, в его постановке шли спектакли в Палестине (в студии «габима»), в Швеции. Словом, для обвинения в шпионаже материала хватило. Десять лет лагерей за шпионаж по тем временам можно было считать милостью. Жену Дикого постигла та же судьба. Коллеги репрессированного, известные актеры, не сразу решились вступить за него, но все же подписали прошение на имя Сталина. С этим письмом отправилась к верховному меценату бывшая актриса Мария Андреева. К тому времени началась Отечественная война. Дикий отбыл в лагере уже четыре года, успел организовать там театр.

...Помилованному Алексею Дикому довелось даже сыграть в кинофильме «Сталинградская битва» роль Верховного Главнокомандующего. Но вначале была проба. Сталину не понравилась игра Геловани в образе вождя. «Неужели я такой красивый и такой глупый?» — спросил он. Попробовали для этой картины другого. И этого отвел генсек. Кто-то назвал имя Дикого. «Хороший актер, давайте его сюда», — согласился Сталин. Отправляясь на пробу, Дикий успокаивал родных: «Я ведь буду говорить по-русски, без малейшего акцента, и меня не возьмут». Но случилось иначе. Генсеку Дикий очень понравился, он утвердил его на роль Сталина. «Это хорошо, — сказал он. — Вождь русского народа может и должен говорить чисто по-русски».

О сексуальной распущенности Сталина достаточно известно.

...Во время туруханской ссылки Коба изнасиловал тринадцатилетнюю дочь хозяина избы, у которого квартировал. По жалобе отца жандармы возбуждали уголовное дело. Пришлось Иосифу Джугашвили дать обязательство повенчаться с пострадавшей. Первый ребенок родился мертвым, потом появился на свет мальчик. Позднее он переехал в Москву и работал в Радиокомитете.

О том, как будущий Вождь поступил с Надеждой Аллилуевой, рассказ впереди.

...В начале тридцатых годов генсек увлекся известной балериной Большого театра. Как вспоминал И. М. Гронский, Сталин нередко возвращался от нее в Кремль в два-три часа ночи. Потом ему приглянулась прославленная меццо-сопрано, исполнительница главных ролей в спектаклях Большого. Ее почтительно называли царь-бабой за эффектную внешность, редкую красоту. В 1937-м на кремлевском

приеме к ней подошел охранник и сообщил, что после концерта проводит ее к Вождю.

Певица содрогнулась: «Нечистоплотный уродец, он же вдвое старше меня!.. Как он смеет!..» Но пошла. Неповторимо прекрасная «царская невеста» попала в каменные чертоги генсека. И вышла лауреатом Сталинской премии.

Пример оказался заразительным. Молотов остановил свой выбор на лирическом сопрано, генералы МВД проявляли особый интерес к балеринам — словом, Сталин и его подручные пытались превратить Большой театр в подобие придворного гарема. Насколько они в этом преуспели, установить сейчас, спустя полвека, трудно.

П а р а н о и к ?

Некоторые биографы Сталина склонны видеть в нем параноика. Но это значит объяснить все его преступления, стоившие жизни миллионам, болезнью. Разве больному или слабоумному удалось бы так мастерски скрутить всех политических соперников и построить образцовый аппарат власти? Смог бы он, вопреки катастрофическим просчетам во внутренней и внешней политике, создать могущественную державу со столь значительными территориальными приобретениями? Нет, Сталин был, безусловно, психически здоров. Над такими злобными натурами ни шизофрения, ни паранойя не властны. Но его неумное властолюбие могло показаться наблюдательному человеку маниакальным.

Версию о паранойе связывают с именем академика Владимира Михайловича Бехтерева. Обстоятельства смерти его, случившейся сразу после объявления этого диагноза, будут выясняться еще долго. Первая попытка проанализировать известные на сегодня факты принадлежит В. Д. Тополянскому.

В связи с этим особое значение приобретает свидетельство профессора И. А. Валединского, который наблюдал Сталина с 1926 по 1940 год. В 1926 году в Сочи Иван Александрович участвовал в консультации вместе с докторами В. Ф. Подгурским, Францевым и И. Н. Елфимовым. «Консультация проходила в очень скромной обстановке, в небольшой комнате дачи № 4. Товарищ Сталин зашел в комнату с балконного крыльца, сел против нас и держался очень просто. Мы, врачи, чувствовали себя непринужденно. Сталин жаловался на боль в мышцах рук и ног, однако никаких патологических изменений не найдено». В 1927 году, за четыре месяца до встречи с

Бехтеревым, Валединский три раза осматривал Сталина. Проводили рентгенографию, снимали электрокардиограмму. Это исследование, сообщает профессор, в общем показало, что организм Сталина вполне здоровый. Обращено внимание на его бодрое настроение, внимательный, живой взгляд.

В том, что Сталин не страдал психическим заболеванием, нас убеждают также более поздние его обследования. В 1936 году доктор Шнейдерович не нашел в его организме никаких заметных отклонений от нормы. И нервная система пациента оказалась в пределах нормы. Но Вождя постоянно мучило желание пресечь что-то в обществе, наказать определенных лиц. Порой открыто проявлялась ненависть к сотруднику или близкому человеку, и он жаловался доктору на своего «обидчика».

Склонность генсека к актерской игре, к удивительным превращениям его личный врач отметил еще в тридцатые годы. «Он с легкостью необыкновенной выходил из образа вождя и становился то милым, добрым другом, душа нараспашку, то циничным, негодяем или по забным хулиганом. Он был многолик».

Он был неотразим...

Осень 1936 года. Владимир Антонов-Овсеенко пришел домой радостный, взволнованный: «Еду в Испанию! Я был у Сталина. Это необыкновенный человек. Какая концентрация воли и ума... Какая колоссальная энергия!» В Барселону генеральный консул уезжал обласканный, унося в сердце образ обаятельного человека, прозорливого вождя.

Мария Александровна Иоффе, вдова известного дипломата и революционера Адольфа Абрамовича Иоффе, рассказывает:

«Сталина мы видели часто. Мы встречались с ним на премьерах Большого театра, на которые администрация бронировала нам места в ложе. Сталин обычно появлялся в окружении приближенных... Он держался как открытый, душевный собеседник, был чрезвычайно общителен и дружески настроен, но во всем этом не было ни единой искренней нотки... В общем, Сталин был актером редкого таланта, способным менять маски в зависимости от обстоятельств. Одна из его любимейших масок — простой, добрый парень без претензий, не умеющий скрывать своих чувств».

Со временем лицемерие стало второй натурой генсека, и каждая маска, казалось, органически выражала его сущность. то он играл роль свойского парня, то строгого блюстителя

партийной чести, то всемогущего вождя. Сталин вживался в каждую роль столь основательно, что начинал сам верить в свой новый образ.

К пятидесяти годам Сталин был убежден, что уже достаточно созрел для выхода на мировую сцену. Дебют прошел удачно. На Юджина Лайенза, посетившего Кремль в конце ноября 1930 года, генсек произвел благоприятное впечатление. А ведь этот американский журналист был хорошо информирован о характере сталинского правления. Еще большего успеха хозяин Кремля добился у Розиты Форбст, леди Астор и нескольких других влиятельных дам. Он совершенно очаровал их, разыгрывая милые сценки с детьми и собачками. С искусством, которому могли бы позавидовать профессиональные актеры, он в декабре 1931 года дал представление немецкому писателю Эмилю Людвигу, а три года спустя — английскому фантасту Герберту Уэллсу. Они тоже не устояли перед чарами Сталина. Правда, Уэллс заметил, что он ни разу не посмотрел ему в глаза, но о таких пустяках и говорить не стоило. Среди писателей, которых генсеку удалось обвести вокруг пальца (а ведь проницательность всегда была присуща настоящему писателю), назовем Анри Барбюса, Лиона Фейхтвангера, Ромена Роллана, Бернарда Шоу.

Да, и Шоу. Он впервые приехал в Москву в 1931 году. Находясь под впечатлением торжественного приема, устроенного по случаю его 75-летия, великий старик и правдолюб совершенно не заметил такой детали, как голод, который уносил миллионы жизней хлеборобов. Однако Шоу все же отчасти раскусил Сталина, написав, что, хотя манеры диктатора были почти безупречны, «нам с трудом удавалось скрывать то, что он нас ужасно забавлял». С афористичной точностью Шоу описал Сталина, как помесь папы и фельд-маршала. В целом, однако, у английского гостя осталось благоприятное впечатление от вождя, и в 1941 году он публично атаковал критиков Сталина.

В годы войны актерский талант генсека достиг вершины. В переговорах с главами государств он всегда попадал точно в тон. В присутствии проницательного и недоверчивого Черчилля играл с большой осторожностью, сдержанно. Рядом с добродушным Рузвельтом накладывал иной грим. Сталин пытался убедить каждого, что он вовсе не диктатор, а просто первый среди равных и что все важные вопросы, касающиеся государства и партии, решаются коллективно. Не так уж легко ему было выказывать искреннее почтение и изображать

благородные манеры, но он сумел преодолеть все технические трудности.

Уинстону Черчиллю советский лидер показался чрезвычайно сложной личностью. Он писал в 1959 году: «Сталин произвел на нас величайшее впечатление. Его влияние на людей неотразимо. Когда он входил в зал на Ялтинской конференции, все, словно по команде, вставали и — странное дело — держали почему-то руки по швам...»

Однажды Черчилль твердо решил не вставать при появлении Сталина. К началу очередной встречи они с Рузвельтом, как обычно, заняли свои места и стали ждать главу Советской России. Сталин вошел, и будто потусторонняя сила подняла английского премьера из кресла...

А. Барбюс приехал в Москву в сентябре 1934 года. Сталин пригласил его на дачу в Зубалово. Беседовали до глубокой ночи. Сталин буквально очаровал писателя: «Человек, чей профиль изображен на красных плакатах рядом с Карлом Марксом и Лениным, — это человек, который заботится обо всем и обо всех, который создал то, что есть, и создает то, что будет. Он спас. Он спасет... И кто бы вы ни были, лучшее в вашей судьбе находится в руках... человека, который... бодрствует за всех и работает, — человека с головой ученого, с лицом рабочего, в одежде простого солдата».

Эти строки, венчающие книгу Барбюса о Сталине, с той же степенью достоверности, что и архивный документ, помогают воссоздать образ, сыгранный Вождем. Так провести писателя, заставить его манипулировать своими убеждениями мог только Иосиф Сталин. Это был феномен человеческой природы. Тщедушный, обиженный и телом и душой, как мог он вместить такую испепеляющую ненависть к добру, к правде? Какой сильный характер! И какой низменный! И уж совершенно уникальная способность находить в людях самое гнусное, самое подлое и — любовно, терпеливо лелеять темные, животные инстинкты, растить племя новых опричников...

Человеконенавистник, наделенный адской волей, он мощно воздействовал на общество и определял его уродство. Можно говорить о патологическом развитии советского общества в эпоху сталинщины. Создается впечатление, что Сталин вступил в соревнование со всеми именитыми деспотами истории. На втором десятилетии своего властвования он превзошел их всех, после этого уже не с кем стало его сравнивать. И уж если называть Сталина «горным орлом», то он из той породы орлов, что клевали печень прикованного Прометея.

Сталинщина: Гибель, Абсолютная
Преследования в СССР и за рубежом
Всего 1348 стр. *Гроссман-Ланге-Бланк*

ПРОВОКАТОР

2130 стр. в пер. 50 коп.

При изучении склада сталинского ума нельзя пройти мимо утверждения известного психолога и социолога Э. Фромма, что жажда власти является самым характерным проявлением садизма. Для Сталина это не было какой-то неосознанной жадой или желанием стать самым богатым человеком на земле. Власть ему нужна была как средство подавления ближних и дальних. Поразительно точный портрет грядущего тирана нарисовал Максим Горький в 1918 году, спустя всего несколько месяцев после победы Октябрьской революции: «Он прежде всего обижен на себя за то, что не талантлив, не силен, за то, что его оскорбляли... Он весь насыщен, как губка, чувством мести и хочет заплатить сторицею обидевшим его... Он относится к людям как бездарный ученый к собакам и лягушкам, предназначенным для жестоких научных опытов. Люди для него — материал, тем более удобный, чем меньше он одухотворен».

Среди множества политических деятелей трудно найти другого, который бы столь же целеустремленно, как Сталин, осуществлял личную власть. В его руках она превратилась в средство садистского наслаждения и поистине дьявольского издевательства над подвластными партией и народом. Власть для него означала всемогущество. Пока он пользовался властью, все остальное — идеи (для него все они были ложными), так же как цели и средства (для него любые средства были допустимы), — отодвигалось на второй план. Вкусив впервые власти в годы революции, он уже не мог остановиться. Как известно, власть развращает, абсолютная власть развращает абсолютно. Это высказывание не относится к Сталину: он был абсолютно развращен еще до захвата власти.

Старая большевичка Вера Швейцер, которая отбывала срок ссылки в Туруханском крае вместе со своим мужем, видным большевиком Суреном Спандаряном, вспоминала, что многие политические ссыльные не доверяли товарищу Кобе, считали его интриганом и провокатором.

Вот что рассказывала она Розалии Землячке в 1931 году в присутствии Владимира Милютина: «Когда Коба прибыл в Туруханский край, незадолго до начала мировой войны, мы все решили бойкотировать его. Он пользовался репутацией закоренелого интригана и карьериста, способного на любую анархическую акцию. В партийных кругах Петрограда и Москвы носились слухи о существовании связей между Сталиным и жандармерией. В дальнейшем ему каким-то образом

удалось войти в доверие к некоторым ссыльным. Объяснение такого поворота дел, очевидно, в том, что таким старым большевикам, как Григорий Петровский и Лев Каменев, по чистоте души своей и в голову не могло прийти подозревать других товарищей в предательстве».

Несколько лет спустя, когда кампания возвеличивания Сталина набрала решающую силу, старой большевичке пришлось совершить поворот на 180 градусов. Согласно новым ее воспоминаниям, Сталин занимался в туруханской ссылке переводом брошюры Розы Люксембург с немецкого на русский...

В декабре 1916 года Иосифа Джугашвили вместе с питерским рабочим Борисом Ивановым призвали в армию. Их отправили под конвоем вниз по замерзшему Енисею в Красноярск. В дороге Сталин вел себя так, словно он командовал стражей: решал, когда останавливаться на отдых, в каком месте ночевать. По прибытии в Красноярск бывших ссыльных должны были передать военным властям. Однако Джугашвили сказал конвоирам, что отправляется на свидание со своими старыми друзьями, и был таков...

У ветерана партии Бориса Иванова не было никаких сомнений относительно того, что Коба — полицейский провокатор. И у Степана Шаумяна, которого называли «кавказским Лениным». Он являлся бесспорным лидером революционных рабочих Баку, пользовался огромным авторитетом в среде социал-демократов всего Закавказья. Мог ли примириться с этим Сталин? Шаумян был опытным конспиратором, и все же в 1905 году тифлисской полиции удалось его выследить. Вспоминая позднее об этом событии, Степан Георгиевич сказал товарищам в присутствии своих сыновей, что адрес нелегальной квартиры, где его арестовали, был известен только одному человеку — товарищу Кобе.

Три года существовала в Авлабаре, предместье Тифлиса, большевистская типография. Весной 1906 года нагрянула полиция. Работники подпольной типографии были уверены, что о ее местонахождении полиции сообщил Сталин. Поэтому бойкотировали его. Другие активисты социал-демократического движения тоже убедились в причастности Кобы к провалу*. Вскоре же после разгрома авлабарской типографии последовал арест Сталина — в конце марта. Заключение оказалось удивительно кратким: «отважный подпольщик» успел

* Автор не разделяет мнения некоторых историков, полагающих, что Сталин к этой акции не причастен.

прибыть в Стокгольм 10 апреля — к открытию IV съезда РСДРП. Об этом аресте в официальной биографии Сталина — слова. Еще одна случайность?

Второй арест Шаумяна в 1908 году в Баку тоже не похож на случайную удачу полиции. Во всяком случае, бакинские рабочие связывали эту акцию с именем Сталина. В революционном подполье ему грозили крупные неприятности, но последовали новый арест и спасительная высылка товарища Кобы. По свидетельству известного социал-демократа Бориса Николаевского, жившего в 1912 году в Баку, Сталин устроил покушение на жизнь одного меньшевика. Пострадавший написал об этом в бакинскую организацию меньшевиков и предупредил товарищей о том, что Коба работает на царскую охранку.

После двух побегов Сталина из сольвычегодской ссылки и очередного ареста в апреле 1912 года этого странного большевика отправили в Нарымский край. Здесь он попал в такую глухомань и бездорожье, откуда без помощи властей выбраться было чрезвычайно трудно. Однако он бежал и в октябре того же года объявился в столице. Поистине интимно-доверительные отношения сложились между р-революционером Кобой и царской охранкой, если он позволил себе отправить из Сольвычегодска в Париж, сквозь жесткую цензуру, такое письмо: «Мне остается шесть месяцев. По окончании срока я весь к услугам. Если нужда в работниках в самом деле острая, то я могу сняться немедленно». Это столь показательное по открытости послание написано из ссылки 31 декабря 1910 года.

В январе 1913 года Ленин созвал в Польше совещание ЦК. По мнению А. Орлова, о подробностях Краковского совещания полицию известил Сталин. Провокатор Малиновский в роли члена ЦК большевистской партии стал бесценным осведомителем охранки. Но Сталин не терпел чужого лидерства и на этом поприще. Вернувшись после совещания в Кракове в Петербург, Коба отправил на имя заместителя министра внутренних дел донос на Малиновского: дескать, тот является на деле последователем Ленина и предан не царскому правительству, а большевистской партии. Эти сведения публиковал после XX съезда партии упомянутый нами крупный резидент НКВД А. Орлов, оставшийся на Западе. Насколько достоверно свидетельство Орлова, пересказавшего сообщение другого сотрудника НКВД, Штейна, судить трудно.

В связи с этим представляют интерес воспоминания Татьяны Александровны Словатинской, члена партии с 1905 го-

да, об аресте Сталина весной 1913 года, приведенные в «Отблеске костра» Юрия Трифонова (Словатинская — бабушка писателя). В архиве Трифонова хранится копия письма Сталина Роману Малиновскому с приложенной к нему справкой начальника Енисейского жандармского управления полковника Байкова:

«4 января 1914 г., г. Красноярск. Совершенно секретно. Представляя при сем агентурные сведения за № 578, имею честь донести Вашему Превосходительству, что автором таковых является гласнонадзорный Туруханского края Иосиф Виссарионов Джугашвили. Адресат таковых член думской фракции с.-д. Роман Вацлавович Малиновский. Меры к недопущению побега Джугашвили мною приняты. В Томск и С.-Петербург сообщено...»

Иосиф Джугашвили пишет члену Государственной думы Малиновскому:

«...Здравствуй, друг. Неловко как-то писать, но приходится. Кажется, никогда не переживал такого ужасного положения. Деньги все вышли, начался какой-то подозрительный кашель в связи с усилившимися морозами (37 градусов мороза), общее состояние болезненное, нет запасов ни хлеба, ни сахару, ни керосина (все деньги ушли на очередные расходы и одеяние с обувью). А без запасов здесь все дорого: хлеб ржаной 4 коп. фунт, керосин 15 коп., мясо 18 коп., сахар 25 коп. Нужно молоко, нужны дрова, но деньги... нет денег, друг. Я не знаю, как проведу зиму в таком состоянии. У меня нет богатых родственников или знакомых, мне положительно не к кому обратиться, и я обращаюсь к тебе, да не только к тебе — и к Петровскому, и к Бадаеву.

Моя просьба состоит в том, что, если у соц.-дем. фракции до сих пор остается «фонд репрессивных», пусть она, фракция, или лучше бюро фракции выдаст мне единственную помощь хотя в руб 60. Передай мою просьбу Чхеидзе и скажи, что я и его также прошу принять близко к сердцу мою просьбу, прошу его не только как земляка, но главным образом как председателя фракции. Если же нет больше такого фонда, то м. б. вы все сообща выдумаете что-нибудь подходящее. Понимаю, что вам всем, а тебе особенно, никогда нет времени, но, черт меня дери, не к кому больше обратиться, а околеть здесь, не написав даже одного письма тебе, не хочется. Дело это надо устроить сегодня же, и деньги переслать по телеграфу, потому ждать дольше — значит голодать, а я и так истощен и болен. Мой адрес знаешь: Туруханский край, Енисейская губ., деревня Костино, Иосифу Джуга-

швили... Я надеюсь, что ты в случае чего постоишь за меня и выхлопочешь гонорар... Ну-с, жду от тебя просимого и крепко жму руку, целую, черт меня дери... Привет Стефании, ребятам. Привет Бадаеву, Петровскому, Самойлову, Шагову, Муранову. Неужели мне суждено здесь прозябать 4 года... Твой Иосиф».

И еще письма на имя Словатинской. Краткие послания, но как много они говорят о характере политического ссыльного Джугашвили-Сталина.

«10/XI. Письмо лежит у меня 2 недели вследствие испортившейся почтовой дороги. Татьяна Александровна! Как-то совестно писать, но что поделаешь — нужда заставляет. У меня нет ни гроша, и все припасы вышли. Были кое-какие деньги, да ушли на теплую одежду, обувь и припасы, которые здесь страшно дороги. Пока еще доверяют в кредит, но что будет потом, ей-богу, не знаю... Нельзя ли растормошить знакомых (вроде Крестинского) раздобыть рублей 20—30? А то и больше?..

12/XI. Милая, дорогая Татьяна Александровна, получил посылку. Но ведь я не просил у Вас нового белья, я просил только своего, старого, а Вы еще купили новое, израсходовались, между тем жаль денег, у Вас очень мало. Я не знаю, как отплатить Вам, дорогая, милая-милая...

20/XI. Милая, нужда моя растет по часам, я в отчаянном положении, вдобавок еще заболел, какой-то подозрительный кашель начался. Необходимо молоко, но... деньги, денег нет. Милая, если добудете денежки, шлите немедленно телеграфом, нет мочи ждать больше...».

Пройдет двадцать с лишним лет. Бедствовавший когда-то ссыльный станет всемогущим Вождем и отплатит «милой» Татьяне Александровне и соратникам по партии Крестинскому, Сольцу, Петровскому. Не оставит вниманием родных «дорогой» Т. Словатинской: ее зятя ждет гибель, сына Павла и дочь Евгению — ссылка...

Разве Сталин ничего не подозревал? Малиновский вошел в историю как выдающийся провокатор. Он пробрался в Центральный Комитет большевистской партии, вошел в доверие к Ленину и сумел провалить не одно важное предприятие, предать многих видных революционеров. Уж не по его ли совету Ленин в январе 1912 года заочно кооптировал Сталина в состав ЦК, избранного на Пражской конференции? Ведь не кто иной, как Малиновский, отвечал перед ЦК за партийную работу в России. О Сталине, о его политической деятельности Ленин мало что знал. В ноябре 1915 года Влади-

мир Ильич просить сообщить ему в Женеву фамилию Сталина: он и Крупская ее забыли.

Роман Малиновский и Иосиф Сталин. Было в них что-то общее, даже во внешнем облике: развязные манеры, едва прикрытые дешевыми актерскими ужимками. Оба полные жажды подняться над людьми. Однако во многом — в характере, в поступках — они были не схожи. Когда после Февральской революции вторая профессия Малиновского стала явью (в печати были опубликованы документы департамента полиции), провокатор вернулся из-за границы в Петроград. Его судили и казнили. Какие-то человеческие побуждения, быть может, раскаяние, в нем теплились. А Сталин, будучи изобличен в предательстве, поступил бы так?

В начале тридцатых годов Сталин приказал арестовать В. Каспарову, старую большевичку, которая годы эмиграции провела вместе с мужем в Швейцарии. Ленин высоко ценил испытанного большевика Славу Каспарова и скорбел, когда тот умер в 1917 году от туберкулеза на чужбине. Варя Каспарова выехала на родину в одном вагоне с Владимиром Ильичем. В восемнадцатом она заведовала отделом народного образования Бакинского Совета. Варя Каспарова кое-что знала о темном прошлом товарища Кобы и, выступая на партийных собраниях в 1927—1929 годах, открыто обвиняла его в предательстве. Генсек зачислил ее в злостные оппозиционеры, но не терял надежды сломить. С этой целью он направил к ней в 1936 году в новочеркасскую тюрьму Бориса Петровича Шеболдаева, который хорошо помнил узницу по совместной работе в Баку. «Нехорошо держать заслуженную революционерку в тюрьме, — сказал Сталин, — зачем она выступает против партии?»

Генсек, как всегда, отождествлял себя с партией. Но Каспарова не могла примириться с узурпатором. Она рассказала первому секретарю Азово-Черноморского крайкома все, что ей было известно о преступном прошлом товарища Кобы. И отказалась покориться его воле. Вернувшись в Ростов, Шеболдаев сказал близкому товарищу: «То, что мне передала Варя, я не могу сообщить даже тебе. Теперь мне конец...» Вскоре последовал вызов в Москву. Что он доложил генсеку? Этого мы не знаем. Год спустя Борис Шеболдаев, находясь в Лефортовской тюрьме, попросил оказавшегося с ним в камере работника Ростовского наробраза Б. Е. Этинггофа: «Может быть, вы уцелеете, тогда передайте на волю мой рассказ». И сообщил ему все, что узнал от Вари Каспаровой. Предсмертную просьбу Б. Шеболдаева Этинггоф смог

выполнить лишь в 1958 году. Отбыв свое, он пришел в Комитет партийного контроля.

В 1956 году И. Дон Левин опубликовал в журнале „Lufe“ письмо заведующего особым отделом департамента полиции от 12 июля 1913 года Еремина, отправленное на имя начальника Енисейского охранного отделения А. Ф. Железнякова. В этом совершенно секретном письме сообщалось о том, что Джугашвили-Сталин еще в 1906—1908 годах активно сотрудничал с жандармским и охранным отделениями в Баку и Тифлисе, позднее — в Петербурге.

Текст был позднее перепечатан в трудах нескольких ученых, которые так же, как и Левин, приняли его за подлинный документ. Однако проведенные в ЦГАОР исследования относят «письмо Еремина» к разряду фальшивых. Документ не выдерживает критики по семнадцати позициям. Достаточно привести здесь последний пункт: по приказу штаба корпуса жандармов Еремин назначен 11 июня 1913 года начальником Финляндского жандармского управления. Поэтому письмо в качестве заведующего особым отделом департамента полиции отправить 12 июля он не мог.

Итак, множество косвенных улик, изобличающих Сталина в предательстве, и только один документ, и тот фальшивый. В ряду объективных данных — поразительная терпимость к одному из лидеров революционного движения в Закавказье со стороны охраны, отправлявшей его всякий раз в административную ссылку. И неизменно благополучные побег. И безбоязненное возвращение в столицу. И беспрепятственные поездки в Таммерфорс, Стокгольм, Лондон, Берлин, Вену...

Не случайно в среде партийных руководителей политическое лицо Кобы вызывало стойкое подозрение. На озеро Разлив, где скрывались Ленин и Зиновьев после июльских дней семнадцатого, Сталина не допускали. И на последнюю нелегальную квартиру М. В. Фофановой Ленин его не приглашал. Маргарита Васильевна мне рассказывала, что в тридцатые годы, когда создавалась легендарная биография Сталина как второго вождя революции, ей настойчиво предлагали «вспомнить» о посещении им квартиры на Сердобольской перед Октябрьским восстанием. Но она отстояла правду: «Нет, товарища Кобу Владимир Ильич не вызывал к себе ни разу».

Всматриваясь пристально в течение жизни Джугашвили-Сталина, следует за ним от порога к порогу на пути к абсолютной власти, приходишь к непреложному выводу: этот

человек, даже если и не служил платным агентом царской охраны, был провокатором по убеждению, из душевной потребности.

Писателю Алесандру Беку, посвятившему не один год исследованию подлинной биографии Сталина, было известно, что тот одно время интересовался книгой С. Г. Нечаева «Катехизис революционера». В основе этой работы лежит принцип «цель оправдывает средства». Нечаевщина воспринимается ныне историками как некая смесь политического цинизма, провокаций и мистификаций. Александр Бек справедливо замечает, что Сталин чрезвычайно тяготел к нечаевщине.

Энгельс писал в 1872 году: Нечаев «либо русский агент-провокатор, либо, во всяком случае, действовал как таковой». Удивительно точное попадание в образ Сталина-Джугашвили!

В 1923 году уполномоченным Народного комиссариата внешней торговли СССР в Закавказье работал Арам Исаакович Иванян, член большевистской партии с 1918 года. До революции он участвовал в социал-демократическом движении в Грузии. В 1910 году его сослали в Вологду. Он был отличным математиком, образованным человеком, с мягким, открытым характером. Неудивительно, что генерал-губернатор, отец двух мальчиков, пригласил его в качестве преподавателя точных наук. Месячный оклад учителю положили 150 рублей, сумму по тем временам значительную. Скромный, непритязательный в быту Иванян почти все деньги раздавал нуждающимся политическим ссыльным.

Отбыв срок ссылки, Иванян вернулся в Грузию. 1917 год он встретил в Петрограде, был избран делегатом II Всероссийского съезда Советов. После установления Советской власти в Грузии выехал в Тифлис. Кавказское бюро РКП(б) направило Иваняна в Армению. Два года работал он там, занимая посты наркома по продовольствию, уполномоченного союзного Наркомата внешней торговли, председателя правления Арменторга. В Тифлис он вернулся на более ответственную должность наркома внешней торговли ЗСФСР. Приведем фрагменты письма Иваняна секретарю Закавказского крайкома партии Серго Орджоникидзе от 3 июля 1926 года:

«К концу 1923 года мои взаимоотношения, как уполномоченного Наркомвнешторга, настолько обострились, что я вынужден был просить Заккрайком об освобождении от должности, тем более что, по моим тогда сведениям, недо-

вольтство Внешторга начинало передаваться и в ЦК... Закрайком отказал и вынес постановление, при сем прилагаемое, которое было мне лично поручено передать в ЦК партии.

...По приезде в Москву я немедленно явился к Назаретяну, и здесь у него в кабинете произошла моя первая удержанная памятью встреча с тов. Сталиным. Он вышел из кабинета, поздоровался с некоторыми товарищами, а при представлении меня спросил: «Иванян из Вологды? Знаю...» И прошел дальше, занятый разговором. Признаюсь совершенно искренне и откровенно, я был просто в приятном недоумении. Приятном, потому что тебя знает генеральный секретарь; в недоумении — потому что откуда все же он тебя знает из Вологды, когда ты его совершенно оттуда не знаешь».

Действительно, кто его тогда знал, Иосифа Джугашвили? Это потом, спустя двадцать лет, его возведут в ранг Вождя.

Ничего плохого от встречи со Сталиным Иванян не ждал. Он настоял на уходе из Наркомата внешней торговли и вернулся в Тифлис, где ему предоставили работу в Госплане. Неприятности начались не сразу. Прошло два года, на новом месте Иванян в полной мере проявил свои разносторонние знания и способности. К тому времени Лаврентий Берия продвинулся на пост заместителя председателя грузинского ГПУ. Однажды он пригласил секретаря парторганизации Госплана крайисполкома Людмилу Ивановну З. и предложил ей немедленно исключить из партии Иваняна как «не оправдавшего доверия». Секретарь пыталась вступить за товарища, но Берия сказал, что по этому поводу имеется указание ЦК, и предложил подумать. Через неделю вызвал секретаря вновь. «Ну как?» — «Товарищ Иванян — честный, знающий работник, он пользуется общим и заслуженным уважением». — «Ладно! Решим этот вопрос в рабочем порядке».

8 июня 1926 года Контрольная комиссия Закавказского крайкома исключила Иваняна из партии. 21 июня председатель комиссии напомнил Иваняну о партбилете, и тот сдал документ. Иваняна обвинили в том, что, «находясь в Вологде в ссылке в 1911 году, он получил 70 рублей, переведенных Питерской организацией по предложению Заграничного бюро для передачи т. Сталину на предмет его побега из Вологды. Деньги в размере 70 рублей Иваняном были получены и не переданы адресату, причем на имя Иваняна одновременно с деньгами была послана соответствующая телеграмма».

Позднее Иваняну довелось ознакомиться с письмом Сталина, послужившим единственной «уликой» и причиной невероятной акции против честного партийца. С текстом письма

его ознакомил следователь партколлегии ЦК ВКП(б) Фишкин. Прочитываем это письмо Сталина Мирзабекяну, члену Закавказской контрольной комиссии:

«Довожу до Вашего сведения, согласно моей просьбе (так в тексте.—А. А.-О.), о некоторых необходимых Вам фактах, имеющих отношение к т. Иваняну.

1) Живя нелегально в Вологде в 1911 г., я провел у т. Иваняна две или три ночи по его приглашению.

2) Он (Иванян) жил тогда на одной квартире с Татариновым и его (Татаринова) женою, где я и оставался около недели.

3) Он (Иванян) устроил меня после двухдневной ночевки у него у ссыльного Доррера, где я прожил недели две или больше.

4) Я получил от ЦК 70 руб. на побег по адресу, данному мне Иваняном. Денег этих мне не передал т. Иванян, а передал лишь телеграмму о посылке для меня указанной суммы (в телеграмме было вытравлено несколько слов), причем т. Иванян не мог объяснить ни «пропажи» денег, ни факта вытравления из телеграммы нескольких слов.

Впоследствии, приехав за границу в ЦК, я получил все документы, говорящие о том, что действительно было послано для меня в Вологду по адресу, данному Иваняном, 70 рублей, что эти деньги не пропали, а были получены адресатом в Вологде».

Написано по-семинарски обстоятельно, но лишено элементарной логики. Опровержение этой инсинуации содержится в самом тексте письма. Какой же это злоумышленник, присвоив деньги, предъявит потерпевшему телеграмму, да еще с «вытравленным» текстом? И это не единственная несуразность в сталинском поклепе.

Сталин отбывал ссылку в отдаленном селе и, задумав побег, прибыл в Вологду нелегально. Явившись на квартиру Иваняна, он должен был представить себе возможные последствия оказанного ему гостеприимства для хозяина, и не только для него. В случае провала неминуемо пострадали бы все товарищи, прописанные в Вологде, ужесточился бы режим для ссыльных. На Иваняна могло пасть подозрение в содействии побегу, он остался бы без места, политические — без материальной поддержки. Но вернемся к письму Сталина, на основании которого Иванян был исключен из партии и ЦКК ВКП(б) отклонила его апелляцию.

Приведем выдержку из заявления А. Иваняна секретарю партколлегии ЦКК от 2 апреля 1927 года:

«Никаких других обвинительных материалов по этому поводу, кроме письма т. Сталина, не имеется. Таким образом, здесь нетрудно проследить чудовищное несоответствие обвинительного акта обвинительному материалу. Здесь допущена, по непонятным для меня соображениям, непозволительная передержка, никем до сих пор не выявленная и не выправленная».

Это письмо т. Сталина в Тифлисе при рассмотрении моего дела мне предъявлено не было, и я, таким образом, был лишен возможности своевременно ознакомиться с ним и реагировать на допущенную формулировку предъявленного мне обвинения. Протест по этому поводу мной был заявлен устно на заседании пленума партколлегии 1 апреля с. г. Доводя об этом до Вашего сведения, прошу распорядиться о расследовании указанного мною факта».

Никто, разумеется, не внял доводам Иваняна, и все неправомерные решения по его делу остались в силе, ибо к тому времени генсек уже подмял под себя контрольные органы партии. Между тем в закавказское представительство в Москве на имя представителя тов. Тер-Габриеляна поступило следующее письмо:

«Мы, группа бывших вологодских ссыльных, ныне живущих в Москве, а некоторые проездом находящиеся здесь, имеем сообщить следующее. Нам стало известно, что нашему товарищу Иваняну, бывшему с нами в ссылке в 1910—1913 годах, предъявлено обвинение в присвоении им в этот период 70 рублей. В связи с этим обвинением товарищ Иванян исключен из партии.

Мы считаем своим моральным долгом отметить следующее.

Прежде всего мы, нижеподписавшиеся, были в большой близости и дружбе с товарищем Иваняном. Постоянные встречи и даже совместная жизнь позволили нам близко наблюдать его и установить в нем те качества общественного, развитого, чуткого и отзывчивого товарища, которые нас привлекали к нему за все время ссылки и сохранились в воспоминаниях до сих пор. Хотя и по обстоятельствам времени некоторые из нас впоследствии столкнуться с ним не могли, его жизнь в ссылке известна нам достаточно подробно.

Он пользовался исключительным успехом как преподаватель математики и с легкостью получал отовсюду уроки, имел их на очень большие суммы. Почти весь день отдавал урокам, получая значительный заработок, ни в коей мере не терял связи со ссылкой.

Нам известна его широкая помощь политическому Крас-

ному Кресту, не укладывавшаяся только в рамки взносов. Нам известна его поддержка своих же товарищей приисканием уроков или передач своих собственных. Некоторые ссыльные (Татаринов, Ананьев, Тихомиров) получали непосредственную помощь от него. Образ жизни его, как и всей остальной ссылки, был весьма скромным. Он являлся инициатором и организатором разных видов спорта среди ссыльных. Отношение к нему ссыльных, насколько мы знаем, было очень хорошим, близким, товарищеским.

При этих условиях нам кажется совершенно невозможным присвоение им 70 рублей. Нам это кажется невозможным и по моральным и материальным причинам: моральным — в силу его общественности и отношения к ссыльным, материальным — ввиду незначительности суммы, которая не могла представить для него интереса при его месячном бюджете.

Мы убеждены, что в этом злоупотреблении или недоразумении, которое произошло с 70 рублями, товарищ Иванян ни при чем.

Подписи: *Татаринов Н., Венгеров В., Ананьев А., Парамонов Алексей Иванович*, член партии с 1902 г., *Лобанов Виктор Александрович*, член партии с 1907 г., *Барский Борис Евгеньевич*, член партии с 1918 г., *Астафьев Н. Н., Нанцев М. М.*».

Коллективное письмо старых коммунистов не помогло Иваняну восстановить справедливость, так же как и официальный ответ ЦК партии Армении на запрос следователя ЦКК Фишкина:

«За все время работы товарищ Иванян проявил качества хорошего работника. Выдающиеся организаторские способности выдвинули его в ряды наиболее активных хозяйственников Армении. Отношение к нему со стороны руководящих товарищей было хорошим... За время его нахождения в Армении он никаким партийным взысканиям не подвергался... После двух лет работы в Армении был выдвинут на работу в закавказском масштабе — назначен уполномоченным Наркомата внешней торговли СССР. Мы, в Армении и в Тифлисе, продолжали слышать о нем, в частности от товарища Мясникова, лишь хорошие отзывы.

Народный комиссар РКИ Амирханов.

Член ЦКК ВКП(б) Мартикян.

Нарком финансов АССР Погосян.

Предсовнархоза Армении Бальян.

Первый секретарь ЦК КП(б) Армении Иоанисян».

Приведем еще один документ, последний. 7 июля 1936 года Иванян обращается к Сталину с письмом, в котором рассказывает о своей общественной деятельности в ссылке и перечисляет свидетельства товарищей. Он не помнит о встречах со Сталиным в Вологде, но не сомневается в том, что они имели место, раз татаринов с женой помнят об этом:

«Хотя прошли уже десять тяжелых мучительных лет, тем не менее я с такой же настойчивостью, как и раньше, утверждаю, что переведенные для вас 70 рублей я не видел, не получал и не присваивал.

Разве не мог я быть хорошо знаком с Вами, а перевода денег все же не получить. Если бы мои заявления могли быть поняты кем-нибудь как маневрирование, то разве не лучшим маневром с моей стороны было бы заявление: «Да, я действительно товарища Сталина знал, помог ему укрыться у себя и у товарища, но никакого перевода на свое имя для тов. Сталина не получал и денег не получал и не присваивал».

...Мне скоро минет 50 лет, а надо мной тяготеет тяжкое обвинение...

Прошу вас снять с меня Ваше обвинение в присвоении мною перевода на Ваше имя 70 рублей и помочь мне в восстановлении в партии.

Глубоко преданный Вам А. Иванян».

Иванян отправил это письмо в Москву, уповая на милосердие генсека. Арестовали его 17 ноября 1936 года. На квартиру явились два агента НКВД, но застали дома лишь жену и детей — 17-летнего Юрия и 12-летнюю Люцету. Один оперативник отправился за Иваняном в исполком, где тот работал. Железные кровати, простой стол, стулья да деревянный сундук в углу — вот и вся обстановка. И книги — единственное богатство семьи. Жену застали за глажением выстиранного белья. Когда оставшийся в доме энкаведист зашел на кухню, Юра достал из сундука папку с личными документами и фотографиями отца и подложил заветную папку под стопку белья на табуретке. Привели отца, обыскали при нем квартиру. Араму Исааковичу позволили проститься с Айкануш Лазаревной и детьми — случались в ту непередаваемую пору такие проявления гуманности — и увели под конвоем.

Указующий перст Вождя не оставлял его ни на один день. Иваняна оперативно приговорили к пяти годам лишения свободы и отправили «врага народа» в лагерь, в памятную Вологду — именно туда... В конце тридцать седьмого его

срочно этапировали обратно, в Тбилиси. Лагерной смерти дого ждать... Айкануш Лазаревна тотчас пошла в тюрьму с передачей... Этот день, 19 декабря, ей запомнился навсегда. Ей ответили, что Иванян у них не числится. Может быть, бедная женщина не смогла сдержать своих чувств и сказала несколько нелестных слов в адрес виновника репрессий. Ее арестовали 21 декабря, в день рождения генсека. Через неделю казнили Арама Иваняна. После лагеря вдова вернулась в Тбилиси. Срок ей дали небольшой, восемь лет, но пришлось отбыть девять.

Дочь погибшего, Люцета, обратилась в 1956 году к Зинаиде Гавриловне Орджоникидзе, та позвонила Микояну, но он отказал в помощи, сославшись на занятость. Тогда вдова Серго созвонилась с Генеральным прокурором Руденко и отправилась к нему вместе с Люцетой. Руденко запросил дело Иваняна из КПК, ознакомил посетителей с документами; оказалось, что Иванян ни в чем не виновен.

...Маленькая в масштабе всесоюзных репрессий история, но в ней истинная натура провокатора проявилась в полной мере.

Семинарист, учившийся вместе с Иосифом Джугашвили, рассказывал, что осенью 1899 года, когда того изгнали из духовной семинарии, он выдал всех членов нелегального кружка ректору. Их исключили вслед за доносчиком. Кое-кто склонен объяснить сей поступок горячностью двадцатилетнего юноши. Но я в этом вижу вполне сознательный донос агента-провокатора. Таким он был по натуре. Так действовал в годы подполья. Еще в 1908 году в Баиловской тюрьме он продемонстрировал поразительную способность провоцировать драки и столкновения, ухитряясь всякий раз оставаться в тени.

Аресты руководителей социал-демократов Закавказья, полицейские облавы на нелегальные собрания, провалы явочных квартир — за кулисами подобных эпизодов можно было разглядеть честолюбивого авантюриста и провокатора Кобу-Сталина. Таким он оставался в период революции и гражданской войны. Его предательство на польском фронте в 1920 году — акция того же ряда.

Антипартийные провокации, которые он постоянно применял в борьбе за власть и позднее, в годы зрелого деспотизма, уж очень напоминали содеянное Кобой в молодости. Поэтому биографию Иосифа Сталина можно озаглавить так: «Житие политического провокатора».

По справедливости.

СМЕРТЬ НАДЕЖДЫ АЛЛИЛУЕВОЙ

Надежда Аллилуева вступила в партию семнадцатилетней девушкой в 1918 году. Имя Иосифа Сталина для преданной делу революции семьи Аллилуевых было связано с борьбой против самодержавия, ссылками, дерзкими побегами. Но не этот романтический ореол стал причиной сближения юной Нади с сорокалетним наркомом. В то время она работала секретарем-машинисткой в Управлении делами Совнаркома, и, когда в 1918 году Сталин был направлен в Царицын, она вошла в состав его секретариата. Сопровождал Сталина отец Надежды — Сергей Яковлевич, член партии с 1896 года. Ехали все вместе в салон-вагоне.

«По тогдашним железнодорожным условиям,— вспоминала старшая дочь Аллилуева, Анна Сергеевна,— поезд до Царицына двигался медленно, подолгу останавливаясь на промежуточных станциях.

В одну из ночей отец услышал душераздирающие крики из купе, где находилась Надя. После настойчивых требований дверь отворилась, и он увидел картину, которая ни в каких комментариях не нуждалась: сестра бросилась на шею отца и, рыдая, сказала, что ее изнасиловал Сталин. Будучи в состоянии сильного душевного волнения, отец вытащил пистолет, чтобы застрелить насильника, однако Сталин, поняв нависшую над ним опасность, опустившись на колени, стал упрашивать не поднимать шума и скандала и заявил, что он осознает свой позорный проступок и готов жениться на дочери.

Сестра долго сопротивлялась браку с нелюбимым человеком, к тому же старше ее на двадцать с лишним лет, но была вынуждена уступить, и 24 марта 1919 года был зарегистрирован брак между Сталиным, которому шел сороковой год, и восемнадцатилетней Аллилуевой, а через пять месяцев родился их сын Василий (кстати сказать, она не изменила своей девичьей фамилии).

Тем не менее Сергей Яковлевич, презиравший Сталина, описал это глубоко возмущившее его событие, оставившее неизгладимый след в его душе, а рукопись, отлично зная характер и повадки своего зятя, закопал на даче под Москвой. Эту тайну он доверил лишь мне, своей старшей дочери».

Рассказывая об этом бывшему работнику Замоскворецкого райкома партии И. Ицкову, Анна Сергеевна не могла сдерживать слез: «Да, это так и было, только никому ни слова...»

Среди близких ей друзей была вдова известного партий-

ного деятеля Амаяка Назаретяна, Клавдия Дмитриевна. Ей Анна Аллилуева тоже поведала эту историю, но уже после XX съезда партии.

Надежда Аллилуева работала в секретариате Ленина до 1923 года. Сотрудники отзывались о ней как о прекрасном, самоотверженном работнике. Исполнительная, точная до мелочей, она порой просиживала за машинкой ночи напролет, занимаясь шифровкой и дешифровкой телеграмм. Владимир Ильич очень ценил Надю и часто, давая какие-нибудь поручения, за которыми надо было особенно внимательно проследить, говорил: «Поручите это Аллилуевой, она сделает хорошо». Из секретариата Председателя Совнаркома Н. Аллилуева перешла на работу в редакцию журнала «Революция и культура». Она мечтала об учебе, но Сталин полагал, что место жены — дом, а студенты — народ слишком беспокойный.

Не сразу Надежда Сергеевна поняла, что, выйдя замуж за генерального секретаря, попала в золотую клетку. Если бы не настойчивые просьбы Авеля Енукидзе и Серго Орджоникидзе, генсек не согласился бы на поступление жены в Промакадемию, но и там она оставалась под особым наблюдением.

В тридцать втором году, когда массовые репрессии и голод охватили миллионы крестьян, в деревни посылали студентов вузов. Среди них были и учащиеся Промакадемии. Их рассказы потрясли Надежду Сергеевну. Ссоры с мужем случались и раньше, но теперь она уже открыто обвинила его в гибели хлебобобов, в подрыве сельскохозяйственной экономики. Сталин приказал Ягоде, тогда заместителю председателя ОГПУ, выявить всех студентов, побывавших на селе. Затем последовали аресты.

Было еще одно обстоятельство, ускорившее взрыв: Надежда Сергеевна догадывалась о супружеских изменах Сталина. Деспотичный по натуре генсек позволял себе даже публично оскорблять жену. Однажды на банкете, устроенном в здании нынешнего ГУМа, собрались члены Политбюро, наркомы, видные военачальники, все с женами. Весь вечер стоял на часах, не сменяясь, охранник. Много лет спустя, беседуя с Назымом Хикметом, он рассказал о том памятном банкете следующее:

«Женщины пришли в вечерних платьях, некоторые в открытых. Сталин пришел с Аллилуевой, но сел не во главе стола, как предполагалось, а в середине. Против него сидел Тухачевский со своей необыкновенно красивой женой. Ее платье было с глубоким вырезом, и в течение всего вечера

Сталин развлекался тем, что скатывал мякиш хлеба в шарики и довольно ловко бросал их в ложбинку декольте жены маршала. Женщина пребывала в полном смятении. Все видели, что его игра раздражает и озлобляет Аллилуеву. Она даже пыталась отнять у него хлеб, но Сталин упорно продолжал кидать катыши. Аллилуева несколько раз что-то раздраженно говорила ему, но он не обращал на нее никакого внимания. Наконец, не выдержав унижений, она встала из-за стола и ушла. Сталин даже головы не повернул в ее сторону».

Последним в жизни Надежды Аллилуевой стал банкет, устроенный генсеком вечером 8 ноября 1932 года в Большом театре после спектакля. Столы накрыли в просторной комнате за сценой. Сталин вел себя вызывающе, нарочито открыто ухаживал за молодой актрисой. Надежда Сергеевна замкнулась, не притронулась к яствам. «Эй, ты, пей!» — приказал супруг. Бухарин, сидевший близ Надежды Аллилуевой, вспоминал позднее, что Сталин бросал в нее мандариновые корки и грубил ей, не стесняясь в выражениях. Обеспокоенная поведением Сталина, Екатерина Давыдовна Ворошилова сказала супругу: «Пойдем домой, Клим. Видишь, Хозяин не в духе». Надежда Сергеевна ушла домой одна.

Рано утром на квартиру Сталина вызвали доктора И. Н. Казакова (у него лечилась вся московская элита): покончила с собой жена генсека, Надежда Аллилуева. Экономка, Каролина Васильевна Тиль, пришла утром, как обычно, будить хозяйку и, не достучавшись, открыла дверь... Послали за Сталиным, он ночевал на даче. В доме Казаков застал одного Ворошилова. Климент Ефремович предложил ему подписать медицинский акт о самоубийстве Аллилуевой. «Когда успели заготовить этот акт, кто?» — подумал Казаков и склонился над телом. Вот входное отверстие от пули в левом виске. Выстрел был произведен не в упор, в этом не было никаких сомнений. Стрелявший находился от жертвы на расстоянии трех-четырех метров. Казаков отказался подписать акт. Ворошилов просил, убеждал, требовал, но Казаков был непреклонен. Домой он не поехал, уснуть все равно не смог бы.

В то утро Клавдия Дмитриевна Назаретян, жена Амаяка Назаретяна, бывшего помощника генсека, пришла в Институт обмена веществ и эндокринных расстройств (он помещался близ зоопарка), чтобы забрать Нину Щербакову, подругу комсомольских лет, закончившую курс лечения. Клавдия работала одно время в Кремле, была близко знакома с директором института Казаковым. Она застала его в каби-

нете необычно возбужденным, растерянным. Игнатий Николаевич поведал ей о случившемся. Когда он упомянул о злополучном акте, который навязывал ему нарком, она вспомнила Зензиновку, сочинскую дачу генсека. Сталин постоянно упражнялся в стрельбе из пистолета и малокалиберного ружья. Всем обычным мишеням он предпочитал живых птиц, и вскоре они перестали вовсе залетать на заповедную территорию. Не раз наблюдала Клавдия Дмитриевна, как Хозяин ходил с ружьем по саду, целясь в пернатых. Его драгоценную жизнь охраняли стражники — они сидели чуть ли не за каждым кустом.

Кроме Казакова квартиру генсека посетили главный врач Лечсанупра А. Ю. Канель и ее заместитель Л. Г. Левин. Они тоже освидетельствовали покойную, увидели огнестрельную рану в левом виске. Надежда Сергеевна всегда носила прическу на прямой пробор, но в гроб ее положили, закрыв волосами левый висок. Этим врачам, а также вызванному несколько позднее профессору Д. Д. Плетневу предложили подписать акт о смерти Н. Аллилуевой от приступа аппендицита. Никто не знал, какой вариант устроит Хозяин.

А Сталин и сам не знал, как быть. Кто из близко знавших его сомневался в том, что Надежда Аллилуева погибла от его руки? Однако Ворошилов упорно отводил подозрения от Вождя. Утром 9 ноября к начальнику канцелярии генсека Поскребышеву зашел редактор «Известий» Иван Михайлович Гронский: «Сашка, как будем объяснять смерть Надежды Аллилуевой?» — «Не знаю. Зайди сам к Хозяину и спроси. Я не могу». Гронский направился к кабинету генсека. Перед дверью в маленькой прихожей сидел охранник. Иван Михайлович поздоровался с ним, перекинулся парой фраз и вернулся в приемную.

На следующий день состоялось заседание Политбюро. Генсек, пришибленный горем, почерневший, сидел молча, не поднимая глаз. Такого с ним еще не случалось. Как передавали потом Ворошилов и другие доверенные члены Политбюро, генсека после гибели жены сразу же вызвали с дачи, где он ночевал. Застав Надежду Сергеевну мертвой, он ходил по квартире и все повторял: «Как я ее любил!.. Как я ее любил!» Одной из первых пришла Анна Сергеевна, сестра покойной. «Пройди к ней и собери все бумаги!» — приказал генсек. Ему нужно было хоть одно письменное подтверждение самоубийства, но никакой записки сестра в комнате не обнаружила.

Генсек позднее рассказывал Бухарину и В. Милютину,

заместителю Куйбышева, что после банкета он уехал в Зубалово на дачу, лег спать. Разбудил его звонок Енукидзе. Другим товарищам Сталин сообщил иное: будто он отдыхал дома в своей спальне и не слышал выстрела.

Дочери А. А. Иоффе, Надежде Адольфовне, довелось встретить в лагере подругу сталинского охранника. В ночь на 9 ноября он дежурил в доме генсека и задремал в прихожей на стуле. Квартира Сталина находилась в левом крыле бывшего Потешного дворца: большая гостиная (она же служила столовой) с книжным шкафом у правой стены, слева — диван, круглый стол с телефонными аппаратами, посередине — большой обеденный стол. Из гостиной длинный коридор вел к другим комнатам — спальням Сталина и Надежды Сергеевны. Разбудил охранника странный звук, будто сильно хлопнула внутренняя дверь. Он заглянул в коридор и увидел Сталина, выходявшего из спальни супруги. Лицо Хозяина было хмурым... Сталин надел шинель и покинул дом.

Среди тех, кто воспринял смерть Аллилуевой как акт самоубийства, был Ф. Раскольников. «Зачем она это сделала?» — сокрушался Федор Федорович. Он писал позднее, что Надежда Сергеевна — единственный человек, к которому Сталин был привязан. При встрече с Раскольниковым генсек говорил ему с деланным чувством гордости: «Какая у меня Надя мужественная была. Она нашла в себе силы покончить с жизнью. Ни у кого нет такой жены».

Первое сообщение о случившемся появилось в «Правде» 10 ноября: «ЦК ВКП(б) с прискорбием доводит до сведения товарищей, что в ночь на 9 ноября скончалась активный и преданный член партии тов. Надежда Сергеевна Аллилуева». В редакцию «Известий» поступило несколько статей, посвященных памяти Надежды Аллилуевой. Редактор выбросил их в корзину — все, кроме одной, подписанной Владимиром Бонч-Бруевичем. Автор, расписав достоинства внезапно умершей жены генсека, сообщал, между прочим, что покойная была истеричкой, с очень неуравновешенным характером.

Опус Бонч-Бруевича, давнего соратника Ленина, редактор спрятал в сейф. Вскоре позвонил сам Владимир Дмитриевич: «Иван Михайлович, моя статья находится у вас?» «Что вы там написали?! Вы отдаете себе отчет в том, что написали?» Бонч-Бруевич тотчас приехал в редакцию: «Ради бога, верните мне текст». «Возьмите. Но скажите мне, пожалуйста, зачем вам понадобилась эта ложь? Все знают, каким ровным, спокойным характером обладала Надежда Сергеевна, какой

это был скромный, добрый человек». Покидая кабинет редактора, Владимир Дмитриевич просил его никому не рассказывать об этом инциденте. Лишь тридцать лет спустя Гронский рассказал друзьям о странном поступке Бонч-Бруевича. Нетрудно догадаться, чья рука водила пером незадачливого автора некролога...

О причине смерти Аллилуевой «Правда» ничего не сообщала. Лишь в некрологе, подписанном группой товарищей по Промакадемии, упоминается о «болезненном состоянии» Надежды Сергеевны. Однако начинается некролог с иного: «Преждевременно ушла от нас... еще молодая, в полном расцвете сил и энергии...» По радио сообщили все же, что Аллилуева скончалась от приступа аппендицита. Немногим тогда было дано знать истину.

Почти неделю не прерывался поток соболезнований Вождю по случаю утраты супруги. Среди известных имен Клара Цеткин, Максим Горький, Константин Станиславский, Борис Пастернак, Сен-Катаяма, Ян Рудзутак, Матвей Шкирятов, Нестор Лакоба, Лев Мехлис, Мамия Орахелашвили и конечно же Лаврентий Берия. 11 ноября он отметился в «Известиях» как секретарь Закавказского крайкома ВКП(б), через три дня — в «Правде». 12 ноября в «Заре Востока» откликнулась на горе сына Екатерина Георгиевна Джугашвили.

Записку Надежды Константиновны Крупской «Правда» опубликовала 16 ноября: «Дорогой Иосиф Виссарионыч! В эти дни как-то все думается о Вас и хочется пожать Вам руку. Тяжело терять близкого человека. Мне вспоминается пара разговоров с Вами в кабинете Ильича во время его болезни. Они мне тогда придали мужества. Еще раз жму руку. Н. Крупская».

По свидетельству Варвары Михайловны Джапаридзе, Сталин плакал у гроба жены. У него не оказалось с собой носового платка, тогда Серго Орджоникидзе дал ему свой. Овдовевший генсек приподнял покойную за плечи и поцеловал. Наконец Серго Орджоникидзе увел плачущего Вождя. Генсек сопровождал пешком гроб погибшей, но, дойдя до первого перекрестка, сел в поджидавший автомобиль. И потом, как рассказывают сотрудники личной охраны, посещал Новодевичье кладбище несколько лет подряд, всегда в один день — 2 мая. Для этого в стене новой территории, близ могилы, прорубили специальные ворота и ввели систему пропусков. Через год после гибели Н. С. Аллилуевой на могиле был установлен памятник — ее скульптурный портрет,

выполненный в мраморе известным мастером И. Д. Шадром: нежные, просветленные черты лица, красивая кисть руки, тонкая женственность в облике.

Генсек старательно охранял тайну смерти жены. Даже дочь не знала ничего. Повзрослев, Светлана Аллилуева спрашивала Гронского: «Иван Михайлович, скажите мне, пожалуйста, мама сама наложила на себя руки или ее убил отец?» «Никто этого не знает...» — ответил Гронский. В год смерти матери Светлане было шесть лет.

«Мне рассказывали потом, — вспоминает она в книге «Двадцать писем к другу», — когда я была уже взрослой, что отец был потрясен случившимся. Он был потрясен, потому что он не понимал: за что? Почему ему нанесли такой ужасный удар в спину? Он был слишком умен, чтобы не понять, что самоубийца всегда думает «наказать» кого-то — «вот, мол», «на вот тебе», «ты будешь знать!». Это он понял, но он не мог осознать — почему? За что его так наказали? И он спрашивал окружающих: разве он был невнимателен? Разве он не любил и не уважал ее как жену, как человека? Неужели так важно, что он не мог пойти с ней лишний раз в театр? Неужели это важно?

Первые дни он был потрясен. Он говорил, что ему самому не хочется больше жить. (Это говорила мне вдова дяди Павлуши, которая вместе с Анной Сергеевной оставалась первые дни у нас в доме день и ночь.) Отца боялись оставить одного, в таком он был состоянии. Временами на него находила какая-то злоба, ярость. Это объяснялось тем, что мама оставила ему письмо.

Очевидно, она написала его ночью. Я никогда, разумеется, его не видела. Его, наверное, тут же уничтожили, но оно было, об этом мне говорили те, кто его видел. Оно было ужасным. Оно было полно обвинений и упреков. Это было не просто личное письмо; это было письмо отчасти политическое. И, прочитав его, отец мог думать, что мама только для видимости была рядом с ним, а на деле шла где-то рядом с оппозицией тех лет.

Он был потрясен этим и разгневан, и когда пришел прощаться на гражданскую панихиду, то, подойдя на минуту к гробу, вдруг оттолкнул его от себя руками и, повернувшись, ушел прочь. И на похороны он не пошел.

Хоронили маму друзья, близкие, шагал за гробом ее крестный — дядя Авель Енукидзе. Отец был выведен из равновесия надолго. Он ни разу не посетил ее могилу на Новоде-

вичьем. Он не мог. Он считал, что мама ушла как его личный недруг».

Прошло несколько лет после смерти Сталина. Один из особо информированных генералов госбезопасности в разговоре с лечащим врачом заметил, что Аллилуева погибла в результате несчастного случая... Оказывается, Сталин тогда все же не поехал на дачу, а вернулся после банкета домой. Он направился к спальне жены, но, заметив в гостиной подозрительное движение занавески, выхватил из кармана пистолет и выстрелил. Так нечаянная пуля оборвала жизнь супруги Вождя.

Без малого шесть десятилетий минуло со дня гибели Надежды Аллилуевой, и до сих пор в ходу разные версии и детали этой трагедии. Они не должны заслонять истины: ее убил Сталин.

Близким другом покойной был ее брат Павел. Он часто навещал сестру в кремлевской квартире Сталина, и Вождь относился к нему весьма терпимо, даже дружески. Но после гибели жены генсек стал тяготиться его присутствием. Павлу Сергеевичу каким-то образом удалось узнать правду, и Сталин уволил его с военной службы, перестал принимать на даче. Затем у Аллилуева под благовидным предлогом отобрали кремлевский пропуск. Но какие-то приличия генсек все же старался соблюдать. В тридцать пятом Аллилуеву присвоили звание бригаднера и направили военпредом в Германию. В тридцать восьмом дивинженер Аллилуев — военный комиссар Автобронетанкового управления Красной Армии. Зачем Сталин посылал Павла Аллилуева в октябре в Сочи к опальному Блюхеру? И наконец, странная кончина — внезапная смерть 2 ноября, на одиннадцатый день после ареста маршала...

Если перечислить всех родственников первой жены Сталина, Екатерины Сванидзе, и второй жены, Надежды Аллилуевой, может показаться, что они стали жертвами неумолимой кровной мести. Но нет, их уничтожила одна рука.

Родных Надежды Сергеевны Сталин преследовал до последнего, упрятав во владимирский изолятор Анну Сергеевну, затем — вдову Павла, Евгению Александровну, и младших — семнадцатилетнюю Киру, балерину, и совсем юную внучку Надю. Они числились за Особым совещанием при НКВД и были отправлены в тюрьмы без суда!

После ареста Берия подполковник юстиции Жирков по указанию Хрущева провел специальное расследование по

делу Аллилуевых и подготовил для Главной военной прокуратуры документы для реабилитации пострадавших.

Кроме названных врачей об истинной причине смерти Аллилуевой знал профессор Д. Д. Плетнев. Академик АМН Борис Ильич Збарский, известный биохимик, бальзамировавший тело Ленина, тоже посетил квартиру Сталина. Он рассказал об этом знакомой актрисе А. П. Петрушанской: «Я видел мертвую Надежду Сергеевну. Она лежала, прижав обеими руками окровавленную подушку к груди». «Как же вы там очутились?» — спросила Анна Петровна. «Вот так, очутился...» — «Все говорят, что это было самоубийство». — «Это было не самоубийство. Это было убийство. Не спрашивайте меня больше ни о чем, пожалуйста... Что бы ни случилось потом, его я бальзамировать не буду».

Сталин запомнил всех, обладавших достоверной информацией. И никого не обошел жестокой карой: в конце тридцатых годов пострадали Казаков, Левин, Плетнев. Академик Збарский в 1949 году участвовал в бальзамировании тела Георгия Димитрова. Через два года Героя Социалистического Труда, лауреата Сталинской премии Збарского арестовали. И все же в 1953 году ему предложили бальзамировать тело Сталина. Збарский отказался.

С ВЕЧНОСТЬЮ НА «ТЫ»

БОЖЕСТВО

В 1906 году молодой большевик Сергей Басист вел агитацию среди моряков Севастополя. На крейсере «Андрей Первозванный» один моряк спросил его:

— Вот вы говорите, что при социализме все будут равны. А вдруг появится какой-нибудь Толстой или еще толстее и захочет забрать всю власть себе? Тогда что?..

Такого вопроса Басист не ожидал, но ответом не затруднился. Он разъяснил, что при социализме руководителей будут избирать открытым всенародным голосованием. Поэтому личная диктатура возникнуть не может. Да и кто это допустит? Вот вы, военные моряки, вы же дети рабочих, крестьян, разве вы захотите посадить себе на шею нового царя?

Моряки засмеялись...

Прошло тридцать лет. Александр (Алеша) Сванидзе, брат первой жены Сталина, работал в должности заместителя председателя правления Госбанка. По воскресеньям генсек имел обыкновение играть с ним в бильярд. Однажды в поне-

дельник Сванидзе пришел в свой кабинет на Неглинной в подавленном настроении.

— Что с тобой? — спросил его старый друг. — Неужели вчера в бильярд проиграл?..

— Ты считаешь меня таким плохим человеком? — обиделся Александр. — Ведь если я выиграю хоть одну партию, он потом целую неделю будет вымещать зло на людях. — Сванидзе помолчал немного и добавил: — Никак не могу в себя прийти, ночь не спал. Знаешь, что было? Хозяин промазал по шару, поставил кий на пол и сказал: «А ведь русский народ — царистский народ. Ему царь нужен». Эти слова меня так потрясли, что я ушел, не доиграв партию. Больше ноги моей у него не будет. Ведь это он нечаянно высказал вслух затаенную мысль. Вот увидишь, он что-то затеял...»

Двести лет назад крестьяне, мечтая о справедливом государе, нарекли царем Емельяна Пугачева. «Отцом» называли они позднее императора.

«...Все справедливо, как в делах божества, ибо русские уверены, что великий князь есть исполнитель воли небесной...» Цитируя это свидетельство немецкого дипломата XVI века Герберштейна, маркиз де Кюстин замечает: «Я не знаю, характер ли русского народа создал таких властителей или же такие властители выработали характер русского народа».

Автор «Николаевской России» мыслил как диалектик. Его предположение блестяще подтвердилось во второй четверти XX века, когда советский народ начал обожествлять узколобого человека с неизменной трубкой в почерневших зубах. И чуть раньше, незадолго до революции, разве Россия не готова была признать Иисусом Христом бывшего конокрада Григория Распутина?

Разве Сталин не той же породы?

Обожествление партийного вождя явление отнюдь не случайное. На заре Советского государства соратники Ленина признали за ним право «безапелляционных решений» (так выразился Леонид Красин на XII съезде). Если бы не глубокий ум и аскетизм Ленина, его бы еще при жизни возвели в ранг святых. Когда в 1924 году тело усопшего вождя поместили в Мавзолей, возник прецедент.

Преклонение перед вождями сродни чувству стадности. «Вождизм» был чужд всякому здравомыслящему социалисту.

Генсек — Вождь — Хозяин — Божество. Такова генеральная линия падения партии и возвышения Одного. Здесь совпали обоюдные стремления Сталина и «царистского народа».

В этом совпадении нашел свое выражение самый позорный и, увы, слишком часто повторяющийся акт истории.

Впервые бурные продолжительные аплодисменты в честь Сталина раздались на XIV съезде партии в 1925 году. Впервые стенографы зафиксировали аплодисменты, «переходящие в овацию». Впервые все делегаты встали. И после заключительного слова встали. И повторили овацию. В следующем году рабочие сахарного завода преподнесли «железному, непобедимому» генсеку барельеф-портрет из сахара.

Засахаривание — примета будущего. А вот примета уходящего времени: «Слава нашим старым железным бойцам — товарищам Рыкову, Бухарину, Сталину, Петровскому, Калинину — слава!..»

Такое уже не повторится.

В тридцатом году, на XVI съезде, в честь Сталина раздались крики «ура». Бурные аплодисменты перешли в длительную овацию. Его чествовали, как в о ж д я партии. Под сводами Георгиевского зала Кремля прозвучал лозунг: «Да здравствует наша партия в лице товарища Сталина!»

Пройдет еще четыре года, и Сталина нарекут «гениальным учителем». На закрытии партсъезда Калинин под гром аплодисментов и крики «ура» произнесет: «Товарищи, в лице XVII съезда вся партия приветствует своего вождя, товарища Сталина».

Скромное начало. Уже через полгода «Правда» возвестит: «Теперь коммунизм — великая, несокрушимая материальная сила, перед которой до глубочайших оснований содрогается буржуазный мир. Во главе этой великой материальной силы стоит великий Сталин, гениальный вождь III Интернационала».

Вождь, подобно цирковому чревовещателю, стал изрекать вечные партистины. Отныне каждое слово, каждая благоглупость генсека подлежали немедленной канонизации.

Минуло еще пять лет. И каких лет... Что осталось от партии к весне 1939 года, к открытию XVIII съезда?.. Кое-что, конечно, осталось. И это кое-что отличалось невиданной монолитностью.

«Появление на трибуне товарищей Сталина, Молотова, Ворошилова, Кагановича, Калинина, Андреева, Микояна, Жданова, Хрущева встречается громом аплодисментов. Бурная овация, все встают. С разных концов зала несутся возгласы на всех языках народов СССР в честь великого Сталина: «Вождю народов — великому Сталину — ура!»,

«Родному, любимому Сталину — ура!», «Да здравствует сталинский ЦК!», «Да здравствует наш вождь и учитель — Сталин!», «Хай живе Сталин!», «Да здравствует первый маршал армии коммунизма — Сталин!».

Звонки председательствующего — товарища Молотова тонут в непрекращающихся, все усиливающихся овациях».

Так начинался съезд...

Стоит ли продолжать? Она уже описана, клинически четкая история болезни партии. И народа.

...Однажды Ленин ехал вместе с Марией Ильиничной в авто. Какой-то молодой рабочий вскочил на подножку машины.

— Поезжайте, а я буду махать фуражкой и кричать: «Ура вождю мировой революции!»

Ленин осторожно оттолкнул восторженного крикуна...

Рассказывая об этом странном событии, Мария Ильинична вспоминает, что посчитала того человеком ненормальным.

При Сталине ненормальным стал весь народ. И это стало нормой.

Из множества земных профессий Сталин выбрал одну — сразу и навсегда — профессию вождя. Он обладал всеми данными для службы тюремным надзирателем, сыскным агентом, актером, но выбрал иную долю. Вначале он зацепился за придуманный в последний момент формирования правительства семнадцатого года пост наркома по делам национальностей.

Кем он был, что умел? Интриговать да произносить невразумительные речи?.. В двадцать первом году делегаты X съезда с пренебрежением отнеслись к пустому, путаному докладу Сталина. Никакого почтения к будущему вождю. Председательствовавшему на заседании Ворошилову пришлось усовещать делегатов: «Мы должны будем здесь самым решительным образом запретить хождение, чтение газет и прочие вольности, потому что у меня десятки записок, которые говорят о том, что абсолютно невозможно слушать и заниматься на съезде».

Но Сталин верил в свою звезду. Вот он уже пробрался на пост генерального секретаря... Однако не помешала бы и слава. Не одному же Ленину ею наслаждаться. И генсек обзаводится собственным хором аркадских соловьев.

Всего год минул со дня кончины Ленина, а Валериан Куйбышев предлагает переименовать Царицын в Сталинград. Крещение города состоялось 16 апреля 1925 года. Царицын

получил имя человека, который в гражданскую столь успешно саботировал его оборону. В следующем году в честь Сталина переименовали шахтерский город Юзовку в Донецком бассейне.

И пошло... Но не самотеком, конечно. Кто-то за кулисами дирижировал этим процессом, пользуясь услугами расторопных подручных. Одним из первых он выпустил на сцену Клина Ворошилова. В своей книжке «Сталин и Красная Армия» он так расписал мнимые военные заслуги генсека, что впору было объявить его спасителем революции. Вскоре вышли и другие книги сталинского наркома того же достоинства. Не он их, разумеется, писал, но подписывал.

«Вождем» генсека впервые назвал Лазарь Каганович и преданно, истово служил ему до конца. Лев Мехлис, став в 1930 году редактором «Правды», энергично тиражировал каждое мудрое слово Геня человечества. В этом лакейском хоре не затерялся голос Карла Радека, назвавшего генсека зодчим коммунизма. Псевдофилософ Марк Митин воспел гений Продолжателя дела Маркса — Энгельса — Ленина и принял деятельное участие в составлении его сказочной биографии. В этот опус вложил посильный труд Емельян Ярославский. Сейч подручный ради возвеличивания Сталина буквально вывернул историю партии наизнанку. И тем угодил Хозяину.

Такую же манипуляцию с историей большевистских организаций Закавказья проделал сталинский фаворит Лаврентий Берия. Эту книжонку написали Малания Торошелидзе и Эрнест Бедия. Сталин лично отредактировал ее, добавив соответствующие своему сану эпитеты. Подлинных авторов генсек потом казнил, мнимого приблизил и вознес.

Вслед за Берией отличился Багиров, описавший подвиги Великого Революционера в Азербайджане.

Ну а как обстояло дело с культом Ленина? В то самое время старый большевик А. Д. Сидоров с группой товарищей обратился в Реввоенсовет к Ворошилову с предложением создать мемориал Ленина в Петрограде или Самаре. РВС ходатайствовал перед Политбюро, но генсек начертал резолюцию: «Считаю нецелесообразным создавать культ товарища Ленина».

Действительно, зачем создавать второе солнце?

В конце восемнадцатого года Ленин, оправившись после ранения, просматривал газеты и сразу же заметил восторженные похвалы в свой адрес. «Читать стыдно... — сказал он Бонч-Бруевичу. — И откуда это? Всю жизнь мы идейно боро-

лись против возвеличивания личности, отдельного человека... а тут вдруг опять...»

Ленин решительно пресекал любые попытки воспеть его личность. Однако после кончины основателя партии культ Ленина стал официальной, поощряемой Сталиным политикой. Это нужно было генсеку для внедрения в сознание народа культа вождя — на все времена.

Вот и понадобилось второе солнце.

На временном, деревянном Мавзолее дорогого Ильича генсек держится еще в тени, за спинами подлинных лидеров партии.

Временно.

Но вот построен Мавзолей гранитный, и Сталин восходит на него уже как Вождь. Он взял полный реванш за положение чуть ли не десятого при жизни Ленина. За все, за все.

В двадцать третьем году на XII съезде партии генсек, пытаясь дискредитировать руководителей ЦК, сравнил их с жрецами. Те «жрецы» вскоре были уничтожены. А новые: Молотов, Каганович, Калинин, Ворошилов, Микоян, Жданов, Маленков — какие ж это жрецы... Они давно растворились в могучей воле Властителя, как олово в соляной кислоте.

То, что не удалось египетским фараонам, сумел сделать он, сын сапожника. Он стал не только владыкой огромной страны, но и верховным жрецом собственного культа. В первосвященники Сталин рукоположил себя сам. И ревниво следил за отправлением богослужения.

...Самед Вургун, азербайджанский поэт, читал на приеме в Кремле стихи о Вожде.

Он — сын моей страны, улыбкою родною
народы греет он, — и полон счастья тот,
кто руку жал ему... И, высясь над землею,
завидует земле высокий небосвод... —

Самед-стихотворец пал на колени и так закончил, простирая руки к Божеству. Сталин бросил через плечо Лазарю Кагановичу: «Наш человек. Надо поддержать». На другой день Вургун получил орден, звание народного поэта и полный набор благ. То была плата. И аванс. И приглашение — другим одописцам.

Сесиль из уайльдовской комедии «Как важно быть серьезным» сама себе писала письма. Сталин был куда скромнее этой милой девочки. Он довольствовался созданием услужливыми «академиками» своей биографии. Собственной рукой

вставлял в текст пассажи вроде: «Сталин — Ленин сегодня». И эпитеты подбирал: для оппозиционеров — «презренные шпионы», для товарища Сталина — «великий вождь».

Как-то незаметно для современников Сталин стал на «ты» с вечностью.

...Три дня заседали академики, не будучи в состоянии сразу высказать безмерную радость по поводу избрания Сталина почетным членом. Они перечисляли заслуги Универсального Гения Человечества перед мировой наукой. Овация сменяла овацию... То, что Академии наук удалось справиться с этой грандиозной задачей всего за три дня, является бесспорной исторической заслугой ее членов.

Писатель Леонид Леонов предложил установить к семидесятилетию Вождя новое летосчисление — со дня Его рождения. Сталин воздержался. Он конечно же всемирной славой давно превзошел Иисуса Христа, но лучше оставить летосчисление в покое. Отсюда можно сделать вывод, пользуясь партийным жаргоном, что по линии скромности у товарища Сталина имелись определенные достижения.

Только вот народ ему попался какой-то непонятливый. Вождь желает быть «таким же скромным и простым, как Ленин», а народ не в силах совладать с непомерной любовью и преданностью, норовит его возвеличить...

Древним грекам, чтобы пройти путь от Кроноса к Зевсу, понадобились столетия. Сталину удалось перестроить религиозное сознание подданных в считанные годы.

«Нет божества, ему равного, и нет никого, кто мог бы его в чем-либо превзойти. Мудрость ему подвластна, замыслы его совершенны, приказы его превосходны. ...Сражается он без устали и, пока не покончит со всеми, не щадит никого.

И в то же время он милосерден, полон сладостной кротости и ласково покоряет сердца. Народ его любит сильнее, чем себя самого, ликует при виде его больше, чем при виде своих богов.

...Мужчины и женщины приходят толпами и приветствуют его. Он покориł их еще тогда, когда находился во чреве матери. Со дня рождения ему суждено было повелевать.

Ликует земля, господином которой он стал. Это он раздвинул ее рубежи!»

Это — не из стенограммы партсъезда. Так повествует древнеегипетский вельможа Синухет о своем фараоне.

То был не обычный культ, слепо соблюдаемый абстрактный культ. Товарищ Сталин — не просто Вождь, а Вождь

мирового пролетариата. Не просто Бог, а божественное проявление Маркса и Ленина. Ортодоксальность предполагает нетерпимость ко всем мыслящим иначе, ко всем, не приемлющим культ. Этих еретиков нечего переубеждать. Их надо уничтожать: казни укрепляют веру. Поэтому, когда извели первую партию еретиков, начали выдумывать новых.

Библейский Бог попеременно то любит, то ненавидит. То милует, то карает. Бог кремлевский только ненавидел. Только карал.

Церковь довольствовалась десятиной. Сталин забирал у земледельцев все. Библия велит верующим на седьмой год отпускать рабов. Божественный Сталин держал народ в своем загоне пожизненно.

Христос пошел на муки ради спасения людей. Сталин обрек многомиллионный народ на страшные муки ради личной власти.

В. А. Антонов-Овсеенко сравнил Сталина с горным орлом. Это написал человек, посвятивший жизнь борьбе с монархией. Написал, искренне веря, что судьба подарила партии великого Вождя.

Надежда Мандельштам вспоминает сказанное поэтом: «Они строят свою партию на авторитете, наподобие церкви, но это перевернутая церковь, основанная на обожествлении человека».

Вместе с другими слепцами, такими же, как он сам, строил эту церковь Антонов-Овсеенко. А ведь многие видели, многие знали, что делают. Но в организации идолопоклонства партия выступила монолитной силой.

На IX съезде Т. В. Сапронов, встревоженный некоторыми опасными симптомами бюрократического перерождения партии, спросил Ленина (тогда еще дозволялось спрашивать вождей): «Кто же будет назначать ЦК?.. Очевидно, мы до этого не дойдем. А если дойдем, то революция будет проиграна».

И двадцати лет не прошло, как ЦК превратился в орган при генсеке. И он, Сталин, стал единолично назначать членов ЦК.

Наступила эра партийных молений. Принимая все это как должное, генсек доказал, что унижению человека предела нет.

«Не оскорбляйте человечество обожествлением». Этот призыв Шиллера не был услышан ни в старой России, ни в новой.

Обожествление партийного Вождя — это стыдливо назы-

вается культом личности — сказалось на жизни не одного поколения. Оно отразилось на внутреннем мире человека, обедняя и без того обкраденную личность, коверкая ее. Оно оставило след незаживающей язвы на этике и эстетике общества.

Службу обожествления поставили на государственные рельсы. Она располагала неограниченными средствами, могла привлечь к делу любого ученого, любого деятеля культуры. Особые успехи были достигнуты в области увековечения имени Вождя. Переименовали два десятка городов, две области, округ, морской залив. После войны имя диктатора проникло в страны «народной демократии», его вознесли над иноземными горными хребтами...

Его невыразительный профиль чеканили на монетах и медалях, художники трудились над его узким лбом, его облик прилежно вплетали в ковровые узоры тонкие пальчики туркменок и узбечек. Поля бороздили тракторы марки «Сталинец», по железным дорогам мчались паровозы «Иосиф Сталин».

Пришло время, и луна стала всходить на небосклон под сталинские песнопения. И если бы он дожил до первых космических полетов, как знать, хватило ли бы на ближайших планетах кратеров и морей для увековечивания его имени.

Присвоив себе прерогативы Бога, как мог он противиться горячему и, безусловно, искреннему стремлению верующих облечь его образ в бронзу и мрамор?

...Они были всюду: на площадях и вокзалах, в помпезных залах и в деревенских клубах, на стадионах и на морских лайнерах, в школах и детских садах — надменные статуи Вождя. Они правили каждым городом, поселком, каждой деревней. Громадой серого, розового гранита нависли над реками и каналами, встречали пассажиров метро под землей и альпинистов в поднебесной выси. И ведь что примечательно: делалось это без особого указания Комитета по делам искусства или Министерства культуры. Сталинские песнопения — в детсадах и школах, на стадионах и улицах, на сцене и цирковой арене — стали будничным явлением, как обязательная утренняя молитва для верующего.

А потом был сочинен новый государственный гимн:

Нас вырастил Сталин на верность народу,
На труд и на подвиги нас вдохновил...

Сколько драгоценных часов затратил генсек на прослушивание оркестровки музыки Александрова! Его вкусу угодил

лишь 281-й вариант. Счастливым автором оказался Д. М. Рогаль-Левицкий. В отборе музыки отличился «знаток» — Клим Ворошилов. Новый гимн был записан для радио в исполнении оркестра Большого театра. По этому случаю был дан торжественный обед.

...Демонстрация на Красной площади. Это было нечто среднее между панафинеями, когда древние греки приносили дары в святилище божества, и веселыми элевсинскими мистериями. В Древнем Египте фанатики несли высоко над головой детородные органы. Подданные Сталина несли его портреты — из дерева и металла, на холсте и бумаге. Поскольку божество почему-то не летало, его рукотворные лики запускали в небо на воздушных шарах.

...Он стоит на скамеечке, заживо обожествленный генсек. Приветственно подняв руку, отечески улыбается ликующим толпам. Люди несут и несут мимо Мавзолея его портреты.

Лучше бы они подражали древним египтянам.

А фараоны были, по нынешним временам, не так уж привередливы. Божественный Аменхотеп IV носил всего шесть титулов. Диктатор Доминиканской республики Трухильо довольствовался двенадцатью.

Сталину было мало двадцати четырех:

Великий вождь советского народа

Вождь мирового пролетариата и просто — Великий вождь
Великий Друг детей,

а также женщин, колхозников, художников, шахтеров и актеров, водолазов и бегунов на длинные дистанции

Продолжатель дела Ленина

Великий мастер смелых революционных решений и крутых поворотов

Творец сталинской Конституции

Преобразователь природы

Великий стратег революции, великий машинист локомотива революции

Величайший полководец

Маршал

Генералиссимус

Знамя побед

Знаменосец коммунизма

Отец народов.

Отец, Вождь, Друг и Учитель

Великий интернационалист

Почетный пионер

Почетный академик

Гений человечества

Корифей науки, гигант революционной мысли

Величайший гений всех времен и народов

К чему бы ни прикоснулась рука кремлевского кудесника, все становилось сталинским: партия, эпоха, конституция, пятилетка, знамя, трактор, локомотив, летчики, вахта, планы лесопосадок и план реконструкции Москвы.

Газеты пестрели эпитетами из ряда «великий-величайший», «мудрый-мудрейший». Так величали человека, загубившего миллионы и миллионы себе подобных. Не ищите слово «людоед» в печати той неповторимой эпохи. Судя по частотному словарю, это слово встречается в сто раз реже слова «великий».

Вскоре в стране не осталось ни одного города, ни одного дачного поселка без улицы, без площади его имени. В Гагре, небольшом абхазском курорте, было всего две улицы. Ту, что ближе к морю, нарекли именем Сталина. Как быть со второй? Назовешь не тем именем, и... один Вождь вечен. И нарекли именем Джугашвили.

Чтобы никто из членов Политбюро не мог даже мысленно упрекнуть его в самовозвеличивании, Сталин распорядился увековечить имена подручных. При жизни. И запестрели заводы и колхозы, институты и артели, да что там — целые города и области именами соратников. В их честь воздвигали памятники, сочиняли песни, рисовали почтовые марки.

Кульминация пришлась на 1939 год, когда Вождю исполнилось шестьдесят. День рождения он отметил на языческий манер, с человеческими жертвоприношениями: под финляндскими укреплениями полегли первые тысячи солдат...

Приветствия Сталину, поступившие со всех концов страны, со всех континентов, составили объемистый том. Торжественные заседания, концерты, хоры, оркестры... Что ж, он заслужил этот день, ибо еще в памятную октябрьскую ночь на Дворцовой площади в нестройных криках «ура!» слышал извечной «Vive l'empereur!».

...Две тысячи человек устроили юбиляру в Большом театре получасовую овацию.

Таким же любителем мистерий был Мишка Япончик, знаменитый предводитель одесских уголовников. В девятнадцатом, ровно двадцать лет назад, Япончик прогарцевал на белом коне под музыку оркестра императорского театра по улицам вольной Одессы. Две тысячи «мальчиков» (бывают же такие совпадения!) восторженно приветствовали Короля...

И все же вершина его жизни не юбилейный день тридцать девятого года. Тогда, может быть, VIII съезд Советов, давший народу сталинскую Конституцию? Или 9 мая сорок пятого — день победы?

Нет, не то, не то... Вершина его жизни — тот день тридцать седьмого, когда полководец Иона Якир выкрикнул перед казнью: «Да здравствует товарищ Сталин!»

Выставка «Сталин в советском изобразительном искусстве» открылась в просторных павильонах на Фрунзенской набережной. Я был участником этого позора. По поручению дирекции подготовил методическое пособие для экскурсоводов и сам водил сотни рабочих, солдат, служащих, студентов, школьников по этим залам. Я останавливал их у каждой картины с фигурой Вождя: Сталин — на трибуне, Сталин — на крейсере, Сталин — на канале, Сталин — на паровозе, Сталин — в окружении рабочих, колхозников, пионеров, ученых и т. п. Сталин — в кабинете, с газетой и без. Сталин — в театральной ложе. И всюду — соратники, соратники, соратники. Я подводил группу к скульптуре — везде Он, Он, Он. И на гравюрах. И на фарфоровых вазах Дулевского завода, на шкатулках палехских мастеров.

Года не прошло со дня гибели Антонова-Овсеенко, а его сын славит убийцу.

Для меня, девятнадцатилетнего юноши, имя Сталина было свято. А казни врагов народа — что ж, государство имеет право защищаться от врагов. В таком деле возможны ошибки, но Сталин здесь ни при чем. Он был и остается великим Вождем.

Так я думал тогда. Так меня воспитали.

Какой океан горя надо переплыть, чтобы прозреть?..

Лето 1944 года я встретил на центральном пересыльном пункте Печорлага. Это была большая зона, тысячи на три заключенных. Перед отправкой на производственные колонны тяжелой работой особо не морили. Мне досталось украсить клумбу возле небольшого клуба-сарая профилем Сталина. Цветов никаких, там они не растут. Так, серый песочек, половинки кирпича, кусочки битого стекла. И я сделал эту клумбу с божественным профилем. Божество и в лагере оставалось Божеством. За этим следила целая армия охранников. Как рассказал один заключенный, в тридцать восьмом в Норильске оперчекисты выявили в зоне «группу» Иоффе. Борис Иоффе писал стихи. В одном стихотворении он раскрыл подлинный облик Сталина-палача.

Расстреляли всю группу.

На Печоре мне довелось встретиться с бывшим завхозом театра. Он получил десять лет за то, что отнес бюст Вождя за кулисы и повернул его лицом к стене...

Тысячи и тысячи граждан, партийных и беспартийных, томились в лагерях за куда меньшие провинности. Многие попали за анекдоты. Достаточно было услышать и не донести. Не то что рассказать.

Сергей Михайлович Лунин учился на пятом курсе 1-го медицинского института. В компании двоих сокурсников он рассказал:

— Идет колхозное собрание. Вручают премии передовикам. Доярке Маше Ивановой — платок на голову, свинарке Ане Сорокиной — патефон с пластинками, звеньевой Полине Рощиной — бюст товарища Сталина. «Так ей и надо, сволочи!» — заметила подруга.

Лунина забрали на другой день: донесли друзья. Вдвоем пошли в органы. Как же иначе? Если бы донес один, взяли бы двоих...

На Лубянке Сергея Лунина отличили, сам Берия вызвал к себе в кабинет, дважды лениво ударил по лицу. И отправил на Магадан.

«Масштабы оправдывают все», — говорит месье Верду в чаплинском фильме. Миллионы тонн бумаги, миллионы тонн мрамора, миллионы людей были переработаны в книги, памятники, трупы. И все — для возвеличивания Одного.

...Раненая память не расстаётся со стихотворением Федора Сологуба — им закончилась первая часть нашей книги:

И сойдется клином свет...

Сбылось, сбылось предвиденье поэта.

ОНИ НАШЛИ ДРУГ ДРУГА

Эрих Мюзам, немецкий писатель-антифашист, сидел в гитлеровских тюрьмах. На долю его жены достались тюрьмы сталинские. В Советский Союз она приехала по приглашению Е. Д. Стасовой. Вскоре ее пригласили на Лубянку. Потом — в лагерь. В 1957 году она встретится в Берлине с Анной Киперс, женой латышского поэта. Анна провела годы в таких же исправительных лагерях. И скажет бывшая узница-немка своей подруге узнице-латышке: «Вайс ду, Сталин — даст ист Гитлер плюс Азиен...»

Они стоили друг друга, германский вождь и советский

фюрер. Их союз был predetermined. Так один уголовник безошибочно находит другого в многотысячной толпе.

И вот они уже вместе идут «на дело».

История этого альянса напоминает провинциальную мелодраму: любовь с первого взгляда, безграничная доверчивость, коварная измена, печальный конец...

В годы становления Гитлера Сталин не упускал случая заклеить германский фашизм. В 1936 году с трибуны VIII съезда Советов он заявил: «Новая Конституция СССР будет обвинительным актом против фашизма».

То были слова. А на практике ни один политический деятель не сделал столько для укрепления гитлеровской диктатуры, как генеральный секретарь ЦК большевистской партии Иосиф Сталин.

В тридцатые годы Сталин провозгласил одну из самых вредоносных доктрин — будто все иностранные социал-демократы являются союзниками фашизма. Меж тем немецкие коммунисты, вступив в блок с социал-демократами, могли бы организовать отпор Гитлеру.

Против раскола между социал-демократами и коммунистами Германии выступил Троцкий. Он предупреждал о возможности прихода к власти Гитлера*. Но Сталин требовал «беспощадного разоблачения» социал-демократов как изменников.

Раскол немецкого рабочего движения на совести Сталина. То была первая неоценимая услуга фашизму. Вторая, не менее значительная: немецкие коммунисты получили инструкцию — воздерживаться от активного сопротивления Гитлеру. Летом 1931 года немецкие коммунисты выступили против правительства Пруссии вместе с фашистами и другими правыми — единым фронтом. Самоубийственная тактика. Она привела к гибели сотен тысяч сынов немецкого народа.

24 декабря 1933 года Гитлер заявил, что Германии необходимо вооружаться, ибо она является оплотом Запада против Советов. Именно в это время Сталин начинает готовить почву для сближения с фюрером.

17 августа, за четыре месяца до памятного заявления Гитлера, Авель Енукидзе встретился с германским послом Дирк-сеном. Секретарь ЦИКа высказал мнение своего прави-

* Это не помешало П. Н. Поспелову вслед за другими наемными фальсификаторами утверждать, будто «нуда Троцкий установил непосредственные тайные отношения с главарями гитлеровцев Розенбергом и Гессом» (Сайерс М., Кан А. Тайная война против Советской России. С. XV).

тельства: оно проявляет «полное понимание развития дел в Германии». Мотивируя позицию «руководящих деятелей» (читай — генсека), Енукидзе высказался в том смысле, что система гитлеровской диктатуры сродни советской. И в этом ему виделся залог возможного сближения.

Если вдуматься, то секретарь ЦИКа высказал вполне реалистическую точку зрения. Сходны были не только системы гитлеровской и сталинской диктатур, но и тактика и стратегия захвата партийной и государственной власти.

Гитлер объявил своей первейшей целью создание в Германии *neuer Ordnung*. Сталин начал строить новый порядок значительно раньше, но форса, вырванная им у истории, помогла мало. Используя присущие немецкой нации организованность и трудолюбие, Гитлер сумел — на зависть кремлевскому диктатору — создать в краткий срок образцовую казарму. Зато Сталин добился — на зависть фюреру — от своих подданных такой монолитной покорности, которую можно встретить лишь у оперируемых под общим наркозом.

Войну против собственного народа оба начали с провокации: Гитлер — с поджога рейхстага, Сталин — с убийства Кирова. Покушения 20 июля 1944 года фюрер ловко использовал для расправы с неугодными генералами. А почему бы и нет, ведь его дальновидный московский коллега провел такую же акцию несколькими годами ранее.

По части искоренения ереси они тоже дополняли друг друга... Разница состояла лишь в ярлыках. Гитлер называл недовольных *politisch verdächtig* («политически неблагонадежные»). Сталин своих — «врагами народа».

В этой гонке устроителей нового порядка то один, то другой вырывался вперед. Гитлер раньше начал преследовать ученых и жечь книги. Сталин организовал массовый голод. Гитлер первый начал кампанию истребления коммунистов. Сталин взял реванш в устройстве лагерей смерти. Благодарный фюрер в полном объеме использовал ценный опыт строительства концентрационных лагерей, перенял их структуру, режим, методы управления. Позднее он усовершенствовал лишь методы умерщвления.

В свою очередь, лубянский департамент уже на заре сближения Сталина с Гитлером пользовался услугами родственного ведомства. В 1933 году на нелегальную работу в Германию был послан Лев Лебедев, один из опытных партийных функционеров. Он погиб на войне, а в 1976 году умерла от туберкулеза его жена. Настало время предать огласке сооб-

щение Лебедева. Оказывается, уже в 1933—1934 годах НКВД посылал в Германию сотрудников для изучения методов работы гестапо. Судя по результатам, стажировка оказалась весьма и весьма полезной.

Ширились контакты, увеличивалось сходство. Порой кажется, что книгу «Mein Kampf» сочинял не один автор...

Проклиная германский фашизм с партийных амвонов, участвуя даже в вооруженных конфликтах против него (вспомним войну в Испании), Сталин последовательно насаждал у себя национал-социализм в азиатской модификации.

Бенито Муссолини, наблюдавший за развитием альянса Гитлер — Сталин, однажды не сдержался: «Большевизм умер. Вместо него какой-то славянский фашизм».

Вряд ли правомерно отождествлять сталинский «социализм» с гитлеровским рейхом. В Германии действовали четырехлетние планы развития, в СССР выполняли пятилетки. Что касается снабжения строителей рая, то немцам выдавали муку по праздникам и в дни рождения Гитлера, а советские граждане получали ее по талонам в дни предвыборной кампании. Разница...

Настал 1939 года, год поворота.

На XVIII съезде партии генеральный секретарь Сталин обрушился на Англию и Францию, которые пытались «поднять ярость Советского Союза против Германии».

Это было сказано 10 марта. А через три дня немецкие войска вступили в Прагу.

Они уже понимали друг друга с полуслова. Оставалось лишь оформить новые отношения. Препятствием, пусть и пустяковым, для Сталина являлся Литвинов, проводник проанглийской политики, человек, сохранивший кое-какие принципы. В двойной игре, начатой Сталиным на международной сцене, респектабельному Максиму Литвинову была отведена роль ширмы. Левой рукой, открытой зрителям, Вождь направлял дипломатические усилия Литвинова. Правой же, втайне от мира, вел на ниточках «сверхдипломата» Молотова — совсем в другом направлении. Если Литвинов предпринимал шаги к созданию в Европе системы коллективной безопасности, включая в эту систему и Германию, то Молотов со своими эмиссарами вел линию на сближение с Гитлером.

По свидетельству Е. Гнедина, бывшего заведующего отделом печати МИДа, одним из тайных агентов генсека был Карл Радек. Сталин лично поручил Радеку вступить в тайные

контакты с доверенными лицами Гитлера задолго до заключения союза с фюрером.

Сталинская директива на сближение с гитлеровской Германией действовала неофициально уже в 1935 году. В Киеве, на приеме у германского генерального консула, выступил председатель облисполкома Василенко. Назвав политику Литвинова «неубедительной для масс», высказался за дружбу с Германией. А расовые концепции национал-социалистов — кого они могут беспокоить?

3 мая 1939 года Литвинов был освобожден от поста наркома иностранных дел «по собственному желанию». Через два года состоялось решение об исключении старейшего коммуниста, соратника Ленина, из состава ЦК «как не оправдавшего доверие партии».

Назначив на освободившееся место Вячеслава Молотова, Вождь вычистил из аппарата Наркоминдел последних старых сотрудников. Что означала чистка в сталинском исполнении — известно.

На другой день после смещения Литвинова поверенный в делах в Берлине Г. А. Астахов предложил германскому министерству иностранных дел начать дружественные переговоры.

Сталин надеялся, нет, был убежден в том, что Гитлер нападет на западных соседей. Война ослабила бы Англию и Францию, а заодно Германию. Такая война послужит к выгоде Сталина.

И еще одно соображение руководило генсеком: он не был морально готов к участию в большой войне.

Последующие события развивались стремительно.

20 августа в Берлине подписано торгово-кредитное соглашение. Затем Гитлер направил Сталину личное послание с просьбой принять Риббентропа не позднее 23 августа, на 25 августа Гитлер намечал вторжение в Польшу. 23 августа состоялись официальные переговоры с Риббентропом в Москве в присутствии Сталина. Здесь же Сталин заявил, что не намерен таскать каштаны из огня за Англию. Они закончились глубокой ночью подписанием пакта о ненападении. Историческое событие спрыснули шампанским.

«Я знаю, как велика любовь германской нации к фюреру. Поэтому я хочу выпить за его здоровье». Запомним этот сталинский тост.

Договор нужен был Гитлеру как воздух, он успел уже подвести бронированные дивизии к порогу польского дома. Гитлер торопит Сталина, и, когда наконец пакт был подписан,

в Берлине возликовали. Рассказывают, что Герман Геринг по этому поводу плясал на банкетном столе. Причина ликования в штабе фюрера понятна: еще одну страну удалось захватить при прямом пособничестве кремлевского сидельца.

31 августа Верховный Совет ратифицировал советско-германский договор. Через несколько часов после этого немецкие войска вторглись в Польшу, 17 сентября туда вступили советские армии — в полном соответствии с секретным протоколом, заключенным ночью 23 августа с Риббентропом (совсем в духе царской дипломатии, столько раз яростно осужденной).

О сердечности союза Берлин — Москва свидетельствует такой факт: фашистские самолеты, летевшие бомбить Варшаву, обслуживал радиомаяк в Минске. (Признательный Геринг позднее прислал в подарок Ворошилову самолет.)

Через десять дней Риббентроп прилетел в Москву вторично. Гитлеровский дипломат отметил, что чувствует себя в Кремле так, словно попал к своим старым собутыльникам. Сопровождавший Риббентропа гауляйтер Данцига заслуженный нацист Форстер сказал, что ему оказали такой теплый прием, будто «он попал к своим партайгеноссен».

Он не ошибся, заслуженный наци...

28 сентября подписан договор о дружбе и границе между СССР и Германией. Еще раз — в который уже? — Сталин оправдал титул Величайшего Мастера Смелых Революционных Решений и Крутых Поворотов.

Все здесь логично: политика великодержавного сговора с Гитлером естественно вытекала из внутренней политики подавления и истребления собственного народа, из практики уничтожения последних следов революции, самого духа Октября.

«Советский лидер — потрясающая личность. Он схватил страну железной хваткой». Эта лестная аттестация принадлежит новому другу Сосо — Адольфу. Среди восторженных отзывов Гитлера: «Сталин — сверхшантажист: посмотрите, как он из нас старается что-нибудь вытянуть...»

У Гитлера были все основания для такого отзыва. В первый же визит Риббентропа в Москву генсек выторговывает себе порты Лиепая (Либава) и Вентспилс (Виндава). Гитлер предоставляет ему свободу действий в Прибалтике и Молдавии, которые Сталин не преминет вскоре присоединить к своей короне. И станет у него на 13 миллионов подданных больше. (Придется только 2 миллиона новых «граждан» вывезти в истребительные лагеря — аннексия террору не

помеха...) Срочно напечатают географические карты СССР в новых границах. Мобилизация историков. И окажется, что приращенные земли давно стонали под игом... А народы веками жаждали воссоединения...

Есть в блатном жаргоне такое слово — пропúль. Оно означает нечто вроде доли в добыче. Скажем, вор ограбил квартиру или очистил у прохожего карманы. Другой вор, случайно став свидетелем удачи, тут же требует: «Пропúль!» И получает долю.

Сталин потребовал от Гитлера Дарданеллы. Разговор о турецких проливах зашел в связи с возможным вступлением Советского Союза в антикоминтерновский пакт. Когда Риббентроп заметил на первой московской встрече: «Господин Сталин сам готов присоединиться к антикоминтерновскому пакту», — это было воспринято как шутка.

Шутка оказалась вполне к месту. Не успели просохнуть чернила на договоре о дружбе, как Молотов заявил: «Гитлеризм — это идеология... Поэтому не только бессмысленно, но и преступно вести такую войну, как война за уничтожение гитлеризма, прикрываемую фальшивым флагом борьбы за «демократию»...».

В том договоре был записан пункт — взаимное обязательство — отказ от идеологической пропаганды друг против друга.

Помышляя лишь о собственной безопасности, Сталин решил замкнуть внешнюю политику на отношениях с Германией. Ради сближения с ней он не только отказался от всякой критики фашизма, но развязал кампанию восхваления победоносной Красной Армии с целью погасить столь естественную тревогу советского народа за свою судьбу.

Давно ли, всего три года назад, на VIII съезде Советов генсек клеймил фашизм, чья «мутная волна... оплевывает социалистическое движение рабочего класса и смешивает с грязью...». (Не очень грамотно, зато крепко...) А ныне — дружеские контакты фашистской партии с партией Сталина.

Настала эра идеологической унификации. И если бы Гитлер так же честно, как Сталин, соблюдал все условия договора и отказался от нападения на Советский Союз, дружба двух властителей могла бы принести замечательные плоды.

XX век — век парадоксов...

В ноябре 1936 года Германия и Япония заключили антикоминтерновский пакт. В следующем году к ним присоединилась Италия. Очередь — за Советским Союзом. Переговоры

на эту тему велись давно. К осени 1940 года они были близки к завершению. Молотов, посланный в Берлин, настаивал от имени Верховного Торгаша на трех пунктах:

эвакуация немецких войск из Финляндии (у Сталина имелись свои планы касательно этой страны);

признание советских интересов в Болгарии;

передача турецких проливов под контроль СССР.

Сталин готов уступить по первым пунктам, но Дарданеллы, извечная мечта российских императоров, стали и его мечтой...

«Если хочешь получить этот берег, требуй и тот», — гласит старинная грузинская пословица.

Торговля с «запросом» обещала успех: хоть в чем-нибудь да уступят немецкие партнеры. Тогда верный ученик и продолжатель дела Ленина присоединится к антикоминтерновскому пакту. Собственно, почему он должен так держаться за этот пресловутый Коммунистический Интернационал? К тому времени он успел расстрелять его исполком в полном составе, еще активистов прихватил. Да и нудная игра в р-р-р-революционные лозунги всем уже порядком надоела.

Итак, махнем Октябрь на Дарданеллы!

Что значил для Иосифа Сталина святой когда-то храм революции? Из Библии известно, что получается, когда в храм проникают менялы...

Предложенный Сталиным обмен Гитлера не прельстил. Он знал, что с Октябрем генсек покончил давно, что дело советской контрреволюции находится в надежных руках. А Дарданеллы будут еще долго служить Западу.

Москве был сделан намек — через Молотова: «Берите Индию».

Сталин ответил Берлину, через того же Молотова: «Это мы и без вас сумеем».

Тогда Гитлер указал на район Персидского залива. Оказалось, этот район Сталин тоже успел присмотреть, благо к нему не дальний путь от южных границ СССР.

Совладельцы земного шара Адольф и Иосиф почти сошлись в цене. Еще чуть-чуть, и ось Рим — Берлин — Токио получила бы четвертое колесо. Но Дарданеллы... Гитлер никак не соглашался передать проливы Советам. Это означало бы вручить Сталину ключи от Средиземного и Черного морей.

И генсек отступил. Но совсем отказаться от этой «идеи» он не смог.

Так Сталин и не подписал антикоминтерновский пакт в сороковом году. Впрочем, можно было работать в одной

упряжке с Гитлером, Муссолини и японским императором и без пакта.

В феврале 1939 года некий В. Гальянов сообщил, с двухмесячным опозданием, читателям журнала «Большевик» о новогоднем приеме в рейхсканцелярии. Оказывая официальное внимание иностранным дипломатам, Гитлер остановился возле советского поверенного в делах и демонстративно беседовал с ним целых полчаса. Автор статьи, явно выполненной по высочайшей указке, упрекает Париж в том, что тот сам виноват в ослаблении союза с Москвой (договор 1935 г.). Совсем иное дело — Раппальское соглашение (1922 г.), которое не утратило и поныне своего значения. После участия Франции в мюнхенском сговоре ей нечего рассчитывать на поддержку СССР.

Как стало известно позднее, под псевдонимом Гальянов выступал заместитель наркома иностранных дел В. П. Потемкин, сохранивший, кстати, после снятия М. М. Литвинова и ареста почти всех его сотрудников свой пост.

После отмеренной Хозяином паузы прозвучал тенор Андрея Жданова, который предостерег в печати западную общественность от козней «мюнхенцев», не упомянув при этом Адольфа Гитлера. Статья Жданова называлась «Английское и французское правительства не хотят равного договора с СССР».

Сталин передал Гитлеру (читай — гестапо) сотни антифашистов — немцев и евреев — на верную гибель. А заодно ряд ученых, оказавшихся в Советском Союзе. Как символ военно-духовного единения фюрера с Вождем народов прошел совместный парад советских и немецких войск в Бресте...

После подписания пакта с гитлеровской Германией Сталин заявил Риббентропу: «Советское правительство принимает пакт очень серьезно и может гарантировать своим честным словом, что Советский Союз не предаст своего партнера».

Однако ни Риббентроп, ни тем более Гитлер не склонны были довериться сталинскому честному слову. Напрасно. Единственный раз в жизни Сталин был искренен. В переговорах с заклятыми врагами ленинизма — искренен. И может быть, это один из самых убедительных штрихов к его портрету.

К пакту и к договору о дружбе с Германией Сталин относился действительно серьезно. Он передал Гитлеру сугубо конфиденциальную информацию о предложениях английского правительства. Он не только снабжал — с истинно немецкой пунктуальностью — гитлеровскую Германию совет-

ским продовольствием и стратегическим сырьем, но и закупал его для фюрера в других странах.

В середине шестидесятых годов Г. К. Жуков рассказывал группе военных историков в редакции «Военно-исторического журнала», что перед войной Сталин и Молотов пошли на беспрецедентные уступки Гитлеру. Они разрешили немцам разыскивать на нашей территории «могилы солдат, погибших в годы первой мировой войны». И вот немецкие «археологи» под видом поиска могил вели разведку местности — дорог, оврагов, мостов — в ближайшем тылу советских войск. При этом особое внимание уделялось изучению тех участков местности, где затем двигались танковые армады.

Союз СССР с гитлеровской Германией и дружбу Иосифа Сталина с Адольфом Гитлером надо рассматривать в исторической ретроспективе как один из этапов контрреволюционной деятельности сталинского руководства. Для президента Чехословакии Эдуарда Бенеша этот заговор диктаторов против мира не представлял никакого секрета, и он отверг советские предложения о помощи. Такая «помощь» могла бы обернуться кабалой...

Обеспечив себя с тыла надежным сталинским прикрытием, Гитлер без помех мог оккупировать новые земли. Вождь большевистской партии изощрялся в знаках внимания и поощрения захватчика. Сталин подарил Гитлеру марганец. Гитлер подарил ему изготовленный по специальному заказу четырехтонный «мерседес-бенц». Между фюрером и Отцом народов устанавливаются самые сердечные отношения. Узнав о пристрастии Гитлера к музыке Вагнера, Сталин распорядился поставить на сцене Большого театра оперу «Валькирия». Постановку осуществил знаменитый кинорежиссер Сергей Эйзенштейн. Гитлер поздравил Сталина с днем рождения. Сталин поздравил Гитлера с днем вторжения (немецкая армия оккупировала Норвегию). Он предоставил в распоряжение германского флота северные морские базы — для снабжения военных кораблей топливом. По свидетельству генерал-лейтенанта Н. Павленко, советские войска получили приказ не препятствовать разведывательным полетам немецкой авиации в нашем воздушном пространстве.

Как же гитлеровское руководство относилось к сталинской политике задабривания?

Во-первых, оно не торопилось платить за поставки зерна, нефти, стратегического сырья. К началу войны оно рассчиталось с нами лишь на 50—60 процентов.

Во-вторых, Гитлер решительно ослабил демаркационную

линию, проходившую от Балтийского моря до Карпат (протяженностью 1540 километров). На этой линии было оставлено всего лишь восемь — десять плохо обученных и слабо укомплектованных дивизий. В среднем на одну дивизию приходилось более 150 километров. Иначе говоря, на одного солдата, в том числе повара, водителя, писаря, находившегося на демаркационной линии, приходилось более одного километра фронта. Столь мизерная плотность немецких войск на демаркационной линии носила, по существу, символический характер и не имела аналогов в мировой истории войн. В силу того что немецкому командованию не приходилось выделять крупные силы для обеспечения своего стратегического тыла, оно могло вначале всеми своими группировками обрушиться на армии западных держав, а затем, после их разгрома, перебросить свои силы для войны с Советским Союзом.

В июне 1941 года, буквально на пороге войны, Маленков заявил, что благодаря гениальному руководству Сталина ни сегодня, ни завтра Советскому Союзу война не угрожает. Его поддержали Берия, Жданов, Ворошилов и Молотов.

Сталин поступился интересами народа, государства ради передышки, но Гитлер следовал своим планам неукоснительно. Его армады вступили на советскую землю в заранее намеченный день, час, минуту.

Исторический позор политики уступок и экономической помощи агрессору лежит на кремлевском стратеге.

Однако главный сюрприз Сталина Гитлеру заключался в другом. Мировая война была в разгаре. Гитлер уже утвердил директиву нападения на Россию — план «Барбаросса», а Сталин запретил активную подготовку к отражению неминуемой агрессии.

За десять дней до начала войны аспирант Киевского университета В. Грановский читал лекцию о международном положении.

«Прямо-таки физически ощущались жгучий интерес к состоянию советско-германских отношений, накаленная обстановка в зале. Не стану врать, о признаках приближения войны я, как в категорической форме было «рекомендовано» всем лекторам, и не заикался. И тем не менее (или именно поэтому) среди других получил записку: «Не напоминает ли вам нынешняя международная обстановка ту, что сложилась после Тильзитского мира 1807 года, которым Наполеон прикрыл подготовку к нападению на Россию?» Пусть не каждый смог бы так умно сформулировать вопрос, но великий и тяжкий канун чувствовали многие.

А через день, 14 июня, было напечатано заявление ТАСС: «Слухи о намерении Германии порвать пакт и предпринять нападение на СССР лишены всякой почвы». Следом начались ранее запрещенные массовые отпуска офицерского состава».

— Чертовский парень! Сталин незаменим! — воскликнул обрадованный фюрер.

Ему вторил Муссолини:

— Да, он уже стал тайным фашистом, он помогает нам, он, как никто другой, ослабляет все антифашистские силы!..

В. Грановскому запомнился полдень 22 июня 1941 года, когда народу сообщили о «вероломном нападении». Это словосочетание резануло слух его поколения. «Заведомого врага в вероломстве не обвиняют, ему и веры не должно быть, на то он и враг. Вероломным может оказаться только тот, кто выдавал себя за союзника, за сообщника».

Сталин делал все, чтобы заслужить столь восторженную оценку партнеров по оси. Следующий сюрприз он приготовил за счет польского народа.

Когда Молотов и Риббентроп подписали германо-советский договор о дружбе и Сталин с Гитлером учинили раздел Польши — четвертый в трагической истории этой страны, — часть военнопленных поляков, попавших в советскую зону оккупации, была передана немцам. Среди тех, кого Сталин оставил себе, было 14 тысяч польских офицеров и несколько тысяч гражданских. Их поместили в специальные лагеря. И вдруг поляки исчезли. С апреля 1940 года — никаких известий. Но вот гитлеровские дивизии вторглись на советскую территорию, и Сталин уже ищет в польском соседе союзника. Миновал первый год войны. Польские генералы, дипломаты запрашивают Советское правительство о судьбе офицерского корпуса. Кое-как собрали по тюрьмам-лагерям 440 человек.

— Мы, конечно, сделали большую ошибку, передав ваших офицеров немцам. Кроме того, часть разбежалась, многие подались в другие страны, некоторые умерли в дороге от болезней. Никто ведь не гарантирован от болезней... Вы приготовьте, пожалуйста, списки. Мы еще раз поищем...

Так отвечали в ведомстве Молотова. И в ведомстве Берия.

...Тела польских офицеров были разысканы в Катынском лесу, неподалеку от Смоленска. Под контролем международной комиссии. И потрясенному миру явилась картина массового убийства.

Эту услугу Сталин оказал Гитлеру весной 1940 года. Исполнители акции — Берия и Меркулов.

И вот два года спустя приходится думать о спасении репутации Отца народов. Сталин решил свалить вину за катынское злодеяние на бывшего союзника.

...Морозной февральской ночью колонна крытых грузовиков двигалась по Минскому шоссе. В кузовах лежали ящики самой разнообразной формы: квадратные, треугольные, даже круглые. Те ящики ничем не напоминали гробы.

По московским улицам крутила снежная метель. Вот и пункт назначения — Институт судебной медицины. Разгрузили машины во дворе института, затем ящики с телами расстрелянных занесли внутрь здания. Через день колонна тронулась в обратный путь. Теперь в трупах находились уже немецкие пули подходящего образца, а в карманах униформы — соответствующие газеты и фальшивые письма. Можно посылать свою комиссию.

26 сентября 1943 года в «Правде» появилось сообщение советской комиссии: катынское кровопролитие устроили немцы. Для вящей убедительности акт комиссии подписали митрополит Николай, писатель Алексей Толстой, академик Потемкин, два генерала, а также известнейшие медики. В числе последних — Прозоровский, директор Института судебной медицины. Того самого...

Мир не поверил фальшивке. Тогда «Правда» опубликовала сообщение вторично — на полном развороте газеты.

Мне довелось впервые увидеть тот знаменитый номер на Воркуте, в заключении. В лагере находилось много поляков. Однажды в барак зашел в сопровождении охраны начальник лагпункта, грузный и вечно пьяный полковник. Их десятками присылали на Печору, на Воркуту после службы в странах Восточной Европы, с Дальнего Востока. Как правило, эти офицеры знали то, что не полагалось знать даже сотрудникам госбезопасности. Видимо, не всех исполнителей сталинских предначертаний уничтожали...

...Полковник, покачиваясь на коротких ногах, смотрел мутными глазами на поляков. Они стояли перед начальством по стойке «смирно» — люди-скелеты в серых телогрейках, а начальник крыл их густым «расейским» матом.

— Мало я вас в Катынском лесу пострелял!

Я был в том бараке и слышал это сам.

...Более полувека прятали от нас правду о Катыни. Более полувека пролежали в специальном отделе специального архива ЦК в спец. папках документы, изобличающие пала-

чей — Сталина с его подручными. В протоколе заседания Политбюро от 5 марта 1940 года зафиксировано предложение НКВД рассматривать все дела находящихся в лагерях польских офицеров и заключенных в тюрьмах поляков в «особом порядке», с применением смертной казни. Без предъявления обвинения, без суда. Предложение принято: Сталин, Молотов, Ворошилов, Каганович.

Второй документ — докладная Берия с подробными данными о количестве польских узников. В разных лагерях и тюрьмах, от Харькова, до Твери, находилось 21 857 поляков — офицеры, летчики, инженеры, учителя, священники. И ученые — два института в полном составе. Все они были уничтожены по решению сталинского Политбюро. Но это не единственная акция геноцида против польской интеллигенции.

Сколько свидетелей погибнет, сколько документов исчезнет и все же главные уцелеют. В мае 1959 года Шелепин направил Хрущеву записку с предложением уничтожить эти документы. Один из аргументов, приведенных председателем КГБ, — фальшивые выводы комиссии Бурденко, «прочно внедрены в общественное сознание»...

С тщательно засекреченными документами Политбюро были ознакомлены все генсеки от Хрущева до Горбачева, однако когда Фалин и Крючков обратились к последнему за указаниями, Президент СССР распорядился... начать поиски злополучных документов в архивах. Во время визита в Польшу он вновь уклонился от честного признания вины сталинского руководства.

Точка в этой кровавой истории была поставлена в октябре 1992 года, когда представитель Президента Российской Федерации Бориса Ельцина вручил Президенту Польши Леху Валенсе документы по «Катынскому делу».

Ошибаются те, кто полагает, будто Сталин был глубже и сложнее Гитлера. Личность Сталина достаточно примитивна. Его образованность — одна видимость, игра в интеллигентность. Впрочем, Гитлер считал его начитанным человеком.

Сталин о Гитлере высказывался менее лестно — в беседе с Иденом и Рузвельтом во время войны. Гитлер, по мнению Сталина, хотя и не лишен способностей, но некультурен и суеверен.

Пожалуй, в отношении «культурности» они стоили друг друга, Адольф и Иосиф.

Сталин был хитрей Гитлера. Хитрей и коварней. В жестокости он тоже не знал себе равных. «Он жесток, как

зверь, но подлость у него человеческая», — сказал о нем Гитлер.

Сталин был старше Гитлера на десять лет и превосходил его опытом политической борьбы. Мнение, будто Сталин более сведущ в области военного искусства, ошибочно. Сталин-стратег был отменно бездарен.

Не следует думать, будто диктаторы не знали мирских слабостей. Сталин собственноручно высаживал березки на берегу озера Рица, в горной Абхазии. Гитлер возился с любимой овчаркой, даже на фронт брал ее с собой. В отличие от Сталина, он выезжал в действующую армию часто и далеко не всегда навязывал свои некомпетентные решения генералам.

О трусости Сталина сказано довольно. Гитлер считал его «настолько осторожным человеком, что если у него в руках будет пистолет, а у его противника только нож, то он все равно нападет на него только на спящего».

Удивительная проницательность!

Незадолго до нападения на Советский Союз Гитлер сказал приближенным: «Когда я завоюю Россию, поставлю правителем Сталина, конечно под немецким контролем, потому что никто лучше него не умеет обращаться с русским народом».

В этой шутке заложен серьезный смысл.

Жил в те годы в России известный ученый, профессор церковного права Владимир Николаевич Бенешевич, отмеченный самим римским папой. Бенешевич, один из немногих чудом уцелевших «старорежимных» ученых, переписывался с немецкими коллегами. Однажды он получил из Берлина письмо с неперменной концовкой «Хайль Гитлер!». Как тут быть? Профессор посоветовался с кем надо и послал ответное деловое письмо, которое закончил кличем: «Да здравствует товарищ Сталин!»

Да, они нашли друг друга — Иосиф Сталин и Адольф Гитлер. И стали заклятыми друзьями. И могли бы любовно поделить земной шар.

Да вот не судьба...

ВО ГЛАВЕ «ПЯТОЙ КОЛОННЫ»

Год 1904-й. «Шапками закидаем!» — так начиналась война с Японией. Кончилась она гибелью эскадры, падением Порт-Артура, утратой Южного Сахалина.

В 1939 году шапками решили закидать Финляндию. «До драки не хвались, недолго и без головы остаться». Сталин вряд ли слышал эту финскую пословицу. А если бы услышал, что с того?

Около полумиллиона жертв (убитыми и ранеными) стоила эта сталинская авантюра. Своей головой Сталин не рисковал никогда.

А Ворошилов продолжал талдычить:

— Мы будем воевать малой кровью!

— Красная Армия будет бить врага на его территории!

— Летать быстрее всех, выше всех, дальше всех!

Эти обещания-лозунги оказались столь же эфемерны, как и остальные лозунги эпохи сталинщины. Привольно леталось «мессершмиттам» в советском небе с первых дней войны.

В речи перед выпускниками военных и военно-морских академий 5 мая 1941 года генсек намекнул, что если война и начнется, то не ранее 1942 года. Он искренне верил, что схватил судьбу за рукав и может, не торопясь, закончить подготовку к ней будущей весной.

Предупреждения о близком нападении сыпались со всех сторон — точные, достоверные. И не только от Зорге и немецкого посла. Но Сталин знал, что армия не готова к войне. Значит... Гитлер подождет. Советский народ мог не беспокоиться, было же обещано: «Ни одной пяди чужой земли мы не хотим, но и своей земли, ни одного вершка своей земли не отдадим никому...»

Задабривая Гитлера щедрыми поставками, Сталин надеялся создать запас времени.

Чем бы это еще умиловить фюрера? И Сталин распорядился немедленно закрыть в Москве дипломатическую миссию Югославии, а заодно посольства оккупированных немцами Норвегии, Дании, Бельгии, Греции.

Затем глава правительства устроил театральное представление на Казанском вокзале. В середине апреля на родину отъезжал министр иностранных дел Японии Мацуока: только что был заключен договор о нейтралитете с Японией. Сталин явился на вокзал (случай чрезвычайно редкий) и на виду у всех дружески приветствовал немецкого посла графа фон Шуленбурга. «Мы должны оставаться друзьями, и вы должны для этого сделать все!» — сказал на публику Сталин.

Следующая мизансцена — в духе провинциальной мелодрамы. Сталин увидел полковника Кребса, военного атташе Германии: «Мы останемся друзьями с вами в любом случае!»

И под занавес — Мацуока в объятиях товарища Сталина. Японскому министру генсек сказал: «Мы тоже азиаты».

Воистину так.

Сталин панически боялся германского вторжения. И когда оно началось, закрылся дома. Политбюро делегировало к нему Молотова, он вернулся ни с чем. Тогда на квартиру пришли все малые вожди. Хозяин — бледный, растерянный — открыл наконец дверь и попятился. Он думал, что члены Политбюро пришли его арестовать... На другой день генсек бросил Москву и скрылся на даче.

Об бежал, не объяснившись с подручными, не сказав ни слова своему народу. Пришлось выступить по радио Молотову. Он возмущался вероломством Гитлера: «Советское правительство со всей добросовестностью выполняло все условия договора...» Германское правительство не могло предъявить ни одной претензии к СССР. (В беседе с Шуленбургом подручный № 1 обронил: «Мы этого не заслужили...») Молотов закончил призывом к народу — объединиться «вокруг нашего великого вождя Сталина».

В 1929 году, отвечая на приветствия по случаю пятидесятилетия, Сталин обещал народу отдать все свои силы и даже кровь — «каплю за каплей» — во имя и т. д. ...

Ни крови его, ни жизни война не потребовала — всего лишь мужества. Но и его не оказалось.

Великий Вождь праздновал труса.

Лишь 3 июля он выступил по радио, а 12 июля принял иностранных представителей. На совещании в Ставке он появился впервые в середине июля.

А сама Ставка, ее состав во главе с беспомощным маршалом Тимошенко? Чем эти люди привлекли Хозяина? Кому подчинялись, что решали?

Под стать растерявшейся Ставке Государственный комитет обороны, учрежденный 30 июня под председательством вождя-дезертира: Мотолов, Ворошилов, Маленков, а позднее Берия.

Организовать оборону государства эти лица были способны не более, чем исполнить падекатр в «Лебедином озере»... Началась большая война, самая губительная в истории планеты. Кого же Хозяин ставит во главе обороны? Никогда не отличавшийся интеллектом Молотов представлял в ГКО правительство. Ворошилов, давно сменивший рабочую косоворотку на мундир камер-лакея, — Вооруженные Силы. За присяжным писарем Маленковым, дворцовым интриганом, стоял Секретариат ЦК. Замыкал квартет главарь тайной

полиции Берия. Этот освоил ремесло убийцы, не утруждая себя наукой. Он представлял органы кары и сыска.

Абсолютная некомпетентность и безволие руководства в начале войны — это преступление история тоже запишет на лицевой счет Сталина.

Пока Вождь трусливо прятался от людей, Берия и Маленков с искренним увлечением подпиливали наследное кресло под Ждановым. Они подготовили его перевод-возвращение в обреченный Ленинград. Для Андрея Жданова, фаворита Сталина, не найдется места и в обновленном составе ГКО.

А Ленинград был действительно обречен. За первые десять дней военных действий потеряно все морское побережье до Таллина. Верховное командование сделало, казалось, все, чтобы обратить это поражение в катастрофу.

Ни ресурсов, ни резервов, ни связи... А из Москвы сыпались приказы один другого нелепее. И если бы не героизм защитников Ленинграда, город еще в июле был бы сдан. Целый месяц держалась Лужская линия. Погибли все отряды народного пополнения. Что они могли противопоставить немецким танкам, орудиям, самолетам? Что — кроме собственных жизней?

Сталин ревниво следил за соблюдением партийной субординации и жестоко подавлял любую инициативу. Сколько дельных планов и предложений было им отвергнуто только потому, что они исходили «не от тех» людей! Узнав о том, что в Ленинграде образован Совет обороны, Сталин набросился на Жданова и Ворошилова: почему без ведома генсека? почему сами не вошли в Совет?

Август шел к концу. Немцы почти окружили Ленинград, но командование ничего не сделало для эвакуации. В город прибыла правительственная комиссия: Молотов, Маленков, Косыгин, генералы Жигарев и Воронов, адмирал Кузнецов. Решалась судьба Ленинграда — сдавать или удерживать.

Когда иссякли последние надежды и Сталин увидел, что и Георгий Жуков не в состоянии ничего сделать, он решил взорвать город. Не только укрепления и заводы, а весь город с его бесценными архитектурными ансамблями. Гитлер тоже собирался стереть Петербург с лица земли.

Какое совпадение желаний!

Недолго продержал Сталин на Ленинградском фронте Жукова. Как только стало известно о стремительном продвижении немецких бронетанковых сил к Можайску, Сталин отозвал Жукова в Москву и поручил ему Западный фронт. Но фронта уже не существовало. Немцы окружили четыре

армии (19, 20, 24, 32-ю) и шли на Москву, не встречая серьезного отпора. Данных оперативной разведки было достаточно, однако кремлевский стратег не сумел определить направление немецкого наступления и принять ответные меры. Потом вину за этот губительный просчет Сталин переложит на Ставку...

Москва могла пасть в любой день. Началась паника, стихийная эвакуация столицы.

В 1975 году журнал «Вопросы истории» опубликовал воспоминания А. Шахурина, бывшего наркома авиационной промышленности. Он описал свой визит на кремлевскую квартиру Сталина 16 октября 1941 года. Ему запомнились «справа по стене» пустые книжные шкафы. Хозяин спросил у присутствующих: «Как дела в Москве?» И когда ему обрисовали нерадостную картину паники — транспорт встал, магазины, лечебные учреждения закрыты, в банке нет денег, — Сталин заметил: «Ну, это еще ничего. Я думал, будет хуже...» Все достоверно. Но такой разговор мог иметь место не 16 октября, а только 19-го, когда Сталин вернулся с дачи.

Для защиты Москвы тоже было создано народное ополчение.

Наша поступь тверда, и врагу никогда
Не гулять по республикам нашим!

Давно ли повсюду распевали эту песню? А ныне ученых, артистов, музыкантов, пенсионеров и мастеров спорта, подкрепленных рабочими оборонных предприятий, послали в лютые морозы — без теплой одежды — против танков и минометов. В декабрьских боях под Москвой сложили головы более миллиона защитников.

Да, армия действительно оказалась без командиров, и у Гитлера был реальный шанс овладеть обеими столицами — старой и новой. К счастью, фюрер не сумел до конца использовать столь благоприятную для него ситуацию.

Первые же недели войны показали, сколь вредоносно единодержавие, к каким катастрофам может привести предельная концентрация власти. Но эта же губительная особенность сталинской системы позволила устоять там, где вряд ли какое другое государство смогло бы удержаться. Помогли и уникальные размеры советской территории: в огромной стране, в российских просторах было куда отступить уцелевшим армиям.

В ходе войны генсек, известный как окаменевший ортодокс, проявил редкостную политическую гибкость. Неожи-

данно он оказался способен сотрудничать со всеми вчерашними «врагами народа» (если они могли изобрести нечто полезное), и с империалистами (если они давали деньги, продовольствие, технику, войска), и с древними царями (если они в прошлом успешно отражали иноземцев), и с самим господом Богом в лице православной церкви. Сталин лично, коль фашисты угрожали покончить с его диктатурой, готов был сотрудничать и с сатаной (если бы тот объявился) — лишь бы удержать власть.

Искоренитель веры, неумолимый гонитель верующих, пославший на гибель тысячи священников, стал заискивать перед церковью. Генсек не только соизволил вернуть архиепископов, он разрешил открыть духовные семинарии, академию и учредил совет по делам русской православной церкви. Под эгидой НКВД, разумеется. Уголовник заключил с церковью конкордат и создал орган управления, в который вошли на равных со священниками агенты тайной полиции. Так творчески, своеобразно применил Сталин ленинский завет об отделении церкви от государства.

Митрополит Николай называл генсека «наш общий отец Иосиф Виссарионович».

«Братья и сестры!..» — взмолился вождь в обращении к народу. Старый обманщик знал, на чем играть. На защиту Родины поднялись все, даже дети замученных «кулаков», даже эмигранты и ссыльные. А он улыбался в кремлевской тиши: разве не Он олицетворяет собой Родину?..

Пропагандистский аппарат оперативно перестроился на горячую прокатку героико-патриотической темы. Дело дошло до откровенной проповеди панславизма. Созданный по случаю Всеславянский комитет призывал к священной войне против немцев. Не понять было, что происходит: если это классовая борьба, то почему немецкие рабочие истребляют советских? Если же это война племен, то как все это согласуется с доктринами Маркса и Ленина?

В то время Сталину было явно не до соблюдения доктрин — он утилизировал все и вся. Так возникли неповторимые политические парадоксы военной поры.

Без парадоксов обходилась разве что сталинская дипломатия. Когда худо было, генсек, он же глава правительства, умолял союзников о помощи. Оправившись от первых поражений, маршал Сталин взял уверенный тон. Ну а после падения Берлина он держался уже как властитель половины мира.

Три этапа. Три роли. Три маски.

Июль 1941 года, начало переговоров с Черчиллем.

Английское правительство считает сделку Гитлера со Сталиным незаконной, оно не может признать новые границы СССР. В сентябре на встречах с английскими и американскими дипломатами Сталин пытается обворожить лорда Бивербрука и Аверелла Гарримана, но иногда срывается на грубость. В декабрьских беседах с Антони Иденом генсек нескговорчив (немцы остановлены!). Иден жалуется: «Работать со Сталиным невозможно...»

А Сталин упрекает союзников. Упрекает и просит помощи. Его письмо Черчиллю от 4 сентября наполнено отчаянием: потеряна половина Украины, блокирован Ленинград. Сталин просит, не медля ни часа, открыть второй фронт и прислать самолеты, танки, цветные металлы...

Давно ли генсек заверял мир, что не собирается за кого-либо таскать каштаны из огня? Ан, просчитался, провидец.

Новый год принес новые поражения. В конце марта 1942 года Жуков предложил выбрать слабый участок немецкого фронта и, сконцентрировав силы, нанести сокрушительный удар. Но Верховный отверг этот план. Он придерживался стратегии «широкого фронта». Летом первого военного года Сталин трижды отверг стратегически оправданный замысел Жукова — отвести армии на левый берег Днепра и сдать Киев. Упрямство Верховного стоило жизни более чем миллиону солдат. Георгий Жуков позднее писал, что Сталин со временем стал разбираться в военной стратегии. Скорее всего, это «свидетельство» маршала попало в мемуары против воли автора. Жуков имел богатую возможность убедиться в стойкой некомпетентности генсека.

Так же, как маршал Воронов. Крупная операция на Северо-Западном фронте в феврале — марте 1943 года была подготовлена из рук вон плохо. Ставка выбрала неудачную местность — болота, леса. И недружественное время. Воронов написал Сталину, но Верховный оставил все, как есть. Потери были огромны.

Так же, как маршал Василевский, бывший начальник генштаба. Из его воспоминаний следует, что Сталин «не всегда принимал оптимальные решения, не всегда проявлял понимание наших трудностей... был неоправданно самоуверен, самонадеян, переоценивал свои силы и знания в руководстве войной... был более склонен вести боевые действия до некоторой степени прямолинейно». И — оговорки, оговорочки, объективные причины... Маршал сообщает, будто уже в битве на Курской дуге Сталин проявил полное умение руководить военными действиями по-новому. А напиши маршал прав-

ду — что более бездарного Верховного Главнокомандующего история больших войн еще не знала, — вышла бы в свет его книга?

Не кто иной, как Сталин, позаботился внедрить в печать легенду о стратеге-генералиссимусе. Вот Ленин, тот никогда не считал себя знатоком военного дела, а нас, тогда еще молодых товарищей из ЦК, он обязывал «досконально изучать военное дело».

В 1968 году в Кунцевской больнице умирал от рака маршал Рокоссовский. Перед смертью он успел кое-что рассказать о Сталине-полководце: «Этот недоучившийся поп только мешал всем. Мы его обманывали: какое бы несуразное распоряжение он ни отдавал, мы поддакивали, а действовали по-своему...»

Маршалы Тухачевский и Егоров незадолго до ареста говорили друзьям, что генсек военного дела не знает.

...1967 год. На вечере в Московском университете по случаю юбилея Сталинградской битвы присутствует Малиновский. Но выступить маршал отказался. Зато после официальной части он поведал в тесном кругу военных горькую правду о битве. Два вождя, два самодура, сказал маршал, устроили под Сталинградом мельницу. Они уже успели перемолоть 600 тысяч солдат. Но кому нужны были голые заволжские степи? И Сталинграда, как города, уже не стало, его измололи, стерли с лица земли. Тогда собрались пять командующих фронтами: мельница, точнее мясорубка, требует новых жертв. А что, если отрезать Паулюса от главных сил, окружить его армию и...

И окружили. Уложили еще 700 тысяч. А всего под городом, который носил имя Хозяина, полегли миллион триста тысяч солдат.

Невеселый юбилей получается.

Сталин умел, с семинарских времен, схватывать знания на лету. Но, не обладая глубоким умом, чуждый всякому труду, он не ведал военной теории, не знал современной техники. Он не бывал на передовой и не мог представить конкретной боевой обстановки. И жизни солдатской не знал. Он успел лишь наскоро усвоить военную терминологию и, пользуясь советами специалистов, не умея их оценить, выдавал за свои инициативы. Так он поступал еще в гражданскую. Под конец войны опытному лицедею было не так уж трудно разыгрывать перед генералами роль военного стратега.

Сталин явно тяготел к устаревшим доктринам граждан-

ской войны: наступать фронтально, сражаясь за каждое село, за каждый городок, по порядку. Действовать прямолинейно.

Новые полководцы сумели перенять лучшее в стратегии и тактике вермахта. Но не Сталин. На многих катастрофических поражениях первых лет войны лежит печать его «военного гения».

Весной 1942 года Сталин, не считаясь с боевой обстановкой, торопит прорыв блокады Ленинграда. Новый командующий Ленинградским фронтом М. С. Хозин справедливо обвиняет Москву в неумении координировать действия внутреннего (Ленинградского) и внешнего (Волховского) фронтов. Сталин думал недолго — приказал объединить фронты. Сказалась старая привычка тасовать наркоматы, укрупнять-разукрупнять. Реорганизация под Ленинградом принесла результат немедленно — немцы разгромили 2-ю ударную армию.

В том же духе развивались события на юге. Немцы взяли Харьков, овладели Крымом. Сталин приказал вернуть Харьков.

...Наступление, затеянное Сталиным под Царицыном летом 1918 года, стоило жизни нескольким сотням красноармейцев. В харьковской аванюре Сталин загубил 300 тысяч солдат. Другое время — другие масштабы. Лишь «стратегия» старая. И отношение к командирам. Четырех командующих сменил Сталин под Ленинградом за короткое время.

Потери первых месяцев войны устрашающие. На счету каждый батальон. А в бухте Находка, на пересыльном пункте, знаменитой «транзитке», бездействуют 70 тысяч заключенных. Бездействуют?.. «Врагов народа» целыми дивизиями выгоняли ежедневно под конвоем долбить мерзлую заполярную землю. На другой день вырытые в муках траншеи засыпали. Это не совсем по Достоевскому: в его «мертвом доме» картожане перетаскивали с места на место камни.

Сколько корпусов, армий прошло через находкинскую транзитку? Сколько таких Находок действовало в стране — от Каракумов до Новой Земли?

А фронт требовал и требовал живой силы. Тогда Милостивец решил простить хотя бы детей «врагов народа». Потом в армию допустили сотни тысяч уголовников — прямо из лагерей. На пушечное мясо годилось все. Нет, не все. Политическим погибать за царя и отечество — то есть «За Родину! За Сталина!» — так и не позволили.

Я до сих пор не знаю, к лучшему это или к худшему... К тому времени подоспела новая техника — заработали в

полную силу отечественные заводы, страна ощутила мощную поддержку союзников — США и Англии. Война диктовала свои законы. Она выдвигала на командные посты способных, волевых генералов. Командиры частей приобретали опыт, да и солдаты научились бить захватчиков. Люди понимали: Гитлер несет гибель, надо спасти саму жизнь.

После битвы на Волге солнце повернуло на победу. Генсек чутко уловил этот момент и дал понять, что время пряников прошло. На головы «братьев и сестер» посыпались драконовы законы. Для тыла и фронта настало время кнута. Сталин погнал на убой свежие армии. Однако солдаты не всегда выражали восторг при мысли о мясорубке. Щелкнул кнут — и подручные Верховного изобрели целую систему на случай незапланированного отступления (слов «паническое бегство» никто не употреблял), целую стоп-систему разработали против дезертиров: заградительные отряды, штрафные батальоны, Смерш («Смерть шпионам»)...

Полковник в отставке М. рассказывает:

«При нашей танковой части состоял уполномоченный Смерша Галеный — мерзкий, злобный человек. Мы его меж собой звали Гавёным. Чином лейтенант, а дверь в землянку командира полка ударом сапога открывал. И боевой полковник перед ним трепетал...

Вызовет этот гавеный лейтенант майора или капитана и приказывает:

— Ты следи вот за этим майором. И докладывай мне ежедневно.

Меня тоже вызвал, но я «докладывать» отказался.

— Как же я буду на своего фронтового товарища доносить?

— Ты че, боишься его, что ли? Да я его сегодня арестую, а завтра в расход пушу. Не бойсь».

Мы не упомянули еще когорты преданных генсеку политработников — за порядком в армии наблюдала целая армия. Это сталинское воинство паразитировало на солдатском теле. «Тыл и фронт едины...»

В приказах Главковерха зазвучала карающая сталь. Весной 1943 года штаб Северного фронта получил телеграмму: «Если хоть один солдат отступит на один метр на валдайском направлении, будут расстреляны: командующий фронтом, члены Военного совета, командующие армиями, начальники политотделов...» Всего названо пятнадцать фамилий. Приказ Сталина вручили всем пятнадцати. Они знали, что Хозяин не шутит. Разве не по его приказу были незаслуженно обвинены

и расстреляны командующий Западным фронтом генерал армии Д. Г. Павлов вместе с руководством штаба? Уцелел лишь член Военного совета А. Я. Фоминых. О последнем можно прочитать в книге А. В. Горбатова «Годы и войны».

Ожила старая формула «Карать и миловать волен». Царицынский подвижник Сталина Г. И. Кулик, перед войной начальник Главного артиллерийского управления, отдавая приказание, заботливо предупреждал: «Медаль или тюрьма».

Сталинский стиль.

На фронте начал действовать новый приказ: отступивших расстреливать на месте. Пленных приравняли к изменникам. Членов семей отправляли в лагеря.

Не обошел Сталин законами и свое второе, запроволочное государство. В Уголовном кодексе имелась статья 158: побег из мест заключения карался двумя годами тюрьмы. Эту статью теперь заменила статья 58, пункт 14 — побег из сталинских лагерей смерти приравняли к контрреволюционному саботажу. За попытку уйти от подневольного труда, избавиться от медленной лагерной смерти — расстрел. В этом при желании можно обнаружить некий гуманный мотив.

В 1943 году на широком совещании сотрудников органов нарком госбезопасности В. Н. Меркулов дал установку — создать массовую сеть агентуры, «пронизывающую все население СССР».

Энгельс в «Анти-Дюринге» приводит пример зверства царской России в Туркестане. Летом 1873 года генерал Кауфман напал на татарское племя иомудов, сжег шатры, велел изрубить жен и детей, «согласно доброму кавказскому обычаю», как было сказано в приказе. Возвращенный на трогательных традициях кровавых уوبيц, межнациональной резни и насилия, Сталин с неизменным успехом применял этот метод.

Операцию по выселению татар из Крыма курировал Клим Ворошилов. Настал звездный час маршала. 18 мая 1944 года войска НКВД вывезли всех женщин, детей, стариков в вечное изгнание. Вступить было некому: мужчины на фронте защищали Родину.

Только через двадцать три года с татарского народа сняли обвинение во всеобщем национальном предательстве. Но геноцид на том не кончился. Даже письмо-обращение крымских татар со множеством подписей не поколебало сталинских установлений.

Говорят и пишут о депортации немцев Поволжья, чеченцев, ингушей... А ведь то было истребление.

Операцией по выселению чеченцев руководил В. Меркулов и заместитель Берия И. Серов.

Горцев заманили летом на «маневры», окружили войсками и погрузили в поезда. Следом отправили семьи — без вещей, без одежды, без провизии и воды. Отправили в суровые казахские степи в запертых вагонах. На месте открывали вагоны, выносили трупы детей, потом взрослых. С теми же, кто противился насильственной эвакуации из аулов, было проще: их запирали в сараях и сжигали. Живьем сжигали.

О ходе операции Берия докладывал лично Сталину, который наградил исполнителей орденом Ленина.

У Отца народов имелся в этой области кое-какой довоенный опыт. В начале тридцатых годов за невыполнение хлебопоставок выселяли в Сибирь целые деревни. В 1938-м из дальневосточного Приморья в течение двух дней вывезли в Среднюю Азию, в Казахстан всех корейцев. Не оставили и тех, кто вступил в брак с русскими. Позднее корейцев еще не раз «переселят». Сколько их, трудолюбивых, безропотных, переживет холод, голод, насилие! В тридцать девятом с Украины началось массовое выселение жителей Западной Украины и Прибалтики. Литва, Латвия и Эстония потеряли почти треть своих граждан — погибшими на фронте, эмигрировавшими, насильно депортированными, истребленными в лагерях. Части Красной Армии вступили в Эстонию в июне 1940 года, и тут же в Таллинне появились подразделения НКВД. Начали они с концерта народной песни и пляски. Потом приступили к делу.

В стенах замка Куресааре, в обширных подвалах кондитерской фабрики «Кавэ» бериевские агенты устраивали пыточные камеры, закрытые полигоны смерти.

Перед началом войны, в ночь на 14 июня 1941 года, первая партия неугодных Сталину граждан была погружена в товарные вагоны. Внезапно поднятых с постелей погнали, без воды и пищи, без вещей на восток, в Заполярье. Этот гибельный маршрут ожидал и женщин, и детей, и стариков... Первые этапы — 12 тысяч обреченных. За ними — еще 50 тысяч.

В первые дни войны под насильственную мобилизацию попало более 30 тысяч эстонских юношей. Почти все они останутся на полях сражений с немецкими войсками под Великими Луками в 1942 году. Эстония осталась без продовольствия: Сталин распорядился перед войной отправить в Германию четырехлетний запас зерна и продуктов питания. Республика лишится своего торгового флота, автомобильного парка, сельские жители останутся без домашнего скота.

Отходя на восток, специальные части войск НКВД уничтожали Народные дома, волостные управления, маслобойни, холодильники, сжигали церкви и жилые дома...

Подобное происходило не только в Эстонии.

А судьба греков — сколько их погибло в тюрьмах-лагерях?

Даже благополучное окончание войны не остановило великого Интернационалиста.

В 1945—1946 годах из Чехословакии выслали 3,5 миллиона немцев, коренных жителей этой страны. Подавляющее большинство немецкого населения не участвовало в политической жизни. Эта массовая депортация вошла в историю как бесчеловечная акция: народ помнит и резню в городе Усти, и гибельный марш несчастных из города Брно. Сотни самоубийств, тысячи убитых и — концлагеря...

Единственная вина немцев — они не отрицали своей национальной принадлежности. И они разделили судьбу миллионов крымских татар, чеченцев и ингушей, греков, корейцев. И своих соотечественников — немцев Поволжья.

Немцев выселяли, конечно, не без ведома Сталина. Отец народов проявил свою заботу о них в самом начале войны. Указ от 28 августа 1941 года гласил: «По достоверным сведениям, полученным военными властями, среди немецкого населения, проживающего в районах Поволжья, имеются тысячи и десятки тысяч диверсантов и шпионов, которые по сигналу, данному из Германии, должны произвести взрывы в районах, населенных немцами Поволжья».

Начало многообещающее. Но составители этого документа в спешке забыли обосновать свой категорический вывод. Район, заселенный немцами, был сугубо аграрным, объектов для диверсий там никто не строит. Но — логику побоку! — каждый второй немец — шпион. «О наличии такого большого количества шпионов, — вещает указ, — никто из немцев, проживающих в районах Поволжья, советским властям не сообщал...»

Вот так, одной фразой, целый народ зачислили во враги Советской власти. И стал он народом-предателем. Какую же кару назначили шпионам и диверсантам вместе с укрывателями? Переселить на восток, на север и обеспечить их землей, оказать государственную помощь.

Да, логикой сталинское правительство не грешило и в этом случае. Что касается исполнения указа, то оно не вышло за рамки бериевской традиции: 367 тысяч ни в чем не повинных немцев Поволжья убрали отсюда в 24 часа.

Французский историк Луи де Йонг, исследовавший эту проблему, сообщает, что в немецких архивах не обнаружено ни одного документа, свидетельствующего о наличии контактов третьего рейха с советскими немцами. Перед войной они жили на Черноморском побережье, на Днестре, на Дону. Не было предателей и в среде немцев Поволжья. «Пятая колонна» гнездилась совсем в другом месте.

Война с Гитлером, как бы она ни складывалась вначале, не могла прервать внутреннюю войну против собственного народа. Ульрих с бригадой перебрался в полуподвал Бутырской тюрьмы, в комнату с замазанными черной краской окнами. Любопытным смертникам надзиратели объясняли, что в Москве начались военные маневры.

Волна превентивных арестов накрыла всю Прибалтику. В одной Литве в начале июня 1941 года взяли 35 тысяч.

Шпиономания — хлеб Лубянки. У Хозяина ярлык «шпион» стал одним из самых ходких. Незадолго до немецкого вторжения органы выявили в Прибалтике и западных районах Украины 1338 «шпионов» — из общего числа 1596 арестованных.

Для тюрем западных и центральных районов сорок первый год выдался кровавым. Не оставлять же «врагов народа» немцам!

В начале войны в орловском политизоляторе находилось пять тысяч заключенных. Среди них лидер эсеров Мария Спиридонова, Христиан Раковский, Иосиф Ходоровский и еще одна жертва генсека — профессор Плетнев... Когда немцы подходили к Орлу, всех заключенных загнали в подвалы и затопили помещение. Погибли все. Все пять тысяч.

Поведала об этой трагедии вдова Ходоровского, сосланная в лагерь.

В кировоградской тюрьме, на Украине, при немецком наступлении устроили во дворе «суд»: один-два вопроса, приговор, и вот уже жертву отводят в корпус смертников. Обжалование, помилование? Помилуйте! Война все спишет...

В сорок первом в НКВД подняли «дела» всех ранее репрессированных и на скорую руку состряпали новые «дела», отправили «врагов» опять в лагеря. В небольшое четырехэтажное здание кировоградской тюрьмы, едва вмещавшей тысячу арестантов, набили 12 тысяч свежих.

Под 58-ю статью подводили любое сомнительное высказывание. Жалобы на голод, на непосильную работу. На скверный трамвай. Упоминание о немецкой технике, все годилось для ареста.

Брали всех. Брали везде.

И в лагерях брали.

В сорок втором году за проволокой 11-го лагпункта Устьвымлага очутились четыре бывших секретаря райкомов Ленинграда. Они много знали... И предавались опасным для государства воспоминаниям о гибели Кирова. За это и к стенке можно... В лагере они провинились еще раз — вели «пораженческие разговоры» о войне. Взяли одиннадцать человек на этап в Вожаель. Больше их никто в живых не видел.

Своему любимому детищу — ГУЛАГу Хозяин дарил досуги щедро, неустанно вносил в лагерную систему что-нибудь этакое, сталинское. В годы войны запроволочное государство обзавелось каторгой, лагерный быт обогатился кандалами.

Эта война породила новую, вторую после революции, волну эмиграции. Были среди эмигрантов те, кто не потерял веру в сталинский вариант «социализма». Эти вернулись. Тогда уж органы взяли на себя заботу об их прозрении.

Сталин позаботился о расширении Лубянки. Она получила два новых управления. Одно ведало делами военнопленных и интернированных. Оперативный отдел ГУПВИ возглавил Богдан Захарович Кобулов, заместитель Берия (страна должна знать своих героев!). Второе — ГУСИЗМ — управляло советским, то есть трофейным, имуществом за границей. Пост начальника оперативного отдела в этом управлении, которым командовал сам Абакумов, занял младший брат Кобулова Амаяк.

Братья Кобуловы — типичные уголовники. На их кровавом счету сотни тысяч честных людей, сражавшихся против гитлеровского рейха.

Два заключительных года войны были насыщены дипломатическими переговорами. Сталину довелось встречаться не только с Черчиллем и Рузвельтом, но и с их преемниками Эттли и Трумэном. Среди собеседников генсека — президент Франции де Голль, генералы Андерс и Макартур, министры иностранных дел Англии Э. Бевин и А. Иден.

Далеко не все они отнеслись к нему с доверием. Но и к т о, решительно никто не сумел раскусить его до конца. Выдающееся достижение Сталина-актера. Он успел обзавестись достойным антуражем. Если в переговорах случались разногласия, кто-нибудь из подыгрывающих отводил иностранного дипломата в сторону и просил не противоречить воле Вождя.

Его коронная роль — респектабельный, рачительный, гуманный правитель. Как это у Руставели?

Меч его карал виновных,

(Только виновных...)

Всюду властвовал закон.

(Всюду, всегда!)

Волк с овцой там мирно пасся,

И овцу не трогал он.

(Никогда не тронет. А террор — это все выдумки троцкистов...)

Утомленный нечистоплотными манерами Сталина, Иден воскликнул однажды: «Русские всегда лгут!» Если бы эта оценка касалась только внешней политики Сталина!..

Однако не из любви к искусству постоянно лгал генсек. На ложь и обман его толкала жажда приобретательства. В сорок пятом он возобновил прерванный войной торг за турецкие проливы. Теперь он насаждает на Черчилля и Идена. «Англия контролирует Индию и другие страны, США распространяют свое влияние на Китай... А мы ничего не имеем...» — жалуется Сталин Бевину. И требует, требует Дарданеллы. Его великодержавная страсть («одна, но пламенная») нашла отклик в душе Павла Николаевича Милюкова. Бывший царский министр призвал проживавших за границей соотечественников поддерживать сталинскую внешнюю политику, поскольку она направлена на приращение к России новых земель.

Милюкова за его постоянные хлопоты о турецких проливах в свое время нарекли Дарданелльским. Не ему бы носить это прозвище, не ему...

Сталин зарился на многое, немало ему удалось прихватить. Генсек так увлекся приобретениями («Ни одной пяди чужой земли...»), что забыл заключить с Японией мирный договор.

Некоторые подробности дальневосточной политики Сталина до сих пор неизвестны советским гражданам. Сталин не только знал о намерении союзников применить атомную бомбу — он предоставил американским самолетам аэродром. Его лично бомба не пугала, он не постиг еще сокрушительной мощи нового оружия. Сталин боялся другого — опоздать к дележу добычи. Вот почему он начал войну против Японии через день после американского атомного удара, 8 августа 1945 года. Япония капитулировала. Сталин успел вернуть российской короне южную половину Сахалина. Но какой ценой! Впрочем, что для него несколько десятков тысяч солдат, напрасно сложивших голову на чужбине...

Курица говорит: «Режут барана — и меня заодно. Режут корову — и меня заодно. Режут свинью — и меня заодно».

Русские мужики не знали этой грузинской пословицы, хотя и гибли под ножом Хозяина миллионами — на войне, как в лагерях, в лагерях, как на войне.

...Дивизия получила приказ атаковать линию железной дороги. Высокая насыпь, открытая местность и прицельный огонь немецких орудий и минометов. Дивизия погибла. В живых осталась горстка штабных офицеров. Осталось знамя, значит, дивизия существует. Пришло пополнение. Повторная атака, и вновь все погибли.

...В октябре 1943 года на Колыму прибыл этап, полторы тысячи заключенных. Через два месяца от них осталось семьдесят полуживых. Но на подходе новый этап...

Разница? Какая разница между двумя мясорубками?

В Тегеране Сталин настаивал на экстренном открытии второго фронта. Черчилль доказывал, что это приведет теперь к неоправданной гибели десятков тысяч солдат союзных войск.

Сталин: «Когда гибнет один человек — это трагедия. Когда гибнут тысячи — это статистика».

Один швейцарский ученый подсчитал число известных за последние пять столетий войн. Их оказалось 5300. В этих войнах погибло:

в XVII и XVIII веках — по 3 миллиона человек,

в XIX веке — 5 миллионов,

в XX веке — 60 миллионов.

В первой мировой войне Германия потеряла: убитыми — 1824 тысячи, ранеными — 4247 тысяч; Россия соответственно 1 664 800 и 3 748 600.

Германия за все шесть лет второй мировой войны потеряла около 7 миллионов человек (включая потери гражданского населения).

Когда Сталину сообщили о немецких потерях, он приказал ограничить потери своей армии семью миллионами. Его подданным незачем знать правду, они и без того перегружены знаниями. Видимо, руководствуясь этим гуманным соображением, генсек уменьшил число погибших в войне с Финляндией до 49 тысяч. Именно эту цифру назвал по радио в 1940 году Молотов. Во сколько же раз уменьшены новые потери?

Специалисты-демографы подсчитали: погибло без малого 28 миллионов солдат и мирных жителей. Не семь и не

двадцать, как стыдливо признавала ныне официальная история.

Сюда не вошли полтора миллиона погибших от голода ленинградцев. А сколько всего по стране погибло от голода, от болезней, вызванных военными невзгодами? Сколько без вести пропало? Сколько стало калеками? Четыре, пять, шесть миллионов?

Статистика...

В послевоенную пору на Печоре старая крестьянка рассказывала (в лагерь она угодила за «мелкую кражу на производстве» — взяла для голодного внука сколько-то кукурузы): «У меня из роду семь человек убили в войну. Всех повалили, никого не оставили...»

Это какая статистика вместит?

На VIII съезде Ленин возмущался потерями под Царицыном, где по вине Сталина и Ворошилова погибло 60 тысяч красноармейцев: «...нам не пришлось бы терять эти 60 тысяч, если бы там были специалисты, если бы была регулярная армия».

Убрать, уничтожить военного специалиста было для Сталина еще в годы гражданской войны плевым делом. На закрытом заседании военной секции VIII съезда партии А. И. Окулов отметил: «Отсутствие комсостава на фронте означает, что солдаты идут не в бой, а на бойню. В тылу это означает, что за отсутствием кадров для формирования, за отсутствием учебного аппарата, благодаря которому образуются резервы, ...армия истекает кровью без надежды получить подкрепления».

Сталин придал этим словам современное звучание.

Свидетельство А. Епишева относится к 1963 году. Тогда еще можно было хоть полуправду о сталинских преступлениях писать: «Массовые репрессии против командующих... Грубейшая ошибка Сталина в оценке военно-политической обстановки накануне... войны, серьезные ошибки в руководстве вооруженными силами в 1941—1942 годах чрезвычайно дорого обошлись советскому народу».

А разгромленные заводы, затопленные шахты, взорванные мосты, уничтоженные города и села?..

Эстрадные куплетисты распевали:

Бойцам пожелаем как следует биться,
Чтоб каждый убил хоть по дюжине фрицев.
А если кто больше фашистов загубит,
Никто с вас не спросит, никто не осудит.

На фронте на одного убитого фрица пришлось два Ивана. Так было почти всегда; и в наступлении, и в обороне германские войска несли меньшие потери, нежели советские. И до сих пор никто не спросил за это с генералиссимуса Сталина.

Однажды — это было уже после XX съезда партии — на Пленуме ЦК речь зашла о прошедшей войне. Оказывается, и они, члены Политбюро, ковали победу... Георгий Жуков поднялся и бросил в лицо Молотову и Маленкову: «Вы же со Сталиным гнали людей, как скот, на убой».

Жуков становится неугодным партсановникам, да и самому Хрущеву, и Никита Сергеевич решил убрать слишком популярного маршала.

Попытки снять Жукова с командных постов предпринимал и Сталин. Первая из них относится к 1941 году, после победы под Москвой. Удачливым стратегам генсек завидовал люто еще с гражданской войны. Ключ к Жукову подручные Верховного решили подобрать с помощью начальника оперативного отдела Западного фронта В. С. Голушкевича. Его арестовали и потребовали показаний против командующего. Но генерал-майор Голушкевич не предал Жукова. В деле начальника оперотдела многие годы хранился ордер на арест, подписанный начальником Смерша Абакумовым. В ходе войны из окружения Жукова вырывали не одного дельного помощника, но уничтожить маршала Сталин так и не решился. После войны самозванный Генералиссимус возьмется за него вновь, но это уже особый рассказ.

Трудно исчислить, вообразить даже масштаб организованного Сталиным бедствия. Многим солдатам, уцелевшим на фронте, он уготовил худшую участь. Вину за их мучительную смерть разделяют со Сталиным Черчилль и Иден. На Ялтинской конференции Сталин выторговал у союзников согласие-обязательство репатриировать всех советских подданных («Я вам возвращу 25 тысяч английских военнопленных, а вы мне выдадите с головой моих изменников»). В сорок четвертом году, во время московского визита, Иден обещал Сталину выполнить условие.

...Их оказалось около 2 миллионов, перемещенных лиц, в том числе много солдат и офицеров армии генерала Власова. Иден знал, что их ожидает. Знал и все же распорядился репатриировать всех. Если понадобится, с применением силы.

Пятьдесят тысяч казаков передали вместе с семьями советскому командованию в Австрии. Загнали прикладами в поезда и — марш «домой».

Заодно загребли четыре тысячи старых эмигрантов, покинувших Россию в годы революции. Не будучи советскими подданными, многие сражались плечом к плечу с британскими солдатами против общего врага — гитлеровской армии.

Первая партия репатриантов прибыла в октябре 1944 года в Мурманск. Их погрузили в баржи, в вагоны и — в лагеря, на истребление. Тысячи попали к нам на Печору.

...В марте сорокового года финны отпустили советских военнопленных. Им устроили торжественную встречу в Ленинграде. Они прошли под аркой с плакатом «Родина приветствует своих героев!» Радостные, пересекли весь город, и тут их быстренько, пока не остыли, погрузили в вагоны с решетками на окнах.

Обман, театральное оформление и в финале — расправа, как не узнать руку главного Режиссера!

Репатриантов, прибывших морем в Одессу, отводили за портовые склады и расстреливали на месте. Не всех, конечно. Часть этапировали в северные лагеря. Вместе с женщинами, детьми.

С радостью уничтожил бы Вождь всех участников войны. Солдаты вернулись из заграничного похода зараженные чуждыми веяниями. Они видели иную жизнь. Десятки миллионов подданных жили под немецкой оккупацией. Кто теперь поручится за состояние умов?!

Подобная ситуация сложилась в 1814 году, когда русская армия дошла до Парижа. Вскоре же зародилось движение декабристов. Но подобие — не тождество. Европейский поход Красной Армии не мог породить ничего похожего на движение декабристов: полицейская машина не та.

Может быть, засадить на всякий случай за проволоку все взрослое население? Ввести всеобщую тюремную повинность... Народ поймет. Народ поддержит.

Творческая мысль генсека уже начала работать в этом направлении, но он вовремя спохватился: кому-то надо трудиться на «воле», кому-то охранять арестованный народ. Нет, всех засадить определенно не удастся. Кто возьмется описать эту трагедию Отца народов?

Все же ему удалось подвести население запроволочного государства к пику тридцать восьмого года — до 16 миллионов. Слабое утешение...

Контингент заключенных значительно пополнился за счет военнопленных и «дезиков» — так ласково-снисходительно называли дезертиров. За проволоку попали многие тысячи высланных «нацменов» — татары, греки, чеченцы и ингуши, цыгане, немцы Поволжья...

Высланные оказались в трудовых армиях, в строительных батальонах. Вместо обещанных указом земельных участков немцам предоставили двухъярусные нары в бараках лагерного типа. Редактор газеты «Фройндшафт» Константин Эрлих описывает положение своей сравнительно благополучной семьи. «Сестра отца, тетя Анна, бежала из трудармии, когда стало совсем невмоготу. Ее поймали, дали пять лет тюрьмы. Она до последних дней с благодарностью вспоминала годы, проведенные в заточении. Шить тапочки в теплом цехе, получать гарантированную пайку — это было райской жизнью в сравнении с тяготами, которые испытывали ее товарищи по несчастью».

Я познакомился со ссыльными немцами на Воркуте. Их закрыли в специальных зонах и заставили работать в угольных шахтах. После войны колючую проволоку убрали, но они продолжали жить в бараках. Те, что состояли в Коммунистической партии, продолжали в ней числиться. Но и члены ВКП(б) не могли покинуть место ссылки под страхом двадцатилетнего заключения. Они проводили партийные собрания, отчитывались перед райкомом — словом, делали все, что полагалось по партийному Уставу.

Что это было? Моему беспартийному уму этого не постичь.

По свидетельству Эрлиха, трудармейцы-коммунисты во многих лагерях решили передавать на фронт воскресные пайки хлеба, собирали деньги на строительство танков и самолетов. Широко известна телеграмма Сталина немцам — трудармейцам Богословского алюминиевого завода на Урале, в которой он благодарил за то, что они собрали около двух миллионов рублей.

Высланные, трижды униженные немцы — ведь их фактически приравнивали к фашистам — оставались патриотами Советской Родины. Многие просились на фронт и даже объявляли забастовки протеста, требуя немедленной отправки в действующую армию. Но у Верховного Главнокомандующего было на сей счет свое особое мнение.

По его приказу офицеры-фронтовики из немцев Поволжья, сражавшиеся против гитлеровских полчищ, подлежали отправки в Заполярье и на восток, в места ссылки своих несчастных земляков. Так, родные братья отца Эрлиха, оба коммусты, Константин и Вилли, были уволены из армии и по этапу отправлены в Сибирь. Некоторые советские немцы, стремясь на фронт, изменяли фамилии; будучи в действующей армии, намеренно теряли воинские документы, чтобы

потом активно сражаться с врагом, но уже на положении русских, украинцев, азербайджанцев. «Сегодня мы знаем их имена. Пауль Шмидт, всю войну провоевал как Али Ахмедов, взяв фамилию своего друга из соседнего селения. Георг Рихтер был Смирновым. Думлер, воевавший под чужой фамилией, за сокрытие настоящего происхождения был арестован и посажен в тюрьму, где и умер. Как искренне гордятся сегодня советские немцы тем, что их народ дал стране 10 Героев Советского Союза...»

До Москвы стенания лагерников не доходили. Столица жила под победным майским громом. «Там, где Сталин, там победа!».

Может, оно так и есть, только следовало бы переставить: «Там, где победа,— там Сталин». Ибо он всякий раз бежал перед лицом врага и неизменно появлялся в тот момент, когда горнисты подносили к губам победные трубы.

Два ордена Победы, Золотую Звезду Героя навесил на грудь Генералиссимус. Но войну он не выигрывал. Эту войну Гитлер проиграл. Ошибки нацистской верхушки — стратегические и политические — у истории на виду.

Победа Александра I над Наполеоном —

...Кто тут нам помог —
Остервенение народа,
Барклай, зима иль русский Бог? —

вопрошал Пушкин.

Победа 1945 года. Ее добился не Сталин, а подвластный ему народ — не благодаря, а вопреки тирану. Это он, измороженный, истощенный голодом, исхлестанный тюрьмами и ссылкой, обескровленный террором, оставленный без командиров, без техники и продовольствия, сумел опрокинуть могущественного врага.

А Верховный Главнокомандующий — такого история войн еще не знала — он предал армию, опустошил страну и открыл границы вражескому нашествию. Это совсем не согласуется с заявлением Пospelова о прозорливости Вождя, который за несколько лет до войны разгромил «пятую колонну». То была воображаемая «пятая колонна».

А настоящая — вот она: Молотов, Каганович, Маленков, Жданов, Ворошилов, Микоян, Калинин, Берия и разные шкирятовы, мехлисы, кулики. Во главе с генсеком.

В начале войны Георгий Маленков вошел в большое доверие к Хозяину. Уже не Жданова, а Маленкова прочили в преемники состарившегося Вождя. Молотов относился к Жда-

нову со скрытой неприязнью. Во время устрашающих поражений июня — июля сорок первого Молотов с Маленковым заменили перетрусившего Хозяина. Это они подсказали Сталину мысль направить Жданова в Ленинград.

Маленков ответственен вместе со Сталиным за катастрофу под Ленинградом и гибель 2-й ударной армии генерала Власова в болотах. Ради собственной карьеры Маленков был готов уничтожить Жданова, предать Ленинградский фронт. Перешедший на сторону немцев Власов являлся протее Маленкова, но это обстоятельство не повлияло на отношение Хозяина к новому фавориту. Для Жданова падение Ленинграда означало бы конец всего. В случае сдачи города триумфировал Молотов — Маленков — Берия доконал бы вчерашнего сталинского любимца. И Жданов сутками не спал, подстегивая остатки разгромленной армии, требуя от населения невозможного.

В ведомстве Берия задолго до войны умели пользоваться ядами — не хуже, чем венецианские дожи. Лаврентий Павлович мог и без специального указания свыше приложить руку к ранней кончине пятидесятилетнего Жданова.

Нет, «пятая колонна», ведомая Сталиным, не отличалась монолитностью. Зато в ней раскрылись таланты замечательных партвредителей. Сталинских фаворитов. Лев Мехлис, руководил в начале войны таким высокоприбыльным делом, как агитация и пропаганда. То был по словам его сослуживца, «человек столь же энергичный, сколь и вздорный, тем более решительный чем менее компетентный, обладавший разнообразными, но поверхностными знаниями и самоуверенный до самодурства».

Генерал Мехлис, став заместителем наркома обороны, своим некомпетентным вмешательством как нельзя более способствовал падению Крыма весной 1942 года. Он обвинял военачальников, требовал сместить командующего. «Мехлис, наверно, хочет видеть во главе Советской Армии Гинденбурга», — съязвил Сталин. Но смутить Мехлиса было не просто. Войдя в административно-партийный раж, он собирался расстрелять командира Керченской военно-морской базы А. С. Фролова.

Точно так «работал» Мехлис во время финской кампании. Сталин послал его на «линию Маннергейма» наблюдать за командующими. В 9-й армии он успел сместить многих командиров. Настоял на расстреле ни в чем не повинных Виноградова и Гусева, командиров уничтоженных финнами 44-й и 163-й дивизий. Адмирал Кузнецов стал невольным

свидетелем разговора Сталина с Мехлисом в апреле сорокового года, по окончании злосчастной войны. Хозяин сказал Мехлису: «Вы там, на месте, имели привычку класть командующего к себе в карман и распоряжаться им, как вам вздумается».

Но другого стиля руководства Сталин не знал.

В 1943 году Мехлис комиссарил на Брянском фронте. Это у него получалось здорово. Однажды, 24 августа, ему почудилось, будто летчики нанесли удар по своим войскам. Мехлис приказал самолетам немедленно сесть и отправил пилотов в военный трибунал. Если бы не смелое вмешательство офицера, видевшего результаты их налета на немецкие линии, летчиков бы расстреляли.

В конце 1943 года Мехлис получил новое назначение — на Волховский фронт. Как же он там воевал? С кем?

Свидетельствует адмирал Кузнецов: «Обладая широкими полномочиями, он всюду пытался подменить командование, все сделать по-своему, подавлял всех и в то же время не нес никакой ответственности за исход боевых операций». Под стать Мехлису был Г. И. Кулик, царицынский сподвижник Сталина. Там, где появлялся заместитель наркома обороны Кулик, гибель новых армейских корпусов была обеспечена.

Сталин назначал на самые ответственные посты партийных сановников. В меру своей бездарности они саботировали дельные приказы командующих. Это оборачивалось новыми миллионами жертв. Но Вождь не мог отказаться от услуг таких людей, как Мехлис: они были преданы, лично ему преданы. И они держали в постоянном страхе весь офицерский корпус. Это умаляло страх генсека перед могущественными генералами и маршалами.

Так они и воевали — Сталин вместе с Гитлером — против советского народа.

Пока на фронте и в Кремле действовали партийные бонзы вроде Мехлиса, Маленкова, Жданова, Берия, Гитлер мог уверенно смотреть в будущее. Такой надежной «пятой колонной» в тылу врага не располагал еще ни один завоеватель.

Сталин нанес непоправимый ущерб боевой мощи государства.

...Королев, Глушко, Севрук — кто не слышал имен этих талантливых конструкторов ракет? Гитлер мог лишь мечтать о том, чтобы их завербовать, хоть одного. Или обезвредить. Куда там, руки у германской разведки коротки. Зато у Ста-

лина руки оказались нужной длины: он засадил конструкторов в тюрьму. Он уничтожил инженеров Г. Э. Лангемака и И. Т. Клейменова, конструкторов реактивных снарядов. И на два года задержал производство грозных «катюш».

Захватив в июле 1940 года Либаву, Сталин решил с высоты своей непререкаемой некомпетентности направить туда военные корабли. Такая же ненадежная стоянка находилась в Таллиннском порту. Но генсек заставил адмирала Кузнецова перевести линкоры из Кронштадта на таллиннский рейд.

Тайную помощь главаря «пятой колонны» Гитлер получал и за пределами СССР. Когда советские войска заняли Гданьск, стоянку немецких подводных лодок (в Гданьске находилась экспериментальная станция), Сталин отказался передать союзникам спасительную информацию о технических новинках врага.

Сколько тысяч погибших американских моряков на счету Сталина?

Не орден Победы, а Железный крест должен был бы носить Генералиссимус. По справедливости. Железный крест от Гитлера — это единственное, что Сталин честно заслужил в той войне.

Он расстрелял полководцев, уничтожил командный состав армии, подорвал ее боевую мощь, врага снабжал продовольствием и стратегическим сырьем. Задержал мобилизацию сухопутных войск и флота. Он запер в истребительные лагеря более десяти миллионов мужчин призывного возраста и отвлек на охрану лагерей и для войны с собственным народом миллионную армию внутренних войск.

Казалось, он сделал решительно все для того, чтобы эта война стала самой позорной в истории России войной. И если она стала для советского народа Великой, то — еще и еще раз! — в о п р е к и Сталину.

Царская Россия вступила в первую мировую войну неподготовленной. Виновника катастрофы, военного министра В. А. Сухомлинова Николай II приказал судить.

Офицеров, виновных в небрежной охране военно-морской базы в Пирл-Харборе и гибели тысяч американских моряков, предали суду.

Сталина, виновного в трагическом начале войны и гибели десятков миллионов, объявили Спасителем Родины.

Нюрнбергский процесс. Зал большой, места хватило бы на

всех главных военных преступников. А судили не всех: одни успели покончить с собой, другие оказались в роли обвинителей — Сталин, Молотов, Каганович, Маленков и присные.

Почему? Веревки хватило бы на всех.

Кстати, если бы состоялся действительно правый суд, достало бы мужества у кого-нибудь из сталинской клики наложить на себя руки?

ТИРАНУ СКУЧНО СТАЛО...

1946 год. Шестидесятисемилетний диктатор осознал себя уже как некое божественное начало всех начал. Знаки мистического поклонения он принимал как нечто само собой разумеющееся. Если ограниченному человеку постоянно твердить, что он гений, он в конце концов поверит. Для того чтобы устоять в атмосфере восхваления и раболепства, нужны высокие человеческие качества, и прежде всего интеллект. Еще Вильям Шекспир заметил, что «маленькие люди становятся великими, когда великие переводятся». Сталин постарался в кратчайший срок известить всех действительно великих, со всеми умными в придачу, и создать искусственный серый фон. На этом фоне он почувствовал свое родство с Зевсом. Любое его слово, малейшее желание приобретали силу государственной акции.

Эта «болезнь» дала после войны обильные метастазы. Объявив страны Восточной Европы социалистическими, Сталин приложил к ним свой политический трафарет. В каждом новом государстве возник свой культ личности. Это понять нетрудно. Как верно заметил Владислав Гомулка на VIII Пленуме ЦК ПОРП, сущность системы заключается в том, что была создана иерархическая лестница культов. На самом верху — первый секретарь ЦК, облаченный в тогу непогрешимости и мудрости. Если власть захватывал «человек ограниченный, тупой исполнитель или прогнивший карьерист», то он хоронил социализм «бессмысленно, но верно».

Гомулке не откажешь в наблюдательности. Зачем только называть практику обожествления так расплывчато — культом личности? Культ абсолютной власти, культ кресла первого секретаря — это гораздо ближе к истине.

Здесь приоритет Сталина неоспорим.

...Вот он стоит над миром, хозяин территории, которой еще не владел ни один завоеватель. Орел расправил крылья над половиной континента, тень от них легла на Балканы, его жадный клюв тянется к сердцу Европы.

Гитлер построил перед войной в Берхтесгадене, на неприступной скале Адлерсхорст, «Орлиное гнездо». С высоты этого замка видны Альпы — австрийские, итальянские, швейцарские. Отсюда Гитлер намеревался управлять миром. Сталину строить командный пункт для управления миром не было нужды: Кремль подходил для этой цели как нельзя лучше.

...Хватит ли слов отобразить могущество кремлевского шахиншаха, царя царей, негуса негусов? Как это у Руставели: «На семи индийских тронах царь воссел...»

И когда завоеванных земель у него стало больше, чем у Александра Македонского, и почетных титулов больше, чем у турецкого султана, и когда он почувствовал, что достиг всего, ему стало скучно.

Если бы не Тито, Сталин высох бы от скуки. Иосип Броз Тито никак не хотел покориться. Мало того, он склонялся к идее Димитрова — создать Балканскую федерацию. Димитров, герой процесса о поджоге рейхстага, ушел из жизни вовремя. Но Тито, Тито!..

Для начала Сталин объявил его агентом фашизма и империализма. В Болгарии, Румынии, Венгрии, Чехословакии прошли по советским рецептам процессы над «оппозиционерами». От арестованных требовали показаний против изменника Тито. Издательский конвейер запустили на производство разоблачительных книг, вроде «Банда Тито — оружие американо-английских поджигателей войны». В рабочих клубах распевали частушки:

Тито, Тито, погляди-ка,
Ты дошел до Уолл-стрита.
Дальше некуда идти-то,
Полететь придется, Тито.

Сталин уже приглядывался к Адриатике. Как только славные чекисты уберут этого зазнайку, можно будет поговорить о воссоединении с далекими братьями-славянами. Но на этот раз Берия оказался бессильным.

...В который раз Хозяин распекал своего подручного:

— Чего ты тянешь? Ну чего тянешь?!!

— Все уже готово, на этот раз не сорвется, — отвечал Лаврентий Павлович.

Выйдя из кабинета генсека, Берия увидел С. Н. Круглова, министра внутренних дел.

— О чем вы так долго беседовали? — осведомился Круглов.

— Хозяин требует разделаться скорее с Тито...

Как ни трудно было ликвидировать Троцкого, героичекисты все же справились с возложенной на них задачей. Но Тито, Тито! В своей ненависти генсек дошел до смешного. Когда советская сборная по футболу проиграла югославам, Сталин приказал разогнать команду ЦДКА, которая составляла костяк этой сборной. Почему он их не репрессировал, как тех же братьев Старостиных — футболистов «Спартака»? Нет, жестокая война никак не отразилась на его душевной щедрости...

Оставалось одно испытанное средство — интервенция. Он уже готовил удобную провокацию для вторжения в Югославию, а заодно обдумывал, как прибрать к рукам Грецию. Сталин не оставлял в покое южных соседей — Турцию, Иран, Индию. Даже миролюбивую Индию. Но особенно агрессивно вел себя Победитель в Центральной Европе. Он организовал блокаду Западного Берлина и всячески затягивал вывод войск из социалистических стран.

Гитлера не стало. Кому служить? И Сталин становится — воспользуемся его политическим жаргоном — добровольным агентом империализма. Как ни странно, но консолидации сил Запада в немалой степени способствовала и внешняя политика Сталина.

В 1925 году, на XIV съезде, генсек заявил: «...мы не хотим быть ни молотом для слабых народов, ни наковальней для сильных». Прошло двадцать лет, сталинский молот начал крушить слабых соседей. Неслабых — тоже.

Тон дипломатических переговоров резко изменился. Дядя Джо, как называли Сталина между собой Черчилль, Рузвельт, Иден, отбросил маску доброго пастыря. Врагов он разгромил, настала пора отделаться от союзников. Эту цель Сталин преследовал жестко, прямолинейно. Послевоенные партнеры Сталина в дипломатических переговорах увидели его в новой для них ипостаси — хулигана. Это не значит, что генсек отказался от тактики интриг и провокаций. В мае сорок шестого он пробовал столкнуть Димитрова с Тито. Не раз пытался он посорить руководителей западных компартий с правительствами.

И как всегда, неутомимо торговался. Максим Литвинов отзывался о Кобе как о мелком торгаше азиатского толка.

Такой коммерсант, покупая товар, торгуется долго, упорно, до последнего гроша, и хоть малость, но выгадает. А вот в большой политике купец Джугашвили частенько прогадывал, и довольно крупно. После переговоров в Потсдаме США и Великобритания получили все немецкие патенты и техническую документацию. Главный победитель позарился на оборудование немецких заводов да сколько-то золота прихватил. Оборудование вскоре устарело, ФРГ начала строить новые заводы...

Зато в области социальной Сталин добился впечатляющих успехов. После войны партия и народ стали монолитны, как никогда. Ничто так не сплачивает людей, как страх и страдания,— и того и другого под Сталиным было вдоволь. Нашлись, правда, среди солдат наивные ребята. Вернувшись с войны, они стали поговаривать о роспуске колхозов и — невиданное, неслыханное дело! — о каких-то «свободных выборах»... К счастью, добропорядочных граждан оказалось неизмеримо больше. Их с детства научили молчать, и масса дорожила своей немотой как самым драгоценным даром. И потом, дисциплина. Дисциплина партийно-государственная оказалась сильнее фронтовой. Там, на фронте, можно было хоть в атаку подняться с земли. В мирное время оставалось лишь ползать по-пластунски. Под тотальным надзором кто посмеет голову поднять?

Послевоенное сталинское общество породило еще один примечательный парадокс: чем больше появлялось образованных людей, отмеченных дипломами и научными степенями, тем меньше замечалось в них интеллигентности. То был апофеоз карьеризма и обывательщины. Обыватель сам по себе фигура малопривлекательная. А начиненный национал-шовинизмом, он становится страшен.

В 1948 году Правительство СССР подписало Декларацию прав человека — неудобно было отставать от других. Но обнародовать?... У советского народа хватает своих прав, дарованных ему сталинской Конституцией. И нечего толковать о мнимых буржуазных «свободах». У советского народа есть уже грандиозная свобода, одна на всех. Он давно принял эту свободу как осознанную необходимость служить ему, Вождю Народов.

Казалось, Сталину удалось диалектике вопреки остановить ход истории. Общество закоснело в его железных объятиях. Последние признаки тридцатилетней давности революции выведены, как ненавистные родимые пятна, уродовавшие чистое лицо сталинской диктатуры.

...После победы над гитлеровским рейхом голодно, холодно в стране. Гораздо голодней, чем по окончании гражданской войны в году двадцатом. В Москве — хлеб по карточкам. На Украине, житнице страны, вновь — в который раз! — от голода пухнут дети хлебобобов. Сталин отдает распоряжение продавать «излишки» хлеба за границу. А как же иначе? Он победитель, он, Сталин, богат. Дети-сироты тянут исхудалые ручонки к крошкам жмыха, а Отец родной вывозит хлеб от щедрот своих.

Последние три года подряд в Молдавии лето выдалось засушливым, хлеба собирали мало. Но планы заготовок разверстаны с посевной площади, с каждого гектара. В 1951 году начался настоящий голод. Люди умирали от голода.

Но такое уже бывало — на Волге, на Кубани, на Днепре... Все было... Как тут не заскучать?.. Однако Молдавия совсем недавно присоединена к державе. Придется послать туда хлеб. Поэты незамедлительно воспели щедрость Отца народов.

Но и это было... Все было. Скучно...

Когда в Эфиопии погибло от голода сто тысяч человек (1974 г.), абиссинцы свергли многовековую императорскую власть. Это сделали отсталые, неграмотные африканцы. В сталинской России от голода погибли миллионы. А власть тирана только крепла.

В середине тридцатых годов Аркадий Пластов написал портрет старухи. Она сидит, скрестив на коленях натруженные руки с облезлыми толстыми ногтями. Под кожей выступают синие узлы вен. На ней голубая кофта, на голове цветастый платок. А в глазах — дума, не дума — тяжесть свинцовая, какая-то робкая, размытая тоска. Так бывает в тюремной камере: быют и плакать не дают.

...Колонна правительственных автомобилей выехала из кремлевских ворот, повернула на улицу Горького. Вверх, мимо Центрального телеграфа, мимо памятника Юрию Долгорукому. На углу следующего квартала — мраморная дива высоко над крышей поднимает приветственно руку. Поравнялись с Пушкиным. Кстати, почему памятник слева? Сталин положил руку на плечо шофера, тот замедлил ход.

— Зачем слева?..

Великий не заметил, как произнес эти слова. Но сопровождающий, тот, кому надлежит улавливать сама-лейшие желания Хозяина, уловил. Желание обернулось при-

казом, и вот уже волокут бронзового Пушкина на новое место. Неужто поэт при жизни не избыл от царей унижений?

А Сталин, снедаемый скукой, чего только не придумывал — министерства и ведомственные мундиры, строительство высотных зданий и уничтожение древних памятников, невиданные праздники и новые ереси.

Когда-то Ленин посылал за границу советских работников перенимать опыт хозяйствования. Он рекомендовал собирать литературу немецкую, американскую. «...Нам теперь поучиться у Европы и Америки *самое нужное*», — писал Ленин заместителю наркома РКИ В. А. Аванесову. Это было в сентябре 1922 года.

Ныне такого Ленина вместе с Аванесовым обвинили бы в низкопоклонстве. Дикость? То ли еще будет... За такие слова, как «поучиться у Европы», сотни тысяч поплатились жизнью.

Кампанию борьбы с низкопоклонством возглавил Андрей Жданов. Первыми жертвами стали в августе 1946 года поэтесса Анна Ахматова и писатель Михаил Зощенко. То был сигнал к новой войне против интеллигенции, начиналась она в Ленинграде, колыбели русской культуры. Эта война охватила всю страну, и наибольших побед достигли тогда партсановники.

Можно проследить четкую линию непрерывного качественного роста руководящих кадров. В начальный период сталинщины преобладали примитивные дураки. «Дурак в ход пошел», — говорили в народе. В тридцатые годы Сталин отдавал предпочтение молодым идиотам. После войны, когда тирану действительно скучно стало, на руководящие посты выдвинулись зрелые клинические идиоты. С ними было удобно работать, легко бороться против разума. После искоренения низкопоклонства предстояло разоблачение космополитов. Искореняли художников и поэтов, артистов и режиссеров, изобретателей и педагогов. Ученых тоже искореняли. Облаву на мыслителей возглавил заведующий отделом ЦК Г. Ф. Александров, философ-корчеватель (в сталинских садах и такие гибриды произрастали).

В судьбе физиков П. Л. Капицы и А. А. Иоффе, геолога И. Ф. Григорьева генсек принял личное участие: кого изгнал из основанного им же института, кого уничтожил сразу. Биолог В. В. Парин, назначенный заместителем министра здравоохранения, будучи в командировке в США, поделился с иностранными коллегами последними достиже-

ниями советских ученых в исследовании раковых заболеваний. Совсем скудная информация, сделанная с высочайшего разрешения Молотова. Однако достаточно было Хозяину обронить: «Я этому человеку не доверяю», — как Парина упрятали туда, где человеку постоянно доверяют кирку и лопату.

И еще одну кампанию провел в те скучные годы Сталин — борьбу за российский приоритет. В одно прекрасное утро мир проснулся и узнал, что все на Земле найдено, открыто, изобретено в России. На доказательства не жалели ни бумаги, ни людей. Сталину нужен был приоритет во всем, приоритет любой ценой! Вот куда может завести великодержавная спесь.

Ну а того, кто осмеливался упомянуть, только упомянуть, имя иностранного изобретателя, неукоснительно обвиняли в ереси. Искоренять ее бросилась армия партийных функционеров. Никто, кроме нескольких профессиональных агитаторов, не видел разницы между «низкопоклонством» и «космополитизмом», не понимал, что такое приоритет, они действовали по команде «ату его!». Мало кто без ошибки, на одном вдохе, мог произнести слово «антисемитизм», но эта сталинская кампания давалась легче: живы были еще царские традиции.

Древние жители острова Пасхи возненавидели племя длинноухих. Возненавидев, истребили. Сталин еще в юности возненавидел людей с длинными носами. Всех грузин, поляков, армян, евреев ему истребить не удалось, но он энергично к этому стремился.

При царе устраивали еврейские погромы — натравливали чернь на мелких лавочников. Отец народов не стал мелочиться. В конце 1948 года он учинил погром Еврейского антифашистского комитета. Война давно кончилась, можно было не заигрывать больше с евреями, а заодно со славянами и с разными мусульманскими народами... Сколько тысяч евреев репрессировано в те годы? Статистика насчитала лишь 430 деятелей культуры и искусства. Кто подсчитает погибших рабочих, преподавателей, инженеров, врачей?

В начале 1949 года на автомобильном заводе имени Сталина была «раскрыта» группа евреев-вредителей. Руководил вредителями главный инженер Эдинов. Инженеров, виновных лишь в том, что они родились евреями, присудили к расстрелу. Но на Лубянке последнее время тоже скучно жилось. Кому-то захотелось позабавиться...

...Осужденных вывезли за город, выстроили в ряд на заброшенном пустыре. Вместе с конвоирами на место казни прибыли надежно выдрессированные собаки. «Бегите!» — скомандовал вчерашним специалистам начальник конвоя. И спустил собак. Собаки разорвали инженеров на куски. Эдинов погиб одним из первых. Изувеченный следователями, он не мог бежать... Случилось чудо: один инженер упал в яму и остался невредим. Когда стемнело, он добрался до ближайшей деревни.

Амман Марцеллин писал, что «племя гуннов... превосходит всякую меру дикости». Древний автор наблюдал гуннов в IV веке. Он бы нынешних понаблюдал...

Кампания антисемитизма набирала силу и размах.

Наступил 1952 год. Сколько времени уже Сталин не участвует в заседаниях Президиума ЦК? Председательствовал без него Георгий Маленков. Как-то раз, неожиданно для всех, генсек появился на заседании. Все встали.

— Я пришел с одним внеочередным вопросом, — начал он. — Существует угроза еврейского погрома. Зарегистрировано много случаев хулиганских нападения на заслуженных евреев. Я думаю, товарищи, что наших евреев надо спасти, уберечь. Как вы полагаете, не лучше ли будет переселить их из Москвы и Ленинграда в безопасное место? Имеется список лиц, о которых мы позаботимся в первую очередь.

— Иосиф Виссарионович, — вступил Маленков, — сразу решить этот вопрос мы не сможем. Надо все обдумать, может быть, комиссию создать...

Вождь побледнел, сунул трубку в карман и вышел. Через несколько минут прибежал Поскребышев:

— Что произошло? Товарищ Сталин ушел домой расстроенный...

Списки на выселение евреев из центра составляли под надзором Лазаря Кагановича. Хозяин предложил организовать ходатайство о выселении от имени самих евреев. Ходатайство уже подписали академик Исаак Минц, скрипач Давид Ойстрах... Ну а тем, кому ЦК разрешит остаться в Москве, нашьют на рукава желтые звезды. Так что ли?

Давно ли, на XV съезде партии генсек с деланной грустью заметил, что стали видны «некоторые ростки антисемитизма». Прошло двадцать лет, ростки превратились в дремучий лес...

В царской России существовала «черта оседлости» для

евреев. Сталин решил, как всегда, идти своим, непроторенным путем.

...У Ольги Ивановны Голобородько, участницы партийного подполья на Украине, петлюровцы расстреляли братьев и сестру. Ее тоже посчитали погибшей. Позднее, воздвигнув на месте казни обелиск, на камне высекли и ее имя. В последние годы она работала начальником пенсионного управления Министерства социального обеспечения. Осенью 1952 года Ольга Ивановна случайно услышала в Совмине, что в Биробиджане готовят бараки под евреев, выселяемых из центральных городов.

«Я сидела и думала, что сойду с ума, когда узнала об этом...»

Прошло четыре года. На заседании правительства решался вопрос: где хранить целинный урожай? Амбары построить не успели. Кто-то вспомнил, что в Биробиджане пустуют дома, предназначавшиеся для выселяемых евреев. Послали в Биробиджан специальную комиссию. На месте удалось обнаружить множество барачных бараков, вытянутых в несколько линий до самого горизонта. Барак — покосившиеся стены в одну досочку, со щелями. Дырявая крыша, выбитые окна. Внутри — нары в два этажа. Для еврейского гетто, — то что надо, для хранения зерна помещения были признаны непригодными. О чем комиссия и доложила товарищу Хрущеву.

В ночь с 9 на 10 ноября 1938 года Гитлер устроил кровавую расправу над германскими евреями. Эта акция вошла в историю как «хрустальная ночь». Во время погрома штурмовики били окна в квартирах и магазинах евреев, били посуду, зеркала. «Немцы — в долгу перед еврейским народом», — заявил президент ФРГ 10 ноября 1978 года, в день сороковой годовщины «хрустальной ночи».

Ни один президент СССР — от Калинина до Черненко — ни словом не обмолвился о соотечественниках-евреях, жертвах сталинщины. Жизнь научила советских евреев терпению. Но пришло время честных признаний.

Генералиссимус Сталин ни с кем не желал делить славу Спасителя родины. Среди маршалов особо выделялся Георгий Жуков. Народ чтит его как победителя Гитлера. Для начала Сталин отправил маршала в Одессу, командовать округом. Прошло два года. Жуков явился по вызову Хозяина в Москву. Сталин ходит взад-вперед по ковру, пытит трубкой. Он предлагает маршалу сесть, а сам продолжает мерить

шагами ковер. Наконец подходит к столу, достает из папки лист бумаги, подает Жукову: «На, читай».

Это докладная записка: «Нами установлено, что маршал Г. К. Жуков более пятнадцати лет состоит агентом английской разведки и постоянно информирует враждебную державу об оборонных тайнах Советского Союза». Еще два-три абзаца и — подписи: Л. Берия, В. Абакумов.

Вот что об этом рассказывал сам Жуков:

«...Когда я читал эту писульку, бумага дрожала в моих руках. Я бывал не раз в боях, не гнулся под снарядами... А Сталин все ходит по кабинету. Остановился около меня, положил руку на плечо.

— Я этому не верю. Но видишь сам — здесь две подписи, да машинистка печатала. У меня в аппарате два-три человека читали. Сам понимаешь, оставаться тебе в Москве неудобно. Придется на некоторое время куда-нибудь уехать. Поезжай на Урал командующим округа.

Меня поразило не сам факт ссылки на Урал. Меня удивило и оскорбило другое: неужели Сталин считает меня таким дураком, будто я не понимаю, что такую записку Берия с Абакумовым могли состряпать только по прямому его поручению?»

Выслав Жукова, Сталин пустил слух, будто маршал поживился в Берлине драгоценностями. Приставленный к Миловану Джиласу чин пояснил: «Знаете, товарищ Сталин не терпит аморальности!» А заместитель начальника генштаба А. И. Антонов сообщил югославскому коммунисту, что Жуков скрыл еврейское происхождение своей супруги.

После смерти Сталина вышла книга мемуаров маршала. Жуков воспроизвел сцену в кабинете генсека. Однако эти страницы, как и многие другие, попали в редакционную корзину. «Это не моя книга», — сетовал маршал незадолго до кончины.

Следующим на очереди был Николай Алексеевич Вознесенский. В тридцать пять лет он возглавил Госплан, стал заместителем председателя Совета Министров, через два года вошел в состав Политбюро. Свято веря в великую миссию партии, он приступил к работе над книгой «Политическая экономия коммунизма». Все рухнуло «вдруг», в мартовский день 1949 года. Вознесенского сняли с высоких постов. Он вызвал помощника В. В. Колотова, написал записку Сталину. Вознесенский клятвенно уверял генсека, что был неизменно честен перед партией и предан Вождю народов.

Колотов отнес записку в секретариат Сталина.

Шли месяцы. Хозяин на записку не ответил. Но если бы Сталин от него отвернулся совсем, его бы давно арестовали. Вознесенский верил в справедливость ЦК — так он сказал одному давнему другу. Уже более полугода бывший соратник Вождя работал над новой книгой. Жена и сын видели, как он томился в ожидании худшего.

Телефонный звонок: Сталин приглашал Николая Алексеевича на подмосковную дачу. Вождь обнял опального соратника, посадил вместе с любимцами народа, членами Политбюро.

— Я предлагаю тост за дорогого товарища Вознесенского, нашего ведущего экономиста. Он тот, кто способен прокладывать пути к светлому будущему, планировать дальнейшие победы. Такие люди составляют наш самый ценный капитал, такие люди, как Николай Алексеевич, нужны нашей партии. За здоровье товарища Вознесенского!

Счастливый, сияющий вернулся он домой. Жена обняла, заплакала от радости. Звонок. Нет, это не телефон. За ним пришли. Один оперативник по-хозяйски сел за стол и начал опорожнять ящики. На пол полетели бумаги, записные книжки, ордена... На лице у сотрудника органов — натренированное выражение гадливости. Рядом на столике возле пишущей машинки лежала рукопись «Политическая экономия коммунизма». Сотрудник брал по листку и бросал на пол. Вот ведь как они маскируются, предатели, — о коммунизме пишут. Коммунизм вам не поможет...

Рукопись Вознесенского. Какова ее судьба? Не ведет ли след исчезнувшей монографии пряником к сталинскому опусу «Экономические проблемы социализма в СССР», как предполагает Б. А. Равдин?

На Лубянке Вознесенскому повезло: пытали недолго, потом прикончили.

...Чокаться с завтрашними мертвецами за ночным столом? Это — для гурманов. Сказано: незачем поить ночью птицу, которую утром зарежут. А Сталин поил. И перышки приглаживал, и гривец. Так тема «Тиран забавляется» получила неожиданное продолжение. Под конец он стал большим гурманом. Он наслаждался гибелью ближайших помощников. Этим мелким забавам Вождь предавался в Кунцеве, близ Москвы. Там у него был громадный проигрыватель и любимая пластинка: колоратурное сопрано на фоне собачьего воя и лая. Эта «музыка» доставляла Хозяину заметное наслаждение, он смеялся, смеялся, смеялся... Может быть, то был единственный случай, когда Сталин смеялся искренне.

Много пили, много ели, особенно Сам. В ночные часы обильных возлияний и чревоугодия Властитель казался убоготворенным и оживленным.

Лаврентий Берия с присущим ему жирным цинизмом забавлял Хозяина сексуальными гнусностями. Сталин зло высмеивал старчески немощного, пугливого Михаила Калинина и вслед за этим провозглашал тост за «нашего президента».

Миловану Джиласу, которому довелось несколько раз присутствовать на кунцевских сатурналиях, запомнились рассуждения Сталина — в духе откровенного панславизма. Однажды Сталин воскликнул: «Война скоро кончится, через пятнадцать — двадцать лет мы оправимся, а затем — снова!» Воспевание союза славян, выпады против евреев — все как в добрые царские времена. Только уродливее, грубее.

И — тосты в память «нашего учителя Ленина!»

И — спившийся Саша Поскребышев...

И — мокрые штаны Анастаса Микояна, которому соратники подложили на стул помидор...

И — разговоры о государственных делах, интриги, заговоры против Димитрова и Тито...

И — над всеми, над всем — он, Хозяин.

Не для того ли Сталин устраивал ночные оргии, чтобы утвердить свой статус Хозяина и вне кремлевского кабинета? Здесь, в Кунцеве, под хмельком (попробуй не пить!..) раскрывалось истинное лицо каждого. Подручные генсека получали приглашение — далеко не все, далеко не всегда — и ехали к нему (попробуй пренебречь, сказаться больным!).

...Вот Хозяину захотелось посмотреть какой-то кинофильм — а вкус его не поднимался выше пристрастий уличных мальчишек — посмотреть второй, третий раз, и все терпеливо отбывали эту киноповинность. Вместе с генсеком смеялись, вслед за ним бранили отрицательных киногероев — в нужном месте. Так Сталин еще и еще раз показывал свою абсолютную власть над ними, еще раз испытывал минивождей на покорность.

...Как скрыть взаимную ненависть друг к другу, как спрятать страх за собственную жизнь? Они прошли под Сталиным суровую школу, годы мучительной тренировки. Выжили самые крепкие. Самые выносливые.

На трассе, ведущей к даче, и в ее окрестностях круглые сутки, в три смены, дежурила армия телохранителей, по 1200 агентов в смену. Кого он боялся? Последние годы Сталин жил как одинокий волк в овчарне после резни. Забредет

какая отставшая овца — р-р-раз! И нет ее. Разве это жизнь?.. Взвоешь от тоски. Но выть генсеку не пристало. Натура деятельная, он пустился на розыски овец.

Заслуженный разведчик Зусманович рассказывал, как его принуждали давать показания о предательстве маршала Малиновского. Зусманович отказался клеветать. Упорствующему чекисту сообщили, что его показаний ждет товарищ Берия. Намекнули на особую заинтересованность Хозяина. От Зусмановича требовали также «материал» на Н. Хрущева.

Заботясь о высшем эшелоне власти, Сталин взял командование личной охраной правительства под свою твердую руку. Его недоверчивость, подозрительность к концу жизни усилились. Большой Папа уже не доверял Папе Малому. Возвысив Берия, Сталин фактически лишил его непосредственного руководства тайной полицией. Хозяин постоянно тасовал лубянскую колоду карт. Вот и Абакумов, такой исполнительный, обворожительно-тупой, ему надоел. Хозяин подыскал ему замену в аппарате ЦК, и в 1951 году органы получили нового шефа, С. Д. Игнатьева.

Подросло, изменилось любимое детище Сталина — Лубянка. Давно покончено с традициями идеалиста Дзержинского. И с носителями традиций. Никого не осталось. Кабинеты заполнили новобранцы. Свежие начальники привезли из деревень земляков, приятелей детства. Сменив деревенскую рубаху на полковничий мундир, с личной автомашиной в придачу, что он понимал в политике, такой «следователь»? Да попади ему в руки сам Пушкин, разве он пожалеет поэта?

Работы после войны прибавилось. А в сорок седьмом возникла угроза перегрузки: кончался срок заключения «врагов народа» набора тридцать седьмого года. Один из уцелевших, старый большевик Рубек Катанян, получив после десяти лет лагерей разрешение поселиться под Москвой, обратился с письмом к генсеку, к товарищу по партии. Со Сталиным ему довелось сидеть вместе при царе. Катанян писал Вождю, что отсидел срок, не будучи ни в чем виноват. Что он остался верен партии и готов ей служить, как и прежде.

Генсек вызвал Молотова.

— Что это такое? Кто допустил?

...Канцелярия подготовила соответствующую бумагу, старый большевик Шверник, в роли президента, подписал указ. Отныне все отбывшие срок наказания могли не утруждать себя поездкой в центр: их оставляли на вечное поселение при лагерях. Так Хозяин спас Лубянку от излишних хлопот.

И правильно поступил: нельзя отвлекать лубянский департамент от новых врагов ради старых.

Скучно стало не только Вождю. Заскучали без серьезного дела лубянские костоломы. Война — какая приятная неожиданность! — идет к благополучному концу. Народ покорен, партия и народ едины, давно уж нет никаких оппозиций и новые не придумываются...

«Молодежная террористическая организация» была создана Лубянкой в 1944 году из сыновей загубленных Сталиным большевиков и их друзей, знакомых. Владимир Сулимов, его жена Елена Бубнова, дочь бывшего наркома, Юрий Михайлов... — всего четырнадцать человек.

Владимир Сулимов, сын расстрелянного старого большевика, председателя Совнаркома РСФСР, вернулся с фронта инвалидом. Трое других подали заявления об отправке на фронт. Они учились (кино, медицина, физика, математика...) и работали. Михайлов тоже вернулся с фронта. Они собирались иногда на вечеринки, беседовали.

НКГБ не мог упустить из поля зрения такую компанию. Следствие курировал следственный отдел по особо важным делам НКГБ, но дело вело Мособлуправление: допрашивали следователи Малой Лубянки, просматривали протоколы «наверху»...

В 1944 году все, даже дети, знали, что на Лубянке лучше «признаваться»: в лагере хуже не будет, а расстреливали в тюрьме не всех...

Осенью 1943 года мне предъявили обвинение в терроре и антисоветской агитации по статье 58, пункты 8 и 10. Через несколько месяцев следствию стало ясно, что террор (пункт 8) полуслепому не «приклеишь», этот пункт отпал, и меня пустили на ОСО с пунктом 10.

С группой Сулимова получилось наоборот. Попав в следственные тиски, молодые люди взяли на себя некие политические анекдоты, и дело поплыло в сравнительно благополучном фарватере тривиальной антисоветской агитации, то есть подпадало под пункт 10 статьи 58. Однако в последний момент следствие свернуло в сторону, и молодым людям предъявили обвинение в террористической деятельности. Одна из обвиняемых, Нина Ермакова, жила на Арбате, а по этой улице изволит следовать в машине Хозяин... Итак, покушение на жизнь самого Вождя, дорогого Иосифа Виссарионовича. За дело взялись заплечных дел мастера высшего ранга с Большой Лубянки. Дело курирует начальник следственной части комиссар госбезопасности Влодзимирский, допраши-

вают Родос, Райцес. В бригаду костоломов вошли также Букуров, Рассыпинский, Макаров, Шварцман и другие функционеры генеральских рангов — тогда майоры и старшие майоры госбезопасности.

Имена палачей нельзя забывать.

Но я уже забыл фамилию своего первого следователя 1943 года. Помню майора Касаева да полковника Бененсона из начальства. Помню первый допрос в ночь на 9 августа 1943 года в кабинете комиссара С. Р. Мильштейна. Его казнили вслед за Берия. А остальные? Неужели они благоденствуют и поныне?..

Сценарий покушения на жизнь Сталина следователи сочинили оперативно, нимало не заботясь о фактах, обстоятельствах, свидетелях и прочем «антураже». Каждому из группы отвели определенную роль: изучение маршрута авто Вождя, изготовление «бомбы», расчет траектории ее полета, идеологическая подготовка и прочее...

Средства добывания «признаний» обычные, фирменные: ругань, резиновые дубинки, угрозы арестантам и их близким. Широко практиковались очные ставки: один запуганный подследственный показывает, в присутствии следователя, на другого, еще более запуганного, что тот готовил покушение. Требовать предъявления улик, фактов? Тогда уж заодно надо было просить в местном Лубянки путевку в санаторий на Южный берег Крыма...

Очные ставки предварительно репетировали, как в профессиональной театральной труппе. Арестантам демонстрировали полное пренебрежение законами: функционер на глазах подследственного рвал неудобные листы допроса, добавлял от себя целые фразы «признаний», заставлял заучивать сочиненные им же «признания». Всемогущество Лубянки и ничтожность обвиняемого. А между этими полюсами, на ниточке, готовая вот-вот оборваться жизнь...

«Раз вы здесь, вы виновны, и чем раньше вы это поймете, тем лучше будет для вашей шкуры», — разъяснял Влодзимирский. То же самое говорил мне мой следователь. Эти слова слышали поколения «врагов народа», попавших на Лубянку. Вслед за следователями те же слова нашептывали в уши истерзанных арестантов камерные «наседки», подосланные начальством.

Система...

Следствие шло к искомому концу, сын Сулимова уже признал, что покушение на жизнь Сталина должны были совершить из окна квартиры Нины Ермаковой. На одном из по-

следних допросов следователь Райцес спросил Левина, как расположены окна квартиры Ермаковой. Оказалось, окна выходили во двор. Следователь случайно наткнулся на эту несуразность: факты его интересовали менее всего.

Дело пошло через ОСО уже во второй категории.

Членов «МТО» реабилитировали в 1956 году, троих — по-смертно. В числе погибших был Владимир Сулимов, сын старого большевика.

Процесс оказался «липой», но объявить об этом у новой власти духа не хватило...

Дело «Молодежной террористической организации» послужило эталоном. В 1948 году гебисты пытались создать групповое «дело» в Харьковском университете. Если бы не находчивость, если бы не отважное поведение ректора И. Н. Буланкина, не миновать бы дюжине студентов, любителей стихов, тюремной доли.

Но Хозяин пробавлялся не одними молодыми людьми. По его указке взяли в работу ветеранов ВЛКСМ, комсомольцев двадцатых годов. То были инициативные ребята. В биографии каждого можно было при желании отыскать случай, когда юноша поднял руку не за «ту» резолюцию или вовсе воздержался от голосования...

Заслуженных комсомольцев незамедлительно пропустили через конвейер.

Мобилизуя внутренние резервы, органы обратили внимание на толстовцев. При царе философские сочинения Льва Толстого замалчивали. При Сталине настал прогресс. Последователей учения Толстого уничтожали целыми деревнями. Крестьяне исповедывали непротивление злу, они отказывались брать в руки оружие. Их обвиняли в подготовке вооруженного восстания. И убивали. Так было в тридцатые годы, в сороковые. И в пятидесятые.

После войны борьба вокруг кресла генсека разгорелась с новой силой. Группа Маленков — Берия решила покончить с притязаниями Жданова на престол. Это был опасный конкурент, не упускавший случая возбудить подозрительность Сталина против самого Маленкова. И он добился удаления главного соперника из Москвы. Но вскоре Маленкову удалось с помощью Берия и Хрущева опорочить Жданова, обвинив его в заговоре против... партии. Оклеветанный, Жданов заболел и скоропостижно скончался 31 августа 1948 года.

На высоких партийных и государственных постах рабо-

тали выдвиженцы Жданова: А. А. Кузнецов, П. С. Попков, М. И. Родионов... Не оставлять же их...

Говорят, пишут о репрессиях тридцать седьмого года, округляя от ужаса глаза, называют тридцатые годы периодом большого террора. Иные справедливо полагают, что год тридцать седьмой начался гораздо раньше. Но сталинский террор не имел начала, он не знал перерывов, и даже смерть тирана его не остановила.

Цветы деспотизма, как и всякие многолетние растения, требуют неустанного ухода. Когда наступала пора полить их кровью, кремлевский садовник сам брал в руки лейку.

...«Ленинградское дело» стоило жизни тысячам партийцев, военных, рабочих. Их обвинили в заговоре с целью предаться в руки английских империалистов. Как «оказалось», руководители замыслили взорвать флот, сдать город немцам и перевести столицу из Москвы в Ленинград.

Ни грана логики, смысла. Как всегда. Необычно другое: новая сталинская провокация не получила огласки в печати. В февральском постановлении ЦК 1949 года Кузнецов, Попков и другие руководители Ленинграда обвиняются в нарушениях государственной дисциплины. ЦК снял их с работы, наложил партийные взыскания. И только Сталин остался верен себе. Все, что последовало, — арест, пытки, убийства — случится без его ведома...

По прямому указанию Абакумова из работников выбивали показания против покойного Андрея Жданова. Кто дал указание Абакумову — догадаться нетрудно. Потом был «суд» в исполнении выездной бригады Ульриха.

В ленинградской мясорубке погибли секретарь ЦК ВКП(б) А. А. Кузнецов, первый секретарь Ленинградского обкома партии П. С. Попков и все секретари райкомов, ректор университета А. А. Вознесенский (брат бывшего председателя Госплана), председатель Совета Министров РСФСР М. И. Родионов. В несколько дней забрали две тысячи военных.

Как только прах Жданова похоронили у Кремлевской стены и уничтожили все следы его руководящего пребывания в Ленинграде, все материалы о девятистах днях немецкой блокады, Сталин распорядился закрыть Музей обороны Ленинграда и арестовать его директора майора Ракова. Наложены запрет на сборник о научных достижениях ленинградских ученых и на сборник о деятелях культуры.

Под колесами тандема Берия — Маленков погибли все сотрудники покойного Жданова. Один лишь Штыков его пережил.

Смерть Жданова встала в исторический ряд таинственных случаев. Эту своеобразную антологию открывает имя бакинского рабочего Жаринова. Он был одним из первых, кто не побоялся предать огласке бандитское прошлое товарища Кобы. Вскоре же свершилось покушение на жизнь смелого рабочего. Дело о покушении рассматривал партийный суд под председательством большевика И. Э. Гуковского.

При весьма сомнительных обстоятельствах ушли из жизни: Ногин (1924), Котовский (1925), Фрунзе (1925), Цюрупа (1928), Богданов-Малиновский (1928), Аллилуева (1932), Куйбышев (1935), Барбюс (1935), Горький (1936), Раскольников (1939), Крупская (1939), Ильин-Женевский (1941), Жданов (1948), Димитров (1949), Литвинов (1951)...

Этот краткий мартиролог можно продолжить именами замученных в сталинских тюрьмах. Именами тех, кто покончил с собой.

Для Сталина ленинградская резня имела особый смысл: в декабре 1949 года ему исполнится семьдесят лет. Он хотел сделать себе к юбилею скромный подарок. Юбилейная кампания удалась на славу. Члены Политбюро изощрялись в панегириках, писатели, поэты, художники тысячекратно лепили божественный образ, в детских садах устраивали ритуальные моления. Митинги, собрания, парады захлестнули страну. Еще немного, и массовая истерия вышла бы из повиновения властей. Но доблестные органы пропаганды и еще более доблестные органы безопасности, как всегда, оказались на высоте.

...В Большом театре собрался цвет народа (по крайней мере, так думали собравшиеся в простоте душевной). Четыре часа звучали пышные акафисты в честь юбиляра. Четыре часа лился елей на его поседевшую голову. Когда были сказаны все красивые слова и легкие участников этой мистерии устали от душевных воплей, Вождь поднялся из-за огромного, покрытого красным бархатом стола и направился, нет, не к трибуне, а к выходу...

Если даже сделать поправку на естественный для генсека распад личности (процесс только начался), то и тогда искать мотив этого странного поступка не придется: тирану просто все надоело. Сталину действительно скучно стало...

Никто уже не смел с ним спорить, никто ему не угрожал. Абсолютная власть имеет один недостаток: ее слишком много. Раболепство окружающих тоже приедается. А с возрастом уходят жизненные соки. Вот и аппетит стал ему изменять, и вино не бодрит, как прежде. Все меньше радостей —

некого убивать, некого миловать. Давно забыты споры. Где они, троцкие, бухарины, ларины, зиновьевы, затевавшие многомесячные логомахию? Все политические игры сыграны, все соперники уничтожены, все доступные его жадным рукам земли захвачены.

Ску-у-у-чно!..

Пора бы уж и съезд созвать, тринадцать лет не собирались, не к чему вроде бы... Опять будут славословить, а дела, настоящего дела, нет. Ведь как во время войны работали... Как работали!

...XIX съезд состоялся в октябре 1952 года. Сталин решил не выступать, оставив за собой лишь заключительное слово. Основной доклад сделал Маленков, речь об изменении Устава партии прочитал Хрущев. Нескончаемые овации в честь генсека.

К очередному историческому съезду была приурочена Всесоюзная художественная выставка. Она открылась в Третьяковской галерее. Скульптор Меркуров представил выставочному два бюста: Ленина и Сталина — медные, кованные парадные портреты. Голосование на выставочной комиссии в два тура, на первом туре — открытое. Все сорок семь членов комиссии подняли, естественно, руки. Некоторые даже по две... Второй тур. Голосование тайное. «За» подано только два голоса, остальные бросили черные шары.

Но этот случай, как бы он ни был прискорбен, не мог повлиять на монолитность народа. И примером послужить не мог, ибо остался в тайне. Кучка «безродных космополитов» показала генсеку кукиш в кармане — разве это протест?

...Может быть, все-таки отправить выставком в лагеря? Однако на Лубянке эти дурни, все сорок семь, признаются, что кинули черные шары. И не узнать, кто же те двое, что любят тебя?

Совсем другое дело простой народ. Одно удовольствие читать письма трудящихся. Тут и безмерная любовь, и бескорыстная преданность. И все искренне, от души.

Поступление писем курировал после войны Анастас Микоян. Его контора функционировала круглые сутки. В двух комнатах за большими столами дюжина девушек сортировала корреспонденцию Вождю. Письма поступали в больших бумажных мешках, их высыпали на цветастые подносы. Жалобы на голод и холод, на произвол властей бросали в корзину, верноподданные послания складывали на столе.

Однажды около трех часов утра в комнате появился Ста-

лин. Он поздоровался с девушками, подошел к столу и взял поднос. Кто-то подскочил к генсеку:

— Иосиф Виссарионович, что вы! Мы еще не успели приготовить...

— Вот это и хорошо. Это мне и нужно, — ответил Вождь и скрылся с подносом.

Потом был нагоняй. «Кто посмел скрывать от меня письма трудящихся?! Каждое письмо — это глас народа. Разве вам непонятно? Если еще раз замечу... уволью всех».

Микоян устроил свой нагоняй и пообещал: если хоть одно крамольное письмо попадет на стол Хозяину, то уже лично он, Микоян, позаботится о судьбе виновной.

С того дня мешки с письмами подвергались особой предварительной проверке в специальном подвале и лишь тогда попадали наверх, к девушкам-сортировщицам.

Поток писем не иссякал, не мог иссякнуть — так было запущено с самого начала. Все чаще в письмах трудящихся проявлялась забота о здоровье Вождя. Миллионы сыновей и дочерей Отца и Учителя боялись остаться сиротами. Они просили товарища Сталина жить вечно. Такие письма подручные охотно приносили генсеку. Они тоже боялись перемен. Сталин — это удобно: не надо думать, не надо ничего решать. Сталин — символ стабильности. Кто знает, что принесет им новый хозяин, Маленков или еще кто. А вдруг скипетром генсека завладеет товарищ Берия?..

А Сталин предчувствовал скорый конец. Удвоилась его раздражительность, утроилась жестокость. «Дело кремлевских врачей» возвращает нас к обстоятельствам смерти Жданова. У него развилась стенокардия, к такому мнению пришли кремлевские профессора. На их беду рентгенолог Лидия Тимашук, изучив электрокардиограмму, диагностировала инфаркт. Меж тем Андрей Жданов, никем не предупрежденный, вел себя в санатории неосторожно.

Когда до органов дошло мнение Тимашук, ее принудили написать официальное заявление, опровергающее мнение профессоров. На основании этого документа Лубянка по команде генсека состряпала «дело».

Министром госбезопасности в ту пору был В. С. Абакумов. Когда начальник следственного отдела пришел с материалами по «делу врачей», Абакумов выгнал его из кабинета. ЦК затребовал показания врача Этингера, заключенного в Таганскую тюрьму. Оказалось, он погиб под пытками. Сталин вызвал к себе Абакумова. Из ЦК министр вернулся на

Лубянку уже в качестве арестанта. Он был слишком примитивен для столь высокой должности.

Среди кремлевских врачей было много евреев, значит, делу можно придать определенную политическую окраску. В отличие от «ленинградского дела», эта кампания имела большую прессу в конце 1952 года. Антисемитизм давно получил статус официальной государственной политики. Тут нечего скрывать от народа. Пусть народ знает, на что способны жида. То есть евреи. Пусть в меру сил участвует в искоренении. Вместе с другими арестовали лейб-медика Хозяина профессора-кардиолога Владимира Никитича Виноградова. Сын сельского дьякона, он отличался мирным нравом, коллекционировал старинные иконы, картины. На Лубянке в нем проснулось неожиданное упорство, он отказался подписывать сочинение тюремных драматургов. Следовательно обратился к новому министру. Игнатъев тоже не знал, как быть.

При первом же случае Игнатъев спросил Сталина:

— Что нам делать с Виноградовым?

— Не знаешь, что надо делать? Дай ему связь с «Джойнтом». Он человек слабохарактерный, добрый. Он тебе все подпишет.

Игнатъев осмелился напомнить Хозяину, что Виноградов, некоторым образом, русский...

— Хорошо. Тогда дай ему английский шпионаж. Англия покровительствует «Джойнту» — все сходится.

— Но он ничего не подписывает, требует довести до вашего сведения, что он ни в чем не виноват.

— Не виноват, не виноват, — повторил с раздражением Сталин. — Мы не можем прощать шпионов иностранных разведок! Только бить его не надо. Надень ему на ноги кандалы потяжелее, и он все подпишет. Я его хорошо знаю.

Виноградов подписал все, о чем просили, и, лежа на тюремной койке, стал почитать Дюма.

После смерти Сталина врачей выпустили.

В широко разрекламированном «деле врачей» Сталин видел надежный способ развязать антисемитскую истерию, а значит, отвлечь подданных своей империи от иных социальных забот. А честные люди, умные люди — так и не удалось всех извести! — будут молчать: три десятилетия страха чего-нибудь да стоят!

Наследники Сталина, очарованные строгой простотой замысла и абсолютной дешевизной его реализации, умело продолжили гениальное начинание.

Драконово семя дало обильные плоды.

На XIX съезде взамен Политбюро и Оргбюро был образован Президиум ЦК в составе 36 человек (25 членов и 11 кандидатов). В таком рыхлом верховном органе исчезновение нескольких голов прошло бы незаметно для публики. Генсек решил, что пора расстаться с Молотовым, Микояном, Ворошиловым, Берия. На последнем Пленуме ЦК Сталин назвал Молотова и Микояна агентами американского империализма. «Свидетельские показания» о шпионской деятельности подручных Хозяин начал собирать давно, до войны. Их вытягивали из крупных разведчиков, из работников Внешторга и МИДа.

Незадолго до кончины генсека Берия признался Микояну, что со страхом ожидает ареста со дня на день. «Он нас всех прикончит...»

Еще немного, и полетели бы головы заслуженных подручных...

Поговаривали, будто Учитель захлебнулся кровью своих учеников. Полноте! Это шекспировской леди Макбет да пушкинскому Борису Годунову кровавые мальчики мерещились. Сталин избавился от всяческих угрызений совести еще в юные годы.

...Восьмой десяток пошел Властителю. Пора бы насытиться страданиями других. Жажда власти — неужто и она не утолена? Нет, все так же, как двадцать лет назад, ревнивым взором окидывает он ряды приближенных: не вылезет ли кто из строя покорных, не светится ли умом чей-нибудь лоб?..

Они должны сойти в могилу вместе со мной. А еще лучше — до меня. По заповеди блатарей: «Сдохни ты сегодня, а я — завтра».

1953

Самоубийство Гитлера, сожжение трупа и установление личности фюрера — факты достаточно известные. Однако Сталин усомнился в данных экспертизы. Он распорядился доставить в Москву челюсти покойного, и здесь было проведено повторное исследование, которое подтвердило выводы первой комиссии.

...Муссолини казнен как разбойник с большой дороги. На Гитлера позорный конец итальянского партнера действовал удручающе. Это ускорило его решение покончить с собой. Тело Гитлера, подобно кукле, завернули в ковер, облили керосином, сожгли в яме...

Сталин искренне считал, что великий диктатор имеет право на величественную смерть. А петля, ковер... Что подумают люди? Нет, за своих подданных генсек спокоен. Хотя, как знать, что с ним сделали бы в конце сорок первого в случае поражения...

Все чаще задумывался Вождь о близком конце. Однажды, беседуя с патриархом Алексием, Сталин спросил:

— Как церковь относится к бессмертию души?

— Душа бессмертна, — ответил пастырь.

— А как церковь относится к телесному бессмертию? — продолжал любознательный Правитель.

— Телесного бессмертия церковь не признает.

— Это очень печально...

На вопрос сокамерника по Лубянской тюрьме: «Чем все это кончится?» — герой гражданской войны В. А. Трифонов ответил: «Судьба Сталина — это судьба Павла I. Войдут два здоровых гвардейца и придушат». Но двух гвардейцев в России тогда не нашлось...

В 1938 году старый чекист А. Х. Артузов перед гибелью написал кровью на стене тюремной камеры: «Честный человек должен убить Сталина».

Не нашлось на него и честного человека. Ни одного не нашлось...

Сын Троцкого, Лев Седов, тоже взывал к совести современников: «Не следует смущаться в выборе тактики и методов, необходимых для борьбы с Джугашвили. Тиран заслуживает того, чтобы быть сраженным, как тиран».

Сталин убил Седова, убил в Париже его малолетнего сына. Он уничтожал не только заслуженных чекистов.

Двести лет назад автор проекта Декларации независимости США Томас Джефферсон сказал: «Дерево свободы время от времени необходимо поливать кровью патриотов и тиранов».

Бывает, дерево свободы чахнет, чахнет и погибает. То ли от того, что его так и не полили ни разу, то ли народ забыл свое дерево, забыл, что оно растет для него... А бывает, тиран срубит дерево, когда оно еще не окрепло и растет без присмотра.

Сталин умер в постели. Если бы не болезни, он мог бы еще жить и жить. И править на радость и счастье человечества. Так думали все или почти все, оплакивая кончину Вождя.

Он прожил немало — семьдесят три года. Прожил? В обычном понимании он не жил вовсе, ибо не любил жизнь.

Сея вокруг себя страх и смерть, он сам, как последний трус, боялся лишь утраты жизни. Ведь и червь слепой уползает от смерти...

4 марта в правительственном бюллетене можно было прочитать: «Анализ мочи в пределах нормы». У Божества тоже есть моча?.. 4 марта 1953 года кончился культ личности Сталина. Хотя мало кто это заметил. Газеты печатали лживые бюллетени о состоянии здоровья усопшего Вождя...

Чем-то его кончина напоминает смерть Ивана Грозного в марте 1584 года. Князя Мстиславский и Шуйский, бояре Романов и Бельский — их царь назначил опекунами старшего сына Федора — распустили слух о возможном выздоровлении царя...

Кончину императора Николая I в феврале 1855 года сопровождали несуразные медицинские бюллетени.

Туман над обстоятельствами смерти Иосифа Сталина рассеивается лишь в наши дни, спустя десятилетия.

В последнее время Хозяин отстранил многолетних преданных помощников — Молотова, Ворошилова, Микояна, Кагановича и приблизил к себе Берия и Маленкова вместе с Хрущевым и Булганиным. Эта четверка посещала Вождя на Ближней даче в Кунцеве. Ошибаются те, кто полагает, будто все четверо действовали заодно. Их раздирали противоречия и взаимное молчаливое недоверие. Берия с Маленковым в той ситуации явно превосходили силой характера другую пару и отодвинули ее на второй план. Хрущева с Булганиным Сталин взял в свой политический театр на роли простаков. Это выглядело вполне естественно, так же как назначение на амплуа резонера Маленкова. Берия попал на свою роль злодея еще в двадцатые годы. Однако он обладал могучим сценическим темпераментом и не всегда вписывался в отведенные ему режиссером рамки. В историю дворцовых интриг Берия с Маленковым вписались неразлучной парой. Их близость зафиксирована на множестве фотографий и в кино. В действительности Берия, сделав своего партнера главным козырем в борьбе за власть, не выпускал его ни на минуту из цепких рук. Сталин ревниво следил за маневрами могущественных фаворитов. Никто в его окружении в послевоенную пору не смел открыто, на его глазах демонстрировать столь явную близость. О чем они там сговариваются?..

Часто спрашивают: неужто на Сталина не было ни одного покушения? Да, ни одного. На жизнь Гитлера заговорщики покушались четырежды, на жизнь кремлевского фюрера — ни разу. Да их и не было у нас, заговорщиков, ибо уже к началу

тридцатых годов с именем Сталина связывали все победы социалистического строительства. И разгром «троцкизма». И укрепление единства партийных рядов. И подъем мирового коммунистического движения. В спорах, затеваемых оппозицией, в ее планах никогда не заходила речь о физическом устранении Сталина. Позднее, став признанным Вождем, вознесенный над простыми смертными, Сталин окружил себя подручными особой породы. В результате тщательной селекции он избавился от всех, кто был способен самостоятельно мыслить и решительно действовать.

И еще один фактор, гарантировавший безопасность диктатора,— образцовая, глубоко и широко эшелонированная система охраны. В этом смысле Кремль представлял собой военную крепость, непроницаемую для злоумышленников. Что касается квартиры Сталина, то охранялась она с особым тщанием. Так же как подмосковные дачи — Ближняя и Дальняя. В распоряжении Николая Власика находились целые дивизии внутренних войск, оснащенные современной военной техникой. Эти подразделения обеспечивали покой Вождя в поездках по городу и на южные дачи. И везде — специальные технические средства, подкрепленные жестким двойным контролем и детально разработанным регламентом посещений, выездов, прибытия на место.

...Из Спасских ворот Кремля выезжает легковая машина, за ней — массивные, с черным отблеском, «зилы»: первая, вторая, третья. В одной из них, вместе с телохранителями,— Вождь. Замыкают колонну машины рядовой марки. Они мчатся по внезапно опустевшей улице, а из двора Большого театра выезжают специальные скоростные машины — второй эшелон личной охраны генсека. Дублеры подстраховывают основных, контролируют, вызывая неприязнь и даже ненависть коллег. Именно этот эффект запланировал Сталин, конструируя механизм своей охраны. Метод, давно испытанный им в Политбюро, где он постоянно провоцировал антагонизм в среде подручных.

Разделяй и властвуй!

Однако многоярусная охрана не спасала от другой опасности — отравления. Как свидетельствует Светлана Аллилуева, все продукты на кухню, а также хлеб, фрукты, вино доставляли в особых пакетах с приложением актов, подписанных токсикологами и скрепленных гербовой печатью. Берия предпочитал свою кухню, ему блюда, обильно приправленные травами, доставляли в горшочках с его личной

дачи. Они слишком хорошо знали друг друга, Лаврентий Павлович и Иосиф Виссарионович.

По условиям игры предполагалось существование еще одного способа покушения на жизнь небожителя — отравление воздуха, которым он дышал на своей кремлевской квартире. Поэтому там периодически брали пробы воздуха на предмет обнаружения диверсии.

Нелегкая жизнь...

Подробное описание системы охраны генсека, его бронированных автомобилей и специальных поездов, мощных подразделений внутренних войск и отрядов сыщиков, заняло бы объемистую монографию. Отметим лишь одно важное обстоятельство: формально занимавший пост заместителя председателя Совета Министров СССР Лаврентий Берия не только продолжал курировать органы кары и сыска, но и держал в руках нити — пусть не все — управления личной охраны диктатора и малых вождей. Нет, довериться ему Сталин никак не мог и потому держал под своим личным контролем и дачного коменданта, и коменданта своего Большого театра, и коменданта своего же МХАТа... А Берия норовил продвинуть своих агентов в службу сталинских дач, ему удалось завербовать кое-кого из особо доверенных охранников. Противоборство Папы Большого и Папы Малого на этом поле длилось не один год уже с переменным успехом... Жизнь подручных тоже была нелегкой. Отходя ко сну после государственных трудов, они гадали каждую ночь: «Чья возьмет?»

Была в системе сталинской диктатуры цитадель, недоступная даже Берия, — личная канцелярия Вождя. Создавая ее в двадцатые годы, молодой тогда еще по стажу генсек позаботился и об особом секторе, который вскоре стал функционировать как орган, не подвластный ни ЦК, ни Политбюро. Зато этому сектору были подвластны помимо иных сфер все звенья охраны Кремля и обслуживания вождей. Во главе этого закулисного механизма Сталин поставил преданнейшего Александра Поскребышева. Сей опытный функционер стал, подобно Николаю Власику, незаменимым помощником Хозяина в постоянно меняющейся кремлевской иерархии. Сталин присвоил Поскребышеву звание генерал-майора и называл его в последнее время не иначе как «Главным». Тем самым генсек давал понять министрам и кое-кому из членов Политбюро, что интересующие их вопросы следует предварительно согласовывать с товарищем Поскребышевым. Такая практика вызывала раздражение не одного лишь Лаврентия Берия.

Он сумел сохранить за собой контроль над медицинским обслуживанием членов ЦК и правительства. Бдительное око Берия чувствовали на себе все личные врачи Сталина и его подручных. Но когда их 2 марта вызвали на Ближнюю дачу, среди докторов не оказалось ни одного постоянно пользовавшегося Вождя.

Кто, кроме Берия, мог отстранить личных врачей Сталина и сместить начальника 4-го управления при Министерстве здравоохранения СССР?

За две недели до этих событий был арестован генерал Власик. Его обвинили в присвоении крупных сумм казенных денег. Соответствующие данные были в подходящий момент представлены Хозяину.

Следующим был Поскребышев. Ему инкриминировали утечку государственных тайн. Все обошлось без ареста и пыток, однако в критические дни Сталин был лишен его поддержки. Тогда же внезапная смерть сразила заместителя коменданта Кремля П. Е. Косынкина. Генералу едва исполнилось пятьдесят лет. Кому-то он помешал...

Так рухнули стены казавшейся незыблемой крепости, и, когда у Сталина произошел инсульт, спасти его могло лишь чудо. Обожествленный при жизни Вождь в чудеса не верил. Не верил в них и тот, кто решил его устранить.

Можно подумать, что Берия в той ситуации проявил необыкновенное мужество. В самом деле, вступив в единоборство с тираном, он каждый час, каждую минуту рисковал жизнью. Сколько уже подручных, верных, преданных, отправил Сталин на плаху без видимой причины, следуя порой злему капризу. Решительность Берия легко объяснима. Летом 1938 года, незадолго до назначения Берия заместителем наркома внутренних дел, Сталин приказал подготовить ордер на его арест. Кто-то (с чьего соизволения?) предупредил секретаря ЦК Компартии Грузии, и тот поспешил в Москву объясняться. Устраивая эту маленькую, достаточно прозрачную провокацию, Хозяин дал понять своему новому фавориту, что жизнью и смертью подданных по-прежнему будет распоряжаться Он один.

Прошли годы. Берия обрел огромную власть, он стал слишком опасен, и под узким лбом стареющего Диктатора зреет план устранения соперника. Он инспирирует «мингрельское дело», затем «дело кремлевских врачей». Во главе органов госбезопасности ставит С. Д. Игнатьева, выдвинутого на этот пост партаппаратом. Поводы для ареста Берия налицо. Исполнитель, мог считать генсек, наготове.

Но не только чувство обреченности толкало Берия на крайние меры. Его всегда, с первых ступеней политической карьеры, манила власть. Ради нее он совершил столько злодейств в Закавказье, потом в Москве, что мог по праву составить здоровую конкуренцию самому Сталину. Приведем характерный разговор Никиты Хрущева, незадолго до смерти Вождя, с Булганиным, с которым он был более откровенен, чем с другими:

— Ты знаешь, какая ситуация сложится, если Сталин умрет? Ты знаешь, какой пост хочет занять Берия?

— Какой?

— Он хочет стать министром госбезопасности. Если он им станет, то это — начало конца для всех нас... Что бы ни случилось, мы абсолютно не должны допускать этого.

Этот фрагмент лишний раз свидетельствует о том, что партнеры Берия не подозревали о его готовности умертвить Хозяина. Дальнейшие события стоят подробного рассказа.

Вечер 28 февраля четверо особо приближенных провели со Сталиным за обеденным столом на даче. Хозяин изрядно выпил и проводил гостей после полуночи, будучи, как запомнилось Хрущеву, в хорошем настроении. 1 марта вечером их вызвали срочно на дачу. Сталин потерял сознание, упал с кровати, лишился речи. Однако четверка не осталась у больного. Все уехали, не вызвав даже врача.

Почему?

Ответ на этот естественный вопрос дает многолетний охранник Вождя А. Т. Рыбин. Когда дежурный офицер с тревогой сообщил Берия, что товарищу Сталину стало совсем плохо и он хрипит, Лаврентий Павлович резко оборвал его: «Не поднимайте паники, он просто заснул и храпит во сне». Кто-то, узнав о критическом состоянии Сталина, позвонил на дачу по телефону, предложил врачебную помощь. Берия, грубо обругав звонившего, сказал, что никто в помощи не нуждается.

Более тринадцати часов на вызывали врачей к пораженному инсультом больному.

И еще одна улика — свидетельство профессора А. Л. Мясникова. Вызванные с большим, точно рассчитанным опозданием врачи заметили на губах умирающего следы кровавой рвоты — явный признак отравления.

Злоумышленнику надо было отвести от себя всякие подозрения, и в «Известиях» через день после смерти Вождя появляется такое сообщение: «Результаты патолого-анатомического исследования полностью подтвердили диагноз... уста-

новили необратимый характер болезни И. В. Сталина с момента возникновения кровоизлияния в мозг. Поэтому принятые энергичные меры лечения не могли дать положительный результат и предотвратить роковой исход».

Картину преступления довершает то, что происходило после кончины Сталина на его даче. Всех офицеров охраны Берия разогнал на второй день. Что касается обслуги, то «совершенно растерянные, ничего не понимавшие люди собрали вещи, книги, посуду, мебель, грузили со слезами все на грузовики — все куда-то увозилось, на какие-то склады. Подобных складов у МГБ — КГБ было немало в свое время. Людей, прослуживших здесь по десять — пятнадцать лет не за страх, а за совесть, вышвыривали на улицу».

Пришлось новому министру госбезопасности — этот вожделенный пост Берия занял сразу же — позаботиться об остальных свидетелях. Некоторых руководителей здравоохранения он снял, некоторых специалистов репрессировал.

...Гроб с телом Сталина выставили в Колонном зале. Там, где проходил инспирированный им в 1938 году процесс над соратниками Ленина.

Плакать над гробом начали по старшинству: Молотов, Берия, Маленков... Здесь же Вася-генерал. По случаю кончины родителя он почти трезв.

Это были грандиозные похороны. Набальзамированный генсек в мундире генералиссимуса. Ордена, ордена, ордена. Венки, венки, венки. И тысячи любопытных, задавленных насмерть на подступах к залу, — все в лучших традициях эпохи.

Потом — Красная площадь, траурные речи. Гроб подхватили Молотов, Каганович, Берия, Маленков... — по старшинству, по старшинству — и понесли в Мавзолей.

...Кто принес тебя? Кто принес тебя сюда? Кто принес тебя сюда, уголовника? Кто принес тебя сюда, уголовника, на Красную площадь и положил рядом с Лениным?

Твои соратники. Твои преступные соратнички.

Они любовно называли его Хозяином. Редкостный хозяин достался России. За какое бы дело он ни принимался, ставил телегу впереди лошади. Так было при коллективизации. И при индустриализации. Так случилось с его «социализмом». Страна с трудом начала выбираться из глубокого кризиса, вызванного его неумелым руководством, а Сталин уже объявил о победе социализма в «одной, отдельно взятой стране».

За три десятилетия генсек не сказал ни одного умного

слова, не совершил ни одного доброго поступка. Он дал предметный урок всем деспотам — нынешним и грядущим, — как можно управлять людьми, не имея сердца, не имея головы.

Но подручные объявили его гением. Это они задали тон всенародной скорби. Растерянные лица, слезы на глазах, стелания... «Как же мы теперь без тебя, Отец, родной?..»

...Детский сад. Один из многих московских детсадыков. Выстроили малышей на линейке: «Сталин умер. Плачьте, дети. Родной отец умер». Все заплакали, кроме одного мальчика. Он засмеялся — назло воспитательнице. К святотатцу применили весь комплекс наказаний: нахлестали задницу и поставили в угол.

...Воркута. На руднике стоял небольшой памятник Сталину. Ночью на гипсовые плечи Вождя надели замызганную телогрейку, на голову напялили промасленную фуражку. В центре города, у здания управления, висел еще один Сталин. Ему отбили голову и откатили ее в канаву.

Смерть тирана породила у заключенных надежды на облегчение участи и даже на свободу. В августе на шахте «Капитальная» начались «беспорядки». Забастовали шахты 2-го управления, затем строители ТЭЦ на Аяч-Яге и рабочие шахты № 18. Из Москвы прилетели прокурор Р. А. Руденко и заместитель министра внутренних дел генерал Масленников. Обещали каторжанам и обычным заключенным скорые перемены вплоть до пересмотра «дел». А для острастки устроили небольшую экзекуцию на 18-й шахте. Заключенные находились внутри зоны, за тройным проволочным ограждением. Их расстреливали из автоматов и пулеметов.

Мне выпало увидеть эти кровавые поминки по усопшему генсеку.

Трухильо царил 32 года. Похоронили его в Париже. Родственники просили отвести на кладбище 64 квадратных метра земли, им предложили два метра. Сошлись на шести. Роскошный склеп обошелся в 90 миллионов франков. Поезд с награбленным добром диктатора, 31 вагон, отправили из Гавра в Париж, потом за Пиренеи...

В сравнении с Трухильо Сталин был спартанцем: обыкновенная квартира, простые деревянные дачи под Москвой и на юге... Ему хватило двух квадратных метров под Кремлевской стеной.

Его бы чуть раньше туда отнести. Несколько десятков лет назад...

А образ скромного труженика — всего лишь одна из его любимых сценических масок. Вождь позволял себе и девочек,

и чревоугодие, и лень. И — роскошные приемы, дорогостоящие парады. Записной лицедей, он всю жизнь играл роль Человека Без Потребностей. И весьма дорожил этой репутацией.

Попробуем взглянуть на события первых месяцев 1953 года из зрительного зала театра Иосифа Сталина. Это и был, в сущности, натуральный политический театр, со своей сценой, меняющимися актерами и декорациями. И постоянным режиссером.

Итак, последний акт жизни диктатора. Он был разыгран, как мы уже знаем, в конце февраля и начале марта на сцене Ближней дачи. На этот раз Сталин не мог вмешиваться в ход спектакля. Может быть, поэтому в драму смерти вплелись неуместные комедийные мотивы. Вот как это выглядело в описании дочери.

«В большом зале, где лежал отец, толпилась масса народу. Незнакомые врачи, впервые увидевшие больного (академик В. Н. Виноградов, много лет наблюдавший отца, сидел в тюрьме), ужасно суетились вокруг. Ставили пиявки на затылок и шею, снимали кардиограммы, делали рентген легких, медсестра беспрестанно делала какие-то уколы, один из врачей беспрерывно записывал в журнал ход болезни. Все делалось, как надо. Все суетились, спасая жизнь, которую нельзя было уже спасти».

Среди присутствующих выделялись члены Президиума ЦК Маленков, Хрущев, Булганин и более других — Лаврентий Берия. В смертный час Вождя он, возбужденный до крайности, метался по комнатам, отдавая распоряжения охране, прислуге, врачам. На физиономии мелькали маски: то самоуверенного Папы Малого (так его почтительно называли не только в Грузии), то верного, преданного до собачьего визга друга, когда он лобызал влажную руку Хозяина, то охваченного злостью ожидания убийцы.

Умирал Сталин трудно. Правая сторона уже была парализована, он лишился речи, наступило удушье. В последний раз открыл глаза, обвел взглядом окружающих — охранников, знакомых врачей, слишком знакомых соратников и своих детей... Якова нет, старшего он загубил десять лет назад. Младшего, Василия, он тоже не любил, дальше кухни мальчика не пускал. А Светлана здесь. Письма дочери генсек подписывал, ерничая, «твой секретаришка». Но в минуты раздражения уличал ее в антисоветских настроениях, и тогда в его голосе звучали садистские нотки следователя по особо важным делам.

...Он обвел взглядом окружающих и вдруг поднял левую руку в угрожающем жесте, силясь что-то сказать. И сник навсегда.

Занавес.

Нет, остался последний эпизод. Лаврентий Берия, убедившись наконец в столь желанной смерти Бессмертного, не удержался и вышел из образа. Скорбную тишину прорезал его ликующий возглас: «Хрусталев, машину!»

Занавес.

Кончину Хозяина оплакивала вся прислуга — повара, подавальщицы, шоферы, дежурные диспетчеры охраны, садовники...

Читаем у Светланы Аллилуевой:

«Пришла проститься Валентина Васильевна Истомина — Валечка, как ее все звали, — экономка, работавшая у отца на этой даче лет восемнадцать. Она грохнулась на колени возле дивана, упала головой на грудь покойнику и заплакала в голос, как в деревне. Долго она не могла остановиться, и никто не мешал ей... И, как вся прислуга, до последних дней своих она будет убеждена, что не было на свете человека лучше, чем мой отец».

Покойный был так внимателен, так приветлив и добр к ним. И они горевали искренне. А он, он когда искренним был — с ними или со своими подручными? Быть может, с народом?

Нет, Сталин играл со всеми. Он всю жизнь комедию ломал.

5 марта 1953 года в Москве умер великий актер. Подручные Сталина настолько свыклись с его постоянным лицедейством, что некоторые отказывались верить сообщению о смерти. Кончину генсека они восприняли как продолжение игры. Дмитрий Захарович Мануильский, бывший опереточный министр иностранных дел Украины, заявил, что известие о смерти Сталина — провокация.

У Марка Твена двум бродячим актерам лишь дважды удалось провести провинциальную публику. На третий раз их хотели забросать тухлыми яйцами и дохлыми кошками. Мошенникам пришлось бежать.

Сталин мистифицировал своих простаков ежедневно. И они безропотно принимали игру.

Милая сердцу наивная Русь...

Актерская самодеятельность Сталина обошлась стране недешево. Его уникальная способность совершать ошибки

проистекала из великой некомпетентности и еще более великой переоценки собственной персоны.

Ошибаются все — учителя, садоводы, сапожники. Коба не захотел унаследовать профессию отца, он стал управлять государством. «Ошибки», совершенные им, завели страну в тупик.

Повторим уже известные данные и добавим к ним завершающие. В год гражданской войны Сталин в меру сил спешествовал гибели бойцов и офицеров Красной Армии не только под Царицыном и на Западном фронте. Не берусь вычислять долю его вины в потерях от пуль и голода в годы 1918—1922-й и от ранних репрессий периода становления единоличной диктатуры генсека. Зато жертвы повальной коллективизации, раскулачивания и голодного мора — на нем, радетеле. Это 22 миллиона. Прибавим к ним 20 миллионов репрессированных в 1935—1941 годы. Да не забыть загубленных на «линии Маннергейма» дивизий — без малого полмиллиона солдат. Великая Отечественная война стала великой для советского народа. Для генералиссимуса Сталина она была преступной. Обезглавив армию в тридцатые годы, он явился затем непосредственным виновником непомерных — около 30 миллионов — потерь на фронте и в тылу. Остаются репрессии военного времени и послевоенной поры — они унесли еще 9 миллионов.

Подсчеты эти весьма и весьма приблизительны, но в одном я уверен: сталинский режим обескровил народ, уничтожив лучших его сыновей.

Сколько калек и больных, сколько сирот оставил он на этой истерзанной земле, Друг народов!

А как установить число погибших талантов, как сосчитать растленные души? Поколения привито отвращение к труду. Крестьянин, не мысливший жизни без земли, возненавидел землю-кормилицу. И перестал кормить народ. Фабрики, заводы, шахты при Сталине не производили и половины возможного. Драконовы законы не остановили воровства, этого всенародного бедствия, наоборот, — загнали его вглубь. Хищения стали бытом, нормой жизни.

Он вытравил в человеке все человеческое и создал государство полуграждан, спянных ложью, лицемерием, страхом. Деградация общества сопровождала уничтожение личности. Организованный Сталиным политический разбой настолько органично вошел в общественное сознание, что без него ныне нельзя себе представить ушедшую эпоху.

Маркс писал о пауперизации народа при капитализме.

Сталин показал на практике, что Марксово положение применимо именно к формации социалистической. Сталинщина — историческое несчастье, «иссушившее душу народа» (выражение Карла Маркса).

Сталин был, несомненно, мудрым пастырем. Он никогда не делал своему народу так плохо, чтобы нельзя было сделать еще хуже.

Его жизнь — житие громилы. История его правления — история погромов: он начал с уничтожения военных специалистов, потом настала очередь крестьян и священников, инженеров и ученых, евреев и грузин, инакомыслящих... Мыслящих по его, генсека, указке он тоже уничтожал.

Как это в Ветхом завете: «И будет на всей земле, говорит Господь: две части на ней будут истреблены, вымрут, а третья останется на ней».

Масштабы преступлений поражают, их трудно связать с именем одного человека, пусть обожествленного. Словесного эквивалента содеянному не существует. Не потому ли иные социологи расписывают вину Сталина на его помощников, членов правительства, местных руководителей (на них — особенно!), на весь народ.

У Сталина своя вина перед человечеством. Тут ни убавить, ни прибавить. Некоторые мыслители полагают торжество контрреволюции неизбежным, в Сталине они видят продукт системы, носителя социального зла. Истории от этого не легче. И убиенным тоже.

«Террор — это большей частью бесполезные жестокости, — писал Фридрих Энгельс в 1870 году, — совершаемые ради собственного успокоения людьми, которые сами испытывают страх. Я убежден, что вина за господство террора 1793 года падает почти исключительно на перепуганных, выставлявших себя патриотами буржуа, на мелких мещан, напускавших в штаны от сраха, и на шайку прохвостов, обдывавших свои делишки при терроре».

Истекшие сто лет показали, сколь актуальны слова Энгельса. В них — приговор сталинщине. Оговоримся только: жестокости, совершенные Сталиным, нельзя отнести к бесполезным. Этот несравненный мастер утилизации извлек из террора максимум политических выгод. Истребляя миллионы, он добился абсолютного послушания народа.

Тем, кто выжил — в зоне малой или большой, — остался в удел самоотверженный труд на благо Хозяина (это называлось тогда «на благо отчизны»). Экономический эффект деятельности до предела запуганного населения можно было

сравнить разве что с рабским трудом. Однако фантастические убытки и провалы эпохи «социализма» заботили Иосифа-строителя не более чем рабовладельца производительность труда на серебряных рудниках древней Эллады. Главное — политический эффект.

Последствия атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки ужасны. Многие японцы погибли от лучевой болезни пятнадцать — двадцать лет спустя. На свет появились безнадежно больные дети...

О метастазах сталинщины тоже надо говорить в полный голос. Произошло ведь не только духовное, но и физическое выражение многомиллионного народа. Три поколения страдали в атмосфере страха и тотальной лжи на уровне жизни, недостойной человека. «Гомо советикус» стал символом жертвы социалистического эксперимента, жертвы безумного, жестокого кремлевского диктата.

Ну а в самом Кремле, что там изменилось?

В результате упорной, многолетней работы Сталину, этому поистине выдающемуся селекционеру, удалось вывести породу великолепных кретимов. Они образовали вокруг трона Вождя непроницаемую ограду, через которую не пробиться было ни одному мыслящему, ни одному честному существу. Но генсек наделил своих недоумков властью, правом управлять. И способностью воспроизводить себе подобных. Последствия этого процесса заявили о себе при наследниках Сталина.

Исповедуя агрессивную безнравственность, он заразил ею подручных. Безнравственность затопила все, она отразилась даже на экономической деятельности.

Сталин оставил в наследство хулиганство как метод государственной политики. Пока его преемники орудовали этим инструментом внутри страны, куда ни шло. Но в общении с другими державами...

Сталин, сам того не ведая, вызвал глубокий кризис марксизма. Против Маркса написаны тысячи книг. Сталин выступал активным пропагандистом учения Карла Маркса, но никто не нанес марксизму такой разящий удар как он.

Ленин однажды заметил, что «ни одно глубокое и могучее народное движение в истории не обходилось без грязной пены, — без присасывающихся к неопытным новаторам авантюристов и жуликов...».

Не слишком ли много пены? И жуликов?

Наши предки говорили: «Мертвые сраму не имут». Нет, имут!

Но нельзя же одними черными красками. Что-то выдающееся Сталин все же свершил? Несомненно. Он поднял технологию деспотизма до уровня искусства. Наподобие драматургов Эллады, он добился идеального взаимодействия хора с ведущим актером.

К концу царствования они достигли истинной гармонии — заживо обожествленный генсек и устоявшееся общество мазохистов. Общество, которое не чувствовало боли в коленках, голода в желудке и отсутствия в воздухе кислорода.

Николай Лесков рассказал печальную историю сорока крепостных крестьян, бежавших из неволи. Исправник вернул беглецов и устроил примерную экзекуцию. «...Секу их при их же собственном великодушном и благосклонном содействии: они друг друга держат за ноги и за руки и сидят друг у друга на головах...»

Этот исправник умел делать обобщения:

«Ах вы, сор славянский! Ах вы, дрянь родная!» Пусть бы кто-нибудь сам-третий проделал такую штуку над сорока французами!.. Черта с два!»

У лесковского исправника была всего-навсего большая казенная пряжка на шинели... Исправник мечтает: «О, если бы у меня был орден! С настоящим орденом я бы один целую Россию выпорол!»

Россия нашла своего Исправника с орденом.

В 1953 году она горько оплакала его смерть, не ведая, от кого избавилась...

Хоронили истину.
Колокольный звон
не нарушил истовый
всенародный сон.

И с амвонов каменных,
разрывая слух,
проклинали пламенно
горькой правды дух —
прожектеры-лекторы,
люди-топоры,
и политпрозекторы,
калькуляторы.

Как в столовке грязненькой
кислых щей навар,
застилал нам глазоньки
лютой лжи угар.

Расстреляли истину.
И почил палач...
Ты слезьми нечистыми
плачь, Россия, плачь!..

Нет, он не тихо отошел в иной мир, Отец Народов. Он громко хлопнул дверью...

РАЗОБЛАЧЕНИЕ?

Когда известие о назначении Георгия Маленкова Председателем Совета Министров, а Клима Ворошилова — президентом дошло до запроволочного Заполярья, простой люд радовался: «Наши пришли!»

И невдомек им было, что эти «наши» не лучше «чужих». Что и на них — кровь и страдания миллионов. Но сталинское иго кончилось, и люди улыбались, откровенно, не таясь, улыбались — впервые за долгие годы...

Вскоре же выпустили на свободу кремлевских врачей. Тех, что уцелели. У Тимашук отобрали орден Ленина — с объявлением в газетах. Вернули из ссылки Жукова. С крестьян сняли часть налогов: первый премьер искал популярности.

На самом верху шла своя игра, неведомая народу. Сразу же после смерти Сталина Президиум ЦК был вновь уменьшен до десяти человек. Хрущев после разделения государственной и партийной власти возглавил фактически Секретариат ЦК — еще до установления должности первого секретаря (сентябрь 1953 г.).

Подручные Сталина готовы ради власти на любое преступление. Самый опасный — Берия. Этот, случись оказия, вырежет партнебожителей до последнего, рука не дрогнет. Но и в этой ситуации не хотели они объединяться. Великими усилиями, хитростью, с риском для жизни, удалось Хрущеву сколотить большинство и свергнуть Лаврентия Берия.

Казнили его в декабре пятьдесят третьего по традиции как английского шпиона. Упомянули о соучастии в сталинских преступлениях. Но всю правду от народа скрыли. «Что люди скажут?..»

Под этим знаком открылся в феврале 1956 года XX партийный съезд. В отчетном докладе Хрущеву не дали разоблачить Сталина как главного виновника и организатора репрессий. М. Суслов возмущался: «Черт побери! Мы же условились не говорить на съезде о Сталине ничего...»

На заседании Президиума ЦК Хрущев взывал к совести

его членов: «Мы должны сказать о преступлениях Сталина на ближайшем же съезде». Но подручные Сталина провалили предложение первого секретаря — рассказать народу правду. Тогда Хрущев обратился к президиуму съезда: «Я считаю, что съезд не может пройти мимо сталинских преступлений. Мы обязаны раскрыть истинное лицо Сталина. На заседании Президиума ЦК меня поддержал лишь один Микоян. Сейчас, когда Центральный Комитет распущен, руководящим органом является президиум съезда. Решайте».

Президиум поручил Хрущеву выступить с докладом. Материал готовили спешно, в дни работы съезда. Молотов, Каганович и компания приняли контрмеры. Они добились перенесения доклада на самый конец, после официального закрытия съезда, после выборов ЦК. Напрасно беспокоились: делегаты все равно избрали бы ЦК в том же составе.

Так было запущено.

Вот, наконец, Никита Хрущев на трибуне. Он зачитывает материалы о терроре конца тридцатых годов. И — ни слова об истреблении крестьян в период так называемой коллективизации. Первый секретарь называет имена соратников Ленина, жертв культа личности, но умалчивает о масштабах террора, об уничтожении партии, как таковой. Никакой конкретной статистики об истреблении десятков миллионов, о безмерных страданиях народа. Ни слова о контрреволюционной сущности сталинщины. Он многое вскрыл. Но еще больше скрыл.

...Услышав о самоубийстве Серго Орджоникидзе, разрыдалась Елена Стасова, кремень-человек, партийный боевик. А встать и призвать к ответственности соучастников убийства Серго духа не хватило.

Не было в живых Сталина, но остальные члены преступной шайки — Молотов, Каганович, Ворошилов, Маленков... — красуются в президиуме. Они не позволили выступить «каторжанам». Так они называли товарищей по партии, отбывших — и чудом уцелевших — по семнадцать и более лет.

Кто посмел бы остановить Стасову?!

Когда Хрущев закончил доклад, председательствующий спросил:

— Какую резолюцию примем по докладу товарища Хрущева?

— Считать доклад в целом резолюцией съезда!

Это предложение было принято единогласно. Но сталинисты сумели обойти решение съезда. Текст выступления

Хрущева, а значит резолюция съезда, в протокол не попал. Доклад будет обнародован лишь 33 года спустя..

Крысы знают крысиные ходы...

Потом в партийных и некоторых общественных организациях зачитали закрытое письмо ЦК «О культе личности и его последствиях».

...Город Майкоп, столица Адыгейской автономной области. Делегаты партконференции перед началом обсуждения письма проверили друг у друга мандаты. Выступил первый секретарь обкома И. С. Чундоков.

— Нет ли у кого вопросов? — спросил председатель.

Вопросов не оказалось. Один старый член партии, А. И. Фисон, внес предложение — исключить Иосифа Сталина из партии посмертно. Снять его имя с учреждений, предприятий, улиц, убрать памятники.

— Может быть, ты снимешь свое предложение? — спросил председатель. — У нас ведь на этот счет нет никаких указаний...

— Нет. Я привык вначале думать, а уж потом говорить, действовать.

Предложение этого товарища делегаты конференции не обсуждали.

Когда он вернулся на свое место, вокруг образовалась пустота: все соседи пересели подальше от смельчака.

После заседания к Фисону подошел начальник местного управления НКВД:

— А смело ты выступил...

На другой день в кабинет Фисона явилась девица из особого сектора обкома и предложила ему изложить свое вчерашнее выступление письменно.

На этом все и закончилось...

В Ленинграде, в Институте живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина перед закрытой дверью закрытого партийного собрания собралась толпа. Люди требовали допустить их к слушанию письма. Получив отказ, они запели «Интернационал», партийный гимн. И беспартийных впустили в зал.

...1908 год. В Центральном комитете партии социалистов-революционеров кризис: Владимир Бурцев обвинил Евно Азефа в предательстве. Но для ЦК Азеф был незаменимым деятелем, стоящим выше всяких подозрений. За Азефа вступились все. После его реабилитации в июле над Бурцевым состоялся суд чести. В нем участвовали известные революционеры — В. Н. Фигнер, Г. А. Лопатин, П. А. Кропоткин. От

партии эсеров — В. М. Чернов, Б. В. Савинков, М. А. Натансон.

Бурцев сослался на свидетельство А. А. Лопухина, бывшего директора департамента полиции. Обратились к нему. Лопухин прибыл в Лондон и разоблачил Азефа как полицейского провокатора. Но Азеф, не дожидаясь результатов «доследования», скрылся.

В декабре ЦК подал в отставку: члены ЦК считали себя ответственными за предательство Азефа.

Перед глазами — более свежий пример. После смерти Сталина в «опекаемых» им странах пробудились надежды на возрождение гласности. В 1954 году в Болгарии публично судили генерала Вылкова и его подручных. В двадцатые — тридцатые годы они истребляли интеллигенцию, перебили почти всех активных коммунистов... Тыячи трупов, задушенных кабелем, ремнями, колючей проволокой. Рассеченные, разбитые черепа... *сопоставимые с Лениным*

Знакомая картина.

Но в Софии судили главных преступников. И демонстрировали народу документальный фильм.

Бывший президент Украины Григорий Петровский пытался утешить Стасову на XX съезде: «Елена Дмитриевна, если бы одного Серго убили, можно было бы передать дело в суд, и все. Но уничтожение много миллионов ни в чем не повинных. В какой суд это передать?..»

В какой суд? В обыкновенный, честный. Посадить всех на одну скамью — Молотова, Кагановича, Ворошилова, Микояна, Маленкова, Поскребышева...

И судить вместе с главарем шайки, Сталиным. Его — по-смертно. Так же как Калинина, Жданова, Ульриха, Мехлиса, Шкирятова, Вышинского...

И пусть никого не смутит количество томов следственного «дела». В Софии набралось двенадцать. В Москве пусть будет сто двадцать. Но — будет!

Подручные Сталина не были против справедливого возмездия. С их согласия в Ленинграде судили Виктора Абакумова, в Тбилиси — Николая Рухадзе, в Баку — сподвижников Берия Джафара Багирова, да кое-кого помельче — в других городах. Но судить членов бессмертного сталинского Политбюро? Какому безумцу могло прийти такое в голову?! Вот же их, соратников Учителя, вновь избрали в ЦК и в Президиум. Партия любит своих вождей. Значит, и народ любит. Ибо партия и народ едины. Это даже детям известно.

...За год до окончания войны я попал с признаками критического истощения в арестантский лазарет. После «выздоровления» меня отконвоировали в зону центрального пошивочного комбината (ЦПК) Печорлага. Здесь работало много заключенных женщин, а баней заведовал могучего сложения парень. Он был глух и нем. Если бы не этот недуг, Николу — так звали банщика — послали бы валить лес.

Никола занимался своей баней, забот хватало. Женщины его не стеснялись, говорили ему, что взбредет в голову, дразнили порой. Он только мычал в ответ. Что с него взять, с глухонемого...

Мне уже доверили шить матрацы. Выпадали дни, когда я даже норму выполнял на машинке. А начинал, как и все, в грязном цехе, где пороли старые солдатские шинели, часто в бурых пятнах крови. Бритвенным лезвием пороли шинели, кроили суконные рукавицы для заключенных, что валили лес и рубили в карьере камень.

Прошло полгода. Однажды узнаю невероятное: завбаней заговорил. Никола не был никогда глухонемым, он просто проиграл голос и слух в карты. Когда воры садятся играть в карты — в очко, в буру или в стос, — бывает, что и на жизнь играют. Разумеется, на чужую жизнь. Никола проиграл речь и слух на три года. Нарушение уговора каралось смертью — воровской закон никому не дано обойти. И вот летом условленный срок кончился. Николу, здоровенного, отъевшегося, на другой же день вывели с бригадой на лесоповал. Не беда! Он теперь может говорить. Как все...

...Подручные Сталина проиграли ему язык и слух. Много лет назад. Смерть генсека, старшего блатного, сняла с них обет молчания. Но они не спешили заговорить. Один Хрущев осмелился. Тогда они схватили его за фалды партийного фрака и что есть силы потащили вспять.

Сталинисты пытались изолировать нового лидера от реабилитированных коммунистов. Клеветали на них, учредили слежку. К чести Никиты Хрущева, когда ему приносили записи «крамольных» разговоров репрессированных Сталиным деятелей, он рвал эти кляузные листки и выгонял доносчиков из кабинета.

С каждым днем усиливалась оппозиция Хрущеву. Заговор молчания оказался неодолим. Может быть, кому-нибудь из небожителей иногда хотелось выразить свое личное мнение по какому-нибудь конкретному вопросу — нельзя же их вовсе

лишать человеческих свойств,— но срабатывал могучий инстинкт самосохранения.

На заседании Президиума ЦК в октябре 1962 года Хрущев поставил вопрос о публикации повести Александра Солженицина «Один день Ивана Денисовича».

— Печатать или не печатать?

Никто не ответил.

Хрущев спросил еще раз, и третий. Молчание.

— Ну что ж,— заключил глава ЦК,— будем решать по пословице: «Молчание — знак согласия».

И повесть опубликовали.

Ко времени открытия XXII съезда оппозиции удалось заблокировать Хрущева. А ведь он успел уже стать диктатором.

В речи на съезде (октябрь 1961 г.) Хрущев коснулся преступлений Сталина. Он намекнул на участие покойного генсека в организации убийства Кирова.

В дни съезда тело Сталина убрали из Мавзолея. Но приверженцы преступного вождя не унимались. Даже Александру Твардовскому, поэту признанному классиком при жизни, не удалось пробить редакционные барьеры со своим «Теркиным на том свете», пока Хрущев лично не распорядился опубликовать поэму в «Известиях».

Те же мытарства ожидали Евгения Евтушенко. Когда ночью 21 октября 1962 года в редакции «Правды» готовили к печати номер с его стихотворением «Наследники Сталина», некие угодники вставили такие вирши:

Он верил в великую цель, не считая,
Что средства должны быть
достойны
великой цели.

Этот зарифмованный канцелярский пассаж стал инородным телом в стихотворении. Но автор был так рад самому факту публикации, что не очень огорчился вмешательству сиятельных цензоров.

Работники аппарата ЦК, выпестованного Сталиным, имели точное представление о раскладке сил. Аппарат деловито разыгрывал сценки решительной поддержки Хрущева, а сам смотрел назад, в светлое прошлое.

В «деле» расстрелянного Г. Л. Шкловского хранилась копия письма основателя государства. (Оно приведено в первой части книги.) Ленин жалуется на непреодолимое сопротивление аппарата ЦК и приходит к выводу, что придется «идти сначала»...

Письмо принесли Хрущеву. Он внимательно прочитал его и попросил сотрудника еще раз прочитать ему этот документ вслух.

— Вот видите, Никита Сергеевич,— заметил сотрудник,— уже в двадцать первом году аппарат зажимал Ленина...

— Да, с такой силой очень трудно бороться...— ответил Хрущев.

Но аппарат ЦК отнюдь не был самодовлеющей силой, он опирался на массу реакционного чиновничества — партийного, военного, государственного. При малейшем дуновении ветра демократии чиновники застегивали мундир на все пуговицы. Гласность, свобода слова — эти буржуазные штучки не для нашего народа, руководяще полагал чиновник. Начнут с критики покойного Вождя, а кончат — страшно подумать! — критикой системы...

Е. Г. Ширвиндт, автор книги о советском исправительно-трудовом праве, с возмущением рассказывал о споре с ярым приверженцем Сталина старшим научным сотрудником Высшей школы МВД полковником М. Я. Гинзбургом. Аргументы сталиниста заслуживают цитирования.

«Доклад Хрущева на закрытом заседании XX съезда КПСС бездоказателен, никаких серьезных фактов в нем нет, никакого культа личности сам Сталин себе не создавал. Даже Анри Барбюс написал, что «Сталин — Ленин сегодня». А ведь он великий писатель, и никто его не заставлял так говорить...»

«Люди шли на смерть за Родину, за Сталина. А разные конъюнктурщики, которых поспешно реабилитировали, хотят сделать карьеру на охаивании Сталина».

«Если Сталин был так плох, почему Молотов, старейший член партии, соратник Ленина, плакал на похоронах Сталина?»

«Зачем выхватывать отдельные цитаты из произведений Сталина, когда всем известно, что Сталин — величайший теоретик, что без него нельзя написать и изучать историю партии?»

«Членов Политбюро (Косиора, Чубаря и других) арестовывал не Сталин, а все члены Политбюро. Они вместе решали и санкционировали аресты. А эти, раз они признавались, значит, виноваты».

Пусть никого не удивляет уверенность, с которой Гинзбург шельмует жертвы произвола и возвеличивает палача. Преподаватель школы МВД опирался в годы правления

Брежнев на официальные программы изучения истории КПСС, где годы 1937—1939 подавались как период «упрочения социалистического общества и развития подлинной демократии». В таком же духе трактовал тогда годы массового террора журнал «Вопросы истории КПСС».

Запас изречений сталиниста еще не исчерпан.

«Следствие нельзя вести в белых перчатках... Привлекать сейчас к ответственности работников органов за избиения прошлых лет — это безобразие. Раз работникам МГБ и МВД приказывали избивать, они должны были выполнять приказ».

Перечитываешь подобное и думаешь: как это обывателю, при всей его тупости и активном неприятии добра и правды, удастся в любой критической ситуации выбрать удобную политическую позицию?

Высказывания этого «теоретика» карательной политики типичны для полковников сталинской выучки. Подобно рыбам-лоцманам, они заметались в растерянности: акула, которой они столько лет ассистировали, сдохла. Кто ее заменит? Полковники внюхиваются, прислушиваются...

Угадать, угодить, уцелеть!..

Недолго, совсем недолго жили они под знаком «трех У». Ур-р-р-а! Все осталось по-старому: доходные должности и осетрина, прекрасные квартиры, виллы и юные наложницы, выгодные заграничные вояжи и литерные кресла в театрах...

Гинзбург ранее служил в органах кары и сыска. Ширвиндт — жертва террора, проведенный в тюрьмах и лагерях 18 лет. После реабилитации он возглавил научный отдел ГУЛАГа. Так, может быть, произошел некий локальный конфликт между бывшим арестантом и бывшими тюремщиками? Нет, конечно. Взгляды Ширвиндта разделяли миллионы. Миллионы других остались на позиции Гинзбурга. Статистика здесь бессильна, она не учла и миллионы инертных, необозримое «болото». Опросы общественного мнения в стране подлинной демократии не практиковались. Да и существовало ли оно, подлинное общественное мнение, в эпоху социальных суррогатов?

Узнав о сталинских преступлениях, народ как будто бы проснулся. Началось — впервые после революции — брожение умов, особо заметное в крупных городах, в среде интеллигенции. Реакция на сталинщину стала политической баррикадой, разделившей людей.

...После гибели Степана Шаумяна осталось три сына — Сурен, Лев и Сергей. Старший, Сурен, умер в 1936 году от белокровия. Лев Шаумян, историк, написал в БСЭ правди-

вую статью о Сталине... Он детально изучил прошлое Кобы и не сомневался в том, что Сталин — провокатор и могильщик революции. Младший брат, Сергей, в детстве находился под опекой Сталина. Устроился в Академии общественных наук, где стяжал славу махрового реакционера. Сергей возненавидел старшего брата, называл его «троцкистом» и вместе с такими же, как сам, сталинистами писал доносы на Льва.

Такова антилогика партийного «разоблачения» Сталина, антилогика так называемой борьбы с так называемым культом личности.

...Как не вспомнить рассказ Лескова «Человек на часах», диалог Свиньины с владыкой: «Неполная истина не есть ложь...»

Вот так и ехали на «неполной истине», на осьмушке истины, на крошках. А потом и крошки смели с обеденного стола. И удалили тех, кто отрицательно действовал на аппетит.

В противоборстве двух течений лишь партийный ареопаг выступил монолитной силой. Впрочем, один член Политбюро, Микоян, поддерживал все начинания Хрущева, но деятельность его носила печать кощунства. Ему ли, лакействующему Анастасу, участнику кровавых расправ, защищать уцелевших каторжан?..

За активное содействие Хрущеву Микоян еще поплатится снятием со всех высоких постов — при жизни и ординарными похоронами на рядовом кладбище — после смерти.

Для так называемых трудящихся масс Сталин должен остаться провиденциальной фигурой, гордостью партии, ее честью. На таком «принципе» партийная верхушка надеялась удержаться у власти и сохранить свое личное благополучие.

История подарила XX веку торопливых вождей. Почему они так спешили, куда их несло? Гитлер объявил блицкриг, Мао — большой скачок в экономике, Сталин — блицсоциализм, Хрущев — близкоммунизм...

В самом деле, первый секретарь ЦК обещал нынешнему поколению, что оно вступит в коммунизм. Зачем же ворошить старое, стоит ли разоблачать Сталина? Еще Христос учил прощать все обиды. Да и были ли они, обиды? Понаехали отовсюду озлобленные каторжане... Покойный Вождь милостиво оставил им жизнь, а они, чем они отплатили?..

Так рассуждали приверженцы Сталина. И действовали соответственно.

Ашот Иоанисян, бывший первый секретарь ЦК Компартии Армении, прошел через восемнадцатилетние тюремные

мытарства, но остался оптимистом. 12 февраля 1962 года он писал старому партийцу Рубену Катаняну по поводу разоблачения Сталина:

«Видимо, рано или поздно партия откажется от представления, которое ей силятся навязать об этом идоле бывшие служители его культа. Боюсь, как бы его безоговорочное разоблачение не обернулось своим острием против них же. Эти люди трусливо вертятся вокруг да около его образа, то насмешливо высывая перед ним свои языки, то, наоборот, почтительно расшаркиваясь перед ним, памятуя его «заслуги» в прошлом. В этом отношении у меня оставило тяжелое впечатление выступление Ильичева на московском совещании работников идеологического фронта.

Думаю, что подобная «качка» в вопросах культа личности кончится идейно-политическим банкротством этих людей».

Неоправданный оптимизм. Реакционные силы повернули Хрущева на 180 градусов. Одного из самых деятельных помощников он предупредил: «Если вы не прекратите, то поставите себя вне партии. Вы действуете против ЦК!..»

Естественный ход вещей. Процесс разоблачения Сталина и осуждения сталинщины грозил выйти из-под твердой руки центрального аппарата. Если быть до конца честными, следовало признать, что четверть века партией, государством управлял уголовник. Что же тогда останется от социализма? Может быть, он построил не социализм, а нечто совсем иное, этот Сталин?

Безответственное охаивание усопшего гения («Что же вы при жизни его молчали?!») подрывает авторитет партии. Развенчание Вождя мирового пролетариата вызвало брожение во всех компартиях мира.

Все эти аргументы были высказаны на заседании Президиума ЦК. Последовало решение: прекратить!

Альтернативное решение — разоблачить и осудить сталинщину до конца, обнародовать на весь мир хронику преступлений Сталина и его подручных — для этого нужны были честность и мужество. Такие качества там, на самом верху, не водились — результат все той же сталинской селекции.

Итак, кампания разоблачения, как и подобает всякой политической кампании, кончилась. Пора опустить занавес. Культ личности был, это точно. Об остальном не стоит вспоминать, вернее, вредно вспоминать. Солженицына и прочих радетелей запретить. О гибели революционеров больше не упоминать — ни в печати, ни на радио, ни в кино.

При Хрущеве глава органов Александр Шелепин почти

каждый вечер, в двенадцатом часу, приходил в Комиссию партконтроля. Его интересовал ход расследования преступлений Сталина и реабилитации потерпевших, погибших. Шелепин предоставил в распоряжение КПК архивы КГБ (по указанию ЦК, разумеется) и делал вид, будто он всей душой за восстановление правды.

Но как только отстранили Хрущева, Шелепин стал настоящим Шелепиным. Перед XXIII съездом он возглавил бригаду цекистов, которая, уединившись за городом, готовила раздел отчетного доклада ЦК, в котором содержалась ревизия партийных решений о культе личности Сталина — против политики Хрущева. Но выступить открыто сталинисты на съезде не посмели. Не внутренние петиции им помешали, хотя можно было бы и прислушаться к голосу всемирно известных ученых, писателей. Руководителей смутил возможный раскол в международном коммунистическом лагере. Против готовящейся реабилитации Сталина резко возражали руководители таких авторитетных компартий, как французская, итальянская, английская... Примерная болгарская компартия тоже всполошилась. Делегация коммунистов Болгарии прибыла на съезд загодя и, узнав о готовящемся мероприятии, известила Тодора Живкова. Болгарский вождь выступил против. «Это не пройдет!» — заявил он московским руководителям. Тогда он был другим.

Президиум ЦК решил на съезде этот раздел доклада опустить, а на практике все же проводить реабилитацию любимого вождя.

На собрании (узком!) партактива Ленинграда Шелепин заявил:

«Мы восстановим славное имя товарища Сталина в рабочем порядке. Не сомневайтесь! Это Хрущев — он ведь сам был настоящим троцкистом! — повел антипартийную политику и реабилитировал всех подряд, без разбора... Мы уже составили список на 25 тысяч неправильно реабилитированных. И будем продолжать эту работу».

Что означает «в рабочем порядке», слишком хорошо известно. Тут же последовала новая директива — замалчивать! Замалчивать преступления Сталина, замалчивать даже кампанию борьбы с пресловутым культом личности. Поиграли в разоблачение, и хватит. Публике была предложена новая игра, только она странным образом напоминала старую — возвеличивание Сталина. Эта новая-старая игра должна была начаться в декабре 1969 года. Девяностолетие Отца народов решено было отметить достойно его пресветлой

памяти. «Правда» подготовила большую юбилейную статью, заказали массовым тиражом портреты генералиссимуса, кое-где и значки изготовили.

Но компартии западных стран не поняли гениального замысла и почему-то не спешили принять участие в ресталинизации. Против откровенного славословия Сталина протестовали Гомулка, Кадар, Гусак. Москва отступила. Юбилейную статью опубликовать не удалось. И тезисы Института марксизма-ленинизма, подготовленные услужливым академиком Пospelовым, не удалось. Они остались в красной папке с серыми тесемками..

Кто их развяжет?

Однако в Улан-Батор команда — отбой! — поступила с опозданием, и газета «Унэн» все же напечатала злополучную статью со ссылкой на... «Правду». Газеты мира опубликовали текст в переводе с монгольского.

Да разве их скандалами проймешь, ревнителей сталинщины?..

Жил в Москве бывший генерал-лейтенант Л. Ф. Райхман, действовавший при Ежове и Берия. Живет, здравствует и заявления пописывает с требованием восстановить в Коммунистической партии. Леонид Фомич убежден в том, что его несправедливо исключили из КПСС, лишили генеральского звания и всех правительственных наград. Случилось это после XX съезда партии, когда генерала осудили за преступную деятельность.

Начинал он службу в органах при Ягоде, служил одно время в НКВД Ленинградской области. При нем первый заместитель начальника управления Иван Запорожец организовал покушение на жизнь Кирова. Участие в этом деле Райхмана нам неизвестно, зато его причастность к массовому террору 1935—1939 годов и катынскому побоищу (1940) установлена.

Вряд ли всемирно известная балерина вышла замуж за этого функционера смерти по доброй воле. Нравы сталинского двора мало чем отличались от нравов турецких султанов.

Привлечь Райхмана к уголовной ответственности не велит Уголовный кодекс за давностью преступлений. Под защитой этой статьи благоденствовал в Москве один из подручных Райхмана Иоганн Ильич Шнейдерман, мучивший на допросах Антонова-Овсеенко. Ежовский следователь числит себя по разряду жертв Сталина, поскольку его в 1939 году за чрезмерное усердие отправили в лагерь.

В «Портрете тирана» (Нью-Йорк, 1980) я призывал всех честных людей называть палачей поименно. Настало время гласности, народ услышал эти имена. Но всплывают они на поверхность с трудом, будто кто-то мутит и мутит воду. Еще труднее вытащить на всеобщее обозрение фигуры доносчиков и предателей. Стоит мне лишь упомянуть в печати имя негодяя, как тотчас в редакцию спешат с опровержениями и угрозами родственники и другие заинтересованные в сокрытии правды лица.

В 1983 году исполнилось сто лет со дня рождения моего отца Владимира Александровича Антонова-Овсеевского. В связи с этой годовщиной Московская киностудия документальных фильмов выпустила короткометражную ленту о революционной деятельности и трагической гибели героя Октября и гражданской войны. Отсняв нужный материал в моем кабинете, режиссер Екатерина Андриканис решила посетить старшего сына революционера. Я не советовал ехать к нему: в тридцать седьмом, когда арестовали отца и я сказал, что он не может быть врагом народа, Володя усмехнулся: «Много ты понимаешь...»

Мой брат вступил в партию в 1924 году и постоянно кичился тем, что ни разу не примкнул к оппозиции и голосовал неизменно за «генеральную линию». А вот отец... Отец был отступником.

XX съезд партии и последовавшая за ним реабилитация Антонова-Овсеевского не сбили его старшего сына с этой позиции. Режиссеру фильма Владимир Владимирович заявил: «И правильно сделали, что отца расстреляли: он был троцкистом».

Но вот кинофильм об Антонове-Овсеевском вышел на экран, и мой старший брат послал на киностудию письмо: «Кто позволил популяризировать на всю страну врага народа?!»

Моя старшая сестра Вера Владимировна предала отца сразу же после его ареста, не ожидая решения суда. «Врагов народа уничтожают. У меня нет отца», — написала она в комитет комсомола Московского института иностранных языков, где тогда училась. После реабилитации отца старшая дочь первым делом кинулась в финансовое управление НКВД за деньгами и присвоила всю сумму, полагавшуюся детям погибшего, а также дочери последней жены Антонова-Овсеевского за конфискованное имущество. Судя по оценочному акту 1937 года, квартиру отца подвергли ограблению, и Вере Владимировне надлежало обратиться в МВД с требова-

нием произвести переоценку имущества. Но она очень спешила.

...Четыре года длился суд. (Вернувшись из заключения, я потребовал от МВД выплатить всем наследникам Антонова-Овсеенко их часть в соответствии с законом.) Младшая дочь погибшего, Галина Владимировна, переметнулась к старшей, надеясь получить свою долю с нее. Вместе они принялись в суде поносить отца и погибшую вслед за ним супругу, требуя сделать этот позорный процесс открытым. А Вера Владимировна успела истратить присвоенную сумму на сугубо дамские покупки.

Так, спустя двадцать лет повторился акт мародерства.

В своих исковых заявлениях и жалобах я просил передать причитающуюся мне долю детскому саду или Обществу слепых, но решить дело по справедливости. «Чего ему надо, — удивлялись в инстанциях, — если он отказывается от наследства?»

И невдомек им было, что на свете сохранились такие понятия, как справедливость, истина, честь фамилии.

После многократного, более десяти раз, судебного разбирательства было вынесено решение: взыскать с В. В. Портновой присвоенную сумму, освободив МВД от всякой ответственности — материальной и моральной. А Вера Владимировна поспешила вернуть себе фамилию преданного ею отца, затем дала эту же фамилию своему сыну от Портнова. Получив звание пенсионера союзного звания (еще одна «справедливость»), буквально засыпала правительство требованиями о повышении пенсии...

Но на этом история кощунства не кончается. В 1973 году, к 90-летию В. А. Антонова-Овсеенко, в Чернигове был открыт памятник революционеру. Ленту торжественно разрезала его старшая дочь. Она же выступала в городе — перед школьниками и ветеранами партии — с воспоминаниями о любимом отце...

РЕАБИЛИТАЦИЯ?

Ленинского!

Реабилитация жертв сталинского террора началась вскоре же после смерти генсека. Но спасенных от лагерей смерти можно было в те дни сосчитать по пальцам.

Уже первые недели показали: тихо ликвидировать последствия произвола не удастся. Тому пример — прекращение «дела кремлевских врачей». И потом, как осуществить в сжатые сроки реабилитацию десятков миллионов незаконно репрессированных «политических»?

В 1954 году была образована правительственная комиссия по делам реабилитации. Все городские областные суды, военные трибуналы, а также органы прокуратуры получили указание — приступить к пересмотру «дел». Верховному суду поручено рассмотрение материалов о незаконных действиях незаконного Особого совещания (СО).

Во главе правительственной комиссии поставили проверенного товарища — И. А. Серова, назначенного председателем КГБ. Генерал Серов начал работать под началом Берия еще до войны. В его послужном списке выселение чеченцев, ингушей, крымских татар и прочих «инородцев». Грудь полководца внутренней истребительной войны украсили Золотой Звездой Героя и каким-то по счету орденом Ленина.

Генерал Серов понимал, чутким сердцем чуял, что торопиться с реабилитацией совсем ни к чему.

Когда дело коснулось сосланных, обнаружили, что в Уголовном кодексе нет статьи, обрекающей «врагов» на вечное поселение. Судьбу родителей разделили дети, проживающие с ними в местах ссылки. Они достигали шестнадцати лет, но оставались без паспорта: их закрепляли за местным комендантом МВД. Ссылные терпели страшные бедствия. Голодные, бесправные, они не могли получить никакой работы. Против «поблажек» ссылкой выступил генерал Серов. И все же Политбюро приняло решение освободить всех ссылных, в первую очередь тех, кто получил пятилетний срок. Министерству внутренних дел поручено разработать инструкцию на основании соответствующего указа.

...Прошла неделя, вторая, месяц кончился, а указ не опубликован. Старые коммунисты пришли к Микояну.

— Такого не бывает! — возмутился Микоян. — Политбюро передает в Президиум Верховного Совета свое решение вместе с проектом указа. Вы что же, не знаете порядка оформления бумаг?

Но товарищи уже звонили в Верховный Совет. Указа нет. Тогда Микоян позвонил Хрущеву.

— Этого не может быть! Перестаньте! — остановил его первый секретарь.

Но вот и Хрущев убедился: впервые в истории партии не выполнено решение Политбюро ЦК...

Указов опубликовали на другой день. Секретаря Президиума Верховного Совета Н. П. Пегова сняли и отправили в Иран, послом.

Пегов выполнял указание Маленкова. Маленков действовал не один. Но это уже детали.

Аппарат Лубянки ухватился лишь за одно колесо телеги. Другое цепко держал аппарат ЦК. Саботировали дружно, со вкусом и знанием дела — два организма с единой кровеносной системой.

Кампания пересмотра дел потребовала мобилизации огромного штата прокуроров, помощников и тысяч доверенных юристов. На Лубянке их ждал сюрприз: многие папки со следственными материалами оказались п у с т ы. Ни протоколов допросов, ни текстов доносов, ни фамилий следователей... За два года удалось пересмотреть едва ли 10 процентов дел. Осужденные оставались за проволокой.

Адский конвейер, спровадивший в Малую зону столько людей, сколько ныне проживает в такой стране, как Франция, этот конвейер не хотел двигаться вспять. Да и зачем создавать лишние проблемы? Не минет и пяти-шести лет, как недобитые «враги» перемрут, тогда, может быть, если у Первого еще не пройдет желание, и обсудим вопрос о посмертной реабилитации усопших.

Но уцелевшие лагерники не могли примириться с подобной установкой сталинских подручных. Недавно реабилитированные О. Г. Шатуновская и А. В. Снегов предложили Генеральному прокурору Руденко направить во все места заключения специальные комиссии, уполномоченные Президиумом Верховного Совета. Прокурор план отверг: «Это не приемлемо с политической и юридической точек зрения...»

Но Шатуновская и Снегов стояли на своем. За несколько месяцев до XX съезда они явились с тем же планом к Хрущеву. Товарищи подготовили докладную записку, и на ближайшем заседании Политбюро было решено направить на места полномочные комиссии. Инструктаж членов комиссий поручили секретарю ЦК А. Б. Аристову. Общее руководство осуществлял член Политбюро Микоян.

В дни работы XX съезда Микоян созвал совещание ответственных работников (это походило на заседание центральной комиссии, но официально такой комиссии не существовало). Открывая совещание, Микоян извинился перед юристами:

— К сожалению, мы не всегда и не во всем можем соблюдать формальности. Дело ведь не ждет...

— Что вы, Анастас Иванович, — подал голос Руденко, — все юридически обосновано, все законно...

Микоян спросил Серова:

— Сколько человек сидит за критику Сталина — без статьи УК?

Серов. Мелочь...

Шатуновская. Мелочь? А у меня записана пятизначная цифра.

Микоян. Предлагаю сегодня же передать распоряжение МВД об освобождении этих узников.

Решение принято, выполнение поручено министру Н. П. Дудорову. Накануне XX съезда он сменил на посту министра внутренних дел Круглова. В те дни было сформировано восемьдесят комиссий — по числу крупных лагерей. Три комиссии, сверх того, занялись политизоляторами. В состав каждой комиссии ввели по одному представителю прокуратуры, КГБ и старого партийца из реабилитированных. Четвертого — из местных. Обычно обком партии направлял в комиссию ответственного работника областной прокуратуры.

Списки ста реабилитированных коммунистов для работы в комиссиях представили на утверждение в ЦК. Двадцать имен включили сверх обусловленных на случай болезни или иных обстоятельств. Некоторых мог отсеять ЦК...

Когда списки поступили в Секретариат, в них не оказалось ни одного реабилитированного. Кинулись к ответственному работнику ЦК Н. Р. Миронову. Он заявил, что старые коммунисты отказались участвовать в этой кампании.

— Вы их видели, вы разговаривали с ними? — спросили Миронова.

— Нет.

За спиной Миронова стоял все тот же Маленков и сталинское большинство Политбюро.

Пошли к Аристову. Секретарь ЦК развел руками: Миронов успел передать списки на самый верх, и члены Политбюро оперативно по одному утверждали документы — «в рабочем порядке».

Пришлось звонить Хрущеву. Восстановить списки удалось только после его вмешательства. Но функционеры умудрились и после этого подставить подножку честным людям, позаботившись о том, чтобы ни один из бывших зеков не инспектировал «свой» лагерь, который знал досконально.

Тут бы выявить персональное участие в диверсии каждого работника аппарата да примерно наказать виновных. Но не будем требовать слишком многого от партийной политики. Последовательность в реабилитации была ей чужда изначально.

Это можно проследить на судьбе Шатуновской.

Лето 1937 года. На конференции Красногвардейского райкома партии Москвы за одним столом президиума оказа-

лись первый секретарь райкома П. Т. Комаров и секретарь парткома МГК И МК, Шатуновская. Осенью всех взяли, за два года — тридцать седьмой и тридцать восьмой — арестовали три состава руководителей райкомов, МГК и МК. В ходе следствия Шатуновскую обвинили в том, что, участвуя в работе районной конференции, она завербовала в какой-то троцкистский центр всех членов президиума.

...Ее реабилитировали одной из первых, в июле 1954-го. Хрущев помнил Ольгу Григорьевну по совместной работе в МК и, как только получил ее письмо из ссылки, вызвал в Москву. Но на прием к Хрущеву она не спешила, в Баку оставалась мать, которая прождала ее семнадцать лет. В первый же день по прибытии в Москву ее принял Главный военный прокурор СССР генерал Китаев. В прокуратуре, оказывается, ее очень ждали, у них накопилось много вопросов, касающихся преступлений Сталина и Берия.

Шатуновская. Я хотела бы узнать что-нибудь о судьбе моих друзей.— И она назвала пять-шесть фамилий.

Китаев. Какие они получили приговоры?

Шатуновская. Им всем дали по десять лет лагерей без права переписки.

Китаев молчал, потом прервал напряженную паузу:

— Товарищ Шатуновская, я должен вас огорчить. Формула «десять лет без права переписки» означает расстрел.

Прокурор позвонил в КПК Комарову. После смерти Матвея Шкирятова, который возглавлял комитет с 1939 года, его заместитель Павел Тимофеевич Комаров фактически руководил КПК. Узнав, что Шатуновская находится у Китаева, Комаров воскликнул радостно: «Давайте ее сразу ко мне!»

В КПК она поехала в машине Главного военного прокурора. Комаров встретил ее с широко раскрытыми для объятия руками: «Помнишь, как мы с тобой сидели в президиуме рядом, в тридцать седьмом?.. Идем, идем, пиши сразу же заявление о восстановлении в партии».

Но Шатуновская еще не решила, будет ли она состоять в этой партии, она сказала, что напишет заявление дома. Через несколько дней принесла все же требуемое заявление и уехала в Баку к матери, отложив визит к Хрущеву на осень.

В сентябре Ольга Григорьевна вернулась в Москву и сразу же была принята Хрущевым. Первый разговор получился долгим. Более трех часов Никита Сергеевич подробно рассказывал ей историю ареста Берия. Поговорили о будущей работе. В ее присутствии Хрущев позвонил Комарову: «ЦК направляет в Комитет партконтроля товарища Шатуновскую.

Вносите в Президиум предложение утвердить ее членом комитета».

Комаров воспринял эту команду с энтузиазмом. Но на заседании Президиума против ее кандидатуры выступили Молотов, Каганович, Маленков. И все же Хрущев настоял на своем: Шатуновскую утвердили ответственным контролером. На этом посту она и работала с января 1955 до января 1956 года. Потом, после XX съезда, ее ввели в новый состав КПК полноправным членом коллегии.

Обстановка сложилась иррациональная: Берия расстрелян как враг и шпион, а бериевцы остались на местах. Шатуновская сразу же поставила перед Комаровым вопрос: «Надо очиститься от бериевской клики — и в аппарате на Лубянке, и на местах». Привела примеры саботажа решений ЦК. Комаров выслушал ее без энтузиазма и, как выяснилось позднее, тут же отправился к генералу Серову.

В Баку, в Суруханском райкоме партии работала заведующей агитпропотделом Людмила Иваницкая. Ее арестовали уже после войны, отправили в лагерь. После XX съезда в Москву приехали три ее брата, один из них — инвалид войны, на костылях. Они просили о реабилитации сестры. Первое ходатайство было отклонено Серовым, председателем правительственной комиссии. Тогда братья пришли к Шатуновской, она запросила дело Людмилы. В нем находились показания братьев Каюровых, старых коммунистов. Они свидетельствовали, будто в годы троцкистской оппозиции Иваницкая организовала в своем районе подпольную троцкистскую группу. Эти показания были даны в тридцать седьмом году, а на суде Каюровы от них отказались: они оклеветали Иваницкую под пытками.

Но Серов, ознакомившись с этими материалами, отказал в реабилитации. Прокуратура не настаивала. Шатуновская посоветовала братьям немедленно собрать свидетельства старых бакинских коммунистов о поведении Людмилы в годы борьбы с оппозицией. Вскоре братья Иваницкой привезли эти материалы в КПК. Оказывается, в Суруханском районе вообще не было ни одной троцкистской ячейки, а Иваницкая всегда выступала в поддержку генеральной линии партии.

Шатуновская потребовала от прокурора составить новое заключение на основании: 1) отказа Каюровых от данных на следствии показаний и 2) свидетельства бакинских товарищей.

После заседания у Серова прокурор рассказал о нем Шатуновской.

Серов. Почему вы вносите свое предложение вторично?

Прокурор. По указанию КПК.

Серов. Кто именно указал?

Прокурор. Шатуновская.

Серов. Ах, вот кто... Ей там не место. (И далее он привел слова Шатуновской, сказанные Комарову.) Что касается свидетельств старых коммунистов, то теперь за пол-литра любой напишет вам все, что угодно.

На этом заседании присутствовало сорок человек.

Как Серову ни хотелось, а все же пришлось вынести объективное решение по делу Людмилы Иваницкой.

После этой истории Шатуновская перестала доверять Комарову.

...Прошло несколько лет, Комаров уже вышел на пенсию, и Шатуновская встретила его в поликлинике на Сивцевом Вражке. Комаров разговаривал с ней как со старой доброй знакомой и между прочим возмутился одной публикацией в журнале «Новый мир». Кто-то в своих воспоминаниях осмелился тепло отозваться о Николае Ивановиче Бухарине — будто враг народа Бухарин уже реабилитирован. Комаров тут же написал в Политбюро заявление с требованием привлечь к ответственности редакцию.

Еще до XX съезда Шатуновской в КПК позвонили приехавшие из Ленинграда товарищи. Она их приняла. Они проходили по «ленинградскому делу» (1949 г.) и сидели в Александровском каторжном центре, за Иркутском, вместе со вторым секретарем ЦК Азербайджана Юсуфом Касимовым. Он чудом остался жив, но состояние его критическое. Касимов вступил в партию еще в 1919 году, при муссаватистском правительстве, в Сальянах. Позднее работал в Ленинграде первым секретарем райкома партии. Как известно, всех секретарей ленинградских райкомов Сталин перед казнью отправлял на далекую периферию. Касимов угодил в Иркутск на пост второго секретаря обкома, там его и арестовали, привезли в Москву. «Дело» его на Лубянке вел следователь по особо важным делам П. В. Федотов. Он пристегнул Касимова к «делу» об убийстве Кирова. Касимову дали двадцать лет. Он мыкал горе по лагерям и под конец угодил в Александровский централ.

В начальные годы реабилитации Федотов занял почетный пост члена коллегии КГБ под началом Серова.

Шатуновская обратилась к Комарову:

— Павел Тимофеевич, вот нашелся наш соратник, старый партиец... Он жив! Надо срочно спасать.

Комаров перелистал дело Касимова, задержал внимание на фамилии следователя.

Комаров. Ну знаешь что, Федотов теперь член коллегии КГБ, я с ним вступать в конфликт не собираюсь.

Шатуновская. Как, Павел Тимофеевич, Юсуф пропадет без помощи!

Комаров. Нет, с Федотовым я начинать не буду. Делай сама, как хочешь.

Шатуновская позвонила Китаеву: «Приходите, есть серьезный разговор».

Она обрисовала прокурору ситуацию.

Китаев. В лоб мы ничего с вами не сможем сделать. Надо иначе. Я веду дело Багирова, и мне дали полномочия вызывать любого человека из любого района страны. Вызову Касимова в Москву как свидетеля.

Шатуновская. Но он очень плох, в дороге всякое может случиться...

Китаев. Вытребуем его самолетом.

...Они и пронюхали, что Китаев вызвал Юсуфа Касимова в Москву. Последовал приказ: этапировать врага народа Касимова в наручники. Его посадили в рейсовый самолет вместе с обыкновенными пассажирами, но в наручниках и в сопровождении двух дюжих охранников. Привезли в Бутырки, доложили Китаеву. И вот первая беседа-допрос.

Китаев. Я вас вызвал как свидетеля по делу Багирова.

Касимов. Зачем же меня везли в наручниках?..

Касимов дал весьма ценные показания о преступлениях Багирова, бывшего вождя Азербайджана, верного подручного Берия.

Китаев. А вы Шатуновскую знали?

Касимов. Да, знал хорошо, но вряд ли ее оставили в живых.

Китаев. Она сейчас в Москве, работает в ЦК.

Вскоре они встретились, Шатуновская сообщила Касимову, что затребовала его «дело» в КГБ, но Федотов успел направить папку в... Баку, а заодно распорядился этапировать Касимова в Азербайджан.

Шатуновская (по телефону). Товарищ Федотов, почему вы не предоставили «дело» Касимова главному военному прокурору и отправили его в Баку?

Федотов. Он же там работал...

Шатуновская. Он работал и здесь, в Москве, потом — в Ленинграде. И следствие по «делу» велось в Москве, на Лубянке.

Федотов. Разве? Если и так, все равно сначала надо рассмотреть бакинские материалы с участием осужденного.

Шатуновская. Товарищ Федотов, это ваш трюк: «дело» на Лубянке вели вы. Теперь вы хотите от него избавиться.

Измученный, больной арестант сразу понял, кому понадобилась его жизнь: «Это работа Федотова, он хочет меня угробить. Не пойду на этап, костыми лягу, но не пойду».

Шатуновская позвонила в Баку Гуськову, председателю КГБ Азербайджана, и без обиняков поведала ему о происках Федотова. Гуськов оказался порядочным человеком, во всяком случае директивы Хрущева исполнял охотно.

Гуськов. Я так и понял. «Дело» Касимова у меня на столе. Это рука Федотова.

Шатуновская. Прошу вас заочно разобрать это дело и вынести решение о том, имеет ли дело Касимова отношение к Азербайджану.

Гуськов. Я это в три дня сделаю.

Тем временем Китаев вынес решение освободить Касимова под расписку о невыезде из Москвы как свидетеля по делу Багирова.

...В кабинете начальника Бутырской тюрьмы Касимов расписался на документе об освобождении, а начальник любезно подвинул ему телефонный аппарат и соединил с Шатуновской.

Шатуновская. Юсуф, приезжай.

Касимов. Да как я явлюсь, я же в арестантской одежде.

Шатуновская. Ничего, сейчас многие ходят по Москве в такой одежде...

Первые минуты старые каторжане не могли ни о чем говорить: душили слезы. Шатуновская позвонила Комарову:

— Павел Тимофеевич, Касимов на свободе, он сидит у меня в кабинете.

Комаров:

— Да что ты,веди его скорей ко мне!

Комаров душевно обнял Касимова: «Ах, ты мой дорогой, что ж они с тобой сделали...» Он вызвал порученца Мосева: «Бери мою машину и вместе с товарищем Касимовым поезжай в магазин. Оденешь его по первому разряду, только сначала накорми его как следует, своди в парикмахерскую».

Касимову дали комнату в Москве и через неделю вызвали на заседание КПК.

Через КПК проходили тысячи «дел», поэтому непрерывно заседали две коллегии, по четыре человека в каждой. Заседание одной коллегии вел Лукьянов, заместитель председателя КПК, вторую коллегию возглавлял Комаров. В отдельных случаях обе коллегии заседали совместно.

«Дело» Касимова стояло на объединенном заседании. Докладчиком была Шатуновская.

Лукьянов (Касимову). Есть у вас еще вопросы?

Касимов. Да, есть. Я ставлю вопрос о следователе Федотове, ныне заместителе председателя КГБ. Он меня истязал, пытал, вынуждая давать показания.

Хотя Комаров был явно недоволен предложением Касимова, его пришлось внести в протокол.

В Москву прибыл первый секретарь ЦК партии Азербайджана Иман Даждамирович Мустафаев. Он просил Касимова принять пост заведующего отделом административных органов. «А потом изберем секретарем ЦК...»

Юсуф посоветовался с Шатуновской. Она напомнила ему о болезнях. Сначала следовало полечиться в санатории.

Касимов не дожидаясь XX съезда, скончался в одночасье.

Федотов подвизался в ведомстве Берия еще до войны, ему давали весьма ответственные поручения. Особое доверие он заслужил своей «мельницей». Он ее устроил у самой границы с Маньчжурией, которой тогда владела Монголия (Маньчжоу-Го). По плану Федотова агенты вербовали коммунистов на разведывательную работу. Если товарищ отказывался, ему напоминали: «Ты патриот, ты коммунист и не смеешь возражать. Перебросим в Маньчжурию, и будешь работать».

Новому агенту давали адреса явок, валюту, одежду, оружие и тайно переправляли через кордон. Разведчики, все как один, попадали в руки японской контрразведки. Их допрашивали, пытали и предъявляли неопровержимые улики. Некоторые под пытками раскалывались, они думали, что находятся за границей, у чужих. Тогда в игру вступали свои, били смертным боем и отправляли в хабаровскую тюрьму, на гибель. «Ты предал Родину, а предателю — пуля в лоб». Оказывается, коммунистов-разведчиков отправляли ночью не за границу, а в специальный пункт на советской территории.

Так дальневосточные органы добивались успешного выполнения плана репрессий.

Когда материалы легли на стол Шатуновской, стало ясно, что во главе этой «мельницы» стоял не кто иной, как Федотов. Погибли тысячи честных людей, пострадали их семьи...

После XX съезда Шатуновская, собрав внушительный материал о преступлениях Федотова, доложила о нем Хрущеву. Он согласился с ней — такому человеку нет места в партии.

Заседания коллегии КПК вел Шверник. Шатуновская предложила исключить Федотова из партии, лишить генеральского звания. Однако зубры из сталинской гвардии пытались его защитить. Он-де отличился в Венгрии, можно ему простить прежние прегрешения. В Венгрии Федотов действительно отличился. Он сумел выманить Имре Надя из посольства США, обещав переправить его в Румынию. Федотов действовал под личиной друга, сумел втереться в доверие к премьер-министру. Федотов обманул Имре Надя, потом прикончил.

И это ему поставили в заслугу.

— Товарищ Шатуновская, надо ему простить. Товарищ Шатуновская, вы мстите... Товарищ Шатуновская, успокойтесь...

— Нет, надо очистить партию от убийц и палачей.

И она настояла на своем, Федотова исключили из партии, сняли генеральские погоны. Не сразу, конечно. Когда бериевцам все же пришлось выполнить решение КПК, они устроили Федотова заведующим кафедрой Высшей школы КГБ.

Зора Борисовна Гандлевская вернулась в Москву в 1954 году после семнадцати лет тюремного заключения и лагерей. А всего на ее долю пришлось двадцать пять лет репрессий.

Ее муж, Андрей Никифорович Андреев, еще в начале века присоединился к Ленину, стоял на позициях ленинской «Искры». Но Андреев вскоре порвал с ленинцами и стал убежденным анархистом. Участвовал в политической борьбе против самодержавия, в боевых выступлениях. Был приговорен к смертной казни, замененной потом каторгой... Такие, как Андреев, реабилитации не подлежали. Он тоже провел в тюрьмах и лагерях более двадцати лет и вернулся в Москву.

Последним местом ссылки Гандлевской была Барабинская степь, под Новосибирском. Она прописалась в столице у брата. Собес пытался помочь устроиться на работу, но бывшую каторжанку нигде не брали, даже санитаркой, уборщицей... Через полгода поисков удалось получить должность медсестры в МОНИКИ (Московский областной научно-исследовательский клинический институт имени М. В. Владимирского).

Жилья никакого, средства скудные... Только после постановления Совета Министров об устройстве реабилитированных появилась надежда на получение так называемой «жилплощади». Гандлевской с мужем дали маленькую комнату в общей квартире в новом доме на улице Молодежной. Потом Андрееву, как старому политкаторжанину-смертнику, назначили персональную пенсию союзного значения.

Нет, что бы там ни говорили, а XX съезд принес значительное расширение прав человека. При Сталине граждане СССР свободно пользовались правом на каторжный труд, на обеспеченное голодание и стационарное существование согласно самому гуманному в мире паспортному режиму. И — неограниченным правом молиться своему Божеству.

При Хрущеве к этим неотъемлемым правам добавилось право каждого гражданина на посмертную реабилитацию.

...Апрель 1917 года. Григорий Федоров был единственным рабочим, избранным в ЦК. Питерская большевистская организация выдала ему партбилет № 1. Федоров активно участвовал в Октябрьском вооруженном восстании и в гражданской войне. Зачем Сталину понадобилось включать его в число организаторов убийства Кирова?

Федоров стал одной из первых жертв большого террора. Поначалу его отправили в челябинский политизолятор, потом вернули в Москву и казнили. Дата его гибели 5 октября 1936 года. Из пяти дочерей пострадала только одна, Лидия. Она имела неосторожность просить в справочной НКВД информацию о судьбе отца. Ей дали три дня на сборы и отправили в ссылку. Восемнадцать лет провела дочь Федорова в Великом Устюге.

1956 год. Молотов, Каганович, Маленков, сколотившие в Президиуме сталинское большинство, воспротивились реабилитации Федорова. Лишь со второй попытки Хрущеву удалось провести нужное решение.

Оказывается, и посмертное оправдание — не дар небес...

Начавшаяся реабилитация внесла смятение в стройные ряды доносчиков. Когда ЦК снял фальшивое обвинение с руководителей комсомола во главе с Косаревым, закатилась звезда провокатора Мишаковой. Доносчице предложили оставить ЦК комсомола. Но Мишакова не могла так вот, вдруг расстаться с руководящей работой. Целый год после увольнения она продолжала посещать ЦК и высиживала в пустом кабинете служебный день, с перерывом на обед. У нее изъяли пропуск, и вахтер не впустил в здание. Мишакова продолжала ежедневно приходить. Теперь она простаивала

положенные часы у подъезда. Разумеется, с перерывом на обед. Пришлось перевести ее мужа, генерала, в Рязань. Но Мишакова не покинула свой пост. Каждое утро, в четыре часа, она садилась в электропоезд и приезжала в Москву. И выстаивала рабочие часы у подъезда. Пока не попала в лечебное заведение.

У другого заслуженного провокатора, Серафимы Гопнер, дело до психиатрической лечебницы не дошло. Хотя и она восприняла реабилитацию «врагов народа» как личную трагедию. После ареста мужа, Эммануила Квирина, старая большевичка подала в партком письмо: «Мне стыдно, что я на протяжении более двадцати лет была связана с этим гадом. А сигналы о его вражеской деятельности поступали».

У Гопнер была веская причина для ненависти: незадолго до ареста Квининг ушел от нее и создал новую семью.

В ИМЛ намечался вечер памяти Квирина. Вдова встревожилась: вдруг всплывет клеветническое письмо? Да еще кое-что в том же жанре. Она спросила Алексея Руденко, прошедшего семнадцать лет в лагерях:

— Вы не знаете, где хранятся заявления на бывших «врагов»?

Руденко успокоил Гопнер:

— Эти бумаги могут находиться в разных местах...

Гопнер позвонила в ИМЛ и попросила отложить юбилейное собрание по случаю ее болезни. Этот ход она повторила еще раз.

Сын Квирина специально приехал с Урала в Москву, но так и не дождался чествования отца.

Вскоре Гопнер успокоилась: никто не посягал на честь и достоинство сталинских провокаторов. И вновь выступает в печати, на собраниях. На юбилейном вечере памяти А. С. Бубнова, устроенном в Музее революции в 1963 году, Гопнер обвинила его в отрицательной оценке Брестского мира. Сама Гопнер в период переговоров в Бресте работала в Екатеринославе и провела на губернском пленуме резолюцию, осуждающую ленинскую линию: «Брест — это предательство революции...»

Подобные случаи могли бы составить объемистую антологию.

Нет, в психике людей произошел серьезный сдвиг, если сын Свердлова служил у Берия. Если вдова соратника Ленина стала лагерным провокатором и, выйдя на волю, еще раз предала погибших. А затем издала роман о Марксе и Энгельсе.

...В конце двадцатых Никита Хрущев работал заместите-

лем Н. Н. Демченко, заведующего орготделом ЦК партии Украины. Жена Демченко Мария Шмаенок была директором Комиздата Украины. Хрущев знал ее с 1924 года по совместной работе в Донбассе, высоко ценил, часто с ней советовался. В тридцать седьмом Сталин уничтожил Николая Демченко, его жену со старшим сыном отправил в лагерь, младшего — в детский дом.

В 1948 году Шмаенок вернулась на Украину. Никита Хрущев — он тогда уже был секретарем ЦК Украины — не принял ее, но направил на «Запорожсталь» экономистом. На комбинате «вновь замаскировавшегося врага народа» начали дружно, в охотку травить. Травили в плановом отделе, в парткоме и месткоме, на собраниях, до собраний, без них.. В 1949 году Шмаенок вновь арестовали и отправили на поселение в Туруханск.

Год 1954-й. Мария Шмаенок приехала в Москву и опустила в почтовый ящик открытку на имя первого секретаря ЦК. Хрущев принял ее сразу.

— Ты, наверное, обиделась тогда, в сорок восьмом, да? Я тебя не принял... Но что я мог сделать тогда?..

А что он мог сделать теперь, первый секретарь?

Мог он, к примеру, объявить общую амнистию всем политическим?

Не мог, а ведь хотел.

Из партсановников никто не хотел. И все же некое подобие милости было проявлено. 17 сентября 1955 года объявили об освобождении осужденных за измену Родине на сроки до десяти лет. Остальным наказание сокращалось наполовину. Невелика милость: большинство закончило свой срок именно к 1955 году...

Тем временем режим в лагерях изменился к лучшему, проклюнулся ручеек реабилитируемых, гебисты и конвой остерегались расстреливать бессудно заключенных...

Весной 1958 года подул иной ветер, карательная политика получила новый импульс — приказ МВД № 380. В лагерях начали строить спецбаракы. Возврат к жестокому курсу ударил прежде всего по политическим, хотя ручеек продолжал еще журчать.

На Печоре, в 1944 году, я встречался с профессором Г. М. Данишевским, крупным терапевтом. Его взяли в тридцать седьмом по делу об убийстве Горького, попутно обвинили в шпионаже в пользу Англии, Германии и еще четырех государств: профессор представлял советскую медицину на шести международных конгрессах.

В 1955 году на Печору прибыла комиссия ЦК. Данишевскому предложили подать заявление о пересмотре «дела». У него получилось 36 листов. Член комиссии Снегов, давний знакомый профессора по воле, взял заявление, но на всякий случай попросил узника расписаться на чистом листе.

...Хрущев с трудом вникает в послание Данишевского. Тогда Снегов достает припасенный чистый лист, подписанный профессором:

— Может, использовать это?..

Хрущев согласился и продиктовал текст:

«Первому секретарю ЦК ВКП(б) Н. С. Хрущеву от члена партии с 1918 года, бывшего председателя ученого совета Народного комиссариата здравоохранения СССР, директора Института усовершенствования врачей Г. М. Данишевского.

ЗАЯВЛЕНИЕ

Я ни в чем не виновен. Прошу освободить».

Хрущев наложил резолюцию.

— А это,— он протянул первое заявление,— оставь себе на память.

После освобождения Данишевский работал в Институте кардиологии имени Мясникова. В 1955 году вышла в свет его книга «Акклиматизация человека на Севере». На титульном листе слова: «Светлой памяти незабвенного друга и товарища Анны Давыдовны Данишевской-Розовской. 21 сентября 1955 г.».

Заявление незаконно репрессированной Розовской тоже попало к Хрущеву. Член партии с 1904 года, она была близким сотрудником Ленина. Сохранилась фотография, на которой Розовская стоит рядом с Лениным и Свердловым на Красной площади.

...Она лежала в больнице с инфарктом, к ней явился заместитель Шверника. Он принес партбилет. Через два часа Розовская умерла. Всего два месяца прожила она после освобождения из лагеря.

Сам принцип, на котором строилось дело реабилитации,— если это можно назвать принципом,— выглядит неубедительно: каждый политический должен ходатайствовать о себе сам (если он еще жив), или заявление о нем подают родственники. Даже в таком гуманном деле, как реабилитация, ни логики, ни уважения к личности...

О реабилитации погибшего в тридцать седьмом Алек-

сандра Артемьевича Бекзадяна просили товарищи бывшего наркома по иностранным делам Закавказской федерации. В силу каких обстоятельств сохранилось «дело» Бекзадяна — толстая зеленая папка, неизвестно. И в папке — докладная записка с резолюцией генсека: «Расстрелять». И фотография погибшего. Прокурор вызвал старую коммунистку Ф. М. Кнунянц, показал фотографию.

— Узнаете?

Как не узнать товарища «Юрия»... Вместе вели подпольную партийную работу.

На фотографии — изуродованное лицо, опухший глаз...

Кнунянц читает показания Бекзадяна: «Мой отец по происхождению из дворян, занимал должность мирового судьи. Семья была большая, мы нуждались. Учился я на свои средства. В партию я вступил лишь затем, чтобы отомстить за тяжелую жизнь. Но главная цель — навредить партии...»

— Ваше мнение о Бекзадяне? — спрашивает прокурор.

— Это очень честный и чистый человек, замечательный работник.

Ну а если бы никто не просил о нем? Если бы товарищи от него отвернулись?

...Оглядываясь назад, на краткие годы оттепели, постигаешь реабилитацию как подобие лотереи.

Судя по началу, Владимиру Антонову-Овсеенко повезло. На XX съезде Анастас Микоян упомянул отца как жертву посмертной клеветы. Клеветником оказался историк А. В. Лихолат.

Значит, ЦК признал революционера невиновным, подумал я. Вскоре же я получил справку о посмертной реабилитации отца. Разумеется, мне ее не прислали, меня никто не разыскивал. Мне пришлось ходатайствовать самому.

Но что это? Прошло совсем немного времени, и в 1963 году научный сотрудник Института истории СССР Академии наук Д. И. Ознобишин публично обвиняет «троцкистски настроенного» Антонова-Овсеенко в антипартийной стратегии, проводимой им на украинском фронте в 1919 году.

Через год «Известия» публикуют заметку А. М. Совокина, сотрудника ИМЛ, утверждающего, будто Антонов-Овсеенко в сговоре с Дыбенко переделал текст условной телеграммы: «Высылай устав». По этой телеграмме в октябре 1917 года из Гельсингфорса в Питер должен был выйти отряд кораблей. Так вот, Антонов и Дыбенко из карьеристских соображений «сфальсифицировали исторический документ», приписав телеграмму себе.

Эту газетную инсинуацию кандидат исторических наук Совокин состряпал совместно с другим кандидатом — Андреем Свердловым. Он ряд лет плодотворно работал под началом Берия. Так что искать мотив его поступка нужды нет. А что толкнуло Юрия Павловича Шарапова (тоже кандидата исторических наук), сотрудника газеты, на участие в этой акции?

Беседуя в редакции с ответственным лицом, я заметил: «Три кандидата наук. Не много ли для одной элементарной гнусности?» Сотрудник рассмеялся. Мне же было не до смеха. Я решил подать в суд на Совокина и на редакцию, благо только что в Уголовный и Гражданский кодексы были включены, правда с небольшим сорокалетним — опозданием, статьи о праве граждан на сатисфакцию. Я обратился в народный суд — то же самое. Только благодаря вмешательству возмущенных читателей и личному указанию Генерального прокурора горсуд принял дело к слушанию и... тут же закрыл: «Известия» успели напечатать письмо Совокина. Нет, он не извинялся перед читателями и перед редакцией газеты. Он, видите ли, привлек новые материалы и вынужден признать, что «допустил ошибку». Только и всего...

От редакции «Известий» — ни слова.

Статья в УК имеется, право на защиту чести и достоинства есть. В случае чего можно жаловаться...

Тем временем и ИМЛ, и Академия общественных наук (АОН), и Высшая партийная школа (ВПС) выпустили серию новых книг по истории партии. Теперь уже Сталин — не вождь революции и даже не второй вождь. Авторы заняли удобную позицию замалчивания его имени. Зато проклятия в адрес Троцкого и «троцкистов» удвоились. Без густых, от сердца идущих проклятий нельзя защитить диссертацию, невозможно опубликовать книгу, статью. По любому поводу и без повода упоминают «троцкиста» Антонова-Овсеенко.

Еще один удобный повод — дискуссия 1923—1929 годов. Впоследствии эта сталинская провокация стоила жизни тысячам революционеров. Но — звоните, колокола! Все, кто не поддерживал Сталина, — троцкисты. И все документы против генсека — троцкистские...

Эта абсурдная кампания клеветы не так уж абсурдна. Без нее как объяснить гибель костяка партии? Тут уж не скажешь — левая рука не ведает, что творит правая. Очень даже ведает. А в утешение реабилитированным можно отмечать их юбилейные даты.

На восьмидесятилетие (1963 г.) и девяностолетие Антоно-

ва-Овсеенко (1973 г.) одна-две газеты откликнулись замечками с непременным упоминанием его «троцкистского» прошлого. Соратники революционера пытались организовать вечера воспоминаний в Музее Революции, в Доме Советской Армии, но их «не поняли» — ни в Москве, ни в Ленинграде, ни в Киеве. В Центральном Доме литератора предложение отметить девяностолетие писателя, критика, поэта Антонова-Овсеенко тоже отвергли с порога:

— Он из этих, «бывших», кажется?

— Антонов реабилитирован решением ЦК.

— А кто мне поручится, что завтра его не ре-реабилитируют? Как Федора Раскольникова, — возразило ответственное лицо...

Затем последовала еще одна серия клеветнических выступлений в печати.

Я состою в Обществе слепых, несколько лет читал там лекции о революционном пути отца. Последовал клеветнический донос, и мне запретили «популяризировать троцкиста»...

— Можете жаловаться!

И я попробовал. Написал пространное заявление председателю Комиссии партийного контроля (КПК). Я просил председателя Арвида Яновича Пельше проверить исполнение решения ЦК. И если оно еще не отменено, остановить травлю реабилитированного отца.

Через две недели помощник Пельше сообщил мне номер телефона инструктора КПК Петровой. Я выждал еще две недели (вопрос изучается). Позвонил и услышал:

— Н-н-нда!

Такое густое, барственное «н-н-нда...». В нем чувствовалось пресыщение властью. И зернистой икрой.

— Я занималась вашим заявлением, — в голосе Петровой этакое усталое снисхождение. — «Дело» вашего отца у меня на столе. Непонятно, чего вы хотите... Он вступил в партию в 1917 году, а до этого...

— Простите, мне придется вставить слово для точной справки. В партию отец вступил в 1903 году. Это отражено в протоколах съездов, изданных при Ленине. Могу представить вам все материалы. Я ведь по профессии историк. Если вы меня примете лично...

— В этом нет никакой нужды. Вот тут у меня ваше «дело»? Какой же вы историк? В 1938 году вас исключили из института...

— Но меня вскоре восстановили. Через год я получил диплом.

— Этого не может быть, — вельможным тоном заключила Петрова.

— Прошу вас подождать минуту: я сообщу вам номер диплома...

— Не трудитесь. Я уже сказала — «дело» у меня на столе.

— По-вашему выходит, что я мошенник, что я владею фальшивым дипломом? Так что ли?

— Я полагаю предмет разговора исчерпанным.

Звоню помощнику Пельше: «Я просил вас оградить имя отца от поношения, но ваш работник Петрова готова и меня заодно оклеветать».

Помощник весело рассмеялся...

Красноречивый ответ. Спасибо им, Пельше и его помощнику. И Петровой, бывшей помощнице незабвенного Шкирятова. Она помогла мне на шестом десятке лет понять то, что другим было ясно давно: честное имя революционера для партсановников не значит ничего.

Как раз в это время ВПШ предприняла издание серии книг «Партийные публицисты». Вначале предложение включить в план Антонова-Овсеенко, автора ряда книг и многих сотен статей, очерков, зачинателя газет, журналов, встретили с пониманием. То было недоразумение: более ответственные лица отказались иметь дело с «бывшим».

Владимир Иванович Невский написал более тысячи статей. В их числе важную работу «История партии как наука». Он никогда не уклонялся в сторону, не выступал вместе с оппозиционерами.

Но и Невского отказались признать партийным публицистом. Так же как Кедрова. Куда спокойнее переиздать статьи Куйбышева, Ворошилова, Орджоникидзе. Статьи, написанные референтами.

Но вот выходит в свет сборник А. М. Коллонтай. Все та же прилипчивая логика заставляет спросить: почему? Ведь Александра Михайловна замешана не в одном «уклоне»...

Я, кажется, начал улавливать некую закономерность. Коллонтай не была репрессирована! Так же как Ольминский, Луначарский, Ярославский — они-то в «серию» попали.

Отныне существует две истории партии: одна — для почивших в своей постели, другая — для жертв Сталина.

Определенно марксизму-ленинизму не суждено стоять на месте...

Но не будем упрекать за это ни Маркса, ни Ленина, они умерли задолго до эпохи позднего реабилитанса. Эта эпоха явно затянулась.

В 1933 году покончил жизнь самоубийством отважный революционер, Николай Скрыпник. Он пал жертвой травли, организованной Сталиным. Скрыпник реабилитирован, но печать продолжала повторять сталинские инсинуации.

В кампании травли принимал посильное участие Лихолат. Тот самый. При Брежневe он вновь клеветал и на Косиора, и на Антонова-Овсеенко, и на Скрыпника... На кого приказывали.

Через год после XX съезда Хрущеву передали материалы по судебному процессу Бухарина. Утром он вызвал Шатуновскую: «Всю ночь читал и плакал. Ведь я тоже приложил руку к этой кровавой истории...»

Процессы тридцатых годов проверяла специальная комиссия Президиума ЦК.

64 тома документов, показаний жертв и свидетелей сталинского произвола собрала комиссия.

В 1960 году Морис Торез, генеральный секретарь ЦК Французской компартии, приехал в Москву. На столе у Хрущева — папка с выводами комиссии ЦК. Присутствует ответственный сотрудник.

Торез. Никита Сергеевич, прошу вас, не отменяйте все процессы сразу. Ведь после XX съезда вашей партии, когда разоблачили преступления Сталина, из нашей партии вышло 48 тысяч членов...

Хрущев. И нечего о них жалеть, если они состояли в компартии лишь ради «генералиссимуса» Сталина...

Торез. Но все же прошу вас объявлять об отмене не всех процессов вдруг, а хотя бы по одному в месяц.

Хрущев. Но почему? Всем давно известно, что эти процессы были липовыми. С ними надо раз навсегда покончить. От этого мы только выиграем в общественном мнении.

Торез. О том, что эти процессы сфабрикованы, лидеры социалистических партий знали еще в двадцатые — тридцатые годы. Все законспирированные тайные свидания советских партийных деятелей с Троцким западная печать опровергала без труда и весьма оперативно — на другой же день после лживых публикаций московских газет. Все знали, что Бухарин не был японским шпионом, а Зиновьев не убивал Кирова.

Хрущев. Вот здесь материалы комиссии, из которых видно, что Киров убит по указанию Сталина. Нет, липовые процессы мы отменим все. Все сразу и без лишних проволочек!

...Но Хрущев недооценил силы сталинской оппозиции. На него давили неустанно. В дело пошло все — и клевета, и запугивание, и уговоры...

«Если отменить процессы, народ может неправильно понять нас... Подумайте, Никита Сергеевич, как это отразится на международном коммунистическом движении... Помните, что Ленин завещал? Побойтесь Бога, дорогой Никита Сергеевич!...»

И Хрущев уступал.

Видные партийные деятели Е. Д. Стасова, В. А. Карпинский, Р. П. Катанян просили XXII съезд восстановить в партии честное имя Бухарина. Их голос не был услышан. О реабилитации Бухарина просили руководители ряда зарубежных компартий. Их даже не удостоили ответа.

После XXII съезда упрекали первого секретаря:

— Вы обещали отменить все процессы и обнародовать материалы, изобличающие подлинного убийцу Кирова...

— Нет, сейчас никак нельзя. Сделаем, конечно, но лет через пятнадцать.

И материалы расследования сталинских преступлений были сданы в архив.

...Сложилась иррациональная ситуация: из двадцати двух осужденных по процессу Бухарина 1938 года половина была реабилитирована при Хрущеве, остальным же пришлось ожидать отмены процессов еще четверть века.

Вдова А. Г. Шляпникова провела в лагерях 18 лет, вернулась, но никак не могла добиться реабилитации. Старые большевики обратились к члену Президиума ЦК Н. В. Подгорному.

— Что же получается? По «советской линии», то есть в рамках УК, Шляпникову оправдали. А в партии не восстановили, отказать «за давностью»...

Подгорный обещал помочь в оформлении персональной пенсии, а по делам партийным посоветовал обратиться еще раз в КПК.

«Вопрос о восстановлении в партии еще не созрел», — ответили Шляпниковой.

Через два месяца Шляпникова скончалась. Ее дочь позвонила в КПК: «Вопрос вполне созрел: вчера маму похоронили».

Зачем все-таки было добиваться восстановления в партии, если реабилитация не дает никаких гарантий от посмертной травли? Если переживших лагеря подвергали потом унижительным гонениям?

По настоянию Молотова и Кагановича реабилитированным коммунистам вручали партбилеты с пометкой о перерыве в стаже с 1937 по 1954 годы. Тем, кто пытался протестовать, они отвечали с цельюодутой принципиальностью: «Какую партийную работу вы вели в тюрьме?»

Между прочим, своей жене Полине Жемчужиной Молотов не забыл устроить «нормальный» партбилет, без перерыва в стаже.

Пусть только никто не думает, что против подлинной реабилитации стояли одни лишь подручные усопшего генсека. В борьбу за неправоное дело включилась широкая сталинская общественность.

Поэта Павла Васильева истребили в двадцать шесть лет. По чьему доносу — нам неизвестно. В органы часто пописывали и Ермилов, и Ставский, и Фадеев, и Безыменский...

Реабилитировать Васильева удалось с трудом. Нашлись противники. Самый ярый из них — поэт Безыменский.

Михаил Петрович Якубович, правнук декабриста А. И. Якубовича, был активным участником революции. С 1930 по 1941 год сидел в тюрьме. Затем, после нескольких месяцев пребывания на «свободе», вновь заключен в тюрьму. В 1956 году реабилитирован, но лишь по второму делу. По первому — так называемому «Союзному бюро» — Якубовича не оправдали. О его невиновности знали все: и Крыленко, выступавший обвинителем на процессе меньшевиков в 1931 году, и Микоян, у которого Якубович работал прежде в аппарате. Спустя тридцать семь лет, в 1967 году, они встретились с Микояном в Москве.

Микоян передал заявление Якубовича генеральному прокурору. Но Руденко понадобилась санкция Политбюро. Там отказали.

«В ЦК считают,— сказал Микоян Якубовичу,— что сейчас неподходящее время для пересмотра политических процессов. И для новых реабилитаций — тоже».

В пенсии старому каторжанину отказали. Тогда Микоян договорился о выплате Якубовичу пенсии с секретарем ЦК КП Казахстана...

Процесс реабилитации, подобно процессу разоблачения Сталина, имел свой прилив и отлив.

«Неподходящее время...», «Неловко перед Западом...», «Что люди скажут?..».

Удобные формулы. Под стать канцелярским столам, где они родились. Одна формула мне особенно памятна: «Москва не резиновая».

Так мне ответил тогдашний секретарь исполкома Моссовета А. М. Пегов (младший брат упомянутого ранее Пегова), когда я, уже реабилитированный, бил ему челом о прописке в Москве. Попасть к нему на прием было почти невозможно.

...Я родился в Москве, закончил здесь институт. В Москве меня арестовали. Теперь согласно постановлению Совета Министров имею право на жилье в столице. Все это я изложил Пегову. И получил резиновый отказ.

Вспомнилась жизнь в зоне Малой. ...Список есть, фамилия есть и птичка против фамилии проставлена, а сахара нету...

В ЦК мне обращаться не хотелось. После заполярных лагерей я прельстился югом, устроился в Гагре и написал в Москву. Я просил сообщить хотя бы о месте захоронения отца. Ведь вот прах такого заплечных дел мастера, как Вышинский, покоится в Кремлевской стене...

Мне ответили, что установить обстоятельства гибели отца «не представляется возможным». И моя память обогатилась еще одной формулой отказа.

В ту пору меня начали одолевать сны. Один сон был навеян историей средневековья.

...В древней Саксонии существовал обычай: преступник в знак искупления вины выплачивал родственникам убитого или ограбленного «покаянные деньги». Кроме того, он устанавливал у дороги каменную глыбу. Они сохранились до наших дней, эти «камни покаяния», с изображением крестов или оружия.

Мне приснилась унылая дорога, пустынная, серая, с большими кучами мусора на обочине. Долго шел я по дороге, так долго, что начал уставать. Но надо идти — какая-то смутная цель звала меня вперед. Дороге не было конца, я уже отчаялся, и вот тогда передо мной возник большой серый дом, и в нем — люди в сером. Они молча повели меня на самый верх, к самому серому человеку. Мне сказали, что этот человек может все. Но у него можно попросить что-нибудь только один раз.

Я попросил убрать мусор у дороги и украсить ее деревьями и памятниками невинно погибшим. «Сейчас не средние века», — ответило серое существо. Ответило авторитетно и внушительно. Я вздрогнул и проснулся.

Посмертная реабилитация проводилась без всякого плана. Особенно вначале. Случайные доброхоты составляли случайные списки погибших и уцелевших. Совсем иначе действовал

убийца: у Сталина был план, он соблюдал очередность. И не боялся огласки. При нем о «врагах народа» трубили на весь свет.

Реабилитация сталинских жертв велась втайне. Вероятно, сказалась вполне естественная стыдливость руководителей. Тех, кто участвовал в кампании истребления. Эту стыдливость они сохранили надолго. Даты убийства революционеров, полководцев, ученых, писателей замалчивали еще два десятилетия. Публикуя материалы о погибших, издательства и редакции брали на веру справки МВД. Оно же выполнило команду — разбросать даты гибели сталинских жертв веером по 1935—1945 годам. А то уж очень скучная картина получается в рамках трех лет: 1937—1939.

В принципе руководители не возражали против гласности. С соблюдением меры и такта. О Розе Люксембург и Карле Либкнехте, об Эрнсте Тельмане писали — «злодейски убиты». О соратниках Ленина сообщали — «репрессированы». Просто, изящно. И не так пугающе. Партия, верная ленинской правде (еще одна устоявшаяся формула), реабилитировала тех, кого сочла удобным. Что, многие недовольны? Но ведь реабилитация не резиновая!

...Литературный герой Александра Дюма граф Монте-Кристо сумел вернуть себе воровски отнятую свободу, а потом — наказать клеветников и палачей. Тем, кто недоволен благами реабилитации, можно посоветовать читать Дюма. Но реабилитированные его уже читали.

Многие старые коммунисты хотели работать, как прежде, на благо Родины. Их не поняли. Один из реабилитированных, А. А. Медведев, будучи в ЦК, осмелился напомнить о судьбе Радищева. Заняв престол, Александр I привлек этого злейшего врага крепостничества после шести лет тюрем и ссылки к составлению новых законов.

Намек Медведева тоже не поняли.

Через несколько лет Медведев скончался. Проводить в последний путь революционера пришли многие. В Москву прибыли партийные руководители Удмуртии (там в годы гражданской войны сражался прославленный комдив). Правительство ГДР наградило Медведева посмертно за революционные заслуги орденом.

...Секретарь райкома, где покойный состоял на партийном учете, предупредил уцелевших:

— Что, хотите устроить своему реабилитированному дружку пышные похороны? Не выйдет!

Райком отрядил на похороны доверенное лицо, партсекретаря жэка, из самых добропорядочных сталинистов.

Первая надгробная речь. Короткая, скромная.

— Крышку! — подает команду доверенное лицо.

Но крышка гроба в руках честного человека.

Вот выступил первый партсекретарь Удмуртской республики.

— Крышку!

За ним секретарь Воткинского горкома...

— Крышку! — командует лицо.

Наконец подъехал автомобиль посольства ГДР. Вынесли огромный венок живых роз. С речью выступил представитель Общества советско-германской дружбы. Потом к гробу подошел посол и прикрепил к костюму покойного орден. Посла не успели предупредить, и он упомянул о жертвах сталинского террора.

— Крышку! — прошипело в последний раз, скомандовало лицо.

Отзвенели поминальные колокола. Настали годы семидесятые. Одно высокое неназываемое лицо изволило изречь: «Надоели мне поминальники!»

С того дня все юбилейные статьи о погибших заканчивались густой патокой похвал партийной верности — без даты смерти, без обстоятельств гибели. На такие слова, как «репрессия», «клевета», «жертва», «произвол» наложено чугунное табу.

Так убиенные Сталиным обрели бумажное бессмертие.

А чтобы их тени не смущали новые поколения, имена революционеров изъяли из истории. Мятеж левых эсеров 6 июля 1918 года был подавлен отрядами, которыми командовали Вацетис, Муралов, Невский. Однако драматурга Михаила Шатрова принудили в ИМЛ в пьесе «Шестое июля» показать вместо них одного Подвойского, который успел не однажды проявить свою некомпетентность в делах военных. Геннадий Фиш описал революционные события в Финляндии. Руководил революционными моряками Антонов-Овсеенко. Последовала команда «Убрать!». И писатель убрал его из своей книги «В июле семнадцатого».

Экскурсантам в Эрмитаже показывают лестницу, по которой Антонов-Овсеенко повел восставших во внутренние покои Зимнего дворца. Только вместо него называют другого. Того, кто умер в своей постели.

Подобное творилось тогда с многими именами многих революционеров.

Приход к власти Хрущева, его попытка разоблачить Сталина и реабилитировать миллионы жертв — историческая случайность. Такая же случайность, как неудача Берия. Сталинщина могла и не кончиться со смертью Сталина. При ином стечении обстоятельств Берия захватил бы власть и устроил всем новую «кровавую баню».

То была драка за власть в н у т р и кучки сталинских приспешников. Исход таких камерных битв предугадать трудно. Исторические закономерности на шайку разбойников не распространяются.

Для такого «случайного» вождя, как Никита Хрущев, после смерти не нашлось места у Кремлевской стены, где захоронены палачи. Вместе с главарем.

«А товарищ Сталин был необходим — таков закон диалектики» — сказал бы по этому поводу сам генсек.

Такова взаимосвязь случайности и необходимости. И все же верх взяла историческая справедливость. Она пришла в 1985 году, и в наших силах не поступаться ею впредь никогда.

Но еще немного диалектики. Из прошлого.

Разоблачение Сталина и реабилитация его жертв, по существу, процесс единый. Части его диалектически взаимосвязаны и, как показало время Брежнева, взаимозаменяемы. При нем дело обернулось реабилитацией Сталина и разоблачением «врагов», необдуманно — ох уж этот Хрущев!.. — реабилитированных.

Так завершилась эпоха позднего реабилитанса. Эпоха? Не громко ли для нескольких лет милостей, выдаваемых птичьими порциями?

Еще бы мне хотелось рассказать о...

— Довольно! Крышку!

Сборник Грозных Братов
— Илья! и Юдиль
≈ 150 лет
и др.
и др.
с различными...

В НАШИ ДНИ

...Сколько Указов вышло в последние годы о реабилитации. И ни одного об ответственности за преступления против народа России. Палачи — почти все — остались при своих регалиях — погонах и орденах, роскошных квартирах и виллах. Ожидать от них покаяния стало дурным тоном, этот мир они покидают с сознанием добросовестно исполненного долга. Кровавые деяния свои предлагают ценить как служение партии и народу. Такими были известные генералы карательной службы, как Иван Серов, Леонид Райхман, Павел Судоплатов, Владимир Боярский... Ни покаяния, ни возмездия.

В уголовном праве применяется срок давности, погашающий ответственность за совершенные преступления. Максимальный срок — 15 лет. В цивилизованных странах со времени Нюрнбергского процесса срок давности преступлений, совершенных против человечности, отменен. Многочисленные обращения общественности к Верховному Совету — последовать этому примеру не встретили понимания. Что это — приглашение к новым массовым казням?..

Я был в числе тех, кто в конце 70-х, оставив надежду на справедливое наказание организаторов террора, потребовал обнародовать их имена. Этого не было сделано, не делается и ныне, в эпоху так называемой гласности. Проблема люстрации, очищения остается нерешенной. Вот тут бы и сказать веское слово Комитету по правам человека при Президенте Российской Федерации. Когда же, наконец, Государственная Дума приступила к обсуждению соответствующего закона, председатель Комитета С. Ковалев сказал: «Этот закон только приведет к новой кампании поиска виноватых и усугубит раскол в обществе». Комментируя это заявление, кор-

респондент «Московского комсомольца» (в номере от 26.01.94) делает такое заключение: «С. Ковалев предлагает обществу делить ответственность за все преступления коммунистического режима. Но кто станет судьей? Кто определит меру ответственности палача и жертвы?»

Линию С. Ковалева на отчуждение правды и сохранение секретности проводят в жизнь его ставленники в Комиссии бывшего Моссовета и в московском «Мемориале». Однажды, в День политзаключенного, 30 октября, речь зашла о необходимости открыть архивы НКВД и предать гласности все секретные документы. А. Фельдман, председатель упомянутой Комиссии, в беседе с сотрудниками конторы «Мемориала» высказался категорически против: «Только после моей смерти!»

В тюрьму А. Фельдман угодил в 1951 году молодым человеком и, как он позднее публично признался: «дал много глупых показаний против других малознакомых людей». Сообщая об этом в своей брошюре «Рядовое дело», А. Фельдман уверяет читателей, будто по его наветам никто не был арестован... Написать такое, зная истинную цену доноса, мог только зрелый циник. Ведь он сам, Артем Фельдман, был приговорен к смертной казни за причастность к террору именно по доносу своего приятеля Романа, который обронил всего лишь одну «глупую» фразу, будто он в присутствии А. Фельдмана «допускал террористические высказывания»... Без этих слов Фельдман получил бы стандартные 10 лет за анекдоты, а не 25, которыми заменили потом расстрел.

О «своем» провокаторе, Александре Спиркине, я поведал еще в первом издании этой книги пятнадцать лет назад. Академики читали «Портрет тирана», нелегально завезенный в Россию, на русском и на английском. Однако, узнав о тюремных похождениях провокатора, не подвергли Спиркина бойкоту. В президиуме АН привыкли к предательству и доносам, и когда Спиркин созрел для звания действительного члена АН, чуть было не осенили его этим званием. Недавно сей философ с гордостью вещал на радио о своих страданиях и скромно внимал восторгам ведущей. Вместо наказания, вместо разоблачения — реабилитация...

В этой питательной среде сформировалась новая разно-

видность провокаторов. Когда-то они вершили свое черное дело втайне, смутное время позволило им выйти на сцену. За плечами некоторых — доносы на воле и в тюрьме, как у Фельдмана, например. Однако и у начинающих интриганство, страсть к подслушиванию, предательству и скандалам — в крови. Их разрушительная работа особенно заметна в объединениях репрессированных. Некий И. М. Элькин выдвинут руководителями «Мемориала» на роль представителя жертв ГУЛАГа на встречах с иностранцами и конференциях. На словах он, страдавший 30 лет на Колыме (?), держит сторону честных, неподкупных узников запроволочных зон, на деле служит узурпаторам, устраивает по их заданию гнусные провокации.

Валентину Тиханову привлек к работе сопредседатель Воля Лебединский. Постепенно, шаг за шагом, она завладела кабинетом, и, не изведав ни тюрем, ни лагерей, сделалась главным специалистом по истории ГУЛАГа, затем монополизировала поездки за границу с выставками. Но вот Фельдман решил избавиться от несогласного с произволом и коррупцией Лебединского. После погрома его кабинета, учиненного Токаревым и В. Мнацакановым, Тиханова потребовала у прокурора ареста Лебединского, бескорыстно служившего Объединению со дня его основания. На майской конференции 1994 года Тиханова заняла свой пост за столом мандатной комиссии, которая лишила делегатских мандатов негодных им членов объединения, в числе которых оказался даже узник Соловков и Колымы Лев Мартюхин. План провокации предусматривал «налет хулиганов», и как только к входу в зал, перекрытому Элькиным с товарищи, подошли престарелые лагерники, Тиханова кинулась за помощью в милицию.

Подобные сцены разыгрываются и в конторе «Мемориала», в помещении Ассоциации жертв незаконных репрессий, в некоторых первичных организациях. Там — свои провокаторы, свои режиссеры. Среди них встречаются лица с весьма сомнительным прошлым, едва прикрытым справками. Сколько фальшивых свидетельств о реабилитации было выдано нечистыми руками «благодетелей»? Компетентным ведомствам заниматься подобными пустяками недосуг...

Среди активистов движения попадают даже бывшие сотрудники НКВД. Один из них, именующий себя писателем, открыто поддерживает коррумпированное руководство «Мемориала». Не лучше обстоят дела и в других городах: распри, обман, драка за «власть»...

В наши дни ответственные посты в центре и на местах спешат занять бывшие партфункционеры, виновные в бедах народа. Привыкнув диктовать свою волю так называемым трудящимся массам, эти перевертыши вновь отравляют нашу жизнь. Бесжалостно расправляясь с теми, кто пытается разоблачить их в неправом деле, они с небывалой энергией тянут корабль вспять, на старый фарватер.

Разоблачение носителей зла невозможно без полной гласности и свободного доступа к архивным документам. Однако от секретности до сих пор никто не отказался. В ряде государственных архивов наложено чугунное табу на персональные дела. Срок действия запрета — 75 лет, — мера в цивилизованном мире уникальная. Что же до архива — НКВД — КГБ, то разговоры о передаче его на государственное хранение тоже остались лишь разговорами. И все же процесс разоблачения тоталитарного режима не прерывается, хотя в годы так называемого застоя все было сделано для того, чтобы погасить справедливое негодование стократно обманутого народа. Ныне поток очищения охватил литературу и периодическую печать, кино, телевидение, театр, искусство... Все громче звучат требования устроить судебный процесс над преступной партией, над Сталиным и его подручными. Однако далеко не всем дано прозреть, многим не хватает мужества отречься от преступного прошлого. Сталин остается для них Вождем Народов, генералиссимусом, строителем социализма.

...Из позорного ряда литераторов, воспевших и воспевающих тот режим, отберем лишь три имени: Феликса Чуева, именующего себя поэтом, Ивана Стаднюка и Александра Чаковского. Эти зачислены в писательское ведомство. Все вместе они могли бы пройти по разряду графоманов, но их объединяет не только это столь распространенное у нас качество. Главное в их писаниях — это попытка вызвать у читателя чувство почтения и преданности Сталину и его пре-

ступной клике, всем этим молотовым, ворошиловым, кагановичам, калининым...

Что до Лаврентия Берия, то разоблачение этого деятеля казалось всем нам необратимым. Но в последнее время стали слышны голоса, воздающие хвалу его организаторскому таланту и прозорливости. А недавно вышедшая из печати книга сына Берия побила все рекорды фальсификации. Если верить автору воспоминаний, то для того, чтобы причислить товарища Берия к лику святых, не хватает лишь золотого нимба. Но читатели вмиг раскупили многотысячный тираж, не считаясь с непомерно высокой ценой.

Да, не напрасно трудилась столько лет целая армия пропагандистов над выращиванием этого феномена — всеядного советского обывателя, несть ему числа. И нет на них управы, на ревнителей антинародного режима.

В Уголовный Кодекс включена статья, карающая за пропаганду войны. Давно пора сделать наказуемой пропаганду сталинизма и возвеличивание самого генералиссимуса.

* * *

Новое время придало процессу перестройки размах и заметное ускорение. Реально ощутимой стала гласность. Журнал «Известия ЦК КПСС» начал публикацию ранее никому недоступных документов. Член редколлегии Александр Яковлев возглавил Комиссию по реабилитации жертв террора. И тогда, с опозданием в четверть века, — если отмерять от XX съезда — последовала реабилитация Зиновьева, Каменева, Бухарина, Пятакова, Раковского... А так называемые открытые процессы оказались полностью сфальсифицированными. Было также объявлено о реабилитации миллионов крестьян, репрессированных в период «раскулачивания». Преступно-незаконным признано выселение народов, предпринятое Сталиным в военные годы.

Жертвы ГУЛАГа дождались государственной заботы о своем материальном положении. Только в этой области проявили странную непоследовательность: назначив добавление к обычной пенсии, поставили реабилитированных значительно ниже инвалидов войны. То же самое случилось со

льготами в налогообложении. По некоторым видам налогов предпочтение отдано даже ветеранам НКВД...

Закон о реабилитации жертв политических репрессий был принят 18 октября 1991 года, а в марте 1992 года вышло Постановление РФ о порядке выплаты компенсации и предоставлении льгот. Денежная компенсация была предусмотрена в размере 180 рублей за каждый месяц лишения свободы, причем выплату ограничили 25-ю тысячами рублей. Таким образом, тех, кому выпало на долю более 12 лет тюремных и лагерных страданий, лишили равной со всеми компенсации. Но ведь сам принцип определения суммы выплаты противоречит пункту 5 статьи 9 Международного пакта, согласно которому жертва незаконных репрессий имеет право на компенсацию, обладающую и с к о в о й силой. Таким образом, узник ГУЛАГа имеет право лично в судебном иске определять размер нанесенного ему ущерба.

Но этим беды реабилитированных не ограничиваются. Пока дело дошло до выплаты, минуло полгода — шесть месяцев безудержной инфляции, и месячная компенсация обернулась одним килограммом колбасы...

Для сравнения приведем лишь один пример из государственной практики Германии: там жертвам нацистского режима (около 3 миллионов человек) выплатили 70 миллиардов долларов и применяют систему справедливых льгот, не унижающих человеческого достоинства.

Как это ни печально, всякое доброе дело возбуждает энергию ловких людей. Кто знает, сколько самозванцев сумели получить свидетельство о реабилитации, воспользовавшись глубоким сном контролирующих органов... Бывший председатель комиссии Моссовета А. Фельдман щедрой рукой раздавал свидетельства жаждущим льготных благ приятелям. Не был забыт и член комиссии В. Янин, хотя к репрессиям имел весьма условное отношение. Будучи в прошлом партфункционером, он признает только членов КПСС и активно третирует узников ГУЛАГа. К сожалению, он не один такой, бывший сопредседатель Московского объединения Янин.

В последние годы в различных газетах столицы и самых отдаленных регионах России опубликованы «расстрельные списки» жертв массового террора. В свет вышло уже несколько книг-мартирологов. За этими публикациями стоит

многодневный труд исследователей-энтузиастов, которым до сих пор оказывают посильное сопротивление некоторые заслуженные чины бывшего НКВД, особенно в провинции.

На территории страны обнаружены тайные захоронения казненных и замученных в лагерях, и вновь выходят из-за кулис радетели антинародного режима. Они яростно противятся огласке и со знанием дела, оперативно уничтожают следы трагедии.

В одной лишь Москве обнаружено двенадцать таких мест, и добровольцы — когда с помощью правительства, когда и без нее — устанавливают памятные знаки. Они уже есть на Донском и Ваганьковском кладбищах. Третий, на Алтуфьевском шоссе, успели уничтожить злые руки.

Обнаруженные в Бутово глубокие рвы заполнены останками более десятки тысяч казненных. Тайный могильник окружен забором, часть территории закрыта фруктовым садом. Рядом — дачи генералов НКВД, туда заглядывать не рекомендуют. А сюда, за ограду, трупы свозили на протяжении без малого 17 расстрельных лет — с 1936 по 1953. Во сколько раз уменьшены масштабы преступления, выходят ли рвы за ограду? Ответ на эти вопросы может дать специальная экспертиза.

Неподалеку — еще одно место — на территории совхоза «Коммунарка», где находилась дача Генриха Ягоды. Там якобы захоронен прах казненных сотрудников НКВД. Кое-кто предлагает поставить этим «безвинным» жертвам произвола памятник. На этот раз списки репрессированных чекистов нам не представили, но попытки реабилитировать подручных Ягоды, Ежова и Берия вполне реальны.

Ныне памятники жертвам сталинского террора установили во многих городах — от Воркуты до Магадана. В Москве долго не удавалось это сделать, искали средства и исполнителей — скульптора, архитектора... Но вот инициативная группа во главе с Татьяной Смилгой организовала доставку с далеких Соловков огромного валуна. И этот памятник, Соловецкий камень, установлен на Лубянской площади 30 октября близ здания, которое в советское время было символом зла и насилия, угрозой жизни целых народов.

30 октября стало Днем политзаключенных, Днем братства жертв тоталитарного режима и поминовения погибших. Но не

для всех. Нашлись в «Мемориале» мздоимцы и карьеристы, способные глумиться над жертвами тоталитарного режима, унижая их достоинство, оскорбляя даже женщин площадной бранью. Предназначенная в первую очередь узникам ГУЛАГа гуманитарная помощь попадает к ним редко, выборочно. Взяв на себя приятные обязанности благодетелей, такие ловкие дельцы, как Мнацаканов, Токарев, Тиханова, Дунаева, превратили материальную помощь в средство подкупа и подавления воли рядовых членов «Мемориала». Тем же, кто недоволен диктатом проходимцев, Дунаева и Мнацаканов угрожают физической расправой. Они же по-хулигански срывают мероприятия старейшин движения и устраивают фальшивые выборы делегатов конференций и руководящих органов. Правоохранительные органы вмешиваться в деятельность общественных объединений не решаются, критические статьи узурпаторы игнорируют, уповая на высокое покровительство С. Ковалева, председателя Комитета по правам человека. Это он, С. Ковалев, действуя через своих ближайших помощников Рогинского и Орлова, способствовал перерождению «Мемориала». С. Ковалев является непосредственным виновником раскола нашего движения и разгула коррупции. Его установка на отчуждение старшего поколения узников ГУЛАГа и противопоставление ему бывших диссидентов, покровительство стяжателям и фальшивым лидерам, внедрение системы подкупа и запугивания, организация неполномочных конференций, расправа над честными активистами, — все это ущемляет права лагерных страдальцев и членов их семей и отвращает от участия в работе всех основателей «Мемориала»; главный правозащитник постепенно превращается в придаток к своему кабинету. Активно выступая в защиту прав реабилитированных, С. Ковалев в то же время позволяет себе глумиться над нами. В одной из статей, опубликованной в журнале «Новое время», он, упомянув старых узников, заявил, что это люди с «деформированным правосознанием» и намекнул на то, что их интересы ограничены «валенками с калошами»...

20 февраля 1993 года «Независимая газета» опубликовала обращение, подписанное Еленой Боннэр, Лидией Чуковской, Булатом Окуджава, Анатолием Жигулиным и другими общественными деятелями, обеспокоенными судьбой «Мемориала»

и положением реабилитированных политзаключенных. Дом на Малом Каретном в Москве перестал быть для них родным домом. Выступая перед отечественной и зарубежной общественностью от имени жертв массового террора, сотрудники аппарата замкнулись на своих личных интересах. Они обособились в трех центрах, каждый со своим уставом, своей ревизионной комиссией, своим валютным счетом в банке. Все контакты с заграничными фондами засекречены и — никаких отчетов перед безгласной общественностью. Зарубежные поездки на конференции и семинары монополизированы и тоже засекречены, в органах печати и на телевидении — свои люди... В «Мемориале» окопались семейные кланы, их девиз — «Обогащайтесь!». Олесь Адамович, незадолго до кончины ознакомившись с ситуацией, с горечью заметил: «Почуяли валюту, и будто все взбесились».

...Одним за другим уходят из жизни униженные, обездоленные узники сталинского ГУЛАГа. Так будет до тех пор, пока дело реабилитации не возьмут в свои руки люди с чистыми помыслами и добрым сердцем.

1994, ноябрь.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>В. Логинов. Об этой книге и ее авторе</i>	3
<i>От автора</i>	5

КАК ЭТО ЕМУ УДАЛОСЬ?

Проба первая	10
Проба вторая	15
Оппоненты	21
Флейта Силена	25
Драка за кресло	30
Тактика	32
Последние ступени	41
Кремлевский птицелов	45

ИОСИФ-СТРОИТЕЛЬ

Мужикоборец (<i>Деревенский погром</i>)	48
Индустриализитор (<i>Второй скачок</i>)	66
Победитель	81
Убийца Кирова	90
Великий почин	116
Лично причастен	128
Гибель Серго	152
Под корни!	167
Его люди	181
Сталин забавляется	208
Заботы... заботы...	216
Армия без командиров	223
«Поцелуй злодею ручку...»	251
Кого он оставил?	263
Некоторые итоги	269
Воздух эпохи	277

ГОРНЫЙ ОРЕЛ

Без маски	288
Провокатор	321
Смерть Надежды Аллилуевой	335
С вечностью на «ты» (<i>Божество</i>)	343
Они нашли друг друга	355
Во главе «пятой колонны»	369
Тирану скучно стало	394
1953	415
Разоблачение?	430
Реабилитация?	443
В наши дни	469

Москва, «Грэгори-Пэйдж», 1994
А. Антонов-Овсеенко
«Портрет тирана»

Издание литературно-художественное

Все права на распространение данного издания
принадлежат фирме «Грэгори-Пэйдж»

Контактные телефоны

124-6444

129-5263

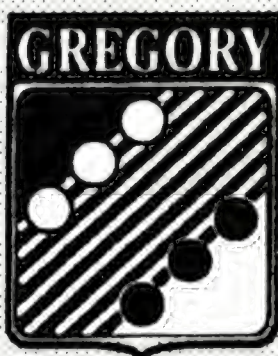
ЛР-070830

Подписано в печать 25.11.94. Формат 84x108/32.
Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс».
Печать высокая. Усл. печ. л. 35,20. Тираж 20 000 экз.
Заказ № 2608.

Издательство «Грэгори-Пэйдж».
Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 43

Отпечатано
на ордена Трудового Красного Знамени
ПО «Детская книга» Роскомпечати.
127018, Москва, Суцевский вал, 49

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот»

ГРЭГОРИ

пэйдж

- * торгуем по безналичному расчету
- * предоставляем отсрочки по платежам
- * осуществляем отправку контейнерами, почтово-багажными вагонами
- * осуществляем доставку своим автотранспортом на расстояние до 1000 км
- * привлекательная система скидок (до 20% и более) на оптовые партии
- * ежемесячные оптовые распродажи
- * помогаем в размещении покупателей в гостиницах
- * рассылаем ассортиментный список по факсу
- * таможенное оформление купленного у нас товара.

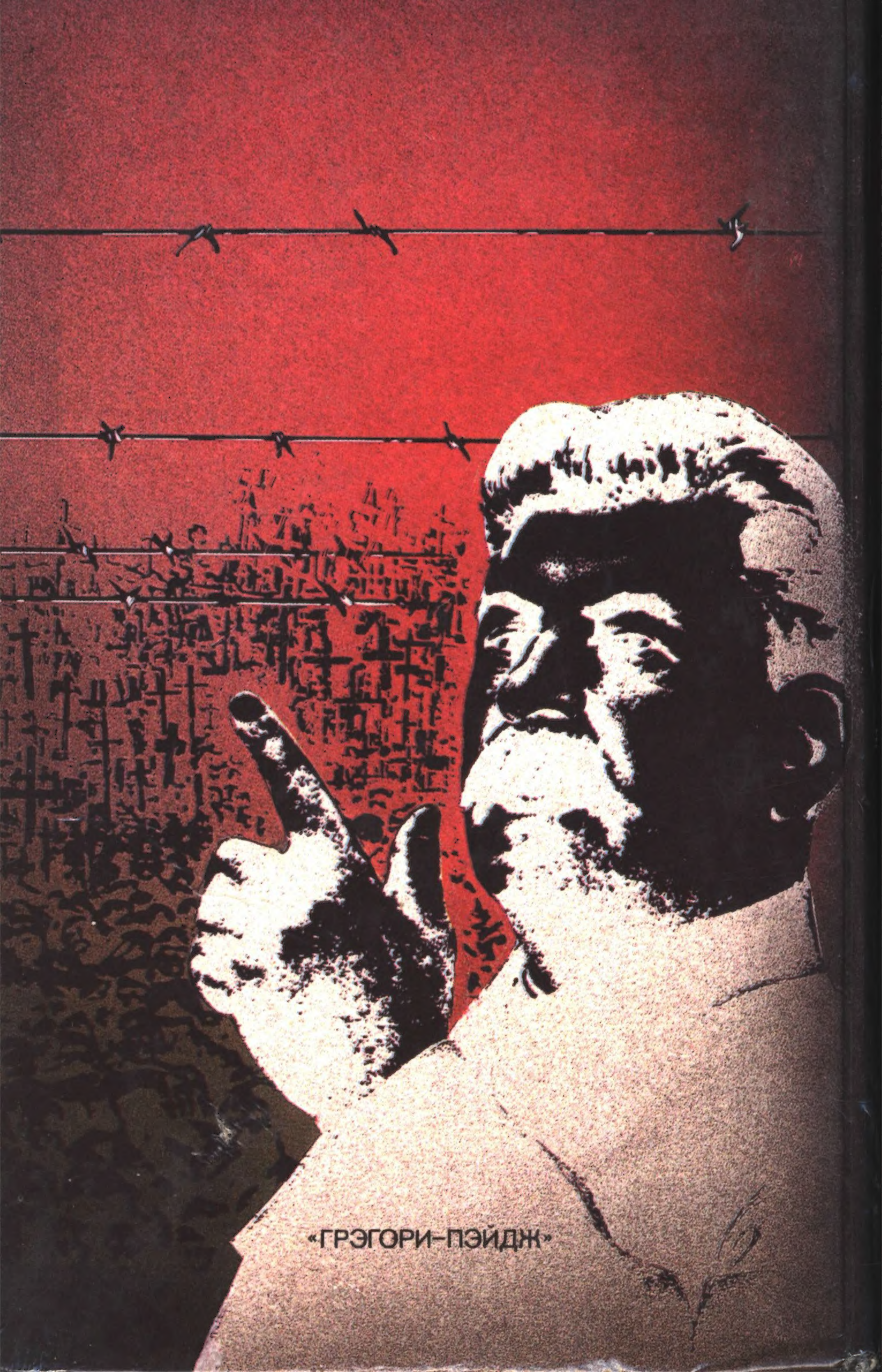
Контактный телефон (095)124-6444, 129-5263

Адрес склада: Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 43, кор. 1

15000

9500-

«ГРЭГОРИ-ПЭЙДЖ»

А. АНТОНОВ-ОВСЕНКО

ПОПЫТКА ТРАПЕЦЕВ